

Научно-информационный центр «Мемориал»

А. Н. Алексеев
Р. И. Ленчовский

ПРОФЕССИЯ – СОЦИОЛОГ

(Из опыта драматической социологии:
события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только)

Документы, наблюдения, рефлексии

Том 2

НОРМА

Санкт-Петербург
2010

УДК 304.3+316.728
ББК 60.5
А47

Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И.

Профессия — социолог (Из опыта драматической социологии: события в
А47 СИ РАН — 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. —
СПб.: Норма, 2010. — Т. 2. — 568 с.
ISBN 978-5-87857-173-9

Настоящая книга преследует по крайней мере три цели: *документально-описательную, аналитическую и методологическую*.

Первая состоит в том, чтобы документально отобразить, насколько возможно полно и объективно, конкретную личностно-организационную и ценностно-профессиональную коллизию в одном из российских академических институтов, а именно: в петербургском Социологическом институте РАН (СИ РАН). Вторая — попытка на этом и других примерах показать, в частности, путем включения аналитических материалов, принадлежащих разным авторам, некоторые универсальные социальные механизмы современной научной (а в известной мере и шире — общественной) жизни. Третья предполагает дальнейшую разработку и реализацию идей акционистского подхода в социологии, в частности, тех его разновидностей, которые представлены понятиями *наблюдающее участие*, *драматическая социология*, *экзистенциальная коммуникация* и др.

Это — то, чем данная работа может быть интересна для социологов. Но она ориентирована также и на более широкий круг читателей, интересующихся социально-гуманитарной проблематикой.

Книга состоит из двух частей. Первые три главы, образующие часть 1, под названием «*Кейс*», посвящены как бы частному случаю: «Казус СИ РАН в зеркале документов и экспертных суждений». Остальные семь глав, составляющие часть 2, под названием «*Контексты*», вводят этот случай в более широкий профессиональный и общественный, а также историко-научный контекст.

В силу чисто производственных обстоятельств книга разделена на четыре тома. Том 1 включает в себя всю часть 1, том 2 — четыре главы из части 2, том 3 — остальные три главы из части 2. Кроме того, глава без номера, посвященная «случаю» Охта-центра, вынесена в отдельный 4-й том.

Научные рецензенты:

В. Н. Дмитриевский, доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник
Государственного института искусствознания (Москва, Россия)
Дм. Н. Шалин, профессор Университета Невады (Лас-Вегас, США)

© Алексеев А. Н., 2010
© Баранцев Р. Г., 2010
© Батенкова Е. В., 2010
© Бачинин В. А., 2010
© Беляков В. Г., 2010
© Бродский Д. А., 2010
© Винников А. Я., 2010
© Гилинский Я. И., 2010
© Дмитриевский В. Н., 2010
© Докторов, Б. З., 2010
© Дудченко Л. К., 2010
© Заславская Т. И., 2010
© Здравомыслов А. Г., 2010
© Ильин В. И., 2010
© Карпов А. С., 2010

© Кетегат А. А., 2010
© Кон И. С., 2010
© Корнев Н. Р., 2010
© Косинова Т. Ф., 2010
© Ламден Д. И., 2010
© Левин М. Б., 2010
© Ленчовский Р. И., 2010
© Манаев О. Т., 2010
© Моргачева Т. В., 2010
© Новиковский И. А., 2010
© Павлов И. Ю., 2010
© Протасенко Т. З., 2010
© Рапопорт С. С., 2010
© Ронкин В. Е., 2010
© Саганенко Г. И., 2010

© Сарно А. А., 2010
© Смирнова Е. Э., 2010
© Сокирко В. В., 2010
© Ткаченко Л. Н., 2010
© Фирсов Б. М., 2010
© Флиге И. А., 2010
© Цой Л. Н., 2010
© Чесноков С. В., 2010
© Хмелько В. Е., 2010
© Шелли П. Б., 2010
© Шляпентох В. Э., 2010
© Щеголев Ю. А., 2010
© Ядов В. А., 2010
© Норма, 2010

А. Н. Алексеев
Р. И. Ленчовский

ПРОФЕССИЯ – СОЦИОЛОГ

(Из опыта драматической социологии:
События в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только)
Документы, наблюдения, рефлексии

Содержание томов 1-4

Том 1

Предисловие

Часть 1 . Кейс

Экспозиции 1 и 2

Глава 1. Казус СИ РАН в зеркале документов и экспертных суждений

Глава 2. Казус СИ РАН в зеркале документов и экспертных суждений
(продолжение)

Глава 3. Казус СИ РАН в зеркале документов и экспертных суждений
(окончание)

Папка 1. СИ РАН – 2008

Папка 2. СИ РАН – 2009

Приложение к части 1. Инциденты

Том 2

«Профессия – социолог»: открывая том 2

Часть 2. Контексты

Глава 4. Истоки казуса СИ РАН (Из «Драматической социологии – 2»)

Глава 5. Наблюдающее участие (методологический контекст)

Глава 6. Социология: вопросы истории и методологии

Папка 1. К истории отечественной социологии «в лицах»

Папка 2. Теоретико-методологическая и науковедческая рефлексия

Папка 3. Инновационный драйв

Глава 7. Память поколений

Приложение к главам 1-7. Dramatic Sociology and Observer Participation

Том 3

«Профессия — социолог»: открывая том 3

Часть 2. Контексты (продолжение)

Глава 8. По горячим следам

Папка 1. Из жизни социологического сообщества

Папка 2. Проблемы общественной жизни

Глава 9. Хроника текущих событий (обыск в «Мемориале» и не только)

Папка 1. Атака на «Мемориал» (2008-2009)

Папка 2. Из ленты новостей — 2009

Глава 10. ...не последняя?

Приложение к частям 1 и 2. «Профессия — социолог» глазами коллег и друзей, в процессе написания книги

Послесловие

Том 4

«Профессия — социолог»: открывая том 4

Глава без номера (после послесловия). «Случай» Охта-центра и вокруг него

Еще некоторые методологические замечания «под занавес»

Нерепрезентативная выборка (из книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия — социолог...»)

Research and Information Center Memorial

**Andrei N. Alekseev
Roman I. Lenchovsky**

PROFESSION: SOCIOLOGIST

**The Dramatic Sociology Approach
to the SI RAS Affair in 2008 / 2009 and More)**

Documents, Observations, and Reflections

Volume 2

HOPMA

Saint-Petersburg

2010

Andrei N. Alekseev, Roman I. Lenchovsky.

Profession: Sociologist. The Dramatic Sociology Approach to the SI RAS Affair in 2008 / 2009 and More. Documents, Observations, and Reflections. — Saint-Petersburg: Norma, 2010. — Volume 2. — 568 p.

This book has at least three purposes: a documentary-descriptive, an analytical and a methodological one.

The first one is to document as fully and objectively as possible a concrete personal and professional conflict, which took place in the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg). The second purpose is to attempt to show on this and other examples some universal social mechanisms of a modern scientific (and in a certain way social) life by including analytical materials from various authors. The third one aims at further development and realization of ideas, which derive from the action-oriented approach in sociology. We mean, in particular, approaches based on observer participation, dramatic sociology, existential communication, etc.

Those are subjects, which could be interesting to sociologists, historians, philosophers, as well as other scholars, who are focusing on problems of social life. At the same time it could be recommended to all those, who are ready to accept the famous Goethe's statement: «A well stated special case could be always considered a general one».

There are two parts in this book. Part 1 includes three chapters and is titled «The Case». In it a special case named «The SI RAS Affair in Documents and Expert Assessments» is considered. Part 2, named «Contexts», combines other seven chapters. There, the SI RAS Affair is placed in the general professional, social, and historical context.

For solely technical reasons, the book is published in four volumes. Volume 1 covers all of Part 1. Volume 2 consists of the first four chapters of Part 2. Volume 3 presents the remaining three chapters of Part 2. Finally, an unnumbered chapter that depicts the case of Okhta Center is published separately as Volume 4.

Academic Reviewers:

Vitaly N. Dmitrievsky, Ph.D. in Theory of Arts, Professor, The State Institute for Art Studies (Moscow, Russia)
Dmitri N. Shalin, Ph. D., Professor of Sociology, The University of Nevada, Las Vegas (U.S.A.)

Andrei N. Alekseev
Roman I. Lenchovsky

PROFESSION: SOCIOLOGIST

The Dramatic Sociology Approach to the SI RAS Affair in 2008 / 2009 and More.
Documents, Observations, and Reflections.

Contents (volumes 1-4)

Volume 1

Foreword

Part 1. The Case

Exhibits 1 and 2

Chapter 1. The SI RAS Affair in Documents and Expert Assessments

Chapter 2. The SI RAS Affair in Documents and Expert Assessments Continued

Chapter 3. The SI RAS Affair in Documents and Expert Assessments. Conclusion

Folder 1. The SI RAS – 2008

Folder 2. The SI RAS – 2009

Appendix to Part 1. Incidents

Volume 2

«Profession: Sociologist». As you open Volume 2

Part 2. The Contexts

Chapter 4. The SI RAS Affair Origins. From Dramatic Sociology – 2

Chapter 5. The Method: Observer Participation. The Methodological Context

Chapter 6. Sociology: Issues of History and Methodology

Folder 1. A History of Russian Sociology through its Dramatis Personae

Folder 2. Reflections in Theory, Methodology, and Science Studies

Folder 3. The Innovative Drive

Chapter 7. The Memory of Generations

Appendix to Chapters 1-7. Dramatic Sociology and Observer Participation

Volume 3

«Profession: Sociologist». As you open Volume 3

Part 2. The Contexts Continued

Chapter 8. While the Trail is Hot

Folder 1. Of the Life of the Sociological Community

Folder 2. Problems of Social Life

Chapter 9. The Chronicle of Current Events. The Search in the Memorial Society and more

Folder 1. The Memorial Society under Attack. 2008-2009

Folder 2. From the News Flow – 2009

Chapter 10 and Final. Or Is It?

Appendix to Parts 1 and 2. Writing the Book: «Profession: Sociologist». Reactions of Colleagues and Friends.

Concluding Remarks

Volume 4

«Profession: Sociologist». As you open Volume 4

Chapter Unnumbered. Beyond Concluding Remarks. The Case of Okhta Center and Related Developments

Some Further Methodological Remarks to Wrap It up

A Non-representative Sample. From «Profession: Sociologist»
by Andrei N. Alekseev, Roman I. Lenchovsky

Содержание тома 2

«Профессия – социолог»: открывая том 2	15
--	----

Часть 2. Контексты (начало)

Глава 4

Истоки казуса СИ РАН (Из «Драматической социологии – 2»)

Несколько вступительных слов	18
4.1. «Наметившийся распад коллектива удручает. Конечно, перелом зависит не только от руководства...» (апрель 1999) (авт. – А. Алексеев).....	20
= Приложение. «Нарочно не придумаешь...»	24
4.2. О создании Социологического института РАН на базе Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН (2000) (авт. – А. Алексеев)	25
= Приложение 1. О первых пяти годах работы Санкт-Петербургского (Ленинградского) филиала Института социологии РАН (АН СССР).....	37
= Приложение 2. Из статьи Б. Максимова «Двадцать лет исследования и со-творения трансформаций»	39
4.3. Открытое письмо Г. И. Саганенко Вице-президенту РАН В. Н. Кудрявцеву (2000)	40
4.4. К разработке Устава СИ РАН (февраль 2000) (авт. – А. Алексеев) ...	43
4.5. Надбавки к окладам и проч. (февраль 2000)	47
4.6. Результаты опроса сотрудников СПбФ ИС РАН, посвященного ситуации в коллективе Института (март 2000) (авт. – А. Алексеев) ...	49
= Приложение. Анкета для сотрудников СПбФ ИС РАН «Ваш взгляд в недавнее прошлое, настоящее и будущее Института»	64
4.7. Нехорошо, Сергей Исаевич! (март 2000) (авт. – А. Алексеев)	68
4.8. Собрание трудового коллектива «не существующего» института (4 апреля 2000 г.)	71
4.9. Из переписки с Академией наук (март 2000) (авт. – А. Алексеев)	87
4.10. Письмо директору Института социологии РАН (январь 2002)	91
4.11. «А. В. Тихонову и другим заинтересованным коллегам» (ноябрь– декабрь 2009) (авт. – А. Алексеев)	93
4.11.1. Ситуация в Социологическом институте РАН, по состоянию на ноябрь 2002 г.	93
4.11.2. К вопросу о структуре основных научных направлений СИ РАН	99

4.11.3.	К перспективе оздоровления обстановки в Социологическом институте РАН	102
4.12.	«Хотели хорошего, но... не успели» (2003) (авт. — А. Алексеев)	110
4.13.	Несколько лет спустя: предвестия будущего обвала (из протоколов наблюдающего участника СИ РАН — 2007).....	114
4.14.	Еще два года спустя: позиция социологического сообщества.....	135

Глава 5

Наблюдающее участие (методологический контекст)

5.1.	Два года тому назад: заседание Ученого совета СИ РАН 25.01.2007....	139
5.1.1.	О «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (доклад А. Алексеева)	139
5.1.2.	Российские типы христианского правосознания (тезисы доклада В. Бачинина).....	153
5.2.	Восемь лет назад: доклад на Первом всероссийском социологическом конгрессе (сентябрь 2000) (авт. — А. Алексеев)	155
5.3.	Самонаблюдение и ауторефлексия в контексте драматической социологии (авт. — А. Алексеев)	159
5.4.	Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология»?) (авт. — А. Алексеев, Б. Докторов)	161
	= Приложение 1. Автостенограмма заявления при вручении премии СПАС (2007).....	168
	= Приложение 2. Решение секции прикладной социологии Совета по общественным наукам (октябрь 1987)	169
	= Приложение 3. Из рассылки Европейского университета в СПб от 9.04.2009.....	170
5.5.	Власть, метод, социолог: диалог оппонентов (авт. — Т. Протасенко; А. Алексеев)	171
	= Приложение. Методологические проблемы исследования «случаев» в социологии (авт. — А. Алексеев).....	178
5.6.	В. А. Ядов — о «наблюдающем участии»	178
	= Приложение 1. О качественных исследованиях, социологической интервенции и наблюдающем участии	180
	= Приложение 2. Невыключаемое наблюдение	182
5.7.	Лидия Ткаченко — о «Драматической социологии...» (май-сентябрь 2008)	183
	= Приложение 1 к главе 5. Из материалов к докладу 25.01.2007 (авт. — А. Алексеев)	201
	= Приложение 2 к главе 5. Участие. Наблюдение. Рефлексия.....	206
	= Приложение 3 к главе 5. Социология как способ жизни	207

Глава 6

Социология: вопросы истории и методологии

Папка 1. К истории отечественной социологии «в лицах»

6.1.	Личностное науковедение (на примере современной российской социологии) (авт. — А. Алексеев)	207
	= Приложение 1. Конференция, посвященная Ленинградской социологической школе	217
	= Приложение 2. «Взрослые люди» Любови Борусяк	218
6.2.	Имена и лики нашей социологии	219
6.2.1.	Человек естественный (Памяти Ю. А. Левады)	219
	= Приложение. Из дневника проф. М. Л. Полупортыцева в Кярияку	223
6.2.2.	Вольнодумцы и инакодействующие (о книге Б. Фирсова «Разномыслие в СССР...») (авт. — А. Алексеев; Б. Фирсов)	225
6.2.3.	Рукопись, которая не сгорела (Памяти А. С. Соснина)	238
6.2.4.	Памяти Вячеслава и Людмилы Дудченко	241
6.2.5.	«Валерий Голофаст — из тех, чей уход опустынивание земли...» (авт. — С. Рапопорт; А. Кетегат)	248
6.2.6.	О журнале «Телескоп» и его редакторе (М. Илле)	252
6.2.7.	«Интеллект, провидчество, гражданская активность; щедрая и открытая душа...» (Коллеги — о Леониде Гордоне) (авт. — В. Голофаст; Б. Докторов; А. Назимова; В. Шейнис; В. Шляпентох; В. Шубкин)	255
6.2.8.	Старшая Младшая сестра (поклон Ольге Старовойтовой)	260
6.2.9.	Феномен Виктора Сокирко. «Многосторонность и целостность Вашего таланта и семейного тандема...»	261
6.2.9.a.	«80 лет одиночества» (И. С. Кон)	268
6.2.10.	Эти недосыгаемые старики (Григорий Померанц и Тамара Петкевич)	270
6.2.11.	«Арифметика Кесельмана»	272
6.2.12.	«Социологи-расстриги»: Юрий Щеголев, Сергей Розет и другие (авт. — А. Кетегат)	272
6.2.12a.	Журналист, социолог, security (Михаил Левин)	276
6.2.13.	«Аспид» (отрывок) (авт. — А. Кетегат)	278
6.2.14.	Тяготение, которое не тяготит. В. А. Ядову — 80 лет (авт. — А. Алексеев)	279
	= Приложение 1. В. Ядов, Г. Марчук, Б. Фирсов (из воспоминаний Б. Фирсова)	282
	= Приложение 2. В. Ядов, Б. Максимов, А. Алексеев (из воспоминаний Б. Максимова)	283

6.2.15. И еще о Ядове (авт. – Б. Докторов)	284
= Приложение. Ядов на Полит.Ру и не только	291
6.2.16. Николай Корнев: «Социолог. Но о микробах, по-прежнему любимых, неизменно вспоминаю...»	292
6.2.17. Альфред Сарно: «Ловушка» (Еще один опыт наблюдающего участия в собственной жизни)	298
6.2.18. «Скажи нам: «Будет лучше!»» (К 75-летию Я. И. Гилинского) (авт. – Б. Докторов)	308
6.2.18.a. Памяти Бориса Беликова	310
6.2.18.b. Маршал социологии науки и первопроходец российской социологии Самуил Кугель	312
6.2.19. «Дар компетентного признания». Из интервью-беседы о киевском социологе В. Ф. Черноволенко (авт. – В. Хмелько, Р. Ленчовский)	313
6.2.20. Олег Манаев, социолог и общественный деятель	318
6.2.21. Шестидесятники (Памяти А. Г. Здравомыслова) (авт. – В. Ильин)	326

Папка 2: Методологическая и науковедческая рефлексия

6.3. А. Здравомыслов: О теоретическом плюрализме в социологии	328
6.4. От синкретизма – через дифференциацию – к синтезу (авт. – А. Алексеев)	331
= Приложение. Две тринитарных модели	340
6.5. Размышления о науке («Троицкий вариант») (авт. – Р. Фрумкина) ...	341
6.6. Б. Докторов: К генезису современной российской социологии: второе рождение, а затем – возрождение	343
6.7. Социология и театр (авт.- О. Божков)	355
= Приложение. «Ваше мнение о спектакле»	366

Папка 3. Инновационный драйв

6.8. Позитивные девиации (Из книги Я. Гилинского «Девиантология») .	368
6.9. Уличный университет в СПб (2008-2009)	371
6.10. Самоорганизация науки: инициатива снизу (авт. – М. Конашев; А. Алексеев)	382
6.11. «Значимые научные результаты достигаются любопытством и интеллектуальным поиском отдельных людей...» (февраль 2008).....	386
= Приложение 1 к главе 6. Воспоминание о Кязэрику.	
Л. Н. Столович (авт. – А. Алексеев)	388
= Приложение 2 к главе 6. А. Алексеев: «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко...» (фрагмент биографического интервью)	391

= Приложение 3 к главе 6. Биокритическая герменевтика (авт. — Д. Шалин)	414
= Приложение 4 к главе 6. Ю. Плюсин: «Движение по пространству объекта, анализ этого пространства и размышления о том, что составляет суть этого объекта...»	420
= Приложение 5 к главе 6. Попытка «академической зачистки». «Случай» Олега Манаева (Беларусь)	421
= Приложение 6 к главе 6. Памяти Валентины Чесноковой (1934-2010)...433	

Глава 7

Память поколений

7.1. Взгляд в прошлое — послание в будущее (авт. — А. Алексеев)	441
7.1.1. Фамильная ценность и семейная память (к постановке вопроса)	441
7.1.2. Эстафета памяти — 1. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования	443
7.1.3. Эстафета памяти — 2. Мотивы, формы и роль автобиографических повествований	449
7.2. Корни и ветви. Семейные хроники	451
7.2.1. «Коротка моя память...» (авт. — А. Алексеев)	451
7.2.2. «Я хочу рассказать о своих семейных корнях...» (авт. — И. Новиковский)	453
7.2.a. «Самая большая беда России сегодня — что она родства не помнит...» (авт. — Г. Трубников)	469
7.3. «Все мы родственники...» (народная генеалогия)	473
7.4. Личная переписка как документ биографии и истории (авт. — А. Алексеев)	478
7.5. «Дар следующим...».	479
7.5.1. Несколько слов о Рэме Баранцеве и его «мемуарах»	479
7.5.2. Из «Автографии» Р. Баранцева	482
= Приложение. Еще о мемуарном и эпистолярном жанрах	486
7.6. Тезисы о биографии и со-бытии человека (авт. — А. Алексеев)	487
= Приложение 1. О документальном фильме «Подстрочник»	490
= Приложение 2. Из переписки со-умышленников (авт. — Б. Докторов; А. Алексеев)	493
7.7. «Далеко-близко...»	
7.7.1. Память индивидуальная и коллективная, семейная и историческая (актуальная проблема соотношения) (авт. — А. Алексеев)	497

7.7.2.	А. Кетегат. «Матрешка» социальной памяти	503
7.7.3.	А. Сарно. Памятники	505
7.8.	«Право на имя». Чтения памяти В. В. Иофе (2003-2009) (авт. — И. Флиге, Т. Косинова)	513
	= Приложение. Из программ Чтений памяти Иофе	516
7.9.	«Алексеевский Архив»	522
	= Приложение: «Альт-Софт»: информатизация культуры	525
7.9.a.	История, совершавшаяся нами самими	527
	= Приложение. Рационализм — нравственность — прозорливость	529
7.10.	О принципе свободы личного национального самоопределения (Документальная хроника ч. 1 ст. 26 Конституции России) (авт. — А. Алексеев; Р. Ленчовский)	530
	= Приложение 1 к главе 7. Из автобиографического очерка Витольда Залесского «Воспоминания и размышления»	536
	= Приложение 2 к главе 7. Делай то, что никто за тебя не сделает	537
	= Приложение 3 к главе 7. Памяти Валерия Ронкина	538
	= Приложение к главам 1-7. Dramatic Sociology and Observer Participation	562

«Профессия – социолог»: открывая том 2

Предполагается, что читатель уже знаком с частью 1 (томом 1) настоящей книги. Там подробно рассмотрены «события в Социологическом институте (СИ) РАН 2008 / 2009». Теперь обратимся к многообразным контекстам этого кейса.

Напомним, что под **контекстом** мы понимаем совокупность, множество событий и ситуаций, находящихся в прямой или опосредованной связи с тем случаем, который избран в качестве приоритетного предмета исследования. В понятие контекста так или иначе входят причины и следствия, факторы и продукты, среда и фон... Без контекста не существует события. И не обратившись к контексту, невозможно событие понять или объяснить.

Таким образом, исследование случая (кейз-стади) необходимо предполагает изучение или хотя бы обозрение контекста.

Как видно уже из оглавления, контекст трактуется нами в широком смысле, или (что в известном смысле то же самое) мы предполагаем множественность контекстов. Можно говорить о ближайшем и отдаленном контекстах, об историческом и личностном (экзистенциальном), синхроническом и диахроническом, о контекстах научном, культурном (социокультурном), политическом, социоэкономическом, и т. д., и т. п.

Обозначим те контексты, которые рассматриваются в главах 4 -7, занимающих том 2 этой книги:

- ближняя и дальняя история того же самого академического института, и шире – петербургского социологического сообщества (глава 4: «Истоки казуса (Из опыта «Драматической социологии – 2»));

- методология и практика наблюдающего участия как социологического метода или исследовательского подхода (глава 5: «Наблюдающее участие (методологический контекст)»);

- история новейшей российской (советской и постсоветской) социологии и науковедческая рефлексия (глава 6: «Социология: вопросы истории и методологии»);

- теория и методология биографических исследований, проблем социальной памяти в разных ее ипостасях, свободы национального самоопределения личности и др. (глава 7: «Память поколений»).

Здесь повторим сказанное ранее в Предисловии (см. том 1): представленные в этой книге материалы частично уже обрели публичную жизнь в ряде публикаций, особенно сетевых. Назовем лишь некоторые из них.

а) Документальная композиция под названием «События в СИ РАН в зеркале документов и экспертных суждений (май-сентябрь 2008)» размещена на американско-российском сайте «Международная биографическая инициатива» (МБИ), посвященном истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода¹.

¹ Главная страница сайта «Международная биографическая инициатива» (МБИ): <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. (Руководители проекта – проф.

б) На сайте просветительно-правозащитной группы «Обратная связь» можно ознакомиться с собранием документов под названием «События в Социологическом институте РАН как ситуация, моделирующая современные процессы в российской общественной науке»².

в) Основные моменты «событий в СИ РАН» получили отражение в тексте Открытого письма трех петербургских социологов (В. Бачинин, Г. Саганенко, Е. Смирнова) Президенту РФ Д. Медведеву. Это Открытое письмо в марте 2009 г. было опубликовано в Сети, сначала на сайте МБИ, а затем на информационно-аналитическом портале «Полит.ру»³.

Адресуем читателя также к книге А. Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (Томы 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005)⁴, характеризующейся теми же жанром и стилем, методологией исследования и способом изложения, что и настоящая.

Авторы-составители надеются, что материалы этого тома позволят лучше увидеть и понять рассмотренный ранее кейс как некую репрезентацию жизни профессионального сообщества, и — шире — как фрагмент социальной реальности, в котором отображаются и воплощаются общие закономерности нашего общества.

Андрей Алексеев, Роман Ленчовский
Август—декабрь 2009

Б. Д. Докторов и проф. Дм. Н. Шалин).

Документальная композиция «События в СИ РАН в зеркале документов и экспертных суждений...» (А. Alekseev, The SI RAN Affair in Documents and Expert Assessments, 2008; Part 1, Part 2, Part 3 (Rus)) на этом сайте:

часть 1 — http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/si_ran.html;

часть 2 — http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/si_ran_pt2.html;

часть 3 — http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/si_ran_pt3.html.

² Главная страница сайта просветительно-правозащитной группы «Обратная связь»: <http://www.feedbackgroup.narod.ru/start.htm>. (Руководители проекта — Д. А. Бродский и Е. В. Батенкова).

Документальная композиция «События в Социологическом институте РАН как ситуация, моделирующая современные процессы в российской общественной науке» на этом сайте: <http://www.feedbackgroup.narod.ru/proetcon/alekseev.htm>.

³ См.: Петербургские социологи обратились с Открытым письмом к Президенту РФ Д. Медведеву в связи с ситуацией в Социологическом институте РАН / Полит.ру. 12 марта 2009 (http://www.polit.ru/science/2009/03/12/si_ras.html); Открытое письмо петербургских социологов Президенту РФ Д. Медведеву. Полит.ру. 12 марта 2009 г. (http://www.polit.ru/science/2009/03/12/letter_soc.html).

⁴ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

Названная книга полностью размещена на сайте **Киевского международного института социологии**. Главная страница сайта КМИС: <http://www.kiis.com.ua/>. Точечный адрес — <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.htm>.

ЧАСТЬ 2

КОНТЕКСТЫ

Глава 4

Истоки казуса СИ РАН (Из «Драматической социологии – 2»)

Несколько вступительных слов

А теперь – обратимся к ситуации Социологического института РАН десяти– восьмилетней давности. В частности, к периоду преобразования Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН в самостоятельное академическое учреждение – Социологический институт РАН: конец 1990-х – начало 2000-х гг. Это был процесс поистине драматический, и, даже безотносительно к нашей терминологии, уместно назвать собрание материалов наблюдающего участия в этом процессе: «Драматическая социология – 2».

(Тут ведь еще и все действующие лица – именно социологи!)

Упомянутые материалы в свое время были сведены в три «самиздатских» (любительски сброшюрованных) тома: А. Алексеев. Драматическая социология – 2 (Жизнь профессионального сообщества в зеркале экспериментального исследования: фрагменты и рабочие материалы). Тт. 1-3. СПб., 2000. В марте 2000 г. экземпляр указанной работы был передан автором этих строк на хранение в библиотеку СИ РАН¹.

Из предисловия к этому собранию материалов:

«В настоящем томе, под одной обложкой, собраны рабочие материалы исследования жизни профессионального сообщества – коллектива Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН в период 1999-2000 гг., предпринятого нами при участии Леонида Кесельмана и некоторых других коллег.

*Оговорим, что это именно **рабочие** материалы, первичная систематизация документов. При более строгом отборе, многие из них стоило бы дать лишь в извлечениях. Здесь же они приведены полностью (как правило, в сокращенных с оригинала). Отсюда – неизбежные текстовые повторы, дублирование. Недостает и ряда необходимых для «стороннего читателя» пояснений. Но данная хронологически и тематически упорядоченная композиция документов предназначена автором главным образом «для себя» и для коллег, которым может быть интересна ВСЯ фактура, а откомментировать ее они могут и сами.*

В работе – 6 частей.

¹ Дальнейшая история экземпляра рукописи под названием «Драматическая социология – 2» примечательна. Девять лет спустя, а именно в конце 2008 – начале 2009 г., я поинтересовался его наличием в библиотеке СИ РАН. За это время уж и библиотекарь успела смениться, и сама библиотека – переехать в другое помещение... Однако все три тома сохранились там.

А еще год спустя, когда я обратился повторно, оказалось, что даже в каталоге следов от этих томов не осталось. (Примечание А. Алексеева. Октябрь 2009).

В первой (методолого-методической) дается характеристика метода, примененного в данном исследовании («наблюдающее участие»). Это сделано путем перепечаток из ранее опубликованных работ автора: *Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)*. М., 1997; *Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие)*. СПб., 1997; и др.).

Вторая часть (историческая) посвящена событиям жизни профессионального сообщества (ИСЭП АН СССР) 1984-1986 гг., для чего отобраны соответствующие фрагменты из пока не опубликованных работ автора («Выход из мертвой зоны» и «Полигон»)².

Третья и четвертая части (эмпирические) посвящены современному (рубеж 1990-х – 2000-х гг. – Ред.) положению дел. В частности, в третьей представлен ряд сюжетов (эпизодов) из жизни коллектива СПбФ ИС РАН, относящихся к 1999 г. Автор полагает, что некоторые из описанных ситуаций имеют достоинство «моделирующих». Четвертая же часть посвящена самым последним событиям жизни Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, в частности, обстоятельствам, возникшим (или – проявившимся) после выхода постановления Президиума РАН от 11.01.2000 «О создании Социологического института РАН». (Среди прочего – наша аналитическая записка на эту тему, опубликованная в журнале «Телескоп», 2000, № 1, и размещенная в Интернете³).

Пятая часть (по преимуществу теоретическая, но и не только!) включает некоторые работы автора и его коллег, написанные в период «полевого» этапа «Драматической социологии – 2», однако выходящие за рамки этого объекта и этой темы. <...>

В шестой части (Приложения) приводится документ 1975 г., описывающий историю создания Института социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде. (Этот давний опыт может пригодиться и сегодня!). Здесь же – материал, относящийся к истории зарождения идеи создания академического социологического института в Санкт-Петербурге (1988), и некоторые другие документы (как исторического, так и справочного характера)⁴.

Автор (точнее – составитель нижеследующей композиции документов) надеется, что настоящая работа, вовсе не претендующая на завершенность, будет полезна не только в познавательном, но и в практическом отношении. 8.03.2000».

Здесь следует оговорить, что инициативный проект «Драматическая социология – 2» имеет более широкие хронологические рамки, чем рубеж 1990-х – 2000-х гг. Мониторинг и наблюдающее участие продолжались и в 2001–2003 гг., и позже. Правда, с разной степенью плотности ведения «протоколов жизни». Рубежом между «Драматической социологией – 2» и «Драматической социологией – 3» (если пользоваться такой терминологией) явился май 2008 г., когда начался кейс⁵.

² Впоследствии эти материалы вошли в состав книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1–4. СПб.: Норма, 2003–2005. См., в частности, тома 2 и 3. (Электронная версия – <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>).

³ См. ниже: раздел 4.2. См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://isn.ru/sociology/alekseev/Note.doc>. См. также на сайте журнала «Телескоп»: http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202482959491803file.pdf.

⁴ Некоторые из этих материалов, в частности, относящиеся к истории возникновения Ленинградского филиала Института социологии АН СССР (1988–1989), впоследствии вошли в книгу: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 3. Глава 13. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_208-270.pdf).

⁵ См. выше: раздел 1.1 и далее.

Ниже приводятся некоторые материалы из основного корпуса текстов «Драматической социологии – 2». Некоторые из них достаточно хорошо известны (например, публикации в журнале «Телескоп» 2000–2003 гг.). Иные – ранее были известны только кругу коллег автора по СИ РАН и ныне публикуются впервые.

Как правило, будем обходиться без пояснений и без комментариев, поскольку сами тексты (выстроенные здесь в хронологическом порядке) достаточно красноречивы.

Пожалуй, тут можно усмотреть определенную историческую связь с современными «событиями в СИ РАН», описанными в главах 1–3 настоящей книги (см. том 1). Так сказать, предыстория этих событий.

А. Алексеев

Декабрь 2008 – август 2009⁶

4.1. «Наметившийся распад коллектива удручает. Конечно, перелом зависит не только от руководства...» (апрель 1999)

Автостенограмма

*выступления вед. науч. сотр. А. Н. Алексеева
на собрании трудового коллектива СПбФ ИС РАН 22.04.1999*

Уважаемые коллеги!

Я попробую вчерне проанализировать ситуацию, которая сложилась на сегодня в нашем институте. Коллектив СПбФ ИС РАН действительно находится в тяжелом положении и имеет очень смутные перспективы. Но попытка докладчика (директора С. И. Голода) списать все на «обстоятельства» является, на мой взгляд, несостоятельной. Важно еще, как ведут себя люди в предлагаемых обстоятельствах. А ведут они себя по-разному, и, в частности, сам докладчик – не лучшим образом.

Вспоминая свой давний опыт «социолога-рабочего», я могу сказать, что ситуация в нашем коллективе сейчас приблизилась к чему-то среднему между хорошо знакомыми мне ИСЭПом и «Ленполиграфмашем» середины 80-х гг. Только тогда все же были люди, которые предпринимали усилия, чтобы ситуация изменилась.

⁶ Предшествующая история – от возникновения Ленинградского (затем – Санкт-Петербургского) филиала Института социологии АН СССР (затем – РАН) в 1989 г. до конца 1990-х гг. – отображена в: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 3. Приложение к главе 13: «Пятнадцать лет спустя: к истории Социологического института Российской академии наук». (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_271-291.pdf).

См. об истории ИСЭП АН СССР – СПбФ ИС РАН – СИ РАН также в Аналитической записке Г. И. Саганенко (раздел 3.О).

Достаточную известность получила в свое время то ли открытая, то ли изобретенная мною *«формула разгильдяйства»: незаинтересованность + некомпетентность + безответственность*. Но 15 лет назад это считалось чуть ли не поклопом на нашу действительность. А теперь это уже становится едва ли не декларируемой «жизненной философией». «Да, я не заинтересован, не компетентен, безответственен — во всем, что не касается моих личных проблем. Я — выживаю!». Вот логика, которая прослеживается в линии поведения, в частности, руководства нашего института.

К чему приводит такая логика поведения? Последовательно, один за другим, заводятся в тупик или доводятся до абсурда вопросы разной значимости и масштаба. Укажу некоторые в качестве примеров:

- вопрос о праве нашего института на муниципальную площадь (вовсе не благодаря руководству выяснилось, что институт может получить ордер на помещение, которое он сейчас занимает);

- об обеспечении научных подразделений средствами связи (разгильдяйская ситуация отказа нашего института от телефонных номеров, на оплату которых, как оказалось, имеются деньги, обстоятельно и точно проанализирована в служебной записке Л. Кесельмана, надо бы ее вывесить на доске);

- еще в прошлом году — необдуманная ликвидация информационно-архивного фонда (вся история ленинградской социологии сейчас под замком, в личном кабинете большого «специалиста» по этим вопросам, зам. директора по хоз. делам и компьютерной верстке С. И. Ушакова);

- история сведения счетов администрации с Б. Д. Беликовым, приведшая к судебному разбирательству, которое, при раскрывшемся изобилии административных нарушений и подтасовок, похоже, завершится не в пользу института (когда Б. Д. оправится после перенесенного недавно инфаркта, о чем, вероятно, не все знают);

- некрасивая (при участии нынешнего Ученого совета) травля Н. К. Серова (*ныне покойного*. — *Ред.*), который, оказывается, один за 1998 г. опубликовал не меньше научных трудов, чем иные наши подразделения;

- совсем недавняя ситуация с бюрократическим распределением наград Академии наук, вынудившая, в частности, меня отказаться от юбилейной Почетной грамоты РАН (притом что Ученый совет, под давлением администрации, так и не удовлетворил мой «самоотвод», мне пришлось недавно адресоваться по этому вопросу в Санкт-Петербургский научный центр; кажется, на доске до сих пор висят тексты моих заявлений директору и ученому секретарю СПбНЦ РАН Э. А. Троппу). И т. д., и т. п.

Но зарплату, как будто, стали платить регулярно (что, впрочем, заслуживает вовсе не нашего руководства), и даже как бы «индексировали» — за счет скрытых премий и перераспределений фонда заработной платы, при неполной штатной численности. Вот тут наш директор проявляет, так сказать, «заботу» о людях (часто избирательную, волонтаристскую). Но коль скоро я заговорил о деньгах (кстати, лично я никак в этом распределении не обижен), то обращаю внимание на особенность, которая, характеризует, в частности, «финансовую» политику нашего руководства, но и не только ее.

Это — абсолютная НЕПРОЗРАЧНОСТЬ всей административной, финансовой, хозяйственной деятельности, призванной, в общем-то, обеспечи-

---

⁷ Мой коллега и друг Борис Дмитриевич Беликов скончался 29 декабря 2001 г. См. раздел: «Последнее «дело» Бориса Беликова» в : Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том. 2, с. 434-437. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_288-447.pdf).

О Б. Д. Беликове см. также ниже: раздел 6.18.а.

вать прежде всего научную работу. Что бы ни предприняла наша администрация, большинство сотрудников об этом узнают *post factum*, когда «поезд уже ушел». Из буклета на английском языке (1999 г.) узнаем номера своих «новых» телефонов. С недоумением рассматриваем другой буклет, на русском языке (1998 г.), где половина исследовательских грантов наших сотрудников представлена довольно подробно, а другая половина вообще не упоминается, как будто их нет (причем тенденция предпочтений руководства института явно прослеживается). Но главная «административная тайна» в нашем институте — это структура бюджета и, в частности, то, как используются консолидированные отчисления от грантов, так называемые накладные расходы. Грантодержатели (а их в институте чуть не каждый второй научный сотрудник; немногие живут на одну зарплату), во многом «кормят» наш институт, кто обязательными, а кто и «добровольными» отчислениями. Но никакой информации о смете расходования этих отчисленных средств они не имеют.

Могут на меня обидеться хранители этой административной тайны: уж не подозреваю ли я их в «нецелевом использовании» средств? Нет, не подозреваю. Но возможность такой расстановки «приоритетов» в расходовании средств, которая не отвечает действительным потребностям коллектива и задачам обеспечения нормальной научной работы, вполне допускаю. И считаю необходимым введение здесь «режима гласности» (как когда-то говорили во времена начала перестройки).

Вообще, подозрения возникают тогда и только тогда, когда что-то утаивается. Сделайте бюджет Института прозрачным, не такие уж мы, рядовые и ведомые сотрудники — бесправные, чтобы не иметь права этим интересоваться. Один из путей такого «общественного контроля» — это известные многим из здесь присутствующих предложения ряда сотрудников (меня — в том числе) о заключении «внутреннего» соглашения между Институтом и грантодержателями (мы разработали проект такого соглашения для случая РГНФ) по поводу порядка хозяйственного, финансового и технического обслуживания ученых-исполнителей проектов. Там, среди прочего, и пункт о согласовании сметы расходов отчислений от грантов и о контроле за соблюдением этой сметы.

Понимаю, что такое предложение может не понравиться нашей администрации, особенно — бухгалтерии и хозяйственной части, да и некоторые сотрудники предпочитают пользоваться «подачками», вместо создания прозрачной финансово-хозяйственной системы обеспечения научной работы. Но вот уже несколько дней лежат эти предложения на столе у директора, и бухгалтерия нервничает, потому что надо заключать трехсторонний типовый договор с Фондом, а директор ни гу-гу, как будто это его и не касается. «Это не мое дело» — кажется, любимое выражение нашего директора. А чье же это дело, если ты, конечно, директор, а не восковая фигура?

На фоне такой административной практики, социально-психологическая атмосфера в Институте стала ухудшаться еще пару лет назад (это особенно хорошо просматривается на заседаниях Ученого совета, где мне приходилось бывать и даже высказываться на эту тему). Теперь негативные тенденции как будто углубляются. Все — «выживают»... И прежде всего наша администрация, у которой для этого приоритетные возможности. Возникла особая фор-

ма поведения — своего рода «шестерки», кстати, нередко с элементами агрессии. Впрочем, типология наших сотрудников — это особый вопрос, который я уже не успею осветить.

Вместо делового решения вопросов — попытка очередного «отстрела», на этот раз — «смутяна» Л. Е. Кесельмана (совсем как 15 лет назад). Будто бы Л. Е. пытался использовать деньги по своему гранту не по целевому назначению. Хотя тут элементарное разгильдяйство работников бухгалтерии, умудрившихся заслать деньги по неверному адресу.

Наш директор, С. И. Голод, которого я знаю 30 лет и уважаю как специалиста, да и по-человечески очень хорошо к нему отношусь, оказался слабым, даже беспомощным директором. Эта слабость — хуже авторитарности, которая проявляется у С. И. эпизодически, в основном, в ситуациях, когда от него чего-то «требуют», а он не умеет или не хочет взять на себя ответственность. К сожалению, С. И. очень зависим от своих заместителей, административного аппарата, этакий Ельцин в миниатюре, только без его харизмы. По-моему, им вертят как хотят, те, кто «ближе к телу».

Я бы употребил к С. И. выражение, бытующее в современной молодежной среде — «пофигизм» (в отношении возглавляемого им института). Если не нравится, молодежный слэнг, скажу на бюрократическом языке — «попустительство».

Но одна черта поведения проявилась у С. И. совсем недавно, и, признаться, меня особенно неприятно поразила. Это — способность сказать одно, как говорится, «навешать лапшу на уши», а потом, как бы тайком, поступить вопреки сказанному. (Так, кстати, было с обрывом телефонных связей; не буду сейчас останавливаться на этом подробнее). По существу, это крайняя, как я считаю, форма неуважения к себе и к людям.

Я намеренно не называю здесь других фамилий, кроме С. И. Голода. Но он у нас директор, а сегодня — докладчик, так что в некотором смысле — «именинник». А вот через пару дней исполняется 70 лет Ядову. Мне было стыдно наблюдать на Ученом совете, как отпихивала от себя эту «проблему» наша администрация. Мы, конечно, устроим его чествование здесь, и в Москву кто-нибудь обязательно поедет, но руководство Института и тут в стороне.

Кстати, я недавно разговаривал с Ядовым в Москве, поделился с ним своими наблюдениями о ситуации в нашем институте. Он посоветовал — усиливайте профсоюз. Директору Ядову независимый профсоюз в своем институте только «на руку», а у нас совсем иначе. Вот будет скоро отчетно-выборное профсоюзное собрание. Надо отнестись к этому делу серьезно.

Разумеется, каждый из упомянутых мною «сюжетов» может быть развернут, мог бы и я их развернуть. Но не буду этого делать, ввиду дефицита времени. Я и так уже говорю около 10 минут. И призываю тех, кто будет выступать после меня, не цепляться за отдельные частности, не превращать собрание в «свару». Приведенными фактами я пытался лишь иллюстрировать усматриваемую мною нехорошую тенденцию. Вот ЕСТЬ ТАКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ИЛИ НЕТ — это стоит обсуждать. А тогда будут яснее и перспективы, вероятность какой-то бифуркации, как сказали бы синергетики.

Наметившийся распад нашего коллектива удручает. Конечно, перелом зависит не только от руководства. Здесь от каждого человека зависит. И мо-

жет быть, это собрание пойдет на пользу коллективу, оказавшемуся сейчас в состоянии кризиса. Но я еще продолжаю возлагать какие-то надежды на нашего директора. Очень не хотелось бы окончательно укладывать того же С. И. Голода в «формулу разгильдяйства».

Когда-то с Сиговым, Лобановым, Потемкиным, Парыгиным (в ИСЭПе) «все было ясно». С представителями нашей администрации мне лично пока не ясно. Мне кажется, здесь еще не все потеряно. В частности, надеюсь, что моя критика будет воспринята ими адекватно. Потенциал для этого у объектов моей критики есть.

Я имею еще некоторые конкретные предложения. Но их лучше высказать позже, когда мы будем принимать какие-то решения.

Приложение

«Нарочно не придумаешь...»

*(из расшифровки аудиозаписи собрания трудового коллектива
СПбФ ИС РАН, 22.04.1999)*

...Пожалуйста, если Вы берете на себя ответственность занимать время всего коллектива, говорите что-нибудь такое, о чем можно было бы говорить (*так!* – А. А.)...

И. Гурвич, ведущий научный сотрудник, доктор психологических наук

...Но здесь действительно важная вещь – это ответственность прежде всего. И более всего, существует не только мировое сообщество, существует еще коллектив нашего института, Ученый совет, который избран демократическим путем, какой бы он ни был там... какой бы он ни был карманный, как в письмах сотрудники в газеты пишут, академического направления и так далее, и где только шестерки заседают, но, тем не менее, если есть данный Ученый совет, он выполняет очень важную функцию в научном коллективе. Это функция коммуникативная, это функция проверяющая, это функция помогающая, многие другие различные (простым языком сейчас, без мудреных слов говорю)... помогает просто-напросто это направление определенным образом абсорбировать, это направление вписать в то, что здесь понимается, поскольку мы, естественно, живем не в безвоздушном пространстве, а в этом конкретном коллективе, который определенным образом представляет, что такое социологическое – не социологическое, что может соответствовать... не может ... (запись обрывается).

А. Дука, зам. директора по науке, кандидат политических наук

... Скажем, для таких людей, как Алексеев, Баранов, Голод, Серов, Травин, конечно, у них круг заканчивается, и никто из них, я думаю, не думает, что он жить будет бесконечно. Перед всеми ими, так же как и передо мной, уже маячит Итака (*так!* – А. А.), поэтому одно дело этот возраст, а другое дело – вот уже надо заканчивать, наверное, свои исследования, передавать другим...

...Речь идет о том, что наш институт был и остается академическим, это самое главное...

С. Голод, директор института, доктор философских наук

Без комментариев. (А. А.)

4.2. О создании Социологического института РАН на базе Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН (февраль 2000)

Автор — А. Н. Алексеев. Документ под этим названием был опубликован в: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000, № 1⁸. Еще до опубликования, а именно — в начале февраля 2000 г., он был направлен руководством РАН.

Аналитическая записка

11 января 2000 г. состоялось постановление Президиума РАН № 3 «О создании Социологического института РАН (представление Отделения философии, социологии, психологии и права)». 20 января с текстом этого постановления были ознакомлены сотрудники Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, на базе которого создается новый академический институт.

Постановление Президиума РАН вызвало неоднозначную реакцию в коллективе института, у профессионального сообщества, до тех пор очень мало осведомленного о ходе подготовки к реорганизации и о своих перспективах.

1. Предыстория

Как известно, судьба ленинградской социологической школы была не легкой. Зародившаяся на рубеже 50–60-х гг., сформировавшаяся и окрепшая к концу 60-х, она пережила в 70–80-х (как, впрочем, и вся отечественная социология) ряд драматических событий. Особенно трудно пришлось ленинградским социологам после ликвидации региональных отделений ряда центральных академических институтов и образования в Ленинграде Института социально-экономических проблем АН СССР (1975), оказавшегося под жестким контролем местных партийных органов.

В первой половине 80-х, под прессом идеологического и административного давления, ряд ведущих ленинградских социологов (В. А. Ядов, Б. М. Фирсов и др.) вынуждены были покинуть этот институт. Не легче пришлось и остальным (кто «удержался» в ИСЭПе) — им тоже довелось испытать на себе все прелести «охоты на ведьм».

В 1989 г., в разгар «перестройки», ленинградским социологам удалось совершить организованный массовый «исход» из ИСЭПа и на базе социологического отдела вышеназванного института образовался Ленинградский (впоследствии — Санкт-Петербургский) филиал Института социологии АН СССР (ныне — РАН). К тому времени директором головного института в Москве уже стал ранее «опальный» лидер ленинградской социологической школы проф. Ядов. Первым директором филиала стал д. ф. н. Фирсов (ныне

⁸ Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202482959491803file.pdf.

– ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге)⁹. В 1995 г. его сменил д. ф. н. С. И. Голод.

Недавно СПбФ ИС РАН отмечал свое 10-летие. Итоги научной деятельности филиала за этот период оказались внушительными.

По свидетельству директора ИС РАН, проф. В. А. Ядова, в его обосновании преобразования филиала в самостоятельный академический институт, от ноября 1999 г., «за 10 лет филиал сформировался как сильный научный коллектив, имеющий собственную исследовательскую программу, связанную с общепитутетской программой «Трансформационные процессы в российском обществе». Об уровне квалификации сотрудников филиала говорят (*по крайней мере!* – А. А.) два факта: филиал имеет в пропорции к численности сотрудников (77 штатных единиц) в среднем на 15% больше отечественных и зарубежных исследовательских грантов, чем Институт в Москве; филиал стал ресурсным центром при создании Европейского университета в Санкт-Петербурге (1995 г.), т. е. «поставил» в университет международного уровня основной преподавательский состав в области социологии и политологии».

К этому можно добавить, что только за первые 8 лет существования СПбФ ИС РАН вышло 15 крупных авторских монографий его сотрудников (к настоящему времени их уже около 20). Количество коллективных монографий и сборников, подготовленных сотрудниками филиала, превышает это количество как минимум в 2 раза. А количество статей, опубликованных в авторитетных, в том числе – зарубежных изданиях, как минимум, на порядок выше количества монографий.

Можно сказать, что это был период нового расцвета ленинградской (теперь уже – петербургской) социологической школы.

К настоящему времени Санкт-Петербургский филиал Института социологии созрел до преобразования в самостоятельный академический институт. Что и нашло отражение в вышеупомянутом постановлении Президиума РАН.

Однако в связи с выходом этого постановления на данный момент возникла ситуация, которую можно назвать парадоксальной. Эту ситуацию мы намерены рассмотреть по крайней мере в трех аспектах: системно-научном, кадрово-организационном и морально-этическом.

2. Институциональная реорганизация 2000: системно-научный аспект

Ясно, что всякое организационное преобразование должно, с одной стороны, обеспечивать преемственность, а с другой – изменения. При этом важно не потерять ценный опыт прошлого и обеспечить перспективную трансформацию.

В 1998 г. СПбФ ИС РАН работал по четырем основным научным направлениям (см. Институт социологии. Санкт-Петербургский филиал. СПб., 1998):

⁹ Ныне – почетный ректор ЕУСПб.

- 1) Социокультурная динамика;
- 2) Социальное неравенство, стратификация, власть и элиты;
- 3) Трансформация семьи, брака, родительства и гендерных отношений;
- 4) Методология эмпирического исследования и компьютерная поддержка.

Структура научных направлений — не оптимальная, что отчасти объясняется тем, что отдельные направления филиала до сих пор «замыкались» на общеинститутскую программу, при их (направлениях) относительной самостоятельности.

20.09.1999 Вице-президент РАН В. Н. Кудрявцев встретился с коллективом СПбФ ИС РАН. Дав высокую оценку работе профессионального сообщества, он обратил внимание на известную раздробленность тематики, предложил подумать над укрупнением направлений научной деятельности. Именно тогда коллектив впервые достоверно узнал, что в Отделении философии, социологии, психологии и права РАН прорабатывается вопрос о выделении петербургского филиала в самостоятельный институт (до тех пор идея реорганизации только «носилась в воздухе»).

К сожалению, в подготовке этого назревшего институционального преобразования никак не участвовал сам научный коллектив СПбФ ИС РАН. (Возможно, в «академических верхах» полагали это само собой разумеющимся, притом что от имени профессионального сообщества во всех переговорах на этот счет выступали только директор СПбФ ИС РАН С. И. Голод и зам. директора по научной работе А. В. Дука).

Во всяком случае, перечень записанных в постановлении Президиума РАН направлений научной деятельности будущего института стал известен не только коллективу, но даже и членам Ученого совета СПбФ ИС РАН, уже только ПОСЛЕ выхода указанного постановления и оказался для профессионального сообщества полной неожиданностью. Вот этот список направлений (цитируем по тексту постановления):

«...3. Утвердить следующие направления научной деятельности Социологического института РАН:

проведение исследований в области:

- социологии девиантности и социального контроля;
- социологии семьи, гендерных и социальных отношений;
- социально-культурных трансформаций;
- социологии власти и властных структур;
- социологии здоровья населения;
- истории российской социологии;
- социальной антропологии;
- социологии и социальной психологии морали».

Итак, согласно постановлению Президиума РАН, вместо четырех направлений стало восемь. Произошло не укрупнение, а заведомо еще большее раздробление! Но и не только.

Список направлений научной деятельности должен вырастать из концепции института; это, как будто, азбука организационного развития и управления наукой. Такая концепция, единая научная программа была и есть у Института социологии РАН: во второй половине 90-х гг. — «Социокультурные процессы в России на пороге XXI века в контексте глобальных

социальных изменений» (см. Институт социологии. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998); ныне — «Трансформационные процессы в российском обществе».

У СПб филиала Института социологии соответствующей обобщающей программы не было, что еще можно оправдать его положением в качестве филиала. Но у самостоятельного института такая программа должна быть, если не заранее подготовленная, то выработанная в процессе становления института. Между тем, цитированный пункт постановления Президиума РАН ставит под сомнение саму возможность формирования обобщающей научной программы.

Для этого достаточно присмотреться внимательно к списку восьми (!) указанных там направлений научной деятельности, которые являют собой яркий пример не интеграции, а ДЕЗИНТЕГРАЦИИ — дробления на относительно частные, не связанные друг с другом фрагменты.

Возьмем на себя смелость утверждать, что этот перечень научных направлений — заведомо БЕССИСТЕМЕН, притом, что каждая отдельная строка в нем, может, и имеет право на существование, но вовсе не в постановлении Президиума РАН, а в более частных документах. А именно — в документах, где обозначаются «подпрограммы», «секции», «разделы» и т. д. более крупных (масштабных) научно-исследовательских программ и основных направлений научной деятельности. Составными частями этих последних могут быть, разумеется, и «социология здоровья», и «социология морали», и «социология власти», и «история русской социологии», и другие вполне достойные области социальных исследований, однако при условии, что они «замыкаются» на некоторые более общие исследовательские «магистральи».

Разнокалиберность таких направлений исследования, как, скажем, «социально-культурные трансформации» (вообще) и «социология семьи, гендерных и сексуальных отношений» (исследующая как раз таковые трансформации, но лишь в одной из сфер социальной жизни), бросается в глаза даже не искушенному в общественной науке человеку.

Настоящим выводом (который мы готовы обосновать и более детально!) автор настоящей записки хочет лишь обратить внимание руководства РАН — на вполне очевидную недоработку, допущенную в подготовке столь важного и своевременного документа, каким является рассматриваемое постановление Президиума РАН.

Нам представляется, что **ОСНОВНЫХ** направлений научной деятельности во вновь организуемом институте может быть 3–4, но никак не восемь. Приемлемым с точки зрения квалифицированного управления наукой в данном случае может быть такой уровень обобщения и систематизации, как, скажем, «социально-культурные трансформации», «преемственность и изменения в социальных институтах», «история, теория и методология социологии».

(Естественно, автор данной записки не претендует здесь строить концепцию института или предлагать набор основных направлений научной деятельности, что может быть предметом только правильно организованной коллективной проработки вопроса).

Итак, не ставя под сомнение ни целесообразность самой реорганизации, ни постановление Президиума РАН № 3 от 11.01.2000, как таковое, мы утверждаем, что пункт 3 этого постановления («утвердить следующие направления научной деятельности...») требует корректировки, хотя бы только из соображений системно-научной корректности.

Но это — лишь одна сторона обсуждаемого вопроса.

3. Создание нового академического института: кадрово-организационный аспект

При сопоставлении списка научных направлений нового академического института, заданного пунктом 3 постановления Президиума РАН, с нынешней структурой научных направлений (и более или менее отвечающей им структурой научных подразделений) СПбФ ИС РАН, преобразуемого в самостоятельный институт, бросается в глаза своего рода избирательная, «одно-сторонняя» преемственность.

Приведем здесь список научных подразделений СПбФ ИС РАН, как он сложился на конец 1998 г. (см. Институт социологии. Санкт-Петербургский филиал. СПб., 1998):

- Сектор проблем общественного сознания;
- Сектор социально-культурных изменений;
- Сектор социологии девиантности и социального контроля;
- Сектор проблем городского образа жизни;
- Сектор социологии общественных движений;
- Группа социологии здоровья;
- Группа политической социологии;
- Группа истории российской социологии;
- Группа социологии и психологии морали;
- Группа социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений;
- Группа изучения динамики массового сознания;
- Группа индивидуальных проектов¹⁰.

Всего — 12 научных подразделений. В каждом из секторов — до 7 научных сотрудников, в каждой из групп — по 2-3 научных сотрудника. Руководителями секторов (назовем здесь только их) являются, в порядке предыдущего перечисления этих секторов: д. ф. н. Б. М. Фирсов, к. ф. н. В. Б. Голофаст, д. ю. н. Я. И. Гишинский, к. ф. н. И. И. Травин, к. ф. н. В. В. Костюшев. Из тех, кто руководит не сектором, а группой либо является «рядовым» штатным научным сотрудником, назовем здесь только докторов наук: И. А. Голосенко, И. Н. Гурвич, С. В. Лурье, Г. И. Саганенко, Н. К. Серов.

Из проведенного нами анализа явствует, что:

1) ЕДВА ЛИ НЕ ПОЛОВИНА научных сотрудников филиала, работающих ныне по (не далее как в прошлом году защищенным) коллективным или индивидуальным научно-исследовательским проектам, в секторах: проблем общественного сознания, социально-культурных изменений, проблем го-

¹⁰ Ср. со структурой Института по состоянию на декабрь 2008 г., и последняя модификация — начало 2009 г. (См. выше, соответственно: разделы 1.1 и 3.X).

родского образа жизни, социологии общественных движений (4 сектора из 5!); и в группах: изучения динамики массового сознания и индивидуальных проектов, — в перспективе соотносятся лишь с ОДНИМ НАПРАВЛЕНИЕМ научной деятельности, указанным в постановлении Президиума РАН (а именно — «социально-культурные трансформации»);

2) Другая же часть научных сотрудников филиала, сосредоточенная, как правило, в малочисленных исследовательских группах, соотносится с СЕМЬЮ (!) направлениями научной деятельности (так что некоторые направления оказываются просто не обеспеченными наличным кадровым ресурсом).

Таким образом, возникает заведомая ДИСПРОПОРЦИЯ, чреватая — если следовать букве постановления Президиума РАН (пункт 3) — либо кадрово-ресурсной необеспеченностью, либо необходимостью кардинального и необоснованного «перекраивания» (напомним, под бессистемную, фрагментарную структуру научных направлений!) всей структуры сложившихся и успешно функционирующих научных подразделений и своего рода «зачистки» кадрового состава (что явно противоречит замыслу и духу постановления Президиума РАН).

Получается, что в новом институте как бы «нет места» целому ряду специалистов, как раз составляющих «цвет» петербургской социологической школы, инициаторов создания (можно сказать — основателей) ныне доразревшего до самостоятельности СПбФ ИС РАН. Причем эти люди вовсе не «почили на лаврах», а именно в последнее десятилетие успели реализовать общепризнанно высокоценные, отечественные и международные исследовательские проекты, подготовить и издать авторские и коллективные труды, сделавшие возможной саму постановку вопроса о создании нового института, «обрасти» учениками, а некоторые даже — заложить фундамент собственных «школ»...

Удержусь от искушения называть здесь широко известные имена, хотя бы это и могло придать убедительности нашему анализу.

Если, повторяем, буквально следовать реестру указанных в п. 3 постановления Президиума РАН направлений, новому институту следует «отказаться» и от исследований в области методологии эмпирического социологического исследования, и от изучения динамики массового сознания, и от исследований в области общественных движений, и от изучения проблем городского образа жизни (мы назвали здесь далеко не все, чем, по этой странной логике, следовало бы «пожертвовать»). Оставляя пока в стороне этическую сторону вопроса (о чем специально ниже), скажем: это — заведомо «не по-хозяйски», это — НЕЛЕПО! И вряд ли члены Президиума РАН, голосовавшие 11 января 2000 г. за наделение петербургского филиала Института социологии самостоятельностью, этого «хотели».

С другой стороны, ряд слабо кадрово обеспеченных, а иногда и дублирующих другие академические программы исследовательских направлений оказываются в привилегированном положении, с перспективой «ускоренного» и не заслуженного (по совокупности достигнутых, по крайней мере в СПбФ ИС РАН, научных результатов) роста.

В качестве примера укажем на «социологию власти и властных структур»

(к. п. н. А. В. Дука и к. э. н. А. С. Быстрова, первый – зам. директора, вторая – ученый секретарь филиала) или «социологию и социальную психологию морали» (к. пс. н. К. Муздыбаев). В последнем случае целое направление представлено фактически одним специалистом. Другой пример: недавно сотрудниками СПбФ ИС РАН защищены две добротные диссертации по проблемам этнологии (д. к. С. В. Лурье, к. с. н. Б. В. Винер); но отсюда пока вовсе не следует необходимость «социальной антропологии» в качестве одного из ведущих направлений Социологического института РАН.

Итак, в кадрово-организационном отношении обсуждаемая реорганизация (повторим – в принципе своевременная и вполне оправданная!) оказывается направляемой по ложному пути.

Здесь уместно сказать также и об общей тенденции теоретико-методологических предпочтений в выборе направлений научной деятельности для нового института.

Как известно, в 90-х гг. в нашей социологии достаточную остроту приобрело соперничество двух «парадигм»: так называемой «классической» или «стандартизированной» социологии (где используются по преимуществу формализованные процедуры, количественные методы и т. д.) и – «качественной», «гуманистической», «интерпретативной» социологии (использующей «мягкие» или гибкие, качественные методы, с акцентом на содержательную сторону процесса познания). Научные дискуссии вокруг двух парадигм не утихают, ведутся они и в коллективе СПбФ ИС РАН.

И вот, оказывается, что в списке предлагаемых новому институту научных направлений отдано заведомое предпочтение тем, которые «персонифицируются» (по крайней мере в данном профессиональном сообществе) главным образом адептами и проводниками первой парадигмы («стандартизированная» социология). Во то время как вторая («качественная» социология) не просто отодвинута в тень, а как бы «выталкивается» из института.

(Конечно, и различие парадигм и распределение научных интересов внутри профессионального сообщества не являются абсолютными и жесткими, но в целом «отбор» направлений, осуществленный пунктом 3 постановления Президиума РАН, обнаруживает именно такую тенденцию).

Как видно, кадрово-организационные диспропорции в определении пути развития нового института имеют и определенную научно-идейную, теоретико-методологическую подоплеку.

Однако эта подоплека, так сказать, вторична относительно «человеческого фактора». Науку, как известно, делают люди, которые ведут себя по-разному в предлагаемых обстоятельствах. И мы попытаемся ниже это показать, для данного, конкретного случая.

4. Подготовка постановления Президиума РАН: морально-этический аспект

Как же возникли такие системно-научные и кадрово-организационные несообразности? Ведь создание нового института РАН на базе филиала имеющегося готовилось по крайней мере год. Здесь приходится обратиться к морально-этическому аспекту сложившейся ситуации.

Коллектив СПбФ ИС РАН (будущий СИ РАН), как и руководство Института социологии РАН, как и бюро Отделения философии, социологии, психологии и права, как и — теперь — Президиум РАН, единодушны в признании необходимости создания самостоятельного социологического института в Санкт-Петербурге. Для этого, как было показано выше, имеются все научные и кадровые предпосылки. Автор настоящей записки берет на себя смелость утверждать, что среди сотрудников СПбФ ИС РАН нет «противников» этого важного научно-организационного шага (уже ставшего фактом).

Но были тревожные симптомы в жизни коллектива (значение которых поначалу оставалось недооцененным) по крайней мере — за год до состоявшегося постановления Президиума РАН. Это — аномалии в организации текущей работы в филиале, административный апломб (помноженный на административную некомпетентность, да и при недостатке компетентности в области социологии) заместителя директора по научной работе, кандидата политических наук А. В. Дуки, слабость в качестве директора института (призванного быть научным лидером!) относительно узкого специалиста по вопросам социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений д. ф. н. С. И. Голода. (Здесь не называем более «мелких» администраторов).

Пренебрежение к мнению коллектива, профессионального сообщества (и не просто общественности, а главного коллегиального органа СПбФ ИС РАН — Ученого совета, решения которого часто принимались под явным административным нажимом). Грубые нарушения демократических норм научной жизни. «Непрозрачность» административной деятельности. Иногда — недопустимая развязность в поведении отдельных лиц, «приближенных к дирекции» (или ее, дирекции, «советчиков»). Ущемление «неудобных» (тех, кому случалось выступать с деловой критикой в адрес руководителей филиала). Заметное ухудшение социально-психологической атмосферы и то, что иногда называют политикой «разделяй и властвуй».

Все это выплеснулось наружу на одном из не частых в коллективе СПбФ ИС РАН собраний — в апреле 1999 г. Здесь не станем пересказывать содержание нашего собственного выступления на собрании 12.04.1999, текст которого приложен к этой записке (См. выше: раздел 4.1 — *Ред.*).

(Дело дошло до «смешного»: автор этих строк вынужден был весной прошлого года категорически отказаться от представления администрацией и Ученым советом его кандидатуры к награждению почетной Юбилейной грамотой РАН — ввиду заведомой недемократичности и даже унизительности процедуры такого выдвижения; см. газету «Поиск» от 23.04.1999).

Эти административные и социально-психологические аномалии получили особенно яркое выражение в деятельности руководства филиала по «лоббированию» представления Отделения философии, социологии, психологии и права РАН относительно создания нового института. Разумеется, мы имеем в виду не сам факт представления (относительно целесообразности которого ни у кого сомнений не было), а усилия по обеспечению присутствия в нем (этом представлении) одних «строк» и отсутствия других, так чтобы потом можно было опираться на авторитет высшей академической инстанции в решении «наболевших» карьерных проблем одних лиц и в откровенном выдавливании из института других.

К нашему глубокому сожалению, в эту нечистую игру оказался вовлечен (полагаем, невольно!) и директор Института социологии РАН, проф. В. А. Ядов, который теперь сам, по его собственному выражению, «чувствует свою моральную ответственность перед своими товарищами и коллегами, с которыми мы долго вместе работали».

(Теперь В. А. Ядов, в своем письме, поступившем в филиал 26.01.2000, рекомендует тем, кто «плохо вписывается в образуемые подразделения», активизироваться в поиске внешних, внебюджетных источников финансирования, оставаясь в Институте в составе «временных научных коллективов», говоря попросту — в качестве внештатных сотрудников. То есть факт дискриминации части коллектива, сам по себе, этим письмом подтверждается).

Не подлежит сомнению, что не вице-президент РАН, и не академик-секретарь Отделения философии, социологии и права и даже не директор Института социологии «придумали» приведенное выше «меню» направлений научной деятельности, не выдерживающее критики ни с системно-научной, ни с кадрово-организационной точки зрения. А определенные заинтересованные лица из нынешнего руководства филиала «водили рукой» В. А. Ядова, писавшего, еще в ноябре прошлого года, известное (упоминавшееся выше) «Обоснование целесообразности реорганизации СПбФ ИС РАН», к соответствующему пункту повестки заседания Президиума Академии.

В этом подготовительном документе двухмесячной давности уже присутствует тот самый перечень восьми (!) разрозненных исследовательских направлений, детально рассмотренный нами выше. Вот откуда произошел «неловкий» пункт 3 постановления Президиума РАН!

Но «куда же смотрело» при этом профессиональное сообщество, весь научный коллектив СПбФ ИС РАН, который завоевал право и коему оказана честь стать теперь самостоятельным академическим институтом, со СВОЕЙ областью фундаментальных исследований (по выражению В. А. Ядова в том же «Обосновании...»)? Почему только сейчас стали «бить в колокола» (когда вроде уж и поздно!)?

В том-то и дело, что эти пресловутые восемь направлений (хорошо хоть, что не «основных»!) заботливо утаивались С. И. Голодом, А. В. Дукой, А. С. Быстровой (последняя — ученый секретарь СПбФ ИС РАН) — от коллектива. О них знали еще разве что бывший директор филиала д. ф. н. Б. И. Фирсов и главный научный сотрудник д. ф. н. И. А. Голосенко. (С последними двумя нынешний директор-организатор СИ РАН, по его собственному признанию на Ученом совете филиала 18.01.1999, по этому поводу «советовался», что названными лицами не оспаривается). А всех остальных членов Ученого совета, да и прочих сотрудников, С. И. Голод, без зазрения совести, уверял, что он «ничего не знает», все там, наверху, «решают без него», тут «даже от Ядова ничего не зависит»...

И эти заявления делались в течение ноября-декабря, когда УЖЕ готово было составленное с участием С. И. Голода и А. В. Дуки, подписанное В. А. Ядовым то самое «Обоснование...», формулировки которого потом переключались в представление Отделения, а затем — в постановление Президиума РАН!

Теперь, когда «дело сделано», можно и показать Ученому совету этот документ — ЗА ПОДПИСЬЮ В. А. ЯДОВА (а С. И. Голод и А. В. Дука тут вроде и «не при чем»!). И показали... через два месяца после того, как он поступил в Отделение философии, социологии, психологии и права РАН, и через неделю после того, как Президиум РАН принял свое постановление о создании нового института. Вот такая беззастенчивость...

Автор отдает себе отчет, что в этой части своей аналитической записки он переходит скорее на «фельетонный жанр». Но что же делать, если некоторые действующие лица этой социодрамы так напрашиваются в герои фельетона на моральные темы!

Можно, конечно, оспаривать нашу оценку ситуации и поведения отдельных лиц. Но за факты автор этой записки готов нести ответственность, хоть моральную, хоть юридическую.

Это — факт, что администрация и еще несколько человек ЗНАЛИ, за что могут проголосовать (или не проголосовать, и тогда дело «не выгорит»!) члены Президиума РАН 11 января. А от Ученого совета — СКРЫВАЛИ. Когда же решение Президиума РАН состоялось, назначенный директором-организатором СИ РАН С. И. Голод (он же — пока еще директор СПбФ ИС РАН), едва сообщив эту новость Ученому совету филиала, поспешил заявить, что данное заседание совета является ПОСЛЕДНИМ: Ученый совет, мол, уже не-право-мочен!

Кстати, по этой удобной логике (слишком явно демонстрирующей попытку уйти от публичной критики, да и противоречащей существующим научно-административным нормам) весь коллектив Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, хоть и продолжает пока действовать, в качестве такового (выполняет планы НИР на 2000 г., получает зарплату и т. д.), оказывается чем-то вроде «поручика Киж», с которым можно не считаться — теперь уже вроде даже «на законных основаниях».

Таким видится морально-этический аспект рассматриваемой истории с реорганизацией.

5. Что же теперь делать?

Ситуация сложная, но не безвыходная. И здесь представляется правильным обдуманно соединить несколько задач, среди которых:

а) обеспечение дальнейшего нормального, «не искаженного» развития социологической науки в Санкт-Петербурге; б) предотвращение назревающего конфликта в научном коллективе, который по существу обманули; в) и — немаловажно! — обеспечение возможности сохранить «лицо» тем, кто так или иначе создал эту ситуацию (некоторые, возможно, не отдавая себе в том отчета).

Нам неизвестны прецеденты, но — другого пути не видим! — это может быть осуществлено путем соответствующей корректировки пункта 3 (и только этого пункта!) постановления Президиума РАН от 11.01.2000, для чего есть и системно-научные, и кадрово-организационные (отвлечемся здесь от морально-этических!) предпосылки и основания. Разумеется, это может сделать только сам Президиум РАН, по специальному представлению Отделения философии, социологии, психологии и права.

Если допущена ошибка, каков бы ни был ее источник, ее нужно исправлять. Сделать это можно «мягко», а именно: не во изменение, а в дополнение к имеющемуся постановлению. Скажем, в специальном приложении к нему (такие прецеденты в Академии наук как раз имеются!) обозначить, с учетом дополнительной проработки вопроса, **ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ** научной деятельности нового института (напомним, 3-4 направления!) — с достаточным уровнем обобщения, с соблюдением системных требований, с сохранением специфичности (т.е. отсутствие дублирования) и актуальности (т. е. с учетом общественного запроса на соответствующие направления исследований).

Иначе говоря — исключить заведомую разрозненность, фрагментарность, дезинтеграцию научных направлений, обеспечить **ЦЕЛОСТНОСТЬ**, создать предпосылки для выработки научной концепции нового института.

(А на базе нынешнего реестра направлений никакой гениальный научный лидер единой программы деятельности института не «сошьет»!).

При этом важно избежать «искушения» провести и эту корректировку — келейно, аппаратными методами. Тут понадобится предварительное обсуждение, как минимум, на Ученом совете филиала (который директор-организатор СИ РАН несколько поторопился «разогнать»), с личным участием директора ИС РАН В. А. Ядова, возможно — представителей руководства СПбНЦ РАН. (Остается мечтать о личном участии кого-либо из центрального руководства РАН; сложившаяся неординарная ситуация, как нам кажется, того заслуживает).

В любом случае, недопустимо воспроизведение вышеприведенного перечня восьми разнокалиберных направлений в Уставе Социологического института РАН. (Ни один из известных нам Уставов академических институтов подобной «дробностью» и бессистемностью указываемых там направлений научной деятельности не страдает).

Далее. Представляется крайне важным поставить весь ход дальнейшего реорганизационного процесса, принципиально заданный постановлением Президиума РАН, под демократический контроль профессионального общества, да и под правовой контроль. Хотя подобные институциональные преобразования (создание нового института на базе определенной части имеющегося) в системе РАН и являются распространенной практикой, однако, как выяснилось, ясности по поводу последовательности организационных шагов и всех необходимых процедур нет не только у рядовых сотрудников, но и у администрации СПбФ ИС РАН.

К сожалению, не дает однозначных ответов на возникающие при этом вопросы и известный нормативный документ — «Основные принципы организации и деятельности научно-исследовательского института РАН», утвержденный Общим собранием РАН 29.05.97, с поправками, принятыми Общим собранием РАН 25.03.98.

Среди приложений к настоящей аналитической записке — запрос в протокольный отдел РАН, отправленный группой научных сотрудников СПбФ ИС РАН, по поводу того, как же **ПРАВИЛЬНО**, с административно-правовой точки зрения, должна происходить такая реорганизация. При со-

ставлении указанного запроса, чтобы грамотно поставить вопросы, нам (автор этой записки участвовал в этом обращении) пришлось «смоделировать» процесс реорганизации, как он, на наш взгляд, мог бы происходить с соблюдением правовых норм и демократических норм научной жизни.

В частности, просматриваются два этапа реорганизации: 1) до фактического образования нового института, и 2) после такового события.

На первом этапе осуществляются процедуры разработки, согласования и утверждения Устава нового института. После государственной регистрации Устава становится возможным единовременный перевод всех нынешних сотрудников СПбФ ИС РАН в СИ РАН, на прежние должности (пока нет новой структуры научных подразделений).

На втором этапе, по-видимому, должна быть соблюдена такая последовательность основных организационных шагов:

а) конкурс на замещение должности директора нового института (каждый кандидат защищает свой вариант общеинститутской программы); б) избрание нового Ученого совета, первым делом которого является утверждение вышеупомянутой программы (концепции) института; в) конкурс крупных исследовательских проектов в рамках общеинститутской программы; г) разработка новой структуры научных подразделений и нового штатного расписания (в пределах заданной постановлением Президиума РАН нормативной штатной численности); д) конкурс на замещение должностей руководителей научных подразделений и рядовых научных сотрудников; е) аттестация сотрудников, не подлежащих избранию по конкурсу.

На первом этапе представляется необходимым полноценное участие в реорганизационном процессе (подготовка Устава и т.д.) Ученого совета пока продолжающего функционировать филиала. А на втором – полноценное участие Ученого совета уже новообразованного института. Тем самым может быть обеспечен заслон всякой «закулисной» игре и администрированию.

При условии соответствующей корректировки пункта 3 постановления Президиума РАН от 11.01.2000, при условии отражения в Уставе СИ РАН действительно основных (обобщенных и системных) направлений научной деятельности, при свободном конкурсе научных программ и исследовательских проектов, наконец, при «бюрократически» корректной и поставленной под общественный контроль процедуре, образование и старт нового академического института могут оказаться успешными.

***

Настоящая аналитическая записка предлагается вниманию всех уровней руководства РАН и научной общественности.

Автор этой записки – социолог, проработавший в системе РАН свыше 20 лет, имевший опыт непосредственного участия в организации Института социально-экономических проблем АН СССР в 1975 г., один из инициаторов создания СПбФ ИС РАН в 1989 г., автор книги: *Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)*. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.

Никакого персонального ущемления со стороны администрации Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН никогда не имел. И

своей личной научной судьбой в связи с проводимой ныне институциональной реорганизацией вовсе не обеспокоен.

А. Н. Алексеев, ведущий научный сотрудник СПбФ ИС РАН, кандидат философских наук
3.02.2000

Приложение 1

О первых пяти годах работы Санкт-Петербургского (Ленинградского) филиала Института социологии РАН (АН СССР)

Недавно мне довелось обнаружить у себя на полке ротапринтное издание под названием «Научные труды Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН (1989-1994 гг.). Библиографический указатель / Сост. — О. Ю. Жандр. СПб.: СПбФ ИС РАН, 1994. В нем на 80 страницах около 400 названий работ сотрудников (без учета газетных публикаций).

Уместно воспроизвести здесь краткую историческую справку, предваряющую библиографический перечень:

«Санкт-Петербургский филиал Института социологии Российской академии наук создан в соответствии с Постановлением Президиума АН СССР № 487 от 13 июня 1989 г. «Об организации Ленинградского филиала Института социологии ПН СССР. Базой для создания филиала послужил один из ведущих отделов Института социально-экономических проблем АН и Госкомтруда. Решение об образовании филиала было продиктовано острой потребностью в расширении социологических исследований, в осмыслении сложных, противоречивых процессов, происходящих в обществе в ходе его реформирования, и радикальных изменений, начавшихся с 1985-86 годов.

Президиум АН СССР тем же постановлением утвердил следующие основные направления научных исследований:

- исследование проблем демократизации общественных отношений и самоуправления (деятельность Советов народных депутатов, общественные движения и гражданские инициативы), субъектов и механизмов формирования социальной политики;*
- изучение функционирования массового экономического, правового, экологического сознания как компонентов нового мышления;*
- исследование проблем становления социально-ответственной и нравственно-развитой личности, процессов социально-культурной дифференциации населения;*
- анализ социальной обусловленности отклоняющегося поведения и обоснование социальных программ в этой области;*
- разработка методов современных социологических исследований.*

Филиал, в соответствии с Постановлением, был призван готовить предложения по проведению активной социальной политики, координируя свою деятельность с Институтом социологии АН СССР.

Директором-организатором Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН стал доктор философских наук Фирсов Борис Максимович.

Первоначально структура подразделений филиала, проводящих научные исследования, включала четыре сектора и четыре научно-исследовательские группы:

- сектор социальной политики (руководитель — доктор юридических наук П. Н. Лебедев);*

- сектор социально-культурных изменений (руководитель – кандидат философских наук В. Б. Голофаст);
- сектор городского образа жизни (руководитель – кандидат философских наук И. И. Травин);
- сектор социологии общественных движений (руководитель – кандидат философских наук В. В. Костюшев);
- группа проблем общественного сознания (руководитель – доктор философских наук Б. З. Докторов);
- группа «Семья и социальное воспроизводство человека» (руководитель – доктор философских наук С. И. Голод);
- группа социологии девиантного поведения (руководитель – кандидат философских наук – В. Г. Карпов);
- группа общих проблем социологии (руководитель – доктор философских наук И. А. Голосенко).

Ядро филиала составили профессиональные социологи, в своем подавляющем большинстве представляющие направление социологической мысли, возникшее в 60-е годы и известное под названием «Ленинградской социологической школы».

В настоящее время в филиале работают 76 человек, из них исследования ведут 71 научный и научно-технический сотрудник, в том числе 8 докторов наук, 17 кандидатов наук.

Структура филиала после ряда преобразований приобрела к настоящему времени (1994 г. – Ред.) следующий вид:

1. Сектор социальной политики – и. о. зав. сектором Н. Л. Русинова;
2. Сектор социально-культурных изменений – зав. сектором В. Б. Голофаст;
3. Сектор городского образа жизни – зав. сектором И. И. Травин;
4. Сектор социологии общественных движений – зав. сектором В. В. Костюшев;
5. Сектор проблем общественного сознания – зав. сектором Б. М. Фирсов;
6. Сектор социологии девиантного поведения – и. о. зав. сектором В. С. Афанасьев;
7. Группа политической социологии – рук. группы В. М. Воронков;
8. Группа изучения динамики массового сознания – рук. группы Л. Е. Кесельман;
9. Группа «Социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений» – рук. группы С. И. Голод;
10. Группа общих проблем социологии – рук. группы И. А. Голосенко;
11. Административно-управленческий персонал.

Большая часть научно-исследовательских разработок филиала выполняется в рамках крупных, комплексных академических программ. В 1990-91 гг. филиал участвовал в таких программах: «Социальные проблемы в условиях перестройки» и «Человек, наука, общество: комплексные исследования». С 1992 г. выполняется 11 научно-исследовательских проектов, входящих в программу Российской академии наук «Альтернативы социальных преобразований посттоталитарного общества». В этом же году начата работа над крупным проектом «Качество населения Санкт-Петербурга», являющимся частью региональной междисциплинарной гуманитарной программы.

Осуществляются исследования по программе Министерства, науки, высшей школы и технической политики РФ «Народы России: возрождение и развитие». Ученые филиала выполняли проекты по заказу Российского центра экономической реформы при правительстве РФ, в частности: «Формирование и развитие отношения различных социальных групп населения ключевых районов России к изменяющимся условиям жизни и структурам власти в процессе перехода к рыночной экономике», «Влияние массовых общественных движений и политических

организаций на процесс экономической реформы».

Помимо этого, изучаются и актуальные вопросы развития современного Санкт-Петербурга – жилищная проблема, преступность, бедность, безработица и др. Специалисты филиала осуществляют экспертную деятельность в соответствии с запросами как общественных организаций, так и управленческих структур различного уровня (правительство России, мэрия Санкт-Петербурга). Эта деятельность осуществляется, в частности, через Леонтьевский центр (Международный центр социально-экономических исследований), одним из учредителей которого является филиал.

Динамично развиваются международные связи филиала. Наряду с участием ученых филиала в международных конференциях интенсивно осуществляются совместные исследования. Наиболее динамично развиваются совместные исследования с финскими коллегами. <...>

В 1990 г. была открыта аспирантура по всем социологическим специальностям. <...>

Ученые филиала ведут активную педагогическую деятельность. Они читают курсы лекций по социологическим учебным дисциплинам в Санкт-Петербургском государственном университете, Академии культуры (здесь ошибка: по-видимому, имеется в виду Санкт-Петербургский гос. университет культуры и искусств. – Ред.) и других высших учебных заведениях Санкт-Петербурга.

В СПбФ ИС РАН образован специализированный Ученый совет, принимающий к защите кандидатские диссертации по нескольким социологическим специальностям.

За несколько лет своего существования филиал стал известен как научно-исследовательский методический и методологический центр. <...>

Учеными филиала опубликовано большое количество работ в России и за рубежом по основным направлениям научной деятельности, утвержденным Президиумом Академии. <...> Кроме того, ученые института известны своими публицистическими выступлениями в местной и центральной печати, на радио и телевидении».

Обращают на себя внимание доброкачественность формулирования основных направлений научной деятельности филиала в 1989 г. и высокая продуктивность деятельности сотрудников СПбФ ИС РАН в период 1989–1994 гг. (А. Алексеев. Октябрь 2009 г.).

Приложение 2

Из статьи Б. Максимова

«Двадцать лет исследования и со-творения трансформаций»

<...> Социологический институт РАН и его сотрудники были не только активными исследователями процессов демократизации и изменений социально-трудовых отношений, но нередко и участниками, со-творцами процесса преобразований, как бы осуществляли социологическое сопровождение изменений (реформ). Его результаты далеко не всегда были востребованы в полной мере, но они вырабатывались, представлялись в публикациях и иных формах.

Поскольку нам, как исследователям, довелось «жить в эпоху перемен», деятельность института началась в условиях изменений, и предметом наших исследований были происходящие перемены. Именно они доминировали в общественной жизни, притом происходили так быстро, что трудно было поспевать за ними: важное сегодня уже устаревало завтра. В этих условиях стоило (волей-неволей) рассматривать именно изменения. Если ранее мы изучали статику, связи, сложившиеся отношения, то теперь надо было следить за тем,

как они ломаются, разрушаются, как появляется новое и что оно несет. И социологи прилагали усилия, чтобы поспевать за изменениями, в т. ч. используя мобильные способы сбора, анализа информации (например, уличные опросы, практиковавшиеся группой Л. Е. Кесельмана). <...>

(Максимов Б. Двадцать лет исследования и со-творения трансформаций / Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. – СПб.: Нестор-история, 2009, с. 241-242).

4.3. Открытое письмо Г. И. Саганенко вице-президенту РАН В. Н. Кудрявцеву (2000)¹¹

Кризисная ситуация, сложившаяся в связи с реорганизацией Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН (2000), вызвала обеспокоенность и побудила к действиям также и другого сотрудника СИ РАН – Г. И. Саганенко.

Вице-президенту РАН В. Н. Кудрявцеву¹²

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

К вам обращается ведущий научный сотрудник СПб филиала Института социологии РАН, доктор социологических наук, профессор Саганенко Галина Иосифовна. В моем письме рассматривается механизм создания нового академического института в Санкт-Петербурге (Социологический институт РАН).

11 января 2000 г. принято Постановление № 3 Президиума РАН о создании в системе РАН Социологического института на базе Санкт-Петербургского филиала Института социологии. Филиал был создан в 1989 г., успешно функционировал в течение десяти лет и удовлетворял принятым в Академии наук требованиям и нормам научной работы, в частности, по результативности и качеству. <...> И когда возник вопрос о создании самостоятельного социологического института в Санкт-Петербурге, естественно было предполагать, что петербургское подразделение будет преобразовано, но не закрыто в принципе, с тем, чтобы на его месте возникла совершенно новая структура.

Предусмотренный выход Филиала на более высокий уровень и его преобразование в самостоятельный институт по существу было обеспечено работой всех подразделений СПбФ ИС РАН.

¹¹ Публикуется впервые. Благодаря Г. Саганенко, разыскавшую этот документ в своем архиве.

¹² Копии этого документа были отправлены также: академику-секретарю Отделения философии, социологии, психологии и права РАН Б. Н. Топорнину; вице-президенту РАН, председателю Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН Ж. И. Алферову; главному ученому секретарю СПб НЦ РАН Э. А. Троппу; зам. председателя Президиума СПб НЦ РАН Ю. А. Петросяну; директору Института социологии РАН В. А. Ядову; президенту Российского общества социологов В. А. Мансурову; президенту Профессиональной социологической ассоциации А. Г. Здравомыслову.

Однако, согласно пункту 3 названного постановления, фактически предусмотрена новая структура, где большинству прежних направлений не отведено никакого, даже «трансформированного» места, соответственно, нет места в новой структуре и примерно половине прежних сотрудников, хотя нормативная штатная численность остается прежней. В новой структуре не предусмотрено возможностей для продолжения работы по таким направлениям, как социология общественных движений, изучение динамики массового сознания, исследование проблем городского образа жизни, методология эмпирического познания в социологии, и ряд других. В обозначенной структуре нет места и для целой плеяды (позволю себе использовать это слово) отечественных социологов — Андрея Алексеева, Леонида Кесельмана, Владимира Костюшева, Бориса Максимова, Никиты Серова, Галины Саганенко (поставлю и себя в этот ряд), Игоря Травина и ряда других. (Кстати, эти сотрудники в свое время сделали весомый вклад в становление Филиала).

Я и многие мои коллеги считают неприемлемым использованный механизм образования нового института — в Филиале не было проведено ни одного обсуждения предлагаемых структурных перемен, ни на уровне Ученого совета, ни на уровне совещания ведущих научных сотрудников, ни на уровне общего собрания коллектива. Более того, в настоящее время в ответах на недоуменные вопросы сотрудников руководство представляет дело таким образом, что все, мол, было задумано где-то в Отделении и предлагалось именно сверху. В качестве объяснений также говорится, что вроде бы при определении направлений СИ РАН руководствовались в том числе и тем, чтобы новый институт отличался от двух уже имеющихся в системе РАН социологических институтов — Института социологии и Института социально-политических исследований.

Мы не согласны с тем, что ряд «старых» (не упомянутых в постановлении) направлений должен исчезнуть и ряд «новых» (упомянутых там) должен прийти им на смену. Непонятно, например, почему должны исчезнуть такие актуальные направления, как социология общественных движений (рук. — зав. сектором, к. ф. н., доц. В. В. Костюшев), к тому же такого направления вообще нет в структуре академических учреждений; изучение динамики массового сознания (рук. — с. н. с. Л. Е. Кесельман), в рамках которого разработана пионерная технология массовых опросов, ныне принятая на вооружение десятками социологических центров страны. Или почему должно перестать существовать в Санкт-Петербурге такое направление, как методология эмпирического познания в социологии (рук. — в. н. с, д. с. н., проф. Г. И. Саганенко). (Отмечу: на мировых и европейских социологических форумах я почти всегда оказываюсь единственным представителем России в области методологии социальных наук).

Посмотрим теперь на «новое» в утвержденной структуре нарождающегося института. Многое, что обозначено в качестве новых направлений, уже широко представлено в других научных учреждениях и / или создается при отсутствии достаточного кадрового ресурса. Например, в отношении

направления «социология власти и властных отношений» (здесь однозначно предполагается в качестве главы руководитель группы, к. п. н. А. В. Дука) — мы бы сказали, что это одно из самых распространенных направлений в современной отечественной социологии, к тому же в системе РАН уже существует целый институт, который как раз этим и занимается (Институт социально-политических исследований). Или направление «социальная антропология» (предполагаемый здесь лидер — с. н. с., к. с. н. Б. Е. Винер) — есть два больших этнографических подразделения в структуре СПб НЦ РАН, есть кафедра культурной антропологии и этнической социологии в СПб ГУ. Или почему такое направление, как «социология и социальная психология морали», можно открывать при кадровой обеспеченности лишь одним человеком (рук. группы, к. пс. н. К. Муздыбаев).

Мы не согласны также с тем, как сейчас продолжают себя вести наши администраторы — директор, д. ф. н. С. И. Голод, зам. директора по науке А. В. Дука — они по-прежнему представляют дело так, будто лишь исполняют «высшую волю», сами, мол, ничего не знают.

<...> Важно отметить, что предысторию этого кризиса до значительной степени определяют существующие в нашем филиале серьезные разногласия по поводу принципиальных путей развития отечественной социологии, ее места в мировой социологии. Прежде всего эти разногласия связаны с тем, что дирекцией и рядом разделяющих ее взгляды сотрудников признается только «чистая» в их понимании социология, в рамках которой нет места тому, что называется ныне «качественной», «рефлексивной», «гуманистической» социологией. «Депривации» неоднократно подвергались (а теперь это закреплено пунктом 3 постановления Президиума РАН) как раз те направления и конкретные сотрудники, которые не вписываются в стандартизированную социологию, а представляют именно «качественную парадигму».

Среди «депривированных» оказались: базированные на глубинных интервью исследования стратегий выживания, проводимые сектором городского образа жизни (рук. — зав. сектором, к. ф. н. И. И. Травин); базирующиеся во многом на качественных методах исследования общественных движений (рук. — В. В. Костюшев); лонгитюдные ежегодные исследования параметров изменяющегося общества и массового сознания с использованием открытых вопросов, «рефлексивные методы социологии» (рук. — Г. И. Саганенко); возможно, и биографические и генеалогические исследования с уникальным биографическим фондом (зав. сектором, к. ф. н. В. Б. Голофаст) и другие. (Это, конечно, не значит, что разные «стороны» вообще не используют разного типа методы.)

Здесь впоследствии могут обнаружиться некоторые неточности по поводу конкретных тем и имен, но в принципе пункт 3 постановления Президиума РАН не оставляет сомнений, для каких именно персон будущих руководителей разработан данный список направлений. <...>

«Подготовка» такого решения, несомненно, была осуществлена нашей дирекцией, а остальное уже было только «вопросом техники» — выбрать нужное время, использовать разные критерии и аргументы для одних и других, убедить, что это якобы оптимальный вариант, и проч.

Итак, многих ведущих сотрудников Санкт-Петербургского филиала Института социологии не устраивает предлагаемый список направлений и вытекающая из этого организационная структура, где не находится места многим известным или рядовым исследователям, которые плодотворно работали и обеспечили в том числе Санкт-Петербургскому филиалу получение нового институционального статуса. Более того, мы как раз не видим логики в той структуре, которая предложена, — это отнюдь не система научных направлений, а только перечень частных секторов, при этом за некоторыми из них реально стоят лишь одна-две персоны.

В преодолении неадекватности данной ситуации видится возможным вариант, который предполагает три момента:

(а) определить не частные, а действительно принципиальные для отечественной социологии научные направления (естественно, с опорой на существующие или потенциальные ресурсы);

(б) объявить конкурс программ претендентов на лидеров направлений;

(в) создать принципиально равные возможности участия в конкурсе представителей разных методологий и, соответственно, разных сторон этого конфликта (это можно обеспечить только открытой защитой проектов с участием сторонних экспертов).

Такого типа предложения могли бы стать основой при подготовке необходимого дополнения к постановлению Президиума РАН № 3 от 11.01.2000. <...>

Г. И. Саганенко. 31.01.2000

Предпринятый в этом открытом письме Г. Саганенко анализ ситуации, сложившейся после принятия Президиумом РАН Постановления № 3 «О создании Социологического института РАН (представление Отделения философии, социологии, психологии и права)» от 11.01.2000, равно как и аналитическая записка А. Алексеева (см. выше: раздел 4.2), как покажут дальнейшие события, не остались не замеченными академическим руководством, хотя официального ответа не было получено.

4.4. К разработке Устава СИ РАН (февраль 2000)

К заседанию комиссии по разработке Устава
Социологического института РАН 3.02.2000¹³

*Принципиальные замечания к варианту 1
проекта Устава СИ РАН*

Вариант 1 проекта Устава СИ РАН, с которым я имел возможность ознакомиться, пока страдает рядом существенных недостатков. Среди них укажем основные.

¹³ Автор. – А. Н. Алексеев. Публикуется впервые.

I

Все известные мне Уставы академических институтов, составлявшиеся и регистрировавшиеся после 1997 г., не только опираются, но и *дословно воспроизводят* все общие пункты нормативного документа «Основные принципы организации и деятельности научно-исследовательского института РАН», утвержденного Общим собранием РАН 29.05.1997, с поправками, принятыми Общим собранием РАН 25.03.1998 и Общим собранием РАН 2.06.1999¹⁴. Это — сложившаяся, стандартная практика разработки Уставов академических институтов, от которой нам не следует отступать.

Индивидуализированными во всяком уставе должны быть только положения, *относящиеся к специфике данного института*, к каковым относятся: реквизиты института, цели и предмет деятельности института, возможно — еще несколько позиций.

Итак, общие (обязательные) положения вышеупомянутого нормативного документа РАН не подлежат в разрабатываемом Уставе нового института ни корректировке, ни изъятию. Что касается положений, относящихся к специфике данного института, то именно они (их немного!) должны быть вычленены, обсуждены и отработаны со всей возможной тщательностью.

II

Работа по приведению общих положений Устава СИ РАН в соответствие с вышеупомянутым нормативным документом — дело в общем-то техническое. Желательно при этом максимально точно воспроизводить формулировки и последовательность позиций нормативного документа РАН. В чем составитель чернового варианта проекта оказался недостаточно строг.

Так, совершенно неоправданно пункты Устава, относящиеся к прерогативам общего собрания научных сотрудников, перенесены из начала в конец Устава (вопреки тому, что находим в нормативном документе РАН).

Другой пример: в перечень функций директора института составитель варианта 1 проекта Устава СИ РАН вносит первым пунктом: директор «...руководит разработкой основных направлений научных исследований, планов НИР и других планов института» (что вовсе отсутствует в нормативном документе РАН!); затем следуют несколько пунктов, переписанных (вполне резонно!) из нормативного документа РАН, и тут же несколько «оригинальных», например:

Директор «...в соответствии с действующим законодательством перемещает (*так!* – Ред.) сотрудников института, переводит их на контрактную основу, откомандировывает сотрудников института для работы во временных научных коллективах, для работы и стажировки за границей».

Или другая, не предусмотренная в нормативном документе РАН функция директора института:

«...переводит на высшие или низшие должности, повышает или понижает должностные оклады научным сотрудникам и специалистам по результатам аттестации, утверждает решения Ученого совета по итогам конкурса, принимает решения по итогам работы аттестационных комиссий».

Мы вовсе не утверждаем, что директор не должен делать ни того, ни другого, ни третьего, но, вполне определенно, не в этом заключается специфика СИ РАН,

¹⁴ См. на сайте РАН: <http://www.ras.ru/>. Точечный адрес — <http://www.ras.ru/about/rascharter3.aspx>.

по сравнению с другими академическими институтами. Самодеятельное «загромождение» Устава института общими либо, наоборот, частными положениями, которые отсутствуют в нормативном документе РАН (на который при разработке Устава следует ориентироваться), является заведомо неуместным.

Под этим углом зрения надо внимательно «прочистить» проект Устава, избавившись от лишнего, необязательного, отраженного в законодательстве РФ или в других нормативных документах РАН.

Заметим, что в своих «новациях» составитель варианта 1 проекта Устава СИ РАН не оригинален: что-то переписано из Устава ИС РАН, что-то – из Устава ЭМИ РАН, в том числе – цитированное выше. Но использование этих precedентов здесь сомнительно. Судя по нормативному документу РАН, вовсе не обязательно записывать в Устав подобные пункты, отчасти повторяющие предыдущие, да еще дающие повод для противоречивых толкований.

Ограничимся этими примерами.

III

Второе принципиальное замечание. При прописывании целей Социологического института РАН, составитель варианта 1 проекта Устава СИ РАН <...>, как нетрудно заметить, опирается на прецедент Института социологии РАН (его Устав) и на пункт 3 постановления Президиума РАН от 11.01.2000 («О создании Социологического института РАН»).

Однако сделано это, на наш взгляд, некачественно. Например, в Уставе ИС РАН записано, что «Институт социологии РАН... имеет своей основной целью... фундаментальные исследования в области теории, методологии и истории социологической науки...». Составитель проекта переписывает эти формулы, но... без «методологии», возможно, полагая последнюю не специфичной для СИ РАН, или что можно заниматься теорией без методологии.

Уж если переписывать с образцов, то аккуратно, а вообще-то лучше здесь проявить творчество и сформулировать основную цель так, чтобы это отражало действительные задачи *данного* института, не дублирующего другой <...>. Чего составитель варианта 1 проекта Устава СИ РАН как раз не делает.

Так, автор проекта дословно (убрав лишь пару слов) переписывает из «задач» ИС РАН:

исследования «...социальных проблем (убрано слово «фундаментальных»), в первую очередь – российского общества, глобальных проблем человеческого сообщества, внедрения в социальную практику научно обоснованных разработок, информирование властных и гражданских институтов российского общества о динамике социальных процессов и социальных проблемах, требующих их внимания или действий».

Неужели самостоятельный академический институт не способен обойтись без калькирования *специфических* формулировок другого института, хотя бы и близко родственного, из «лона» которого выходит?!

В Уставе ИС РАН, думаю, не случайно отсутствует перечисление всех <...> направлений научной деятельности этого института. Ибо они в общем «покрываются» вышеприведенными общими формулировками, уместными в Уставе, в отличие от относительно частных направлений. В варианте 1 проекта Устава СИ РАН не только воспроизводится п. 3 постановления Президиума РАН о создании Института (причем, с некоторыми изъятиями, неясно, случайными или мотивированными, а также с

нарушением некоторых правил грамматики), но и совершается (по небрежности, или намеренно?) определенная ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДМЕНА. А именно:

– в известном постановлении дается список 8 утвержденных Президиумом РАН «направлений научной деятельности» (чем, во всяком случае, не исключается возможность и других в данном институте, которые, по тем или иным причинам, в постановлении не обозначены); обратим внимание, что формулировка «основные направления» там отсутствует;

– а в варианте 1 проекта Устава СИ РАН эти же направления (кроме одного, возможно, случайно опущенного из списка утвержденных Президиумом РАН) почему-то называются *основными направлениями*.

Такая «самодеятельность» при составлении документов, определяющих деятельность академического института на годы вперед, является недопустимой. Вообще, этот (именно этот!) раздел Устава *не может быть отдан на откуп ни директору-организатору, ни соответствующей комиссии, а требует коллективной проработки либо на Ученом совете, либо на совещании руководителей научных подразделений и ведущих научных сотрудников СПбФ ИС РАН* («в недрах» которого рождается этот Устав).

Со своей стороны, полагаем, что:

– либо «общая шапка» специфической части уставного раздела «Цели и предмет деятельности института» должна уже включать в себя обобщение основных направлений, так чтобы ВСЕ имеющиеся или предполагаемые направления научной деятельности не перечислять (так это сделано, например, в Уставе ИС РАН, где вообще список частных направлений отсутствует);

– либо задается список действительно ОСНОВНЫХ, обобщенных (не частных!) направлений, но уже, разумеется, не 7-8, а трех, максимум – четырех (как это имеет место, например, в Уставе ЭМИ РАН).

Во избежание излишних споров и затруднений в выборе формулировок, мы полагаем более подходящим для СИ РАН прецедент ИС РАН, а не ЭМИ РАН. (Из чего, однако, не следует, что можно просто переписать общие формулировки из Устава ИС РАН, как это попытался сделать составитель варианта 1 проекта Устава будущего института).

IV

Наши предложения сводятся к тому, чтобы поручить кому-либо одному из членов комиссии реализовать наше первое замечание (относящееся к прописыванию или переписыванию общих формулировок нормативного документа РАН). Это вообще «дело техники» (хотя и тут надо быть аккуратными!).

Что же касается специфической, концептуальной части Устава, то мы считаем необходимым предварительно провести консультации с руководителями научных подразделений и ведущими научными сотрудниками, а затем – обсудить ее на *расширенном заседании Ученого совета СПбФ РАН*, информация о будто бы прекращении действия которого с момента выхода постановления Президиума РАН 11.01.2000 *противоречит не только здравому смыслу, но и существующим научно-административным нормам*.

Член комиссии по разработке Устава СИ РАН, ведущий научный сотрудник СПбФ ИС РАН, к. ф. н. А. Н. Алексеев

3.02.2000

Эти замечания вызвали довольно энергичное противодействие со стороны тогдашней администрации СПбФ ИС РАН. В конечном итоге, в проект Устава Социологического института РАН, предложенный администрацией, были внесены отдельные, частичные изменения.

4.5. Надбавки к окладам и проч. (февраль 2000)

Нижеследующие два документа характеризуют ситуацию в СПб филиале Института социологии РАН в плане практики текущего управления и материального стимулирования.

(1)

*К анализу распределения надбавок к окладам в СПбФ ИС РАН,
по состоянию на начало 2000 г.*

8 февраля 2000 г. в СПбФ ИС РАН был обнародован приказ директора № 2-к от 25.01.2000, устанавливающий надбавки к окладам сотрудникам на период с 1.01 по 31.03.2000.

Вызывает некоторое недоумение, почему такой приказ доводится до сведения сотрудников с опозданием на 2 недели (или был издан задним числом?). Но заслуживает внимания главным образом другое: *какова тенденция* распределения надбавок к окладам, насколько адекватны действия директора в данном вопросе или они несут на себе отпечаток некоторых субъективных соображений и предпочтений.

Понятно, что в данном распределении учитываются не только научно-производственные достижения сотрудников, но и уровень базовых окладов, который, в частности, у лаборантов и младших научных сотрудников, чрезвычайно низок. Поэтому не удивительно и безусловно справедливо, что, например, лаборантам назначен процент надбавки к окладу на уровне 57-76%, обеспечивающий им возможность иметь суммарный месячный заработок хотя бы близко к 500 руб.

Что касается остальных сотрудников (включая работников администрации), имеющих базовый оклад от 460 до 815 руб. (не считая надбавки за ученую степень, у кандидатов и докторов наук), то здесь процент надбавки к окладу имеет смысл *оценки их трудового вклада*. И может анализироваться именно с этой точки зрения.

По данным упомянутого приказа и с учетом некоторых дополнительных сведений, полученных в бухгалтерии института, нами выполнена **ранжировка** всех штатных сотрудников института (т. е. исключая совместителей-«полставочников»), имеющих базовый оклад свыше 450 руб. (что соответствует уровню ... разряда Единой тарификационной сетки, и выше) — по величине процента надбавки от оклада, по состоянию на начало 2000 г. (колонка 6).

Параллельно приводятся данные по состоянию на апрель 1999 г. (колонка 5).

<...> (Здесь опущена таблица с ранжированным, по указанному критерию, списком сотрудников СПбФ ИС РАН. — Ред.)

Напомним, что из нашей ранжировки исключены все те сотрудники, чей базовый оклад ниже 450 руб. и для которых назначение надбавок к окладам подчиняется закономерностям, отличным от тех, которые нас интересуют.

Рассмотрение вышеприведенной таблицы обнаруживает:

1) весьма значительную (пожалуй, до «неприличия»!) «вилку» в установлении надбавок к окладам сотрудников – от 93 до 12%;

2) вполне отчетливое предпочтение в установлении надбавок к окладам – работникам администрации, т. е. им назначается заведомо более высокий «коэффициент трудового участия» (или доплата «за вредность» условий труда?);

3) достаточно явную избирательность в установлении надбавок к окладам разных групп сотрудников, причем, как можно предположить, безотносительно к научным или иным производственным достижениям членов коллектива, а в силу каких-то иных соображений;

4) вместе с тем, распределение надбавок (измеряемых процентом к окладу) близко к «нормальному» (в чисто статистическом смысле). Так, из 46 сотрудников, представленных в таблице, 11 имеют показатели от 93 до 44%, и 15 – от 22 до 12%; «центральная» группа, с показателями от 38 до 25 %, составляет 30 чел.;

5) распределения надбавок к окладам ныне и в апреле 1999 г. различаются мало, т. е. эти особенности сложились по крайней мере год назад.

Результаты настоящего анализа, как нам представляется, заслуживают внимания коллектива СПбФ ИС РАН, поскольку ими обнаруживаются вполне определенные тенденции современного управления этим коллективом.

Ведущий научный сотрудник СПбФ ИС РАН, к. ф. н. А. Н. Алексеев
15.02.2000¹⁵

(2)

Директору СПбФ ИС РАН д. ф. н. С. И. Голоду
от ведущего научного сотрудника, к. ф. н. А. Н. Алексеева

Копия: в бухгалтерию СПбФ ИС РАН

Заявление

Ознакомившись с личными заявлениями моих коллег И. И. Травина, Т. З. Протасенко и др. об их отказе от получения надбавки к окладу, установленной Вашим приказом по Институту № 2-к от 25.01.2000, я, разумеется, присоединяюсь к занятой ими позиции и от установленной мне персональной надбавки 25% к окладу (в сумме 165 руб.) отказываюсь.

Мои мотивы явствуют из произведенного мною анализа административной «политики» и практики распределения надбавок к окладам в СПбФ ИС РАН, результаты которого, в письменном виде, доведены мною до сведения администрации СПбФ ИС РАН (зам. директора по науке, к. п. н. А. В. Дука) вчера, 15.02.2000. (См. выше. – Ред.).

Эти мотивы явствуют также из моей аналитической записки от 3.02.2000, посвященной, в частности, Вашей и других работников администрации деятельности в последние месяцы¹⁶. С этой запиской я предлагал Вам ознакомиться неделю назад (служебная записка от 7.02), однако Вы от этого уклонились.

(Пользуясь случаем сообщить, что эта записка отправлена руководству РАН 8.02.2000).

¹⁵ В ту пору в СПб филиале Института социологии РАН (СИ РАН) еще было принято инициативно вывешивать на доске объявлений документы, исходящие «снизу», а не только из администрации. Так было и на этот раз. (Примечание А. Алексеева).

¹⁶ См. выше: раздел 4.2.

Все эти нежелательные явления отмечались мною еще около года назад (выступление на собрании трудового коллектива СПбФ ИС РАН 22.04.1999)¹⁷, но Вы, к сожалению, к деловой критике тогда не прислушались.

Сейчас, также к моему сожалению, Вы и Ваш заместитель А. В. Дука окончательно утратили кредит доверия по крайней мере тех членов научного коллектива, которые уже отказались от вышеупомянутых надбавок (из чего, надеюсь, Вы сумеете сделать надлежащие выводы).

Процедура переоформления финансовых документов, с необходимостью следующая, в частности, из настоящего заявления об отказе от надбавки к окладу, достаточно затруднительна и «болезненна», однако не противоречит нормам гражданского и трудового законодательства.

Этих административных затруднений могло бы и не быть, если бы Ваш приказ № 2-к от 25.01.2000 был обнародован своевременно, а не 8.02.2000, когда ведомость о зарплате уже оформлена.

А. Н. Алексеев, 16.02.2000

4.6. Результаты опроса сотрудников СПбФ ИС РАН, посвященного ситуации в коллективе Института (март 2000)

Автор настоящего текста — А. Н. Алексеев. Текст был обнародован в Институте (публично предложен для ознакомления всем желающим) в марте 2000 г.. Публикуется впервые.

14-16 марта 2000 в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН был проведен опрос штатных сотрудников по анкете **«Ваш взгляд в недавнее прошлое, настоящее и будущее института»** (составитель анкеты и организатор опроса — вед. н. с. А. Н. Алексеев). Всего опрошено 46 чел. Методический инструмент (опросный лист) прилагается¹⁸. В нем оговорена и процедура проведения опроса, которая была строго соблюдена.

Структура опроса. Обстоятельства его проведения

По состоянию на конец января 2000 в СПбФ ИС РАН, при нормативной штатной численности 77 чел., фактически работал 71 чел., не считая совместителей. (Источник: приказ директора о назначении надбавок к окладам, № 2-к от 25.01.2000). С тех пор два человека (один научный сотрудник и один ст. лаборант-исследователь) уволились, и один ст. лаборант-исследователь был зачислен в штат, по истечении испытательного срока. Таким образом, число штатных сотрудников (исключая совместителей) на сегодня составляет 70 чел. Из них:

¹⁷ См. выше: раздел 4.1.

¹⁸ См. ниже: в приложении.

директор – 1 чел.
 зав. секторами – 4 чел.
 главные научные сотрудники – 1 чел.
 ведущие научные сотрудники (включая, условно, зам. директора по науке и ученого секретаря) – 8 чел.
 старшие научные сотрудники – 14 чел.
 научные сотрудники – 16 чел.
 младшие научные сотрудники – 7 чел.
 старшие лаборанты-исследователи – 12 чел.
 административно-управленческий персонал (исключая зам. директора по науке и ученого секретаря) – 7 чел.
 (Здесь не учтены некоторые преобразования штатного расписания, имевшие место в марте 2000 г.).

Укрупним эти профессионально-должностные группы. <...> Ниже – структура опрошенных по профессионально-должностному статусу в сопоставлении со структурой наличного кадрового состава института:

Таблица 1

Должностной статус	Наличный состав	Опрошено
– старшие научные сотрудники и выше	28	21
– научные и младшие научные сотрудники	23	19
– старшие лаборанты-исследователи	12	6
– административно-управленческий персонал	7	–
ИТОГО:	70	46

Примечание: Первоначально предполагалось опросить также аспирантов очного обучения. Это оказалось затруднительным в поставленные для обследования сроки. Поскольку рубрикация профессионально-должностных статусов в опросном листе предусматривала одну позицию для научных, младших научных сотрудников и аспирантов вместе, постольку отделить заполненные анкеты 2-х опрошенных аспирантов не удалось, и они сохранены в массиве ($17 + 2 = 19$).

Как видно, всего опрошено около 2/3 коллектива СПбФ ИС РАН.

Если же не учитывать работников АУП (которые от участия в опросе, по разным причинам, поголовно отказались), то *опрошено: около 3/4 научного коллектива* (включая старших лаборантов-исследователей) и *свыше 3/4* такого коллектива (если лаборантов к научному коллективу не причислять).

Не охваченная опросом 1/4 коллектива – это: находящиеся в командировке; находящиеся на бюллетене; те, с кем не удалось встретиться в дни проведения опроса; а также – отказавшиеся от участия в опросе (по принципиальным или иным соображениям).

Среди последних (помимо работников АУП): директор института С. Голод, зам. директора по науке А. Дука, ученый секретарь А. Быстрова, научные сотрудники И. Гурвич, А. Клецин, Л. Кузнецова, О. Цепилова. В частности, в полном составе отказалось от участия в опросе научное подразделение, возглавляемое директором института С. Голодом (3 чел.).

(Организатор опроса подтверждает оговоренные в опросном листе гарантии неразглашения индивидуальных ответов опрошенных; однако сохранения аноним-

ности отказов от участия в опросе, посвященного актуальным проблемам жизни профессионального сообщества, мы не обещали).

Согласно процедуре, ответы заносятся на опросный лист самим опрашиваемым – *не в присутствии* организатора опроса. Последний отказывался консультировать опрашиваемых в толковании того или иного вопроса и предлагал руководствоваться исключительно указаниями опросного листа, а в случае, если таковые покажутся недостаточными, предлагать соответствующий вопрос, а также фиксировать свои замечания прямо на опросном листе.

Организатор опроса отказывался обсуждать с опрашиваемым не только формулировки анкеты, но и сам предмет опроса – во время его проведения. То есть роли составителя анкеты и сборщика информации были строго разделены.

Как правило, сотрудники института охотно заполняли опросный лист, за исключением двух человек, которые сделали это лишь «снисходя» к просьбе организатора. Еще один чел. (из младшего научного персонала) сначала откликнулся на приглашение к опросу, а затем – под влиянием обстоятельств, о которых мы можем лишь догадываться, – попросил исключить его из списка опрошенных. Что было нами сделано, а заполненная анкета (не успевшая попасть в массив) была уничтожена, у него на глазах.

Возражения против проведения опроса со стороны тех немногих, кто категорически отказался в нем участвовать, были разнообразными и иногда оригинальными. Нам запомнились следующие аргументы: «некомпетентность» (научного сотрудника в предмете опроса), «бессмысленность» (данного мероприятия) и даже «аморальность» (самого замысла опроса). Последнее соображение было высказано зам. директора по науке А. Дукой.

При вскрытии конвертов с опросными листами было обнаружено 5 анкет, подписанных опрашиваемым.

Способы обработки и представления данных

Миниатюрность массива опрошенных – 46 чел. (равно как и всей штатной численности обследованного коллектива – 70 чел.) исключает возможность представления данных в том виде, как это принято в массовых обследованиях. Мы, как правило, не будем пользоваться процентами, а только абсолютными показателями и оценками типа «больше», «меньше», «около половины» и т. п.

Поскольку общий массив опрошенных близок к 50 чел., любой абсолютный показатель общего распределения может быть грубо пересчитан в проценты, путем умножения на 2. Но мы предоставим делать эту счетную операцию в уме самому читателю, если он сочтет ее целесообразной.

Далее, количество опрошенных лаборантов-исследователей (6 чел.) столь невелико, что нет смысла обрабатывать данные отдельно для «научного коллектива», как такового, и для «всего коллектива», включая лаборантов. Различия показателей для этих двух массивов будут незначительными.

Поэтому в дальнейшем будем говорить о распределении позиций (точек зрения, мнений) в *научном коллективе* (памятуя, что он «разбавлен» шестью лаборантами и двумя аспирантами, которые формально не являются научными сотрудниками). Материалы опроса были обработаны нами как вручную, так и с помощью компьютерной программы. Ниже представляются результаты (*Полный текст анкеты см. в Приложении – Ред.*).

Оценки различных сторон деятельности администрации СПбФ ИС РАН членами научного коллектива

В обследовании предлагалась обойма вопросов (№№ 21-39) под общей «шапкой»: В КАКОЙ МЕРЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, АДМИНИСТРАЦИЯ СПбФ ИС РАН ИСПОЛЬЗУЕТ ИМЕЮЩИЕСЯ У НЕЕ ВОЗМОЖ-

НОСТИ ДЛЯ... Следовал список различных аспектов (сторон) деятельности администрации института, каждый из которых предлагалось оценить по 5-балльной шкале (см. опросный лист).

От 33 до 38 чел. (из 46) ответили по соответствующим пунктам анкеты. Т. е. «мера определенности» мнения опрошенных о деятельности администрации института достаточно высока.

От 3 до 8 чел. дали деятельности администрации, в тех или иных аспектах, позитивную оценку: администрация использует имеющиеся у нее возможности на уровне «выше среднего». От 6 до 17 чел. выбрали вариант ответа: «на среднем уровне». И от 15 до 24 (т. е. от трети до половины всех опрошенных) оценивают деятельность администрации, в соответствующих аспектах, «ниже среднего».

Самым распространенным, по большинству позиций, был 1-й пункт шкалы: «администрация практически не занимается этим». Такой ответ дали, по разным аспектам, от 7 до 21 чел. (Позитивная оценка встречается, как правило, в несколько раз реже).

В нижеследующей таблице приведены данные (в абсолютных показателях!) о распределении ответов, упорядоченные в порядке убывания «индекса успешности» деятельности администрации, образуемого делением суммы позитивных оценок (4+5) на сумму негативных оценок (1+2).

Таблица 2¹⁹

Аспект деятельности администрации института	Кол-во ответивших	Негативная оценка	Средняя оценка	Позитивная оценка	Индекс успешности
	1+2+3+4+5	(1) 1+2	3	4+5 (5)	(4+5) / (1+2)
(33) Обеспечение публикации полученных результатов	37	(7) 13	16	8 (6)	0,62
(26) Обеспечение научного роста сотрудников	33	(4) 11	12	6 (5)	0,55
(24) Поддержка сотрудников в получении грантов	33	(14) 18	6	9 (8)	0,50
(29) Повышение научного престижа института	37	(10) 17	12	8 (4)	0,47
(25) Успешная реализация полученных грантов	33	(15) 19	6	8 (3)	0,44
(21) Материально-техническое обеспечение научной работы	38	(14) 20	11	7 (4)	0,35

¹⁹ Ранжировка в таблице 2 – по индексу успешности. Цифры крайних позитивных и крайних негативных ответов даны в скобках. В скобках перед названием аспекта деятельности администрации Института – порядковый номер позиции в тексте анкеты.

Аспект деятельности администрации института	Кол-во ответивших	Негативная оценка	Средняя оценка	Позитивная оценка	Индекс успешности
	1+2+3+4+5	(1) 1+2	3	4+5 (5)	(4+5) / (1+2)
(22) Обеспечение морального стимулирования сотрудников	35	(13) 21	7	7 (4)	0,33
(32) Соблюдение демократических норм научной жизни	37	(16) 22	8	7 (4)	0,32
(23) Материальное стимулирование научной деятельности	36	(9) 17	14	5 (3)	0,29
(20) Информационное обеспечение научной работы	38	(9) 17	16	5 (1)	0, 29
(34) Организация содержательного обсуждения научных проблем	38	(11) 17	17	4 (2)	0,28
(37) Повышение научной актуальности исследований	36	(14) 20	11	5 (3)	0,25
(35) Создание в институте атмосферы научного поиска	35	(17) 24	5	6 (4)	0,25
(30) Повышение авторитета института в общественном мнении	34	(21) 22	7	5 (2)	0,23
(31) Улучшение психологического климата в институте	36	(20) 24	7	5 (2)	0,21
(28) Координация научной деятельности с внешними организациями	39	(9) 16	17	3 (1)	0,19
(27) Внутринститутская координация научной работы	35	(17) 23	8	4 (3)	0,17
(36) Обеспечение работы научного семинара	36	(18) 24	9	3 (2)	0,13

Аспект деятельности администрации института	Кол-во ответивших	Негативная оценка	Средняя оценка	Позитивная оценка	Индекс успешности
	1+2+3+4+5	(1) 1+2	3	4+5 (5)	(4+5) / (1+2)
(38) Повышение социальной актуальности исследований	34	(19) 22	10	2 (1)	0,09
(39) Обеспечение эффективной работы института в целом	36	(10) 19	14	3 (1)	0,16

Как видим, негативные оценки — по всем аспектам деятельности администрации! — преобладают над позитивными как минимум в 2, а как максимум в 10 раз (индекс успешности для любого из аспектов оказывается ниже 1,0). Например: для «повышения научного престижа института» такое превышение — в 2 раза (индекс успешности 0,50), а для «повышения социальной актуальности исследований» оно достигает разницы в 10 раз (индекс успешности 0,09)!

Для «соблюдения демократических норм научной жизни» негативные оценки преобладают над позитивными в 3 раза (индекс успешности 0,32).

Для «повышения научной актуальности исследований», для «повышения авторитета института в общественном мнении», для «создания в институте атмосферы научного поиска» и для «улучшения психологического климата в институте» превышение негативных оценок над позитивными — в 4-5 раз (индекс успешности 0,25-0,21).

И т. д. (см. таблицу).

19 чел. из 46 (т. е. около 40% всех опрошенных) дают негативную итоговую оценку работе администрации института в деле «обеспечения эффективности работы института в целом» (в том числе 10 чел. считают, что «администрация практически не занимается этим») против 3-х, дающих позитивную итоговую оценку (в том числе лишь один из всех опрошенных считает, что для «обеспечения эффективности работы института в целом» делается максимум возможного). Здесь превышение негативных оценок над позитивными достигает отметки — в 6 раз (индекс успешности 0,16).

Такова дифференцированная картина общественного мнения коллектива в вопросе о деятельности нынешней администрации СПбФ ИС РАН.

Обращает на себя внимание преобладание крайней негативной оценки (позиция 1: «администрация практически не занимается этим») над «смягченным» вариантом таковой оценки (позиция 2). Отчасти это могло быть обусловлено тем, что «смягченные» варианты (будь то негативной, будь то позитивной оценки) в презентации шкалы не были поименованы (см. опросный лист). Но скорее все же это можно интерпретировать как «радикализм» негативного отношения к деятельности администрации у значительной (от ¼ до 1/3) части коллектива.

Здесь заметим, что сама по себе предложенная шкала заведомо не является скошенной в минус (См. текст в Приложении. — Ред.). То есть выбор оценок не был обусловлен методическими обстоятельствами, а только собственным мнением опрошенного.

Интересно также, что количество оценивших деятельность администрации «на среднем уровне» – для большинства аспектов – будучи больше количества давших позитивную оценку, оказывается меньше количества давших этой деятельности оценку негативную (см. таблицу). То есть распределение оценок не является нормальным в статистическом смысле.

(Может быть, для получения нормального, в статистическом смысле, распределения ответов следовало предусмотреть «супернегативную» оценку вроде: «администрация направляет свою деятельность к достижению обратного результата (или: во вред делу)». Однако мы не сочли возможным использовать столь «тенденциозную» формулировку в анкете).

Ситуация реорганизации института глазами его сотрудников

Серия вопросов анкеты была направлена на выяснение:

а) информированности сотрудников СПбФ ИС РАН о ситуации, сложившейся после принятия постановления Президиума РАН от 11.01.2000 о реорганизации СПбФ ИС РАН в самостоятельный академический институт (СИ РАН);

б) оценок сотрудниками СПбФ ИС РАН этой ситуации и, в частности, действий администрации в этой связи;

в) представлений сотрудников СПбФ ИС РАН о путях и перспективах таковой реорганизации.

Начнем с *информированности*. Как выяснено нашим обследованием, 9 из 46 опрошенных впервые узнали о постановлении Президиума РАН почти сразу вслед за его принятием, т. е. еще до заседания Ученого совета СПбФ ИС РАН 18.01, где об этом было официально объявлено. 10 опрошенных впервые узнали о состоявшемся постановлении Президиума РАН лишь в день упомянутого заседания Ученого совета (18.01). Еще 11 чел. эта информация достигла позднее. И, наконец, 16 чел. (около трети опрошенных) заявили, что не помнят, когда они об этом узнали.

(Оговорим, что речь здесь идет об информированности относительно самого факта принятия данного постановления, а не об ознакомлении с его текстом, ибо факс с текстом постановления поступил в СПбФ ИС РАН только 20.01. А до этого информация о содержании постановления была изустной – в пересказе директора СПбФ ИС РАН С. Голода и зам. директора по науке А. Дуки на заседании Ученого совета 18.01).

На вопрос об *отношении* к содержанию названного постановления затруднились ответить 9 чел. Лишь один из числа опрошенных считает решение о реорганизации СПбФ ИС РАН в самостоятельный институт несвоевременным (преждевременным?). Подавляющее же большинство (36 чел.) приветствуют такое решение, однако, как правило, не безоговорочно.

Безоговорочно позитивное отношение к постановлению Президиума РАН от 11.01.2000 зафиксировано только у 11 опрошенных. А 25 чел., т. е. свыше половины опрошенных сотрудников СПбФ ИС РАН, выбрали вариант ответа: «хорошо, что филиал преобразуется в самостоятельный институт, но указанный в постановлении список направлений деятельности будущего института вызывает сомнения (возражения)». Смысл и характер этих возражений будет ясен из дальнейшего рассказа.

Степень осведомленности о *перспективах*, т. е. о том, как же, в соответствии с законом и нормативными документами РАН, должна происходить институциональная реорганизация, у сотрудников СПбФ ИС РАН, судя по нашему опросу, является минимальной. Лишь 2 чел. заявили о том, что знакомы с нормативными документами РАН, регламентирующими эту процедуру. Остальные (т. е. практически все!) с соответствующими нормативными документами не знакомы. Из них половине (22 чел.) процедура известна лишь «в общих чертах». А другая половина вообще «не имеет представления об этой процедуре».

Другим вопросом анкеты, являющимся своего рода тестом на информированность о предписываемой нормативными документами последовательности организационных шагов, был: что сначала должно происходить, после перевода сотрудников СПбФ ИС РАН в новый институт, – выборы Ученого совета или выборы директора? Лишь 11 чел. правильно ответили на этот вопрос (сначала – выборы директора). 5 чел. ошибочно полагают, что выборы директора следуют за выборами Ученого совета. (Это противоречит Уставу РАН!). Подавляющее же большинство – 29 чел. из 46 (т. е. около 2/3 опрошенных) – затруднились ответить на этот вопрос.

Не будучи достаточно хорошо осведомлены о процедурах реорганизации института, по крайней мере половина опрошенных имеют свое мнение о таком шаге администрации СПбФ ИС РАН, как фактический роспуск Ученого совета филиала после состоявшегося постановления Президиума РАН о создании СИ РАН на базе СПбФ ИС РАН. Лишь 4 чел. считают такой шаг администрации филиала обоснованным. 21 чел. (около половины опрошенных) придерживаются противоположной точки зрения. И столько же – затруднились ответить на соответствующий вопрос анкеты.

В целом мера информированности сотрудников как о нормативном порядке проведения реорганизации, так и о фактических шагах администрации в этом направлении является безусловно низкой. Конечно, в этом можно упрекнуть и самих сотрудников, но немаловажны и условия приобретения такой информации. На вопрос: «Считаете ли Вы, что администрация СПбФ ИС РАН своевременно и полно информирует сотрудников о своих действиях, в частности, связанных с реорганизацией института?» – подавляющее большинство (35 чел., т. е. около ¾ опрошенных) ответило отрицательно, причем 21 чел. (около половины всех опрошенных) дали категорически отрицательный ответ: «безусловно нет». Лишь 7 чел. выбрали ту или иную форму утвердительного ответа. 4 чел. – затруднились с ответом на этот вопрос.

Гласность – естественная и важнейшая компонента соблюдения демократических норм научной жизни. Свыше половины опрошенных (26 чел.) считают, что эти нормы в СПбФ ИС РАН не соблюдаются (в том числе 16 чел., т. е. около трети всех опрошенных, дали на соответствующий вопрос категорически отрицательный ответ: «безусловно нет»). 17 чел. ответили на тот же вопрос утвердительно, и 3 чел. – затруднились с ответом.

Напомним, что 22 чел. (около половины всех опрошенных) дали негативную оценку «усилиям» администрации в соблюдении демократических норм научной жизни (при ответе на другой вопрос, обсуждавшийся нами ранее). Эти дублирующие друг друга вопросы могут рассматриваться как взаимоконтролирующие.

Одним из важнейших шагов по преобразованию СПбФ ИС РАН в самостоятельный академический институт является разработка Устава будущего института (СИ РАН), что осуществлялось специально организованной в филиале комиссией. Проект Устава СИ РАН ныне уже представлен на утверждение в высшие академические инстанции. Что же известно об этом сотрудникам института?

Заявили, что знакомы с проектом Устава лишь 5 чел. из 46 опрошенных. 14 чел. (т. е. около трети опрошенных) имеют «неполную информацию». Большинство же (27 чел., или около 60% опрошенных) заявили о своей неосведомленности в данном вопросе.

Соответственно, 35 чел. (3/4 опрошенных) затруднились ответить на вопрос, удовлетворены ли они этим проектом (из них 30 чел. «не имеют информации», а у 5 — «мнение не сложилось»). Из тех, кто хоть как-то знаком с проектом Устава СИ РАН, о своей неудовлетворенности им заявили 7 чел., а удовлетворены (и то — не безоговорочно!) только 3 чел.

Отвечая на другой вопрос анкеты, свыше половины опрошенных (25 чел.) согласились с утверждением, что «Устав СИ РАН подлежит корректировке на собрании научного коллектива после того, как сотрудники СПбФ ИС РАН будут переведены в новый институт». 8 чел., напротив, полагают, что «после однажды состоявшегося утверждения в руководящих органах РАН корректировка Устава уже невозможна». 11 чел. затруднились ответить на соответствующий вопрос.

Здесь воспользуемся случаем сообщить коллегам, что окончательная формулировка пункта 4.1 (О целях и предмете деятельности института) проекта Устава СИ РАН, ныне представленного директором СПбФ ИС РАН С. И. Голодом и зам. директора по науке А. В. Дукой на утверждение в руководящие органы РАН, после дополнительных консультаций с директором Института социологии РАН В. А. Ядовым, гласит:

«4.1. Социологический институт РАН как академическая научно-исследовательская организация имеет своей основной целью фундаментальные исследования в области теории, методологии и истории социологической науки и социальных проблем, в первую очередь — российского общества, глобальных проблем человеческого сообщества, осуществляет научно-исследовательскую деятельность, направленную на познание явлений и процессов, происходящих в обществе. Основные цели этой деятельности — изучение тенденций изменений российского общества и социальных, политических, культурных его особенностей в постсоветский период истории, в частности: изучение проблем этнической идентификации, межнациональных отношений, влияния культуры на общественные процессы, морали как регулятора социального поведения, формирования гражданского общества, властных структур и процессов гражданской консолидации, исследование проблем социальной девиантности, института семьи, гендерных ролей и сексуальных отношений».

Как видно, эта формулировка целей деятельности института все же несколько отличается от списка направлений научной деятельности, указанных в п. 3 постановления Президиума РАН от 11.01.2000. (Напомним, что именно этот список направлений деятельности будущего института вызывает сомнения или возражения более чем у ¾ всех опрошенных сотрудников СПбФ ИС РАН).

Так или иначе, ни первоначальные варианты проекта Устава СИ РАН, разрабатывавшиеся специальной комиссией, образованной в СПбФ ИС РАН приказом директора Филиала в конце января 2000 г., ни окончательный проект не только не обсуждались в коллективе, но даже и не доведены администрации до сведения сотрудников Филиала. Откуда, очевидно, и происходит зафиксированная опросом низкая (до сих пор!) осведомленность сотрудников СПбФ ИС РАН о проектируемых целях научной деятельности Социологического института РАН.

Один из вопросов анкеты формулировался следующим образом: «Высказывается мнение, что до тех пор, пока сотрудники СПбФ ИС РАН не переведены в новый институт (СИ РАН), следует приостановить все структурные преобразования (образование новых подразделений, расформирование имеющихся), а также прием новых сотрудников в СПбФ ИС РАН. Согласны ли Вы с этим?».

Ответы на этот вопрос: «безусловно да» — 22 чел. (около половины всех опрошенных); «да, в отношении структурных подразделений, но для приема новых сотрудников не вижу противопоказаний» — 6 чел.; «не вижу противопоказаний ни для того, ни для другого» — 13 чел.; затруднились ответить — 5 чел.

Как видим, большинство опрошенных считают, что структурные преобразования и обновление кадров в институте сейчас неуместны — пока не состоится перевод нынешних сотрудников СПбФ ИС РАН в СИ РАН и, соответственно, не произойдут выборы нового директора.

Подводя итог этой части нашего анализа, отметим, что *как мера информированности* об обстоятельствах реорганизации СПбФ ИС РАН в самостоятельный академический институт, *так и мера удовлетворенности* сотрудников СПбФ ИС РАН действиями администрации в связи с таковой реорганизацией — в профессиональном сообществе *являются низкими*. Более того, можно указать на несогласие значительной части научного коллектива СПбФ ИС РАН с тем, как фактически осуществляется это институциональное преобразование.

*Мера знакомства и отношение сотрудников СПбФ ИС РАН
к аналитической записке, опубликованной
в журнале «Телескоп», 2000, №1²⁰.*

Насколько знакомы с этим публичным документом сотрудники СПбФ ИС РАН?

Читали названную аналитическую записку полностью — 19 чел. из 46 опрошенных. «Бегло просмотрена» она 8-ю чел. «Слышали об этой публикации» (однако не читали!) — 10 чел. И, наконец, 9 чел. заявили, что им «об этом ничего не известно». Все же большинство имеет хоть какое-то представление об инициативно предпринятом автором этих строк анализе ситуации.

Понятно, что не знакомые с запиской затрудняются выразить к ней свое отношение (17 чел. — поскольку «не имеют информации»; 5 чел. — поскольку

²⁰ См. выше: раздел 4.2.

«мнение не сложилось»). Свое «полное согласие» с основными положениями аналитической записки выразила треть опрошенных (15 чел.). «В целом согласны», хотя находят в этом документе и «спорные моменты», – 7 чел. Заявил, что «в основном не согласен», лишь 1 чел. Ни один из опрошенных не считает эту аналитическую записку «искажающей действительное положение дел» (была в опросном листе и такая подсказка...).

Специальный анализ данных нашего опроса показывает, что те, кто знаком с упомянутой запиской, в подавляющем большинстве согласны с ее основными положениями.

Здесь заметим, что содержание качественного анализа в записке и количественные результаты настоящего опроса не противоречат друг другу. Позитивное отношение профессионального сообщества к публикации, состоявшейся в санкт-петербургском социологическом журнале «Телескоп», и критический настрой у значительной части научного коллектива СПбФ ИС РАН, отразившийся в представленных выше данных, коррелируют.

*Кого хотят и кого не хотят видеть
в роли директора будущего института?*

Считают безусловно предпочтительным, чтобы директором института (СИ РАН) стал сотрудник ныне действующего СПбФ ИС РАН, 10 чел. 28 чел. (около 60% опрошенных) считают это желательным, но допускают возможность и иных вариантов. 4 чел. предпочли бы, чтобы директором стал человек, который ныне в СПбФ ИС РАН не работает. (4 чел. затруднились ответить на соответствующий вопрос).

18 чел. (около 40% опрошенных) считают безусловно предпочтительным, чтобы директором стал человек, имеющий ученую степень доктора наук. 24 чел. (около половины всех опрошенных) считают это желательным, но допускают возможность и иных вариантов. (1 чел. затруднился ответить).

Итак, в научном коллективе нет отчетливого преобладания предпочтения «выходцу» из СПбФ ИС РАН или доктору наук в роли директора будущего института. То есть большинство склоняется в пользу не детерминированного формальными условиями, *ситуационного* решения этого важнейшего для перспектив нового института вопроса.

В опросном листе запрашивалось, кого *хотели бы* видеть в роли директора и кого *не хотели бы* видеть в этой роли (из реально претендующих или могущих претендовать на директорскую должность). На первый вопрос ответили 29 чел. и на второй – 28 чел. (из 46).

Вопрос был открытым, и каждый опрошенный был волен вписать любое количество конкретных имен в графы, которые условно назовем: «предпочитаемый директор» и «антидиректор».

Методический замысел: вписывание в эти графы имен в порядке предпочтения или в порядке неприятия, – не оправдался. Опрошенные, как правило, отказывались от ранжировки, а просто называли одну-три (иногда – больше!) предпочитаемые или отвергаемые ими (в данной роли) персоны.

Всего было указано на 23 фигуры, из них 8 – только в качестве подходящих и 6 – только в качестве неприемлемых, а по поводу 9 высказывались противоположные мнения.

Ниже покажем распределение «голосов» ЗА и ПРОТИВ конкретных персон, названных самими опрошенными, независимо от последовательности упоминаний в конкретной анкете. Специально оговорим, что при инициативном вписывании имен (открытый вопрос!) количество «голосов» (как ЗА, так и ПРОТИВ) обычно относительно невелико. (А если упоминания какой-либо персоналии часты, то это означает сильную «фокусировку» общественного мнения на данной фигуре).

Таблица 3²¹

Персоналии	За	Против	Итого упоминаний
Голод	12	14	26
Дука	-	17	17
Голосенко	1	7	8
Гилинский	6	1	7
Муздыбаев	1	5	6
Сарно	5	-	5
Костюшев	3	2	5
Голофаст	3	1	4
Гурвич	3	1	4
Козловский	1	3	4

Обсудим только те фигуры (персоны), которые получили от 5 «голосов» и выше (будь то ЗА или ПРОТИВ). Таковых семь: Голод, Гилинский, Голосенко, Дука, Костюшев, Муздыбаев, Сарно.

Будем считать количество «голосов» ЗА от 5 и выше — «относительно большим» (что правомерно при инициативном вписывании имен). Аналогично — для количества «голосов» ПРОТИВ.

С учетом принятых условий, перечисленные 6 персоналий можно разбить на четыре категории (по показателям этого своеобразного «рейтинга»):

1) ярко выраженный конфликт оценок (сочетание относительно большого количества «голосов» ЗА с относительно большим количеством «голосов» ПРОТИВ). Это: С. И. Голод.

2) умеренный конфликт оценок (сочетание относительно небольшого количества «голосов» ЗА с относительно небольшим количеством «голосов» ПРОТИВ). Это: В. В. Костюшев.

3) ярко выраженное неприятие (относительно большое количество «голосов» ПРОТИВ при отсутствии или малом количестве «голосов» ЗА). Это: И. А. Голосенко, А. В. Дука, К. Муздыбаев.

4) умеренная поддержка (относительно большое количество «голосов» ЗА при отсутствии или малом количестве «голосов» ПРОТИВ). Это: Я. И. Гилинский, А. А. Сарно.

(Теоретически возможны и иные варианты; но мы отобрали реально представленные в материалах нашего опроса).

Не приходится удивляться, что наиболее часто упоминаемыми в качестве возможных претендентов на роль директора оказались нынешние руководители СПбФ ИС РАН (С. Голод, А. Дука). Но это и наиболее «конфликтные» или отвергаемые фигуры в этой роли. По-видимому, перспективы названных

²¹ Ранжировка в таблице 3 — по суммарному количеству любых инициативных упоминаний данной персоны. Здесь опущены случаи менее 4 упоминаний (будь то ЗА или ПРОТИВ).

персон (в случае если кто-либо из них захочет участвовать в конкурсе на замещение должности директора СИ РАН) существенно ограничены сформировавшимся в СПбФ ИС РАН общественным мнением по поводу успешности / неуспешности деятельности администрации в ныне существующем институте.

Наиболее перспективными претендентами на роль директора, по-видимому, являются лица, представленные в группе 4 (Я. И. Гилинский, А. А. Сарно). Разумеется, в случае, если тот или иной из них, или они оба – подадут заявления на соответствующий конкурс.

В принципе, теперь можно было бы специально замерить рейтинг только вышеуказанных шестерых персон, выделенных нами по критерию частоты инициативных упоминаний, в качестве возможных претендентов на роль директора СИ РАН (имея в виду, что их «образы» в этой роли уже стали различимы в картине мнений профессионального сообщества). Но для этого понадобилось бы проводить новый опрос.

Отдельные высказывания, замечания, предложения опрошенных

Некоторые участники опроса воспользовались предусмотренной его процедурой возможностью прокомментировать или аргументировать выбор ими того или иного варианта ответа на любой из поставленных вопросов или более развернуто изложить свое мнение по предмету опроса. Приведем здесь некоторые из «свободных высказываний» опрошенных сотрудников СПбФ ИС РАН (в скобках указаны номера анкет):

Насчет отношения к содержанию постановления Президиума РАН: «...Отношение хорошее, но любой список вызывает у меня сомнения (и старые направления, и новые).. ». По поводу аналитической записки А. Алексеева: «...Зря потрачено время на это дело.. ». Относительно списка сторон жизнедеятельности института: «...Все это меня мало волнует, лишь бы не мешали работать.. » (5).

«...Поведение С. Голода и А. Дуки в истории подготовки к созданию СИ РАН на базе СПбФ ИС РАН трудно определить иначе как административное мошенничество (выразившееся, в частности, в «подсовывании» руководству РАН пресловутого списка направлений научной деятельности, за спиной у научного коллектива, да и в других «подвигах»). Обидно, что к этому делу оказались причастны (пусть косвенно. – А. А.) также В. Ядов и Б. Фирсов.. » (16).

«...Вопрос не столько в процедуре организации института, сколько в стратегии его развития. Необходим новый подход, а отсюда и поиск кандидатур в директора.. » (17).

«...Безусловно не должно быть, чтобы занятие должности директора <...> рассматривалось как основание для присвоения (или способствования присвоению) ученой степени. Совсем катастрофа, если на этой должности оказывается человек, считающий себя чиновником, или неопит в научных проблемах социологии.. » (18).

«...Атмосфера «борьбы за», равно как и «борьбы против», мне претит. Считаю себя вправе быть, по возможности, в стороне. Свои проблемы решаю сам, хотя и ценю активистов. Не верю в возможность объединения, к великому сожалению.. » (39).

«...К сожалению, обладаю неполной и, видимо, необъективной информацией о ходе реорганизации института, потому – судить сложно. Что касается взаимоотноше-

ний администрации, сотрудников института, организации работы и прочего (вопросы 21-39), то являюсь носителем других представлений, ценностей, стандартов, нежели тех, в терминах и рамках которых обсуждаются проблемы института. Поэтому опять же – судить сложно и малоинтересно.. » (41).

Основные выводы

Можно было бы здесь перечислить основные эмпирические результаты из числа доложенных выше. Однако не будем делать этого, рассчитывая, что читатель нашего отчета внимательно ознакомился с ними и сам выделил интересное и важное для себя. Ограничимся несколькими общими соображениями.

1. В целом ситуацию СПбФ ИС РАН накануне его преобразования в самостоятельный академический институт, с учетом результатов проведенного обследования, можно определить как *кризисную*. Возможные пути преодоления этого кризиса обсуждаются в нашей аналитической записке «О создании Социологического института РАН на базе СПбФ ИС РАН», упоминавшейся выше и более или менее знакомой большинству читателей этого отчета. (Кроме публикации в журнале «Телескоп», записка размещена в Интернете, на сайте Российской сети информационного общества: <...>²².

2. В СПбФ ИС РАН на сегодня сложился высокий потенциал коллективного недовольства деятельностью нынешней администрации Филиала, что отчетливо показывают и результаты нашего опроса. Об этом свидетельствуют крайне низкие оценки как отдельных сторон деятельности администрации, так и ее деятельности в целом. По-видимому, перелом в ситуации может произойти лишь при условии обновления руководства Института (чему, понятно, будет способствовать предстоящий конкурс на замещение вакансии директора СИ РАН).

3. Однако рассчитывать на изменение ситуации в будущем без оперативных мер по ее нормализации уже сегодня, когда это будущее во многом предопределяется, — нельзя. Пожалуй, особенно обострилось неприятие деятельности администрации СПбФ ИС РАН значительной частью сотрудников — именно в нынешний, переходный период. Подтверждение этому находим, в частности, в ответах на вопросы о гласности административных шагов, направленных на реорганизацию, и о соблюдении / несоблюдении демократических норм научной жизни в институте.

4. Приведем здесь распределение ответов на вопрос, до сих пор не обсуждавшийся: «СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ ПРОВЕДЕНИЕ В МАРТЕ 2000 г. СОБРАНИЯ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА С ПОВЕСТКОЙ ДНЯ «О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ И ПЕРСПЕКТИВАХ НАУЧНОГО КОЛЛЕКТИВА»? Распределение ответов на этот вопрос: «да» — 31 чел.; «нет» — 5 чел.; затруднились ответить — 10 чел. Итак, 2/3 всех опрошенных сотрудников СПбФ ИС РАН считают экстренный созыв общего собрания научного коллектива целесообразным и необходимым.

²² См. <http://www.isn.ru/>. Точечный адрес — <http://www.isn.ru/sociology/alekseev/Note.doc>.

5. Общее собрание трудового (научного) коллектива может иметь успех (оказаться полезным для дальнейшей жизнедеятельности института) только в случае, если оно не сведется к «выяснению отношений» (хотя бы для этого и имелись основания), а сосредоточится на минимуме ключевых моментов осуществляемой ныне реорганизации института (кстати, обнаженных проведенным опросом).

6. Представляется, что на собрании должна быть обсуждена и принята коллективная программа действий по преобразованию СПбФ ИС РАН в самостоятельный академический институт, в соответствии с постановлением Президиума РАН от 11.01.2000, а также система «запретов» на бесконтрольные административные действия в этой связи, на ближайшее время (в частности, до перевода сотрудников СПбФ ИС РАН в новообразуемый институт и выборов нового директора).

В этой программе действий подлежат учету такие моменты, как эффективное участие самого научного коллектива в решении вопросов, связанных с институциональной реорганизацией, и необходимая корректировка некоторых уже состоявшихся шагов директора-организатора СИ РАН (С. И. Голод), равно как и нынешней администрации СПбФ ИС РАН (во многом ответственной за сложившееся кризисное положение).

7. Оценивая представленные здесь эмпирические данные, следует иметь в виду, что в той ¼ коллектива, которая, по разным (указанным выше) причинам, не была охвачена нашим опросом, некоторые сотрудники, по крайней мере те, кто категорически отказался принять участие в опросе, по всей видимости, занимают — по большинству обсуждавшихся здесь вопросов — позицию, отличную от той, которая нашла выражение в материалах нашего обследования.

Далее. Совсем не следует ожидать, что решение наболевших проблем жизни профессионального сообщества и необходимое обеспечение условий эффективной работы и деловой и здоровой обстановки в научном коллективе произойдут без всякого противодействия со стороны тех, кого нынешний «ход» институциональной реорганизации вполне устраивает и кто надеется за счет последней решить, в ущерб делу и коллегам, свои личные профессиональные или статусные проблемы (аналог ныне широко распространенной практики «передела собственности»).

8. Представленная здесь, в зеркале оперативного опроса сотрудников СПбФ ИС РАН, картина жизни и перспектив научного коллектива (профессионального сообщества), надеемся, поможет читателям этого отчета лучше сориентироваться в сложившейся ситуации, определить свое место в ней и решить, как эффективно и достойно действовать в дальнейшем.

Организатор опроса, ведущий научный сотрудник СПбФ ИС РАН, кандидат философских наук А. Н. Алексеев
20.03.2000

*Приложение****Анкета для сотрудников СПбФ ИС РАН***

Ваш взгляд в недавнее прошлое, настоящее и будущее Института

Уважаемый коллега!

Просим Вас ответить на несколько вопросов, по большинству из которых у Вас наверняка есть собственное мнение. Для социологов опросы – дело профессиональное. Поэтому ограничимся минимумом пояснений.

Прежде чем отвечать на вопросы, просим ознакомиться с содержанием анкеты и заявить о своем согласии / несогласии участвовать в опросе.

Анкета вложена в конверт, который рекомендуется вернуть в запечатанном виде. В небольшом коллективе трудно соблюсти все нормы анонимности. Но, со своей стороны, организатор опроса конфиденциальность ответов гарантирует.

Желающие могут подписать свою анкету.

Статистические результаты опроса будут обнародованы.

1. Когда Вы впервые узнали о состоявшемся постановлении Президиума РАН «О создании Социологического института РАН» от 11.01.2000?

- 1) до 18.01.2000
- 2) 18.01 (день заседания Ученого совета СПбФ ИС РАН)
- 3) после 18.01
- 4) точно не помню

2. Удовлетворены ли Вы этим постановлением?

- 1) удовлетворен полностью
- 2) удовлетворен тем, что создается самостоятельный академический институт, но не удовлетворен указанным в постановлении списком направлений деятельности будущего института

3) считаю это постановление несвоевременным

4) затрудняюсь ответить

3. Знакомы ли Вы с авторской аналитической запиской «О создании Социологического института РАН на базе Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН», опубликованной в журнале «Телескоп», 2000, № 1?

- 1) читал полностью
- 2) бегло просмотрел
- 3) слышал об этой публикации
- 4) мне об этом ничего не известно

4. Согласны ли Вы с основными положениями этой аналитической записки?

- 1) согласен полностью
- 2) в целом согласен, но есть там и спорные моменты
- 3) в основном не согласен
- 4) считаю эту аналитическую записку искажающей действительное положение дел

5) затрудняюсь ответить (мнение не сложилось)

6) затрудняюсь ответить (не имею информации)

5. Известна ли Вам процедура создания нового академического института на базе имеющегося?

1) я знаком с нормативными документами РАН, регламентирующими эту процедуру

2) процедура известна в общих чертах, но с соответствующими нормативными документами я не знаком

3) не имею представления об этой процедуре

6. Знакомы ли Вы с проектом Устава СИ РАН, представленным ныне на согласование и утверждение в руководящие органы РАН?

1) знаком

2) имею неполную информацию

3) не знаком

7. Удовлетворены ли Вы этим проектом?

1) удовлетворен полностью

2) удовлетворен в основном

3) скорее не удовлетворен

4) совершенно не удовлетворен

5) затрудняюсь ответить (мнение не сложилось)

6) затрудняюсь ответить (не имею информации)

8. Согласны ли Вы с тем, что Устав СИ РАН, ныне проходящий процедуры согласования и утверждения в руководящих органах РАН, подлежит возможным корректировкам на собрании научного коллектива СИ РАН, после перевода сотрудников СПбФ ИС РАН в новый институт?

1) да, это так

2) по-видимому, после однажды состоявшегося утверждения в руководящих органах РАН такие корректировки уже невозможны

3) не знаю

9. Высказывалось мнение, что до перевода сотрудников в новый институт (СИ РАН) в Санкт-Петербургском филиале ИС РАН должны быть приостановлены все структурные преобразования (образование новых подразделений, расформирование имеющихся). Согласны ли Вы с этим мнением?

1) да

2) нет

3) затрудняюсь ответить

10. На заседании Ученого совета СПбФ ИС РАН 18.01.2000 председатель объявил, что, в связи с постановлением Президиума РАН от 11.01, совет прекращает свое действие, и он с тех пор больше не собирался. Считаете ли Вы роспуск Ученого совета СПбФ ИС РАН законным?

1) да

2) нет

3) затрудняюсь ответить

11. Известно ли Вам, какой должна быть последовательность организационных шагов после перевода сотрудников СПбФ ИС РАН в новый институт

(СИ РАН): сначала выборы Ученого совета, а потом выборы директора, или наоборот?

- 1) сначала выборы Ученого совета
- 2) сначала выборы директора
- 3) затрудняюсь ответить

12. Считаете ли Вы предпочтительным, чтобы директором нового института (СИ РАН) стал сотрудник ныне действующего СПбФ ИС РАН?

- 1) безусловно да
- 2) это желательно, хотя возможны и иные варианты
- 3) я бы предпочел, чтобы директором стал человек, который ныне в СПбФ ИС РАН не работает

13. Считаете ли Вы предпочтительным, чтобы директором стал человек, имеющий ученую степень доктора наук?

- 1) безусловно да
- 2) это желательно, хотя возможны и иные варианты
- 3) затрудняюсь ответить

14. Уже сегодня в коллективе называют имена людей, которые могли бы претендовать на замещение вакансии директора нового института.

Если у Вас есть на этот счет свое мнение, пожалуйста, укажите здесь тех, кого Вы хотели бы видеть в этой роли. (Можно назвать несколько имен, в порядке предпочтения: 1 – 3).

- 1) _____
- 2) _____
- 3) _____

15. Если у Вас есть на этот счет свое мнение, пожалуйста, укажите здесь тех, кого Вы НЕ хотели бы видеть в роли директора. (Можно указать несколько имен, в порядке неприятия: 1 – 3).

- 1) _____
- 2) _____
- 3) _____

16. Известно ли Вам, что ряд сотрудников СПбФ ИС РАН, по принципиальным соображениям, отказались от установленных им приказом директора института от 25.01.2000 надбавок к зарплате?

- 1) да
- 2) что-то слышал
- 3) мне об этом неизвестно

17. Одобряете ли Вы решение этих сотрудников?

- 1) безусловно да
- 2) пожалуй, да
- 3) пожалуй, нет
- 4) безусловно нет
- 5) затрудняюсь ответить (мнение не сложилось)

б) затрудняюсь ответить (не имею информации)

18. Считаете ли Вы, что в СПбФ ИС РАН соблюдаются демократические нормы научной жизни?

- 1) безусловно да
- 2) пожалуй, да
- 3) пожалуй, нет
- 4) безусловно нет
- 5) затрудняюсь ответить

19. Считаете ли Вы, что администрация СПбФ ИС РАН своевременно и полно информирует сотрудников о своих действиях, в частности, связанных с реорганизацией института?

- 1) безусловно да
- 2) пожалуй, да
- 3) пожалуй, нет
- 4) безусловно нет
- 5) затрудняюсь ответить

19 а. Считаете ли Вы целесообразным проведение в марте 2000 собрания трудового коллектива СПбФ ИС РАН с повесткой дня «О положении дел и перспективах научного коллектива»?

- 1) да
- 2) нет
- 3) затрудняюсь ответить

Если хотите, можете прокомментировать или аргументировать выбор Вами того или иного варианта ответа на любой из поставленных выше вопросов или более развернуто изложить свое видение обсуждаемой ситуации.

...

...

А теперь — еще несколько вопросов, в общем — на ту же тему. Но, в отличие от предыдущих, они составлены по другому «канону». Будем благодарны, если Вы найдете время ответить также и на них.

...Понятно, что в нынешних условиях далеко не все обстоятельства жизни института зависят от его администрации, возможности которой в некоторых отношениях крайне ограничены. Но даже с учетом этих ограничений, имеющиеся возможности могут быть использованы в большей или меньшей мере. Оцените по стандартной шкале, в какой мере, на Ваш взгляд, администрация СПбФ ИС РАН использует имеющиеся у нее возможности для обеспечения различных сторон деятельности института.

СУТЬ ШКАЛЫ: 1 — администрация практически не занимается этим; 3 — реализация данного направления находится на среднем между минимальным и максимально возможным уровнями; 5 — результаты усилий в этом направлении дают максимально возможный в нынешних условиях результат.

Итак, В КАКОЙ МЕРЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, АДМИНИСТРАЦИЯ СПбФ ИС РАН ИСПОЛЬЗУЕТ ИМЕЮЩИЕСЯ У НЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ:

- 20 ...информационного обеспечения научной работы ..... ____
- 21 ...материально-технического обеспечения научной работы ..... ____
- 22 ...морального стимулирования научной деятельности ..... ____
- 23 ...материального стимулирования научной деятельности ..... ____
- 24 ...поддержки сотрудников в получении грантов ..... ____
- 25 ...успешной реализации полученных грантов ..... ____
- 26 ...обеспечения научного роста сотрудников ..... ____
- 27 ...внутриинститутской координации научной работы ..... ____
- 28 ...координации научной деятельности с внешними организациями ... ____
- 29 ...повышения научного престижа института ..... ____
- 30 ...повышения авторитета института в общественном мнении ..... ____
- 31 ...улучшения психологического климата в институте ..... ____
- 32 ...соблюдение демократических норм научной жизни ..... ____
- 33 ...обеспечения публикации полученных результатов ..... ____
- 34 ...организации содержательного обсуждения научных проблем ..... ____
- 35 ...создания в институте атмосферы научного поиска ..... ____
- 36 ...обеспечения работы научного семинара ..... ____
- 37 ...повышения научной актуальности исследований ..... ____
- 38 ...повышения социальной актуальности исследований ..... ____
- 39. ...обеспечения эффективной работы института в целом ..... ____

СПАСИБО!

Повторяем, статистические результаты опроса будут обнародованы.
Спасибо!

Составитель вопросника (он же — организатор опроса) —
ведущий научный сотрудник СПбФ ИС РАН А. Н. Алексеев

9.03.2000

4.7. Нехорошо, Сергей Исаевич! (март 2000)

(1)

Только факты

(актуальная информация для сотрудников СПбФ ИС РАН)²³

16.03.2000 (четверг) вечером мне позвонил В. А. Ядов и спросил, знаю ли я о решении, принятом 10.03.2000 в беседе С. И. Голода, А. В. Дуки и В. А. Ядова с академиком-секретарем Отделения философии, социологии, психологии и права академиком Б. С. Топорным, по поводу условий и ограничений деятельности директора-организатора СИ РАН С. И. Голода на ближайшую перспективу (до обречения Социологическим институтом РАН полноценного юридического статуса).

²³ Этот текст был вывешен автором на доске объявлений Института.

Я ответил, что мне ничего об этом не известно.

В. А. Ядов выразил удивление этим обстоятельством, т. к., по его словам, была договоренность, что С. И. Голод письменно доведет эту информацию до всех сотрудников СПбФ ИС РАН. Я заверил, что такого не было.

Тогда В. А. Ядов сказал, что сделает это сам: пошлет соответствующий факс руководству Института и копию мне — лично.

На следующий день, 17.03 (пятница) такой факс был отправлен В. А. Ядовым на имя С. И. Голода; последним факс получен, однако ОБНАРОДОВАН НЕ БЫЛ. Два дня спустя — 20.03 (понедельник) — копия этого факса была направлена *(по поручению Ядова. — Ред.)* из канцелярии ИС РАН мне.

Поскольку эта важная информация до сих пор так и не доведена до сведения коллектива СПбФ ИС РАН, Я ДЕЛАЮ ЭТО САМ (см. приложение: факс Ядова от 17.03.2000).

Насколько я понимаю, этот документ является также и реакцией Отделения философии, социологии, психологии и права РАН на информацию, поступившую туда в январе-феврале, о ситуации, сложившейся в нашем Филиале после издания постановления Президиума РАН от 11.01.2000 (публикация в журнале «Телескоп», 2000, № 1, и т. д.).

Между тем, 21.03 (вторник) на доске приказов СПбФ ИС РАН появился приказ директора СПбФ ИС РАН С. И. Голода № 6-о от 16.03.2000 — об изменении структуры научных подразделений в Филиале: преобразование одного из секторов в научно-исследовательскую группу и двух научно-исследовательских групп в сектора, а также приказ № 17-к от того же числа — о соответствующих изменениях штатного расписания и кадровых перемещениях.

Сопоставление упомянутых приказов директора СПбФ ИС РАН с информацией, содержащейся в факсе В. А. Ядова, с несомненностью обнаруживает, что эти приказы изданы ВОПРОКИ тому решению, которое:

а) было принято в беседе с академиком Б. Н. Топорным за неделю до этого;

б) о котором говорится в факсе В. А. Ядова от 17.03;

в) информация о котором (решении) так и не доведена до сведения сотрудников СПбФ ИС РАН — ни сразу после того, как оно состоялось, ни после, по получении специального факса от В. А. Ядова.

Обращаю внимание на соответствующий пункт информации Ядова, формулирующей суть упомянутого решения.

Пункт 2: «ЗА ЭТОТ ПЕРИОД *(до становления нового института полноценным юридическим лицом. — А. А.)* НИКАКИХ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ИНСТИТУТЕ НЕ ПРЕДПРИНИМАЕТСЯ *(не должно предприниматься. — А. А.)*».

В п. 4 информации Ядова также указывается, что лишь после выборов директора нового института и Ученого совета СИ РАН «производятся (должны производиться. — А. А.) все необходимые действия относительно научных направлений, структуры подразделений и т.п.».

Приходится признать, что С. И. Голод УТАИЛ от сотрудников СПбФ ИС РАН принципиальное решение, затрагивающее интересы научного коллектива, и своими административными действиями ОПРОВЕРГАЕТ это решение.

Вед. н. сотр. А. Н. Алексеев
23.03.2000

(2)

Директору СПбФ ИС РАН,
директору-организатору СИ РАН
д. ф. н. С. И. Голоду

Заявление-требование

На протяжении последних месяцев Вами, намеренно или неумышленно, допущен ряд нарушений Положения о СПб филиале Института социологии РАН, зарегистрированного в Управлении делами АН СССР 26.07.91, которое и по сей день является основным документом, непосредственно регламентирующим деятельность СПбФ ИС РАН²⁴. В частности, Вами и Вашим заместителем по науке А. В. Дукой систематически нарушаются пп. 4.3 и 4.4 указанного Положения.

Среди основных нарушений – *фактический роспуск Вами (в январе 2000 г.) Ученого совета СПбФ ИС РАН, призванного, согласно Положению, быть коллегиальным органом управления Филиалом до тех пор, пока последний осуществляет свою деятельность, а также пренебрежение записанной в Положении нормой о гласном, с учетом мнения коллектива, управлении Филиалом.*

Неоднократные предупреждения и сигналы на этот счет, поступающие к Вам от отдельных сотрудников, оставлены Вами без внимания. Складывается впечатление, что администрация СПбФ ИС РАН, в период преобразования Филиала в самостоятельный институт, плохо отдает себе отчет в своих действиях.

Последний из известных нам эпизодов имеет характер как административного нарушения, так и забвения элементарных этических норм. *Вами утаена от коллектива информация о состоявшемся решении, принятом 10.03.2000 в беседе С. И. Голода, А. В. Дуки и В. А. Ядова с академиком-секретарем Отделения философии, социологии, психологии и права академиком Б. С. Топорниным. В этом решении, в частности, содержится положение об исключении каких-либо структурных преобразований в филиале до становления нового института в качестве полноценного юридического лица, выборов директора и Ученого совета СИ РАН.*

17.03.2000 директор ИС РАН и наш «бывший «шеф»» (собственное выражение Ядова) проф. В. А. Ядов, с удивлением узнав, что сотрудники Филиала об этом принципиальном решении не оповещены, адресовал в СПб филиал факс, на Ваше имя, формулирующий суть указанного решения и заведомо предназначенный для доведения до сведения сотрудников СПбФ ИС РАН. Однако и этот документ был утаен Вами от коллектива.

Между тем, 16.03.2000 Вами подписан приказ № 6-о (обнародованный только 21.03) о внесении изменений в структуру подразделений СПбФ ИС РАН: преобразование одного из секторов в научно-исследовательскую группу и двух научно-исследовательских групп в сектора. *Этот приказ издан вопреки упомянутому решению, принятому при участии академика Б. Н. Топорнина не далее, как за неделю до этого (и так и не доведенного до сведения коллектива, даже после факса, поступившего к Вам от В. А. Ядова).*

Надо сказать, вызывает недоумение, на что Вы при этом рассчитывали.

С учетом изложенных, а также некоторых других фактов, которые здесь опускаем, мы, группа сотрудников СПбФ ИС РАН, состоящая исключительно из лиц с

²⁴ К сожалению, текста указанного Положения, разрабатывавшегося в свое время директором Института социологии РАН В. А. Ядовым и директором Ленинградского филиала ИС РАН Б. М. Фирсовым, в моем архиве не сохранилось. (Примечание А. Алексеева).

должностным статусом не ниже старшего научного сотрудника, предлагаем Вам:

а) отменить приказ № 6-о от 16.03.2000 (об изменении структуры) и подписанный тем же числом, изданный в связи с первым, приказ № 17-к (о преобразовании ставок и кадровых перемещениях);

б) принять меры к экстренному (в течение двух недель) созыву общего собрания научных сотрудников СПбФ ИС РАН, с повесткой дня «О положении дел и перспективах научного коллектива», на котором был бы заслушан и обсужден Ваш отчет, в частности, о проделанной, к настоящему времени, работе по реализации постановления Президиума РАН от 11.01.2000.

В случае, если указанные меры не будут приняты, мы оставляем за собой право инициативного созыва такого собрания, в соответствии с имеющимися нормативными документами.

(Подписи)

23.03.2000

К сожалению, в моем архиве не сохранилось копии этого документа с факсимиле подписей. Насколько помню, подписей было не более пяти. (А. Алексеев. Апрель 2009).

4.8. Собрание трудового коллектива «не существующего» института (4 апреля 2000 г.)

Протокол без ретуши и без купюр

Это — расшифровка записи с диктофона.

Слова в скобках (...) — вставлены самими расшифровщиками, для обеспечения удобопонятности при письменном воспроизведении устной речи. (?) — означает сомнение в правильности расшифровки. Вставка (... неразборч.) означает затруднение в расшифровке, по техническим причинам. Вставка (так!) означает, что запись расшифрована правильно и некоторую несурзность или противоречие со сказанным ранее следует относить за счет говорящего, но не за счет качества записи или расшифровки.

Шрифтовые выделения в тексте расшифровки сделаны в ходе технической редакции, для удобства читательского восприятия²⁵.

Расшифровка сверена с официальным протоколом (подписанным председателем собрания Я. И. Гилинским и секретарем Г. А. Румянцевой)²⁶, а также с инициативным рукописным протоколом, который велся одним из участников собрания.

(Собрание происходило в конференц-зале Леонтьевского центра. Открывает собрание ученый секретарь СПбФ ИС РАН А. С. Быстрова. Она сообщает, что в зале присутствуют более 50 чел., т. е. свыше половины трудового коллектива Филиала. От имени дирекции предлагается избрать председателем собрания Я. И. Гилинского, а секретарем — Г. А. Румянцеву. И. И. Травин из зала предлагает другие кандидатуры: А. В. Баранов (председатель) и А. В. Родионова (секретарь). Большинством голосов

²⁵ Эти шрифтовые выделения выполняют своего рода ориентирующую функцию. Выделены, как правило, принципиальные, содержательные моменты и высказывания.

²⁶ Возможно, протокол собрания трудового коллектива СПбФ ИС РАН – СИ РАН от 4.04.2002 еще хранится в архиве СИ РАН. (Примечание А. Алексеева).

23 против 17 (остальные в голосовании не участвовали) считается принятым предложение дирекции).

Гилинский: В повестке дня — **информация С. И. Голода об организации Социологического института РАН.**

Голод: Я вынужден сразу предупредить, что я буду говорить о создании (?) — только сообщение о том, как создается Институт социологии, простите, Социологический институт. **Ни на какие другие вопросы я отвечать не буду!** Только на вопросы, связанные с созданием Социологического института.

Как идет создание? Значит, как известно, 11 января 2000 г. на заседании Президиума (РАН) было утверждено представленное Отделением философии, социологии, психологии и права создание Института. Здесь, в частности, говорилось, что в целях повышения (так!) фундаментальных исследований в области социологии Президиум постановляет: реорганизовать Институт социологии РАН путем выделения из его состава Санкт-Петербургского филиала и создания на его базе, на базе этого филиала, Социологического института с правом юридического лица.

И второй пункт, который очень важен, — внести соответствующие (... неразборч.), простите, поручить два еще пункта, поручить финансово-экономическому управлению (РАН) сформировать лаг (?), поручить Отделению философии, социологии, психологии и права РАН провести реорганизацию Института социологии РАН в соответствии с параграфами 57-60 Гражданского кодекса РФ.

В связи с этим и было предпринято (... неразборч.) **поручить, разумеется, Голоду, утвердить его директором-организатором, да, утвердить и поручить ему (Голоду) создавать этот институт.**

Ясно, что для создания Института в соответствии с Гражданским кодексом и теми статьями, о которых здесь говорилось, нужно, во-первых, значит, **организовать составление и утверждение Устава, это главный документ.** Устав должен пройти (... неразборч.) обработку: сначала Устав вчерне составляется, потом **этот Устав, он в той процедуре, которая принята в Академии наук, проходит апробацию в пяти Управлениях.** Эти пять Управлений обязательно должны прочитать черновик этого Устава и вносят свои замечания.

При этом нету сроков ограничений. Они (Управления) могут читать сколько угодно и делать сколько угодно замечаний. Тем более, что этот (... неразборч.). Это не важно. Значит, делается Устав на основании типового проекта, но к этому типовому проекту есть очень много дополнений, которые не все нам известны (так!). Поэтому, когда приносился этот Устав в то или иное Управление, в Управлении есть поправки, и они работали над этим текстом.

Я еще раз подчеркиваю, что **процедура очень громоздкая и в разных Управлениях смотрят на этот Устав по-разному.** Скажем, в Управлении юридическом, они смотрят быстро, у них набита рука и так далее, это занимает небольшое время. А, скажем, в Управлении по имуществу это делается очень долго — примерно месяц лежал там Устав, делались различные замечания, **дурили голову, потому что говорили, что они отправили Устав.** Говорили, что Устав отправлен, мы ходили каждый день на почту, а Устав с места не сдвигался, он как был в Управлении, так и остался. Поэтому надо было специально ехать, выяснять и так далее.

Поэтому **идет очень долгое согласование Устава по первому кругу.** После того, как закончилось, берутся все замечания, замечания обязательно учитываются, вставляются, **никаких возражений никто не принимает.** После этого Устав идет по второму

кругу — надо показать всем в этих Управлениях, что действительно внесены туда изменения соответствующие, за каждое — расписываемся.

После этого Устав, насколько я знаю, **прошивается, утверждается в юридическом отделе (РАН)**. Только после этого этот Устав представляется двумя руководителями юридического отдела (?) — заведующая юридического отдела должна это подписать, и зам., который отвечает за внешнюю (... неразборч. деятельность?). После этого Устав идет на согласование в Отделение.

В Отделении, что там с ним делают, я не знаю, потом подписывает академик-секретарь (Отделения) Топорнин. Параллельно с тем, что идет обсуждение в Москве, Москва представит (... неразборч.). Это поручено этим же постановлением Отделению. В Москве процедуру (... неразборч.), значит, этому Отделению. **Параллельно это же Отделение, которое эту процедуру плохо знает, должно создать специальную комиссию,** которая приедет в Институт, в помещение Института.

Она должна, эта комиссия, провести разделение балансов с головным институтом. Второе, что она должна будет сделать, это составить **передаточный акт всего, что есть в Институте,** тех средств, которые у него на счетах. Это должно проходить параллельно, **но как это делается, почему-то наше Отделение пока не в курсе дела.** Хотя на самом деле в Отделении уже создавался институт, как раз выделявшийся из Экологического института, но тем не менее **они (Отделение РАН) плохо в этом ориентируются.**

После или параллельно с этим Устав должен быть утвержден президентом Академии наук, либо вице-президентом. Параллельно, значит, Институт должен разослать всем контрагентам положение о том, что создается такой институт. И они должны на это как-то реагировать. Ну, скажем, **у нас есть большие долги перед Леонтьевским центром. Он может подать в суд, и тогда приостановится вся организация, как я понимаю.**

Вот только после того, как будут собраны все эти документы, то есть Устав, раздельный баланс, передаточный акт, и вся рассылка вот этих самых документов, только после этого Устав пойдет на утверждение в Регистрационную палату Санкт-Петербурга. Эта процедура, последняя, хотя бы ограничена временем: там известно, что Палата утверждает Устав в течение одного месяца.

Так что если судить по темпам, с которыми это происходит все, то **документация может быть готова где-нибудь глубокой осенью.**

Далее. Так как, **когда я соглашался на создание или вокруг (?) создания Института, то я говорил о том, что я, создав Институт, не буду подавать, соглашаться письменно на то, чтобы стать директором Института. С этим не согласился сначала Кудрявцев.** Он, Кудрявцев, далеко, и это все было нормально (?). Но потом это узнал Топорнин. **Топорнин специально пригласил Ядова, Зеленко (Зеленко — это ученый секретарь Отделения), Голода и Дуку для беседы 10 марта 2000 г.**

Передо мной был сразу поставлен вопрос, **что никакого разговора вообще не будет, пока я не дам твердого согласия, что буду баллотироваться в директора.** В ответ я сказал, что я не хочу это делать, есть молодые люди, и молодые люди могут вполне возглавить этот институт. И я предложил, **мне очень симпатичен Дука, и я предложил Александра Владимировича на этот (... неразборч.: пост?).**

В ответ было сказано, что в Академии наук еще не было ни одного института, где (бы) во главе был кандидат наук, поэтому даже разговаривать не о чем, ни один человек, который будет иметь кандидатский диплом, он не будет даже принят для конкурса на директора.

После этого **Владимир Александрович (Ядов) попытался (... неразборч.) меня заставить согласиться, говоря о том, что в любое время потом откажешься.** Но я не

стал играть в эти игрушки, я не могу соглашаться, потом отказываться и так далее. **Поэтому (так!) с меня взяли слово, что если меня выдвинут (в директора), я дам письменное согласие на это (так!).**

Вот только после этого началась беседа о том, что надо делать. **Топорнин, который (... неразборч.), хоть и директор Института государства и права, в гражданском праве не очень хорошо разбирается,** он сказал, что надо срочно выбирать директора. Ядов сказал, что был директором-распорядителем (... неразборч.) два года, пока он с институтом возился.

Я ему (Топорнину?) сказал, что не готов ни Устав, мы не внесены, это очень важно (... неразборч.), — мы должны быть внесены в реестр институтов, учреждений, которые утверждаются Советом министров. Правда, Академии наук дано право только согласовывать, но все равно его (Устав?) надо согласовывать, то есть надо еще, когда будет утвержден Устав, как юридическое лицо (так!), после этого пойдет на согласование в Совмин список, где внесены академические институты.

И это надо сделать до ноября. **Если до ноября этот список не будет утвержден Совмином, то на следующий год — 2001 — все равно не будет создан Институт, потому что к этому времени бюджет закрыт.**

Ну вот, **Топорнин это воспринял несерьезно,** сказал, что он пойдет к академику (... неразборч. Кудрявцеву?), к президенту (РАН?), **он настаивает, что срочно будем выбирать директора, но ясно, что это несерьезно.** Любого директора срочно выбирать нельзя, есть какие-то ступени, их надо все пройти... Прежде чем не будут пройдены все ступени, о которых я говорил, директора выбирать нельзя, это просто все неправомерно.

Поэтому вот этот процесс, значит, некоторым образом затормозился, хотя (... неразборч.) выдвигали. Кроме того у нас есть большая (... неразборч.), у нас **нет вообще командировочных расходов** (денег на командировки?). Когда утверждался Институт, начальник Управления финансов Конашенко сказал: как же мы (живущие в Петербурге) будем ездить? Мы же не на соседней улице живем, это же надо много раз ездить....

Ну, ничего, командировочные отданы Отделению, Отделение дает Институту (Институту социологии?), Институт вам переведет.

Когда Ядову сказали, вот на этом заседании: «Вы должны перевести деньги в Петербург», — он сказал: «Нет, у нас никаких командировок нет. У нас никто, ни один человек не ездит в командировки. Те люди, которые ездят в командировки, они ездят за счет приглашающей стороны».

Когда ему резонно было сказано, что речь идет не о научных командировках, а об **административных, то: «Я подумаю...».** И он (Ядов?) **до сих пор думает, и ни копейки у нас нет.** Все поездки, которые совершаются — я три совершил, Александр Владимирович (Дука), по-моему, уже пять, — это за счет моего гранта научных школ. Только за счет этого гранта мы ездим в Москву для того, **чтобы в любое время Топорнин вдруг ни с того ни с сего вызывает,** его иногда не устраивает приезд только Дуки, но и моего (?), и это (... неразборч.: не?) соседняя улица. **Он приглашает — давай приезжай, иначе мы не будем разговаривать.** В общем у нас очень много трудностей в этом смысле...

После этого заседания, на этом заседании **было решено устно: все-таки, так как Голд дал согласие, будем процедуру двигать дальше.** Как двигать, все равно не очень известно. Но, **как вы знаете, приходит много жалоб, жалобы идут везде, меня уже приглашал Петросян, здесь есть жалоба (так!), в Научном центре, удивлялся: «А что, Вы не знаете?» — «Нет, я не знаю, мне никто не пишет жалобы. Таких писем я не читаю (так!).» — «Ну, как хотите...» (так!).**

Ядов мне тоже как-то показал вот такое толстое письмо от Саганенко²⁷. **Все равно читать тут нечего, я сам все это сделал (?)**. Ну, хорошо, и далее. Далее, **есть жалобы в Отделение, в Президиум, и так далее. И вот решено было, я не знаю, как это там решается, меня это не касается, что ни на какие письма никто отвечать не будет (так!)**.

Поэтому просили, что в общем надо как-то поговорить, **собрать руководителей**, рассказать им, чтоб было видно, как идет этот процесс. Дело в том, что: **а что мы соберем руководителей? Говорить особенно нечего, я почти с каждым говорил (так!)**. Владимир Владимирович (Костюшев) приходил ко мне почти сразу же, я рассказывал, как идет процесс. Сейчас ничего не изменилось, потому что — **что я знал два месяца назад, (то) я знаю и сегодня — не больше. И так далее.**

Я говорил с многими, с Максимовым я говорил, и так далее. **Ничего нового, тут трудно что-либо сказать (так!)**. Далее. Значит, после разговора с Владимиром Александровичем (Ядовым), это было, значит, десятого-семинадцатого (17.03.2000), пришел от него факс. Когда я прочитал факс, я ему сразу из дома позвонил и говорю: **«Что же Вы присылаете такие факсы, мы разве об этом договаривались?»**. Он говорит: **«Я удивляюсь, почему письменно ты не отреагировал. Ни письменно, ни устно мы не договаривались, что я должен срочно на что-то реагировать (так!)**.

Причем то, что он (Ядов) написал от себя, это отсебятина (так!), я ему это прямо и сказал. Он мне говорит: **«Жалуйся!»**. Я говорю: **«У нас есть Алексеев, кому жаловаться (так!)**²⁸. **Я жаловаться ни на кого не буду. Я прожил в науке 40 лет, ни одной жалобы ни на кого не написал (так!)**. Мне не нужно этого делать».

Я сказал, что я **обязательно встречусь с Топорниным и покажу ему эту информацию, и письменно пошлю, потому что то, что он (Ядов) написал, это неверно во многом, в том числе — он не читает документы, которые издает Академия наук (так!)**.

Ну, например, значит, **что научные направления не догма. Нет, это догма! (так!)**. Есть специальное решение общего собрания Академии наук, Постановление от 2 июня 1999 г. (?), где в параграфе 3 (?) Дополнения к Уставу Академии наук сказано: **«Президиум Российской Академии наук созывает сессию общего собрания РАН»**. Второе: **«Создает, реорганизует и ликвидирует научные организации, организацию научного обслуживания и (... неразборч.) РАН, утверждает их Устав, определяет направление работ и специализацию вновь создаваемых научных организаций РАН, принимает решения о его перепрофилировании»**. Так что **все здесь написано (так!)**.

И это было доложено Топорнину. Он сказал, что **«Вы имеете право делать то, что Вы делаете» (так!)**, но **были просьбы, которые выполняются, что не нужно создавать пока Ученого совета**. Мы просили пока **создать временный Ученый совет**, потому что надо как-то двигаться.

Я, во-первых, просил, что **очень трудно мне совмещать, это нелогично совмещать** (посты директора СПбФ ИС РАН и директора-организатора СИ РАН), **быть директором Филиала, которого в общем-то нет (так!)**. Послезавтра будут выборы (директора Института социологии РАН), от выборов нас отстранили моменталь-

²⁷ По-видимому, имеется в виду Открытое письмо Г. Саганенко вице-президенту РАН В. Н. Кудрявцеву от 31.01.2009. См. выше: раздел 4.3.

²⁸ По-видимому, имеется в виду аналитическая записка А. Алексеева «О создании Социологического института РАН на базе Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН», отправленная в Отделение общественных наук РАН и параллельно опубликованная в журнале «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (2000, № 1). См. выше: раздел 4.2.

но, мы не участвуем ни в каких выборах головного института: 7 числа (7.04.2000) выборы директора.

Конечно, Мансуров, который заинтересован, чтобы мы голосовали, очень захотел, загорелся, чтобы мы (... неразборч.). **а Ядов, который не заинтересован, чтобы мы голосовали (так!)**²⁹, пошел специально в управление к Мухину, и нас отстранили моментально, сказав, что «вы уже не имеете никакого отношения к Филиалу (?) и ни в каких голосованиях вы уже участвовать не можете» — официально было сообщено. (... неразборч.) специально просил, чтобы мы ему позвонили, и он (Ядов?) нам это сказал.

Поэтому ясно, что **я просил Топорнина освободить меня хотя бы от одной должности: либо директора-организатора, либо директора Филиала, потому что это нелогично, я должен заниматься чем-то одним.** Они мне выписали официальный пропуск, что я — **единственный член...** Называется, Голод Сергей Исаевич — директор Социологического института РАН. **Вот я, значит, один директор несуществующего института,** поставлена печать и расписано: «Осипов».

И не разрешили мне написать заявление, чтобы я перестал быть заведующим или директором Филиала. Поэтому, вот, значит, между двумя стульями я и сижу.

Мне сказано: в Филиале (СПбФ Института социологии РАН) Вы можете делать различные реорганизации (так!), (но) в Институте (Социологическом институте?) не надо ничего делать, пока не будет вся документация сделана. До того, пока не будет сделана вся документация, никаких изменений в Институте не произойдет. **Правда, непонятно, в каком институте...**

Реплика из зала: **В не существующем...**

Голод: Да. **Значит, не производить (?), не создавать Ученого совета, разумеется, не выбирать директора, и так далее.** Значит, все это осталось на этом уровне, то есть на уровне того, что институт нет, но он создается, и он будет создаваться, несмотря на то, что нет денег, мы будем ездить, мы будем утверждать Устав, мы будем догвариваться и **рассказывать им (так!), как создавать комиссию, чтобы они приехали и сделали раздельный баланс и так далее.**

Поэтому вся процедура будет продолжаться. Только — **что, как бы ни говорил академик Топорнин, что это все быстро, это все будет не очень быстро сделано.** Я думаю, что, дай бог, до ноября-месяца все нам оформить, в том числе получить представительство в листе Совмина.

Дело в том, что два года Академия наук не создавала никаких институтов, и Академия наук вообще сейчас не создает институты, а ликвидирует. **Нам просто случайно повезло (так!). Я не хочу рассказывать, как это произошло, что нам разрешили создать институт. Это совершенно случайный акт.** Кроме нашего институт только создали (?), куда пойдет еще один институт из 15 человек, его создали специально для этого самого, который был секретарем Совмина, зам. Министра обороны, гражданский, я, правда, его фамилию забыл... Кокошин! Для Кокошина создается институт из 15 человек. Вот, в этом листе есть: наш институт и институт Кокошина.

Вот, значит, такая вот вся процедура (так!). Поэтому я не знаю, что еще может быть, но так вот двигается утверждение этого института.

Я еще раз подчеркиваю, **это будет процесс долгий, и он будет вестись по всем правилам (так!),** то есть сначала будет создан (... неразборч.), то есть закончены все

²⁹ Здесь своя интрига — касательно очередных выборов директора Института социологии РАН, происходивших в это самое время. Но не могу не выразить сомнения в том, что Ядов будто бы был не заинтересован в участии петербургских сотрудников в выборах директора ИС РАН, как это утверждает докладчик. (Примечание А. Алексеева).

документы уставные³⁰. После этого будет объявлен конкурс (на замещение вакансии директора) Отделением философии и так далее. После выборов директора будут выборы, как и положено, Ученого совета. Вот такова процедура, **хотя я предлагал другую процедуру, но Топорнин ее не поддержал.**

Я считал, что надо форсировать не юридическую часть, а научную (так!). Но было сказано: этого не надо делать, — **поэтому все отчеты этого года будут проходить прямо в Отделение, но по старой схеме.**

Вот все, что я могу сообщить о том, как организуется, как идет строительство этого института.

(В упоминавшемся выше официальном протоколе собрания текст доклада С. И. Голода существенно сокращен и отредактирован. Так что исчерпывающее представление о том, что было произнесено на собрании 4.04, можно получить только из настоящей расшифровки.

То же относится и к содержанию приводимых ниже вопросов из зала и ответов докладчика: в официальном протоколе это отражено не полностью).

Гишинский: Спасибо, Сергей Исаевич. Пожалуйста, вопросы.

Божков: Когда предусматривается перевод сотрудников в новый институт?

Голод: Сначала выбирается директор, потом выбирается Ученый совет. Наверно (... неразборч.). **Тут твердо ничего не известно.** Наверно, это (... неразборч.). Я предлагал, вопрос правильный, я только что сказал, что я предлагал другую процедуру. Я предлагал, что сейчас мы имеем, с точки зрения юридического отдела — я советовался с (неразборч...) Петренко. **Петренко сказал, что можно сделать приказ.** Только опять-таки чей приказ? Ну, вроде, директора-распорядителя.

Приказ о создании Института и такой приказ, чтобы те сектора, которые останутся по направлениям (так!), они могли бы переходить в новый институт. Те (же), которых нет (не предусмотрено направлениями?) — объявить конкурс, объявить всеобщий конкурс (так!). И оказалось, что это вообще-то мы можем сделать, с точки зрения юридического дела, но с точки зрения Отделения — не нужно этого делать.

Комментарий

Внимание! Здесь директор-организатор СИ РАН С. И. Голод нечаянно приоткрыл свои и своих «со-умышленников» утаивавшиеся замыслы о «зачистке» (говоря современным языком) значительной части научного коллектива. Смысл этого его высказывания остался тогда несным или недопонятым для большинства участников собрания. Однако два с лишним года спустя, когда стали известны некоторые «секретные протоколы», эти замыслы оказались раскрыты в полной мере. См. ниже: раздел 4.12. (А. А. Август 2009).

Дело в том, что **процедура юридическая очень запутана.** Как нам сказали, с нами очень много спорили в отделе экономики, как там называется, она (?) очень правильно говорила, хотя нам это не нравилось всем, что за 9 лет власти современной юридические законы так запутаны, они настолько расшатаны, что очень много непонятного. Поэтому **настала пора сделать более строгие юридические закономерности** (так!) или юридические законы или нормативные акты, чтобы строго следовать тем законам, которые были приняты в последнее время (так!).

³⁰ О том, как разрабатывались «уставные документы» СИ РАН см. выше: раздел 4. 4.

Я в свое время предлагал процедуру несколько иную, но по настоянию Топорнина она выглядит таким образом, то есть последовательно: сначала выбирают директора, потом выбирают Ученый совет, а потом решают, какую процедуру проводить, совместно. Поручено Отделению это все делать, но пока Отделение сидит (... неразборч.), его не очень-то это волнует.

Гилинский: Пожалуйста, вопросы.

Алексеев: Правильно ли я Вас понял, что мы как бы **не существуем?**

Голод: Да, мы находимся в трудном положении, но **Топорнин сказал, что все идет как надо.**

Алексеев: Я не получил ответа.

Голод: Другого ответа нет.

Алексеев: **Кто выбирает Ученый совет?** Научные сотрудники Социологического института РАН?

Голод: Да, **Ученый совет выбирается коллективом научных сотрудников.**

Серов: Чем кончился разговор о **временном Ученом совете?**

Голод: Я лично не знаю, но, по настоянию директора Института государства и права, он считает, что тот который есть (?). Он считает, вот будет такой (... неразборч.). Это его точка зрения... А на самом деле **я не знаю, но думаю, это будет понятно из процедуры, когда все будет сделано** (так!), когда это выверится, я думаю, что будет (... неразборч.) наверно (... неразборч.).

Гилинский: Как я понял, у нас (?) с академиком Топорниным примерно одинаковые взгляды на наши (... неразборч.: проблемы?).

Голод: **Да он просто в них не хочет разбираться, особенно не в глобальных вещах...** (так!)

Гилинский: Пожалуйста, вопросы еще... Нет вопросов?

(Серия вопросов из зала, на которые Голод отвечает то порознь, то сразу на несколько).

Травин: **Почему вы считаете, что Филиал не существует?**

Корнев: **Кем же мы являемся? Кто заключает договора с РГНФ и РФФИ?**

Кесельман: **А как же зарплата, бюджетное финансирование?**

Голод (отвечая на вопросы): (... неразборч.) Еще раз я только что сказал, что я нахожусь в таком положении. Я об этом доложил Топорнину, но он считает, что это все нормально. Ну, нормально и нормально – он отвечает, а не я. (... неразборч.).

Алексеев: Если **Вы – директор не существующего института, то являются ли правомерными ваши приказы по кадровому составу и об изменениях структуры ин-**

ститута? Ваше мнение?³¹

Голод: **Нет! Мое мнение не надо спрашивать!** (... неразборч.). а я Вам говорю: **нет, не надо! вы** (Алексееву) – **провокатор большой** (так!). **Не надо!**

Реплика из зала: **Зачем же клеить ярлыки?**

Голод: А я сказал: **не надо ярлыки**, я сказал, что я не отвечаю на вопросы, не связанные с сообщением! Мне не надо, я уже был в Комитете (так!), я знаю с двух лет, что это такое. Меня в два года отправили в Комитет, арестовав моих родителей. Я знаю, что такое провокатор, когда мне, двухлетнему, говорят: «Зачем тебе папа и мама? Ты будешь в хорошем детском доме, там хорошие дети. А зачем тебе братья? Они большие, а ты будешь с маленькими». Не надо мне такого (так! Истерика?). (... неразборч.).

Корнев: **Мы можем участвовать в конкурсах на получение грантов?**

Голод: **Можем.**

Корнев: **А от какой организации?**

Голод: **У нас нет другого бланка, у нас есть (только) бланк Филиала.** Сейчас мы можем (?), но в любой момент это все может (... неразборч.). Юридически это неграмотно. Но – можем! **Все мы участвуем, все мы получаем** (гранты). Я получил сейчас премию гранта (?). Ну и что? Они (деньги) идут, только другое дело, а их сейчас не получаю, а деньги идут. **Они (деньги) на счету лежат.**

Вопрос из зала: (... неразборч. Смысл: каковы перспективы финансирования по уже полученным грантам?).

Голод: Вопрос очень трудный, я вам скажу проще, сейчас опишу. Мы получили деньги, даже пришли (они) уже, вот, из РФФИ и РГНФ. Нам эти деньги не выдают. Не выдают! Понятно, почему не выдают, я расскажу, это просто.

Устав головного института, с точки зрения финансовых органов, составлен неправильно: там написано, что есть Санкт-Петербургский филиал Института социологии, но нет его юридического адреса. Поэтому к нам предъявляют претензии: дайте обязательство за подписью директора и главного бухгалтера, что за три месяца вы переделаете (также) и московский Устав (так!).

Поэтому нам не открывают счет, и поэтому мне пришлось сегодня ту процедуру, которую я рассказал, написать этим самым, в Казначейство. **И вот, если Казначейство прочтет это и поверит, то нам откроют счет. Если нет, то они нам откажут.**

Вопрос из зала: А зарплата у нас когда будет?

Голод: **Зарплата приходит, потому что это оговорено. Зарплата идет. Единственно, что у нас осталось с Институтом социологии, это канал заработной платы, потому что это бюджетное финансирование.**

Заранее Конашенко знал, что нам не откроют бюджета, потому что любое постановление Президиума и кого угодно после ноября-месяца не делает инсти-

³¹ Вопрос этот, я считаю, вполне корректный. Однако именно данный вопрос (в отличие от других, возможно более острых и критичных), вызвал, на наш взгляд, неадекватную реакцию докладчика. (Примечание А. Алексеева).

тут. Он (институт) не утвержден. Поэтому они знали заранее, что он (институт?) в список не попадет.

И поэтому идет через (?), **мы имеем только с бухгалтерией** (Института социологии РАН) **отношения. Бухгалтерия (ИС РАН) нам посылает наши бюджетные деньги. а вот с грантами мы уже погорели...**

Вопрос из зала: (... неразборч.).

Голод: Да, остались реквизиты... На основании московского Института. **Вот они поэтому и бегают, чтобы мы переделали Устав московского Института за три месяца.** (... неразборч.). Это (... неразборч.) банк. (... неразборч.). **Чтоб они переделали за три месяца Устав юридически** (... неразборч.), **наш юридический адрес.**

Вопрос из зала: (... неразборч.).

Голод: Без Казначейства никакой банк ничего не выдает.

Вопрос из зала: Наличные деньги выдает банк или кто?

Голод: По распоряжению Казначейства.

Вопрос из зала: Хорошо, **при получении денег ваша подпись требуется в банке?**

Голод: **Нет** (так!).

Вопрос из зала: Банк признает Ваш (... неразборч.)?

Голод: Нет, Казначейство не признает. **Если за три месяца мы не переделаем Устав** (Института социологии РАН), **ликвидируют мою подпись** (так!). Если (только) **они не пойдут навстречу...**

Голофаст: **Как вы оцениваете ход организационной работы по созданию Института?**

Голод: Не знаю, трудно мне ответить на этот советский (?) вопрос. **Вот как я рассказал, так и оцениваю. Идет организация** (Института) **с трудом, но что-то движется.** Двигается медленно, я не уверен, что до конца хорошо.

И когда я говорю, что это против некоторых правил, **мне говорят: «Это не ваше дело. делайте свое дело».** Я делаю свое дело. Я езжу на призывы, я иду в Управление как мальчик. Мне дают нагоняй, я исправляю, в другое Управление — опять исправляю. **Вот и все!** Еще и хорошо, что есть еще и молодой мальчик (зам. директора по науке Дука).

Алексеев: **Считаете ли вы свою деятельность по реорганизации Института успешной?**

Голод: **Я не могу давать оценки своей деятельности** (... неразборч.)

Игнатова: **Кому я могу предъявить претензии, что я официально нигде не работаю?**

Голод: Понятно. **Вопрос, на который нет ответа.** Я такой же вопрос задал академику Топорнину: «Где я работаю?». Я назначен директором-организатором, вот у меня есть удостоверение. Я не получаю деньги как директор того института.

Поэтому да, положение маргинальное, но таково положение. Если у Вас есть решение — я нашел решение, я предлагал решение, мои предложения не приняты. Мне сказано, что есть только один путь: составлять Устав, другие документы, и **после этого форсировать решение этого вопроса.**

Мацкевич: В наших трудовых книжках уже изменилась запись?

Голод: Нет.

Голофаст: Один институт реорганизуется в другой, следовательно, **мы находимся в процессе реорганизации, при которой существует старый институт и юридически еще не появился новый...** Эта проблема элементарно решается, если на нее правильно посмотреть с точки зрения основного исходного решения. А если, конечно, цепляться и педалировать другие какие-то вещи, то и получается...

Голод: Это не вопрос, это Ваше суждение.

Гишинский: Пожалуйста, вопросы. Есть вопросы?

Травин: У меня вот какой вопрос. Устав как документ... В одном из своих (его) пунктов, есть пункт, что он (Устав) **утверждается собранием научного коллектива.** Вот, **когда это должно произойти?** И вообще, существует ли эта процедура? Или мы, так сказать, по поводу нее (этой процедуры) каким-то образом заблуждаемся.

Голод: Значит, есть противоречие. Здесь, это (... неразборч.). **значит, научный коллектив — его нет, тогда эта процедура предусмотрена для тех институтов, которые существуют. А те институты, которые не существуют, делают Устав заново (так!).**

Костюшев: 3 месяца действия подписи — это касается только грантов или всех выплат?

Голод: Пока грантов, а потом, может быть, и зарплаты.

Серов: В конце года могут потребовать, чтобы мы вернули деньги, если не будет создан Институт?

Голод: Нет.

Костюшев: Вы знаете, вот у меня вопрос такой: вот если Топорнин там неуверенно отвечает на эти (... неразборч. вопросы?), **может быть, следует просто обратиться к квалифицированному юристу.** Он должен нам подробно рассказать о правовом статусе людей, которые работают в не существующей организации... Это невозможно... **Мы не можем работать в не существующей организации и получать зарплату. Это нарушение Трудового кодекса и...**

Голод: Какой статьи (Трудового кодекса)?

Костюшев: Я не знаю... Я предлагаю... **Элементарная логика, здравый смысл...** Поэтому (... неразборч.) реорганизуется и так далее... Я к тому: **обращались ли вы к юристу?**

Голод: **Ни к одному** (так!).

Костюшев: (... неразборч.)

Голод: Я Вам только что сказал, что **можете сейчас подавать** (... неразборч.), и **на конкурс подавать...**

Костюшев: Непонятно...

Голод: **А я Вам сказал, что юридический отдел сказал, что можно проводить конкурс сейчас, всех уволить и проводить конкурс** (так!).

Реплика из зала: (... неразборч.).

Голод: Можно. Да. Пока это идет несколько месяцев, это же не за один – за четыре месяца надо предупредить людей.

Реплика из зала: (... неразборч.).

Голод: Нет, надо объявить за три месяца, подать за четыре месяца, за три месяца подать (... неразборч.).

Вопрос из зала: **А кто будет в конкурсной комиссии?**

Голод: (... неразборч.) не разрешили... Поэтому **зачем я буду рассказывать о том, чего не разрешили?** Топорнин сказал: «Не надо этого делать!».

Кесельман: Я научный сотрудник, поэтому я обладаю правами. Поэтому **даже если согласиться с Вами, что нас нет, то как быть с тем, что мы все-таки есть как сотрудники, все? Ни один из нас из Академии наук еще не уволился, включая Вас.**

Голод: Я сказал Вам: **все вы работаете в Академии наук, получаете зарплату. Когда мы собирали, в том числе и Вас, (... неразборч. то?) говорили о том, что все должны заниматься научной работой и отчитаться в этом году не перед Институтом социологии, а перед Отделением философии, социологии, (психологии) и права.**

Кесельман: Совершенно верно. **Но раз у нас есть обязанности, то ведь у нас есть еще и права. Права научного коллектива...**

Голод: **Да, получать зарплату** (так!).

Кесельман: Нет, простите, это не право научного работника.

Голод: Ну, тогда еще раз... Я рассказал, **какова процедура, принятая в Академии наук.**

Кесельман: По-моему, вы просто не совсем точно изложили...

Голод: Ну, это ваше дело (так!)...

Кесельман: Почему это мое дело? Это наше общее дело.

Голод: **Общее я описал, опираясь на документы** (так!), а Вы хотите...

Кесельман: **Вы – директор Института, а я – его сотрудник.**

Голод: Да (так!).

Кесельман: У меня есть обязательства перед Вами, у Вас есть, по-моему, **обязательства передо мной.**

Голод: Да, дело в том, что я все объяснил по порядку (так!).

Кесельман: Вы отказались отвечать на любой вопрос содержательный. Я – сотрудник института или нет?

Голод: Нет, Вы сотрудник Академии наук (так!).

Кесельман: Значит, я обладаю правами научного сотрудника?

Голод: Конечно (так!).

Кесельман: Почему (же) Вы меня их лишаете?

Голод: Каким образом?

Кесельман: Почему не соберете Ученый совет?

Голод: (... неразборч.).

Кесельман: Нет, я не услышал ответа!

Вопрос из зала: Сергей Исаевич, когда Вы в юридическом отделе беседовали, Вы не задавали вопрос, а имеете ли Вы право своим приказом создать временный Ученый совет? Задавали ли Вы такой вопрос?

Голод: Задавал. Имею.... Да, мне сказали, что имеете право, но Топорнин просил не делать этого.

Голофаст: Это другой вопрос. Ученый совет существует. Он был избран. Он действует бессрочно. Никто его не распускал. никто не распускал никакие наши подразделения... Мало ли что говорит Сергей Исаевич...

Серов: Можно ли создать временный Ученый совет в Институте?

Голод: Можно, но Топорнин просил не делать этого.

Серов: Тогда второй вопрос: почему, собственно, не пролонгировать на этот период деятельность Ученого совета, избранного (ранее)?

Голод: Потому что нет отделения (так!), то есть нет Филиала (Института социологии РАН).

Реплика из зала: Ну и что?

Голод: Ну и то, какой же есть Ученый совет, если нет Филиала?

Костюшев: Предложение по процедуре. Если есть еще вопросы к Сергею Исаевичу, уточняющие там (...неразборч.), заканчивайте. Тогда и будем (... неразборч. обсуждать?).

Гишинский: Спрашиваю последний раз, по просьбе Владимира Владимировича (Костюшева): есть еще вопросы – не суждения, не высказывания, а вопросы? Нет вопросов. Спасибо. У нас был один вопрос на повестке дня. Мы заслушали информацию (о создании Института). Я полагаю, что единственное, не знаю, как сейчас называть, решение или постановление или что (так!) – мы можем принять к сведению заслушанную информацию и полагать, что наше заседание закончено (так!)

Реплика из зала: **Так ты, что, предлагаешь закончить?!**

Гилинский: Да. А что мы должны еще делать? Я не понял (так!).

Баранов: Поскольку я еще существую, стало быть, мыслю. А когда я мыслю, я пытаюсь сформулировать (... неразборч.: решение?).

Гилинский: Хорошо. Так, а что Вы предлагаете?

Баранов: **Высказаться по поводу организации нового института, точнее, преобразования Института в новый институт. Какие проблемы видит трудовой коллектив на этом пути?** Например, как будет обстоять дело с аттестацией сотрудников?

Дука: При беседе с Топорниным возник этот вопрос, на что был получен ответ — пока не проводить никаких аттестаций. **Существует наша возможность (так!) создать Ученый совет, но именно — целевой, который бы не избирался (так!), хоть три человека, хоть пятнадцать (так!). Требовать от Отделения письменных распоряжений мы не вправе (так!).**

Максимов: Вопрос к Александру Владимировичу (Дуке): **Ваша беседа с Топорниным носила официальный или личный характер?**

Дука: **Мы просто решили... попить (... неразборч. Упоминается какой-то напиток. Видимо, шутка...). Вопрос странный... Далеко не все официальные встречи носят протокольный характер (так!).**

Гилинский: Я прошу прощения... Была информация директора-организатора, было множество вопросов. **Что же, мы теперь — будем друг другу задавать вопросы? Давайте тогда разойдемся и будем друг другу задавать вопросы.**

Кесельман: **Я, например, не согласен...**

Травин: (... неразборч. Смысл: возражает против закрытия собрания).

Гилинский: **Ни я, никто другой на эти вопросы не ответит...**

Кесельман: **Обязаны ответить, поскольку я выполняю (свои) обязательства перед ним (Голодом). Я работаю. Вы (же) (Голоду) не выполняете своих обязательств! Вы должны знать, работает человек или нет, это входит в Вашу...**

Гилинский: Я убедительно прошу прекратить этот базар!

Кесельман: Это не базар, это конкретный текст, я могу его повторить оттуда (т. е. не с места, а выйдя к столу).

Гилинский: **Можете повторить где угодно (так!).** Что у Вас? (к Костюшеву) Пожалуйста.

Костюшев: Вы знаете, мы действительно **так долго не собирались...** Это очень важно... Я считаю, это нормальная процедура... Появятся новые варианты... Поэтому (... неразборч.) **задали вопросы, на которые ответов не получили (так!).** Поэтому **могут быть разные мнения.** Я предлагаю — возможно, появятся новые варианты — собрание не закрывать. **У меня есть предложение — продолжить выступления (обсуждение?).** По-моему, это нормальное предложение.

Гилинский: Я боюсь, что тогда придется менять повестку дня. И тогда я прошу освободить меня от обязанностей председателя. Потому что выслушивать мнения всех — это новое собрание (так!). И я думаю, что...

Муздыбаев: Мы не готовы сейчас обсуждать. **Давайте разоидемся! Нужно все решать путем консенсуса.** Мы сейчас не готовы к этому...

Реплика из зала: (... неразборч.).

Гилинский: У нас общее собрание или...

Костюшев: **У нас общее собрание с определенной повесткой дня. Вот мы ее и обсуждаем.** Можно, я сформулирую предложение? И я ставлю его на голосование. В рамках повестки дня о создании Социологического института, по сообщению директора... не надо всех спрашивать. **Надо предложить** (... неразборч. выступить?), **кто хочет.** Нормальное выступление (обсуждение?), демократическая процедура... Давайте определим регламент. **Если Вы лично не хотите вести собрание, давайте выберем нового председателя.** Все! Ставьте на голосование.

Гилинский: Каков регламент?

Костюшев: Нет, может кто-то не согласен с этим моим предложением? Пожалуйста, **ставьте на голосование.**

Гилинский: Ставлю на голосование: **кто за то, чтобы продолжить обсуждение сообщения директора Института?**

(Подсчет голосов: за 17, против 14, остальные в голосовании не участвовали).

Гилинский: Хорошо, продолжаем обсуждение. Регламент времени. Было три предложения: 3, 4, 5 минут.

(Голосование по регламенту. Результаты не ясны).

Быстрова: (... неразборч. Смысл: за продолжение собрание проголосовало только 17 чел., т. е. нет большинства. Стало быть, предложение продолжать собрание — не проходит).

Гурвич: **У нас было собрание с повесткой дня... И было предложение организовать групповую дискуссию (так!). Это вообще другая форма...**

Гилинский: **Я тоже так считаю,** но поскольку у нас были голосующие: количество за, количество против, кто воздержался... Тогда первое предложение (продолжить собрание?), как не собравшее большинство, **не проходит...** Моя точка зрения, я ее высказал... Поскольку не только я считаю, что **начинается новое собрание (так!), я прошу освободить меня от обязанностей председателя. Я покидаю это собрание, я не хочу участвовать ни в каких больше дискуссиях. А вы, пожалуйста, избирайте председателя и работайте...**

Реплика из зала: **Поставьте, хотя бы, вопрос на голосование...**

Гилинский: **Почему я должен ставить? Пожалуйста, выступайте...** Хорошо, до-

вою до конца. Пожалуйста, кто за избрание нового председателя? Не за избрание (?), какие будут предложения?..

Голофаст: Кто собирал это собрание?

Гилинский: Дирекция.

Голофаст: Почему? По чьей инициативе?

Гилинский: Я не знаю. По инициативе дирекции...

Голофаст: **То есть это — собрание трудового коллектива... Тогда почему Вы себя ведете иначе?**

Гилинский: **Я веду себя в соответствии со своими убеждениями...**

(Шум в зале. Реплика: <...>)

Муздыбаев: **Сегодня ясно, что мы не готовы к обсуждению...**

Гилинский: Ну что, голосовать за Ваше предложение? Кто за предложение Муздыбаева?

Реплика из зала: Сформулируйте!

Гилинский: **Это собрание объявляется закрытым. А желающие обсуждать, думать и обсуждать, через профсоюзную организацию собирают новое собрание...**

(Шум в зале: Реплики:

— Это не профсоюзное собрание!

— Почему через профсоюз?

— Профсоюз не имеет к этому никакого отношения...).

Реплика из зала: Ну что нам мешает **сегодня** заняться этим?

Кесельман: **Речь идет только о том, чтобы директор выслушал мою... Я ведь его слушал!**

Муздыбаев: (... неразборч.).

Костюшев: По-моему, директор ясно ответил, что ему интересно (?) **мнение коллектива по поводу его деятельности**. Не нападки и так далее, а именно мнение. По-моему, это ясно сказано. В чем проблема? Потратить еще полчаса — сорок минут, час. **Мы так редко собираемся вместе... Наконец, собрались, и не обсудить этот вопрос!.. Если есть разные мнения, их надо высказывать.**

Гилинский : Кого вы предлагаете на следующую часть этого собрания председателем?

Реплика из зала: Уже предлагали — Баранова!

Гилинский : Кто за то, чтобы Баранов был избран (председателем)? Большинство. Пожалуйста, Альберт Васильевич.

Баранов (занимает место председателя. Предлагает Румянцевой продолжить ведение протокола).

Румянцева: Нет, я боюсь, что могу исказить, поэтому я нет, нет, не хочу!

Реплика из зала: Аллу Родионову избрать!

Баранов: Кто за то, чтобы Аллу Родионову избрать секретарем, вот на эту часть собрания. Большинство. Спасибо...

(Далее, несколько человек покинули конференц-зал. Перерыва не объявляли. Собрание трудового коллектива (новое или продолжение прежнего?), с вновь избранными председателем (А. В. Баранов) и секретарем (А. В. Родионова), происходило в присутствии докладчика (С. И. Голод).

Расшифровка магнитной записи «второй части» собрания пока не выполнена. Выступали (в такой последовательности):

– Серов; Гурвич; Протасенко; Кесельман; Травин; Быстрова; Гурвич (повторно); Костюшев; Голофаст; Баранов; Божков; Алексеев; Винер (реплика); Муздыбаев С. И. Голод от заключительного слова отказался³².

Первичную расшифровку магнитной записи производил: <...>. Техническую редактуру и сверку с другими источниками выполнил: А. Алексеев.

Примечание

Как мы имели возможность убедиться, путем сверки документов, текст официального протокола «первой части» собрания трудового коллектива СПбФ ИС РАН 4.04.2000 отредактирован («причесан»), причем весьма тщательно.

При том, что искажений смысла отдельных выступлений участников собрания официальный протокол не содержит, он, в отличие от вышеприведенного (опирающегося на аудиодокумент), опускает такие моменты, которые так или иначе обнаруживают реальную атмосферу собрания, а также являют собой отчетливые «автохарактеристики» некоторых его участников.

Поэтому прилагаем к настоящему реальному и полному протоколу – тот, который, будучи «официальной версией», вполне отвечает интересам его составителей и редакторов³³. Можно сопоставить эти два текста.

Ведущий научный сотрудник СПбФ ИС РАН, к. ф. н. А. Н. Алексеев
12.04.2000

4.9. Из переписки с Академией наук (март 2000)

(1)

Академику-секретарю Отделения
философии, социологии, психологии и права РАН,
академику Б. Н. Топорнину

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

В начале февраля с. г. мне довелось направить на Ваше имя инициативную аналитическую записку «О создании Социологического института РАН на базе

³² К сожалению, расшифровка «второй части» собрания научного коллектива так и не была произведена. Сохранилась ли аудиозапись – неизвестно. .

³³ Этим официальным протоколом мы в настоящее время не располагаем. Как уже отмечалось, возможно, он сохранился в архиве СИ РАН. (Примечание А. Алексеева).

Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН», от 3.02.2000. Две недели спустя эта записка была опубликована в Санкт-Петербургском журнале «Телескоп. Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (2000, № 1).

В предположении, что Отделения РАН эта публикация не достигла, прилагаю экземпляр журнала.

В записке рассматривалась проблемная ситуация, сложившаяся в СПбФ ИС РАН, после издания постановления Президиума РАН № 3 от 11.01.2000.

Параллельно группой научных сотрудников СПбФ ИС РАН был направлен в Протокольный отдел РАН запрос по поводу процедуры преобразования филиала ныне действующего института (ИС РАН) в самостоятельный академический институт (СИ РАН). (В известных нам нормативных документах РАН детали этой процедуры не прописаны). Копию этого запроса от 7.02.2000 я также прилагаю к этому письму.

К сожалению, ни на одно из этих обращений до сих пор ответа их отправителям не поступило.

Вместе с тем, мне известно, что проблемная ситуация в СПбФ ИС РАН не оставлена без внимания руководством РАН. Хотя и с опозданием, но в коллектив нашего Филиала поступила информация о Вашей встрече с В. А. Ядовым, С. И. Голодом и А. В. Дукой, состоявшейся 10.03.2000. Узнав, что коллектив СПбФ ИС РАН пребывает по поводу результатов этой встречи в неведении, В. А. Ядов 17.03 адресовал директору-организатору СИ РАН С. И. Голоду факс, копию которого получил и я. Копию этого факса я также прилагаю к настоящему письму.

Факс от В. А. Ядова отчасти прояснил нашу ситуацию, как она представляется сегодня в Отделении философии, социологии, психологии и права РАН. Однако последние действия администрации СПбФ ИС РАН вошли в явное противоречие с тем, что, как сообщил В. А. Ядов, было договорено в беседе с Вами.

Это наглядно видно из административных документов (например, приказы об изменениях в структуре СПбФ ИС РАН, уже после 10.03), некоторые из которых я прилагаю.

Кризисная ситуация в СПбФ ИС РАН довольно отчетливо прорисовывается в материалах опроса научных сотрудников Филиала, проведенного в середине марта с. г. Краткие «выжимки» из отчета по данному опросу я также вкладываю в этот конверт.

Наконец, 4.04.2000 состоялось собрание трудового коллектива Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, который, по мысли его нынешнего директора (он же — директор-организатор СИ РАН) С. И. Голода, «уже не существует». По его логике, отсюда следует, будто нынешняя администрация Филиала может не считаться с демократическими нормами научной жизни, и в частности, с Уставом РАН, в управлении реально существующим научным коллективом — на весь тот продолжительный период (практически до конца этого года!), пока не состоится утверждение Устава СИ РАН и государственная регистрация нового института.

Например, научный процесс должен происходить при фактически распущенном Ученом совете СПбФ ИС РАН и т. п.

На этом собрании (где лично присутствовал ученый секретарь СПбНЦ РАН проф. Э. А. Тропп) С. И. Голод, наконец, информировал коллектив о ходе институциональной реорганизации, причем, как представляется мне и многим сотрудникам СПбФ ИС РАН, не вполне адекватно. Во всяком случае слишком многие задававшиеся ему там вопросы остались без ответа или получили неудовлетворительный ответ.

Прилагаю расшифровку магнитной записи сообщения С. И. Голода «Об организации Социологического института РАН» на собрании 4.04.2000 и его ответов на

задававшиеся на этом собрании вопросы. (Из нее Вы можете судить, в частности, как интерпретируется докладчиком процесс взаимодействия с Отделением РАН и другими академическими структурами).

Цель настоящего письма Вам — прежде всего информационная. Представляется необходимым, чтобы Отделение философии, социологии, психологии и права РАН располагало информацией о сложившейся на сегодня ситуации в СПбФ ИС РАН — не только со слов С. И. Голода и А. В. Дуки.

По не слишком цивилизованным понятиям, любое обращение сотрудника (сотрудников) в вышестоящую инстанцию квалифицируется как «жалоба», которая, в лучшем случае, заслуживает «снисходительной» (хотя бы и предусмотренной законом!) реакции, а — в худшем — может быть и просто проигнорирована. (Как было неосторожно заявлено С. И. Голодом на собрании: «В Отделении решено... что никто ни на какие письма отвечать не будет»).

Думаю, Вы согласитесь, что на «жалобу» моя аналитическая записка, поступившая к Вам, равно как и настоящее письмо, вовсе не похожи. (А если бы даже и было «жалобой», то ответ на письмо гражданина в организацию требует ответа, в соответствии с действующими правовыми нормами).

Я понимаю, что до сих пор в Отделении РАН могли полагать, что позиция руководства РАН по возникшим у сотрудников СПбФ ИС РАН вопросам будет корректно донесена до сведения научного коллектива его нынешними руководителями. Из совокупности направляемых мною Вам документов становится ясным, что рассчитывать на это не приходится.

Поэтому убедительно прошу о письменном ответе мне лично из Отделения философии, социологии, психологии и права РАН — по вопросам, поставленным в моей аналитической записке от 3.02.2000, которой Отделение располагает.

Рассчитываю на правильное понимание моих мотивов, включая отсутствие «личного интереса» и искреннюю озабоченность перспективами развития социологической науки в рамках системы академических учреждений.

С глубоким уважением

Ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, кандидат философских наук А. Н. Алексеев
15.04.2000

Приложения

1) Журнал «Телескоп. Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», 2000, № 1 (см. с. 36-43)³⁴.

2) Копия запроса в Протокольный отдел РАН «О процедурах реорганизации филиала академического института в самостоятельный институт РАН», от 7.02.2000 (авт. — А. Н. Алексеев, Л. Е. Кесельман, В. В. Костюшев, Б. И. Максимов, Г. И. Саганенко, И. И. Травин).

3) Комплект документов (3 документа), относящихся к беседе С. И. Голода, А. В. Дуки и В. А. Ядова с академиком Б. Н. Топорным 10.03.2000 (включая факс В. А. Ядова от 17.03.2000).

4) Извлечения из отчета о результатах опроса сотрудников СПбФ ИС РАН, посвященного ситуации в коллективе Института (март 2000)³⁵.

³⁴ См. выше: раздел 4.2.

³⁵ См. выше: раздел 4.7.

5) Расшифровка магнитной записи, ведшейся на собрании трудового коллектива СПбФ ИС РАН 4.04.2000³⁶.

(2)

Ученому секретарю
Санкт-Петербургского научного центра РАН
д. ф. м. н., проф. Э. А. Троппу

Глубокоуважаемый Эдуард Абрамович!

Свыше двух месяцев назад я направил в СПбНЦ РАН свою инициативную аналитическую записку «О создании Социологического института РАН на базе Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН», которая вскоре за тем была опубликована в журнале «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (2000, № 1).

Записка адресовалась мною параллельно Вам, заместителю председателя СПбНЦ РАН проф. Ю. А. Петросяну и вице-президенту РАН, председателю СПбНЦ РАН, академику Ж. И. Алферову. Поступила она и в Президиум РАН.

В сопроводительном письме от 8.02.2000 я выражал надежду, что «моя инициативная работа будет способствовать разрешению проблемной ситуации, возникшей в ходе выполнения постановления Президиума РАН № 3 от 11.01.2000».

Некоторое время спустя мною были переданы в СПбНЦ РАН новые материалы, характеризующие упомянутую ситуацию в СПбФ ИС РАН, на пороге его преобразования в самостоятельный академический институт. (Среди них материалы опроса сотрудников СПбФ ИС РАН, проведенного в марте 2000 г., а также другая информация).

4.04.2000 состоялось собрание трудового коллектива СПбФ ИС РАН, посвященное той же теме, на котором Вы лично присутствовали.

Как мне известно, руководящие органы РАН не оставили без внимания вышеупомянутые обращения, как и вообще ситуацию, сложившуюся в Филиале в связи с его реорганизацией. К сожалению, информация о реакциях руководства РАН поступает ко мне (и вообще — в коллектив СПбФ ИС РАН) в основном через посредничество нынешних руководителей Филиала (С. И. Голод, А. В. Дука), действия которых как раз и подвергались мною, а также другими членами научного коллектива, критике, а в последнее время приобретают характер заведомой неадекватности.

Направляю Вам расшифровку магнитной записи, которая велась на собрании трудового коллектива 4.04.2000. (Это — в основном та часть собрания, на которой Вам присутствовать не довелось). Думаю, что этот документ уже не оставляет сомнений по поводу сложившейся на сегодня действительно остропроблемной ситуации.

Прошу Вас письменно информировать меня об официальной реакции СПбНЦ РАН на переданные мною документальные материалы. Полагаю, что не только как научный сотрудник РАН, но и как гражданин, я имею право на ответ в установленные законом сроки.

С уважением

Ведущий научный сотрудник СПбФ ИС РАН, к.ф.н. А.Н.Алексеев
18.04.2000

К сожалению, письменных ответов на эти два обращения не последовало. (А. А.).

³⁶ См. выше: раздел 4.8.

4.10. Письмо директору Института социологии РАН (январь 2002)

Прошло без малого два года... (А. А.)

Директору Института социологии РАН,
профессору Л. М. Дробижевой

Глубокоуважаемая Леокадия Михайловна!

Я не имел случая быть Вам представленным, но, вероятно, Вам известна моя фамилия: Алексеев Андрей Николаевич. Две мои авторские монографии выходили под грифом ИС РАН: «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)» (М., 1997) и «Год Оруэлла (из опыта драматической социологии)» (СПб, 2001). (Последнюю я несколько месяцев назад просил <...> *(имя рек. – Ред.)* депонировать в библиотеку ИС РАН, а также вручить Вам лично, как директору головного Института).

На недавнем собрании научных сотрудников (31.01.2002. – Ред.) ныне преобразованного в самостоятельный академический институт СПб филиала Института социологии, в котором Вы участвовали как представитель Отделения РАН, я, разумеется, присутствовал, но выступать не стал, поскольку свою точку зрения по предмету обсуждения неоднократно высказывал ранее и она хорошо известна моим коллегам.

Думаю, нет необходимости комментировать то, чему Вы лично были свидетелем. Но вполне вероятно, что Вы не столь хорошо осведомлены об обстоятельствах внутренней жизни нашего коллектива, которые этому впечатляющему событию предшествовали.

Чтобы восполнить недостаток информации, посылаю Вам несколько документов:

- 1) Текст аналитической записки по поводу кризисного состояния СПбФ ИС РАН, сложившегося к моменту реорганизации (от февраля 2000 г.)³⁷;
- 2) Расшифровка аудиозаписи предшествующего собрания трудового коллектива СПбФ ИС РАН (от 4.04.2000)³⁸;
- 3) Текст моего выступления на еще более раннем собрании нашего коллектива (от 22.04.1999)³⁹;
- 4) Материалы инициативного опроса «Ваш взгляд в недавнее прошлое, настоящее и будущее института», проведенного среди сотрудников СПбФ ИС РАН в марте 2000 г.⁴⁰

Первый из названных документов в свое время был отправлен в Отделение РАН, к тому же опубликован в журнале «Телескоп» (2000, № 1). Остальные были обнародованы в нашем институте, но в Отделение РАН, ввиду отсутствия официального ответа на предыдущее обращение, уже не отсылались.

Из совокупности этих документов явствует, что ситуация, лишь частично обнажившаяся на собрании 31.01.2002, имеет достаточно глубокие корни. И

³⁷ См. выше: раздел 4.2.

³⁸ См. выше: раздел 4.8.

³⁹ См. выше: раздел 4.1.

⁴⁰ См. выше: раздел 4.6.

ее развитие шло во вполне определенном, неблагоприятном для значительной части коллектива и консолидации нового академического института направлении.

Последнее обстоятельство видно хотя бы из сопоставления материалов опроса сотрудников СПбФ ИС РАН весной 2000 г. и результатов голосования на январском собрании 2002 г. Говоря современным языком, эти результаты обеспечены в значительной мере за счет административного ресурса, активно задействованного за 2-летний «переходный» период со времени постановления Президиума РАН от 11.01.2000 до нынешнего конкурса на замещение должности директора нового института.

Здесь удержусь от изложения подробностей. Не стану также пересказывать содержание прилагаемых документов. Просмотрите их, пожалуйста, хотя бы бегло.

...В середине 90-х, когда Б. М. Фирсов готовился к переходу в Европейский университет в СПб, его естественным и бесспорным преемником в СПбФ ИС РАН всем виделся Б. З. Докторов. К сожалению, Б. Докторов, по семейным обстоятельствам, вынужден был уехать в США. Я и еще несколько ведущих сотрудников неосторожно предложили тогда кандидатуру С. И. Голода на пост директора, что было поддержано руководством головного института.

Уже через пару лет возникло беспокойство за судьбу нашего научного коллектива, тем большее, чем активнее стал проявлять себя также новый заместитель директора по науке А. В. Дука.

Далее — см. мою аналитическую записку, опубликованную в «Телескопе».

Что же касается псевдоальтернативы, которая педалировалась некоторыми из выступавших на собрании 31 января («академизм» versus «коммерциализация»), то могу Вас заверить, что за нею скрывается действительная альтернатива далеко не академического администрирования и амбициозного субъективизма, с одной стороны, и поиска путей повышения востребованности и эффективности научных исследований, а также оптимизации психологического климата и воссоздания атмосферы творческого сотрудничества, разрушившейся в последние три-четыре года, с другой⁴¹.

Мое письмо Вам, не будучи, понятно, личным, не является также и официальным обращением, так что не претендует на формальный ответ. Просто мне показалось важным, чтобы при предстоящих выборах директора нашего института в Отделении философии, социологии, психологии и права РАН был принят во внимание весь комплекс отраженных здесь обстоятельств.

С уважением,

А. Н. Алексеев, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН

4 февраля 2002 г.

На случай, если у Вас возникнут ко мне вопросы, сообщаю свои телефоны: <...> E-mail: <...> (для А. Алексеева).

⁴¹ На общем собрании научных сотрудников СИ РАН 31.01.2002 рассматривался вопрос о внутриинститутской поддержке потенциальных кандидатов на пост директора Института. Адепт «академизма» С. И. Голод тогда опередил по количеству набранных голосов другого кандидата — доктора социологических наук А. В. Тихонова.

4.11. «А. В. Тихонову и другим заинтересованным коллегам» (ноябрь-декабрь 2002)

К концу 2002 г. ситуация в новообразованном Социологическом институте РАН еще более обострилась. Одной из перспектив преодоления кризиса стали выборы нового директора. На конкурс на замещение этого поста были поданы документы директора-организатора СИ РАН докт. филос. наук С. И. Голода и докт. социол. наук А. В. Тихонова.

Ниже — три (одноименных с названиями соответствующих разделов книги) рабочие записки А. Н. Алексеева, адресованные «А. В. Тихонову и другим заинтересованным коллегам»⁴².

*Как отмечалось тогда автором этих строк: «...эти записки могут оказать не только способом фиксации (отслеживания) развивающейся ситуации, но и фактором для ее дальнейшего направленного **изменения**».*

4.11.1. Ситуация в Социологическом институте РАН, по состоянию на ноябрь 2002 г.

За последние 3–4 года мне несколько раз приходилось письменно анализировать положение дел в коллективе Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, ныне преобразованного в самостоятельный Социологический институт РАН.

Среди этих анализов, пожалуй, узловыми были: <...>. (*Здесь опущено перечисление документов, представленных выше, в разделах 4.1, 4.2, 4.6, 4.8 и 4.10. — Ред.*). Со всеми этими документами мои коллеги знакомы. Не буду их пересказывать.

***

Итак, со времени Постановления Президиума РАН «О создании Социологического института РАН» прошло уже почти три года.

«Переходный» период реорганизации Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН в самостоятельный академический институт затянулся. Государственная регистрация Устава Социологического института РАН состоялась только осенью 2001 г.

Лишь в конце 2001 г. был объявлен конкурс на замещение должности директора СИ РАН. 31 января 2002 г. состоялось собрание научного коллектива института с обсуждением кандидатур на этот пост (докт. филос. наук С. И. Голод; докт. социол. наук А. В. Тихонов). В итоге «мягкого» (рейтингового) голосования поддержку большинства коллектива получил директор-организатор СИ РАН Голод.

⁴² Все эти три рабочих записки публикуются впервые, с небольшими сокращениями. Круг «заинтересованных лиц» был порядка 10–15 человек, активно поддерживавших кандидатуру А. В. Тихонова на пост директора Социологического института РАН

Летом 2002 г., по представлению Бюро Отделения общественных наук РАН Президиум РАН возложил исполнение обязанностей директора Социологического института РАН на Голода — «до избрания директора Института в установленном порядке».

Срок такого избрания (на собрании Отделения РАН) пока неизвестен. 27 ноября с. г. состоится только предварительное слушание этого вопроса на Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН.

Указанные задержки были вызваны рядом обстоятельств, среди которых и бюрократические особенности регистрационных процедур, и общая реорганизация Российской академии наук в 2002 г. (новые отделения и секции РАН и т. д.)⁴³. Достаточно сказать, что уже 9 месяцев прошло со времени упомянутого выше собрания научного коллектива с обсуждением кандидатур на пост директора.

Весь трехлетний «переходный» период коллектив СПбФ ИС РАН — СИ РАН работал, казалось бы, в обычном режиме: его сотрудники проводили плановые и инициативные (поддержанные авторитетными фондами) научные исследования, издавали книги, отчитывались за выполнение научных планов, разрабатывали заявки и реализовывали очередные исследовательские проекты и т. д. Вот только велась вся эта работа в ситуации явно ненормальной.

Начало реорганизации ознаменовалось, еще в январе 2000 г., роспуском Ученого совета Санкт-Петербургского филиала Института социологии. Вся полнота научно-административной власти перешла к дирекции «старого-нового» института, в лице назначенного Академией директора-организатора СИ РАН (он же — директор СПбФ ИС РАН) С. И. Голода, его заместителя по науке А. В. Дуки и ученого секретаря А. С. Быстровой. В условиях «переходного» периода эта группа институтских руководителей, с одной стороны, постоянно ссылалась на то, что «от нас ничего не зависит» (мол, все решается в академических верхах), а с другой стороны — «не дремала» и, при отсутствии Ученого совета, практически «приватизировала» все дело обустройства будущего института в интересах относительно узкой группы лиц.

Последняя состоит как из уже упомянутых представителей институтской администрации, так и из тех научных сотрудников, которые администрацию во всем и безусловно поддерживают, по-видимому, понимая, что та «не останется в долгу» и создаст своей «референтной группе» режим максимального благоприятствования (пусть в ущерб всем остальным сотрудникам).

Исходным пунктом и ключевым моментом, могущим, как можно было предположить (см. мою аналитическую записку от февраля 2000 г.), иметь далеко идущие последствия, была «пролоббированная» еще в 1999 г. руководством СПбФ ИС РАН (при неосторожной поддержке тогдашнего директора ИС РАН В. А. Ядова), причем втайне от научного коллектива, закладка в проект академического постановления (который затем был одобрен Президиумом РАН) уязвимой во многих отношениях, но выгодной для «заговор-

⁴³ Так, бывшее Отделение философии, социологии, психологии и права РАН преобразовалось в секцию новообразованного Отделения общественных наук РАН.

щиков», чрезвычайно дробной, разрозненной структуры научных направлений будущего института. Там оказались представлены научные интересы и потенциал лишь половины сложившегося за 10 лет и успешно функционировавшего (иначе не возникло бы идеи учреждения самостоятельного академического учреждения!) научного коллектива.

Эта, представленная в Постановлении Президиума РАН от 11 января 2000 г., структура научных направлений получила закрепление и в Уставе нового института. И вот теперь мы стоим перед свершившимся фактом: в утвержденном во всех инстанциях Уставе СИ РАН фигурируют восемь направлений научной деятельности:

- «...проведение исследований в области:
- социологии девиантности и социального контроля;
- социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений;
- социально-культурных трансформаций;
- социологии власти и властных структур;
- социологии здоровья населения;
- истории российской социологии;
- социальной антропологии;
- социологии и социальной психологии морали».

Для тех, кто знаком с кадровым составом нашего института, ясно, что эта структура научных направлений выстроена — однозначно — «под» конкретных лиц, руководителей лишь некоторых научных подразделений института, а именно: Гишинский, Голод, Дука, Русинова, Голосенко (ныне покойный; его заменил Козловский), Винер, Муздыбаев, возможно также — Голофаф. «Уложиться» в это «прокрустово ложе» трудно (или даже невозможно!) целому ряду микроколлективов и сотрудников института, причем иногда — наиболее продуктивных, сделавших заметный вклад в сложившуюся научную репутацию Санкт-Петербургского филиала Института социологии.

В дальнейшем откровенная личная заинтересованность и самоуправство «временного» руководства СИ РАН во главе с Голодом и Дукой выразилось во множестве конкретных административных действий, направленных в ту же сторону. Укажу лишь некоторые.

Изменение директором-организатором и его командой «в свою пользу» состава всяческих комиссий (вроде аттестационной или комиссии по распределению премий). Отдельные преобразования в штатном расписании, а заодно и в научной структуре института. Увольнение «по собственному желанию» некоторых старых и прием новых сотрудников. Протекционизм в распределении надбавок к заработной плате, которые составили для некоторых персон чуть ли не «вторую» зарплату. (Последнее обстоятельство еще в 2000 г. повлекло за собой даже демонстративный отказ ряда дискриминированных сотрудников от получения назначенных им дирекцией надбавок)⁴⁴.

Поначалу все эти шаги администрации СПбФ ИС РАН — СИ РАН вызвали открытый протест со стороны большинства коллектива. Достаточно просмотреть материалы опроса сотрудников института, проведенного весной 2000 г., чтобы понять, насколько низок был в то время «рейтинг» руководства

⁴⁴ См. выше: раздел 4.5.

института (особенно — зам. директора по науке Дуки)⁴⁵. На собрании трудового коллектива СПбФ ИС РАН от 4.04.2000 директор-организатор Голод и его команда были подвергнуты резкой критике⁴⁶, отзвуки которой достигли и академических верхов. В Санкт-Петербургский научный центр РАН и центральному руководству РАН поступило несколько писем от сотрудников, озабоченных неясным будущим коллектива, а также неправомерными действиями администрации в период реорганизации института.

Но — «Васька слушал, да ел»...

Кажется, к концу 2000 г., когда понадобилось утверждать годовые отчеты и распределять среди сотрудников сэкономленный фонд заработной платы, был учрежден временный Ученый совет (никем не избиравшийся, но как будто «согласованный» в Москве, именно как временный). Состав этого Совета формировался все той же административной группой. В него, разумеется, не вошли «неудобные» (авторы писем и выступавшие с критикой на собрании, безотносительно к их научному статусу и авторитету).

Обобщая, можно сказать, что в течение 2000–2001 гг. директор-организатор института и его зам. по науке активно задействовали «административный ресурс». За счет обеспечения направленной текучести кадров и иных шагов «временной» научной администрации, соотношение сил в коллективе поменялось. Если раньше Голод и Дука пользовались поддержкой едва ли трети сотрудников института, то уже в январе 2002 г. на упоминавшемся выше собрании научного коллектива СИ РАН формальное большинство проголосовало за кандидатуру Голода на пост директора Социологического института РАН.

Между тем, в нынешнем году в учреждениях РАН истекает очередной отчетный период. Всем научным подразделениям и сотрудникам нашего института (как и всех других академических учреждений) предлагается определиться на будущее, для чего представить заявки на научные проекты (2003–2005 гг.). При этом, «в соответствии с утвержденными Президиумом РАН 17 сентября 2002 г. Основными принципами планирования научно-исследовательской работы научной организации РАН заявки должны представляться в рамках утвержденных Президиумом РАН (Постановление № 3 от 11 января 2000 г.) и закрепленных в Уставе СИ РАН научных направлений» (цитирую решение временного Ученого совета СИ РАН от 8 октября 2002 г.).

Эти научные направления перечислены выше.

Если для части ныне функционирующих в нашем институте научных подразделений нет проблем в разработке соответствующих заявок (упомянутые направления просто дублируют названия некоторых секторов и исследовательских групп), то иные подразделения (и их сотрудники) оказались перед нелегким выбором: или перепрофилироваться (что трудно реализуемо и не перспективно для высококвалифицированных специалистов); или «привязываться» к одному, наиболее широкому из обозначенных в Постановлении Президиума РАН и в Уставе СИ РАН научных направлений («социально-культурная трансформация»); или... искать место приложения своих сил за пределами института.

⁴⁵ См. выше: раздел 4.6.

⁴⁶ См. выше: раздел 4.8.

Правда, есть еще одна возможность, предусмотренная цитированным выше решением временного Ученого совета СИ РАН: «представление инициативных проектов, выходящих за эти направления и являющихся перспективными с точки зрения возможности получения принципиально важных научных результатов».

Вопрос о принятии или отклонении таких заявок оставляется на усмотрение: а) дирекции, б) анонимных для заявителя (подобранных той же дирекцией) экспертов, и, в конечном счете — в) нового временного Ученого совета, о котором скажу ниже.

Здесь надо еще отметить, что некоторые ведущие сотрудники института до сих пор реализовали (как правило, весьма успешно!) индивидуальные исследовательские проекты (т. е. не имеют подчиненных сотрудников). Между тем, заявки на 2003–2005 гг. принимаются только на коллективные проекты. Для таких сотрудников возникает еще дополнительная проблема поиска себе — и только среди коллег по институту! — соисполнителей (возможных начальников или подчиненных).

Понятные из всего сказанного выше неравноправность положения и неопределенность перспектив относятся к ряду научных микроколлективов и сотрудников, среди которых: и Саганенко, и Серов, и Лурье (доктора наук), и Баранов, и Травин с его сектором проблем городского образа жизни, и Кесельман с его группой изучения динамики массового сознания (в которую, кстати, вхожу и я), и сотрудники бывшего сектора проблем общественного сознания, ранее возглавлявшегося Фирсовым, и некоторые сотрудники бывшего сектора социологии общественных движений, ранее возглавлявшегося Костюшевым (в частности, Максимов, да и сам Костюшев).

(Не указываю здесь областей научных интересов упомянутых коллег, полагая, что они читателю известны; к тому же я не располагаю точными названиями всех представленных ими в последние дни в дирекцию СИ РАН заявок на исследовательские проекты).

Настоящее перечисление имен является далеко не полным. Не равны сегодня и шансы названных (и не названных здесь) сотрудников «удержаться» в институте. И вовсе не в силу их профессиональной квалификации, продуктивности или научного потенциала, а прежде всего в силу — меры их нынешней «угодности-неугодности» тем, кто на протяжении последних трех лет беспардонно «тянул одеяло на себя» и теперь «правит административный бал» в реорганизуемом академическом институте.

В ноябре с. г. начал свою работу новый временный Ученый совет СИ РАН. Он по своему составу несколько отличается от предыдущего и на сей раз официально утвержден на бюро Отделения общественных наук РАН 22 октября 2002 г. (но научным коллективом института не избирался). В этот совет входят:

— Голод, Дука, Быстрова (они же — дирекция института); Гилинский, Гурвич, Винер, Клецин, Русинова, Муздыбаев, Каныгин (давние сотрудники); Щелкин, Козловский, Бочаров (принятые на работу в СИ РАН или начавшие свое сотрудничество с ним недавно).

Понятно, что ни одного из тех, кто вынужден сегодня, ввиду новой структуры научных направлений, искать те или иные способы самосохранения (продолжения работы) в данном институте, здесь нет. (Раньше, до реорганизации, в легитимно избранном, «постоянном» Ученом совете СПбФ ИС РАН состояли также: Голофаст, Травин, Серов, Костюшев, еще раньше – Саганенко, Алексеев; может, кого еще забыл... Короче, ротация – направленная и тотальная).

Хоть Совет и временный, в его прерогативы входит принятие существенно определяющих судьбу Института в целом и каждого из его сотрудников, в частности, решений: одобрение либо отклонение заявок на научные проекты 2003–2005 гг. (как те проекты, что прямо соответствуют записанным в Уставе научным направлениям, так и инициативные, «выходящие за эти направления», проекты).

Пока этим Ученым советом утверждены три из числа самых «бесспорных» заявок: по социологии девиантности и социального контроля (Пилинский), по социологии власти и властных структур (Дука), по истории российской социологии (Козловский). Можно ожидать, что по мере обращения к заявкам, исходящим от «не членов» временного Ученого совета, его решения перестанут быть столь благоприятными для заявителей.

Все это происходит в ситуации дефицита информации для рядовых членов коллектива. Хоть заседания временного Ученого совета, по-видимому, и не являются «закрытыми», даже информацию о сроках их проведения администрация перестала обнародовать. «Кому надо» – и так узнают; а все остальные – гости вовсе «не желанные» (да к тому же еще и бесправные...).

В целом можно сказать, что «реорганизационная» активность дирекции СПбФ ИС РАН – СИ РАН на протяжении всего «переходного» периода сыграла чрезвычайно дестабилизирующую и в целом деструктивную роль в жизни научного коллектива. Эти три года шел «перedel», если не собственности, то «сфер влияния». И если собрание Отделения общественных наук РАН в конце концов изберет С. И. Голода директором Социологического института РАН, то сложившееся на сегодня положение дел не только закрепится, но и получит соответствующее развитие. Будет открыт путь для своего рода «адресных зачисток» не угодных руководству сотрудников (якобы во исполнение высоких академических решений, соблюдения Устава института и т. д.).

***

В своем письме проф. Л. М. Дробижевой по следам собрания Социологического института РАН 31.01.2002 г.⁴⁷ я отмечал, что за псевдоальтернативой, которая педалировалась некоторыми из выступавших на этом собрании (мол, «академизм» versus «коммерциализация»), скрывается действительная альтернатива далеко не академического администрирования и амбициозного субъективизма, ведущего к развалу коллектива (С. И. Голод, А. В. Дука), с одной стороны, и делового поиска путей повышения востребованности и эффективности исследований, с учетом действительного потенциала научного коллектива (А. В. Тихонов), с другой.

⁴⁷ См. выше: раздел 4.10.

В случае выбора первого варианта, перспективы дальнейшего успешно-го развития социологической науки в стенах петербургского академического института станут более чем сомнительными.

Ведущий научный сотрудник СИ РАН, канд. филос. наук А. Н. Алексеев
19 ноября 2002 г.

Р. С.

С момента написания настоящей аналитической записки прошло всего три дня. За эти дни ситуация получила существенное развитие, кстати сказать, по прогнозировавшемуся в записке сценарию.

На очередных заседаниях временного Ученого совета СИ РАН были рассмотрены и одобрены заявки на исследовательские проекты (2003-2005 гг.) всех тех членов этого совета, которые соответствующие заявки представили, но и только их. Кроме уже упоминавшихся заявок Гилинского, Дуки и Козловского, одобрены заявки Винера, Клецина, Русиновой, Муздыбаева. Обсуждалась еще заявка Голофаства (не член совета!), но она была возвращена на переделку.

Что касается всех остальных имеющихся заявок (их 7 или 8), в частности — заявок на так называемые инициативные проекты («выходящие за» упомянутые выше восемь основных научных направлений), то сама возможность их предстоящего рассмотрения ныне поставлена под вопрос, поскольку до 1 декабря временный Ученый совет собираться больше не будет, между тем как, согласно объявленному дирекцией Института ранее, «заявки на исследовательские проекты подлежат рассмотрению до 1 декабря».

То есть обсуждать заявки сотрудников, не имеющих чести состоять во временном Ученом совете, вроде уже и «некогда». <...>

А. Алексеев, 22 ноября 2002 г.

4.11.2. К вопросу о структуре основных научных направлений СИ РАН (декабрь 2002)

Дополнение к аналитической записке

«Ситуация в Социологическом институте РАН, по состоянию на ноябрь 2002 г.

<...> В ситуации предстоящих альтернативных выборов директора Института на высоком академическом собрании, опасной перспективе легитимизации нынешнего положениз дел с ее вполне вероятными последствиями дальнейшей дезорганизации (развала) научного коллектива (в случае, если директором будет избран С. Голод) другой кандидат на этот пост — А. Тихонов — мог бы противопоставить иной, концептуально обоснованный научно-организационный проект, в частности, следующую общую (кстати, не вполне новую: см. «Обоснование...» Ядова, 1999 г.) *стратегическую идею*.

Социологический институт РАН призван (должен, создан для того, что-бы...) сосредоточить свои усилия на исследовании **соотношения преемственности и изменения** в самом широком круге социальных институтов, сфер,

аспектов жизни современного российского общества, к каковым относятся: и «девиантность», и «семья», и «власть», и «мораль», и «этническая идентичность», и «здоровье населения», и «социально-культурные трансформации», и «социальное сознание», и «гражданское общество» (становящееся), и «потребление», и «качество жизни», и «социальная демография», и «социально-трудовые отношения», и «социальное управление»⁴⁸...

Этот тематический круг конкретных исследований постсоветского общества, его социальных, культурных, политических особенностей, рассматриваемых в динамике и, разумеется, в глобализационном контексте, подкрепляется фундаментальными исследованиями в области *социологической теории и методологии*, с одной стороны, и в области *истории социологической науки*, с другой.

В таком случае, на место дробной структуры никак не связанных между собой «научных направлений» приходит «гармоничная», внутренне не противоречивая тернарная (троичная) структура, где ключевыми словами оказываются:

- социальные изменения
- теория и методология
- история социологии

С учетом особо мощной развитости в нашем институте исследований в области социологии девиаций и преступности (так что одно из имеющихся подразделений института занимает бесспорно лидирующее положение в соответствующей области отечественной науки), можно дополнить эту структуру до тетрадной (четверичной), а именно:

- социальные изменения
- теория и методология
- история социологии
- социальная девиантность

С учетом всего сказанного, структура основных научных направлений Социологического института РАН могла бы выглядеть — в развернутой формулировке — следующим образом:

- исследование социально-культурных трансформаций, изменений в сознании и поведении социальных акторов и в деятельности социальных институтов постсоветского общества;
- исследования в области теории и методологии социологических исследований;
- исследования в области истории социологии (прежде всего — российской);
- исследования в области социологии девиантности и социального контроля.

Эта структура:

а) не противоречит ни духу, ни даже букве Постановления Президиума РАН от 11 января 2000 г., равно как и ныне действующему Уставу Социологического института РАН;

⁴⁸ Ср. с темой одного из ежегодных симпозиумов «Куда идет Россия?», проводимых Московской высшей школой экономики и социальных наук совместно с Интерцентром: «Преемственность и прерывистость в общественном развитии» (2007).

б) не ущемляет никого из специалистов, чьи научные интересы были эксклюзивно представлены в ранее цитировавшихся документах;

в) открывает путь для продолжения исследований, осуществлявшихся в Институте до сих пор, и для реализации новых проектов (как уже заявленных, так и в перспективе на более отдаленное будущее).

Особо оговорим, что структура научных направлений вовсе не должна совпадать с собственно организационной структурой научных подразделений института (секторов, исследовательских групп — как имеющихся, так и, возможно, будущих), к чему стремятся Голод и его команда (может быть, для подчеркивания не только предпочтительности, но и исключительности своих собственных профессиональных интересов?). Вообще, транзитивность собственно научной и организационной структур научной деятельности — это заведомо ложная, вульгарная идея, ныне все более опровергаемая практикой междисциплинарных исследований (не говоря уж о сотрудничестве и взаимопроникновении конкретных специализаций в пределах одной научной отрасли).

Изложенная выше стратегическая идея предусматривает, что теоретические и методологические проблемы должны решаться, а историко-научные вопросы не исключаются из рассмотрения — также и в процессе «предметных» социологических исследований. А собственно теоретико-методологические или историко-научные изыскания вовсе не должны отвлекаться от социальной конкретики.

И последнее замечание. Выдвигаемое предложение не является таким уж радикальным или неожиданным. Пожалуй, у него есть шанс получить поддержку, без чрезмерных дискуссий на высоком академическом уровне. И оно, на наш взгляд, *логично* (как любит говаривать один наш общий знакомый).

***

Настоящая структура направлений научной деятельности Социологического института РАН предлагается пока что вниманию заинтересованных коллег в качестве общей программы, генерализующей идеи, которая могла бы быть озвучена кандидатом на пост директора названного института на собрании Отделения философии, социологии, психологии и права РАН 4 декабря.

...Конечно, этот научно-организационный проект можно совершенствовать. Но опровергать его в принципе, мне кажется, трудно. Разве что — обнажая личную («корыстную») заинтересованность в расширении или обогащении своего персонального «места под солнцем», в противовес коллективным интересам эффективного развития социологической науки.

Ведущий научный сотрудник Социологического института РАН,
канд. филос. наук А. Н. Алексеев
1 декабря 2002 г.

Эта «стратегическая идея» получила поддержку ближайших коллег и была представлена в докладе А. В. Тихонова на заседании секции философии

фии, социологии, психологии и права ООН РАН 4.12.2002⁴⁹.

Постскриптум

...Двое коллег, независимо друг от друга, заметили: «Ты пишешь очередной том своей «Драматической социологии». Пусть даже так... Но ведь первые тома «отлеживались» 15-20 лет. На такой ресурс времени, для издания, я лично рассчитывать не могу.

Вообще же, записи эти могут оказаться не только способом фиксации (отслеживания) развивающейся ситуации, но и фактором для ее дальнейшего направленного **изменения**. (А. А. Декабрь 2002)

4.11.3. К перспективе оздоровления обстановки в Социологическом институте РАН (декабрь 2002)

А. В. Тихонову и коллегам

Как известно, 4 декабря 2002 г. на заседании секции философии, социологии, психологии и права РАН рассматривались две кандидатуры на пост директора СИ РАН.

По итогам тайного голосования подавляющее большинство присутствовавших академиков (12 чел. из 16!) поддержало кандидатуру А. В. Тихонова (только трое проголосовали против, при одном воздержавшемся). Ныне действующий и. о. директора СИ РАН С. И. Голод проиграл, как говорится, «с разгромным счетом». Этот результат является пока еще промежуточным, но, надо полагать, решающим для итогов предстоящих 17 декабря окончательных выборов руководителя нашего института на Отделении общественных наук (ООН) РАН.

Таким образом, произошел крутой перелом в ситуации и возникла *реальная перспектива оздоровления обстановки* в нашем институте уже в не столь отдаленном и туманном будущем. Во многом это можно отнести за счет точных, хорошо продуманных шагов как самого Тихонова, так и тех сотрудников института, которые действительно заинтересованы в указанном оздоровлении.

В сложившейся на сегодня ситуации уместно вспомнить замечание Кэнко-Хоси в его «Записках от скуки»:

«А ошибаться – это не что иное, как медлить в делах, кои должно вершить быстро, и слишком торопиться с теми, кои должно делать не спеша».

Следуя этой рекомендации средневекового (XIV век) японского монаха, подумаем, как закрепить достигнутый успех и не ошибиться в дальнейшем.

⁴⁹ Этот доклад был впоследствии опубликован. См.: Тихонов А. В. О ситуации в Социологическом институте РАН и перспективах его развития // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003, № 1. (Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2003&id=526).

***

(Да простят мне коллеги эту «эпистолярную» активность.

Я никого ничему не хочу учить. А просто записываю «для уяснения самому себе». Может, и читателю помогаю прояснить ситуацию. Тем самым участвую в «ходе истории», который заодно фиксирую...)

***

Не берусь просчитать, какие интриги развернет в обозримом будущем ныне подрубленная административная верхушка Института (в частности, С. Г. и А. Д.) ради того, чтобы если уж не удержаться у власти, то хотя бы удержать некоторые из кадровых, статусных, финансовых позиций, которые <...> удалось захватить <...> за три года «переходного» периода. (См. об этом аналитическую записку «Ситуация в Социологическом институте РАН, по состоянию на ноябрь 2002 г.», от 19.11.2002). Но вот некоторые *свои* действия мы просчитать заранее можем и обязаны.

Напомню, что в «рейтинговом» голосовании на собрании трудового коллектива СИ РАН в январе 2002 г. Голод существенно опережал Тихонова (кажется, 39 голосов за первого и 20 — за второго). Вообще говоря, перевес не столь велик, как может показаться: проголосуй всего 10 чел. из тогдашних «приверженцев» Голода не за него, а за Тихонова, и счет сравнялся бы. Но накопленный за предыдущие два года «административный ресурс» тогда сработал.

Можно ожидать, что после ослабления или даже прекращения действия этого ресурса «противников» у Тихонова в коллективе поубавится. Но как достичь того, чтобы новый руководитель (если после 17 декабря Тихонов таковым станет) получил поддержку не только сверху, но и снизу, со стороны подавляющего большинства коллектива?

Это может быть обеспечено лишь за счет продуманных и аккуратных действий ДО двух принципиально важных событий, а именно: приказа о назначении заместителя директора института по науке и выборов Ученого совета. Вот на этих грядущих событиях и остановлюсь.

(Следует заранее выяснить, в какой именно последовательности, согласно академическим нормам, должны произойти эти два события. Если точных правил нет, то узнать, какова «традиция». Если же этот вопрос отдается на усмотрение нового директора, то определить для себя, какая последовательность оптимальна для достижения главной цели — оздоровления обстановки).

***

Понятно, что одной из первоочередных задач является самообеспечение необходимой *информацией*.

Прежде всего, надо раскрыть такие управленческие «тайны» (старательно оберегавшиеся временной администрацией), как — не только нынешнее штатное расписание, но и... реальный кадровый состав СИ РАН на данный момент (а еще лучше — то и другое в динамике, за последние три года).

Информация о кадровом составе института в последний раз обнаруживалась (вывешивалась на институтской доске объявлений) чуть ли не год назад — при очередном изменении тарифных ставок или распределении надбавок к

заработной плате. На сегодня мы не располагаем даже точной информацией о структуре института, включая статус отдельных научных подразделений (где сектор, где исследовательская группа), а также — кто в каком подразделении ныне официально числится (включая полставочников).

Все необходимые документы (о штатном расписании, организационной структуре и кадровом составе) находятся в канцелярии и в бухгалтерии. Что же касается динамики указанных параметров, то ее можно проследить по подшивке приказов и распоряжений директора-организатора, а затем — и. о. директора СИ РАН.

Далее. Известен состав временного Ученого совета СИ РАН (того самого, решениями которого ныне, к сожалению, определяются планы НИР института на 2001–2003 гг.). Но теперь уже вовсе не просто точно вспомнить, кто же входил в состав легитимно избранного в свое время Ученого совета, распущенного Голодом в январе 2000 г. Кто в том постоянно действующем совете состоял, а в нынешнем — временном — отсутствует? (Кажется, Травин, Голофаст, Серов... Кто еще?). И, наоборот, кто не состоял в том, а состоит в этом? <...>

Короче: крайне полезно было бы иметь точную информацию о составах всех Ученых советов СПбФ ИС РАН — СИ РАН с 1989 г. по настоящее время. (Кстати, и составы последних, временных, Советов то и дело обновлялись. А изменения прежних происходили не только на выборах, но и в результате «замен» и «кооптаций»).

Тут уже понадобится небольшое «архивное» изыскание. Но нынешний ученый секретарь (Быстрова) обязана хранить такую документацию.

(Можно спросить: а зачем эта архивная информация? А — для выработки всесторонне обоснованных и учитывающих все прецеденты предложений о составе нового Ученого совета).

Наконец, очень полезно внимательно ознакомиться с официальным протоколом собрания научного коллектива 31.01.2002.

***

Принципиальное значение для будущего оздоровления Института имеет вопрос о завоевании новых *союзников* и нейтрализации возможных *противников* нового директора (если ООИ РАН тоже поддержит Тихонова, что вероятно). Это может быть достигнуто оперативными («не медлить в делах, кои должно вершить быстро») контактами и переговорами с «лидерами мнения» или влиятельными фигурами, среди которых на первом месте — <...> и <...>. Их если не прямая поддержка, то хотя бы благожелательный нейтралитет крайне важны. Но и с другими руководителями научных подразделений, равно как и с административным персоналом, нужны, пусть не столь срочные, деликатные переговоры.

По крайней мере с двоими названными выше Тихонову надо бы войти в контакт еще до 17 декабря. (Так считает Л. К., и я с ним согласен).

...Даже такие персонажи, как <...>, мне кажется, должны обрести уверенность в том, что их благополучию (кроме утраты административной власти), равно как и благополучию их ближайших сотрудников, ничто не грозит. Что так, как они поступали с коллегами, никто с ними самими поступать не со-

бирается. Конечно, привыкшие действовать «по понятиям» с трудом уверуют в то, что с ними действительно играют «по правилам». Но шанс, что они по крайней мере не станут «подсигивать» и мешать новому руководителю, все-таки имеется. В общем, надо помочь им сменить административные амбиции на профессиональную активность (насколько те к последней способны).

Кстати, мне кажется, что и весь административный персонал стоит «успокоить» насчет того, что новый руководитель вовсе не собирается приводить за собой новую «административную команду».

Я бы посоветовал не производить замены и ученого секретаря. <...> Ее участие в «неделовых играх» С. Г. и А. Д. было в общем безынициативным, а — скорее — от служебного усердия. (Может, я и ошибаюсь, но такая гипотеза во всяком случае заслуживает практической проверки). <...>

***

Об Ученом совете СИ РАН.

Его выборы предстоят в научном коллективе вскоре после высочайшего утверждения выбранного академиками на сессии ООН РАН директора.

Как ни парадоксально это прозвучит, лучше бы формирование Ученого совета произошло не слишком быстро. И не для того, чтобы новый директор успел «повластвовать» в одиночку, а чтобы БОльшая часть коллектива успела проникнуться доверием к нему и прислушалась к его предложениям и рекомендациям на этот счет

(Три года жили без нормального, легитимного Ученого совета, стоит потерпеть и еще месяц-другой, теперь уже — «для пользы дела», для лучшей подготовки общего собрания научного коллектива: «не слишком торопиться с делами, кои должно делать не спеша»).

Здесь, кстати, опять возникает проблема недостатка нашей осведомленности по части писанных и неписанных академических норм. Есть ли какие-либо правила или установки: насчет «вилки» численности Ученого совета института? насчет доли докторов наук? насчет доли «приглашенных» (лиц из сторонних организаций)? Все это предстоит достоверно выяснить <...>.

Бывшая (надеюсь!) административная верхушка при формировании временного Ученого совета пренебрегала не только здравым смыслом, но и всеми правилами. (И это ей, к сожалению, сошло с рук). При выборах нового Ученого совета ни одна запятая академической инструкции не должна быть проигнорирована.

Например: кто выбирает? Только научные сотрудники? Или лаборанты (лаборанты-исследователи) также? Какая форма голосования предписывается? Обычно — тайное. Но вдруг допускается открытое (по решению собрания)? Вся подготовка выборов нового Ученого совета должна вестись на базе точного, а не приблизительного знания о том, как эти выборы должны происходить.

Надо учесть, что новые административные органы реорганизованной РАН ныне насочиняли массу новых бюрократических положений и инструкций. (Сужу хотя бы по новому порядку отчетности и планирования научной работы, с «конкурсом» исследовательских проектов и т. п.). Ну, и «недрузи» дремать не станут: будут спекулировать даже на нечаянной ошибке.

Какими общими соображениями (критериями, как личностными, так и организационными) уместно руководствоваться при формировании Ученого совета?

Укажу их — не в порядке важности или предпочтения:

— Общеизвестным для члена Ученого совета обязательным требованием является наличие ученой степени. Причем предпочтительно участие в Совете докторов наук.

— Желательно равномерно представить в Совете интересы разных научных подразделений, отдавая предпочтение их лидерам (если те имеют ученую степень).

— Полагается (да и по сути важно!) пригласить несколько человек «со стороны» (в частности, из СПб университета).

— Если в чем и отдавать предпочтение ветеранам, то именно при формировании Ученого совета. («Дорогу научной молодежи!», но с введением ее в высший коллегиальный орган академического института вряд ли следует спешить).

— Наконец, «неформализуемые» критерии: авторитетности, высокой научной продуктивности, может быть, научно-организационного опыта, репутации, наконец.

(Тут могут пригодиться также и прецеденты: имеется ли опыт работы в Ученых советах?).

Понятно, насколько ответственным является всякое поименное предложение о составе высшего коллегиального органа Института. И все же отважусь представить на рассмотрение коллег некий проект или «модель» такого органа. А точнее сказать — список возможных кандидатур которые могут (имеют те или иные основания) быть выдвинутыми на собрании. Причем этот список составлен мною:

— с учетом указанных выше критериев или ограничений (некоторые кандидатуры, на мой взгляд, удовлетворяют всем, а иные — лишь некоторым из этих критериев, но это мое личное мнение);

— список — «с запасом», т. е. заведомо превышающий вероятную численность Ученого совета (у всякого выдвинутого должен быть «шанс» оказаться забаллотированным в итоге тайного голосования);

— в этот список включены и те, за кого, например, лично я наверняка не стал бы голосовать, но вполне отдаю себе отчет в том, что эти кандидатуры могут быть выдвинуты (и даже избраны!) другими.

Итак, вот этот «возможный» (вероятный?) список. (*Здесь имена опущены.*
— *Ред.*)

— Сотрудники СИ РАН на полной ставке:

— доктора наук (как рук-ли., так и не рук-ли науч. подразд.): 1-7 <...> (*здесь и далее перечисление имен опущено.* — *Ред.*)

— кандидаты наук (рук-ли науч. подразд.): 8-14 <...>

— кандидаты наук (не рук-ли науч. подразд.): 15-17 <...>

— сотрудник СИ РАН, работающий на полставки (докт. наук, рук-ль науч. подразд.): 18 <...>

— Не сотрудники СИ РАН (все — докт. наук): 19-20 <...>

... .. ?

В этом списке отсутствуют некоторые старшие научные сотрудники (кандидаты наук), но не в силу недостатка их научных заслуг, а ввиду кри-

терия равномерного представительства в Совете интересов разных научных подразделений (существующих на сегодня), поскольку в списке уже фигурирует научный лидер (руководитель) соответствующего подразделения.

(Этим условным ограничением уместно пренебречь для случая доктора наук: практически все доктора, работающие в Институте на полной ставке, фигурируют в данном списке).

Здесь оговорю, что список мог бы быть и иным. Но тогда надо менять критерии (которые вроде бы бесспорны).

Я бы предложил установить численность Ученого совета 15-17 чел., предпочтительно – 17.

(Кажется, прецеденты такие в СПбФ ИС РАН были; но даже если не было, относительно большая численность оправдана особой ситуацией новообразованного института, к тому же введенного в кризисное состояние его временной администрацией). <...>

Если из представленного выше гипотетического списка, скажем, три кандидатуры окажутся забаллотированы тайным голосованием (кто это будет – прогнозировать трудно), то оставшиеся 17 могут составить разнообразный и работоспособный, авторитетный Ученый совет.

К чему мы, собственно, и стремимся.

***

Организационный период уже *после* избрания Ученого совета продлится еще как минимум пару месяцев. Понадобится сформировать такие рабочие органы, как аттестационная комиссия, редакционно-издательская комиссия, экзаменационная комиссия для приема аспирантов и многое другое. (Кстати, и профком у нас не переизбирался лет шесть-семь, если не больше). Но все это будет уже «легче», поскольку такое «оргтворчество» будет осуществляться приказами директора – с предварительным обсуждением или с утверждением на Ученом совете.

Но – так далеко пока не стану заглядывать. Ясно, что одним из самых сложных вопросов окажется обсуждение (утверждение) на Ученом совете новой и вместе с тем преемственной структуры научных подразделений, а также перспектив научно-концептуальной интеграции их разнообразной деятельности.

(Один из возможных подходов к такой интеграции см. в аналитической записке «К вопросу о структуре основных научных направлений СИ РАН», от 1.12.2002)⁵⁰.

Остается открытым вопрос, удастся ли (и надо ли?) ревизовать некоторые из долгосрочных решений, принятых временной администрацией Института в «переходный» период.

Хочу думать, что высказанные соображения и предложения помогут новому руководству в выработке адекватной стратегии и тактики для строительства СИ РАН на базе СПбФ ИС РАН.

Ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, канд. филос. наук А. Н. Алексеев

7 декабря 2002 г.

⁵⁰ См. выше: раздел 4.11.2.

***

Из рукописи «Хроники СИ РАН времен АТ»⁵¹

22.12.2002 (воскресенье).

17 декабря (вторник) в Москве состоялось собрание Отделения общественных наук РАН.

Первая информация о результатах тайного голосования академиков при выборах директора СИ РАН поступила к нам уже днем: 51 : 39, в пользу Тихонова.

При обсуждении кандидатур на пост директора СИ РАН в поддержку Тихонова выступали Лапин и Степин. В поддержку Голода выступлений не было. Однако счет — не «разгромный», в отличие от собрания Секции философии, социологии, психологии и права 4 декабря (тогда было: 12 против 3-х, при одном воздержавшемся). Как видно, сработала «академическая инерция»...

<...> 19 декабря (четверг) в 15 час. должен был заседать временный Ученый совет СИ РАН — для обсуждения ранее отклоненных (отправленных на доработку) заявок на исследовательские проекты Кесельмана, Баранова и Максимова (все трое были приглашены заранее). Заседание не состоялось, в частности, из-за отсутствия кворума. Таким образом, эти три проекта пока остаются как бы в «подвешенном» состоянии.

В этот же день (во второй половине) на доске объявлений появились два приказа, изданные Голодом в роли (пока!) и. о. директора СИ РАН — об изменении штатного расписания и структуры института.

Один приказ — без номера и даты, о создании с 20.12.2002 группы информационных технологий во главе с Каныгиным, в которую переводятся (из других подразделений) Полторанова и Никонова.

Другой приказ — от 19.12.2002 — (1) о переводе ставки гл. науч. сотрудника из группы индивидуальных проектов в группу социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений (эта ставка, понятно, для самого Голода); (2) о введении двух ставок вед. науч. сотрудников группы политической социологии, возглавляемой Дукой. (Все это — с 20.12.2002).

<...> Действия Голода (особенно — в части перевода свободных ставок в подразделение Дуки) после решения ООН РАН довольно наглы и беспардонны по сути. Но их незаконность, к сожалению, не очевидна. Во всяком случае, в части тех ставок, которые столь оперативно оказались заняты «живыми людьми», отменять эти приказы можно только «со скандалом», что новому директору, понятно, ни к чему...

Между тем, в «Известиях» за 20.12.2002 появилась информация о научной сессии Общего собрания РАН. Среди прочего сообщается: «Выбраны (на собрании Отделения общественных наук РАН. — *Ред.*) новые директора: Институт психологии возглавил Анатолий Журавлев, а Социологический институт в Санкт-Петербурге — Александр Тихонов». <...> Строго говоря, пока еще «не

⁵¹ «Хроники СИ РАН времен АТ» — это своего рода протокол наблюдающего участия, с которым периодически знакомился новый директор СИ РАН А. В. Тихонов и еще несколько ближайших коллег.

возглавил»... Соответствующее назначение (утверждение) директора института Президиумом РАН последует, может быть, до Нового года, а может и после.

<...> Как видно, Голод-Дука спешат с необратимыми решениями <...>, стремясь ограничить последующий «маневр ресурсами» для будущего директора. Это может оказаться очень чреватым в перспективе очередного сокращения штатов. (Обычно его производили за счет свободных, не занятых ставок; а тут, глядишь, ни одной такой не оставят).

Все это напоминает сорванные выключатели и штепсели в помещении, которое покидают бывшие хозяева... Сейчас, до распоряжения Президиума РАН, всему этому воспрепятствовать трудно. Но надо будет позаботиться о том, чтобы хотя бы ретроспективно все эти «подвиги» административной <...> были не только инвентаризированы, но и обнародованы.

...Что касается заседания Президиума РАН, то, как выяснил Тихонов, позвонив в Москву, оно состоялось вчера, но вопроса о новых директорах институтов рассмотреть не успели. И надо ожидать формальной смены директора лишь после Нового года.

(За это время вконец <...> Голод с Дукой, глядишь, еще и уволить кого-нибудь вроде Л. К. успеют, как «не защитившего» свой проект на 2003–2005 гг.). <...>

15.01.2003 (среда)

<...> Ожидавшееся заседание Президиума РАН, назначенное на 14.01, не состоялось из-за собранного в этот день президентского Совета по науке (показывали по ТВ). Теперь заседание Президиума РАН перенесено на 21.01. Т. е. еще неделя ожидания.

Между тем, стало известно, что Клецин и др. «стойкие» сподвижники Голода готовят какое-то коллективное письмо в академические верхи – «в защиту» последнего. Т. е. пытаются как-то воспрепятствовать утверждению нового директора СИ РАН⁵². <...>

21.01.2003 (вторник).

Сегодня состоялось заседание Президиума РАН, на котором А. Тихонов был утвержден в должности директора Социологического института РАН. Т. е. он является директором СИ РАН с 21.01.2003. <...>

А. А.

Комментарий

Дальнейшие события жизни Социологического института РАН (при новом директоре: 2003–2004 гг.) составляют отдельную страницу «Драматической

⁵² Такое письмо в академические верхи в январе 2003 г., действительно, имело место, и будто бы его подписали 28 чел. (из СИ РАН? И текст письма, и состав «подписантов» неизвестны: в отличие от «нашей» стороны, «та» – своих обращений не обнародовала). Цель – воспрепятствовать утверждению нового директора Президиумом РАН. Однако «не сработало». (Примечание А. Алексеева).

социологии – 2», которую здесь пропустим.

Ограничимся лишь минимумом фактологической информации.

А. В. Тихонов приступил к исполнению обязанностей директора СИ РАН 21.01.2003. 4.03.2003 состоялось собрание научного коллектива Института, принявшее новое Положение об Ученом совете СИ РАН⁵³. Выборы Ученого совета состоялись месяц спустя, на собрании научного коллектива 1.04.2003. В выборах принимали участие 53 чел. В бюллетень для тайного голосования было включено 30 кандидатур. В Ученый совет, в соответствии с его численностью, установленной собранием, были избраны 19 чел. А именно:

– Я. И. Гилинский, Н. Р. Корнев, В. В. Гольберт, И. И. Травин, В. Б. Голофаст, И. И. Елисеева, С. И. Голод, Н. Г. Скворцов, Р. Г. Браславский, Б. Е. Винер, А. Н. Алексеев, Г. В. Еремичева, Б. И. Максимов, Г. И. Саганенко, Н. К. Серов, В. А. Ядов, С. А. Кугель, О. Д. Цепилова, А. А. Клецин⁵⁴.

На первом же заседании Ученого совета, состоявшемся 1.04.2003, были избраны: заместителем директора по науке – И. И. Травин, и ученым секретарем – А. С. Быстрова.

4.12. «Хотели хорошего, но... не успели!» (2003)

Автор нижеследующего текста – А. Алексеев. Опубликовано в: *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*, 2003, № 3⁵⁵.

Полное название заметки: ««Хотели хорошего, но... не успели!» (неизвестные факты из истории реорганизации СПб филиала Института социологии РАН в Социологический институт РАН)». Из названия явствует, что речь идет о событиях, относящихся скорее к предшествующему периоду (хоть «археологические раскопки» были совершены уже в 2003 г.).

Как известно, процессу создания СИ РАН на базе СПбФ ИС РАН был дан ход постановлением Президиума РАН от 11 января 2000 г. Последующие три года жизни нашего коллектива оказались насыщены драматическими событиями. Самое начало этих событий было описано в «Телескопе» (2000, № 1)56. Конспективно они отражены в соответствующем разделе доклада А. Тихонова на секции философии, социологии, психологии и права ООН РАН 4.12.2002, опубликованного также в «Телескопе» (2003, № 1)57.

⁵³ Текст Положения об Ученом совете СИ РАН см. выше: раздел 3.Q.1.

⁵⁴ Перечисление – в порядке убывания количества набранных голосов, при равном количестве – по алфавиту. Среди избранных членов Ученого совета четверо не являются сотрудниками СИ РАН: И. И. Елисеева, Н. Г. Скворцов, В. А. Ядов, С. А. Кугель.

⁵⁵ Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2003&id=520.

⁵⁶ См. выше: раздел 4.2.

⁵⁷ См. Тихонов А. В. О ситуации в Социологическом институте РАН ... (Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2003&id=526). См. также выше: раздел 5...).

Но ряд обстоятельств, как говорится, «вновь открывшихся», до сих пор остаются неизвестными профессиональному сообществу, соответственно – читателям журнала.

Можно бы теперь и не вспоминать, да вот никак не уgomонятся бывший директор-организатор СИ РАН (а затем – и. о. директора института) проф. С. Голод, его (бывший же) заместитель по научной работе А. Дука, ученый секретарь А. Быстрова, а также их соратник Б. Винер. Аж на девяти страницах «Телескопа» излагают они, в двух статьях (2003, № 2, с. 50–58), **свои** версии истории создания нового института⁵⁸. В частности, С. Голод, А. Дука и А. Быстрова, полемизируя с А. Тихоновым (и косвенно – со мной), перечисляют все свои благие намерения, личные заслуги и научно-организационные подвиги. Кроме некоторых. Что ж, осветим хотя бы одно из их умолчаний.

...Действительный, а не декларированный замысел их реорганизации СПбФ ИС РАН в самостоятельный академический институт хорошо высвечивается из проекта приказа С. Голода, отправленного им на согласование в Юридический отдел РАН в феврале 2000 г. Проект приказа формально опирался на неосторожно утвержденные тогдашним Президиумом РАН весьма дробные и разрозненные направления научной деятельности будущего института, сформулированные ранее – **втайне от научного коллектива** – тем же С. Голодом и его со-умышленниками, в интересах относительно узкой группы лиц, полагавшей себя «наиболее перспективной» частью коллектива. Этот административный проект предусматривал:

- перевод в новый институт, в неизменном виде, лишь одного из 12 научных подразделений бывшего филиала;
- преобразование четырех исследовательских групп в сектора (более высокий статус, увеличение численности сотрудников);
- создание трех новых научных подразделений;
- и... **ликвидацию шести научных подразделений** (из двенадцати имеющихся).

При этом для сотрудников упраздняемых подразделений предусматривалась возможность «в течение трех месяцев со дня издания настоящего приказа, по согласованию с руководителями научных подразделений Социологического института РАН, перейти на работу в соответствующие подразделения» (цитирую упомянутый документ).

Фактически это означало, что примерно 40 из 60 работавших тогда в институте сотрудникам предлагается либо похоронить весь свой научный задел и искать себе место в сохраняющихся или преобразуемых, не профильных для них научных подразделениях (где почти все места, понятно, уже заняты или зарезервированы для других), либо трудоустроиваться где-то за пределами института.

По разным причинам осуществление предполагаемой «зачистки» ока-

⁵⁸ См.: Голод С., Дука А., Быстрова А. О «старой гвардии», академизме и групповых интересах // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003, № 2 (электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2003&id=523); Винер Б. Развитие Социологического института РАН: решения тактические или стратегические? (электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2003&id=524).

залось приторможено. В частности, зам. начальника Юридического отдела РАН, следуя букве закона, рекомендовал С. Голоду дополнить приказ двумя пунктами:

- «поручить отделу кадров принять меры к трудоустройству лиц, не прошедших по конкурсу (в непрофильные для них подразделения. – А. А.), по пункту 1 ст. 33 КЗоТ РФ»;
- «довести до сведения местного органа службы занятости о предстоящем высвобождении работников (ст. 40, прим. 2 КЗоТ РФ)».

Однако месяц спустя в Москве, в академических верхах было принято блокирующее решение:

- до регистрации нового института в качестве полноценного юридического лица никаких структурных преобразований не предпринимать;
- лишь после выборов директора нового института, а вслед за тем – выборов Ученого совета, могут производиться все необходимые действия относительно исследовательских направлений, структуры подразделений и т. д.

Итак, «ликвидационный» замысел, «крутые» перемены не прошли. Тогда начались и продолжались до конца 2002 г. перемены «ползучие», направленные, однако, ровно в ту же сторону (от отдельных структурных преобразований до приема новых сотрудников)

Все эти действия временной администрации загоняли еще только создающийся институт в кризисную ситуацию. При этом сама по себе научная работа в институте не только продолжалась, но и, несмотря на все более беззастенчивый активизм наших благонамеренных реформаторов, прибавляла в результативности, не в последнюю очередь и усилиями «неперспективной» части коллектива. Правда, в отличие от прежних лет, нарастала *разобщенность* сотрудников, происходила своего рода дезинтеграция профессионального сообщества, успехи и достижения были по преимуществу персональными, а не «общейинститутскими», и т. д. Теперь бывшие руководители института не прочь поставить себе в заслугу и эти достижения своих коллег.

При этом подчеркивается, что удалось-таки «пробить» (создать) новый академический институт в Петербурге. «...*И значение этого события выходит за рамки нашего узкого коллектива. Инициатором и мотором этой «Великой трансформации» был С. И. Голод*, — пишет сам С. Голод с соавторами. (Телескоп, 2003, № 2, с. 52). (Кстати сказать, «стиль — это человек» или: «человек — это стиль»).

Такие «белые» и «пушистые» (не говоря уж о «прогрессивности») реформаторы!.. Ну, по крайней мере, об их «пушистости» читатель может теперь судить и сам.

Так все хорошо для них складывалось... И вдруг — осечка! В декабре 2002 г. «недальновидные» академики, на общем собрании Отделения общественных наук РАН, избрали директором Социологического института вовсе не С. Голода (хоть тот — и «инициатор», и «мотор»). В конечном итоге, директором СИ РАН стал д. с. н., проф. А. Тихонов.

Ныне бывшие руководители института пытаются уверить читателей журнала, что они «хотели только хорошего», и даже во многом «преуспели»,

разве что «не все успели» (вспомните «чегемский миф о Ленине» из исландского «Сандро»). Они-де (рыцари науки) теперь (как и тогда, как и всегда!) — за конструктивные решения, против «внутриинститутской конфронтации», за подлинный академизм, за «дорогу — молодым!», за то, чтобы каждый «проявил себя в науке» (а не в «журнальной переписке»). Однако, судя по «карточному залпу», выпущенному на страницах журнала, эти господа лукавят.

В заключение, стоит развеять муссируемый С. Голодом и его соавторами «миф» о том, будто за ними стоит большинство научного коллектива. Итоги выборов нового Ученого совета СИ РАН свидетельствуют об ином. Из 12 кандидатов в Ученый совет, выдвинутых лично новым директором, 11 оказались избраны в этот совет. (Среди них, кстати, и С. Голод; уж теперь не проверишь, в какой мере своим вхождением в совет тот обязан настоятельной рекомендации А. Тихонова...). Большинство избранных в совет штатных сотрудников института составили представители тех самых научных подразделений, которые предназначались нашими героями к ликвидации. Что же касается едва ли не главного застрельщика описанных событий А. Дуки, то он в новый Ученый совет, по итогам *тайного голосования*, не прошел.

...Научно-организационных и социально-психологических проблем (не говоря уж о морально-этических!) в Социологическом институте РАН и сегодня хватает. Но это уже «болезни роста», а не «гримасы перестройки».

Р. С. Позволю себе воздержаться от журнальной полемики с Б. Винером. Думаю, что коллега Винер в глубокомысленно обсуждаемых им «методических» сюжетах либо недостаточно компетентен, либо, в расчете на наивного и некомпетентного читателя, мягко говоря, не искренен. А. А.

10.05.2003.

Вышеприведенные документы дают достаточно полное представление о жизни научного коллектива и профессионального сообщества в конце 1990-х — начале 2000-х гг.

*Директорство **А. В. Тихонова**, избранного директором СИ РАН на общем собрании Отделения общественных наук РАН 17.12.2002 и утвержденного в этой должности постановлением Президиума РАН от 21.01.2003, продолжалось недолго — немногим более 2-х лет. В апреле 2005 г. А. Т. покинул СИ РАН и переехал в Москву, где возглавил Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН.*

(Надо сказать, досрочная добровольная отставка А. В. Тихонова с поста директора СИ РАН явилась полной неожиданностью для коллег, возлагавших на него большие надежды. Причем, оказалось, что загодя и... втайне от научного коллектива — и в академических верхах, и с преемником все «обговорено», согласовано. Коллеги же, в том числе члены Ученого совета, были оповещены буквально в день увольнения директора).

*А. В. Тихонова сменила на руководящем посту член-корреспондент РАН, докт. эконом. наук **И. И. Елисеева**. Примерно год она была и. о. директора, а*

затем состоялись выборы в Отделении общественных наук РАН и в апреле 2006 г. Президиум РАН утвердил И. И. Елисееву в должности директора Социологического института РАН.

4.13. Несколько лет спустя: предвестья будущего обвала (из протоколов наблюдающего участника СИ РАН – 2007)⁵⁹

Выше рассматривались обстоятельства, которые можно определить, как раннюю предысторию событий в СИ РАН 2008 / 2009, составляющих основное содержание глав 1-3 настоящей книги. Ниже пойдет речь о событиях 2007 г., так сказать, ближней предыстории, генезисе нашего кейса, детально рассмотренного в предыдущем томе.

(1)

Заместителю директора по науке
Социологического института РАН
к. с. н. Клецину А. А.
от ведущего научного сотрудника,
к. ф. н. А. Н. Алексеева

Информация

Уважаемый Александр Афанасьевич!

Вчера, 15.05.2007 руководитель группы изучения динамики социального сознания М. Г. Мацкевич, непосредственным подчиненным которой я имею честь и удовольствие быть, сообщила мне, что администрация Института в Вашем лице предлагает мне уменьшить свою рабочую занятость, а именно: перевестись с полной ставки вед. науч. сотрудника на 0,8 соответствующей ставки. Это мотивируется необходимостью высвобождения ставок для очередного сокращения штатной численности института.

Поскольку это предложение (строго говоря – пожелание, указание на необходимость и желательность для администрации соответствующего личного заявления, т. е. просьбы с моей стороны...) сформулировано Вами не в личной беседе со мной, а, так сказать, передано «по инстанции», позволю себе и я воспользоваться посредничеством помощника директора института для письменного информирования администрации о том, что я по этому поводу думаю.

Соответствующее предложение уже поступило (или вот-вот поступит...), как я знаю, не только мне, но и всем 20 научным сотрудникам СИ РАН пен-

⁵⁹ Настоящий раздел представлен в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/si-ran-2007/>

сионного возраста. По крайней мере, таков ныне известный едва ли не каждому в нашем немногочисленном (чуть более 60 чел.) коллективе, хоть до сих пор и никак не обнародованный проект администрации института.

Данный проект обсуждался и вроде согласован на совместном совещании администрации и профкома 7 мая с. г. Его возникновение вызвано, понятно, не чьей-то «злой волей», а «суровой необходимостью» уменьшить штатную численность института на 5 единиц. Причем выполнение разрядки, спущенной сверху, может быть достигнуто, согласно бюрократическому регламенту (полагаю, гуманному...), также и путем сокращения *долей* ставок сотрудников (будь то свободных, будь то занятых реальными людьми ставок).

Притом, что указанный проект не имеет никакого документального оформления, существуют несколько его версий, детализаций, возникавших последовательно (а может, применяемых и параллельно).

Так, сообщенная мне через М. М. версия состоит в дифференциации рекомендуемого перехода на неполную занятость в зависимости от «научного статуса»: сотрудники пенсионного возраста без ученой степени переводятся на 0,5 ставки, кандидаты наук – на 0,8, доктора наук – на 0,9 ставки. Вроде бы такой расклад позволяет «набрать» искомые 5 ставок для сокращения.

Другой известный мне вариант (кстати, возникший первым...) тоже предполагает дифференцированный подход: конкретные административные рекомендации «работающим пенсионерам» о переходе на неполную занятость обуславливаются ранжировкой сотрудников по показателям так называемой «результативности научной деятельности» за 2005–2006 гг. (Об этой ранжировке и ее «встраивании» в данный проект см. чуть ниже).

Напомню себе и Вам, что «Положение о видах, порядке и правилах применения выплат стимулирующего характера, обеспечивающих *(так! не способствующих, а именно «обеспечивающих»!* – А. А.) повышение результативности деятельности научных работников» было утверждено Ученым советом СИ РАН 20.03.2007 и, в соответствии с приказом № 7-о от 29.03.2007, подписанным временно исполнявшим тогда обязанности директора института И. И. Савицким, введено в действие с 01.03.2007 (так!)⁶⁰. Мое негативное отношение к этой системе оценки эффективности научного труда, высказанное на упомянутом мартовском заседании Ученого совета, и отказ голосовать за нее – Вам известны. Но сейчас не об этом речь.

Образованной тем же приказом, за подписью вр. и. о. директора, «комиссии по надбавкам» (под Вашим председательством; а еще в комиссию входят ученый секретарь института А. С. Быстрова, руководители секторов А. В. Дука и Г. В. Каныгин и вед. науч. сотрудник К. Муздыбаев) предписывалось уже к 5 апреля представить директору СИ РАН свои «предложения по надбавкам» (строго говоря не по надбавкам, а по исчислению или зачету баллов «научной результативности»), и этот приказ, надо полагать, был вы-

⁶⁰ Речь, как читатель уже догадался, идет о так называемых ПРНД – системе формализованных оценок продуктивности научного труда, о которой уже неоднократно писалось в настоящей книге. (См. выше: разделы 1.5, В.1-3.2.F.15, 2.Н, 3.Х, 3.Х.а и др.). Именно тогда, в марте 2007 г., была впервые применена в СИ РАН эта новация «пилотного проекта» реформирования Российской академии наук.

полнен. Однако сами плоды работы комиссии более месяца оставались неизвестными (научному коллективу...), пока они не «всплыли» неделю тому назад, при обсуждении администрацией совместно с профкомом проекта высвобождения ставок для требуемого сокращения штатов.

Именно тогда получила неофициальное распространение сводная таблица «зачтенных» комиссией (но, судя по всему, еще не утвержденных директором...) балльных оценок деятельности сотрудников, равно как и упомянутая выше первоначальная версия проекта «урезания ставок» всех 20 научных сотрудников пенсионного возраста, а именно: до 0,5 ставки для набравших меньшее количество баллов, до 0,8 — для набравших большее количество и до 0,9 — для докторов наук (с единственным исключением из «общего правила» для одного из ведущих сотрудников — кандидата наук).

Хоть один, хоть другой из указанных вариантов (напомню, не имеющих никакого официального закрепления или документального оформления) позволяют усмотреть следующие интенции администрации Института:

а) избежать увольнения по сокращению штатов «живых сотрудников» (забота о людях);

б) высвободить необходимое количество ставок (пусть по частям) за счет «пенсионеров», которые составляют ныне порядка трети научного коллектива (омоложение кадров);

в) выработать и применить некий универсальный принцип, касающийся всех научных сотрудников пенсионного возраста, без исключения («никому не обидно», т. е. по справедливости);

г) по возможности, избежать широкого обсуждения сложившейся, действительно непростой (для администрации и для коллектива!) ситуации и возможных путей выхода из нее (во всяком случае, работа с каждым кандидатом на «частичное» сокращение ведется индивидуально...).

Можно соглашаться или не соглашаться с указанными принципами, но с реализацией по крайней мере последнего возникают проблемы. Причем бурное обсуждение всех этих не прозрачных административных проектов происходит не гласно, а в кулуарах. И реакции на них разнообразны и не однозначны (как-никак, для уменьшения занятости требуется заявление самого сотрудника, в отличие от увольнения по сокращению штатов конкретного лица).

Насколько я знаю, несколько требуемых заявлений в администрацию уже поступили. Но прогнозировать всеобщую готовность к такому самоотречению трудно, даже при всей лояльности сотрудников к нынешнему руководству института.

Я анализирую эту ситуацию не просто из «любви к искусству» и не для того, чтобы уберечь себя ли, кого-либо другого от неприятных (как можно предположить...) процедур. Мой подход вполне прагматичен. Мне представляется, что описанные шаги администрации (непосредственно судить о которых я могу пока только по Вашим, персонально, действиям) не вполне укладываются в нормы грамотного администрирования. А это, как правило, приводит к потере управления.

...Когда М. М. сообщила мне, с Ваших слов, будто администрация не только рекомендует каждому работающему пенсионеру, но и настаивает на

том, чтобы он (в данном случае, я...) написал соответствующее личное заявление; иначе требуемое вышестоящей академической инстанцией к 1 июня сокращение штатной численности сорвется; а это значит, что придется-де увольнять реальных людей; так что отказ выполнить административную рекомендацию, согласованную с профкомом (пусть формально это будет и законный отказ!), явится «нетоваришеским» поступком, и тем самым «девиант» примет на себя моральную ответственность за судьбу наиболее уязвимых сотрудников, которых придется «совсем уволить», — тут я не мог не переспросить: «Неужели так и сказал?». «Смысл именно таков», — ответила М. М.

Иначе как попыткой «морального давления» (шантажа?..) такое не назовешь.

Высказывая Вам эти, пожалуй, могущие огорчить Вас соображения, я присоединяюсь к известному гамлетовскому замечанию, что *«играть на мне нельзя!..»* и утверждаю, что более надежного способа отвратить по крайней мере некоторых сотрудников от содействия администрации в разрешении ее (еще раз повторю — не простых!) кадровых и организационных проблем Вы придумать не могли.

Тем не менее, я лично вполне открыт к диалогу с администрацией, к обсуждению проблемы, как в отношении себя лично, так и в целом. В частности, обращаю Ваше внимание на то, что, согласно данным самой администрации, в институте, по состоянию на 7.05.2007, было — суммарно — порядка 1,5 свободных ставок (вакансий) и порядка 3-х ставок, занятых совместителями (не считая совместителей, заведующих секторами).

Стоит заметить, что согласно п. 2.10 только что принятого собранием трудового коллектива (24.04.2007) Коллективного договора Социологического института РАН на 2007-2009 гг., «администрация обязуется в случае сокращения численности работников производить ее *(так в документе; правильно было бы сказать не **ее**, а **его**, имея в виду сокращение... — А. А.)* по возможности за счет ликвидации вакансий, увольнения работников, работающих по совместительству».

Формула «по возможности», конечно, двусмысленна. Однако достаточно веских причин для отказа от выполнения соответствующего пункта КД или отступления от общепринятой в Академии наук административной практики я не вижу. Но если даже такие причины и есть, и нынешние действия администрации (пусть не вполне корректные...) имеют под собой объективные основания, то за сотрудником все равно остается **свобода выбора** — следовать или нет начальственной рекомендации, особенно — с учетом проведенного мною анализа административных шагов и ситуации в целом, а также — соотносясь с личными перспективами и жизненными планами.

Надеюсь, моя информация к Вашему размышлению будет способствовать законным и осмысленным действиям администрации.

С уважением,

А. Алексеев (ввиду наших давних и добрых личных отношений, позволю себе шутку: автор «Драматической социологии...»).

16.05.2007

(2)

*Из протокола наблюдающего участия
(Драматическая социология – 2)*

17 мая 2007 г. Четверг

В 12 час. отправил в институт (si_ras@mail.ru) из дома окончательный текст «Информации для Клецина» (см. выше. – А. А.). <...> Вскоре получил подтверждение получения от помощника директора Русаковой.

<...> В институт я приехал уже после 15 час.

Т. П. позволила мне снять копию с ее язвительного заявления на имя директора:

«Идя навстречу намерениям руководства Российской академии наук повысить заработную плату рядовым сотрудникам, а также учитывая сложное финансовое положение означенного учреждения, вынуждена принять предложение дирекции института перейти с полной ставки на 0,8 ставки старшего научного сотрудника, что составит в мае 2007 г. 4400 руб. в месяц.

Вместе с тем, предлагаю довести обращение дирекции по этому поводу до коллектива института в целом и до каждого сотрудника в отдельности (кого это коснется)».

И. Т. вряд ли оставил себе копию заявления, но дословно воспроизвел по памяти свою формулировку, что он «не возражает...» (против перевода его на 0,8 ставки).

В общем, все ищут формул, как бы позволяющих как бы «сохранить лицо».

Ну, <...> (здесь опущено перечисление имен – А. А.), о которых еще во вторник было известно, что истребуемые заявления ими уже написаны, скорее всего просто дисциплинированно «просили» уменьшить им занятость и зарплату. <...>

Пока мне неизвестно насчет <...> (здесь опущено перечисление имен. – А. А.), хоть я и не сомневаюсь в исходе.

<...> Б. Т. ни за что «не подведет» директора (мой прогноз).

Ничего не знаю об А. Щ., который в институте практически не бывает. Но тот наверняка будет покладист.

«Шумно» могут повести себя К. М. и С. Г., но если да, то весь пар уйдет в свисток.

Я перечислил всех, кого эти события лично затронули.

Думаю, к исходу следующей недели административная акция будет успешно завершена. Ну, может, с отдельными мелкими «огрехами».

Около 17 час. встретил в коридоре Клецина. Рукопожатие. «Я получил Ваше послание, спасибо». – «Отлично». Он, может, и не прочь поговорить, но я предпочитаю не разговаривать с начальством в коридорах.

Копии своей «Информации для Клецина» подарил И. Т., Т. П. (оговорив ее абсолютную «не секретность»), а также <...>

(3)

Репортаж с «закрытого заседания» Ученого совета СИ РАН:
Фэр-то ке?

22.05.2007, вторник

Моя последняя информация о событиях вокруг сокращения штатов и т. п. в Социологическом институте РАН была от 17 мая. Там был и некоторый прогноз относительно дальнейшего развития ситуации. Прогноз оправдался частично, и в частности, в той его части, что ситуация может выйти из-под контроля.

Сегодня в 12 час. начался Ученый совет, посвященный разным содержанием и не очень вопросам. Некая докторантка (со стороны) сделала доклад о приложении общей теории систем к социологии (как я понял, «обкатка» готовой диссертации). Ее в меру пощипали. Бачинин, как обычно, проницательно и доброжелательно; <...> (*имя рек.* — *Ред.*), как всегда, с долей правоты, но злобно (это у него форма самоутверждения такая).

Божков рассказал о Биографическом фонде, наконец, приведенном в порядок недавно принятым в институт мл. науч. сотрудником Константином Дивисенко, который, собственно, и доложил результаты первичной, пока формальной обработки (и создания базы данных) 600 биографических текстов, скапливавшихся в секторе Голофаста с 1989 года. И. И. (наш директор) очень похвалила Костю. И поделом!⁶¹

После привычного на заседаниях Ученого совета утверждения диссертационной темы одной какой-то аспирантки или соискательницы директор попросила остаться *только членов Ученого совета*. Речь пошла о проблеме, обрисованной в моих предыдущих текстах на эту тему.

Складывается впечатление, что администрация (сама И. И., зам. директора по науке Клецин, ученый секретарь Быстрова и примкнувший к ним председатель профкома Браславский) ищет у Ученого совета по крайней мере моральной поддержки своих последних шагов. Забегая вперед, скажу, что безоговорочной и всеобщей поддержки не состоялось.

Нет, конечно, были голоса, что все правильно и начальству виднее (Каныгин, Иванова; а <...> (*имя рек.* — *Ред.*), уходя досрочно, сказал как бы на ухо И. И., но все услышали, что он голосует за административный проект). <...> активно критиковала, с одной стороны, нашу систему надбавок, а с другой стороны, применение этой системы для избирательной «выбраковки» (термин мой!) работающих пенсионеров, Н. Р.

У нее, кстати, из 5 сотрудников сектора, трое пенсионеры, Л. П. и Л. К. уже написали требуемые заявления (соответственно, 0,8 и 0,4), в отличие от А. Б., о котором я говорил раньше. <...>

Очень долго и амбивалентно высказывался Муздыбаев, склонявшийся к тому, что надо увольнять «нерезультативных». (Но не И. Т. же увольнять, у

⁶¹ См., в частности, О. Божков, К. Дивисенко. Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2007, № 3. (Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1215453273491266file.pdf).

которого чуть не ноль персональных баллов, зато куча баллов у сотрудников возглавляемого им сектора, — это кто-то Куанышу возразил).

Клецин вел себя несколько нервно, Быстрова помалкивала. Директор — подчеркивала чрезвычайную проблемность ситуации и — «Как же нам, друзья, быть?».

Достаточно отчетливо прозвучала альтернатива: либо увольнять «живых сотрудников»⁶², либо «ушечь» (в разной степени, с учетом всяких обстоятельств) работающих пенсионеров. Второе представляется И. И. более справедливым и правильным, но — «Давайте думать!».

И во вступительном слове директора, и дальше, а также в поначалу еще терпимых высказываниях Клецина, прозвучали ссылки на мой «документ» (не заявление!), и — «Что же А. Н. предложит?». Тут я почувствовал себя то ли именинником, то ли «героем» персонального дела (так и сказал!).

Еще сказал, что нельзя ссылаться на документ, который не обнародован, и что я готов огласить его и сейчас, но это займет время, и я не претендую на внимание в течение 12 минут, которые может занять зачитывание 3-х компьютерных страниц. И эту мою ненавязчивость трудно было не оценить положительно.

Но когда споры стали заходить в полный тупик или уходить в частности, например, корректировки уже принятой в свое время Ученым советом «системы надбавок» (да не о том сейчас говорить!), плюс уже более агрессивные ссылки на мой «документ» со стороны Клецина, я заявил, что мне придется теперь либо вывесить свою «информацию к размышлению» на всеобщее обозрение, либо все-таки зачитать ее здесь. Из двух зол было выбрано меньшее, и читал я вслух, с выражением, — с согласия или даже как бы по приглашению директора.

Тут реакция Клецина стала такой неадекватной, что у меня возникли основания просить председателя Совета вмешаться, что и было сделано. Из зачитанного документа стало ясно, что «неудобный» А. администрации рук вовсе не выламывает, а только возражает против выламывания рук сотрудникам. «Открытость к диалогу» — полная, и все вздохнули как бы с облегчением. Но что же все-таки делать?!

...Администрация, действительно, в тупике. Кстати, увольнять хоть по сокращению штатов, хоть по иной причине, надо за 2 месяца. А осталась неделя до 1 июня, иначе, мол, не будут переведены из Москвы деньги на те же пресловутые надбавки. А соответствующий приказ из Академии датирован, оказывается, 17 апреля, да еще не сразу поступил в Институт. Стало быть, приказ и не рассчитан на *законное* исполнение до 1 июня.

Так что, это как раз академическое начальство выламывает руки директору... Но почему за это должны страдать рядовые сотрудники?

Некорректность же (безгласность, «беспринципность», в смысле мешанины разнообразных принципов, и т. д.) административных действий, вроде уже и не оспаривается. Но — «ке фэр? ке фэр?» (*que faire.* — фр.; что делать?), или, пользуясь выражением великолепной Тэффи, «фэр-то ке?!».

⁶² К сожалению, тогда не записал, кто первый употребил эту «метафору». Потом ее повторяли многие. (Примечание А. Алексеева. Март 2009).

(Интермедия. Клецин что-то произнес насчет «психологической травмы» пенсионерам. Я: «Лично я никакой травмы не испытываю, а только исследовательский интерес...». Ну, тут схлопотал я от Клецина — «provokatora...» и «презумпцию недоверия к администрации...». Пришлось И. И. опять его останавливать).

Мною была подана мысль, что коль скоро такой тупик — может быть, стоит директору так обратиться (только письменно!) к коллективу (не к отдельным персонам!), чтобы у людей, сохраняющих чувство собственного достоинства, возникли основания (или даже желание...) «пойти навстречу». Вослед Пушкину в разговоре с Пестелем (см. «Пестель, Поэт и Анна»⁶³), я сказал, что даже готов придумать текст такого обращения, хоть это и было бы неправильно...

(Бывший директор А. Т. наверняка сказал бы: «Андрей, напиши, пожалуйста!». Ну, И. И. такое предложение услуг принять трудно...).

По ходу обсуждения возник вопрос о возможности / невозможности сокращать «вакансии» и «совместителей». Была призвана Иветта (отдел кадров) для разъяснения ситуации со штатным расписанием. Поскольку она путалась, пригласили главного бухгалтера Ирину Наумовну, которая стала с апломбом объяснять, что совместители «не считаются», в штатную численность они не входят, это так Академия «разъяснила», и «есть документ, подписывающий...». На просьбу предъявить этот документ, ушла и вернулась в смущении: «По закону подлости, не нашла...». (И это — документ, ключевой для данной проблемной ситуации!).

Но тут уже и И. И. вроде забеспокоилась, не крутит ли хвост собакой; ведь в самом деле нелогично: если отобрать у 20 чел. по кусочку ставки — это же все равно останется 66 чел., а не 61, как предписано. Так дело в численности или в ставках, что же именно мы сокращаем?

(Да и показывали ли директору сам этот документ?).

В общем 2 (или полтора, не засек время...) часа обсуждения кончились **ничем**. Что будет теперь делать администрация, не берусь предугадывать. Что будут делать те «звери», кто еще не написал заявление с просьбой обрубить им кусочек хвоста, не стану предвосхищать.

Ограничусь сообщением, что по крайней мере шестеро из 20 работающих пенсионеров пока «уклонились» от подачи истребуемых заявлений. Кто-то заявил о своем категорическом отказе, а кто-то выжидает, что будет дальше. Поскольку я «открыт к диалогу», про себя скажу: «никогда не говори никогда».

Большинство тех, кто заявление уже написал (смирненно, а кто и с подковыром, как Травин: «Не возражаю...»; а Клецин с Быстровой и тому рады!), теперь перешли на трибуну болельщиков.

Я мог бы еще рассказывать, что было после этого «закрытого» заседания Ученого совета. Но всякий сериал должен прерываться на самом интересном месте.

Так что же делать? *ФЭР-ТО КЕ?!*

23.05.2007

⁶³ См. выше: раздел 2.F.27.

(3а)

Нижне – извлечение из официального протокола заседания Ученого совета СИ РАН от 22.05.2007. Ознакомиться с указанным протоколом автору этих строк довелось лишь больше года спустя (в августе 2008 г.). (А. А.).

Протокол № 5 заседания Ученого совета от 22.05.2007

Председатель: И. И. Елисеева.

Присутствовали: члены Ученого совета (список прилагается).

(Присутствовавшие на этом заседании члены Ученого совета, согласно списку регистрации: И. И. Елисеева, А. С. Быстрова, А. Н. Алексеев, Р. Г. Браславский, О. Н. Бурмыкина, Я. И. Гишинский, В. В. Гольберт, Е. А. Иванова, Г. В. Каньгин, К. Муздыбаев, Н. Л. Русинова. – Ред.).

(Также) присутствовали: Л. В. Осипова –Дербас, Н. Н. Цветаева, В. А. Бачинин, Т. З. Протасенко, В. Н. Лупанов (ИЭА), В. П. Переседа, М. Г. Мацкевич, А. В. Родионова, Г. В. Еремичева, К. С. Дивисенко, А. В. Дука, Б. И. Максимов, О. Б. Божков).

Повестка дня:

1. Методологические особенности системных исследований в социологии – докл. Л. В. Осиповой–Дербас.
2. О биографическом фонде – О. Б. Божков, К. С. Дивисенко.
3. Утверждение темы соискателя Галактионовой Е. П.
4. Разное

Слушали: <...>

4. Разное

Только члены Ученого совета. *(Так! – Ред.).*

И. И. Елисеева: о предложениях по сокращению численности персонала. Доложила о том, что сделано администрацией с этой целью.

Предполагалось «размазать» сокращение на ряд людей. *(Так. – Ред.).* Надо развиваться, надо поддерживать молодых. Совместно администрация и профком согласовали эту позицию. Поэтому я предложила обсудить это сейчас, поскольку возникли проблемы. Сослалась на письмо Алексеева. Нам установлено 61 единица нормативной численности. Ранее было 66 единиц. Значит, надо сокращать 5 ставок. Советуйте, что делать, как делать.

В. В. Гольберт: Есть ли «священные коровы»?

Ответ: Нет.

Г. В. Каньгин: Надо поддержать мягкий вариант *(Имеется в виду «резание» ставок для всех пенсионеров. – Ред.).*

Н. Л. Русинова. По поводу системы оценок – она не вполне объективна. Не все сферы учтены. Коэффициенты не сбалансированы. Публикация – основной вид результата. Лучше сокращать.

Я. И. Гишинский: Поддержал мягкий вариант.

А. А. Клецин: Мы должны следовать принципам, предложенным «тройным приказом»⁶⁴.

Е. А. Иванова: Поддержала мягкий вариант «урезания» ставок.

А. Н. Алексеев. Прочитировал свои предложения.

К. Муздыбаев: Задача реформы в РАН — повысить эффективность, результативность работы. Вот сейчас надо сократить численность. Мы все пытаемся по-прежнему поделить. Надо руководствоваться Кодексом, законами. По возрасту уволить нельзя, по продуктивности надо оценивать и решать. Были использованы показатели для прикидки. У нас 20 человек, по сути, узнали о неполном соответствии. Они не согласны и правильно. Значит, придем к сокращению. Русинова не права, поскольку не полностью понимает ситуацию. *(Так. — Ред.)*. Я вышел из комиссии *(по надбавкам. — Ред.)*. Положение о ПРНД — документ ограниченной сферы пользования. Надо стимулировать публикации научных сотрудников. Первоначальные предложения комиссии были безупречны. Расширять *(? — Ред.)* неправильно.

И. И. Елисеева: Мы действуем строго в рамках журнала *(? — Ред.)*.

Н. Л. Русинова: Я понимаю смысл ПРНД. Просто это применено не там *(не так? — Ред.)*.

И. И. Елисеева: Предложите другие принципы.

А. Н. Алексеев: Зачитал свое письмо в адрес Клецина. *(См. выше. — Ред.)*⁶⁵.

И. А. Скидан: 10 совместителей от 0,5 до 0,3 ставки. Всего 3,6 ставок.

И. Н. Барановская: Зарплата совместителей — без надбавок.

И. И. Елисеева: Все поняли, что за положение.

РЕШЕНИЕ: Принять мягкий вариант.

Председатель Ученого совета СИ РАН,

Член корр. РАН

Секретарь Ученого совета СИ РАН, к. э. н.

И. И. Елисеева

А. С. Быстрова

Как участник свидетельствую: никакого решения не принималось. Правда, большинство присутствующих высказалось за проект администрации. Однако голосования не было. (Если бы было, автор этих строк настоял бы на подсчете голосов). Вообще, голосования и быть не могло, поскольку удаление с заседания всех не членов Совета делало его нелегитимным. (См. ниже). (А. А.).

(4)

Что было потом (продолжение репортажа из СИ РАН)

Сегодня уже воскресенье, 27.05.2007.

⁶⁴ Имеется в виду совместный приказ Минобрнауки РФ, Минздравсоцразвития РФ и РАН №№ 273/745/68 от 3.11.2006 «Об утверждении видов, порядка и условий применения стимулирующих выплат, обеспечивающих повышение результативности деятельности научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников Научных центров Российской академии наук». См. выше: раздел 1.5.

⁶⁵ К тексту протокола это письмо не приложено, хоть и было передано секретарю Ученого совета А. С. Быстровой. (Примечание А. Алексеева).

(...Похоже, происходит своего рода реинкарнация «Писем Любимым женщинам» – на новом витке исторической спирали, возрастной вертикали и дружеской горизонтальной, при резко возросших технических возможностях: Интернет вместо «Эрики»)⁶⁶.

Значит, мы остановились на том, что «закрытое заседание» Ученого совета СИ РАН 22 мая 2007 г. по вопросу о «стратегии и тактике» сокращения штатов закончилось ничем. И все разошлись – *думать*.

Здесь стоит заметить, что согласно действующему Положению об Ученом совете (которое я же когда-то сочинял...), закрытые заседания исключаются «по определению». Так что это было скорее «совещание» директора с членами Ученого совета. (Никакого **решения** там законно принять не могли; ну, так живем – не по законам, а по понятиям).

После окончания этого заседания среди допущенных и не допущенных на него сотрудников начались взаимные консультации, из которых выяснилось, что по крайней мере шестеро «работающих пенсионеров» никаких заявлений, по крайней мере пока, подавать не станут. Среди них трое вроде категорически отмечают такую возможность и трое занимают выжидательную позицию.

Из этих шестерых двоим предложено обрубить лишь самый кончик хвоста (переход на ставку 0,9), троим – побольше (0,8), а одному – еще *чуть* больше (нестандартные 0,75 ставки!).

Один из шестерых, на всякий случай, уже и написал заявление, которое пока держит «за пазухой»:

«Заявляю о моей информированности о приказе Кадрового управления РАН по поводу сокращения численности кадров в СИ РАН и о решении администрации и профсоюзного комитета производить сокращение посредством перевода сотрудников-пенсионеров на неполную ставку. <...>

Остаюсь при своем мнении <...> о непригодности применения при сокращении кадров имеющей другое назначение системы оценок для «выплат стимулирующего характера» (к тому же используемой по принципу обратной силы), а также противостоестественности, по крайней мере, психологически, оформления перевода на неполную (более низкую) ставку (в данном случае – 0,8) как инициативного со стороны сотрудника, когда речь идет о выполнении административного приказа (РАН).

Соответственно, принимаю перевод как административное по сути дела предписание».

Без комментариев!

Член профкома Б. Максимов <...> написал заявление на имя председателя профкома СИ РАН Р. Браславского:

«В связи с проводимым в институте сокращением <...>, как член комитета профсоюза работников СИ РАН, ставлю вопрос о необходимости проведения профсоюзного собрания <...> для информирования сотрудников и получения специальных полномочий о способе действий профсоюза в сложной ситуации <...>, а также на будущее».

Такая вот демократическая инициатива...

Опускаю детали кулуарных обсуждений. (Помню, спрашивал у Музды-

⁶⁶ «Эрика» – марка пишущей машинки. Письма-самоотчеты тогда рассылались автором довольно узкому кругу коллег-друзей.

баева, собирается ли он писать заявление... Тот с каменным лицом шутит «Кто тебя подослал?». Возвращаю шутку: «Клецин!». Присутствующему тут же председателю профкома задал несколько вопросов на юридические темы. Не получив уверенного ответа, замечаю: «Я Вам не завижусь!». «А кому Ты завижусь, Андрей?» — спрашивает Куаныш М. «Себе!» — отвечаю).

<...> Так или иначе, какое-то *сопротивление* все же наметилось. На следующий день, в среду 23 мая, число «не подписантов» чуть не выросло до семи.

Среди уже подавших заявление (одной из первых...) есть очень симпатичная, работающая, порядочная сотрудница, которая в итоге всех этих событий почувствовала себя обманутой. Она решила было забрать свое заявление обратно, для чего написала соответствующую «просьбу» (ох, уж эти челобитные!). И решила со мной посоветоваться. (Кстати, она читала мою «информацию к размышлению» для администрации).

Я раскритиковал просительный тон ее заявления и попытки объяснить начальству, почему она так поступает. «Чем больше Вы будете объяснять, тем активнее Вас будут опровергать!». По ее просьбе, я написал альтернативный проект ее обращения, на имя директора. Вот он:

«15.05.2007 я обратилась с просьбой о переводе меня с полной ставки ст. науч. сотрудника на 0,8 ставки. При этом я руководствовалась, как мне было сказано, просьбой администрации способствовать решению проблемы сокращения штатной численности.

Внимательно ознакомившись с ситуацией и обстоятельствами сокращения штатов в нашем институте, я сообщаю Вам об отзыве своего заявления от 15.05.2007, которое, как я считаю, было подано мною напрасно».

Текст этот понравился и ей, и ее коллеге, участвовавшей в нашем разговоре. Но уверенности не было. Она ведь, как говорит про себя, «не борец». И то верно. Борьба себе дороже обходится, даже если выиграешь. Впрочем, ею двигали отнюдь не прагматичные, а нравственные мотивы (чувство собственного достоинства и т. п.).

Наутро следующего дня, она сообщила, что все-таки отказалась от своего намерения. Ее убедили аргументы знакомого юриста, который обрисовал ей перспективы и возможные встречные шаги администрации. «Вы что, забыли, где живете?» — передала она мне одну из его фраз. «А если Вам-таки придется третье заявление писать, то как Вы будете выглядеть?». И это тоже стоит принять во внимание.

Короче, ряды «протестантов» так и не пополнились.

Интермедия. Тем временем, на доске приказов появилось не слишком официальное (написано от руки нашей кадровичкой...) объявление, что в четверг, 24 мая, необходимо пройти диспансеризацию всем сотрудникам моложе 35 и старше 55 лет («средний возраст» уже проходил такое обследование, хоть и не все, конечно; для чего специально ходили в какую-то поликлинику поблизости). А тут — забота о людях! — целая медицинская бригада прибывает в институт, с оборудованием (например, ЭКГ).

И достаточно указанным возрастным категориям явиться в этот день на работу — к 10 часам, *натощак*.

Медицинская бригада из пары медсестер и полудюжины врачей (терапевт, хирург, гинеколог, окулист...) разместилась в трех кабинетах (включая научно-образовательный центр). Очереди не было, но и врачи недолго были на простое. Сначала – кровь для анализа, баночка для мочи («когда справитесь, принесете»). Потом беседа с терапевтом. Тот очень внимателен. Его обследование – методом опроса, кроме измерения давления. Я замечаю: 160/80 – что-то для меня многовато. «Ну, может, Вы волнуетесь...»

Спрашивает: «Страдаете ли одышкой? Слабость? Головные боли? Головокружения бывают?». На все эти вопросы с чистой совестью отвечаю – нет. А перебои в сердечной деятельности бывают? Отвечаю: «Было пару раз...». Что принимаете? <...>. Записывает.

Мне вручается на руки заведенная в общем порядке «карта амбулаторного больного» (они иначе не могут: раз обследуешься – значит, больной). Чтобы я шел к остальным врачам. По дороге читаю и... немедленно иду к себе, чтобы сделать ксерокопию. Ибо в карте записаны «*жалобы* на перебои в районе сердца, одышку, слабость, головокружение» (!). Принимает кордарон и еще какие-то лекарства, о которых я впервые слышу. Впрочем, «общее состояние удовлетворительное».

Думаю, к нашей антипензионерской акции этот эпизод не имеет отношения, хоть мне и говорили коллеги, которым это рассказал: «Совпадение, однако». Знакомый врач после объяснил, что при диспансеризации «так принято», «на всякий случай»... Ну, а я скандалить не стал: просто не пошел к следующим врачам, чтобы не отобрали драгоценную карту, которой, может, потом и хватятся, да мне она нужнее, как одно из свидетельств реализации Национального проекта «Здоровье».

Возвращаюсь к основной теме этого репортажа. Решающие события развернутся где-то во вторник, 29 мая – присутствие, когда останется всего 2 суток до дня X, к которому институт должен выполнить / не выполнить предписание о сокращении штатов, иначе администрация (не говоря уж о рядовых сотрудниках...) останется без положенных надбавок.

Продолжение (вряд ли финал...) следует.

(5)

Бои местного значения: кролики и удавы (продолжение репортажа из СИ РАН)

30 мая 2007 г. Среда.

Начну с цитаты из вчерашней «Новой газеты». Статья К. Рогова «*Философия разводки*». Очень дельная статья!

«...А что такое разводка? Разводка – это обман, возведенный в степень артистизма. Когда обманутый долго, а порой до самого конца не может схватить обманщика за руку и даже понять, где и как его обманывают, – в чем подстава. Но по факту обнаруживает себя кругом облапошенным. Разводка – это обман, который с некоторого отдаления должен выглядеть как игра по правилам. Разводка предполагает, что сила на стороне обманывающего, но он ее пока не применяет. Зато он устанавливает правила, а у обманутого нет права на бунт – им он лишь усугубит свое положение, санкционировав применение против себя силы. И, наконец, высокая философия разводки основана на убеждении, что хорошее, если присмотреться, ничем не отличается от плохого. Что справедливость, правда, закон-

ность – все это лишь разводка, с помощью которой более умные надувают более простых. Смысл разводки не только в самом обмане, но в утверждении безальтернативности обмана как основы миропорядка. В утверждении неотличимости обмана от необмана. В его, обмана, если угодно, эстетизации и оправдании»⁶⁷.

Ситуация, развитие которой отражено в настоящем сериале, вполне укладывается в это понятие: **разводка**. Современное понятие. И емкое.

Во вторник, 29 мая состоялось заседание профкома с обсуждением заявления Б. Максимова о необходимости проведения профсоюзного собрания. Я узнал об этом накануне и вознамерился поприсутствовать как рядовой член профсоюза.

Пред. профкома Руслан Браславский не нашел повода мне в этом отказать.

(Дописываю уже в пятницу, 1.06.2007).

На заседании профкома присутствовали: Браславский, Д. Тев, Н. Нечаева, Л. Никонова, Б. Максимов. (Отсутствовал Я. Костюковский). И я – в качестве «гостя».

«Первым пунктом» повестки дня, в отсутствие Максимова (задержанно-го телефонным разговором), профком, практически без обсуждения, одобрил предложение комиссии по надбавкам касательно корректив в «Положении о надбавках...». Коррективы эти устно обрисовал председатель. Они состоят в отказе считать научной монографией такие монографические издания, которые хоть и вышли под грифом нашего института и снабжены всеми библиографическими реквизитами, однако на их последней странице нет пометки «научное издание», а на обороте первой не обозначены научная редколлегия и фамилии рецензентов.

(Это – особая линия нашей «научной жизни», от рассмотрения которой сейчас удерживаюсь, чтобы не «замутнять» главный сюжет»⁶⁸.

Далее, Б. Максимов пояснил свое заявление: собрание необходимо (а) для информирования сотрудников о сложившейся ситуации, обнародования соответствующих документов, (б) чтобы профком получил от собрания некий мандат для занятия той или иной позиции по вопросу о реализации приказа из Академии наук о сокращении штатов и т. п. В отличие от бюрократического текста своего заявления, Б. М. объяснялся по-простецки, напомнив и известный анекдот о «намыливании веревки».

⁶⁷ Рогов К. Философия разводки. Право сильного на обман как феномен современной политики // Новая газета, 28.05.2007, № 39. (Электронная версия – <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/39/11.html>)

⁶⁸ Практически целью этой коррекции был вывод «из игры», или «незачет» вышедших в 2005 г. 3-го и 4-го томов «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», которые, если бы были учтены, «потянули бы» аж на 168 баллов (кол-во печ. листов X 2, согласно Положению; см. выше: раздел 2.Н.4)!

Что же касается соответствующего обозначения на последней странице томов («научное издание»), то оно отсутствовало лишь ввиду недосмотра автора и издательства, ибо для того были все основания, как для издательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований. (Примечание А. Алексеева. Февраль 2009).

Началось что-то вроде персонального дела Максимова. Главными адвокатами администрации выступили Л. Н (одной из первых написавшая заявление с просьбой перевести ее на полставки) и Н. Н. Особенно Наталья нападала на Бориса – как-то злобно, используя (с вариациями...) весь набор административных аргументов, отраженных мною еще в «Информации для Клецина» (см. начало настоящего сериала).

Среди аргументов: и отсутствие какой бы то ни было «кулуарности» в жизни Института (Н. Н. считает высказывания Максимова на этот счет «оскорбительными»); и что администрация проявила «заботу о людях», избегая увольнений; и – все-таки ЧТО Вы лично предлагаете?; и – зачем Вам это надо? Собрание же будет просто «базаром!» (пожалуй, единственное справедливое замечание). И – как же Вы, Борис Иванович, могли «разгласить» неофициальную информацию Иветты Александровны (кадровички) о штатном расписании и балльном рейтинге сотрудников (кстати, досих не вывешенном...); и тут же, не переводя дыхания: «все обсуждалось так демократично – на совместном заседании администрации и профкома»; и уж совсем беспардонное, в отношении Бориса: «Вы только о себе заботитесь! А коллектив лишится фонда надбавок, если до 1 июня все заявления не будут поданы».

Боря тут же: «Я напишу заявление об отказе от надбавок». Та: «Вы напишете, а я не намерена отказываться».

Я впервые так близко наблюдаю эту «реэмигрантку» из США и, признаться, не ожидал...

(Особенно смешно было слушать упрек о «разглашении»... Дело в том, что Б. М. «разгласил» мне, а уж дальше «разглашал» я. Я *тут* сию, и помалкиваю. Но в мой адрес ни слова... Может, с учетом исповедания мною «не христианского» принципа: ударили по щеке – дай сдачи и подставь свою другую: посмеют ли еще ударить?).

Б. М. сражался за принципы и «за други своя» как лев. (Это только когда дело его самого касается, он как заяц; о чем ниже).

Руслан (Браславский) пытался демонстрировать объективность, что плохо ему удавалось. <...>

Кончилось тем (через полтора часа!), что проголосовали (неохотно! вот если бы Максимов снял свое предложение...): 1 – за, 4 – против созыва собрания. Остался осадок: не демократично!

И тут вспомнил председатель: ведь по профсоюзному уставу внеочередное собрание может быть созвано либо месткомом, либо по требованию 1/3 коллектива. И надо бы «у людей спросить...». А кому поручить этот опрос? Максиму!

Тут я впервые за эти полтора часа подал голос: «Максиму нельзя. Он лицо заинтересованное!». И тем, считаю, выручил Б. М. (И он так считает!). Довольно охотно согласилась член профкома Л. Н. «Вот и хорошо, – заметил я. – Здесь нужен кто-то объективный, не имеющий своего мнения».

То, как укоризненно обернулась на меня Наталья, показало мне, что все-то она понимает, ведает, что творит; вся мера ее цинизма, то бишь «прагматизма», с одной стороны, и человечности (а почему нет? еще как совмести-мо!), с другой, стала очевидной.

После моей неосторожной (слава Богу, одиночной!) реплики, Л. Н. чуть не отказалась. Но уже «решено».

Дальше была «социологическая» фантазмагория. Л. Н. распечатала из компьютера какой-то старый список — и не членов профсоюза, а научных сотрудников СИ РАН, в котором числились уволившийся А. Тихонов (бывший директор) и покойная <...> (!), написала над ним от руки «Информационное собрание членов профсоюза» и пошла собирать подписи.

Увидев такое, я с этой бумажкой, предъявленной мне, устремился к ксероксу. Л. Н., поняв свою неловкость, была готова отобрать у меня этот список, но не сумела, и побежала делать новый. В новом — возникло какое-то подобие вопроса, проводить ли собрание, но сформулировано так малограмотно, что мне пришлось ей и об этом сказать.

Людмила чуть не в слезах: «А. Н.! Так помогите мне, раз я не умею...» (Она младший науч. сотрудник сектора теории и методологии, но считает себя не социологом, а программистом). Рядом стоит пред. профкома, специалист по истории российской социологии. «Вот, обращайтесь за помощью к своему начальнику!». «А он занят...» — «А я свободен?»

«Уж извините, я эту филькину грамоту не подпишу, ни за, ни против», — говорю.

Чуть позже Татьяна Протасенко при мне терпеливо объясняла Л. Н., что грамотно сформулировать вопрос надо уметь, и ей, Люде, поручено только опросить сотрудников, а сочинять вопрос в данном случае дело Браславского. «Да он уже ушел...».

(Сама Татьяна, кажется, снисходительно расписалась на этом подписном листе, в пользу собрания, уже хотя бы потому, что настаивала на том еще в своем личном заявлении о переводе на 0,8 ставки; см. выше).

Чем кончился этот сбор подписей, не знаю. Не знает и Борис.

А сам Б. М., как бы заваривший эту кашу (из принципиальных соображений!), в личном плане — вполне покладист и самоотвержен: он еще неделю назад написал истребуемое заявление, пусть не в требуемых выражениях. <...>

Он-таки приехал в институт в четверг (как раз последний день — 31 мая!), чтобы лично вручить это заявление кадровичке. Той уже как бы все равно... Либо они все свалят на директора, либо у самой И. И. (которой эти дни вроде не было...) уже заготовлен какой-то другой вариант (есть заглавник в штатном расписании или еще что...).

<...> А что же остальные? Нас осталось четверо — откровенных «отказников», более или менее умышленно уклонившихся от удовлетворения начальственных пожеланий: <...> и я. Не стану пересказывать мотивацию каждого. Это общественно значимую информацию следует разглашать, а личную — незначем. Поведенческий факт налицо, а мотивы можно реконструировать для каждого.

Интересно, что ни к кому из названных повторно не обращались.

Муздыбаев утверждает, что к нему *вообще* не обращались, ни с какими предложениями. Вроде это не согласуется с известным теперь почти каждому негласным административным проектом.

Как-то постеснялся я спрашивать у <...> (*имя рек.* – *Ред.*). А Щелкина в этом месяце не видел... А <...> (*имя рек.* – *Ред.*) не спросишь. У него на меня аллергия... (Пожалуй, взаимно).

Остальные «работающие пенсионеры» дисциплинированно попросили обрубить им по кусочку хвоста (у каждого – своя норма, кому сколько назначено...).

Есть основания предполагать, что не только отдельные сотрудники помешали администрации сделать эту ее акцию всеобщей, но и сама администрация не ко всем собиралась ее применять. Ну, это время покажет.

Вообще, существуют три основных способа возможного «избавления» от неэффективного (или неудобного...) сотрудника: сокращение штатов (где возможности сопротивления у сотрудника практически отсутствуют), непрохождение аттестации (где за сотрудником сохраняются определенные права, а за администрацией обязанности: хоть судьба покойного Бориса Беликова и предостерегает от попыток сопротивления, особенно судебного), и, наконец, увольнение по собственному желанию. В этом смысле, скажем, Л. К. оказался «идеальным партнером» администрации.

Мне сейчас недосуг исследовать на этот предмет Трудовой и Гражданский кодексы. А все подзаконные документы (например, про аттестацию в академических учреждениях) сейчас находятся в процессе переработки; так что и внеочередную аттестацию для кого-либо проводить пока нельзя.

(Впрочем, наш председатель профкома искренне полагает, что увольнять по сокращению штатов можно только через аттестацию; ну, это проблема его личной правовой грамотности...).

Мне удастся вот так держать руку на пульсе наших событий, поскольку из-за упаковки и перевозки «Алексеевского архива» (что подстегивается сроками ремонта помещений и т. д.; а это вообще отдельная тема!) я вот уже второй месяц вынужден бывать в институте *каждый день* (включая и большинство выходных). Так что «живу в гуще» (то бишь «в жиже»; но и в ней попадаются «жемчужные зерна»). На «полигоне» живу, в общем.

И кажется мне, что не скучно живем.

(6)

Вести из СИ РАН и СПАС.

Интермедия (Драматическая социология – 2)

8 июня 2007 г., пятница

Из СИ РАН, собственно, сообщать нечего. Еще в минувший четверг, больше недели назад, истек срок подачи личных заявлений от «работающих пенсионеров» о переводе их с полной ставки на урезанную (кому до 0,8, кому до 0,5).

Из 20 по крайней мере шестеро такого заявления не подали, тем самым подрывая административный проект осуществления предписанного сверху сокращения штатов на 5 единиц за счет частичного ущемления поголовно всех тех сотрудников, кому за 60 (за 55).

<...> (Здесь опущено перечисление имен. — А. А.)

И ничего не произошло! Ни к кому из названных лиц не было больше со стороны администрации ни прямых, ни опосредованных обращений, в этой связи.

(Кстати, похоже, ничем закончился и «референдум» в пользу или против проведения профсоюзного собрания на эту тему. Вряд ли Л. Н., которой это поручил профком, собрала подписи более 1/3 членов профсоюза «за собрание»).

Зато с четверга распространился упорный слух, что все пока остается по-прежнему — до осени, когда будет то ли всеобщая аттестация, то ли еще что. И до осени же не будут никому выплачиваться «надбавки за работу» (как это смешно называется в наших расчетных листках). Их (эти надбавки) уже с апреля не выплачивают... Угрозы, что это будет на совести уклонившихся от перехода на неполную ставку, были, как водится, блефом, поскольку, так и так, денег на выплату этих надбавок нет.

То ли администрация нашла какой-то другой выход (насколько известно, ни в каком академическом институте больше такой кампании за добровольное «обрубание хвостов» у животных пенсионного возраста не было), то ли просто дело затормозилось. Ну, отложим пока эту тему⁶⁹.

Постскриптум

Следует заметить, что осенью 2007 г. все же состоялось увольнение по сокращению численности пятерых научных сотрудников СИ РАН. Неофициальный комментарий дирекции: мол, пришлось увольнять, ввиду сопротивления «некоторых сотрудников» переводу всех лиц пенсионного возраста на неполную занятость.

В 2008 г. сокращение численности в СИ РАН осуществлялось уже без попыток «экономии» ставок за счет частичного урезания их у работающих пенсионеров (см. выше: глава 1).

А в 2009 г. вернулись к попыткам 2007 г., правда, уже не поголовно, а избирательно. Некоторым из сотрудников, кому за 60 (за 55) предлагалось «добровольно» (а только добровольно и можно — по Трудовому кодексу), перейти на неполную занятость (0,8, 0,75, 0,5 ставки). Кто-то сразу согласился (из лояльности или опасаясь «полного увольнения» по сокращению штатов), кто-то колебался, кто-то уклонился под тем или иным предлогом. (А кому-то и не предлагали!).

Излишне говорить что настойчивость в предложениях такого рода со стороны администрации не зависела от продуктивности работы сотрудника, а только от его возраста. Один из коллег (кстати сказать, с наивысшей градацией индивидуального рейтинга стимулирующих надбавок⁷⁰) выразил готов-

⁶⁹ ... На мой взгляд, тут не «предвестие», а «генеральная репетиция» или даже вообще «начало» тех «событий 2008 года», что начнут «играться» на той же «сцене» ровнехонько через год — при все тех же «действующих лицах и исполнителях». (Примечание Р. Ленчевского.)

⁷⁰ См. выше: раздел 3.З.

ность (письменным заявлением) отказаться от этих надбавок, «компенсируя» тем самым свой отказ от добровольно-принудительного перехода на урезанную ставку. Насколько знаю, эта его инициатива (своего рода «отказа от премии») административной поддержки не получила.

Вопрос о переходе лиц пенсионного возраста в СИ РАН на неполную рабочую занятость сохраняет свою актуальность и остроту. (Октябрь 2009).

***

...А между тем во вторник, 5 июня 2007 г., состоялось очередное отчетно-выборное собрание Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС)⁷¹. Это происходило в конференц-зале Европейского университета в СПб.

Как обычно, собралось человек 40 (а с учетом виртуального присутствия письменно доверивших кому-либо из участников проголосовать за них — 48) из 52 уплативших членские взносы (за 2006 или за 2007 г.?) и из 181 списочных членов (из которых большинство взносов давно не платили). Согласно последней версии Устава СПАС, принятой в 2001 г., «кворум» наличествовал.

Президент СПАС М. Илле доложил о проделанной за 2 года работе: приняли 6 новых членов; проведены 2 конкурса — студенческий и среди ученых Северо-Запада (тот самый, в котором я оказался награжден за свой 4-томник, в формулировке «за особые заслуги в социологии...»; мда!)⁷². Еще было 11 заседаний семинара «Актуальные вопросы современной социологии» (так, кажется). Свой сайт у ассоциации имеется и обновляется. Взносы собираются. «Это позитив»...

А вот — «негатив»: в марте с. г. состоялся суд, решением которого деятельность организации... «была прекращена», ввиду того, что чуть ли не с 1999 г. не подавали необходимых сведений в Регистрационную палату СПб. В налоговую инспекцию отчеты представляли и думали, что этого достаточно. Ан нет.

Вроде, года три назад поступило в СПАС предупреждение от Регистрационной палаты, Но тогдашний президент ассоциации Д. Иванов, подавший в отставку, или же сменивший его А. Тихонов этот документ куда-то задевали. И про суд нынешние руководители СПАС узнали чуть не накануне...

В общем, пока активисты СПАС дискутировали (с 1999 по 2003 г.; см. раздел «Драматическая история СПАС» в томе 3 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии»), нужна ли петербургскому социологическому сообществу ассоциация, чиновники ее ликвидировали, по чисто формальным основаниям. И это обидно, поскольку сейчас-то уже споры прекратились. Кому ассоциация «нужна» — пришли на это собрание, а кому «не нужна», те даже и взносы не платят.

⁷¹ Этот сюжет, строго говоря, выходит за рамки темы «Предвестий будущего обвала...». Потому и *интермедия*... Настоящий эпизод из жизни СПАС включен в этот раздел постольку, поскольку по времени совпадает с описываемыми событиями в СИ РАН 2007 г. и нашел отражение в тогдашнем «протоколе наблюдающего участника». (Примечание А. Алексеева).

⁷² См. выше: раздел 3.Y.

«Незнание законов (в данном случае – формальных правил бытования общественной организации. – А. А.) не освобождает от их исполнения», – справедливо заметил отчитывавшийся за 2005–2007 гг. нынешний лидер СПАС Михаил Илле. Хотя, вообще-то, многоопытный президент СПАС прошлых лет (а затем вице-президент) Виктор Воронков, директор ЦНСИ, мог бы и не «лопухнуться» столь банальным образом.

Знакомый юрист отсоветовал апеллировать в вышестоящую судебную инстанцию. Все равно откажут. Проще... создать новую организацию под тем же названием. Что и сделали четверо членов правления и ревизор СПАС, имея в виду сохранить и преемственность. Теперь, если зарегистрируют, учредители могут собрать заявления о вступлении в эту новую организацию прежних членов ассоциации (тех, кто захочет). Вряд ли юридически, но преемственность сохранится.

Да, не очень-то Регистрационная палата жаждет регистрировать новые некоммерческие организации. Вот, по первому заходу документы вернули... Мол, должно в названии (почему-то...) фигурировать слово «научная». И филиалы эта ассоциация не может создавать. С дополнением в названии учредители спорить не стали, а право создавать филиалы – с помощью юриста удалось отстоять (согласовать...). Теперь ждем.

Но пока все эти правовые заморочки, хоть 48 чел., а собрались. И от своего ростка гражданского общества (пускай «научного») отказываться вовсе не собираются. Немножко побазарили... И планы строим – не дурные. И правление избрали, из 11 чел. Я, хоть вроде и «сторонний наблюдатель», удостоился чести войти в счетную комиссию.

Избрали открытым голосованием президента (Олег Божков) и двух вице-президентов (В. Воронков и Мария Мацкевич). Потом – тайным – их же, и еще 8 членов Правления (по алфавиту: Б. Гладарев, Е. Здравомыслова, Наталия Кравец, А. Лисовский, А. Родионова, О. Цепилова, С. Ярошенко). Ревизоры – Н. Корнев и Н. Дадали. Алла Родионова – ученый секретарь, как и прежде.

Как там будет дальше с юридическими заковыками (пока что – юр. лица нет) – неясно. Авось удастся избежать новых придирок чиновников и собственных новых небрежностей. Но будем уповать на лучшее⁷³.

...Был там и еще один частный эпизод, уже после избрания Правления. О чем ниже.

***

Уже на первом же заседании правления СПАС 5.06.2007 состоялось восстановление автора этих строк в этой организации по его устному заявлению. (Как и при каких обстоятельствах из СПАС в свое время вышел, будет ясно из нижеследующего). Надо было, однако, это событие как-то задокументировать.

⁷³ Официальный отчет об этом собрании см.: Родионова А. К итогам отчетно-выборного собрания СПАС // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007, № 5. (Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1226749955240967file.pdf). См. об этом также: Божков О. Задача – возрождение профессионального сообщества // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009, № 4.

...В среду, 6 июня Зина поздно засиделась за сканером. Я же утром встал раньше обычного и сочинил за компьютером некий личностно-официальный документ.

Закончил. Вижу, Зина проснулась. Дай, думаю, покажу (Зина у меня лучший цензор, и я очень доверяю ее нравственному чувству и стилистическому чутью).

Президенту правления Санкт-Петербургской
ассоциации социологов
О. Б. Божкову;
всем членам правления СПАС,
избранного на отчетно-выборном собрании 5.06.2007
от Алексеева А. Н.,
члена ССА с 1969 по 1992 г. и СПАС с 1992 по 2001 г.⁷⁴

Заявление

Настоящим письменным заявлением благодарю Санкт-Петербургскую ассоциацию социологов в вашем лице за удовлетворение моей устной просьбы 5 июня с. г. о восстановлении меня в качестве члена СПАС, без перерыва стажа пребывания в рядах этой организации

Мой индивидуальный добровольный выход из СПАС в июле 2001 г. был вызван морально-правовыми соображениями, касавшимися нарушений тогдашним руководством организации Устава СПАС и т. п. Эти соображения отражены, в частности, в моей работе «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (т. 3, с. 283 и далее)⁷⁵.

Нынешнее обращение о восстановлении членства в СПАС вызвано обстоятельствами, в которых эта общественная научная организация оказалась сегодня, утратив юридическое лицо по формальным причинам и испытывая трудности в своей правовой реабилитации.

В частности, последние (трудности...) могут рассматриваться как своего рода «аванс», выданный властными органами питерскому сообществу социологов, как потенциально неудобной для себя некоммерческой организации.

В целях обеспечения правомерности своего восстановления в СПАС именно с сохранением стажа, обещаю уплатить членские взносы за 2001-2007 гг. (без индексации!) в срок до 15 июня с. г.

А. Алексеев. 7.06.2007

Читаю вслух. «Вопросы есть?». Зина, оказывается, не вполне проснулась. «Прочитай еще раз». Читаю.

Зина: «За что ты их так?..» — «?!» — «А... поняла. Ты считаешь, что организация оказалась в плохой ситуации, и хочешь помочь, чтобы ситуация стала лучше». (Удивительная способность формулировать просто!). «А еще... ты это, наверное, — для «драматической социологии»?..» (Тоже верно: творю моделирующие ситуации, чтобы потом их описывать, а иногда и слово оказывается делом).

После этого Зина решила досмотреть сон, похоже, куда более увлекательный, чем этот... Величиной членских взносов в СПАС, которые я намерен возместить за 6 лет, почему-то не поинтересовалась.

Андр. Ал. 8.06.2007

⁷⁴ ССА – Советская социологическая ассоциация; СПАС – Санкт-Петербургская ассоциация социологов.

⁷⁵ Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_271-291.pdf.

4.14. Еще два года спустя: позиция социологического сообщества

То было в 2007 г.

...Два года спустя, 25 июня 2009 г. (четверг) состоялось очередное отчетно-выборное собрание научной общественной организации Санкт-Петербургская ассоциация социологов. Оно происходило в помещении научно-образовательного центра Социологического института РАН.

Выше рассказывалось, как теперь определяется состав и численность организации. Кто перерегистрировался, уплатил взносы (годовой взнос — 300 руб.) — тот и член СПАС⁷⁶. Всем остальным никак не возбраняется «восстановиться» в организации, уплатив взносы за пропущенный период. Правда, особой активности в такой перерегистрации пока не наблюдается.

Когда-то (еще в начале 2000-х гг.) в СПАС состояло около 180 чел. Правда, на собраниях больше 50, как правило, не собиралось, что и побудило пересмотреть правила исчисления кворума (не от полного списочного состава, а только от числа уплативших взносы). Кроме того, была предусмотрена Уставом возможность для отсутствующих делегировать свой голос кому-либо из присутствующих коллег.

Перерегистрировавшихся на день накануне собрания, т. е. уплативших взносы хотя бы за 2007 г. (плюс впервые вступившие в СПАС в 2009 г.), оказалось 49 чел. Перед началом собрания и после него подтвердили свое членство (уплатили взносы) еще человек 6–8. А присутствовали, согласно подсчету, 26 человек (!). Но проблемы кворума не возникло, поскольку еще 13 голосов были делегированы коллегам отсутствующими. Так или иначе, в подсчетах фигурировали 39–40 голосов.

Отчетный доклад от правления сделал О. Божков. От ревизионной комиссии отчитывалась Н. Дадали. В докладе правления фигурировали как достижения, так и упущения. Последних было отмечено больше, но и достижения были. Например, трижды проведенные в 2007–2009 гг. чтения памяти В. Голофаства, по двум из них были изданы сборники научных материалов. Зато сошли на нет методологические семинары, которые организовывало предыдущее правление СПАС (до 2007 г.). За отчетный период так и не удалось организовать очередной конкурс научных публикаций социологов Северо-Запада, а также конкурс студенческих работ.

Иногда трудно различить, где налицо работа организации, а где — инициатива отдельных персон, которые могут быть также и членами организации. Так, Открытое письмо группы петербургских социологов (40 чел.) коллегам-социологам России от июля 2009 г., в связи с учреждением ССР (Союза социологов России), хоть и не «организовывалось», скажем, правлением СПАС, но именно на сайте СПАС было впервые опубликовано и вызвало заметный общественный резонанс (а многочисленные отклики также публиковались на этом сайте)⁷⁷.

Правление СПАС в 2007–2008 гг. выступило с соответствующими заявлениями в поддержку студентов Социологического факультета МГУ, вставших

⁷⁶ См. выше: раздел 4.13.

⁷⁷ См. ниже: раздел 8.1.

против мракобесия и коррупции, угнездившихся на факультете, и в защиту Европейского университета в СПб, едва не закрытого по обстоятельствам «пожарной безопасности».

Однако что-то произошло на рубеже 2008-2009 гг., когда руководство СПАС оказалось фактически на периферии общественной (социологической) жизни.

Автор этих строк счел необходимым задать докладчику (О. Божкову) три вопроса, которые заранее подготовил и довел до сведения председателя правления СПАС, чтобы они не застали коллегу врасплох. Вот эти три вопроса:

– Полгода назад (в декабре 2008 г.) член СПАС Г. Саганенко письменно обратилась к руководству СПАС с просьбой организовать независимую профессиональную экспертизу ее не утвержденного Ученым советом СИ РАН научного отчета за 2006-2008 гг. и отвергнутой этим же Ученым советом заявки на исследовательский проект на 2009-2011 гг.⁷⁸. Рассматривался ли этот вопрос на правлении СПАС?

– В марте 2009 г. трое петербургских социологов, из которых двое являются членами СПАС, адресовали Открытое письмо Президенту РФ Д. Медведеву с критикой положения дел в Социологическом институте РАН. Это письмо в марте же обсуждалось на собрании научного коллектива РАН, где большинством голосов присутствовавших было признано попыткой дезинформировать общественность⁷⁹. Сформировало ли правление СПАС свою позицию по данному вопросу?

– Как известно, в апреле 2009 г. происходила комплексная проверка деятельности Социологического института РАН из Отделения общественных наук РАН⁸⁰. К настоящему времени итоговый документ этой проверки пока не доведен до сведения научных сотрудников СИ РАН. Знакомо ли руководство СПАС с этим документом?⁸¹

Как можно было ожидать, на все три вопроса последовали отрицательные ответы.

Некоторая неловкость, возникшая после этого, довольно быстро была преодолена. Задающий вопросы комментировать ни их, ни ответы на них не стал (поскольку и так всем все ясно; в протоколе они, понятно, будут отражены). Дальше собрание вернулось в «накатанную» (для таких мероприятий) колею: как сделать СПАС инструментом «профессионального общения», «консолидировать сообщество» и т. п. Слова... Слова...⁸²

⁷⁸ См. выше: раздел 3.W.

⁷⁹ См. выше: разделы 3.X.c-d..

⁸⁰ См. выше: раздел 3.X.f.

⁸¹ Соответствующее постановление бюро Отделения общественных наук РАН было доведено до сведения коллектива СИ РАН только в июле 2009 г. См. выше: раздел 3.Y.d.1.

⁸² Из переписки коллег после собрания СПАС 25.06.2009:

«... Для меня самым тяжким оказалось общее благодушие, атмосфера готовности собравшихся к шутке и нежелание обращаться к проблемам. Поэтому в общем молчание ушли три вопроса А. Н., адресованные им председателю правления СПАС О. Божкову и на которые тот дал ответы, свидетельствовавшие об отсутствии реакций правления и на обращения к нему, и на острые ситуации, требовавшие инициативной реакции. Вопросы могли вызвать разговор о роли и задачах СПАС, но не вызвали. Все как бы тактично-терпеливо выслушали А. Н.... и все. Ноль реакции.

Большинством голосов, кажется, 33 чел. (включая делегированные голоса) при шести воздержавшихся работа правления была признана удовлетворительной.

Возникли разногласия при определении численности будущего правления. Большинство высказалось за 7 чел. (прежде было – 11).

Однако выдвинутых кандидатур оказалось больше, чем требовалось. После нескольких самоотводов (среди них был и автор этих строк) осталось 9. Для упрощения выборов решили расширить первоначально установленный численный состав до 9 чел. В такой ситуации тайное голосование, в общем, теряло смысл. В итоге – голосовали списком:

Божков Олег (СИ РАН); Воронков Виктор (ЦНСИ); Гладарев Борис (ЦНСИ); Кольцова Олеся (ГУ ВШЭ), Мацкевич Мария (СИ РАН); Родионова Алла (СИ РАН); Смирнова Евгения (Общ. организация); Соколов Михаил (ГУ ВШЭ, ЕУ); Цепилова Ольга (СИ РАН).

Данный состав был избран практически единогласно (39 голосов). Председателем правления избрана Мария Мацкевич (это отдельная процедура всеобщего голосования).

Ревизорами были избраны: И. Васильев и Е. Порецкина.

(Среди кандидатов в ревизоры назывался также Г. Каныгин. Но Алексеев заявил, что намерен дать ему отвод. Причин отвода объяснять не понадобилось, поскольку в этой ситуации Г. К. поспешил сам взять самоотвод).

Колебание численности 39-40 участвовавших в голосовании незначительно и может быть объяснено ошибкой подсчета. Поскольку «сэкономили» на тайном голосовании, собрание продолжалось немногим более 2-х часов.

Несколько дней спустя на сайте СПАС, а также на сайте СИ РАН появилась довольно невнятная информация о прошедшем собрании⁸³. (А. А. 26.06.2009).

Причины этого были у присутствовавших, несомненно, весьма разными. Кто-то (<...> из продиректорской группы среди членов СПАС) промолчал, действуя в русле тактики замалчивания проблем и позиций «несогласных». Кто-то <...> промолчал из опасения «засветиться» в категории оппозиционеров <...>. Но много было и тех, кто просто не любит конфликты-проблемы и стремится жить без них и вне их. И таких было на собрании, думаю, большинство – социологов-конформистов, всего лишь зарабатывающих деньги с помощью социологии (преподавания, писания необходимых для статуса текстов, и т. п.). Тех, кто никогда не полезет ни в какую драку, ни по какому поводу. Рядом с ними можно кричать, ответом же будет вроде «не бери в голову» или шутка.

А кто-то просто прятал глаза, помня о своей 0,5 или 0,25 ставки и об осеннем новом сокращении. <...> Конкретные детали того собрания – лишь следствие этой главной позиции.

...Замотали присвоение Президиумом РОС А. Алексееву звания Почетного члена Российского общества социологов, сведя это к мимолетному проборматыванию в отчете...».

⁸³ См.: <http://www.sociologists.spb.ru/NOVOSTI.htm> (СПАС); <http://www.si.ras.ru/> (СИ РАН). Новостные ленты.

См. также: Божков О. Задача – возрождение профессионального сообщества // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009, № 4, с. 43-46. Из этой статьи «К сожалению, СПАС в лице его правления не всегда реагировал на некоторые конфликтные ситуации в социологическом сообществе (исключения составили реакция на события в Московском университете, на ситуацию с закрытием ЕУ весной 2008 г. на учредительный съезд ССР)».

Постскриптум

А. Алексеев – НН

<...> Примите мои Весенние приветы!

У меня к Вам просьба, пожалуй, деликатного свойства. Как оказалось, Ваш корреспондент (и автор) удостоен звания Почетного члена Российского общества социологов. Произошло это больше года назад, судя по личному письму Президента РОС В. А. Мансурова от 26.04.2009 г., которым я был на сей счет извещен.

Недавно «награда нашла героя», и мне был передан нарядный Диплом в рамке под стеклом («За многолетнюю плодотворную работу в Советский социологической ассоциации и Российском обществе социологов и весомый вклад в развитие и пропаганду (?) отечественной социологии») и соответствующий Знак, который можно носить как орден.

К сожалению, в тексте Диплома я не обнаружил ни указания на заседание Президиума или Исполкома правления РОС, на котором было принято соответствующее решение, ни даты, так что не очень понятно даже в каком тысячелетии я был награжден. Что для моих потомков, если они сберегут эту реликвию, будет, наверное, небезынтересно.

Вот и хочу я попросить Вас, поскольку Вы с РОС проживаете в одном здании, прояснить для меня у осведомленных лиц дату и номер указанного заседания.

(О предусмотренной процедуре принятия таких решений я узнал из Устава РОС, размещенного на его сайте: <...>)⁸⁴.

Могу предположить, далее, что за 20 лет существования РОС присвоения таких званий происходили не однажды. Мне бы очень хотелось знать имена также и других Почетных членов РОС, чего мне в Интернете найти не удалось.

...Очень надеюсь, что я не слишком обременю Вас своей просьбой-поручением.

А чтобы мое праздничное письмо не выглядело слишком деловым, прилагаю сетевую ссылку на совершенно замечательное интервью Шуры Буртина у грузинского зоолога Ясона Бадридзе «Между человеком и волком»: <...>⁸⁵. Думаю, Вы испытаете также и социологическое наслаждение. Вот кому быть Почетным членом РОС! До таких высот «наблюдающего участия» Вашему корреспонденту подниматься еще не приходилось.

Дружески Ваш <...>. 1.05.2010.

Из ответа коллеги я узнал, что решение о награждении автора этих строк дипломом Почетного члена РОС было принято на расширенном заседании Президиума Российского общества социологов 17 марта 2009 г. Практика присвоения таких званий является довольно обыденной. В основном, она связана с достижением персоной определенного возраста или по случаю какого-либо общественно-го события (например, всероссийский социологический конгресс). А ставить дату на дипломах в Российском обществе социологов... не принято. (А. А. Май 2010).

А. Алексеев – НН

<...> Спасибо за оперативность удовлетворения моего любопытства. Практика награждения дипломами или грамотами без хронографии вообще-то вызывает недоумение. Что касается массовой практики таких наград в РОС, то это меня вполне устраивает. Символический капитал – не чрезмерный. <...> 5.05.2010.

⁸⁴ См. http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=24.

⁸⁵ См. <http://burtin.livejournal.com/24621.html>; <http://burtin.livejournal.com/24932.html>.

Глава 5

Наблюдающее участие (методологический контекст)

...Вот вылистал сегодня из «Военного летчика» Экзюпери: «Но для того, чтобы видеть, надо прежде всего участвовать»; «Чтобы быть, я должен участвовать»; «Ты весь в своем действии. Твое действие — это ты»...

(Из письма Друга. Июль 2009)

5.1. Два года тому назад: заседание Ученого совета СИ РАН 25.01.2007

В январе 2007 г. случай свел нас с В. А. Бачининым в качестве докладчиков на одном заседании Ученого совета СИ РАН. Мой доклад назывался «К выходу в свет четырехтомника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Его — «Типы христианского правосознания: историко-социологическая ретроспектива». Как содержание этих докладов, так и — особенно — ход их обсуждения примечательны в контексте всего изложенного в части 1 настоящей книги. (А. А. Октябрь 2008).

5.1.1. О «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (доклад А. Алексеева)¹

Из расшифровки аудиозаписи заседания Ученого совета 25.01.2007

<...> И. Елисеева: У нас сегодня заседание в каком-то смысле необычное. В таком скромном составе ... мы хотим отметить то событие, которое заслуживает более широкого освещения. Может, благодаря Маше² мы сделаем семинар или конференцию по четырехтомнику, подготовленному Андреем Николаевичем.

¹ Настоящий раздел представлен в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/dramaticheskoy-sociologii/>.

² Имеется в виду М. Г. Мацкевич, являвшаяся в ту пору руководителем регулярного междисциплинарного семинара Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» и Социологического института РАН.

А. Алексеев: Я благодарен руководству Института за предоставленную возможность заработать то ли 5, то ли 2 балла результативности научного сотрудника по шкале К. Муздыбаева³.

Выступление с докладом на Ученом совете является событием в жизни всякого научного сотрудника. В практике нашего Ученого совета — заслушивать годовичные отчеты на традиционных сессиях, но, похоже, что с сегодняшнего заседания начинается новая эра — вынесено два научных доклада — мой и коллеги В. А. Бачинина. Это ставит нас обоих в затруднительное положение в смысле временной ограниченности, как в плане самих докладов, так и их обсуждения, но я обещаю уложить свое выступление в согласованные мною с руководством Ученого совета 30 минут.

При данном регламенте от многих значимых для автора, а может быть и для слушателей, сюжетов, иллюстраций пришлось отказаться. Это отчасти восполняется комплектом материалов, которые растиражированы в количестве не меньшем, чем количество членов Ученого совета. Эти материалы корреспондируют с текстом доклада, но не дублируют его⁴.

***

Доклад: К выходу в свет 4-томника

«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»

Уважаемые коллеги!

Как я понял Ирину Ильиничну, предложившую мне сделать этот доклад на Ученом совете, моей задачей сегодня является привлечь внимание и способствовать отклику коллег на свою многолетнюю работу, нашедшую наиболее полное отражение в монографии «Драматическая социология и социоло-

³ Шутка. О системе ПРНД см. выше: разделы 2.Ф.15, 2.Н.4 и др. К. Муздыбаев был в 2006 г. одним из главных разработчиков местного (СИРАНовского) Положения о ПРНД и т. п. (Примечание А. Алексеева).

⁴ Состав комплекта материалов к докладу на заседании Ученого совета СИ РАН 25.02.2007:

(1) Сокращенное оглавление (структура) книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005. (Электронная версия — <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>). (В дальнейшем — Алексеев А. Н. Драматическая социология...).

(2) Тексты с обложек книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология ...

(3) Примеры простейших моделирующих ситуаций из книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология... (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_276-441.pdf);

(4) Объяснение понятия «социологическая ауторефлексия» из книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология... (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf);

(5) «Ожидаете ли Вы перемен?»: теоретико-методологический подход конца 70-х — как он видится сегодня. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_400-517.pdf);

(6) Постановка вопроса о соотношении «наследственности» и «изменчивости» в общественном развитии (из предисловия к книге: Алексеев А. Н. Драматическая социология...). (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf);

(7) Что сказать мне удалось — не удалось (из авторских заметок по поводу книги «Год Оруэлла»). (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_288-447.pdf);

(8) «Вместо заключения» к книге: Алексеев А. Н. Драматическая социология... (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_517-534.pdf).

Тексты (3) и (4) см. ниже, в приложении к настоящей главе.

логическая ауторефлексия». Это объемное произведение, аж в 4-х томах, из которых первые два вышли в свет в 2003 г., а последние два — в самом конце 2005 г., фактически — в 2006-м⁵. Издание предпринято при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (были реализованы один за другим два так наз. издательских проекта, когда спонсируется не предполагаемое исследование, а издание уже готовой рукописи).

Книга издана петербургским издательством «Норма», как я считаю, качественно. Тираж, как обычно, в таких случаях невелик — 400 экз. Из них примерно половина распределяется Фондом по университетским и иным научным библиотекам, а другая половина тиража подлежит бесплатному распространению непосредственно нашим институтам.

Что касается внимания и отклика коллег, то автор этим, пожалуй, и так не обделен. Здесь стоит заметить, что нынешней — **итоговой** — публикации предшествовали: (а) издание Институтом социологии РАН авторской монографии «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)» (1997)⁶ и (б) пилотное издание тома 2 уже нынешней монографии, вышедшее под названием «Год Оруэлла (из опыта драматической социологии)» (2001)⁷. Некоторые извлечения из этих изданий в свое время публиковались в журналах «Мир России»⁸, «Звезда»⁹, совсем недавно — в «Телескопе»¹⁰, кроме того, в виде брошюры — в трудах нашего института¹¹. Все четыре тома «Драматической социологии...» (в дальнейшем буду говорить именно так, сокращенно) вывешены на сайтах Киевского международного института социологии¹², а также Центра демократической культуры Университета Невады (США)¹³. В Национальном университете «Киево-Могилянская академия» по этой монографии в 2004 г. читался спецкурс у социологов¹⁴.

⁵ А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

⁶ Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ Института социологии РАН, 1997.

⁷ Алексеев А. Н. Год Оруэлла (из опыта драматической социологии). СПб.: Ступени, 2001.

⁸ Алексеев А. Н. Человек и его работа: вид изнутри (из записок социолога-рабочего. 1982-1986 гг.) // Мир России, 1998, № 1/ 2.

⁹ Алексеев А. Н. Театр жизни в заводском интерьере (записки социолога-рабочего) // Звезда, 1998, № 10.

¹⁰ См. Алексеев А. Н. Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология»?) // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006, № 5. (Электронная версия: http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2006&id=405). См. также: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_knowledge.html). Извлечения из этой работы см. ниже: раздел 5.4.

¹¹ Алексеев А. Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: СПбФ ИС РАН, 1997.

¹² См. <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>. Главная страница сайта — <http://www.kiis.com.ua/>.

¹³ Речь идет о сайте «Международная биографическая инициатива». См. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.

¹⁴ Автор спецкурса — Р. И. Ленчовский. См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 3, с. 86-97. Том 4, с. 201-203. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_1-207.pdf; http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_121-293.pdf).

Весь указанный цикл авторских публикаций получил определенную прессу. Первые два тома «Драматической социологии...» были отрецензированы в журналах «Новое литературное обозрение», «Нева», в «Социологическом журнале», более ранние публикации об «эксперименте социолога-рабочего» – в «Социологических исследованиях» (рецензия Ядова), в журнале «Знание – сила». Тексты практически всех этих «официальных» рецензий, равно как и многих «неформальных» отзывов и откликов были введены автором в состав 3-го либо 4-го томов монографии, иногда с авторскими комментариями и даже полемикой, которую здесь воспроизводить не стану.

Пора уж перейти к предъявлению основного содержания и смысла нашей работы. Но сначала еще несколько слов о ее жанре. Он довольно специфичен.

В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа представляет собой *сюжетно выстроенное* произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом здесь является история так наз. эксперимента социолога-рабочего, «наблюдающее участие» социолога в социальных процессах, подлежащих исследованию, будь то освоение нового оборудования на производстве, повседневное трудовое, потребительское и культурное поведение или самооборона от идеологических и политических обвинений (в середине 80-х гг.).

Вся книга являет собой хронологически и тематически упорядоченное собрание, многосложную композицию личных, деловых и научных документов разных лет. Так наз. протоколы жизни, а именно: дневниковые записи, личные письма, обращения в официальные органы, документы различных социальных институтов и т. д. выполняют здесь функцию *социологических свидетельств*, притом что собственно научный результат может быть как эксплицирован, так и имплицитно отражен, «зашифрован» в авторской организации материала и монтаже «сырых» наблюдений. Это, так сказать, исторический, документальный пласт описания и анализа. Второй же пласт – современные комментарии к этим «исходным», первичным материалам, обозначаемые обычно как *ремарки* (а в случае объемного комментария – «От автора – сегодня»).

Такой композиционный прием – соединение документальных свидетельств минувшего времени и современных интерпретаций (те и другие строго датированы), своего рода контрапункты индивидуального и социального сознания и поведения почти не имеют precedентов в нашей научной и философской литературе. (Можно сослаться разве что на очень ценимое мною творчество известного российского культуролога и философа Георгия Гачева; например, его книга «Семейная комедия. Лета в Щитово (исповести)»¹⁵).

Мне хотелось бы также предварить дальнейшее изложение одним резко самокритичным заявлением. Стремясь наиболее полно отобразить не только предмет, но и *контекст* исследования – как исторический, так и личностный, как фактологический, так и концептуальный, в том числе научный

¹⁵ Гачев Г. Семейная комедия. Лета в Щитово (исповести). М.: Школа-пресс, 1994.

контекст, — автор делает это порой в ущерб лаконизму и целостности книги. В частности, так наз. приложения к главам порой перегружены материалом, который сам по себе, может, и небезынтересен, однако не является, так сказать, насущно необходимым. Особенно этим страдают 3-й и 4-й тома.

(В качестве примеров можно привести уместные в данной книге лишь ассоциативно стихи друзей и коллег автора, или, скажем, документально-критические очерки истории нашего института, от 1989 г. до наших дней, и Санкт-Петербургской ассоциации социологов — СПАС — от ее возникновения до сего дня. Зачем включил их в 3-й том? Казалось, что другого случая не будет и никто другой, кроме тебя, этого не сделает)¹⁶.

Вообще, объем всей тетралогии явно выходит за пределы комфортного для читателя. Отчасти автор пытается это оправдать многоадресностью работы, рассчитанной не только на профессиональную аудиторию. Другое оправдание — активнейшее привлечение других авторов, прямых или косвенных со-участников описываемых событий или же авторской рефлексии. Только «копирайтов» в этой, в известном смысле *коллективной*, монографии свыше 30, а 4-й том — так просто является тематизированной антологией.

Теперь о самом исследовании. Его начало уходит, так сказать, вглубь прошлого века, к рубежу 1970—80-х гг. Может быть, этим началом теперь следует считать в свое время инкриминировавшийся автору опыт андерграундного (как в свое время говорили, «не санкционированного партийными органами и администрацией научного института»), экспертно-прогностического исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» (о котором специально скажу позже). Но, пожалуй, непосредственным зачином был шаг, по сути не исследовательский, а лишь дипломатично интерпретированный как исследовательский. Это своего рода «побег» (помните, у Пушкина — «давно замыслил я побег...») из официальной науки, экзистенциально мотивированный поиск свободы от жестких идеологических и институциональных рамок, казавшихся тогда мне и некоторым моим друзьям и коллегам (в частности — Ю. Шеголеву; ныне покойному С. Розету; А. Кетегату...) невыносимыми.

Интересно, что остроумно предложенная Ядовым (1979) трактовка перехода «из социологов в рабочие» в качестве «натурного эксперимента», т. е. как *исследовательского действия*, была не только «инструментально» использована мною, но и органично воспринята, так что социально-познавательный мотив вскоре если не вытеснил первоначальный (экзистенциальный), то, пожалуй, вышел на первый план.

Уже через два года появилась первая научная публикация на темы «экспериментальной» (как я тогда говорил) социологии (Томск, 1982). В большой, подводящей итоги *первых трех лет* «эксперимента социолога-рабочего» статье (написанной в 1983 г., а первопубликация состоялась лишь 6 лет спустя) так определялись задачи изыскания:

«1) Задачи, относящиеся к исследованию системы ныне действующих социальных норм производственной организации; <...>

¹⁶ Высказанные самокритичные соображения отчасти могут быть отнесены и к настоящей книге. (Примечание А. Алексеева).

2) задачи, относящиеся к исследованию соотношения социально-адаптивных и социально-преобразовательных потенциалов личности, возможностей реализации активной жизненной позиции в определенном социально-нормативном контексте; <...>

3) задачи, относящиеся к исследованию возможностей и перспектив направленной коррекции и ныне действующей системы социальных норм, и путей развития личности»¹⁷.

Вполне, можно сказать, в духе научности того времени... Вообще, автор старательно вписывал свой жизненный поворот в контекст популярных в ту пору исследований образа жизни и социальной активности личности (чем занимался и научный коллектив, возглавлявшийся Ядовым, к которому автор принадлежал с середины 70-х гг.). Это с одной стороны. А с другой — в русло исследований природы и механизмов *инновационных процессов*, что стало особенно популярным как раз сегодня, а тогда реализовалось Н. Лапиным, А. Пригожиным и другими сотрудниками Института системных исследований (Москва).

В качестве объектов эмпирического изучения автор выделял следующие (цитирую) «доступные нашему наблюдению и составляющие непосредственную сферу ролевого поведения социолога-рабочего инновационные процессы»:

«1) Процесс внедрения новой (для данного предприятия) технологии штамповки листовых деталей на координатно-револьверном прессе (ПКР) <...>; 2) процесс внедрения бригадных форм организации и стимулирования труда (БФОТ) <...>; 3) иницируемый самим исследователем процесс экспериментального социального нормотворчества в конкретной социально-производственной ситуации (ЭСН)»¹⁸.

В качестве же предмета исследования выдвигалось — опять цитирую — «взаимодействие личности и социальной среды в процессе инновации».

Здесь хочется обратить внимание коллег на формулировку «экспериментальное социальное нормотворчество». Речь шла, как писалось в той же статье, о:

«...научно-практическом испытании и выяснении своего рода пределов: а) возможностей отдельной личности *адаптироваться* к новой среде, не разрушая своей внутриличностной целостности; б) возможностей отдельной личности *воздействовать* на социальную среду, не разрушая своих связей с нею.

(В известном смысле, это есть исследование свободы личности в определенном социально-нормативном контексте, имеющее своей сверхзадачей — расширение зоны этой свободы)»¹⁹.

(Должен признаться, что последнее, вроде бы рискованное по тем временам заявление — насчет «сверхзадачи» — было (*поначалу*. — А. А.) загнано в подстрочное примечание).

¹⁷ Цит. по: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 3, с. 102-103. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/tx/tdoc/13062006/book/t3_1-207.pdf). См. также: Алексеев А. Н. Человек в системе производственных отношений (опыт экспериментальной социологии) / Новое политическое мышление и процесс демократизации. М.: Наука, 1989; Алексеев А. Н. Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии») / Проблемы социального познания и управления. Томск: Изд-во ТГУ, 1982.

¹⁸ Там же, с. 105-106.

¹⁹ Там же, с. 103.

Пересказывать, как же конкретно реализовались поставленные тогда задачи, я сейчас не имею возможности. Отсылаю к цитированной статье 80-х гг., вошедшей ныне в 3-й том «Драматической социологии...», а еще лучше — к представленным в томе 1 своего рода *полевым дневникам* социолога-испытателя тех лет, группировавшимся автором в циклы под шутивными названиями: «Письма Любимым женщинам», «Выход из мертвой зоны» и т. п.²⁰

Если само по себе погружение исследователя в изучаемую социальную среду (в данном случае — производственный коллектив) имело — не столь редкие в западной социологии и единичные в советской — прецеденты, то сами формы и средства данной «штудии» были довольно не ординарными. В упоминавшейся статье 1983 г. состоялась одна из первых авторских попыток сформулировать принцип, позднее обозначенный как **познание через действие** (или — познание действием). Тогда это прозвучало так:

«Сама практическая деятельность выступает здесь главным способом или инструментом познания»²¹.

В современной формулировке (из предисловия к «Драматической социологии...»):

«...Наблюдающее участие (*в отличие от «включенного наблюдения»*. — А. А.) предполагает исследование социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования»²².

Особое место здесь занимает исследовательская практика, названная автором методом *моделирующих ситуаций*. Под таковыми понимаются «ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса»²³.

В одном из «писем-отчетов друзьям» еще 1980 г. (см. в томе 1) автор простежки объяснял это так:

«В чем специфика моего исследования (да, пожалуй, и способа жизни) сегодня? Уже приходилось высказываться против *включенного наблюдения* в пользу *наблюдающего участия* (метода, близкого к социальному экспериментированию). Так вот, меня интересуют прежде всего не высказывания, не мнения и даже не факты, индивидуализированные или массовые, а — ситуации, имеющие достоинство модели...

«В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи (или «веянье»? — не помню!) пустынь» (Н. Гумилев)²⁴.

Но чтобы в капле лучше отразилось море, полезно ее сгустить. Можно сгустить

²⁰ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, главы 2, 3, 5. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf; http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_210-275.pdf; http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_276-441.pdf).

²¹ Указ. соч. Том 3, с. 107. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_1-207.pdf).

²² Указ. соч. Том 1, с. 13. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf).

²³ Там же.

²⁴ Правильно: «веянье». Это строки из поэмы Н. Гумилева «Открытие Америки».

силой художественного воображения, как в искусстве... Силой так называемого домысла к факту, как в публицистике... А можно сгустить – в самой жизненной практике, собственными действиями, способствующими превращению заурядной ситуации в моделирующую.

Оригинальный жанр творчества, которому можно найти аналог разве что в Театре. Но там пока еще остается какой-то барьер между сценой и зрительным залом. Да и зритель – хоть и «со-творец», но не со-автор и не со-актер... В театре – сначала пишут (драматург), потом ставят (режиссер), потом играют (актеры) и сопереживают (зрители).

А тут все перемешано! И даже отчасти наоборот: сначала играют (иногда – не успев как следует срежиссировать), а потом пишут, осмыслиют. Сначала действие, потом текст (ну, хотя бы этот)²⁵.

Опять же, нет возможности сейчас приводить развернутые примеры таких «моделирующих ситуаций». Из периода эксперимента социолога-рабочего первой половины 80-х гг. удобнее всего отослать к двум неоднократно перепечатывавшимся эссе «Как Серега был штрейкбрехером» и «Бешеная халтура, красивая деталь» (см. том 1), а из позднейших примеров наиболее показательны, пожалуй, «Прессинг по всему полю» и «Производственные страсти, или как мы боролись с двухсменкой» (см. том 3; последнее вошло также в совсем недавнюю публикацию «Телескопа»: 2006, № 5).

Кроме того, рекомендую ознакомиться с приложением 3 в материалах к настоящему докладу, где представлены образцы простейших моделирующих ситуаций²⁶.

Коль скоро я упомянул о последней публикации в «Телескопе», которая называется, кстати сказать, «Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология?»)», я позволю себе прервать обсуждение методологических сюжетов, которые там достаточно подробно рассмотрены²⁷.

Ну, а теперь – в порядке предъявления некоторых содержательных результатов как самого «эксперимента социолога-рабочего», так и ряда иных отраженных в обсуждаемой книге изысканий периода еще 1970-х гг., будь то социология культуры, социология личности или «Человек, его работа и жизнь на БАМе», – приведу здесь перечень *только названий* этих результатов. Все они были представлены в научном докладе «Образ жизни и жизненный процесс» (1981) на заседании ядовского сектора в Институте социально-экономических проблем (см. том 1 «Драматической социологии...»).

Ввиду достаточно высокой степени обобщения и принципиальной невыводимости утверждений такого рода непосредственно из данных отдельно взятых эмпирических исследований, а также из «перестраховочных» соображений, эти результаты обозначались тогда как «выводы=гипотезы», хоть и не без категоричности утверждалось, что «все они относятся к современному (*т. е. тогдашнему*). — А. А.) состоянию советского общества». Итак:

«...1. Вывод об относительном преобладании интеграционных тенденций в образе жизни (как в «способе жизни» общества, так и в системах жизнедеятельности

²⁵ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия... Том 1, с. 178-179. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf).

²⁶ См. ниже: приложение I к главе 4.

²⁷ См. ниже: раздел 5.4.

индивидов) над дифференцирующими тенденциями. *(Сегодня, кстати, наблюдается обратная тенденция... – А. А.).*

...2. Вывод о широком распространении практики побочных и даже обратных эффектов социальной политики и ее противоречивой взаимосвязи со «стихийными» проявлениями и тенденциями развития образа жизни. *(В основном этот вывод базируется на исследованиях, проведенных на БАМЕ в середине 1970-х гг. – А. А.).*

...3. Вывод о доминирующей роли «отложенных» эффектов пройденного исторического или жизненного пути в ряде ключевых моментов образа жизни поколений и структуры жизнедеятельности индивидов. *(Одно из обоснований для выдвигания динамического подхода к исследованию образа жизни в качестве приоритетного. – А. А.).*

...4. Вывод-гипотеза о складывающейся диспропорции между семейно-бытовой, индивидуально-потребительской, и социально-творческой, общественно-гражданственной компонентами в структуре жизнедеятельности личности. *(Имеется в виду приоритет первых над вторыми в сознании и поведении людей. – А. А.).*

...5. Вывод-гипотеза о социально-экономической и общественно-политической базе *(указанного. – А. А.)* перераспределения «приоритетов» в структуре жизнедеятельности личности.

...6. Вывод о мере взаимного рассогласования подсистем декларируемых социальных норм-требований и социальных норм-стереотипов поведения, а также об отражении этого рассогласования в ценностно-мотивационной структуре личности. *(Один из главных выводов исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего». – А. А.).*

...7. Вывод о прогрессирующем развитии феномена «ситуационно-ролевой» *(если не вдаваться в понятийные детали – синоним «двойной»). – А. А.)* морали в сферах трудовой, общественной, бытовой и т. д. активности.

...8. Вывод о складывающейся диспропорции между материальной и духовной компонентами в структуре жизнедеятельности личности и о наблюдаемом феномене «материализации» духовных потребностей.

...9. Вывод о социально-психологических резервах становления индивидуальных и коллективных субъектов конструктивного общественного действия и исторического творчества». *(Так сказать, оптимистический вывод. – А. А.)*²⁸.

Если кого-нибудь заинтересует или покажется не вполне прозрачным какой-либо из этих выводов, я готов дать соответствующие пояснения, отвечая на вопросы.

Признаться, отбирая материалы для включения в книгу, равно как и ныне, при подготовке к настоящему докладу, я усматриваю, несмотря на прошедшие четверть века, *актуальность* ряда давних социологических наблюдений и заключений, иногда в смысле полной преемственности процессов и явлений, иногда в смысле как раз смены тенденции на обратную.

(Так, например, ряд наблюдений Б. Максимова²⁹ о буднях рабочей жизни на современном акционированном промышленном предприятии оказались, несмотря на известную смену социально-экономических основ, инверсию

²⁸ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия... Том 1, с. 448-455. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_442-547.pdf).

²⁹ Борис Иванович Максимов – социолог, кандидат философских наук. Ныне – ведущий научный сотрудник Социологического института РАН. Автор книги «Рабочие в реформируемой России. 1990-е – начало 2000-х годов» (СПб.: Наука, 2004) и многих других работ по социологии труда и промышленной социологии. В 1980-х гг. мы оба работали на заводе «Ленполиграфмаш», я – в качестве рабочего, Б. М. – в качестве инженера отдела НОТиУ (Примечание А. Алексеева).

отношений собственности и т. д. (!), настолько разительно совпадающими с наблюдениями социолога-рабочего 20 лет назад, что я счел необходимым включить в состав приложений к соответствующей главе своей книги почти полный текст одной из его работ).

«Эксперимент социолога-рабочего» продолжался 8,5 лет. Скажем так, подзатынулся по независимым (а впрочем — почему независимым? может, как раз наоборот, самым экспериментатором созданным...) причинам.

Что было пусковым механизмом обыска в 1983 г., официального предостережения органов госбезопасности, далее — исключения из партии (1984), изгнания из Союза журналистов, из Советской социологической ассоциации, отлучения от Всероссийского театрального общества? Думаю, все же не социально-производственная или научно-профессиональная активность автора, а его вызывающее поведение по отношению к обкому партии в связи с беспардонными и, в сущности, мошенническими действиями его функционеров по смене руководства Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации³⁰. К чему добавилась безуспешная охота доблестных чекистов за материалами экспертного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» (мною уже упоминавшегося).

Перипетии этого, как сказали бы теперь, *наезда* со стороны «компетентных органов» и т. д. и предпринятой в этой связи социологом-экспериментатором *необходимой обороны* — это один из частных предметов авторского исследования. Здесь не удержусь, чтобы не воспроизвести эпиграф к одной из глав тома 2. Из любимого мною Вл. Войновича (его знаменитой «Иванькиады»):

«...Я пытался сохранить спокойствие, но мне это не всегда удавалось. Меня спасло то, что на каком-то этапе борьбы я решил, что ко всему надо относиться с юмором, поскольку всякое познание есть благо. Я успокоился, ненависть во мне сменилась любопытством, которое мой противник удовлетворял активно, обнажаясь как на стриптизе. *Я уже не боролся, а собирал материал для данного сочинения (выделено мною. — А. А.),* а мой противник и его дружки деятельно мне помогали, развивая этот грандиозный сюжет и делая один за другим ходы, которые, может быть, не всегда придумаете за столом. Сюжет этот не просто увлекателен, он, мне кажется, объясняет некоторые происходящие в нашей стране явления, которые не то что со стороны, а изнутри не всегда понятны..»³¹

Полностью подписываюсь под этим пассажем...

(Недавно ушедший от нас Ю. А. Левада, навсегда остающийся для меня высочайшим образцом гражданственности, профессионализма и мудрости, когда-то высказался на мой счет в случайном разговоре приблизительно так: «Не то ценно, что попал в передрагу, а что сумел это использовать для нужд науки». Горжусь этой оценкой).

Еще могу считать своей заслугой, что «случай Алексеева», получивший, уже на пороге перестройки, достаточно широкий резонанс (шутка ли: выи-

³⁰ Ленинградский ОК КПСС в 1983 г. настоял на замене «неудобного» В. А. Ядова «удобным» Б. Д. Парыгиным на посту председателя бюро ЛО ССА, при том что выборы были не легитимными (при отсутствии кворума), против чего энергично возражал тогдашний «социолог-рабочий».

³¹ Цит. по: Войнович В. Малое собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. М.: Фабула, Рапид, Сиа-банк, 1995, с. 435.

грал суд по иску о защите чести и достоинства против секретариата Советской социологической ассоциации!)³², так или иначе способствовал гражданской консолидации — как рабочего коллектива, так и социологического сообщества. В чем нетрудно убедиться обратившись хотя бы к перепечатанному (из тома 2 книги) в недавнем «Телескопе» авторскому открытому письму 1987 г., содержащему опись (хронику) актов индивидуальной и коллективной гражданской защиты, предпринятых (цитирую) «в разное время, разными людьми, в разных формах, в период с 1984 г. по настоящее время»³³.

Вообще же, политическое «дело» социолога-рабочего дало повод для существенного расширения и своего рода переструктурирования поля активистского case-study. Притом, что главным предметом исследовательского интереса как было, так и осталось *взаимодействие личности и социальной среды, человека и социальных институтов*.

Если о драматической социологии, в смысле соединения практической деятельности, рефлексии и «игры» с социальным объектом, сказано уже достаточно, то хотя бы несколько слов о *социологической ауторефлексии*. Эта последняя (цитирую из предисловия, том 1)

«...в принципе может быть осуществлена путем селекции и предъявления аутентичных авторских текстов разных лет, причем «всех мыслимых» (а точнее — доступных автору) жанров: дневник, хроника, личное письмо, официальное обращение, журналистская статья, научный труд. При этом отбираться для такой «антологии» должны вовсе не лучшие (с авторской точки зрения), а показательные (в плане задуманного анализа) фрагменты.

В этом виртуальном опыте (документированная идейно-духовная биография) ставится задача, как бы обратная той, какую автор пытался решить в опыте практическом (эксперимент социолога-рабочего). Вместо вопроса: «*что человек может сделать с обстоятельствами?*», — на передний план выдвигается противоположный: «*что обстоятельства могут сделать с человеком?*»³⁴.

И еще:

«...Если формулой драматической социологии является *познание действием* <...>, то социологическая ауторефлексия есть, в определенном смысле, *самопознание деятеля*..»³⁵

Более подробно о соотношении драматической социологии и социологической ауторефлексии см. приложение 4 в материалах к настоящему докладу³⁶.

За недостатком времени оставляю сейчас без освещения довольно большой и значимый тематический пласт книги, относящийся к проблематике *социологии личности*. Чем-то надо жертвовать...

³² См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 3, глава 13. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_208-270.pdf).

³³ См. Указ. соч. Том 2, с. 379-385. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_288-447.pdf).

³⁴ См. Указ. соч. Том 1, с. 33. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf).

³⁵ См. Указ. соч. Том 1, с. 36.

³⁶ См. ниже: приложение II к главе 4.

То же относится к сюжетам «на пересечении биографии и истории» (пользуясь выражением Ч. Р. Миллса). Я имею в виду представленную в томе 3 историю своеобразной «мифологизации» случая социолога-испытателя на рубеже 1980–90-х гг., а также субъективную летопись демократического движения Ленинграда этого периода³⁷.

Мне остается еще немного рассказать об андерграундном экспертно-прогностическом исследовании «*Ожидаете ли Вы перемен?*» (имелось в виду наше общество). Оно было задумано в 1978 г. компанией питерских и московских интеллигентов, в которую входили ныне покойные историк М. Гефтер и писатель А. Соснин, а также ныне здравствующие экономист В. Шейнис, экономист-социолог Н. Шустрова и я. Я был чем-то вроде ученого секретаря этого незримого колледжа³⁸.

Были разработаны программа изыскания и оригинальная экспертная методика³⁹, опробованная в 1979–1981 гг. в среде, которую сегодня принято называть либеральной интеллигенцией. До обобщения материалов тогда руки не дошли: на смену «ожиданию» перемен пришло их «делание». А 45 из 46 анонимных экспертных листов (записей интервью или собственных текстов участников опроса) удалось потаенно сберечь до момента, когда они перестали быть крамолой. Все они – с большей или меньшей полнотой – представлены в обсуждаемой книге, в частности, в ее первой и последней главах⁴⁰.

Обозревая сейчас эти материалы, может показаться удивительным, что при естественном преобладании пессимистических и скептических оценок перспектив развития советского общества, *почти треть участников опроса рубежа 1970–80-х гг., независимо друг от друга, приурачили (сочли весьма вероятным...) начало системных общественных сдвигов именно к рубежу 80–90-х гг.!* При этом немалая часть наших экспертов-прогнозистов обнаружила (как мы можем судить сегодня...) вполне реалистичное представление о логике и ме-

³⁷ См. Указ. соч. Том 3, главы 16, 17.

³⁸ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия... Том 1, гл. 1, приложение к главе 1, приложение к части 1 (Электронная версия: – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf; http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_pril6.pdf); Том 4, глава 25, приложение к главе 25. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_400-517.pdf). См. также: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70–80-х годов). Кн. 1-2 / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. М.: Институт социологии АН СССР, Ленинградский филиал, 1991.

³⁹ Текст методики (гайд экспертного интервью «Ожидаете ли Вы перемен?») см. ниже: раздел 10.3..

⁴⁰ Из 45 анонимных экспертных интервью на сегодня удалось раскрыть псевдонимы (установить авторство) 25 экспертных листов. (См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 4, с. 475. Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_400-517.pdf).

Пользуясь случаем исправить ошибку, допущенную мною при идентификации авторства экспертного листа № 44. По моим первоначальным предположениям, экспертом в этом случае был мой покойный друг Гурий Иванович Забелкин (см. Указ. соч., том 1, с. 550–552. Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_pril6.pdf). Как выяснилось недавно, действительным автором данного экспертного листа был мой коллега по группе «Социология и театр» при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества, театровед, ныне – профессор, зав. кафедрой русского театра СПб государственной академии театрального искусства **Юрий Михайлович Барбой**.

ханизме вероятных общественных изменений. В частности, рядом экспертов по существу была точно предсказана та самая «революция сверху», которая фактически состоялась во второй половине 1980-х гг.

В целях экономии времени опускаю свою современную оценку экспертно-прогностической методики – вопросника «Ожидаете ли Вы перемен?». Соответствующий фрагмент книги представлен в приложении 5 среди материалов к настоящему докладу. Желаящие могут ознакомиться⁴¹.

И последнее замечание. Есть в книге (в томе 2) небольшой раздел, представляющий авторские заметки по поводу книги «Год Оруэлла», которая, как уже отмечалось, была ничем иным как пилотным изданием 2-го тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Этот раздел воспроизведен в приложении 7 среди материалов к настоящему докладу.

Зачитаю из его текста лишь заключительный фрагмент, уместный для завершения доклада:

«...Пожалуй, автор настоящей книги претендует не только на научно-социологическую, но и на философско-мироотношенческую интерпретацию принятого им в 80-х гг. социального эксперимента, а затем – состоявшегося политического «дела» социолога-рабочего. Сделав инициативный, поначалу скромный вызов системе, человек получает ответные вызовы от судьбы (или общества?), на которые уже обязан отвечать, коль скоро «эту кашу заварил». Что бы с ним дальше ни случилось, он продолжает оставаться «наблюдающим участником» собственной жизни и социальных процессов, в которые вовлечен.

<...> С учетом сказанного выше, анализируемый в книге опыт социолога-испытателя сегодня может быть осмыслен как одно из ранних и частичных предвосхищений уже современных «моделирующих ситуаций», а также образцов «наблюдающего участия». Можно сказать, что актуальность «драматической социологии» сегодня не убывает, а **возрастает**»⁴².

Благодарю за внимание!⁴³

***

Из расшифровки аудиозаписи заседания Ученого совета 25.01.2007

И. Елисеева: Мы знаем, что это был период деклассированных кочегаров и ночных сторожей. Но это было совсем другое, отход и выпадение из жизни... Тут, наоборот, было включение в жизнь и ее активное освоение. Друзья мои, позвольте в порядке заключения зачитать тот отзыв, тот отклик, который пришел от *Б. З. Докторова* по поводу сегодняшнего нашего собрания. То есть он сейчас с нами. И называется этот текст «Рефлексия по поводу ауторефлексии Андрея Николаевича Алексеева». (Далее – зачитывает. – Ред.)

«...Исследование А. Н. Алексеева – уникально и стало возможным благодаря счастливому объединению в одном носителе ряда самих по себе не частых и драго-

⁴¹ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 4, с. 491-493. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_400-517.pdf)

⁴² См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 2, с. 449. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_zakl.pdf).

⁴³ Текст доклада, равно как и полный комплект материалов, распространявшихся на заседании Ученого совета СИ РАН 25.01.2008, приложен к протоколу заседания (Архив СИ РАН).

ценных компонент: дара высокой гражданственности, огромного опыта социального анализа и таланта литератора. Именно потому он смог услышать время, распознать его и найти себя в нем.

Но есть и обратное: он более чем другие, понял себя в себе и задал себе свое место в происходящих событиях.

Значения социологического метода, изобретенного А. Н. Алексеевым и испытанного им на себе, проистекает из глубины синтеза «драматического» и «ауторефлексивного». Не каждый сможет – и уж точно, не захочет – погружать себя в социально- и личностно-драматические ситуации, чтобы анализировать их и себя в них. Способность А. Н. Алексеева «держат давление» и «выдерживать давление» помогли ему открыть новые грани в классическом для социологии методе наблюдения и фактически сформулировать новую методологию – отбор и анализ модельных драматических ситуаций.

Одна из необычайностей сегодняшнего обсуждения заключается в том, что все обсуждают разную книгу, ибо все читают ее по-разному. Дело не в количестве страниц, дело в природе рефлексии по поводу написанного А. Н. Алексеевым. Я сам читаю эту книгу каждый раз по-разному. И это зависит от происходящих вокруг меня событий и от моего внутреннего состояния. Причина одна – авторская рефлексия (ауторефлексия) по поводу событий, большинство из которых нам известны, каждый раз порождает в нас разную собственную рефлексия, заставляет нас по-новому увидеть описанное А. Н. Алексеевым и вновь самим проинтерпретировать наблюдавшуюся им явь. Скрупулезность, дотошность его анализа порождает эффект голограммы, каждый раз мы начинаем видеть в «модельных» ситуациях нечто новое, обнаруживаемое лишь в ином (само)освещении.

А. Н. Алексеев, извиняясь, объясняет факт включения в его произведение ряда сюжетов словами: «Казалось, что другого случая не будет и никто другой, кроме тебя, этого не делает». Мне кажется, что эти слова могут быть одним из девизов всего творчества А. Н. Алексеева. Да, Андрей, кроме тебя, этого никто не делает.

Все сделанное А. Н. Алексеевым – значительный вклад не только в понимание ключевых социальных механизмов СССР в период 70-х – 80-х годов, не только развитие методологии социологического познания, но это и богатейший архив материалов о жизни нашего профессионального сообщества. Это – наша собственная история: драматическая и оторефлексированная» (*Конец цитаты*)⁴⁴.

...И подпись со всеми титулами: доктор философских наук, профессор Борис Докторов.

Я думаю, что лучше не скажешь, поэтому на этом мы можем закончить сегодняшнее обсуждение с поправкой на то, что было сегодня высказано. Здесь настолько много пластов, что, может, как сказал Будимир Гвидонович (*Тукумцев. — Ред.*), выделить пласт – рабочий класс и попытаться его отдельно осветить, пласт взаимоотношения с властями... Это тоже отдельный сюжет. Мне кажется, что в том семинаре, который стал у нас таким авторитетным и постоянно действующим⁴⁵, можно было бы сделать еще какой-то выход на базе этой книги, подумать о серии семинаров... в развитие и освоение этого наследия, потому что оно действительно этого заслуживает.

И давайте примем предложение Игоря Ивановича (*Травина. — Ред.*), которое очень конструктивное, достойное, весомое. Давайте попробуем, потому что премию эту они регулярно объявляют. Академия наук имеет премию имени М. М. Ковалевского, и мы можем попытаться это сделать⁴⁶.

⁴⁴ Текст письма Б. З. Докторов приложен к протоколу заседания Ученого совета (Архив СИ РАН).

⁴⁵ Уже упомянутый междисциплинарный семинар Леонтьевского центра и Социологического института РАН.

⁴⁶ Из официального протокола заседания Ученого совета СИ РАН № 1 от 25.01.2007 (Архив Института):

5.1.2. Российские типы христианского правосознания (тезисы доклада В. Бачинина)

*Российские типы христианского правосознания:
историко-социологическая ретроспектива*⁴⁷

1. Правосознание выступает в трех основных формах — *гетерономной*, *автономной* и *теономной*. Типы гетерономного и автономного правосознания носят, как правило, секулярный характер. *Теономное правосознание* руководствуется императивами сакрального характера, сосредоточенными в священных текстах. Теономное правосознание христианского типа опирается на библейскую нормативную систему и в первую очередь на ветхозаветный декалог и императивы Нового Завета.

Теономное правосознание подразделяется внутри себя на ряд типов, специфические особенности которых зависят от воздействий многих конкретно-исторических, социальных, политических и прочих факторов. Наиболее очевидная из существующих типологий сложилась исторически в виде триадического разделения всех христиан на православных, католиков и протестантов.

2. Социологический подход позволяет исследовать христианское правосознание с применением следующего методологического инструментария — метода социологической ретроспекции, каузально-детерминационного метода, метода типологических генерализаций, компаративистского метода.

3. Исторически сложилось так, что католический и протестантский типы правосознания всегда пребывали на периферии российского конфессионального пространства. Встречая мощное сопротивление со стороны государства и государственной церкви, они не могли оказывать сколько-нибудь существенного влияния на общественную жизнь.

4. Иначе дело обстояло с православным типом правосознания. Он сложился в условиях Византийской цивилизации. Россия унаследовала от Византии вместе с православием и основные принципы выстраивания церковно-государственных отношений. Взятые все вместе, они получили обозначение при помощи термина *византизм*. В России византизм сыграл роль *системообразующей парадигмы* и развернулся в обширный культурно-исторический комплекс религиозных, социальных, политических, правовых, моральных и др. идей и соответствующих социальных практик. Именно они обусловили основные отличия российской цивилизации от цивилизаций западного типа.

5. Основные признаки теономного правосознания византистского типа:

«...И. И. Травин: Хорошо, что это происходит на Ученом совете. У нас есть право рекомендовать это четырехтомное издание на премию Ковалевского.

...И. И. Елисеева. Не эскапизм, а, наоборот, включение в жизнь. Далее зачитала письмо Докторова в адрес Ученого совета по поводу работы Алексеева. Надо подумать об освоении этого наследия, может быть, серии семинаров. Поддержала идею о премии Ковалевского».

Дальнейшего развития эта идея не получила. (Примечание А. Алексеева).

⁴⁷ Этот текст приложен к протоколу заседания Ученого совета СИ РАН № 1 от 25.01.2008. (Архив Института).

- Убежденность в том, что идентичность российского сознания обретается исключительно на пути признания своих генетических связей с Византией;
- *Изоляционизм*, недоверие к социально-правовым формам, имеющим западно-европейское происхождение;
- *Консерватизм*, прочная привязанность к традициям жестко авторитарного, неправового регулирования социальной жизнью и отсутствие малейших навыков существования в условиях правовой государственности, гражданского общества, плюрализма мнений и соблюдения прав человека;
- Неустойчивое равновесие между теоцентрическими и «государствоцентрическими» структурами правосознания и почти повсеместная готовность жертвовать первыми в угоду вторым;
- Доминирующая в сознании правящей элиты цезаропапистская модель построения всей системы политико-правовой регламентации социальной жизни;
- Отсутствие выраженной потребности в свободе; готовность пребывать в подчинении у светских властей, будь то силы цезаропапизма или какие-либо иные субъекты неправового регулирования.

6. После гибели Византии российское византистское правосознание эволюционировало, приняв вид нескольких типовых социально-исторических форм.

- Тип византистско-иосифлянского правосознания.
- Тип византистско-московского правосознания.
- Тип византистско-славянофильского правосознания
- Тип византистско-имперского правосознания и др.

7. Среди типов православного сознания имеются, как и везде, свои девиантные формы. Одна из них — византистско-черносотенное сознание, с присущими ему националистическими, ксенофобскими и антисемитскими ориентациями.

Резюме

Каждый исторический тип христианского правосознания складывался под воздействием как общих, так и особенных детерминационных механизмов. Исторически возникли чем-то сходные, а в чем-то очень разные формообразования. На Западе определяющую роль в развитии как христианского, так и секулярного правосознания сыграл конфессиональный дуализм: католицизма и протестантизма. Западное правосознание, оказавшееся перед лицом двух равно влиятельных конфессиональных систем, вынуждено было разрабатывать правовые принципы их совместного сосуществования в религиозных полях европейских государств. Это активизировало разработку правовых принципов свободы вероисповедания и веротерпимости.

В России же государство и РПЦ до сих пор упорно держатся за традиционализм православного монизма и с большой неохотой допускают в российское конфессиональное пространство альтернативные вероучительные системы. Это негативно влияет на российское массовое сознание. Для него ценности веротерпимости, свободы вероисповедания, толерантности до сих пор остаются чем-то экзотическим, и оно продолжает оставаться в состоянии фактического бессилия перед стихиями религиозной и национально-религиозной ксенофобии.

Доклад В. А. Бачинина тоже был позитивно оценен на заседании Ученого совета СИ РАН.

Все это происходило 25 января 2007 г. — за полтора года до описанных в части 1 настоящей книги событий.

Комментарий

В своей критике «православного монизма» христианин-евангелист (протестант) и социолог религии В. А. Бачинин последователен и, вместе с тем, толерантен. Приведем цитату из его недавней статьи «Экуменизм в пространстве модерна и пост-модерна», опубликованной в журнале «Свободная мысль»:

«... На протяжении столетий российское церковное сознание культивировало атмосферу моноконфессиональности. Застарелый синдром издавна практикуемого изоляционизма, прочная привязанность к старинной антизападнической традиции, тяготеющий опыт раздельного существования церквей идут вразрез с требованиями времени, мировыми геокультурными тенденциями современной постмодерна, нацеленными на поиски единства и согласия в области религиозной политики. Между тем диалогическое взаимодействие религиозно-церковных оппонентов — это отнюдь не роскошь, а насущная необходимость выстраивания современных цивилизованных межконфессиональных отношений. Объективная необходимость в разностороннем общении, продуктивном взаимодействии, совместном решении общих геополитических, геосоциальных, геокультурных проблем указывает на то, что позиция духовной самодостаточности, столь милая русскому сердцу, становится все менее приемлемой перед лицом вызовов XXI века. В свете их жестких требований трудно переоценить значимость стратегий экуменического взаимодействия таких влиятельных институтов, как церкви, способных приходить к решениям согласительного характера с учетом интересов всех заинтересованных субъектов. На этом фоне важным обнадеживающим фактором последнего времени выступает объединение РПЦ и РПЦЗ. Оно свидетельствует о наличии у православного сознания резервов консенсусного мышления и вселяет надежду на будущее расширение радиуса его социально-политического действия, на выход его инициатив за пределы моноконфессионализма — на международный, межрелигиозный уровень». (Цит. по: Свободная мысль, 2008, № 4, с. 100).

(А. А. Декабрь 2008)

5.2. Восемь лет назад: доклад на Первом всероссийском социологическом конгрессе (сентябрь 2000)

Драматическая социология и социологическая ауторефлексия

Ниже — тезисы одноименного доклада на Первом всероссийском социологическом конгрессе «Общество и социология: новые реалии и новые идеи», проходившем в Санкт-Петербурге 27-30 сентября 2000 г. Работа выполнена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (исследовательский проект 98.06-80294)⁴⁸.

⁴⁸ Опубликовано в: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000, № 6. (Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2000&id=592).

1. Доминирующая и по сей день (несмотря на все большее распространение и престиж «не классических» подходов) стратегия социального исследования исходит из предпосылки разделения или противоположения субъекта и объекта в исследовательском процессе (при устоявшемся использовании специальных процедур «контакта», или взаимодействия между ними).

Мы полагаем возможным и перспективным сближение субъекта и объекта и даже своего рода их отождествление в социальном познании. Ниже обсудим некоторые конкретные способы реализации такой исследовательской стратегии.

2. Рассмотрим случай, когда само по себе поведение субъекта социально-го исследования становится своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследовательского процесса. «Погруженный» в определенную социальную среду исследователь (назовем его «социологом-испытателем») наблюдает и анализирует последствия собственных действий в этой среде. Методологической формулой такого исследования является: **ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ** (или — «познание действием»).

3. В рамках указанного исследовательского подхода (направления) нами разработан и опробован эмпирико-социологический метод, названный, в отличие от «классического» включенного наблюдения, **НАБЛЮДАЮЩИМ УЧАСТИЕМ**. Отличен этот метод и от социального эксперимента, в общепризнанном смысле: здесь новые факторы вводятся в изучаемое социальное поле не «извне» и «сверху», а «изнутри» и «снизу». Причем исследовательское вмешательство в естественный ход вещей является ситуационным (порой импровизационным) и не претендует на строгую процедуру.

4. Характерной чертой названного метода является построение так называемых **МОДЕЛИРУЮЩИХ СИТУАЦИЙ**: когда, путем организуемого исследователем (на базе естественных предпосылок) «сгущения» факторов, обыденная ситуация приобретает достоинство социальной модели.

5. Следует отметить, что предметом изучения здесь выступает, как правило, не только социальное окружение, но и собственное поведение социолога-испытателя. Особый интерес при этом представляет выяснение границ свободы индивидуального поведения в различных ситуациях: изучается не столько адаптация субъекта к среде («что обстоятельства могут сделать с человеком?»), сколько адаптация субъектом среды к себе («что человек может сделать с обстоятельствами?»).

6. В изложенном исследовательском подходе синтезируются практическая деятельность, рефлексия и игровой момент («игра» с социальным объектом). Вышеописанный способ исследования мы называем **ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИЕЙ**.

7. Метод наблюдающего участия апробирован, в частности, в опыте многолетнего исследования производственной жизни, «глазами рабочего», предпринятого автором в 80-х гг. на одном из ленинградских промышленных предприятий, а также — с расширением предметной области — на более масштабном «полигоне». Этот опыт обобщен в серии наших работ, главной сре-

ди которых является: Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М., 1997.

Ныне автором проводится в принципе аналогичное case study» в одном из научных институтов Санкт-Петербурга.

8. Другое разрабатываемое нами, в рамках той же общей стратегии, исследовательское направление: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ. Это направление является частным случаем СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ (термин, пока еще не вошедший в научный обиход, хотя для этого, как мы понимаем, уже есть основания).

Само по себе понятие социологии жизненного пути может быть отнесено к широкому кругу современных биографических и т. п. исследований, среди которых социологический подход, разумеется, не является единственным. Вообще, проблематика жизненного пути («траектории жизни») является междисциплинарной — на стыке социологии, психологии, социальной антропологии и ряда других гуманитарных дисциплин.

9. В рамках социологической практики, в исследованиях жизненных путей применяются различные методы сбора информации (глубинные интервью, биографические нарративы, анализ документов и т. п.). Но нас интересует нестандартный случай, когда социальный исследователь ставит самого себя (или человека, готового к такому способу самореализации) в положение «наблюдающего участника» собственной жизни.

В этом случае:

а) собственная жизнь (или определенный период жизни) трактуется субъектом исследования как некий «жизненный эксперимент»;

б) практические действия (жизненные шаги) субъекта и их результаты (последствия) фиксируются в «протоколах жизни» (вариант дневника, но с социологической сверхзадачей);

в) исследовательский отчет, как таковой, приобретает характер и смысл «жизненного самоотчета» или ауторефлексии (причем последняя имеет не только личностный, но и объективно-социологический смысл).

10. Особый методологический интерес представляет вопрос о соотношении драматической социологии и социологической ауторефлексии. В той и другой имеет место своеобразное сближение субъекта и объекта исследования, с перспективой их «слияния» в «субъект-объект», иначе говоря — их отождествления. Вместе с тем, есть и немаловажные различия.

11. В отличие от драматической социологии, при которой исследование разворачивается «здесь и сейчас», в случае социологической ауторефлексии изыскание может быть также и ретроспективным — за счет использования сохранившихся документов, «жизненных свидетельств», которые, в свое время, могли составляться и без социологического «умысла», однако в рамках исследования — подлежат социологическому «прочтению».

12. Драматическая социология необходимо предполагает самого исследователя в качестве действующего лица (актора). В случае же социологической ауторефлексии (ретроспекции жизни) такое совмещение двух ролей — исследовательской и «жизнедействующей» — не обязательно. Всякий человек

может захотеть в какой-то момент — «остановиться, оглянуться».

Разумеется, само по себе «воспоминание о жизни» и ее осмысление — еще не социология. Но если профессионал подключится к этой работе «ума и души» рефлекслирующего субъекта в качестве помощника (консультанта, методиста-методолога и т. п.), то может возникнуть исследование «случая имя рек» — в рамках указанного исследовательского подхода.

(Таких примеров находим уже немало в современной научной практике).

13. В социологической ауторефлексии, как и в драматической социологии, существенным является выяснение границ *свободы* индивидуального социального поведения. Однако здесь вероятна определенная переакцентировка: не «что человек может сделать с обстоятельствами» (драматическая социология), а «что обстоятельства могут сделать с человеком». Иначе говоря — приоритетное внимание к адаптивным («приспособление *себя* к...»), а не адаптационным («приспособление *к себе*...») возможностям и способностям человека.

14. Попробуем кратко резюмировать наше сопоставление названных подходов. Если формулой драматической социологии является ПОЗНАНИЕ ДЕЙСТВИЕМ, то социологическая ауторефлексия есть САМОПОЗНАНИЕ ДЕЯТЕЛЯ.

15. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия предстают двумя ипостасями ориентированного на сближение (а в перспективе — и на тождество!) субъекта и объекта изучения взаимоотношений личности и общества: как на ментальном уровне (индивидуальное и социальное сознание), так и на уровне действия (индивидуальное и групповое или даже массовое поведение). При этом та и другая оказываются отдельными струями теперь уже весьма широкого и мощного потока активистских и интуиционистских исследовательских подходов и конкретных изысканий, которые объемлются понятием *качественной* («интерпретативной», «гуманистической», «субъективной», «интерактивной», «рефлексивной», «субъект-субъектной» и т. д.) *парадигмы* социологического знания.

Публикации автора, посвященные эксперименту социолога-рабочего (1980–1988):

— Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии») / Проблемы социального познания и управления. Томск, Изд-во ТГУ, 1982.

— Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии) / Новое политическое мышление и процесс демократизации. М.: Наука, 1989.

— Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: СПбФ ИС РАН, 1997.

— Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.

— Театр жизни в заводском интерьере (записки социолога-рабочего) // Звезда, 1998, № 10.

— Человек и его работа: вид изнутри (из записок социолога-рабочего. 1982–1986 гг.) // Мир России, 1998, № 1/ 2.

— Социологическое воображение, драматическая социология и социология жизни / Социальное воображение. Материалы научной конференции 17 января 2000 г. СПб., 2000.

А. Алексеев, сентябрь 2000

5.3. Самонаблюдение и ауторефлексия в контексте драматической социологии

*Тезисы к Третьему всероссийскому социологическому конгрессу
(октябрь 2008)⁴⁹*

Под *драматической социологией* понимается определенный способ (жанр) исследования в рамках интерпретативной, гуманистической, «качественной» социологии. Его специфику составляет соединение практической деятельности, рефлексии и игры (с социальным объектом), которое в таком случае пытается осуществить социолог.

Основным методом драматической социологии является наблюдающее участие. В отличие от участвующего (или включенного) наблюдения, предполагающего максимальную «мимику» исследователя в изучаемой социальной среде, наблюдающее участие предполагает изучение социальных процессов и явлений через целенаправленную активность исследователя, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и фактором социологического изыскания. Само введение этого фактора оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру [1].

В контексте применения метода наблюдающего участия и активистской стратегии особое значение приобретают самонаблюдение и ауторефлексия социолога. Ибо в таком case-study предполагается равноправное с другими акторами участие исследователя в рассматриваемой ситуации, и последний даже может оказаться ее главным «действующим лицом». При этом сам субъект исследования может выступать также и его объектом.

Побудительным толчком для разработки нашей методики «Время жизни» послужил уникальный опыт фиксации затрат времени, с последующим жизненным самоотчетом, осуществлявшийся — практически на протяжении всей жизни — выдающимся отечественным ученым-энциклопедистом А. А. Любищевым (1890–1972). Этот опыт детально рассмотрен и осмыслен в книге Д. Гранина «Эта странная жизнь» (первое издание — [2]). В нашей методике, при аналогичной этической и ауторефлексивной мотивации, применялись не объективно выделяемые категории или разряды времяпользования (как в любинцевской системе), а самооценка, идентификация конкретного (в данный отрезок времени) занятия в качестве деятельности самоценной, осмысленной, свободной или же деятельности «инструментальной», не свободной, вынужденной. В рамках же зоны свободной деятельности различались: творчество; восприятие (познание); общение. Понятно, что всякое данное времяпользование характеризовалось субъективно; однако суммирование подневных данных самонаблюдения по этим категориям, позволяло дать также и количественную оценку того, «куда уходит время» и «как протекает жизнь».

⁴⁹ См. тезисы докладов 3-го Всероссийского социологического конгресса на сайте Института социологии РАН: <http://www.isras.ru/>. Страница — http://www.isras.ru/index.php?page_id=763. Точечный адрес настоящего текста — http://www.isras.ru/abstract_bank/I208288292.pdf.

Подробное описание основных принципов, процедуры и результатов использования указанной методики, на протяжении трех лет (1979-1981), содержится в: [3, 494-523]. В качестве примера, приведем здесь данные среднесуточных затрат времени в течение двух лет, которые существенно различаются кругом занятий и характером деятельности наблюдающего (за самим собой) субъекта.

1979: время сна — 7,9; время свободной (самоценной) деятельности — 10,6, в том числе: творчество— 2,5, познание — 4,3, общение — 3,8; время вынужденной (не свободной) деятельности — 3,9; не учтенные временные траты (включая удовлетворение физиологических нужд) — 1,6. Итого: 24,0.

1980: время сна — 7,6; время свободной деятельности — 12,3, в том числе: творчество — 4,5, познание — 4,3, общение — 3,5; время вынужденной деятельности — 2,7; не учтенные временные траты — 1,6. Итого: 24,0.

(В 1979 г. автор работал старшим научным сотрудником в Институте социально-экономических проблем АН СССР; в 1980 г. — наладчиком технологического оборудования на заводе «Ленполиграфмаш». — Ред.).

Наше хронографическое и ауторефлексивное изыскание показало, в частности, что не просто расширение «зоны свободы» (за счет усилий по сокращению «зоны несвободы») потребно субъекту жизни. Относительный дефицит какого-либо одного из названных направлений или аспектов деятельности в процессе жизни (в тот или иной ее период) не только создает психологический дискомфорт для самосознающей личности, но и существенно обедняет, как бы выхолащивает остальные, эмпирически преобладающие аспекты. То есть необходим определенный (разумеется, не универсальный, а индивидуально изыскиваемый) «баланс», а также внутренняя связанность познания, общения и творчества, чтобы жизнь человека была гармоничной и осмысленной.

Применение вышеуказанной методики до и в процессе так называемого эксперимента социолога-рабочего (1980-1988), в частности, на его начальной стадии [3], позволило лучше понять экзистенциальный смысл и эффективность жизненной перемены, наряду и в связи с познавательной ценностью реализации основных исследовательских принципов драматической социологии: «познание через действие», «личностность знания» и «жизнь как исследование».

Литература

1. Алексеев А. Н. Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология»?) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2006, № 6. (См. ниже: раздел 5.4. — Ред.).
2. Гранин Д. А. Эта странная жизнь // Аврора, 1974, №№ 1, 2⁵⁰.
3. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003.

15.04.2008

⁵⁰ Электронную версию см., например, на сайте «Организация времени. Эффективность, успех, развитие»: <http://www.improvement.ru/bibliot/graneta/graneta01.shtml>.

5.4. Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология»?)⁵¹

Интервью, взятое Б. Докторовым у А. Алексеева

<...> – Как сложилась идея драматической социологии? Я имею в виду и суть книги, и ее жанр, и термин...

Будем различать жанры — *исследовательский* и *литературный*.

Начну с первого. Драматическая социология, в моем понимании, это определенный способ (жанр...) исследования, в рамках того, что принято называть *деятельностно-активистским* подходом в социологии (ныне обретающем все больше приверженцев). Другая родовая характеристика «драматической социологии» — это принадлежность к тому, что называют *микросоциологией*. И, наконец, речь идет об одной из вариаций «субъект-субъектной» (в отличие от «субъект-объектной»), гуманистической, *качественной* (в смысле — «качественные методы...») социологии. В «драматической социологии», как правило, имеет место *исследование случаев* (что вовсе не исключает амбиции социальных обобщений...). <...>

Указав на родовые признаки, обратимся к специфике.

Основным методом «драматической социологии», по-видимому, является **НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ**. В отличие от участвующего (или включенного) наблюдения, предполагающего максимальную «мимикрию» исследователя в изучаемой социальной среде (быть и поступать «как все», наблюдая и фиксируя естественное развитие ситуаций и процессов), наблюдающее участие предполагает изучение социальных процессов и явлений через целенаправленную активность субъекта (исследователя...), делающего собственное поведение своеобразным инструментом и фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не «извне», а «изнутри» ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру.

Особое место здесь занимает исследовательская практика так называемых **МОДЕЛИРУЮЩИХ СИТУАЦИЙ**. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса.

Лет 20 назад мне довелось — признаюсь, вовсе не в «научном трактате»! — провозгласить что-то вроде исследовательского кредо или девиза «драматической социологии»: «*познание через действие*». (Можно сказать и еще лаконичнее: «познание действием» — формулировка А. Ющенко). Причем именно за счет «социологического действия» (понимаемого предельно расшири-

⁵¹ Извлечения из одноименной работы, опубликованной в журнале «Телескоп» (2006, № 5). (Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866939113785file.pdf). Данная часть статьи построена в форме интервью.

См. эту же работу на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_knowledge.html.

тельно...), достраивалось до триады известное различие социологической теории и социологической эмпирии⁵².

Еще один термин, уместный в этом контексте: СОЦИОЛОГ-ИСПЫТАТЕЛЬ. В «драматической социологии» обычно имеет место своего рода профессионально-жизненный, социально-личностный эксперимент (иногда говорят: «эксперимент на себе», но это звучит слишком красиво).

Может быть, ты заметил, что первый из 4-х томов «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» так и называется: «В поисках жанра»... Речь идет главным образом об исследовательском жанре.

...Но тут, пожалуй, стоит оговорить, что только к «действию» этот способ исследования не сводится, существенны еще и *«рефлексивная феноменологическая надстройка над наблюдениями-описаниями-идентификациями плюс контекстуальный анализ»*, как «саморазвитие метода наблюдающего участия» (формулировки Р. Ленчовского). Уже сами по себе описания, «протоколы жизни», они же – рабочие документы исследования, своего рода «полевые дневники», являются неотъемлемым элементом исследования, как такового⁵³.

Мне еще хотелось бы обратить твое внимание на отличие драматической социологии (в изложенном смысле) от «социологии действия» и «социологической интервенции» (по Турену). Дело в том, что туреновская *социология действия* – это не просто (не только) исследовательская практика. Здесь присутствует также момент социальной педагогики, своего рода «внесения сознательности в стихийность движения» (что подтверждается, например, опытом применения метода социологической интервенции в «студенческой революции» во Франции в конце 60-х гг. прошлого века).

Между тем, социолог-испытатель как исследователь не претендует на организацию «коллективной борьбы». В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и / или деловой и / или смысловжизненной задачей (соответственно, комбинацией этих задач и мотивов)⁵⁴.

Другое необходимое размежевание – между «драматической социологией» (в изложенном смысле...) и *драматургической социологией* Ирвинга Гофмана⁵⁵. Должен, не без смущения, признаться, что о последней я до середины

⁵² Речь идет о выступлении на отчетно-выборном собрании Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 13; Том 3, с. 375-378. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf); http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_350-408.pdf).

⁵³ Один коллега пытался меня убедить, что без «протокола» (т. е. оперативной фиксации наблюдений) можно обойтись... Вот тут, мне кажется, и пролегает грань между наукой и не наукой, или, точнее, между эмпирическим исследованием и иными формами познания. (Примечание из оригинала статьи. – Ред.).

⁵⁴ Хотя в определенных обстоятельствах может возникнуть самоорганизация окружения социолога-испытателя вокруг предмета его исследования. (Наглядный пример – «дело» социолога-рабочего, рассматриваемое в томе 2 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (см. там, в частности, с. 379-385). (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_288-447.pdf). (Примечание из оригинала статьи. – Ред.).

⁵⁵ См. работы И. Гофмана, например, на сайте ФОМ-клуба: <http://club.fom.ru/182/178/79/library.html>.

90-х гг. и не слыхивал. Теперь же замечу, что если у Гофмана все социальные и межличностные интеракции интерпретируются «в театральном ключе» («Wir alle spielen Theater»...)⁵⁶, то в «драматической социологии» речь идет лишь об игровых моментах в поведении исследователя.

Термин **ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ** относится мною к тому «жанру» социологического изыскания, где происходит соединение (интеграция?...) *практической деятельности, рефлексии и игры* (с социальным объектом...), которое в таком случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик «социологической драмы»; не путать с «социодрамой»...). И еще одно, пусть не столь специфичное (поскольку, относимо, полагаю, и не только к обсуждаемому исследовательскому подходу) определение: «драматическая социология» — принципиально диалогична и *интерактивна* (это может быть диалог, взаимодействие исследователя и с непосредственным социальным окружением, и с социальными институтами...). То есть это — *коммуникативная социология*.

Теперь, насчет истории терминов. *Наблюдающее участие, моделирующие ситуации, социолог-испытатель* — вышли из писем-дневников социолога-рабочего начала 1980-х гг. Ставя тогда «социологическую драму» исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», я испытывал своего рода эйфорию овладения новой жизненной (и профессиональной...) ситуацией и, можно сказать, фонтанировал новыми понятиями и оригинальными терминами. Среди них, например: *вынужденная инициатива* («инициатива, направленная на предотвращение неблагоприятных последствий ее отсутствия»), *адаптационное нормотворчество, социально-опережающее поведение*... В первых публикациях на эту тему говорил об опыте экспериментальной социологии... Выражение «драматическая социология», кажется, было употреблено пару раз, но еще не как термин, а скорее метафорически.

Но вот в середине 90-х, при доработке рукописи книги об «эксперименте социолога-рабочего» (она вышла в издании Института социологии РАН в 1997 г.), я отказался от первоначально задуманного, слишком академичного названия — «Познание через действие», и озаглавил свое сочинение («без затей»...): «*Драматическая социология*». Вскоре сообразил, что это может быть и терминологическим обозначением исследовательского подхода. Тогда ввел в предисловие обоснование (оправдание...) термина.

Не скажу, что термин идеально подходящий (так, «драматическую» не долго смешать с «драматичной»... а это, очевидно, разные вещи, хоть может и совпасть...). Но лучшего сам, наверное, уже не предложу.

Кажется, жанр исследования я охарактеризовал. Теперь о «жанре литературном», или о жанре книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (в дальнейшем для краткости — «Драматическая социология...»), вышедшей в 2003-2005 гг.⁵⁷

Все четыре тома этой не совсем академичной книги по существу явля-

⁵⁶ Дословно перевести с немецкого затруднительно. Ближе всего к этому известно: «Весь мир — театр...». (Примечание из оригинала статьи. — Ред.).

⁵⁷ Электронную версию названной книги см. на сайте Киевского международного института социологии: <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>.

ются собраниями (композицией...) документов. Документы личные и публичные; житейские, деловые, научные... Хотя личное письмо, хоть дневник («протокол наблюдающего участия»), хоть справка или обращение в официальные органы, хоть газетная заметка или научная статья — любой письменный «след» биографии и истории, будучи поставлен в определенный контекст, может обрести смысл *социологического свидетельства*. Сама же по себе композиция (отбор свидетельств и расположение их в определенных сочетаниях и последовательности, своего рода *монтаж*...) выступает способом первичной концептуализации, а в определенной мере — также и анализа и осмысления.

К особенностям такого «документально-социологического» жанра относятся множественность и «столкновение» различных приемов описания и индивидуальных интерпретаций, будь субъектом описания или интерпретации сам автор — в разное время! — или же другие люди, которым предоставляется слово на страницах книги:

Иосиф Бродский не однажды отмечал главенствующее значение *композиции*, этого «драматургического принципа», во всяком творчестве. Не удержусь, чтобы не процитировать его письмо другу (Я. Гордину) из ссылки (1965):

«...Сознаюсь, что чувствую себя больше Островским, чем Байроном. (Иногда чувствую себя Шекспиром). Жизнь отвечает не на вопрос: что? — а: что после чего? И перед чем? Это главный принцип. Тогда и становится понятным «что». Иначе не ответишь. Это драматургия. Черт знает почему, но этого никто не понимает. Ни холодные люди, ни страстные.. » (Гордин Я. Переписка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2000, с. 137-138).

Мне кажется, что адекватным способом представления результатов исследования в жанре «драматической социологии» является именно композиция (иерархия композиций, или «композиция композиций...») материалов этого исследования. Причем жанр «Драматической социологии...» (книги!) предполагает попытку сюжетного выстраивания произведения, где результаты исследования предстают не готовыми, а развивающимися в процессе их получения. (В данном случае сквозным сюжетом оказался «эксперимент социолога-рабочего», продолжавшийся с 1980 по 1988 г., с включением множества побочных, «привходящих» жизненных и исторических сюжетов и обстоятельств).

Некими прообразами, или первыми подступами к этому жанру для меня оказались... тематические папки личного архива, где документы обычно располагаются в хронологическом порядке. Тематико-хронологическим является и принцип построения «Драматической социологии...».

Стоит отметить, что при всем разнообразии текстов, составляющих «строительный материал» книги, пожалуй, преобладающими и ведущими являются именно *письма*, адресованные, как правило, конкретному лицу, но сочетающие при этом элементы коммуникации другому лицу («письмо»), самому себе («дневник») и для других («статья») ⁵⁸.

И еще об одной важной, как я считаю, жанровой особенности. Это практика сопровождения документов прошлого (включая собственные тексты ав-

⁵⁸ См. об этом подробнее ниже: раздел 10.1.

тора...) или даже отдельных пассажей из этих документов авторским комментарием «из сегодня». Я называю эти комментарии *ремарками* (тоже, кстати сказать, из драматургического лексикона...). Однако именно документы прошлого, «жизненные свидетельства» и т. п. составляют основной корпус книги такого жанра (а ремарки, иногда и весьма развернутые, — по мере необходимости!). В этом, кстати, принципиальное отличие от *мемуаров*, где документы присутствуют в лучшем случае в качестве эпизодических цитат.

Всю эту многосложную структуру, переплетение *сюжетов, времен, жанров* автор полагает уместным прозрачно представить в подробном оглавлении, которое выступает в качестве также и своего рода путеводителя. Ибо рассчитывать на то, что кто-либо согласится читать, к примеру, свыше 2000 стр. «от корки до корки» не приходится. Но каждый читатель, взяв такую книгу в руки, может поискать в ней для себя полезное или интересное.

При изобилии *со-авторов* (они же — чаще всего — *со-акторы, со-участники* описываемых в книге событий, наряду с самим «социологом-испытателем») книга разрастается в объеме, вопреки авторскому желанию. И лично я испытываю некоторую неловкость перед читателем за излишне толстые тома. Но так уж получилось...

В известном смысле, есть у этой книги образец, которому автор, может, и следовал бы, кабы сам не «додумался», а точнее — нашел, нащупал (хоть и не столь совершенное, а свое...). Это «исповести» нашего старшего современника философа и культуролога Георгия Гачева⁵⁹.

Его «Семейная хроника» (1994), как, впрочем, и почти все его произведения, построена как «перепечатка» записей одного периода жизни, комментируемых по ходу дела им же самим, «сегодняшним». И получается: диалог с самим собой. Вот как Г. Гачев объясняет — «идею предпринимаемого труда, а с нею — и метода»:

«...Конечно, совершавшиеся на ходу записи тех лет (1969-1971. — А. А.) имеют ценность неисправимой достоверности, я их ретушировать не буду, править слог и благообразить: в них именно и характер («персонаж — это стиль!» — так бы хотел, афоризм даже предложить, но вспомнил, что почти повторяю Бюффона: «Стиль — это человек»⁶⁰ — что же! — и слава Богу, подтверждение... Хотя я имею в виду еще и то, что персонажами литературного произведения и текста могут быть его стилистические пласты), и дух места того времени, и аромат жизни. Разумеется, придется выбирать, не все давать (место не позволяет и то, что я еще живой); но то, что дается, идет как было написано, честно. Если же я буду вступать в диалог с самим собой или комментировать, то новые мои слова будут обозначены своими датами. Двухголосие выйдет. Втора.. » (Г. Гачев. Семейная хроника. Лета в Щитове (исповести). М.: Школа-пресс, 1994, с. 10).

⁵⁹ О Г. Гачеве (1929-2008), в связи с его трагической гибелью в марте 2008 г., см., например: Николаева О. Человек штурмный // Новая газета, Моск. Вып. 27.03.2008, № 21 (<http://novayagazeta.ru/data/2008/21/08.html>). См. также: Шевелев И. Случай Гачева // Русский журнал, 4.10.1997 (<http://old.russ.ru/journal/travmp/97-10-04/shevel.htm>). Текст лекции Г. Гачева в «Билингве» (май 2007) на сквозную тему его творчества «Национальные образы мира» см. на Полит.py: <http://www.polit.ru/lectures/2007/05/24/kulturosob.html>.

⁶⁰ «Стиль — это сам человек» (Ж. Бюффон. Речь на заседании Французской академии 25 августа 1753 г.).

Так именно поступал и я. Как видно, в жанре «Драматической социологии...» автор далек от первооткрывательства. Все мы – так или иначе – «изобретатели велосипедов»... Хотя в рамках нашей социологии и можно, пожалуй, говорить об определенном «ноу-хау».

Пожалуй, мне следует остановиться, чтобы не злоупотребить твоим приглашением поговорить о жанрах «драматической социологии» и / или «Драматической социологии...». Что здесь не успел сказать – можно найти в предисловии и в заключении моей книги, а также в соответствующем разделе тома 2: «Что сказать мне удалось – не удалось»⁶¹.

...Когда-то, в 1970-80-х гг., мы с тобой увлеченно занимались социологией театра. На любого из нас, социологов – участников группы «Социология и театр» при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества – прикосновение к этой сфере, думаю, наложило свой отпечаток. По крайней мере для изобретателя (автора, адепта...) «драматической социологии» в этом сомневаться не приходится. <...>

– <...> *Можно ли сказать, что драматическая социология это, кроме всего твоего перечисленного, и определенный жанр твоей жизни?*

Да, рискну добавить к сказанному еще одно, пожалуй, даже «нескромное» определение: драматическая социология как... своего рода стиль (тоже жанр?...) *жизни!*

В какой-то момент (похоже, в конце 70-х – начале 80-х), в частности, у будущего автора (изобретателя?... открывателя?...) «драматической социологии» произошла такая оригинальная сверхидентификация с профессией, когда собственная жизнь стала восприниматься как *объект и инструмент* (обрати внимание – и то, и другое!) некой социологической штудии. Социология стала жизнью, а жизнь – социологией.

Интересно, что вместе с тем это было и своего рода «выходом за рамки...», «выпрыгиванием...» из профессии, ибо решение неких жизненных, сугубо практических задач (запуск ущербного станка или оборона от гебешного наката или еще что...) лишь с изрядной долей условности можно трактовать как тематизированное «социологическое исследование».

Единственное, что вроде бесспорно, это что то были акции если не исключительно, то *также и* социально-познавательные. (А не есть ли вся наша жизнь – в известном смысле – познание мира и себя, или себя и мира?). А тут уже поле не только для «драматической социологии и социологической ауторефлексии», но и для *драмы социального мира – и самопознания*.

Я это сейчас к тому, чтобы избежать абсолютизации или фетишизации социологического знания, как такового. Т. е. не обязательно быть социологом для постановки аутоэкспериментов и т. п. Равно как и «драматическая социология», разумеется, есть лишь предельный (маргинальный?...) случай социологического подхода, переходящий в нечто совсем иное (не только не социологию, но даже, может, и не науку... А во что?!)...

⁶¹ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 2, с. 446-449. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_288-447.pdf).

— <...> *Можно ли сказать, что <...> «драматическая социология» — это и процесс твоей деятельности <...>, и главный результат твоей работы <...>?*

Твои рассуждения о связи особенностей жизненного процесса (биографии...) и специфики творческого результата (включая научные результаты...), точнее — о зависимости второго от первого, в социокультурном контексте, мне вполне созвучны.

Вообще, как ты мог заметить, я являюсь адептом «личностного знания» М. Полани⁶². А Вернадскому, между прочим, принадлежит замечание о том, что «познать научную истину... можно лишь жизнью».

...У великих Дэвида Огилви и Джорджа Гэллапа, о которых ты много пишешь⁶³, жизнь и творчество все же не совпадают, хоть первая и есть «база творчества», «резервуар стимулов» и т. д. У других великих (воздержусь от примеров...) «взаимоналожение» того и другого гораздо сильнее, в пределе — процесс (жизни...) и результат (творчества...) неразсторжимы.

О себе скажу так: осознание собственной жизни как своего рода объекта или предмета «включенного наблюдения» (а, в силу определенных особенностей жизненной позиции и «наблюдающего участия»...), у меня возникло где-то в конце 70-х. В самом уходе из института на завод экзистенциальный мотив поначалу все же преобладал над профессионально-социологическим (впрочем, вскоре они сравнялись по значимости...). Но в качестве социолога, каковым я продолжал себя считать, мотив *само*-познания уступал мотиву *миро*-познания. Так мне сегодня это ретроспективно видится.

Иначе сказать: хотелось бы все-таки думать, что «драматическая социология» преследовала цель не только и не столько «постижения себя» (для этого не надо быть социологом...), сколько постижения мира, социальных явлений и процессов и т. п. И содержательным результатом явилась не только и не столько «биография», сколько *картина социального мира*, полученная специфическими «автобиографическими» средствами. Насколько картина эта «научна», «объективна», «достоверна» — другой вопрос... Демонстрация возможности и потенциальной эффективности такого способа социального (социологического?) познания (разумеется, в сочетании со всякими другими!..), возможно, есть главный методологический результат «драматической социологии».

Признаться, этому методологическому результату я придаю значение не меньшее, а даже большее, чем содержательному. Не думаю, что с помощью «автобиографических» средств мне удалось открыть неведомые ранее социальные закономерности, но вот новый подход к их постижению, пожалуй, предложен и апробирован. <...>

***

⁶² См. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. См. эту книгу также на сайте «Виртуальная библиотека»: http://ihtik.lib.ru/philosbook_22dec2006/philosbook_22dec2006_5033.rar. (Главная страница «библиотеки» — <http://searchengines.ucoz.ru/dir/>).

⁶³ См. Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005; Докторов Б. З. Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования. 2006.

Из статьи Б. Докторов «Профессия: социолог»⁶⁴.

...Традиционно выделяют, в частности, включенное, или участвующее наблюдение, в котором социолог старается занять объективистскую позицию и минимизировать свое влияние на наблюдаемые им процессы. Новинка Алексеева — *наблюдающее участие*, предполагающее, изучение «социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования». В этом случае наблюдатель стремится стать активным участником происходящего и познаваемого, разрешая себе *изнутри* вносить в наблюдаемый им процесс некие, определяемые им самим «возмущения». Тогда в конкретике явления или процесса раскрываются те свойства, которые присутствовали в них, но сами бы не заявили о себе. Так частное, по Алексееву, заурядное становится *моделью* общего.

Эта «процедурная» добавка, точнее, социологическое действие, превратило участвующее *наблюдение* в *наблюдающее участие* и, таким образом, принципиально изменилась логика исследования: на смену наблюдению с целью познания пришло познание через действие, или познание действием. Социолог стал не просто участником, актором наблюдаемого действия, но драматургом и постановщиком «социологической драмы». Отсюда и возникает термин, которым Алексеев характеризует свой подход — *драматическая социология*. Когда же он распространил принципы наблюдающего участия на самого себя, возникла *социологическая саморефлексия*, или *ауторефлексия*...

...А. своей драматической социологией расшатал традиционный для российской социологии тип осмысления окружающей реальности и еще мощнее — форму изложения наших наблюдений и обобщений.

Б. Докторов (Из письма. Октябрь 2009)

Приложение 1

Автостенограмма заявления при вручении премии Санкт-Петербургской ассоциации социологов «За особый вклад в социологию» (2007)⁶⁵

(записано по памяти, не дословно. — А. А.)

Мне иногда случается смотреть в телевизор, и я знаю, что при вручении премий принято благодарить. Слава Богу, мне тоже есть кому сказать **спасибо**.

⁶⁴ Цит. по Полит.ру, 22.07.2009. Точечный адрес — <http://www.polit.ru/science/2009/07/22/alekseev.html>..

⁶⁵ Впервые опубликовано в: Баранцев Р. Г. Люди в письмах. 5. Антропосфера..., с. 10-11. (Электронная версия — <http://www.math.spbu.ru/user/brem/RUS/letter5.pdf>).

О подведении итогов 2-го конкурса среди ученых Северо-Запада в области социологии на лучшие публикации на русском языке, объявленного Санкт-Петербургской ассоциацией социологов (СПАС) в 2006 году, см. на сайте СПАС: <http://www.sociologists.spb.ru/>; точечный адрес — <http://www.sociologists.spb.ru/INFOPRAVL.htm>. См. также: Родионова А. К итогам отчетно-выборного собрания СПАС // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2007, № 5. (Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1226749955240967file.pdf).

Я благодарен Санкт-Петербургской ассоциации социологов, возглавляемой Михаилом Илле, — за широту взглядов и отсутствие корпоративности. Ведь премией СПАС награждается человек, ныне не являющийся членом ассоциации. Мои отношения с этой организацией, как бы сказать, драматичны. Мне случалось из нее выходить — вынужденно или добровольно, и порой возвращаться обратно. Сейчас — очередной цикл, я в ассоциации не состою.

Я благодарен моим ближайшим коллегам — Марии Мацкевич и Алле Родионовой, догадавшимся выдвинуть все 4 тома «Драматической социологии и социологической авторефлексии» на этот конкурс. Сам бы я до этого ни в жисть не подумался. Их инициативе я вяло сопротивлялся. Оказывается, они знали, что делали.

Я благодарен жюри конкурса, возглавлявшемуся Ольгой Цепиловой, за остроумную находку в формулировании моих профессиональных заслуг. «Особый вклад в социологию» — это хорошо или плохо? Хороший вклад или плохой? Но наука не должна быть ценностно нагружена. Нейтральная оценка — **особый** — применима к каждому. И ко мне, разумеется, тоже.

Я рад, что победителем конкурса (первое место...) стал Яков Гилинский. Мне комфортно в компании с ним. Помнится, когда дарил ему свою книжку, написал: «Девиантологу — от Девианта». Вот и опять встретились...

Еще, я благодарен всем тем, кто своим *со*-участием и *со*-авторством реализовал вместе со мной в «Драматической социологии...» идею **диалога** — едва ли не ведущий мотив в этой книге. Покойный Сергей Розет, Юрий Шеголев, Анри Кетегат, Роман Ленчовский, Инна Рывкина, Борис Максимов, Леонид Кесельман и еще многие-многие — всем низко кланяюсь.

И, наконец, я благодарен тем, кого считаю своими учителями: хоть по возрасту и не так уж от них отстал: Владимир Ядов, Владимир Шубкин, Рэм Баранцев. Я и здесь мог бы еще и еще перечислять. Но пора остановиться.

Андрей Алексеев. 22.03.2007

Приложение 2

Решение секции прикладной социологии Совета по общественным наукам Минвуза РСФСР и Ленинградского научного центра АН СССР

(октябрь 1987)⁶⁶

<...> Обсудив статью Л. Графовой «Преодоление пределов» в «Литературной газете» от 23.09.87 (№ 39) <...>, секция считает, что указанная статья по своему существу отображает субъективную точку зрения ее автора и ряда социологов, эксплуатирующих «дело» А. Н. Алексеева (*далее — А. — Ред.*) в групповых интересах, используя справедливые принципы перестройки, гласности, демократии.

<...> Секция не может согласиться с попытками автора представить А. чуть ли не «гордостью ленинградской социологии». В действительности же он в этом отношении остается посредственным социологом. <...> Его научная несостоятельность (в том числе и по отсутствию базового образования) обнаружилась уже при разработке первой анкеты и проведении опроса (среди

⁶⁶ Этот текст воспроизводится здесь по: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 4, с. 25-27. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_10-120.pdf). В названной книге есть глава под названием: «Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения». Соответствующий раздел называется: «Официальные оппоненты социолога-испытателя».

своих знакомых) <...>. Им были нарушены элементарные научные требования к выборке опрошенных, к репрезентативности, она не имела под собой правильного понимания социальной структуры советского общества и его движущих социальных сил⁶⁷.

Бесплодной в научном отношении явилась и попытка изучения социальных процессов методом включенного наблюдения. «Эксперимент» кончился безрезультатно для науки <...>.

Не достиг сколь-нибудь серьезных результатов А. и по своей основной научной деятельности в качестве старшего научного сотрудника в ИСЭП. Его плановые работы в заключительных отчетах отдела (зав. отделом — В. А. Ядов) за период с 1975 по 1980 г. составили 12 страниц машинописного текста, значительная часть которого написана в соавторстве с В. А. Ядовым.

Принадлежащий ему и его соавторам раздел отчета об общественно-политической активности трудящихся представляет собой компиляцию из методик составления планов экономического и социального развития, в частности, перечисление соответствующих показателей из этого раздела планов. Никаких выводов, предвосхищающих необходимость внедрения самоуправления в трудовых коллективах, выборности руководителей, глубокой демократизации управления, перестройки хозяйственного механизма, в отчетах не содержалось.

<...> Об исключении А. Н. Алексеева Отделением из ассоциации (*Советской социологической ассоциации*. — *Ред.*) прилагаются соответствующие справки (2 справки). <...>

Председатель секции проф. Ельмеев В. Я.

15.10.1987⁶⁸

Приложение 3

Из рассылки Европейского университета в СПб от 9.04.2009

16 апреля 2009 г., четверг, 11.40, в аудитории 6 в рамках учебного курса «История советской социологии» состоится открытая лекция Андрея Николаевича Алексеева (известный российский социолог, кандидат философских наук) по содержанию книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». — СПб.: Норма, 2003 (тт. I, II), 2005 (тт. III, IV). Справки по тел.: 275-51-33.

⁶⁷ Имеется в виду андерграундное экспертно-прогностическое исследование «Ожидаете ли Вы перемен?» (1978-1981). См. об этом: Указ соч., главы 1 и 25.

⁶⁸ В документе указан также список присутствовавших на заседании секции: проф. Бережной А. Ф. (ф-т журналистики ЛГУ), доц. Смирнов С. В. (ф-т журналистики ЛГУ), доц. Комаров В. Г. (ф-т журналистики ЛГУ), проф. Моисеенко Н. А. (экономический ф-т ЛГУ), проф. Рященко Б. Р. (экономический ф-т ЛГУ), доц. Долгов В. Г. (экономический ф-т ЛГУ), проф. Сигов И. И. (ИСЭП, директор), проф. Парыгин Б. Д. (ИСЭП), ст. н. с. Максимов В. В. (ИСЭП), доц. Осипов С. В. (экономический ф-т ЛГУ), доц. Овсянников В. Г. (кафедра прикладной социологии ЛГУ), доц. Орлов Ю. С. (ученый секретарь Северо-Западного координационного совета), проф. Воронцов А. В. (зав. кафедрой научного коммунизма ЛПИ), ст. н. с. Гревцов Ю. И. (зав. лабораторией НИИКСИ), к. э. н. Сибирев В. В. (кафедра прикладной социологии ЛГУ), к. э. н. Муравьев Г. А. (нач. планового отдела Ленинградского экспериментального завода судостроения), Зиброва Г. А. (ст. лаборант, экономический ф-т ЛГУ), Максимов С. В. (ст. лаборант, отделение прикладной социологии ЛГУ), Бельгоев А. (стажер, кафедра прикладной социологии ЛГУ), Четкарев В. А. (корреспондент, журнал «Изобретатель и рационализатор»).

5.5. Власть, метод, социолог: диалог оппонентов (Т. Протасенко; А. Алексеев)

(1)

Из статьи Т. Протасенко «Социология и власть. Новые реалии»⁶⁹

<...> Включенное наблюдение или наблюдающее участие

Тема взаимодействия социологии и власти, социологов и власти достаточно актуальна. Потому что и для властных структур, и для социологов главный объект, с которым им приходится взаимодействовать, — население. И поэтому знание об обществе, о поведении, настроениях, планах людей, населяющих ту или иную территориальную общность, которой управляют те или иные властные организации, — всегда были этим организациям интересны. И в советские времена, и во времена перестройки, и в настоящее время. О способах и особенностях взаимодействия социологов с властью уже написано немало и в биографических интервью, и в научных трактатах. Поэтому исторического экскурса я делать не буду, а поделюсь наблюдениями настоящего времени.

Мой доклад будет в какой-то мере продолжением, развитием того, о чем говорил А. Н. Алексеев⁷⁰. О роли социологии в современном обществе, про то, как социологические данные используются разными общественными структурами, включая власть, про открытую и публичную социологию. Я уже более 15 лет очень тесно сотрудничаю с властью, с разными политическими структурами, с бизнесом, со СМИ и поэтому очень хорошо представляю, как практическим образом используются знания, которые мы получаем в нашей науке, применяя различные методы⁷¹.

Сразу подчеркну, что, с моей точки зрения, для социолога в быстро меняющемся мире — а наше общество таковым является — чрезвычайно важен метод включенного наблюдения. Причем я бы настаивала на включенном, но достаточно пассивном отстраненном наблюдении, без вмешательства в социальную среду, которую социолог изучает. И в этом смысле включенное наблюдение серьезно отличается от метода наблюдающего участия, апологетом которого является Андрей Николаевич Алексеев.

По моему глубокому убеждению, при активном использовании метода наблюдающего участия, который, так или иначе, предполагает влияние социолога как участника социальных процессов на окружающую среду, заставляет его фактически менять профессию, принимая другие роли и правила игры — журналиста, управленца, политика, политтехнолога, правозащитника и т. д. Более того, наблюдающее участие в какой-то мере может вести к деструктивному поведе-

⁶⁹ Эта работа упоминается Т. З. Протасенко в ее «Комментарии к «случаю»» (см. выше: раздел 2.Г.а). Цит. по сборнику: Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофафа / Под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Бильбо, 2008. (Электронная версия — http://www.si.ras.ru/doc/GR_2008.pdf..).

⁷⁰ См.: Алексеев А. Н. За открытую социологию / Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофафа / Под редакцией О. Б. Божкова. СПб.: Бильбо, 2008., с. 10-15. См. также ниже: раздел 10.2.

⁷¹ Буравой М. За публичную социологию — http://jsps-journal.blogspot.com/2008/01/blog-post_8634.html. (Здесь и далее в этой части раздела — примечание Т. П. — Ред.).

нию, поскольку подталкивает исследователя к тому, чтобы производить действия, ведущие к обострению социальной ситуации, в которой он задействован. Ситуация стагнации, когда ничего не происходит, социологу неинтересна. И он либо вынужден искать проблемные ситуации, возникшие помимо него, либо создавать их сам. Это, кстати, хорошо демонстрируют выборные процессы, когда некоторые социологи и психологи с увлечением конструируют реальность, переходя на позиции манипулирования избирателями и становясь политехнологами. Вообще говоря, социолог, обладающий большим объемом информации, которую можно использовать в практических целях для моделирования социальной ситуации, социолог, который переходит на позиции социального действия, порой становится чрезвычайно опасен для властных структур. И власти это хорошо понимают и действуют так, как действовали всегда по отношению к интеллигенции — либо их покупают, либо договариваются на взаимовыгодных условиях, либо подвергают остракизму. И нужно отдавать себе отчет в том, что такие последствия активных действий социолога-экспериментатора возможны.

Я совершенно согласна с Карин Клеман и Андреем Алексеевым, что социолог вправе «использовать свой статус и знание для сознательного воздействия на общество», но при этом, повторяю, он должен отдавать себе отчет в том, какие могут быть для него последствия, поскольку в этом случае он переходит в другую сферу и начинает играть по правилам, принятым там. В этом случае возможны манипуляции социолога населением, и новых соратников, коллег по коллективному действию самим социологом.

Кстати, столь распространенный ныне вид телепередачи — реалити-шоу, тоже можно отнести к наблюдающему участию, где наблюдателями-участниками действия становятся и зрители, и ведущие шоу, и сами игроки. Сравнить ситуацию реалити-шоу с особенностями применения метода наблюдающего участия было бы интересно. Как верно заметил Зигмунт Бауман, посвятивший немало времени изучению этого явления, реалити-шоу — «это та лаборатория, где над определенными тенденциями действительности, обычно незаметными, слабо выраженными или подавленными, проводятся эксперименты, ставящие своей целью выявление их истинного потенциала»⁷².

(2)

А. Алексеев – Т. Протасенко

Уважаемая Таня!

Мне, как видно, не обойтись без ответа на Ваши методологические замечания и соображения.

Я бы не решился назвать Вас апологетом какого-либо метода, хоть Вы и предпочитаете, например, включенное наблюдение некоторым другим. Думаю, что и Ваше словоупотребление здесь неуместно. Я лично во всяком социологическом методе нахожу свои достоинства и свои недостатки (точнее сказать — ограничения). А что имею «склонность» к наблюдающему участию, так это не апологетика, а разве что приверженность, что не одно и то же.

⁷² Бауман З. Индивидуализированное общество, М.: Логос, 2002, с.Л.

Соответственно, не стану из Вашего многолетнего сотрудничества с властью, политическими структурами, бизнесом заключать, что Вы являетесь апологетом такого сотрудничества. Думаю также, что это сотрудничество само по себе есть форма вмешательства в социальные процессы.

Существенна однако общая постановка Вами вопроса об акционистской социологии, в которой Вы усматриваете ряд опасностей — как для самого социолога, так и для изучаемой им среды. Для первого есть опасность утраты профессионального качества, превращения в политехнолога, правозащитника и т. п., далее — опасность «деструктивного поведения» (впрочем, не исключено и «конструктивное», как могу предположить). Для объекта же исследования, каковым Вы полагаете почему-то не социальные процессы и отношения, а людей как таковых, есть опасность оказаться «манипулируемым» этим самым социологом.

Что ж, опасности вполне реальные, не говоря уж о перспективе для социолога, «перешедшего на позиции социального действия», оказаться либо прикупленным либо репрессированным властью (в зависимости от меры его сговорчивости / несговорчивости).

И все же есть в Вашей позиции, уж извините, некая узость, догматичность, что ли. Заметьте, я вовсе не оспариваю ценность, равно как и не акцентирую недостатки Ваших методологических и организационных предпочтений. Вслед за своими учителями я стою на позиции методологического плюрализма, при котором все хорошо в своем месте и все плохо, что абсолютизируется или универсализируется.

Теперь о разнообразии типов вмешательства социолога в социальную жизнь. Один тип я бы назвал потаенным или — в лучшем случае — не осознаваемым. Так называемая заказная (не путать с экспертной!) социология более других тяготеет к этому варианту. Другой тип — открытое, заявленное вмешательство в жизнь, вроде «социологии действия» А. Турена, или «публичной социологии» М. Буравого. И третий тип — пусть это будет «наблюдающее участие» (которое Вы, похоже, не очень отличается от второго типа). Здесь социолог ограничивает себя исследовательскими целями или нравственными императивами: «познание через действие», но не «действие посредством знания» (что является прерогативой уже не социолога, а скорее практика соответствующей сферы деятельности).

Впрочем, резко отграничить одно от другого невозможно. И между объяснением и преобразованием мира существует множество тонких переходов и переплетений.

Вот на эти обстоятельства мне хотелось бы обратить Ваше внимание, обсуждая Вашу альтернативу: «включенное наблюдение или наблюдающее участие?». Впрочем, такой альтернативой Вы делаете мне честь, поскольку «включенное наблюдение» куда старше «наблюдающего участия» — не как способ познания социума, разумеется, а как осмысление определенной методологической установки⁷³.

Что же касается «реалити-шоу» и т. п., то их отношение к наблюдающему участию — самое косвенное, хотя бы там было и «участие» (игроков) и «наблюдение» (зрителей). Сами игроки, я бы сказал, себя никак не наблюдают,

⁷³ Здесь хочется еще обратить внимание на постановку И. И. Травиным вопроса о практике постоянной профессиональной включенности социального исследователя в наблюдение окружающей среды, своего рода перманентного наблюдения. См. Травин И. И. Невопрошающая социология или невыключаемое наблюдение / Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофафа. СПб.: Бильбо, 2008.

уровень их саморефлексии близок к нулю. Позиция же ведущих в этих «экспериментах», как правило, морально крайне сомнительна.

Ваш – Андр. Алексеев.
19.03.2009

Комментарий

См. о том же в предисловии к томам 1 и 2 («От авторов-составителей»). Тема специфики метода затрагивается и в других разделах настоящей главы.

Т. П. ответила на мой «Ответ оппоненту». Я с удовольствием воспроизвожу ее ответ, а «на полях» мои комментарии по каждому абзацу (правая колонка, выделено курсивом).

(3)

Т. Протасенко – А. Алексееву
(с развернутыми комментариями адресата)

<p>Дорогой Андрей!</p> <p>Должна поздравить Вас с внедрением в нашу социологическую жизнь еще одного метода – переписки специалистов с последующей публикацией, теперь его можно назвать интернет-конференцией специалистов. Я это вполне серьезно, поскольку наблюдаю, как подобным способом общаются многие мои коллеги. Активно его использует Борис Докторов... Он и меня вовлек в интернет-общение, хотя для меня это нехарактерно – я предпочитаю общение либо личное, либо по телефону в силу более быстрой реакции. Однако, для пользы науке, возможно, переписка лучше.</p>	<p>...Ну, «метод переписки специалистов» внедрил в социологическую жизнь не я. В европейской науке он вошел в обиход с XVII века, если не раньше. «Специалисты» именно в письмах сообщали друг другу о своих открытиях. Жанр научной переписки, едва ли не в качестве ведущего возродил у нас А. А. Любичев (являющийся для меня великим Учителем). А в отечественной социологии мастерами такой переписки, существенно облегченной Интернетом, на мой взгляд, являются В. Шляпентох, С. Рапопорт, Б. Докторов. Был ее приверженцем и мастером также Валерий Голофаст.</p>
<p>Не могу не ответить Вам. По поводу «апологета метода наблюдающего участия». Если вас это обидело, приношу свои извинения, поскольку, зная Вас многие годы, естественно, наблюдала, как Вы используете разные методы. И моя вина в небрежности употребления терминов. Это, к сожалению, тоже свойство моего характера и стиля общения. Для меня не слишком много различий в понятиях «приверженец», «сторонник», «апологет», «человек, отдающий предпочтение, имеющий склонность»....</p>	<p>...Дорогая Таня! Конечно, Вы не хотели меня обидеть, но даже если бы захотели, Вам это не удалось бы, поскольку будучи «апологетом» точного словоупотребления и даже пуристом в этом плане, я весьма терпим к чужим неловкостям, тем более если собеседник на них не настаивает. А Вы – не настаиваете. И хорошо. Что касается «наблюдающего участия» (надо же, прижилось словечко!), то я его, если угодно, энтузиаст, и не столько даже как исследовательского метода,</p>

<p>В своей статье определение «апологет» я употребила лишь потому, что хотела подчеркнуть, что Вы этот метод активно используете и продвигаете — Вы ведь на это не будете возражать, поскольку все Ваши самые интересные публикации и результаты, как мне кажется, получены при помощи этого метода. А в отношении моих предпочтений — то метод включенного наблюдения я предпочитаю в качестве первичной стадии исследования. Его я предпочитаю всем другим качественным методам. А вообще-то я приверженец и именно что апологет репрезентативных опросов (желательно в режиме мониторинга), как конечной стадии эмпирического этапа исследования, поскольку именно они могут отследить тенденции (тренды)...</p>	<p>сколько как «способа жизни», отношения к миру. И в качестве такового «метода» — рекомендую его даже для «любительского употребления». Там, где люди «страдают» от несправедливости, бюрократического идиотизма, да просто от плохого устройства мира или собственной глупости, там наблюдающий участник может соединить «остраненный» критический взгляд, с инициативным, отвечающим его интересам, а главное — ценностям, причем познавательно эффективным действием. В отличие от «включенного наблюдателя», который вынужден «загнивать» вместе со средой, коль скоро хочет ее изучать. Впрочем, я уже говорил, что у всякого метода (и даже у мироотношения) свои позитивные и негативные стороны. Лишь бы не доводить их до максимума, т. е. до абсурда.</p>
<p>По поводу разных форм сотрудничества социологов с разными структурами и группами населения. Дело в том, что «каждый выбирает по себе», что ему более интересно — заниматься в кабинете чисто теоретическими изысканиями либо делиться полученными данными с другими. С кем — вопрос сложный. Социолог не может быть абсолютно нейтральным и как бы объективным, стоять «над» схваткой. Ибо, как учил нас на философском факультете Моисей Самойлович Каган, «познание слито с оценкой», а, во-вторых, в социологии очень много субъективного — исследовательская парадигма, мировоззрение исследователя, формулировки вопросов, наконец, ответы респондентов... Распространение любого знания может быть оценено как форма вмешательства в социальные процессы. Это сродни терзаниям физиков в связи с созданием атомной бомбы и других продуктов, наносящих вред человечеству вообще и человеку отдельному в частности. Будет ли действовать человек и структуры, которым ты отдал</p>	<p>...Что «познание слито с оценкой» — против этого сейчас станут возражать разве что оголтелые сайентисты. Важно: а) не камуфлировать эту связь (соединение); б) по возможности, учитывать это «слияние», делать поправку на «издержки» (в кавычках!) исследовательской ангажированности. Объективная истина всегда лежит на пересечении разных методов, исследовательских подходов и ценностных ориентаций разных исследователей. Из противоречивых или взаимодополняющих результатов («триангуляция»!) эта истина выводится. И даже сам способ вывода не лишен ценностной обусловленности. Так что сама эта истина скорее «далекий желаний край».</p> <p>Распространение социального знания, конечно, есть вмешательство в социальные процессы. Но, признаться, не худшая из форм такого вмешательства. Скажем, не вмешательством ли является всякое просвещение (не только социологическое)? Насчет благих или злых последствий социологических действий — совершенно с Вами</p>

свое знание, во благо или во зло — заранее определить трудно... Для меня это предмет постоянного терзания. О чем я откровенно написала в той же статье, цитату из которой Вы приводите. (См. стр.26-27, 33, 34, 35, 38) *Да собственно говоря, вся моя статья об этом — могут ли социологические знания менять мир, как их распространять... Или главное в том, чтобы они не попали в руки негодяям? И несем ли мы ответственность за то, кому их даем? А как быть тогда с широкой публикацией данных в СМИ?

В связи с этим хотела бы остановиться на «заказной социологии», то есть на исследованиях, которые проводятся по заказу отдельных людей, политических и бизнес-структур, власти, СМИ... Большинство этих исследований проводится для понимания и решения какой-то проблемы, в том числе для изменения имиджа, продвижения на рынок тех или иных продуктов с помощью методов социологии. И главная отличительная черта их — запрет на публикацию данных. (В этой связи хотелось бы отметить отличие исследований по заказу от работы по формированию общественного мнения, когда во главу угла опросных методов ставятся формирующие вопросы — вот это уж действительно «заказуха», ничего общего с социологией не имеющая). И социолог, который подрядился на подобную работу, вполне осознает, что он делает, в том смысле, что его знания могут быть использованы для разных целей. Заниматься такой работой — ни хорошо, ни плохо, но это другие сферы жизни, живущие по другим законам, но судить социологов, работающих там, могут и по этим законам, и по законам нашей профессиональной среды. В этом смысле все формы поведения социолога, предполагающие вмешательство в социальную жизнь, могут поставить его в сложную ситуацию, и он даже может быть подвергнут

согласен. *Есть такая дилемма. Но минимизировать злоупотребление можно адекватным (включая и моральные критерии) выбором предмета, партнеров и все тех же «заказчиков» исследования.*

Отвечая на Ваш риторический вопрос: да, мы за все несем ответственность. Однако у разных людей разное понимание ответственности. Так, все большее распространение получают «закрытые» социологические исследования, где результаты опроса оказываются коммерческой тайной. (Так, кстати, было и в советские времена, только тайна была не «коммерческой», а «политической»). Зона ответственности сужается до служения работодателю. Между тем, здесь не двухстороннее, а, как минимум — трех-, а вообще-то — четырехстороннее отношение: заказчик — исследователь — общество (репрезентированное хотя бы опрашиваемыми) — коллеги.

Мы же не микробов изучаем, перед которыми не надо отчитываться, а общество, информацию о котором исследователь получает от людей (от каждого человека в меру его согласия, интереса и компетентности). И общество=люди, обеспечивающие социолога первичной информацией, имеют право рассчитывать на встречную «услугу», а именно — знание, добытое социологом не без их участия. Понятно, не каждый в такой «услуге» нуждается, но у любого должна быть возможность ею воспользоваться.

И я бы обязал «заказчиков» мириться с тем неприятным обстоятельством, что заказанная ими социологическая

<p>остракизму. Поэтому мне ближе пассивное наблюдение с последующей постановкой диагноза. А наблюдающее участие, на мой взгляд, увеличивает объем ответственности, который и так у социологов сейчас велик.</p> <p>... Возможно, это и циничное заявление...</p>	<p>информация оказывается публичной по определению, как социологическая, т. е. информация об обществе и для общества. **</p> <p>Так вот, в мои критерии ответственности входит обнародование (или право на обнародование) любых полученных результатов, удобно это заказчику или нет. А если кого это не устраивает, пусть поищет «другого социолога», с иным пониманием своей ответственности.</p>
<p>В заключение. Размышляя о формах поведения социологов и нашем случае, пришла к выводу, что очень много зависит от характера и стиля поведения, особенностей межличностного общения. Вот все мы — четверо — абсолютно разные, с разными жизненными и профессиональными путями, думаю, во многом с разными мировоззренческими позициями, а результат один — нас уволили. Почему? Мне кажется, роднит нас одно — возникшие сложности во взаимоотношениях с начальством института и отдельными членами коллектива...</p> <p>(Т. П. 11.06.2009)</p>	<p>...Заклучу и я. Вы возвращаетесь к ситуации «четверых», обсуждавшейся, среди прочего, в 1-й части этой книги. Знаете, что общего у А. А-ва, В. Б-на., Н. К-ва и Т. П-ко при всем их несходстве? Думаю, это можно определить словом «инакость». Притом, что у каждого — своя доля конформизма, что есть не что иное, как различие референтных групп. И тем не менее, определенное «инакодействие» у каждого налично. Инакодействие может быть нравственно, прагматически, характерологически, заветно и всяко еще обусловлено. Такой человек сплошь и рядом неудобен, а в пределе — неужоден.</p> <p>Жизнь поставила совершенно замечательный эксперимент «над нами» (см. главы 1-3 этой книги), но также и над такими, как И. Е-ва, А. К-н, А. Б-ва, К. М-в, В. К-ий, Г. К-н, Р. Б-ий и иже с ними. Их выбор мишеней был точен, хотя бы они того и не осознавали. И следующие выстрелы, думаю, будут тоже прицельные. Пока — граната не разорвется в их собственных руках. (Боюсь — уже взорвалась). Видит Бог, не мы поставили этот эксперимент.</p> <p>Спасибо Вам за Ваше раздумье, давшее мне повод поделиться и своим.</p> <p>А. А. 11.06.2009</p>

* См. Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофаства./ СПб.: Бильбо, 2008. Электронная версия – http://www.si.ras.ru/doc/GR_2008.pdf.

** См. об этом ниже: раздел 10.2 «За открытую социологию».

Приложение

Методологические проблемы исследования «случаев» в социологии⁷⁴

Исследование случаев (case-study) — один из самых распространенных методов (подходов) в рамках качественной парадигмы социологических исследований. Оно предполагает углубленное изучение некоторого участка (фрагмента) социальной реальности с его контекстом, для вскрытия некоторых общих закономерностей, воплощаемых в данном, избранном для анализа *случае*. Как замечал Гете, «хорошо увиденное частное может всегда считаться общим». Напомним также афоризм Я. Кавабаты: «Один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка».

Случай есть событие, совокупность и / или последовательность событий, ставших предметом исследовательского внимания. Случай есть, с одной стороны, нечто уникальное, а с другой — нечто характерное, типическое, по крайней мере, черты общего, универсального в частном, конкретном составляют особый интерес исследователя. Принципиально важным является также исследование события в контексте, т. е. в совокупности его социальных связей и опосредований. Без контекста нет события, равно как и контекст есть не что иное, как своего рода иерархия событий, обуславливающих совершение всякого данного события.

Одним из методолого-методических вариантов исследования случаев является *наблюдающее участие*, когда исследователь сам является актором в рамках исследуемой среды и реализует когнитивный принцип «познание действием». В таком случае ставится задача не просто наблюдения и описания естественного развития ситуации, а также более или менее целенаправленного, во всяком случае, отрефлексированного ее моделирования. Вообще, описание является лишь средством для *понимания* реальности, в том числе и описание способов и результатов акционистского вмешательства в исследуемый процесс.

Эти и некоторые другие принципиальные положения методологии исследования случаев, вообще, и наблюдающего участия, в частности, реализовались в серии исследований, отображенных в нашей работе «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (тт. 1-4, СПб.: Норма, 2003-2005). Реализуются они и сегодня в комплексном исследовании «случая СИ РАН — 2008», включенного в более широкий профессиональный и общественный, а также историко-научный контекст.

А. Н. Алексеев, 10.04.2009

5.6. В. А. Ядов — о «наблюдающем участии»⁷⁵

<...> Следует ли наблюдателю вмешиваться в изучаемый процесс?

Ответ на этот вопрос зависит от цели исследования. Если основная цель — диагностика ситуации, как в случае изучения собрания в качестве одного

⁷⁴ Тезисы для Третьих чтений памяти В. Б. Голофаства (апрель 2009).

⁷⁵ Фрагмент из книги: Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998, с. 199-200, 203.

из каналов выражения общественного мнения, вмешательство социолога в ход событий исказит реальную картину, а в итоге будут получены ненадежные данные. Если же цель исследования познавательного-аналитического или (же) практически прикладная и состоит главным образом в принятии управленческих и организационных решений, вмешательство не только возможно, но и полезно. Именно этим целям служит *стимулирующее включенное наблюдение* (выделено нами, термин В. А. Ядова. — Ред.), или, как назвал его А. Н. Алексеев, наблюдающее участие.

Здесь наблюдатель — участник изучаемых событий — провоцирует нестандартные ситуации и исследует реакции объекта наблюдения на свои действия или стимулируемые им действия других [1; 2]. Например, он может, исследуя отношение рабочих к нововведениям, предлагать разные способы решения производственных задач: инициативные, «запрашивающие» действия других лиц, методы «сигнализации» руководству, обращение за помощью к другим лицам и организациям и т. п. Таким образом, во-первых, регистрируется отношение к нововведениям вообще и к разным способам их реализации в особенности, во-вторых.

Наблюдающее участие, по Алексееву, целенаправленно создает моделирующие действия ситуации и провоцирует (*побуждает*. — Ред.) наблюдаемых не столько приспосабливаться к данным обстоятельствам, сколько приспосабливать среду деятельности, преобразовывать ее в своих интересах [1; 2].

<...> В современной социологии используется также метод активного воздействия на наблюдаемые процессы («активное исследование»), который ввел в практику французский социолог А. Турен [3], а позже стали использовать социологи латиноамериканских стран и другие. Активное исследование (Action research) предполагает изучение объекта, активное вмешательство путем организованных действий, провоцируемых исследователем, дальнейшее изучение и далее повторное воздействие. Такой тип исследований применяется также в системах реконструкции организаций управления. <...>

Литература

1. Алексеев А. Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: Институт социологии РАН, СПб. филиал, 1997.
2. Алексеев А. Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). В 2-х кн. СПб.: Институт социологии РАН, СПб. филиал, 1997.
3. Touraine A. Toward a Sociology of Action // Positivism and Sociology / ed. A. L. Giddens. N.Y., 1974.

Постскриптум

Интересно, что В. А. Ядов допускает возможность вмешательства исследователя в изучаемые процессы при решении весьма разных задач: а) собственно исследовательских, б) исследовательски-управленческих и в) исследовательски-мобилизационных. (Последний случай — «активное исследование»). На наш взгляд, во всех этих разновидностях следует обозначать

познавательную компоненту (описание, объяснение, понимание социальной реальности). Ибо при отсутствии таковой есть вмешательство, но нет исследования⁷⁶.

Приложение 1

О качественных исследованиях, социологической интервенции и наблюдающем участии

Из личной переписки

(1)

А. Алексеев – <...>

<...> Что касается «качественных» социологических исследований, то им антитезой являются, очевидно, «количественные», а не «не качественные». Но и то, и другое – односторонняя терминология. Вот почему лучше называть «качественную» социологию и т. п. – феноменологической, интерпретативной, антропоцентрической, «субъект-субъектной» (С. Розет), понимающей (в отличие от аналитической), можно и коммуникативной, и рефлексивной, и микросоциологией (Ядов к своему юбилею опубликовал в СЖ очень интересную статью о «макро-микродилемме» в социологии), интерактивной и т. д., каждый термин вносит свой оттенок. А «драматическая социология», «наблюдающее участие» – частный случай: симбиоз феноменологической и акционистской. <...> (Апрель 2009).

(2)

А. Алексеев – <...>

<...> А вот от одного пассажира <...> (имя рек. – Ред.) я вздрогнул: «...высоко ценю... методологию провоцирующего наблюдения, которую А. разработал и блестяще применил задолго до А. Турена». Тут стоит заметить, что Ален Турен родился в 1925 г., и свою знаменитую «Социологию действия» издал в 1965 г., когда Алексеев в социологии еще «под стол пешком ходил». <...>

Вовсе не «задолго до», а *независимо от* Турена Ваш покорный слуга «изобрел» свой велосипед, и то в силу собственного провинциализма и слабого знания мировой литературы. <...> 7.12.2009.

М. Левин – А. Алексееву

<...> С Туреном (кто же кого опередил?) – меня разобрало любопытство, и я полез за справками <...>. Статья, где он формулирует метод социологической интервенции в явном виде и с детальным обоснованием, опубликована в книге «Голос и взгляд» (La voix et le regard) в 1978 г. <...> Он ссылается <...> на исследования «последних двух десятилетий» (очевидно других социологов), из-

⁷⁶ См. об этом также выше: раздел 2.Ф.29.

вестные как интервенционистские — получается, где-то с 1960-го. Однако и он сам, видимо, тоже не удержавшись в рамках участвующего наблюдения, *de facto* совершал интервенцию, изучая французских бунтарей 1968 г. Его ученик Michel Wieviorka говорит, что метод зародился в 1970 г.

Идеи Турена <...> не то что не родные братья твоим, а довольно дальние родственники, хотя все-таки не чужие. Термин его мне очень по душе, но предложения далеко не так радикальны, как твое вмешательство. Он даже прямо говорит: интервенция не в том, чтобы социолог принимал на себя роль объекта, а в том, чтобы помогал объектам-акторам прояснить их цели.

Подозреваю, что Ты знаешь о Турене больше меня, но рискну поделиться. В американской социологии его работы, как и все, что связано с воздействием на действующих лиц и уж тем более с вмешательством в процесс, малопопулярны, да и известны мало.

...Турен, как я понимаю, продолжает работать. Интересно бы послать ему краткую формулировку метода «наблюдающего участия» и спросить, что он думает. <...> 11.12.2009.

А. Алексеев — М. Левину

<...> С А. Туреном меня тоже разобрало любопытство, и я полез... в собственную книжку «Драматическая социология...». И вот, что нашел (цитирую предисловие):

«...Например — социология действия А. Турена. Воспользуемся случаем, чтобы объяснить, что имелось в виду, когда говорилось (выше), что автор соотносит себя с этой научной школой, но не идентифицируется с нею.

В формуле «познание через действие» (*постулат драматической социологии*. — А. А.) последнее выступает как средство, инструмент первого. Что же касается <...> метода социологической интервенции, разработанного А. Туреном, то здесь скорее имеет место соединение познания с действием, где то и другое *равноправны* и оба выступают и как средство, и как цель.

<...> Социологическая интервенция есть «действие социолога, преследующее цель обнажения социальных отношений и постановки их в центр анализа» (*Touraine A. La voix et le regard. Sociologie des mouvements sociaux*. Paris, 1978, p. 184). Тут, как будто, полное совпадение с нашим «наблюдающим участием»... С другой стороны, как отмечает А. Турен, «следует сказать со всей откровенностью, что эта работа претендует способствовать разворачиванию социальных движений» (*ibid.*, p. 194).

<...> Туреном выдвинуто понятие *перманентной* социологии, где предполагается постоянный «обмен между действием и анализом», так что результаты анализа используются в очередных (коллективных) действиях, а затем «подкрепляются знанием эффектов их влияния на поведение акторов и их борьбу» (*Ibid.*, p. 194).

Социология действия — это не просто (не только) исследовательская практика. Здесь присутствует также момент «социальной педагогики», своего рода «внесения сознательности в стихийность движения» (что подтверждается и опытом применения метода социологической интервенции в «студенческой революции» во Франции в конце 60-х гг.).

(В отличие от туреновской методологии) социолог-испытатель не претендует на «организацию коллективной борьбы». В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысловой задачей (соответственно — комбинацией этих задач и мотивов)»⁷⁷.

⁷⁷ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия... Том 1, с. 37-38. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf).

...В конце 70-х – начале 80-х я ничего не знал про Турена, а он – тем более – про меня (и по сей день). Его *социологическая интервенция* и мое *наблюдающее участие*, как видно, «две большие разницы». Уже в 90-х гг. это отметил Ядов⁷⁸, я же постарался пояснить и «размежеваться» (см. выше). Что касается самого термина «наблюдающее участие», то он возник в 1980 г. в одном из первых «писем Любимым женщинам», в порядке кокетливой игры словами. И надо же – прижилось! Из какого сора растут не только стихи, но и ученые труды.

Турену уже 85, и вряд ли стоит докучать ему дальними родственниками. Нехай наши внуки займутся генеалогическими изысканиями, если вообще они вспомнят про Турена, не говоря уж об Алексееве. <...> 13.12.2009.

А. Алексеев – М. Левину

...Принято различать *позитивистскую* и *феноменологическую* парадигмы в социологии. Наособицу – *акционистская*. А ныне все большую силу набирает, как бы это сказать поделикатнее, риторическая. Своего рода «игра в бисер», впрочем, тоже имеющая право на существование. Наблюдающее участие – где-то между феноменологической и акционистской, или кентавр. <...> 13.12.2009.

Приложение 2

Невыключаемое наблюдение

Это термин впервые употребил Игорь Травин. Сначала на одной, потом на другой научной конференции⁷⁹. Термин еще не успел прижиться, но, будем надеяться, это произойдет. Мне кажется, он очень подходит к тому, что сейчас предлагается вниманию читателей «Телескопа».

Включенное наблюдение (как, впрочем, и наблюдающее участие) предполагает некую исследовательскую задачу, которую социолог себе ставит и реализует доступными ему средствами. А если прямой такой задачи нет? Но социолог, как и все другие, естественно включенный в социальную жизнь, не может не проявлять к ней привычного познавательного интереса. Участвуя, он наблюдает, наблюдая, рефлексировать. Причем делает все это *социологически*, может быть, потому, что просто иначе не умеет.

Так художник не может избавиться от привычки наблюдать краски природы или тени на лице, не прикидывая, как бы это могло лечь на холст.

Что является общим в текстах Бориса Докторова и Владимира Ядова, вошедших в эту подборку? ⁸⁰ Во-первых, что они принадлежат знаковым фигурам в нашей профессии, так что любая их строчка интересна. Во-вторых,

⁷⁸ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия... Том 4, с. 13. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_10-120.pdf).

⁷⁹ См.: Травин И. Невопрошающая Социология или Невыключаемое Наблюдение / Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофафа. СПб.: Бильбо, 2008.

⁸⁰ См. Докторов Б. Заметки о моей американской жизни; Ядов В. Мои римские каникулы // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009, № 6.

общее в том, что все это происходит с ними самими, притом, что вроде бы «ничего особенного»...

Это не дневниковые записи, и не мини-рассказы, это выбор из потока жизни тех эпизодов, впечатлений, наблюдений, которые могут иметь достоинство модельной ситуации, будь то обыкновенная-необыкновенная школа в калифорнийской «глуши» или «римские каникулы» российского Профессора.

Конечно, это не обязательно «сугубо-социологический» экстракт (хотя возможно и такое). Вместе с тем, американская народная этимология «Гэл-лап» (потому что «галоп»), равно как и наивно-идеологическая сентенция шугозерской бабуши («живем хуже, чем в Америке») говорят о менталитете обеих культур больше, чем иной академический том.

«Хорошо увиденное частное может всегда считаться общим», — замечал Гете. Вот наши эссеисты и усматривают это частное, в котором — *multum non multa* (многое, но не много). За то им спасибо. И в большей или меньшей степени ими реализуются «социологическое мышление» (в смысле Галины Саганенко) и «социология как образ жизни» (в смысле Владимира Ильина).

Андрей Алексеев. 14.11.2009

5.7. Лидия Ткаченко — о «Драматической социологии...» (май-сентябрь 2008)

Автор нижеследующих заметок — Лидия Николаевна Ткаченко, супруга Виктора Владимировича Сокирко, экономиста, публициста, правозащитника. Мы близко (лично) познакомились меньше года назад, хоть еще и 30 лет назад заочно сводила судьба, а потом и 5 лет назад... (См. главы 1 и 22 «Драматической социологии...»).

Ниже о В. С. и Л. Т. будет рассказано подробнее⁸¹. А сейчас предоставим слово самой Лидии Ткаченко, оказавшейся инициативным, «непрофессиональным» и очень значимым для автора рецензентом названной книги.

Рецензия — в четырех письмах. По числу томов. Публикуется с небольшими сокращениями. (Андр. Алексеев).

(1)

Сб 10.05.2008

Дорогой Андрей!

Продолжаем ждать от Вас писем, а я до сегодня практически каждый день раскрывала том I Вашей книги с мудреным для меня названием. Читала, правда, помалу, но глаза закрывались не от скуки, а от их усталости. Конечно, я читаю, в основном,

⁸¹ См. ниже: раздел 6.2.8.

«производственные страницы», но когда нечаянно, с разбегу, влетаю в философско-социологические (научные), то чаще всего сползаю вниз и «обхожу гору понизу». И видится мне, что не просто отказать себе в удовольствии следовать за Вашими не придуманными описаниями «похождений» социолога-рабочего и открывшегося ему мира.

К слову, при совместной правке написанных Витей сценариев диафильмов я воевала за максимально точное описание походных событий. Никаких приукрашиваний! И вот сейчас мне достались тома «голой правды», украшенной лишь завидным юмором. <...> Есть еще и вкрапления, в которых встречаются понятные мне обобщения. Голова сама собой качается, восхищаясь чужой головой. Я говорю об А. Кетегате, в первую очередь. Хочется вслед за Вами воскликнуть: «Умоляю, пиши письма... Никто за Тебя их не напишет!» Все вставки А. Кетегата легли на душу и запомнились <...>. Или вот еще дружеский шарж С. Ф. Минаковой, просто — Ах! Какое у Вас окружение!

Вы, конечно, понимаете, что чтением я на ближайшие месяцы обеспечена. И делать это буду «не спеша, со вкусом». И Вам желаю найти захватывающее чтение (ой, не подумайте только, что я толкаю Вас к чтению нашего сайта! Но и не отталкиваю...) Да, мне теперь стало понятно, почему написанной мной Витину биографию Вы так подхватили и так уважительно разместили — я как будто откликнулась на обращенную четверть века назад к друзьям-знакомым просьбу подарить рассказы о себе⁸². <...>

Простите, что все возвращаюсь к себе, да и Вам те просимые рассказы были нужны немного, чтобы сверить себя с самооценками друзей. Я не забываю, конечно, альтруистской цели того мероприятия — оказать услугу будущим людям: биографам, историкам, внукам.

Пишу о том, что приходит в голову, вспоминается в первую очередь, видно, откладывая, боюсь не справиться с объяснением, почему описание «наблюдающего участия» наладчика-рабочего в моем (технарском) мире так интересно для меня. Первое ощущение, в котором я должна признаться (а дальше, может, легче пойдет) — простейшая зависть. Ну, ни за что я, получившая диплом инженера-механика по специальности «Машины и технология обработки металлов давлением», не смогла б наладить пресс при всей моей серьезности, ну не смогла б я стать его хозяйкой. Нет в моем характере Вашей скрупулезности: каждое испытание тщательно активировать, техпроцессы снабжать списком замечаний, количество отштампованных деталей и сделанных шаблонов фиксировать, составлять картотеки и т. д., а еще и временные расходы на одно... — пятое подсчитывать. Откуда последнее, осознала после чтения про А. А. Любишева, про его систему «временпользования». Мне же, вечно занятой одновременно несколькими делами, изнутри и извне накладываемыми, упорядочивание расхода времени все равно было б не по силам.

Нет, наверное, не сопоставлением себя с Вами в профессиональном плане мне следует заниматься <...>. Главное — это удивление от полноценности Вашей жизни в заводских стенах, когда вместо отработки повременщиком — «расширение зоны свободной (осмысленной) деятельности и увеличение доли творчества в этой зоне». Нет мучений от безнадёги настройки в первые рабочие дни, от виноватости за производственную незанятость и «свои занятия» (правда, когда пресс был доведен до работоспособного состояния, началась «партизанщина» — как не восхищаться?)

⁸² См.: Л. Ткаченко. Рассказ о муже — на сайте Центра демократической культуры Университета Невады: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/culture/tkachenko_husband.html.

Вместо страха перед кем-то или чем-то уверенное ведение своей линии жизни, в которой если и есть что-то вынужденное, то это инициатива (!), а за ней собственные исследования — шуп — протокол — и вообще реконструкция прессы, которая «приблизила его к нормативам английского прототипа», а потом и вовсе желание воспользовавшись простым, освоить другую специальность. Все, оказывается, может «хозяин на своем месте», свободная интуиция которого, не зашоренная техническими знаниями, шаг за шагом обращала очень даже неглупого социолога (не усвоила какого по значимости, т. к. по темноте своей социологию как область знаний очертить не могу, социологов по самоназванию знаю только четверых: Левяду (не лично), Вас, Валу Чеснокову и Аллу Назимову, а также незнакомого Вам, сейчас больше Валиного друга, чем нашего, Л. Блехера, лично). <...>

Чего стоит одна только формула разгильдяйства, подхваченная С. Минаковой — «оно переливалось и светилось» во всех сферах заводской жизни?» (Я заново взяла в руки книгу, т. к. пока помню вроде бы все, но неточно). Вот, например, «давление снизу является эффективным средством достижения хотя бы трех целей, которое начальство декларирует...» (с. 1-146)⁸³. Мне такое и в голову не приходило, а «всякий нормальный рабочий этим приемом пользуется», пишете Вы.

Я совсем мало, меньше двух лет, по распределению проработала в Коломне на тепловозостроительном, а из них, не помню точно, сколько месяцев — поммастера в кузнечно-штамповочном цехе, остальные — в ОГТ. Возможно, я выглядела в глазах цеховых рабочих как те технологини, с которыми вы имели дело, правда, посчитать усилие вырубки не затруднилась бы и про зазор между пуансоном и съёмником не забыла бы, но каких-либо серьезных инициатив от меня ожидать было нельзя. Ведь, в основном, жизнь моя была заполнена радостями и заботами о нашей молодой семье, хотя помню свои старания отключаться от «посторонних» мыслей в рабочее время (подружка говорила, что ей это мало удастся). Сейчас с Вашей помощью я как бы вернулась в молодость, на завод, в цех, и передо мной разворачивается жизнь в свое время не увиденная, не понятая — пропущенная.

У меня самой успело сложиться после удивления особо уважительное отношение к классным рабочим, и потому на Ваше сообщение «бригада 001 сожалела о моем переходе в другую бригаду, но отнеслась к этому шагу с пониманием» я отреагировала и сама удивилась тому, как: «Нашего-то признали за своего, на уровне, значит, уважают за рукастость и самостоятельность». Конечно, надо добавить: и за «активность, сдержанность, доброжелательность», вспомнить еще девиз «делать без вызова, гнуть свою линию не вредничая» и т. д.

И, тем не менее, не могу понять, почему из большой подборки о бригадной форме организации труда, о шахтерских забастовках (сс. 1-398-441) пошли только заметки А. Г. Солипатрова и Ваше «хождение в электролизники». Я ж не могу сказать, что мне эти коллизии безразличны... Но вот не погружаюсь в них. <...>

Из производственных рассказов врезались в память «Брак в воспитательных целях», «Горизонтالي нет, а бетон застывает», «Как Серега был «штрейкбрехером», а к ним у меня прикладывается «Письмо в партбюро цеха № 3», десятикратно перекрывающее каждое обвинение. Ваши рабочие сводки не для него собирались, но какой пример достоинства в споре с привычно врущими партийными работниками позволили показать, да и сочувствующим тоже.

А сколько в книге непроизводственных тем, сколько афоризмов своих и удачно внедренных в свою жизнь от великих! Записываю, чтоб через пальцы лучше запомнить.

⁸³ Здесь и далее первая цифра обозначает № тома.

- Халтура («бешеная», «полубешеная») – выгодная по оплате-трудозатратам работа, выполненная на привычном уровне (простите, ужала малость)
  - Рабочая технология – все не по правилам, но с целью достижения нужного конечного результата, для пользы дела (опять приспособила к своему пониманию)
  - Люди для меня предстают в действиях (здесь уж авторское осознание Гетевской мысли, да? Вообще все цитаты из Гете – мудрая простота, восторг!)
  - Про свою скалу, которая для кого-то окажется Эверестом
  - Держи руль выше – все равно снесет (Толстой о картине «Гонец» Рериха).
  - Шизофренизм массового сознания, признаться, куда симпатичнее цинизма сознания общественного (как же эта подаренная Вами мысль теперь облегчает отношения с симпатичными мне людьми другого сознания!)
- <...> Уверена, что пропустила и просто не усвоила массу авторских и собрательских мыслей, ведь задевает в книгах, в основном, то, о чем читатель уже как-то думал. <...>

Социологическое исследование о счастье на первый взгляд стоит особняком, в действительности все о том же – о работе, о преодолении пределов. Вступая в 70-ый год вполне состоявшейся жизни, почему я не считаю, что все сама о счастье знаю? Да потому что, как Вы, еще не старый, написали, надо преодолевать «пределы, которые нам ставит собственная стареющая структура личности» и не лениться (решаться) находить свой путь овладения действительностью. Выделены еще у Вас психологические компоненты счастья. Почему я затрудняюсь их для себя переписать, опять же для того, чтобы пальцы помогли им уложиться в подходящие ячейки мозга? Читаю – все правильно, но смущает их пионерская звонкость. Как будто они с фанфарами идут вперед, а я ковыляю на старческих ногах и не догнать мне их. И все же запишу: «психологические компоненты счастья: ощущение перспективы, увлеченность, интерес, целеустремленность, собранность, загруженность, нехватка времени и победа над временем – овладение ситуацией».

Заканчиваю. Хорошо понимаю, что мой отзыв не соответствует Вашей книге, представляющей несколько лет Вашей жизни во всем полнокровии (почти! личная жизнь – лишь одним мазком, и это правильно). А решилась я написать, потому что нам с Витей на самом деле хочется удержать Вас в своей орбите (удержаться в Вашей). <...>

Здоровья Вам и Зине! Не забывайте нас!

Лиля Ткаченко

Р. S. Книга аккуратно вычитана, всего две ошибки попались: в одном слове (забыла, в каком и где) лишняя буква, отчего оно изменилось по смыслу, а в «траверсу» почему-то «з» забралось. <...>

Приписка от Виктора Сокирко:

<...>. Радостной для меня неожиданностью было Лилю увлечение Вашей книгой. Ознакомившись с началом ее отзыва, я увидел, что в нем есть интересный для меня материал о себе самой из периода работы в цеху <...> на Коломенском тепловозостроительном заводе. Удивительно, что этими своими мыслями и памятью она почти не делилась со мной. Значит <...>, лишь при чтении Ваших описаний вспомнила свою молодость – мне на радость. Спасибо Вам за это неожиданное воскрешение! <...> Виктор.

(2)

Вт 03.06.2008

<...> Сама не ожидала, что так быстро прочту том 2. И «обходила», вроде, не так уж много... Может оттого, что дальше — лето с внуками и огородом — не до чтения.

И опять я у Вас что-то «скрадываю» (точнее это мысль Ч. Айтматова, но Вы донесли ее до меня): «Чем больше человек познает, преодолевая трудности непонимания, тем больше на своем веку удастся ему реализовать себя». Горько мне было поначалу, что сын Тема решил переложить на меня всю работу по закладыванию Витиного архива в интернет-архив. Ну, а если взглянуть под новым углом: жизнь предоставляет возможность преодолеть пугающие меня новые интернетные трудности и стать почти хозяйкой на нашем сайте, а если Бог даст, то и участвовать в обсуждениях — вроде бы радоваться надо. Это преамбула.

Начну отзыв. Почему начинается том 2 с рассказа об ученике Канта — скорее не поняла, чем поняла. Рассказ о деде и «Крестах» увязывается с концом тома («Эстафета памяти») и поясняет время, в котором проходило Ваше столкновение с тем же режимом. Пьесы не пробовали писать, только смотрели и анализировали? Сходство повествования 2-го тома я усмотрела с пьесой — порадовалась добротности сработанного.

Мне, конечно, жаль, что описаний цеховой жизни стало мало, хотя понятно почему. А про партфункционеров читала как про давно и хорошо известных мне, предсказуемых лиц. Беседы с ними не требовали вдумчивого чтения, и хоть Ваши аргументы заведомо перекрывали обвинения, заранее понятно, что они будут проигнорированы. (Оговорюсь: не драматург плох, а жизнь без прикрас такая).

И хоть Ваши ближайшие друзья приняли Ваши действия по «делу» как продолжение Вашего эксперимента, и Вам вполне удалось показать «анатомию и физиологию» социального организма средствами «драматической социологии», а еще Вы вышли победителем, повзрослевшим и помудревшим, меня не покидает чисто бабья жалость: еще одному человеку досталось от родного государства.

Первую выписку я сделала, наткнувшись на вопрос Р. Ленчовского «на что же мы надеялись?» Сразу скажу, что язык Р. Л., его теоретизирования для меня трудны. Р. Л. — Ваш целиком, в отличие от Анри К., который уже поселился в моем сердце за то, что так по-доброму объясняет мир и людей и дарит читателю праздник с грустинкой.

(Нет, как-то этого недостаточно. Пусть такое случится, чтоб я все, что у меня есть от А. К., разом перечитала и нашла благодарно-хвалебные слова для него. Захотите, перешлете ему. У меня малый опыт рецензирования и, вообще, писания. Нужные слова лежат в глубинах памяти и редко вызываются хозяйкой для составления точных, эмоционально окрашенных фраз).

А пока хотя бы 4 строчки его (*Анри Кетезата. — Ред.*) стиха выпишу для себя и попробую запомнить: «...Перепаши обиду плугом, / Пусти беду на семена. / Уж если стих — из сора, лебеды, / Взрастет и радость из беды».

Комментарий

А. Алексеев — Л. Ткаченко

«Уважаемая Лиля! Как бы отвечая на Ваше замечание=оценку творчества моего друга, приведу здесь еще одно его стихотворение, которое наверняка будет Вам со-

звучно, особенно с учетом Ваших теперешних архивных занятий и куда раньше меня сложившегося осознания значимости «эстафеты памяти» (см. ниже: раздел 6.2.9). Стих называется «Графотерапия»:

«Рванула внезапная мина / На поле, где все заросло. / Седая и сохлая глина / Плеснула кровавым суслом. / И вспучилась память словами, / Развившими в нюх и поддых. / И образами – не образами / Опять я спасаюсь от них. / Пером – нет, не вечным – шиваю / Открывшейся раны края. / И дикую боль приручаю, / Бумажного глядя коня» (6 августа 2006 г.)⁸⁴.

<...> Мне давно хотелось знать, как оправдывают себя, свое неучастие хотя бы в самиздате совестливые «работники идеологического фронта», Сахарова-Солженицына читавшие. Или может у них независимое мышление, опирающееся на голос собственной совести, как-то особо выжигают при учебе и работе, как, нам представляется, у юристов (судей), которые редко оказываются способными не упечь подсудимого в «казенный дом», пойти в обход существующей жестокой практики осуждения провинившихся.

С рабочими мне понятно, с моими сотрудниками-патентоведомы тоже... Не забуду скошенный на меня взгляд зам. начальника нашего отдела, когда я спросила его, нельзя ли вписать меня в объявленный список на покупку машины, объяснив всем влук, что отец просит. «Да как ты, беспартийная, имеющая запятнавшего себя мужа, посмела подумать, что тебя могут включить в этот список?» – говорил его взгляд и какие-то междометия (незадолго до этого он провел со мной протупывающе-предупреждающую беседу). Он сам новую машину по этому списку купил, продав старую. Он из тех, кто, как образно написал учитель А. В. Давыдов, «кто носит партибилет как щит – броню от нападок, недоверия, как всесоюзный пропуск к лучшим местам и благам, к «ласке государства»». Окажись он в парткомиссии вашего цеха, не отстал бы от других в старании подтвердить все навешанные на Вас обвинения.

Да и Сергей Л., которого Вы так симпатично описали⁸⁵, окажись он в парткомиссии, не свернул бы с указанного партийей пути. Сергей Л., конечно, не циник, да и нашего <...> (имя рек. – Ред.) я, может, зря к циникам отнесла. Скорей всего, свою веру в непогрешимость компартии и ее верховных функционеров они (<...> и Сергей Л.) сохраняли в нашем мире, полном безобразий, для своей устойчивости, как опору.

<...> Я понимаю, что на мои претензии к вашей братии (имеется в виду гуманитарная интеллигенция. – Ред.) массу возражений можно наставить. Много их и в книге. И все же в моем воображении – бойцы идеологического фронта были на каждом шагу... Как и в технарских слоях, могли быть у вас, люди, желающие приложить свои усилия к реформированию страны, к тому ж появилась подсказка – надо находить бреши в системе и, оставаясь внутри <...>, в этих брешах орудовать. <...>

Пишу это, чтобы изжить окончательно старые «обиды» – претензии, удивляясь тому, что они еще сидят во мне. Почему сидят? Я ж вовсе не считаю, что все заслуги в произошедшем изменении нашего строя – у диссидентов (да и сама я лишь диссидентская жена), и полностью согласна, что «перестроечные силы» к 1985 г.

⁸⁴ См. также ниже: глава 7. .

⁸⁵ Сергей Л. – молодой рабочий, цеховой комсорг в цехе, где работал автор этих строк. (Примечание А. Алексеева).

созрели внутри самой официальной власти. Больше того, я Вам лично верю и вижу из книги, что Вы и ближайшие Ваши друзья думали и действовали, как говорили (в основном, а совсем без «лукавств» — как обойтись?!). <...>

И не оправдан мой невысказанный упрек в малочисленности Вашего действующего окружения — вон какой замечательный список защитников Вы создали (как умеете быть благодарным)!

И все же я сделаю (для себя) последнюю выписку, чтобы насовсем перейти к Вашей максиме: «Мир не надо перестраивать, в нем надо жить».

Б. Фирсов говорит о двух «неотмоленных грехах» (*советской социологии*. — *Ред.*): 1. Слепленние образом государства. Гипноз и слабоволие обществоведческой мысли... под влиянием государства, чьи иллюзорные добродетели и фальшивое человеколюбие служили щитом для маскировки абсолютной и жестокой власти... Идеология подавила независимость научного мышления; 2. Примирение с социальным порядком... Социология оказалась втянутой в процесс утверждения униформизма общественной жизни и удержания людей в границах повиновения...⁸⁶

Видите, не я одна так думала. <...>

...Почему-то захотелось рассказать, что я вижу, сидя за садовым столом у стенки снимаемого Темой деревенского дома. Передо мной — воздушный сферический сектор с углом 90 градусов (четверть арбуза), солнечный день с птичьим щебетанием <...>. Безоблачное в половине седьмого небо сейчас уже натянуло на себя влаги с земли. Один за другим, с периодичностью 5-6 мин., с негромким громытием на приличном удалении проплыли на восток с недалекого кельнского аэродрома шесть самолетов и на юг — два. Сейчас тихо чертит свой путь самолет, который не собирается пока снижаться. На дальнем горизонте — Синегорье. В один из приездов (*в Германию*. — *Ред.*) нам показывали эту страну: ее потухший вулкан и скалы, куда всегда рвутся Темина однокурсница со старшей дочкой, приезжающие из близкого (5 часов всего) Парижа. А на ближнем горизонте на горках прирейнской возвышенности большие и маленькие догги, знакомые даже Танечке: в деревне слева — ее первый детский сад, в большой деревне прямо — сейчас у нее танцы и музыка, и здесь же высоченный шпиль католической церкви. Мы с Витей прошлый раз туда ходили пару раз. Птице долететь, ну, не больше двух километров, а нам со спусками, подъемами, вольными тропами путь не казался близким, но это ж были прогулки, одна другую не повторяющие. Перед домом (он на краю деревенской улицы) — луг, сено с которого убрали в мае, и он растит траву для нового покоса/

Тема уехал в свой офис за Кельном (в ведении его гос. фирмы — кабельное телевидение и интернетное обслуживание), по дороге завез Танечку в детсад. Ася сидит за переводами и в половине первого поедет за Танечкой, а я прощаюсь с этим прекрасным, четыре года уже знакомым видом и миром (рано утром самолет, а потом цепь привычных обязанностей). Тема, похоже, научил меня задуманному, и я смирилась с тем, что мне, терпеливице, придется самой выкладывать Витины материалы на нашу страничку. Месяц назад перебирали бумажный архив и убедились, что, по-хорошему, надо еще много оцифровывать и укладывать. Прошло больше полутора лет, как начата эта работа, и на ближайшие полтора ее хватит. Витя уговаривает меня признать архивирование в интернете моим кровным делом.

⁸⁶ Здесь близкий к тексту пересказ цитаты из Б. М. Фирсова. Дословно см. в: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 2, с. 252-253. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_188-287.pdf).

Вот и Тема в ту же дуду независимо от Вити подул... 40 лет назад я добровольно приняла на себя заботы о сохранности Витиных работ и оседающего у нас сам-и тамиздата, таскала его по 1...7 захоронкам. Что мешало сейчас сосредоточиться на интернетном архивировании? Прежде всего, недоверие к электронным носителям: вдруг в какой-то момент у всех компьютеров разом «все пробки перегорят», и вся информация исчезнет, а бумажные тома разложены по трем не нашим архивам и еще есть... И когда я только это бредовое опасение преодолела?

Витя мечтает, чтобы мы, а точнее — я описала людей, с кем жизнь свела. В этом Вы — пример: для каждого из подаренных Вам (Вами...) людей — свое описание, обязательно теплое и точное. Профессионал! <...> У меня же — и память ветшает, и мыслям в голове не тесно, и текстов их у нас мало. И все же, видно, никуда не деться... Как Вы говорите: «Человек живет под нагрузкой, он живет, пока ему есть что преодолевать, в себе ли, в обществе ли». Вот займусь большим делом и некогда будет помирать. Вон сколько у Вити планов, надо соответствовать, чтоб не оставить его одного с незавершенными делами.

Может, мне отказаться от идеи — чтобы обо всех, может — только о родственниках? Тема показал мне, что новенькие родственники, обретенные через интернет, имеют на его древе номера после 808, но реально я знаю и что-то могу записать о существенно меньшем числе.

...Остались совсем не затронутые темы этого тома (только случай в Варадеро чего стоит — восторг!), но, предвидя свою летнюю загруженность, поспешу отправить письмо уже из дома таким, каким уж оно получилось. Писала я его долго.

<...> На ответ надеюсь, т. к. хочется думать, что я вас своими наскоками не обидела и не слишком разочаровала. Большой привет уже более знакомой после этого тома Зине!

Р. S. О переустройстве мира. Вопрос: взваливать на себя перестройку мира или нет — все равно будет приходить в горячие молодые головы. Вы свой долг перед будущими поколениями в этом направлении выполнили, спрессовав продуманную мысль до формулы: «мир переустраивается сам, и не в соответствии с нашим его образом желательного (идеального), а в результате реального взаимоналожения и взаимопереплетения мыслей, воли, чувств» (с. 2-466). А значит, озаботься, дружок, тем, чтоб выработать свой кодекс достойной жизни, по нему живи и надейся, что твои внуки-правнуки будут жить уже в чуть улучшенном мире.

(Л. Т.)

(3)

Пт 15.08.08

<...> Прочла том 3 уже давно, отозваться сразу летняя суета не дала, да и не знаю, когда доберусь до «почтового компьютера». Последнее Ваше письмо от 26.07.2008, которое мне удалось лишь просмотреть <...>, показало, что жизнь заставляет Вас писать очередной том (*имеется в виду настоящая книжка. — Ред.*). Так что мои моления, чтоб Вам дали спокойно работать, — ни до Бога, ни до начальства пока не доходят.

Начала писать на бумаге (компьютер не включался) еще в середине июля, когда внуки разъехались, а сейчас уже август: Филю привезли на месяц, Антошка

с другом планируют быть с 16 августа до школы, может, Настю на какое-то время привезут. Гриша, дождавшись результатов приемной комиссии, прибыл к нам на 3 дня и покатил сегодня выполнять свои отпускные планы. А поступил он на бюджетное отделение социологического факультета педагогического института. Для нас главное, что он и студентом побудет, и кругозор расширится. Жизнь ему, призыву не подлежащему, предстоит нелегкая. Все, больше не отвлекаюсь от своей главной задачи — написать отзыв на том 3.

До разъяснений в этом томе две составляющие названия Вашей книги были для меня неравноценны: самоанализ был не очевиден, скорей, по выражению третьекурсницы Киево-Могилянской академии, было умение «социологически посмеяться», да описание своих поступков, которые Вы на пятом десятке вполне могли от себя ждать. Светлана Ф. Минакова подвигла меня «мыслить философски-масштабно». И вот я уже вижу в Вас человека, впитавшего нашу эпоху, полноценно самоосуществившегося в ней и талантливо через себя показавшего ее читателю, историку, социологу («я так много узнала о времени, когда мои родители были молоды», — пишет студентка. — с. 3-97). Я написала это всерьез, а теперь, когда печатаю и уже знаю о примененном к Вам определении «бренд»⁸⁷, даже робеть начала перед Вами и укорять себя, что <...> не выписываю, как это делала в молодости. Но... ведь ушло время ученичества, и я даже не знаю, что делать со своими (*прежними*. — *Ред.*) выписками. Спросила Галю — ей 40 лет, она теперь хозяйка дачи, не жечь ли их и еще отчеты научно-технические, она, женщина жутко рационально мыслящая, учительница красивого движения в своей Вальдорфской школе, согласилась, обосновав, что раскрывать их никогда не будет, но Алеша, 34 года, разработчик yandex'a, попросил оставить. Может, когда и полистает, чтоб в конце концов «наложить резолюцию»: «Палить!» Так что лучше я pošлю Вам это письмо, в которое кое-что впишу для памяти.

Гл. 11. Выводы из Ваших исследований, из доклада Заславской, да и из Витиных экономических статей, как Вы написали, приглашали к совершенствованию системы. Да и диссидентские ранние призывы: «Выполняйте свои законы!» — в том же ключе. Но не способна была система к совершенствованию (хотя и появлялись росточки — их бы лелеять), выморочная она стала (Ваш термин), и ждал ее демонтаж, но и до сих пор не поддается демонтажу, как дракон, у которого все отрастают отрубленные головы.

Гл. 12. Сперва процитаты из И. Бродского (сс. 3-87, 149) Он талантливый поэт, но то, что Вы цитируете, никак не соответствует сути Вашей прозы. Мне представляется, он Вам перпендикулярен, если не противоположен. Простите!

С аппетитом поглощала Ваши сюжеты из «апрельских заморочек», не уставала радоваться разумности («работа по правилам чревата, ею можно вообще застопорить производство»), приметливости (услышал по звуку ударов пресса, что металл не тот...). Удивило и порадовало Ваше предложение, как вернуть потери от пересмотра норм на ПКР. Вот и говори после этого о вреде выпивки!.. Я, может, потому ничего не изобрела, ни одного афоризма не придумала, что «расслабляться» так и не научилась. И вообще высокая зарплата как общественное признание сама «находит героя» нечасто. Именно самоуважение заставляло напоминать, настаивать на ней. Подозреваю, что на больших кап. предприятиях в этом плане такие же проблемы...

⁸⁷ См. выше: раздел 1.15.

С удовольствием сейчас (я ведь том заново листаю) перечитала А. Солипатрова. Какая незамутненная логика рассуждений, исходящая из одного — пользы дела! А после грустная статья о положении рабочих в настоящее время. Читала и все твердила: ну что поделаешь — переходный период. Вплоть до Вашего вывода: «Наблюдается «расширенное воспроизводство» старых проблем. Ни одна из прежних проблем не решена!». За что боролись?

Наверное, изменения имеют место в нашем обществе за счет новых явлений. С каким интересом работают наша Галя и ее муж в школе (он — директор) нового для России направления! Алеша тоже ценит свою интернетную фирму, хотя даже его талантливые руководители в русских условиях не могут организовать работу своих программистов, как это получается у американцев.

Гл. 13. Из жизни социологического сообщества. Исключение из социологической ассоциации после исключения из партии настолько «естественно» для того времени, что и не читала всерьез. Найти обвинение вроде «хождения в народ» и потом проголосовать за исключение — это так в духе времени, никакой неожиданности. Неожиданно только, что суд о защите чести и достоинства встал на Вашу сторону.

«Смутное время» в социологическом мире стало, видно, таким мутным, что будь у Вас куда уходить, может и уйти из него следовало бы.

Гл. 14. Очередной «рабочий детектив» и не хочется ничего пропускать.

И этот Ваш вывод, который вывелся у меня еще из парткомиссии, ищущей доводы для Вашего исключения (у Вас это, конечно, раньше, просто сейчас он вписан, или я пропустила?): «Члены комиссии с готовностью подчинились бы указанию сверху. Но — не давлению снизу». Эта национальная черта давно и прочно вбита в наше сознание и проявляется в разных видах, вроде «снизу — кошка, сверху — мышка». Спасибо за стишок Н. Рубцова о козе и огороде — это уже о другой черте национального характера, гораздо более естественной.

А вот тезис «перемен не надо «ждать», их надо — самим осуществлять» годится только для свободных людей, маленького меньшинства в нашем народе. Цеховой парторг оказался из способных вдохнуть ветер перемен и решиться перемену совершить — написать характеристику «как оно есть», дав волю своей совести. Я думаю, в его жизни — это незабываемый момент самоуважения.

Гл. 15. И опять с удовольствием читаю заметки «борца с административной дуростью» о жизни во время двухсменки, введенной (верю) «для маскировки неритмичности производства, для повышения «управляемости» рабочими...» и «испытателя на себе» системы соцсоревнования, продлевающего все это последовательно, неустанно, разумно и получающего в ответ от другой стороны: «демагог», «разлагатель», «сутяга».

Дальше, не для Вас, для себя, я хочу записать слова, которыми Вас характеризовали товарищи по бригаде: «трудится честно, держится просто, отзывчив... никогда не откажется помочь товарищу и советом, и делом... сегодня он один из авторитетнейших рабочих нашего цеха... таких, как он, принципиальных, не отступающих от правды, настоящих коммунистов, — не так уж много среди членов партии...борется за гласность и справедливость, за уважение к рабочему, за порядок на производстве...». Решусь на обобщение: достались Вам от предков, пронесших из позапрошлого века свою интеллигентность, и ума палата, и сердечность. Отстояв и развив их в наших тяжелейших условиях, Вы <...> восстанавливаете доверие к жизни у усомнившихся. Спасибо!

Мне кажется, что это мои выводы, но поскольку три тома я уже прочла, то может, чьи-то слова застряли в мозгу, а я их принимаю за свои...

Гл.16. Наконец-то, получилось прочитать очерк Л. Графовой и сейчас еще перечитать. Вот и она увязывает Вашу доброжелательность с потомственной интеллигентностью, правда рабочих, но я-то знаю, что вы из другого слоя интеллигентов.

Статья достойна своего героя. Опять же хочу для себя немного оставить, не обессудьте, что Вам приходится перечитывать давно знакомое, я же запоминаю сейчас:

«Активность и последовательность – суть его характера. А еще – дотошность. В быту эта черта близка к занудству, в науке – ценнейшее качество... Он вводил социологию в грех реализма – Р. Ленчовский... Самая демократическая из наук была лишена гласности... «Нам нужна социология как кран: открыл – потекла информация, закрыл – все спокойно» – какой-то деятель... «А. – гордость ленинградской социологии» (на собрании социологов 1987 г.)... «А. – самым фактом своего противостояния помогал мне избавиться от страха» – один из друзей... «Сознание общественной значимости своих действий, умение посмотреть на ситуацию со стороны и из будущего, способность не поддаваться на постановку вопроса «гонителей» (они вечно толкают нас в положение «оправдывающихся») удержали А. от той бездны, на краю которой стоят многие правдоборцы, рискуя превратиться в фанатика или жертву».

Правильно, что она кончает статью Вашим афоризмом: «Перемен нельзя ожидать, их надо делать»⁸⁸.

Вашей интерпретацией очерка Графовой («Разговор героя с Автором») дважды повосхищалась, не могу даже толком сказать почему. А уж афоризмы Ваших ответов в интервью Ненашеву хоть подряд выписывай! Удержу себя. Высказывание Ядова о Вас пусть будет последним:

«Эволюция требует, чтобы кто-то шел на грани риска, пробуя первым. Алексеев свою авантюрную (в хорошем смысле) натуру приспособил для нужного дела..»

Из людей этой главы наиболее интересен мне математик Рэм Георгиевич Баранцев в статьях И. Преловской (интересно, спустя 25 лет, наработки семинара, который занимался структурированием информации с различным предметным содержанием, оказались полезными, например, программистам, и вообще как-то развиваются?) и фрезеровщик Геннадий Богомолов из статьи А. Ежелева, не желавший работать вополсилы. <...>

Гл. 17. О прошедшем мимо нас росте Вашей популярности – хорошо, что Вы все важное сохранили, и я (Витя стоит на очереди на том 3) увидела «живые картинки» времени <...> и за людей порадовалась, кому Вы могли тогда эффективно помочь. Почему-то было приятно в Вашем перечне прочитанных книг видеть те, что доставляли и нам радость, нередко с теми же оценками, например, письма Короленко к Луначарскому и др.

Интересно, Вы познакомились с М. А. Поповским самостоятельно или через его двоюродную сестру – ленинградку? Мы у нее останавливались, когда приезжали смотреть город. А М. А. не одобрял Витино поведение после выхода из Бутырки,

⁸⁸ Здесь не точное цитирование, а конспект Л. Т. см. в: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 3, с. 410-419. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_409-501.pdf).

писал нам резкие письма, и даже двухразовая встреча в Нью-Йорке в 1990 г. не вернула прежней радостной расположенности. <...>

В приложение к этой главе Вы «уложили» вполне симпатичных людей. Интересно, как сложилась судьба героини Житомирщины? Боюсь, что стала она просто чиновницей, даже не Эллой Панфиловой. Ну, сколько было заряду...

Гл. 18. Глава начинается с очень точного определения происходившего: перестройку подменяли «перестроением» — перераспределением денег в пользу администрации. Что изменилось в промышленности через 20 лет, я плохо понимаю. Остовы брошенных заводских зданий в ГДР я хорошо помню. Но не было у нас высокоразвитых соплеменников, которые бы быстренько заменили старые станки, технологии и здания на свои деньги!.. А своих, даже ставших довольно быстро богатыми, ничто не располагало к тому, чтобы думать о принесении пользы Родине и ее людям.

Почему-то сразу не поверилось, что идея с СТК не будет выхолощена администрациями, и Вы подтвердили, что они уж постарались. <...> Но это взгляд со стороны, а Вам, конечно, нельзя было не откликаться на вопросы своих товарищей: «А нам-то что делать?». Даже ко мне, уходящей с какого-то общественного мероприятия с горящими глазами, обратились двое пожилых рабочих с этим вопросом. И я говорила, что их заводу АЗЛК надо срочно переходить на выпуск новых автомобилей, требовать от администрации, чтоб инженеры их разрабатывали... и прочие нереальности. Но они качали головами и отводили глаза.

Гл. 19. Вашей активности в первые перестроечные годы удивляться не приходится — список групп, в которых Вы участвовали, на полстраницы — внушительно, а потом еще и еще. Понятно, что когда-то Ваш «политический ресурс» должен был быть исчерпан. Этот ресурс у Виты исчерпался раньше — в 1989 г. он стал «Группой», нацеленной на помощь в изменении законодательства в отношении экономических преступлений, в исключении большинства из них из-под гнета Уголовного кодекса и в соответствующем освобождении несправедливо осужденных. Участвовал в правозащитной организации В. Абрамкина, настроенной на изменение всей нашей пенитенциарной системы. Я не подошла Абрамкину в секретари — по-разному мы, оказалось, представляли эту работу, я, понятно, не масштабно, а человечно. Витя мне, как секретарю, обрадовался. Ну что ж такое, все к себе и к себе возвращаюсь.

А в целом Горбачевско-Ельцинское время нашему окружению давало пьянящие надежды на оздоровление страны и возможности себя реализовать в соответствующей человеку сфере.

Интересно, был ли в Москве театр, в чем-то похожий на ваш Интерьерный? Я ведь могла и пропустить. Правда, я знаю, меня не было бы в карнавальных толпах, следующих за Н. Беляком. На демонстрациях и митингах, куда Витя меня с трудом затащивал, я чувствовала себя чужаком, пешкой в чужой игре. Только доверие к Вите позволяло справляться с собой.

Интересное сообщение: «...Собчак, двинутый в Ленсовет тем же «Интерьерным»...». Артистичный Собчак «вывел в люди» огнедышащего дракона Путина. Можно грустно констатировать: «Доигрались...», а можно уповать на судьбу.

Главы 20 и 21 обсуждать не хочется. Хочу только выписать из письма НН: «Настоящий политик должен автоматически обвораживать каждого встречного, как настоящая женщина — каждого встречного мужчину». Выходит, что настоящие политики мне не попадались (может, потому у меня такое

отталкивание от политики?) <...>. Вообще его письмо мне очень созвучно и хорошо Вы ему ответили.

Не жалко Вам Ваших усилий на продвижение Г. Богомолова в нар. депутаты, Вы же могли предвидеть, что он быстро вернется к своему станку?

Про «уличные опросы» я теперь много знаю, и немного жалею, что порой ускользала от интервьюеров.

Вы поставили себе задачу — «не ослаблять усилий постижения, т. е. раскрытия смысла (и механизмов) происходящих в обществе процессов, а также...». Как «ответил Вам» Ю. Афанасьев: «Пока у нас есть такая возможность, надо это делать». И я Вам того же желаю, даже если судьба распорядится выйти Вам на пенсионные хлеба.

Л. Т.

(4)

Вс 19.09.2008

Вот и закончилось мое знакомство с миром людей и их размышлениями, притянутыми Вашим <...> силовым полем, подтверждавшими и обогащавшими Ваши мысли-идеи. Состоялось и мое опосредованное знакомство с разными людьми — от обычных до сверхталантливых. Уж не заужавать ли мне себя за это? Да, нет... <...> И все же, мне (нам) повезло на встречу с Вами, с Вашей книгой.

Напишу о том, что меня заинтересовало в четвертом томе. Читать отзывы умных, доброжелательных, болеющих за социологию ученых — вроде бы ничего особенного не ждать — конечно, они должны дать высокую оценку и Вашей, воспринимаемой как эксперимент, жизни, и Вашей книге. Ну, а псевдочуждых, вроде Григорьева, на Вашем пути встретилось предостаточно. <...>

Неожиданно для меня прозвучавшей критикой в Ваш адрес у Ядова (об амбициозной тональности) я заинтересовалась, но сколько не терзала свою память — не нашла следов амбициозности. Подумалось, что в Ваши молодые годы амбициозность от Вас, живого, не книжного, вполне могла исходить (были и остаются основания для нее). Это качество — дополнительные дрова в топку паровоза.

Отзыв Б. Максимова — очень теплый. Он <...> говорит, что только «сопереживал», но ведь не только... Р. Рывкиной я поверила, что Ваша книга имеет большое будущее. Вот только не поняла, почему она предлагает при переиздании менять жанр. Ну, непонятны какие-то научные статьи — отступись, в конце концов. Зато какое удовольствие после трудных текстов я испытывала, переходя к производственным разделам!

Из М. Седуновой я немножко выпишу.

«Не будучи формально идейным противником власти, он стал идеологическим отступником: посягнул на монополию власти на формирование общественного сознания». «...опыт А. Н. можно назвать формой опосредованного противостояния режиму — своеобразным «профессиональным» протестом». Она говорит о разнообразных формах социальной активности в первой половине 80-х — действительно, нечего диссидентам выдумывать, что это они «свершили перестройку». «...Сдвиг от монолитной структуры советского общества к общественной дифференциации, сужавшей рамки контролируемого общественного пространства, и привел, наверное, в конечном итоге, к разрушению властной и политической системы в целом».

Поэтессу Э. Ракитскую я узнала только из Вашей книги, приняла ее стихи и поверила ей безусловно.

Конечно, я очень заинтересованно читала письмо-дневник О. Старовойтовой, в котором все вперемешку, как и в жизни: «хранительница маяка», старинная знакомая — помощница и т. д. С удовольствием отметила, что и для нее (не только для меня) Ваши откровения (в работе и общественной жизни) — побудители ума <...>. Ей гораздо больше, чем мне? удается переводить внутреннюю речь во внешнюю, т. е. домысливать. У меня по части домысливания плохо. Потому, наверное, я с почтением вспоминаю из рецензии Г. С. Померанца, а потом из интервью, Тамару Петкевич, умеющую «додумывать все до конца». Эта фраза меня заворожила, похоже, Вас тоже (Вы применили ее к Э. Соколову), но в отличие от меня, наверняка, понимаете ее «до конца». Книгу «Жизнь — сапожок непарный» надо постараться найти.

Конечно, спасибо, что и моего Вити мысли вмонтировали в книгу, а значит, и в свою жизнь.

Это правильно, что Вы включили в книгу свои ранние статьи. Что ж отказываться от себя — молодого?! Тем более уже тогда начался путь к социологу-рабочему, к главной, по моим представлениям, жизненной вершине.

Григорьева не комментирую, ладно? Я ведь не сумела заставить себя вчитаться в рассуждения чужого по всему человека.

В. Н. Шубкина в свое время даже я читала (после Витиных восторгов) — ощущение живого слова осталось.

Сережа Белановский и его брат очень нас поддерживали во время Витиной отсидки: Сережа продолжил сборники Витины (№№8-11 ЗЭС⁸⁹ его усилиями «увидели свет»), а его брат <...> переснял на фото пленку весь наш тогда уж не маленький архив. Еще Сережа подарил Вите книгу, которую Вы цитируете, и тот ее мысли как-то использовал в своей «Сумме...»⁹⁰. Вот такие переплетения... А о социологических размышлениях Сережи, Вас, других я не сужу, и Вы понимаете почему. Вот только выпишу Вами выделенную «простенькую мысль Г. Саганенко:

«В «рефлексивной социологии» реализуется иная целевая направленность — предложить реальному человеку некоторые инструменты для систематического осмысления им отдельных значимых сторон жизни в контексте актуального общества...».

Мне не удалось представить, как может быть построено обучение «систематическому осмыслению», но почему-то я — «за!»... для молодых людей, а себя на изучение социологии мне не подвигнуть. Принимаю как совет себе Ваше: «Да живите Вы себе, как живется! Не превращайте самопознание в мучение...».

Рассуждения Н. Козловой о значимости повседневности мне, конечно, пришлись по душе. Наши многолетние споры о значимости повседневности с ценителями возвышенного, презирающими обыденное, как бы были услышаны Н. К. и спасибо ей, что перевела их в философские термины для тех, кто только в них и рассуждает. К самой себе, как к человеку обычному, достойно ведущему свою линию жизни, отношение у меня давно не меняется, так что это не новый для меня «кубик», но очень ценное сообщение для тех, кто его еще не усвоил. Выписки все же зачем-то сделаю, хоть они больше для социологов, чем для меня. <...> Еще мне запомнилось, что Вы приложили ее определение «коллажи» — намеренное соеди-

⁸⁹ Самиздатские сборники «В защиту экономических свобод» конца 1980-х — начала 1990-х гг. Подробнее см. ниже: раздел 6.2.8.

⁹⁰ Сокирко В. В. Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы: Учебное пособие. — М.: РосКонсульт, 2000.

нение — к своей книге: «упорядоченный тематически и хронологически «коллаж жизни» с первичной попыткой (скромничаете, вполне достаточно для читателя) концептуализации».

<...> Приложение к этой главе начинается с А. Ухтомского. Занозой сидит Ваша фраза об Ухтомском: «Он еще будет Вашим». Ну, не можете же Вы верить, что я способна взять в учителя серьезного философа, что я вообще способна учиться новому, а не только переставлять как кубики уже понятое и познанное, что-то в этой перестановке немного проясняя? Да и вообще, мне неловко читать, что Вы придаете значение моим отзывам на книгу. Скорее всего, Вы «читаете между строчек», т. е. додумываете за меня мою «внутреннюю речь». Мне остается радоваться, что мои кусочки мыслей представляют интерес для Вашего социологического мышления. Как говорится: не жалко, пожалуйста.

Всех последующих (*представленных в книге*. — *Ред.*) философов и о них я честно читала, но прошло немного времени — забыла. Не нашлось в моем мозгу острых зацепок, все они оплыли, стали такими скругленными, почти и не выступами.

Долистала сейчас том до Г. Гачева. Удивляюсь, почему не притянулось к нему мое сердце, хотя б в ответ на «Приглашение к доверию». И вообще такие теплые дневниковые записи! Может, Вас обвинить, например, так: не будь Ваши тома столь густы от неизвестных мне людей и их мыслей, я с Гачевым вошла б в неторопливый диалог, ведь и мне есть что вспомнить. Вот один пример. И я в 40 лет радовалась возможности учиться. Какая была сласть учить новый язык — английский (надо было для велопоездки с американцами по Украине)! <...> Все. Перелистываю — не «занозилась» на будущее перечтение, в отличие от случаев с А. Ухтомским, С. Розетом, А. Кетегатом.

Новая глава. <...> Олеся Козина. Большое уважение вызвала ее работа со студентами, и совсем не заинтересовали ни стихи, ни автореферат. На свою бесчужденность я посетовала Вите, добавив, что Вы-то приветственно включили их в свою книгу. Какое ж было облегчение, когда дошла до с. 389, где прочла: «К сожалению, в большей их (стихов — Л. Т.) части они для меня оказываются все же «темными» (мало доступными)». И дальше так изящно: «что, вполне вероятно, скорее «моя проблема», чем Ваша». Бодро присоединяюсь.

Спасибо за возможность познакомиться с Ч. Р. Миллсом — как ему много было дано! Его понятие «социологическое воображение» меня загипнотизировало. Оно, наверное, сродни понятию «поэтическое воображение» и его можно развивать, если человек им наделен изначально, т. е. от Бога. Вон оказывается, что нужно человеку, чтобы оказаться «настоящим социологом»!.. До чего ж красивая фраза: «посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит с ним самим — в точке пересечения биографии и истории общества». Да и все его рекомендации больше, чем наполовину написаны сердцем.

Еще один самородок — в следующей главе — целых 30 лет живьем входил в Вашу жизнь и сейчас не забыт — Эльмар Соколов. Сентенция «он не ждал перемен, он их делал в своей сфере» мне хорошо известна из других Ваших томов. В ней много достоинства.

Что касается Р. Баранцева, то так и ухожу из Вашей книги без понимания синергетики, оставляя себе только название его науки — совместное функционирование органов и систем. Зато в предисловии О. Тоффлера к книге Пригожина наконец-то понятно для меня (упрощенно) объяснены идеи Пригожина. Запишу, как поняла. <...> Я — за «спонтанную самоорганизацию».

После этих разъяснений занавес между мной и синергетикой Баранцева чуть поредел. И я уже вполне восприняла и согласна с тем, что сложным системам нельзя навязывать пути их развития, а нужно обеспечивать самоуправляемое развитие, правильно организуя воздействие в пространстве, времени и масштабе. Чтобы действовать, надо верить, что знаешь, как и куда направлять вектор своих сил, а значит, верить, что твой «внутренний голос» своими нитями связан с той системой, помочь развитию которой ты намерен. Как замечательно устроен наш мир! Хорошо, что он дозволил мне побыть в нем какое-то время. Хорошо б его оценка пребывания меня в виде человека была оценена в целом со знаком плюс...

«Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь... чувство умеренной надежды» — И. Пригожин. Нет, я, пожалуй, постараюсь сохранить «слепую уверенность» в том, что глобальной катастрофы с нашей землей не случится, а все остальные, даже серьезные, она умеет залечивать.

Сделаю еще выписки из статьи В. Ядова (понятно, что для себя) о прогнозировании социальных изменений в России и закончу. <...>

Том уже в Витином владении, да и устала я, поздно. Утром поезд повезет меня в Армавир, в 17 км от которого похоронена моя мама, а потом намерена поехать за Краснодар на папино место упокоения, где недавно и моего двоюродного брата похоронили, и его жена, любимая им и мной внучка, его родители — на этом же кладбище.

Большое спасибо за Ваш труд! Лиля

Постскриптум

А. Алексеев — Л. Ткаченко

<...> Конечно, такое читательское внимание и «мысли вслух» по поводу прочитанного — бесценный подарок для автора. Спасибо, Лиля! Я все еще собираюсь с силами, чтобы ответить Вам обстоятельно и адекватно Вашему накалу искренности и понимающего дружества.

Перепрашивая Ухтомского, скажу: «Вы — заслуженный автором читатель». (У Ухтомского: заслуженный собеседник — тот, которого ты заслужил⁹¹). <...> (Сентябрь 2008)

Приложение 1 к главе 5

Из материалов к докладу 25.01.2007

(1)

*Примеры простейших моделирующих ситуаций из книги
«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»⁹²*

(1) «Держите давление!

...Когда в воздухопроводящей системе давление падает до 4 атмосфер,

⁹¹ См.: Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: Этика, Религия. Наука. Рыбинск: «Рыбинское подворье», 1997.

⁹² Приложение 3 из Материалов к докладу А. Н. Алексеева на Ученом совете СИ РАН 25.01.2007. См. выше: раздел 5.1.2.

пневмозажимы моего станка плохо держат заготовку. Она сдвигается от ударов пресса, нарушается взаимосвязь отверстий. Что является непоправимым браком. На пяти атм. работать можно, но очень внимательно. Может и сдвинуть заготовку. Зато на шести — полная уверенность, что этого не произойдет.

Положено вообще в цеховой системе иметь 6 атм. Но никто в цехе за этим особенно не следил, пока я не приучил. Наблюдаю за давлением по манометрам не своего станка, а соседнего, обрубного пресса. Так, чтобы ясно было, что давление если снизилось, так в цеховой системе, а не только у меня. Тогда мастер, или наладчик Стас Политов, или я сам — звоним в компрессорную: «Мало воздуха!». Тем придется поднимать давление до шести атмосфер. Иногда это затягивается на час-полтора.

Я «избаловался» и вырубаю станок даже при 5,5 атм. (когда, хоть и с риском, работать можно). А с чего это я буду рисковать?.. Положено 6 атм. — вот и будьте любезны мне их обеспечить. За брак-то с меня спросят, не с компрессорной.

Держите давление!>

(2) Будни ДНД

...Дело было 2 июня, в среду. Четверо дружинников, из них трое — члены партии и один — комсомолец, обошли свой участок положенным маршрутом. Перед тем, как вернуться в штаб ДНД, заглянули в подъезд одного из проходных дворов, чтобы «приговорить» бутылку бормотухи.

Затем самый активный из нас четверых, по прозвищу «Усатый», выразил желание добавить. Он, вообще-то, еще в обед принял, потом, перед ДНД, успел побывать «на бочке». Но держится крепко («гладиатор», по выражению Альфреда Сарно). Трое дали ему по рублю, тот снял повязку и пошел в магазин на соседний участок (не наш «подшефный»!).

Пропадал долго. Мы уж забеспокоились, ожидая его на улице, неподалеку от штаба. Вернулся с бутылкой и настоял не дожидаться следующего маршрута, а открыть ее сразу. Выпили еще (на этот раз в подвале). Закусили конфеткой. Потом вернулись в «мужской клуб», т. е. в штаб ДНД. Там — в разгаре какая-то полемика на производственные темы. «Усатый» моментально в нее включился. Но больше уж на маршрут не выходил. (Я, кстати, тоже).

А член партии помоложе и комсомолец, посидев немного в штабе, ушли «по спецзаданию» — на охоту за спекулянтами спиртным (после закрытия магазина в 21 час). И изловили-таки: не то одного, не то двоих.

За два с лишним года это первый случай в моей практике дружинника. Но, разумеется, привычно для «Усатого»... Все было вполне пристойно, т. е. без нарушений общественного порядка. <...>

(3) Социолого-драматургические эффекты

...Уже второй день у меня готова отпечатанная сводка замечаний на технологические процессы Лидии Б. Вчера звонил ее начальнице Наталии К., но та была в местной командировке. А тут является сама Лидия. Якобы за чертежами технологических процессов, которые я проверял.

Они мне больше не нужны. И замечания готовы. Вот все в этой папке:

ваши кальки, чертежи, официальная «рецензия» и «личное» письмо Наталье («деловой женщине»).

Поскольку Лидия Б. своим приходом вместо начальницы исключила неофициальные устные комментарии наладчика относительно ее, Лидии, профессиональной непригодности, которые могли бы быть высказаны Наталье К., это заранее приготовленное как бы личное письмо начальнику технологической группы — как нельзя более кстати.

И до чего же удачно, что я успел с проверкой этих техпроцессов прежде, чем у их автора не выдержали нервы ожидать «рецензии». Я ведь проверял эти кальки урывками, в свободные минуты, даже в ущерб этой хронике...

Лидия Б. оказывается в пикантной роли курьера для передачи своей начальнице «доноса» о собственном служебном несоответствии (ведь Наталья К. скорее всего этого письма ей не стала бы показывать!). Вместе с тем, открыв папку, она первым делом прочтет мою записку «деловой женщине» и окажется... невольным свидетелем уже и собственной начальницы заслуженного, в общем-то, «унижения» («К сожалению, все эти кальки подписаны и вами, Наталья Владимировна...»).

И обе получают (полезную) психологическую встряску <...>.

(4) »Узкое место«

...А еще, в этот день было производственное цеховое собрание, где нач. цеха сообщил, как отработали за истекший месяц. Узким местом сегодня является слесарная площадка, особенно — моего участка, где объем работ будто бы выявляет дефицит двадцати (!) слесарей. Кто-то спрашивает начальника: «Как же так, слесарей не хватает, а заплатили в этот месяц меньше, чем в прошлом. Значит, не хватило слесарям работы?»

(5) Конфликт с новым начальником цеха

...Пишу «объяснительную» начальнику цеха № 3 А. Данилушкину:

«На Ваше распоряжение приступить к эксплуатации станка ПКР КО-120 сообщаю, что работа по замене износившихся втулок револьверной головки, производившаяся ремонтной группой цеха с 2 по 13 августа с. г., выполнена некачественно. Техническая проверка точности, предусмотренная правилами приемки станка, проводившаяся 14.08.82, показала существенный выход из предельного отклонения.

Выпуск брака на неисправном оборудовании считаю недопустимым. Поэтому приступить к работе, до устранения отмеченной неисправности, не могу.

Наладчик т/о А. Алексеев. 25.08.82».

...По-рабочему, это называется: ремонтники производственнику станок «отдали», а производственник станка «не принял». Но можно это квалифицировать и иначе. Например: «отказ от работы».

(Записи относятся к периоду июня-августа 1982 г.)⁹³

⁹³ Цит. по: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Т. 1, с. 345-351. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_276-441.pdf).

(2)

Объяснение понятия «социологическая ауторефлексия» из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»⁹⁴

<...> Ныне, пожалуй, уже никто не сомневается в том, что жизнь индивидуального субъекта, именно в динамике, — вполне правомерный объект для социологического (в сочетании с психологическим и историческим) анализа. Весьма широк и разнообразен круг эмпирических методов такого изыскания: анализ личных документов; «жизненные» и «семейные» истории; углубленные интервью о жизненной ретроспективе; «панельное» тестирование; максимально приближенное к объекту продолжительное наблюдение... (Здесь упомянуты как широко распространенные ныне, так и относительно редко используемые методы).

А нельзя ли попробовать сделать **собственную** жизнь (всю совокупность внутренних процессов и внешних жизнепроявлений) объектом своего рода включенного наблюдения? Назовем этот нестандартный случай — когда социальный исследователь ставит самого себя (или другого человека, согласившегося на такой способ самореализации) в положение «наблюдающего участника» собственной жизни — **социологической ауторефлексией**.

Первым приступом к осуществлению этого (поначалу смутного!) замысла для автора этих строк была попытка ведения «протоколов жизни». (Протокол жизни — вариант дневника, но с особой, социологической сверхзадачей). Логика эксперимента социолога-рабочего трансформировала этот почин в серию «писем» и «хроник» — протоколов наблюдающего участия, с чрезвычайным жанровым разнообразием (о чем говорилось выше).

При этом личная жизненная практика стала трактоваться как своего рода «полевой этап» нетрадиционного социологического исследования, где профессиональный эксперимент становится экспериментом жизненным, и наоборот.

Способ исследования, обозначенный нами выше как социологическая ауторефлексия, в принципе, может использовать весь методический арсенал эмпирической социологии, включая эксперимент⁹⁵ Возвращаясь к формуле «познание через действие», адресуем ее также и к социологической ауторефлексии (персоналистский вариант социологии жизненного пути).

«...Как можно самого себя познавать? Отнюдь не созерцанием, а только действием. Попробуй исполнить свой долг — и тотчас себя познаешь. Но что в сущности твой долг? Требование дня», — замечал Гете. (Цит. по: Аникст А. А. Художественный универсализм Гете / Гетевские чтения. М.: Наука, 1986, с. 19).

⁹⁴ Приложение 4 из Материалов к докладу А. Н. Алексеева на Ученом совете СИ РАН 25.01.2007. См. выше: раздел 5.1.2.

⁹⁵ Ср. у Георгия Гачева:

«...Ведь и жизнь свою я однажды уразумел как эксперимент!.. Не знаю чей: кто или что его надо мной ставит? Но важно тут, осознав себя неким подопытным существом, не юлить-прятаться-увиливать от роли этой, но принять и исполнять ее честно, и добросовестно вести журнал наблюдений...» (Гачев Г. Семейная комедия. Лета в Щитово (исповести). М., 1994, с. 10).

<...> Особый методологический интерес представляет вопрос о **соотношении** драматической социологии и социологической ауторефлексии. В той и другой имеет место своеобразное сближение субъекта и объекта исследования, с перспективой их «слияния» в «субъект-объект», иначе говоря их отождествления (см. об этом выше). Вместе с тем, есть и немаловажные различия.

Первое. В отличие от драматической социологии, когда исследование разворачивается «здесь и сегодня», в случае социологической ауторефлексии изыскание может быть также и ретроспективным — за счет использования сохранившихся документов, «жизненных свидетельств», которые, в свое время, могли составляться и без социологического «умысла», однако в рамках исследования подлежат социологическому «прочтению».

Второе. Драматическая социология необходимо предполагает самого исследователя в качестве действующего лица (актора). В случае же социологической ауторефлексии совмещение двух ролей — исследовательской и «жизнедействующей» — не обязательно. Всякий человек может захотеть в какой-то момент «остановиться, оглянуться»... Разумеется, само по себе «воспоминание о жизни» и ее осмысление — еще не социология. Но если профессионал подключится к этой работе «ума и души» рефлексирующего субъекта в качестве помощника (консультанта, методиста-методолога и т. п.), то может возникнуть исследование «случая имя рек» — в рамках указанного исследовательского подхода.

Третье. В социологической ауторефлексии, как и в драматической социологии существенным является выяснение границ **свободы** индивидуального социального поведения. Однако, как уже отмечалось, здесь вероятно определенная переакцентировка: не «что человек может сделать с обстоятельствами» (драматическая социология), а — «что обстоятельства могут сделать с человеком». Иначе говоря — приоритетное внимание к адаптивным («приспособление *себя* к...»), а не адаптационным («приспособление *к себе*...») возможностям и способностям человека.

<...> Итак, драматическая социология и социологическая ауторефлексия предстают двумя ипостасями ориентированного на сближение (а в перспективе — и на тождество!) субъекта и объекта изучения взаимоотношений личности и общества: как на ментальном уровне (индивидуальное и социальное сознание), так и на уровне действия (индивидуальное и групповое или даже массовое поведение). <...> ⁹⁶

(3)

Из авторских заметок «Что сказать мне удалось — не удалось»⁹⁷

<...> Автор истолковывает сегодня всю свою «одиссею социолога-испытателя», и в частности — хитроумное единоборство с партийно-государственной машиной, как своего рода вынужденную инициативу и не-

⁹⁶ Цит. по: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 31-36. . (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf).

⁹⁷ Приложение 5 из Материалов к докладу А. Н. Алексеева на Ученом совете СИ РАН 25.01.2007. См. выше: раздел 5.1.2.

обходимую оборону личности против тоталитарных или авторитарных посягательств на свободу мысли и действия, а также на ее (личности) достоинство.

Необходимая оборона — обычно в рамках социальных норм, официально декларированных в данной общественной системе. Официальные оппоненты социолога-испытателя порой вынуждены были отступать, сталкиваясь со скрупулезным соблюдением системных правил, какое демонстрировал «неудобный» субъект в интеракции с социальными институтами. <...>⁹⁸

Приложение 2 к главе 5

Участие. Наблюдение. Рефлексия

А. Алексеев — Б. Максимуму

<...> Я бы воздержался от применения к «случаю» Ч. С.⁹⁹ термина «наблюдающее участие». Последнее, в моем понимании, предполагает использование собственного социального поведения исследователя для исследовательских целей. Здесь же скорее традиционное участвующее наблюдение, если искать аналогии с социологическими методами. Но вот что несомненно налицо — это «рефлексирующее участие». Кажется, Ф. Степуну принадлежит выражение «смотреть на мир умными глазами». Вот это самое. <...> 19.05.2010.

***

А. Алексеев — Р. Ленчовскому, Б. Докторову

...А у меня тут возникло соображение о возможной «достройке» известной понятийной пары до триады:

включенное наблюдение — наблюдающее участие — рефлексирующее участие

(Последнее близко к травинскому «невывключаемому наблюдению», хоть и не совпадает).

⁹⁸ Цит. по: Алексеев А. Н.. Драматическая социология...Том 2, с. 448. Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_288-447.pdf.

⁹⁹ Чеслав Эрастович Сымонович — кандидат исторических наук, рабочий. Из статьи И. Стариковой «Сантехник, пишущий книгу» (Мой район, 14.03.2007):

«...Каждое утро, взяв чемоданчик с инструментом, 62-летний кандидат исторических наук отправляется на работу в аварийную службу, которая обслуживает социально-культурные учреждения Колпинского района.

Здесь он зарабатывает деньги на жизнь, а в свободное время пишет книгу о «ровесниках войны». «Они родились в страшных условиях, выросли робкими и опасливыми», — говорит Чеслав Сымонович. Основываясь на своих исследованиях и своем жизненном опыте, Чеслав Эрастович отмечает, что многие «ровесники войны» не смогли сделать карьеру, предпочитая «не высывываться». Его книга — попытка понять глубину личностной трагедии каждого...». (См. http://www.mr7.ru/story/kolp/story_1032.html).

См. также:

- Сымонович Ч. Отечественная социология за полвека (заинтересованный взгляд извне) // Телескоп: журнал маркетинговых и социологических исследований. 2009, № 3.
- Максимов Б, Сымонович Ч. Диалог о рабочих // Телескоп... 2010, № 2.

Разумеется, в «чистом виде» ничего не бывает. В каждом из членов этой триады можно обнаружить элементы двух других членов.

Возможно, уместно также говорить о триаде: **участие — наблюдение — рефлексия**. Неплохо соотносится с баранцевским тринитарным архетипом: эмоцио — рацио — интуицио. <...> 20.05.2010.

Приложение 3 к главе 5

Социология как способ жизни

А. Алексеев — В. Ильину

<...> Очень благодарен Вам за присылку рукописи статьи «Жизнь как участвующее наблюдение».

...Тот редкий случай, когда можно говорить не только о *со-звучии*, но о полном *со-гласии* коллег. Под любой фразой Вашей «Жизни как участвующего наблюдения» подписываюсь. Не буду обременять Вас автоцитатами почти дословных совпадений из «Драматической социологии...», а также до, и после.

Некоторое смутное осознание собственной жизни как «объекта включенного наблюдения» у меня произошло, судя по письменным свидетельствам, где-то в середине 70-х. И только в 90-х концептуализировалось в качестве «социологической авторефлексии». Но ведь участвующее (включенное) наблюдение — метод, а стало быть инструмент познания — мира через себя и себя через мир. Вы очень хорошо сформулировали это в самом начале статьи:

«В призыве Сократа «Познай самого себя!», как мне кажется, закодирован смысл гуманистической социологии, ориентированной на познание не только структур и процессов, но и жизни индивидов, которые, с одной стороны, загнаны в эти рамки, а с другой — опираются на них как ресурсы. Социолог, занимающийся таким вариантом науки о человеке в обществе, не может не прислушаться к Сократу. Предпосылкой понимания других является понимание себя и социальных условий своего существования...».

Вот этот «методный» аспект выдвинут у Вас на передний план, притом что в принципе он с «объектным» взаимодополнителен и равноправен.

Особенно приветствую Вашу интерпретацию жизни (в частности, собственной), как некоего продолжающегося, разворачивающегося «кейса», **путешествия в пространстве и во времени** (как физическом, так и социальном — то и другое). Богатство (разнообразие, многосторонность и многослойность) этого кейса — у Вас чрезвычайные, притом что вроде бы Вы не совершали слишком крутых жизненных поворотов, а просто брали и максимально использовали то, что сама жизнь «подбрасывала».

Ну, понятно, «*Все, что случается с человеком, похоже на него самого*» (когда-то это было любимым моим изречением). Так что в недостатке жизненной активности и изобретательности Вас никак не упрекнешь. И «успели» Вы за свои 60 побольше, чем кто другой за 75. Хоть в пространственном, хоть в социальном, хоть в предметно-научном перемещениях, в «странничестве»

(как удачно назван Ваш «живой журнал» — «Странник»¹⁰⁰, кстати, тоже хорошо иллюстрирующий Вашу стратегию жизни как участвующего наблюдения).

Не удержусь, чтобы не процитировать:

«...В этой связи встает вопрос о месте социологии в жизни индивида, занимающегося социологией. Самый распространенный вариант: социология — это автономная сфера профессиональной деятельности, четко отделенная от других сфер жизни человека. Проще говоря, в социологию входят на время рабочего дня, а после его окончания переключаются, принимаясь за исполнение иных ролей, никак не связанных с профессией. Это типичная логика современного общества, где работа для абсолютного большинства людей — это лишь один из многих видов деятельности, основным мотивом занятия которым является зарабатывание средств на прочую жизнь. Нередко предмет и методика исследования таковы, что иного варианта не может и быть: иная жизнь изучается сугубо профессиональными методами, не имеющими аналогов в повседневности и требующими огромных ресурсов (например, массовые опросы населения).

Но возможен и иной вариант: социология как образ жизни, а жизнь социолога как включенное наблюдение. Мне этот вариант импонирует гораздо больше. Во-первых, он позволяет мне не вычеркивать из своей жизни основную ее часть, именуемую отчуждающим словом «работа», являющейся жертвоприношением для иной, настоящей жизни. Во-вторых, превращение социологии в инструмент рационализации собственной повседневности меняет содержание жизни. Она превращается в сплошное и увлекательное исследование, в путешествие по социальному пространству. И тематика не привязана ни к полученным грантам, ни служебным обязанностям. Изучается все, что кажется интересным. Такой подход делает человека свободным, даже если он загнан в узкую клетку социальной структуры».

Спецификой моего собственного «жизнетворчества» в свое время стало (и уж навсегда осталось) то, что я привык называть «наблюдающим участием». Последнее предполагает использование собственных иногда заурядных, а иногда и неординарных действий как средства познания («познание действием»). Для Вас объяснять это лишний раз нет нужды.

Надо сказать, что это более трудоемкий (и в этом смысле, может быть не столь эффективный) способ постижения реальности, чем, скажем, «познание общением» (от обмена репликами со случайным попутчиком к импровизированному глубинному интервью, как у Вас). С другой стороны, это «предельный» случай совмещения само- и миропознания. В том и другом случае социология оказывается **образом жизни** (лучше говорить «способ жизни», чтобы не смешивать с гносеологической категорией).

Так что, Вы написали замечательное методологическое эссе на тему «Социология как образ жизни», что — в данном случае — совпадает с «жизнью как участвующим наблюдением».

Подчеркну, что это применимо и не только к социальным исследователям, как таковым (профессионалам). Но и — в значительной мере — к любому гражданину, обывателю, человеку, который не просто живет, «как трава растет», но и не просто достигает жизненных целей (будь то самоутверждение или самоотдача). А — реализует также потребность «любопытства», стремление к постижению себя и мира, для чего необходимо уже не просто включенное наблюдение или наблюдающее участие, а **рефлексирующее участие**.

¹⁰⁰ См. <http://vr05.livejournal.com/>.

И последняя цитата «из В. И. Ильина»:

«...Я скептически отношусь к жизни как бесконечной серии героических поступков принесения себя в жертву. Такие поступки возможны лишь как исключения. Когда они превращаются в правило, это явный признак, что либо система никуда не годится, либо человек попал не на свое место. Жизнь должна быть радостной и интересной, иначе в ней нет смысла».

Интересно, что это не только мироотношенческая или этическая максима, но и сугубо **социологическое** заявление. Присоединяюсь. <...> 23.05.2010.

Глава 6

Социология: вопросы истории и методологии

Настоящая глава расширяет горизонты нашего повествования до социологического сообщества страны. Причем рассматриваются уже не институциональные или организационные процессы («События в СИ РАН» и т. п.), а то, что ниже определено как «история творцов науки», а также некоторые теоретико-методологические проблемы.

Панка 1. К истории отечественной социологии «в лицах»

6.1. Личностное науковедение (на примере современной российской социологии)¹

1. В истории всякой науки могут быть выделены три подхода, три способа отбора и структуризации материала, которые условно и упрощенно назовем: (а) история научных идей, (б) история института науки и (в) история творцов науки.

Первый — наиболее употребительный в учебниках по истории науки — сосредотачивается на конкретно-исторических условиях возникновения тех или иных научных концепций, на содержании этих концепций, на смене научных парадигм, на логике развития науки как системы знания.

Второй — предьявляет историю становления и смены организационных форм и институциональных рамок бытования науки: центры ее развития, научные издания и публикационный поток, научные конгрессы, «научные школы» и т. д.

Третий соотносится прежде всего с личностями — деятелями, не только в плане их научных результатов, теоретических и эмпирических, но и в био-

¹ Авт. — А. Н. Алексеев. Опубликовано в: XXII Любимцевские чтения. Современные проблемы эволюции (сборник докладов). Том I. Пленарные доклады, секции теоретической биологии и гуманитарная. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2008.

См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. Точечный адрес — http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_lichnauko.html).

См. также на сайте «Обратная связь»: <http://www.feedbackgroup.narod.ru/findman/lichnost.html>.

графическом плане — от условий социализации до всего многообразия жизнепроявлений, мотиваций, исканий и открытий.

Понятно, что эти историографические «русла» не автономны, переплетаются, одно невозможно без другого; но во всяком конкретном историко-научном исследовании оказывается приоритетным тот или иной подход, а роль остальных второстепенна. Целостная история науки являет собой конфигурацию, или синтез этих трех своих компонент.

2. Любая наука не существует (а стало быть, и не может рассматриваться...): (а) «вне» историко-культурного контекста, (б) «вне» собственной истории становления и развития, (в) «вне» личностей, ее творящих и двигающих.

Первая категория («контекст»...) включает в себя все «внешние» (социокультурные, политико-идеологические, экономические и т. д.) факторы научного движения, вторая («собственная история»...) объемлет закономерности этого движения как такового, третья («личности»...) отображает главный «внутренний» фактор развития науки, ее *человеческий потенциал*, или источник самодвижения.

Даже школьный учебник физики не может — при изложении законов Ньютона — обойтись без сообщения, когда жил Ньютон и т. п. Тем более, освещение современного состояния или обсуждение актуальных проблем науки немислимы без исторической ретроспективы и в отвлечении от человеческого фактора.

3. Какие же ресурсы в принципе имеются для решения историко-наукovedческих задач? Будем различать ресурсы (источники...) «первичные» и «вторичные». *Первичные* классифицируем следующим образом: (а) тексты *собственно научные*, (б) *деловые документы* (институционально-организационные тексты) и (в) тексты *личностные* («человеческие», индивидуально-приватные).

Под первыми понимаем весь поток научных публикаций (научная периодика, монографии, материалы научных конференций и конгрессов, сборники статей, репринты и т. п.). Под вторыми — документы, как правило, официальные, относящиеся к организации науки, как социального института, но, пожалуй, и некоторые неофициальные тоже (кое-что из этого разряда уцелевает в научных и ведомственных архивах...). Наконец, человеческие (личностные...) документы, скапливающиеся в личных архивах ученых; тут и переписка, и дневники, и много чего еще, включая *биографические интервью и мемуары*, которые (те и другие...) будут нас интересовать особо.

Разумеется, разграничение названных категорий не является слишком жестким. Возможны тексты, сочетающие в себе разнородные черты (например: диссертация — текст научный и, в определенном смысле, институционально-организационный; переписка ученых может включать в себя элементы как научности, так и приватности; и т. д.).

4. *Вторичные* ресурсы — собственно историко-наукovedческие изыскания: каждый исследователь (в данном случае речь идет об историке науки...) так или иначе опирается на своих предшественников, иногда просто пере-

сказывает их, иногда дополняет, иногда опровергает... По мере умножения и развития историко-научного знания (что, вообще говоря, справедливо и для всякого исторического исследования...) ссылки на «первоисточники» нивелируются, документального обоснования или подтверждения требуют лишь *новые факты и не общепринятые положения*.

Особый вид вторичных ресурсов составляют материалы *средств массовой информации*, а также *научно-популярная литература*, что, особенно при недостатке иных материалов, часто оказывается ценным историко-наукоедческим источником.

Еще можно указать на ресурсы как бы *нулевого цикла*. Это «сырые» материалы: полевые дневники исследователя, протоколы наблюдений, записи измерений, материалы первичной обработки данных и т. д., и т. п.

5. Здесь следует особо оговорить разницу между историческими документами вообще, которые выступают в качестве актуальных или потенциальных источников информации или эмпирических объектов изучения для ученого-гуманитария или обществоведа, и *документами науки*, как таковой, или так или иначе связанными с нею текстами, которые (документы, тексты...) составляют источниковедческий ресурс собственно историко-научного знания.

6. Понятно, что чем более развита конкретная научная отрасль, чем богаче ее профессиональный багаж и весомее вклад в историко-культурный процесс, тем больше шансов на становление адекватных ее «возрасту» и общественному значению историко-научной фактографии и рефлексии. История науки есть в определенном смысле ее прогрессирующее *самосознание*. И обратно: «молодая» наука (область научного знания...), которая не имеет столь глубокой и прочной традиции, обычно оказывается беднее историографически.

7. Как от возраста самой научной отрасли, так и от нацеленности исследовательского интереса на более или менее отдаленные от настоящего момента этапы и периоды развития науки обычно зависит структура источниковедческой базы, например: соотношение первичных и вторичных ресурсов науковедческого изыскания или, скажем, архивных документов и «живых» свидетельств о процессе научного движения. В частности, «человеческие» (личностные...) документы обычно наименее долговечны — при недостатке специально предпринятых мер к их сбережению такие материалы могут оказаться утраченными уже через одно-два поколения.

В особенности это касается документов *индивидуальной памяти*, включая автобиографические нарративы. Два поколения спустя отсутствие документированного рассказа деятеля науки (как и любой исторической или «неисторической» личности...) о своем жизненном пути, о профессиональной, общественной и глубинно-личностной (ценностной...) мотивации своей жизнедеятельности, о своем круге общения и взаимодействии с коллегами и т. д., равно как и отсутствие зафиксированных воспоминаний об этом человеке лиц, близко его знавших, с ним сотрудничавших и т. п., — уже ничем нельзя будет восполнить. Придется довольствоваться либо «обезличенными»

сведениями из официальных источников или же заниматься истолкованием «легенд».

8. С учетом всего сказанного, историография всякой конкретной научной отрасли (научного направления, научной школы и т. п.) должна, по возможности, создаваться (строиться...) если не «параллельно» с реальным научным процессом, то, по крайней мере, с минимальным «запаздыванием». В особенности это следует отнести к формированию корпуса индивидуализированных историко-научоведческих свидетельств, без которых невозможно полноценное исследование «человеческого фактора» науки, а стало быть и комплексное историко-научное исследование.

9. Попробуем применить изложенные методологические соображения к исторически конкретной научной сфере, в частности — общественно-гуманитарной, и еще конкретнее — к советской и постсоветской, или, скажем так, *новейшей российской социологии*.

Напомним, что становление (возрождение...) социологии в СССР, в качестве социально востребованной области научного знания, после многолетнего перерыва (1930–40-е гг., когда социология числилась по разряду «буржуазных лженаук»), произошло в период хрущевской «оттепели», где-то на рубеже 1950–60-х гг. Таким образом, «возраст» советской (соответственно — новейшей российской...) социологии соизмерим с длительностью человеческой жизни.

10. В рамках истории новейшей российской социологии остановимся на направлении или подходе, которое выше условно названо «историей людей» (людей науки). Можно обозначить его также как *историко-биографическое*. До 1990 г. это направление практически отсутствовало (пожалуй, в силу ее, социологии, относительной молодости). В начало 90-х гг. почти все зачинатели современной российской социологии («шестидесятники») успели вступить — еще в пору своей творческой активности (как правило, они сохраняют ее и сегодня, и только в статусно-институциональных позициях постепенно начинают уступать место более молодым).

11. Зачинателем историко-биографических исследований в области современной российской социологии явился Г. Батыгин, очень рано ушедший из жизни (1951–2003), но успевший сделать в этом направлении очень много. Начиная с 1994 г. в созданном и возглавлявшемся им вплоть до 2003 г. одном из ведущих профессиональных периодических изданий — «Социологический журнал» — под рубрикой «Ретроспектива», а затем «Профессиональные биографии», стали регулярно публиковаться *биографические интервью* (их брали, кроме самого Г. Батыгина, также его коллеги: Н. Мазлумянова, М. Пугачева, С. Ярмолюк, возможно и другие).

Среди обстоятельно интервьюированных журналом в период с 1994 по 1997 г. были: И. Кон, В. Ольшанский, Б. Фирсов, Л. Карпинский, Ю. Левада, Т. Заславская. А в период с 1998 по 2006 г. этот список дополнили: В. Радаев, С. Чесноков, Л. Дробизева, О. Яницкий, А. Левинсон, Л. Гудков, Б. Дубин, О. Шкаратан, Д. Алиева, сам Г. Батыгин, О. Божков, В. Ярская-Смирнова, Б. Докторов, И. Попова, А. Здравомыслов (перечисление — в последовательности публикаций).

В 1999 г. под редакцией и с предисловием Г. Батыгина вышел фундаментальный коллективный историко-социологический труд «Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах» (СПб.: Русский христианский гуманитарный институт). Кроме тех из упомянутых выше авторов, чьи биографические интервью до 1998 г. публиковались в «СЖ», здесь, в разделе «Воспоминания», представлены мемуары и автобиографические рассказы еще ряда российских социологов старшего поколения (а также некоторых партийных работников, «курировавших» тогдашнюю социологию). Это: В. Колбановский, В. Ядов, Г. Осипова, А. Здравомыслов, Б. Грушин, Л. Оников, М. Руткевич, Н. Лапин, Р. Рывкина, Л. Коган, Н. Наумова, А. Галкин, Н. Пилипенко, Э. Араб-Оглы, Ю. Давыдов, И. Бестужев-Лада, В. Семенов.

Таким образом, уже во второй половине 1990-х гг. Г. Батыгиным и его ближайшими сотрудниками был заложен фундамент историко-биографического проекта, который можно было бы назвать: *«история российской социологии в лицах»*.

12. Эстафету указанной историко-наукovedческой инициативы подхватил независимый исследователь, российский социолог, вот уже более 12 лет проживающий в США (Калифорния), однако сохраняющий теснейшую связь с российским социологическим сообществом — Б. Докторов. Начиная со второй половины 2004 г. в петербургском журнале социологических и маркетинговых исследований «Телескоп» (учредитель и редактор — М. Илле) открылась новая рубрика «*Современная история российской социологии*»². Начало ей было положено подборкой материалов, информационным поводом для которой послужило 75-летие одного из зачинателей социологии в СССР, главного теоретика и практика изучения общественного мнения в России Б. Грушина (ныне покойного). Смысловой центр этой инновационной журнальной публикации (2004-4) составила *научная биография* Грушина, написанная Б. Докторовым³.

В следующем номере журнала (2004-5) инициатор вышеназванной рубрики (Б. Д.) опубликовал статью-манифест «История есть, только если она написана»⁴. Начиная с 2005 г. публикация в «Телескопе...» материалов из (по...) истории российской социологии второй половины XX века стала регулярной.

Здесь укажу авторов (героев...) лишь биографических интервью, взятых Б. Д. и опубликованных в названном журнале в период 2005-2007 гг.: Б. Фирсов, Я. Гилинский, В. Ядов, Л. Кесельман, Е. Смирнова, Р. Могилев-

² См. на сайте журнала «Телескоп»: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=20>. До 2007 г. журнал назывался: «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», с 2007: «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». О петербургском журнале «Телескоп» см. также ниже: раздел 6.2.6.

³ Докторов Б. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004, № 4 (электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1198483131163958file.pdf).

⁴ Электронная версия: http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2004&id=338.

ский, сам Б. Докторов (интервью взято Б. Фирсовым), Д. Константиновский, А. Здравомыслов, В. Шляпентох, М. Илле, А. Гофман, Л. Ионин, Б. Максимов, Т. Заславская, Ф. Шереги (перечисление – в последовательности публикации)⁵. В то же время, продолжалась публикация интервью в рамках историко-биографического проекта Б. Докторова в «Социологическом журнале» и других изданиях. В № 1 «Телескопа» за 2007 г. была опубликована вторая статья-манифест Б. Д. «Биографии для истории»⁶.

13. Следующим шагом становления и институционализации указанного направления историко-наукovedческих исследований стал организованный Б. Докторовым и Д. Шалиным (профессором Университета Невады в Лас Вегасе, в отдаленном прошлом – сотрудником коллектива, возглавлявшегося Ядовым, 1970-е гг.) сайт «Международная биографическая инициатива» (МБИ)⁷.

С апреля 2006 г. по настоящее время, т. е. за три, без малого, года существования этого сайта (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>), там были вывешены все упоминавшиеся выше и еще некоторые биографические интервью, а также широкий круг как опубликованных (ранее или параллельно...) на бумажных носителях, так и эксклюзивных (онлайновых) материалов иных жанров, относящихся к истории новейшей российской социологии и к теории и практике биографического метода.

Собранные на сайте к настоящему времени (*по состоянию на начало 2008 г.* – *Ред.*) материалы представлены следующими рубриками: Интервью (около 80 персоналий; некоторые авторы представлены несколькими интервью, данными в разное время)⁸; Автобиографии и воспоминания (свыше 10); Документы; Дополнения; Комментарии; Списки публикаций (15 персоналий);

⁵ В 2008 г. – первой половине 2009 г. к названным добавились: И. И. Травин, А. В. Баранов (интервью взято М. Алесиной), Л. В. Панова, В. А. Артемов, Н. В. Ядов.

⁶ Электронная версия: http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2007&id=458.

⁷ Названный сайт – МБИ – является также разделом (рубрикой) сайта Центра демократической культуры Университета Невады (UNLV Center for Democratic Culture), организованного профессором названного университета Дм. Н. Шалиным. Главная страница сайта названного Центра: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html>.

⁸ Приведем список персоналий, представленных в рубрике интервью на сайте «Международная биографическая инициатива» по состоянию на 1.12.2009:

– А. Алексеев; Д. Алиева; Э. Араб-Оглы; В. Артемов; А. Баранов; Г. Батыгин; С. Белановский; И. Бестужев-Лада; А. Бороноев; О. Божков; А. Галкин; Я. Гилинский; А. Гофман; С. Голод; В. Голофаст; И. Голосенко; Е. Головаха; Л. Гордон; Б. Грушин; Л. Гудков; Ю. Давыдов; В. Долгий-Рапопорт; Д. Дондурей; Л. Дробизева; Б. Дубин; В. Дудченко; В. Ельмеев; А. Здравомыслов; Т. Заславская; С. Иконникова; М. Илле; Л. Ионин; Л. Карпинский; Н. Карцева; Л. Кесельман; К. Клеман; Л. Коган; В. Колбановский; И. Кон; Д. Константиновский; С. Кугель; Н. Лапин; Ю. Левада; А. Левинсон; В. Лисовский; Б. Максимов; Р. Могилевский; А. Назимова; Н. Наумова; В. Ольшанский; Л. Оников; Г. Осипов; А. Ослон; Л. Панова; Б. Парыгин; Е. Петренко; И. Попова; В. Радаев; Р. Рывкина; М. Руткевич; Г. Саганенко; Г. Сатаров; В. Селонин; В. Семенов; Е. Смирнова; Г. Старовойтова; М. Тарусин; И. Травин; А. Филиппов; Б. Фирсов; С. Чесноков; Д. Шалин; Т. Шанин; В. Шейнис; Ф. Шереги; О. Шкаратан; В. Шляпентох; В. Шубкин; В. Ядов; О. Яницкий; В. Ярская-Смирнова.

Некрологи (18 персоналий); Свидетельства об отдельных лицах (30); Статьи по истории социологии (свыше 50) и посвященные биографическому методу (тоже свыше 50). Сайт интенсивно пополняется, а также обрастает гиперссылками.

14. Особо отметим, что с середины прошлого года сайт МБИ стал пополняться уникальными первопубликациями интервью, взятых Д. Шалиным у ряда своих российских коллег в рамках исследования об интеллигенции и перестройке в период 1989—1996 гг. В частности, на сайте опубликованы записи бесед Д. Шалина с: Г. Старовойтовой; Ю. Левадой и Е. Петренко; А. Левинсоном; В. Голофастом и Г. Саганенко; А. Алексеевым, Л. Кесельманом и О. Божковым; В. Шейнисом и А. Назимовой; В. Селюниным, — относящиеся к тому времени.

Среди этих материалов, на наш взгляд, особую ценность и интерес представляет интервью 1990 г., взятое у выдающегося отечественного социолога и социального мыслителя Ю. Левады (ныне покойного). Сейчас готовится публикация этого текста, с современными комментариями ряда российских социологов, в одном из ведущих профессиональных журналов⁹.

Указанные интервью, кстати, отчетливо показывают, что историко-биографическое направление существенно не только для реконструкции истории социологии, но и для социологического постижения социального и индивидуального сознания представителей советской интеллигенции, от его духовных взлетов до моральных падений.

15. Можно сказать, что историко-биографическое направление в истории новейшей российской социологии ныне не только обрело постоянно прирастающую эмпирическую базу, но и развивается содержательно, так сказать, опережающими темпами.

Первые попытки теоретико-методологического и предметного обобщения и осмысления становящейся «истории российской социологии в лицах» содержатся в работах Г. Батыгина, Б. Докторова, Д. Шалина, Н. Мазлумяной, Л. Козловой и других авторов, опубликованных на указанном сайте¹⁰.

16. На главной странице американско-российского сайта можно прочитать следующее «Приглашение»¹¹:

«Мы приглашаем социологов и обществоведов, живших и работавших во времена хрущевской «оттепели», поделиться воспоминаниями об этом важном периоде российской жизни и соображениями о его значимости для наших дней. Предлагаем Вам при написании автобиографических заметок подумать над следующими вопросами:

Какое влияние хрущевская «оттепель» оказала на развитие социальных и гуманитарных наук? Как изменилась Ваша личная и профессиональная ситуация в эпоху брежневского застоя? Как бы Вы определили свое место в истории Вашей дисциплины советской эпохи? Каково Ваше мнение о перестройке и ее влиянии на общество и науку? Как изменения постсоветской поры сказались на Вашей работе и личной жизни? Не могли бы Вы назвать наиболее значимые школы и имена в Вашей

⁹ См. об этой и других публикациях, посвященных Ю. А. Леваде, ниже: раздел 6.2.1.

¹⁰ См. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.

¹¹ См. там же.

науке? Какие ученые и научные школы за пределами России Вам кажутся наиболее интересными? Есть ли существенные различия в состоянии Вашей дисциплины в России и за рубежом? Как Вы оцениваете ситуацию в Вашей стране и ее воздействие на научную сферу? Должны ли ученые высказывать свою позицию по политическим вопросам? Что Вы думаете о ближних и дальних перспективах развития Вашей науки?»

17. Как видно, руководители проекта апеллируют прежде всего к старшему поколению российских социологов. И это правильно! Дело в том, что возраст первопроходцев современной российской социологии уже перевалил за 75. Значительная их часть, по счастью, пока в добром здравии. Но уже ушли от нас:

– Геннадий Батыгин, Фридрих Бородкин, Вера Водзинская, Владимир Герчиков, Николай Гиренко, Игорь Голосенко, Валерий Голофаст, Леонид Гордон, Борис Грушин, Юрий Давыдов, Герман Дилигенский, Тамара Дридзе, Вячеслав Дудченко, Юрий Замошкин, Анатолий Зворыкин, Яков Капелюш, Лен Карпинский, Вера Каюрова, Лев Коган, Наталия Козлова, Александр Крыштановский, Павел Лебедев, Иосиф Лейман, Людмила Лесохина, Владимир Лисовский, Владимир Лосенков, Юрий Левада, Марат Межевич, Нина Наумова, Виктор Нейгольдберг, Вадим Ольшанский, Борис Орнатский, Наталия Панина, Валентин Подмарков, Вадим Сазонов, Никита Серов, Эльмар Соколов, Лев Спиридонов, Галина Старовойтова, Георгий Токаровский, Захар Файнбург, Эдуард Фомин, Анатолий Харчев, Генриада Хмара, Анатолий Шаев, Римма Шпакова...¹²

И пусть это прозвучит даже кошунственно, надо «успеть» запечатлеть живые лица и «записать голоса» старших и младших «шестидесятников», равно как и тех, кого Б. Докторов называет «шестидесятилетними» (кому сегодня около 65...), а не только сохранить их труды на книжных полках... Одним из способов такого сбережения памяти (увековечения...) являются автобиографические тексты, профессиональные биографии, интеллектуальные автопортреты.

18. Не менее ценным, чем биографические интервью (иногда возникающие по юбилейным поводам, с трудно преодолеваемой в таких случаях парадностью, чего, впрочем, нельзя сказать о большинстве интервью, опубликованных в «Социологическом журнале» и в «Телескопе...»), являются воспоминания об ушедших, вообще – «акции памяти»...

К числу самых ярких примеров таких акций в нашей сфере можно отнести издание книги *«Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона)»* (М.: Прогресс-Традиция, 2003), под редакцией его коллег – Г. Дилигенского, Э. Клопова и А. Назимовой. Этот коллективный труд состоит из трех частей: 1. Фрагменты из сочинений Л. Гордона. Библиография его трудов; 2. Статьи, посвященные памяти Л. Гордона; 3. О Лене, Леониде, Леониде Абрамовиче... Листки воспоминаний.

Для «книги памяти» об ученом, я бы сказал, это структура-эталон¹³.

19. Среди «человеческих» документов (письменных...) о тружениках науки (что, впрочем, относимо и к любой сфере деятельности...) могут быть

¹² Этот список далеко не полон. (Примечание А. Алексеева).

¹³ О Леониде Абрамовиче Гордоне см. ниже: раздел 6.2.7.

выделены тексты: (а) *собственно биографические*; (б) *ауторефлексивные*; (в) *воспоминания о...* (данном человеке, ныне здравствующем или покойном). Категории (а) и (б) часто образуют пересечения, симбиозы. Категория (в) образует ценнейший пласт историко-биографической литературы.

Стоит заметить, что многие авторы, перейдя 60-летний и — особенно — 70-летний рубеж, сами ищут способа подведения некоторых (все же, лучше сказать, промежуточных, а не окончательных...) профессиональных и жизненных итогов. Иногда это капитальные труды «о времени и о себе» (например: *Бестужев-Лада И. В.* Свою жизнь с жизнью. Записки футуролога о прошедшем и приходящем. М.: Алгоритм, 2004, 1152 с.). Иногда — деловые и лаконичные «Записки социолога» (так называется книга старейшего питерского социолога *Самуила Кугеля*, вышедшая в издательстве «Нестор-История» в 2005 г.).

К этому жанру можно отнести и тематизированную интеллектуальную автобиографию *Владимира Шляпентоха* («Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом». СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003).

Хочется упомянуть здесь автобиографические заметки Игоря Кона «Эпоху не выбирают» (в наиболее полном виде опубликованы на сайте МБИ)¹⁴, «Страницы творческой биографии» Татьяны Заславской (опубликовано в: Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли, 1950–1990. М., 1999, с. 37–82; см. также на сайте МБИ)¹⁵, «В миру и наедине с собой» Эльмара Соколова (см., в том числе, на сайте МБИ)¹⁶.

20. Вот еще один пример. Из сообщений Полит.ру¹⁷:

«24 декабря 2007 г. в Москве, в зале Ученого Совета Академии Народного Хозяйства при Правительстве РФ, состоялось празднование 80-летия известного российского социолога, экономиста, д. э. н., академика РАН Т. И. Заславской. Юбилейные торжества прошли одновременно с презентацией ее трехтомника «Избранные произведения»: 1 том — «Социальная экономика и экономическая социология», 2 том — «Трансформационный процесс в России», 3 том — «Моя жизнь. Воспоминания и размышления».

Последним томом Татьяна Ивановна гордится особенно и говорит, что эта книга — «*подведение итогов не только научной жизни, а жизни как таковой. Работа над книгой шла невероятно трудно, два года без выходных, без отпусков, два года сплошного труда, порой на последнем дыхании*». Книга потребовала сильных эмоциональных затрат, когда Заславская писала о радостных и счастливых моментах в своей жизни, то молодела и расцветала, а когда о мучительных (например, гибели мамы во время первой бомбежки Москвы в 1941 году), то заболела и впадала в депрессию. Многие моменты пришлось переживать как бы заново, «*за все приходится платить*».

¹⁴ См. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/kon.html>. Недавно вышла в свет книга Игоря Семеновича Кона «80 лет одиночества» (М.: Время, 2008). См. о ней ниже: разд. 6.2.9а.

¹⁵ См.: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/zaslavskaya.html>. Недавно вышла в свет книга Татьяны Ивановны Заславской «Моя жизнь: воспоминания и размышления» (М.: Экономика, 2007).

¹⁶ Первопубликация — на сайте «Самиздат»: http://zhurnal.lib.ru/s/sokolow_e_w/memory.shtml.

¹⁷ См. <http://www.polit.ru/science/2007/12/25/tiz1.popup.html>.

Открывая юбилейное заседание, Президент МВШСЭН Теодор Шанин отметил, что *«есть люди, которые обладают особой харизмой. Они становятся символами эпохи»* и именно таким человеком является Т. Заславская. *«...Для меня Т.И. – это прорыв к правде, неустанные попытки выйти из десятка лет мифологии и войны, в мир, в котором делаются усилия говорить правду, в мир, где бы проливалось меньше крови»*. По его словам, Т. Заславская *«...смогла написать не только свою биографию, но и в каком-то смысле историю страны. И теперь ее книга расскажет сама за себя»*.

21. Бывает, что автор не стремится к последовательному автобиографическому повествованию, а в свою собственно научную работу включает отдельные биографические фрагменты и реминисценции. Примеры: *Шубкин В. Н.* Насилие и свобода. Социологические очерки. М.: На Воробьевых, 1996; *Дудченко В. С.* Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования. М.: Кватро-Принт, 2004.

22. При том, что первоочередным делом в формировании корпуса автобиографий советских и постсоветских социологов является обращение именно к «шестидесятиникам» и «шестидесятилетним», стоит, мне кажется, постепенно расширять круг приглашений и поиска. Не следует забывать, что современная, актуальная история российской социологии творится уже не в меньшей, а в большей мере «пятидесятилетними», «сорокалетними» и еще позднейшими поколениями ученых. Из множества скоординированных и спонтанных усилий складывается «мейнстрим» современной науки и множество ее побочных, маргинальных (порой становящихся стержневыми...) потоков.

23. *Личностное науковедение*, практика создания истории науки в лицах (или «истории науки с человеческим лицом», по выражению Б. Докторова), разумеется, наличествует у нас и не только в социологии. Но, может, быть именно потому эта «биографическая инициатива» возникла и получила развитие именно в социологии, что:

- методология биографики достаточно близка к методологии качественных (антропоцентричных, интерпретативных. «гуманистических») социологических исследований;

- социологи исследуют «самих себя», реализуя при этом также и задачи, выходящие за рамки истории и социологии науки, относящиеся к проблематике «человека в обществе и общества в человеке» вообще;

- историко-наукovedческие исследования выступают формой социологической ауторефлексии современной общественной науки.

24. Накопленный социологами организационный, методологический, содержательный опыт соединения инновационного биографического и классического исторического подходов, на наш взгляд, заслуживает использования и распространения в историко-наукovedческих исследованиях также и других областей науки.

Резюме. История науки складывается из истории научных идей, истории института науки и истории творцов науки. В современной российской социологии находим яркий пример становления историко-биографического направления наукovedческих исследований. Исследуя «самих себя», социологи реализуют

также и задачи, выходящие за рамки истории и социологии науки, относящиеся к проблематике «человека в обществе и общества в человеке» вообще.

Январь 2008

См. на эту тему также следующие работы А. Н. Алексеева:

— К вопросу об «истории российской социологии в лицах» (сетевая публикация, 2006)¹⁸.

— История российской социологии в лицах (сетевая публикация, 2007)¹⁹.

— Биография. Наука. История: к созданию коллективного автопортрета российских социологов // Право на имя. Биографика XX века: методология составления и изучения биографии. 4-е чтения памяти В. Иофе. Сб. докладов. — СПб.: НИЦ «Мемориал», Европейский университет в СПб., 2007²⁰.

— Замечание об истории социологии «с человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2008, № 3²¹.

Приложение 1

Конференция, посвященная Ленинградской социологической школе

В обзоре трудов, относящихся к истории новейшей российской социологии, следует упомянуть также сборник материалов международной научной конференции, организованной Санкт-Петербургской ассоциацией социологов (Санкт-Петербург, 23–25 сентября 1994 г.): Ленинградская социологическая школа (1960-е — 1980-е годы). М.: Институт социологии РАН, 1998.

То был, пожалуй, первый опыт коллективной ауторефлексии по поводу 35-летней истории развития социологии в Ленинграде — Санкт-Петербурге (на фоне пути, пройденного за эти годы советской социологией в целом).

Здесь перечислим только тех авторов (выступавших на этой конференции), чьи тексты вошли в названный сборник:

— А. В. Баранов; М. В. Борщевский; А. А. Вейхер; В. М. Воронков; Я. И. Гипинский; В. Б. Голофаст; Л. С. Гурьева; В. Н. Дмитриевский; Е. А. Здравомыслова; И. С. Кон; В. В. Костюшев; М. Лауристин; В. С. Магун; Б. И. Максимов; М. Маколи; Р. С. Могилевский; Пан ду Э; Т. З. Протасенко; С. С. Рапопорт; В. Л. Ружже; А. А. Русалинова; Р. В. Рыбкина; Г. И. Саганенко; А. А. Семенов; Э. В. Сикевич; Э. В. Соколов; А. П. Сопиков; С. А. Тихомиров; А. В. Тихонов; Б. М. Фирсов; В. Е. Хмелько; В. Л. Шейнис; О. И. Шкаратан; В. Н. Шубкин; В. А. Ядов.

К сожалению, сайт, на котором была размещена электронная версия этого собрания материалов, ныне недоступен. (А. А. Май 2009).

¹⁸ См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/alekseev.html>.

¹⁹ См. там же: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_sociology.html.

²⁰ См. эту же работу на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioscience.html.

²¹ Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1216017615146483file.pdf.

*Приложение 2***«Взрослые люди» Любви Борусяк**

А. Алексеев – Б. Докторову

<...> Спасибо большое, что напомнил о цикле видеобесед «Взрослые люди» Любви Борусяк на Полит.ру²². Я о них раньше знал, знакомился с некоторыми, а сейчас понимаю, что российская социология «в лицах» как некий проект, развернувшийся во времени и пространстве, делалась / делается по крайней мере четырьмя подвижниками: Батыгиным, Шалиным, Докторовым и Борусяк. И каждый – в своем жанре. И вместе очень мощно. И «двуединый тут предмет: социологи в жизни общества и общество в жизни социологов. То есть далеко выходит за рамки истории социологии, как таковой. Вот ведь и эта наша с Р. Л. книжка – про *взаимоотражение* социологии и общества.

Беседа Л. Б. с Владимиром Долгим-Рапопортом²³ особенно яркое тому подтверждение. Кстати, много у нас с ее собеседником параллелей и резонансов, только его история куда «круче».

Какова эволюция сознания – от идейного сотрудничества с КГБ в юности до отчаянного диссидентства в зрелом возрасте! Какая «профессиональная мобильность»: преподаватель философии – сварщик – социолог – плотник – учитель истории... А круг ближайших коллег, среди которых и Левада, и Мамардашвили... Уж не говорю о географии: Москва – Якутия – Братск – Магадан – Москва.

Столько всего намешано в одной жизненной судьбе! А способность «судить себя самому», и не только на склоне лет (1929 г. рожд.), но и на протяжении всей жизни – совершенно беспримерная.

Название первой из двух частей этой беседы «Включенное наблюдение за советской системой» – красиво, но не бесспорно. Во включенном наблюдении есть элемент отстраненности (обычно латентной). Здесь же – как раз «просто жизнь», которую человек строит в предлагаемых обстоятельствах места и времени без всякого когнитивного умысла, но именно следование некоему категорическому императиву превращает эту жизнь в настоящий инструмент познания (уже и не только для себя, но и для нас).

²² Цикл видеобесед «Взрослые люди» – это «беседы с классиками – учеными, деятелями культуры, общественными деятелями, ставшими национальным достоянием». Указанный цикл включает в себя беседы также с выдающимися российскими социологами, в том числе: А. Гофманом, Б. Дубиным, Т. Заславской, И. Коном, Т. Шаниным, Ф. Шереги, О. Шкаратаном, В. Ядовым. См. <http://www.polit.ru/story/vzr.html>.

Об этом проекте см. также: «Взрослые люди» о прожитом, сделанном и виденном. Интервью социолога Бориса Докторова с ведущей проекта Любовью Борусяк / Полит.ру. 30 июня 2010 (<http://www.polit.ru/analytics/2010/06/30/borusyak.html>).

²³ См.: Включенное наблюдение за советской системой. «Взрослые люди». Беседа с Владимиром Долгим-Рапопортом. Первая часть (электронная версия – <http://www.polit.ru/analytics/2009/11/11/philo.html>); Научная и диссидентская среда. «Взрослые люди». Беседа с Владимиром Долгим-Рапопортом. Вторая часть (электронная версия – <http://www.polit.ru/analytics/2009/12/02/dolgiy.html>).

Удержусь от дальнейших рефлексий.

Между прочим, сними у себя с полки том 2 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», который открывается обширной цитатой из книги А. Гулыги «Кант» (издававшейся в серии ЖЗЛ). Речь там о Фридрихе Августе Ханридере — прусском студийзусе, любимом ученике Канта, русском офицере, обличителе пороков Российской империи, беглеце из крепости, мастере столярного дела, просветителе, мемуаристе, впоследствии перешедшем в крестьянское сословие (и все это за одну жизнь).

Возвращаясь к герою и собеседнику Любви Борусяк, замечу, что он вписал в историю нашей науки совершенно бесценные страницы. Одна мимолетная фраза «Те, кто не был репрессирован, души у тех репрессировались» — стоит иных капитальных обществоведческих трудов. <...> 9.12.2009.

...Вообще же написать серьезную научную биографию, на мой взгляд, куда труднее, чем написать *просто хорошую биографию*. Настоящий ученый всегда идет *тесными вратами* (Мф 7; 13) — а для читателя приходится спрямлять этот путь и представлять его как внутренне связный, неслучайный. Мне иногда кажется, что адекватная научная биография возможна лишь как *автобиография* — конечно, если исследователь не побоялся написать о себе нечто наподобие «*и тут я понял, что мне смертельно надоела проблема N, хотя именно ее анализ принес мне подлинную известность*».

Р. Фрумкина. «Входите тесными вратами» / Полит.ру. 27 марта 2009²⁴.

6.2. Имена и лики нашей социологии

Выбор имен в этом разделе является результатом взаимоналожения двух факторов: субъективные пристрастия авторов данной книги + объективное наличие «подходящих» текстов. Т. е. имеет место то, что можно назвать «субъективной репрезентативностью».

При этом вполне сознательно в эту «не репрезентативную выборку» включены «имена и лики» также и тех, кто себя социологом не считает, и тех, кого не относят к этой категории.

6.2.1. Человек естественный (памяти Ю. А. Левады)

Кончина Ю. А. Левады 16 ноября 2006 г. отозвалась горьким эхом во всем социологическом сообществе и в широких кругах российской общественности.

Ниже — работа А. Алексеева, опубликованная в: Социологический журнал, 2008, № 2²⁵.

²⁴ См. <http://www.polit.ru/author/2009/03/27/biog.html>.

²⁵ См. электронную версию этой работы на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/yla/bio/alekseev_08.pdf.

Я перечитал, с глубоким чувством сопричастности, расшифровку интервью Юрия Александровича Левады, данного им Дмитрию Шалину в начале 1990-х гг. А затем воспользовался любезно предоставленной мне возможностью ознакомиться с современными комментариями к этому тексту своих старших коллег — И. С. Кона и В. Э. Шляпентоха. И понял, что особенно нового здесь не скажу.

В отличие от людей, близко его знавших, для меня Ю. А. был фигурой скорее легендарной, чем из плоти и крови... На двух встречах социологов в Кяярику, Эстония (1966 и 1967 гг.), он выступал с докладами о массовой коммуникации. Для начинающего социолога, недавнего журналиста, участие в этих встречах было, понятно, событием. Я даже что-то возражал Леваде, который, как мне показалось, недооценил роль массовой коммуникации в обществе...

Но в чем я был с ним уже тогда безусловно согласен, — это в том, что следует «попытаться из характера коммуникаций сделать определенные выводы о характере общественных отношений» [1, с. 140]. Впоследствии это стало одной из ключевых идей моих собственных «масс-коммуникативных» штудий. Об этом Ю. А. вряд ли знал. Сам же он — к какому бы частному предмету ни обращался, все время выходил на глубинные закономерности социума.

А после — лишь пара мимолетных встреч уже в постперестроечные годы. Физически почти не пересекались наши жизненные пути, а только «виртуально». То есть не гожусь я в мемуаристы.

Но уж коли назвался груздем, полезу в кузов. Скажу, по крайней мере, о том, что для меня особенно дорого и значимо в Ю. А. Леваде-человеке (про науку сейчас не говорю). А это как раз то, что он и сам, как явствует из интервью 1990 г., вполне про себя знал, — его замечательная способность к естественному поведению в противоестественных условиях. *Естественное поведение* — не вообще, а для него таковое. Для Левады были естественны (органичны): и его категоричность в научных выводах, и искусство создавать вокруг себя творческую среду («семинарская жизнь»), и ненавязчивое научное лидерство, и вроде «попутные» теоретические прозрения, и роль неординарного партсекретаря (1960-х гг.), и отсутствие «идеологической выправки» (как сказал бы известный проф. Парыгин), и нравственное самостояние (именно самостояние, а не противостояние...).

Как мне кажется, Ю. А. — не только в своих крамольных «Лекциях по социологии» 1969 г., но и во всех других своих жизненных проявлениях — не делал вызовов Системе. «Я не хотел и не хочу торчать...» — его слова. Система сама усмотрела в нем для себя угрозу, а также, как отмечает Ю. А., использовала это как подходящий повод для открытия «охоты на ведьм», в частности, в социологии. Он же «всего лишь» не уступил давлению: не начал «идеологически разоружаться», но не стал и диссидентом в общепринятом смысле (что было бы для него... просто неестественно).

Настоящий текст является комментарием к интервью Ю. А. Левады 1990 г.: Шалин Д. Н.. Человек общественный: Гарвардское интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал, 2008, № 1. (См. его также на вышеуказанном сайте: — http://www.unlv.edu/centers/cdciv/archives/Interviews/levada_90.html).

«...Меня никто не заставлял делать то, что я не хочу, и я думаю, что я никогда не стал бы это делать, но и делать что-либо нарочитое я не стал бы...» [2, с. 158].

При этом он был настолько самокритичен в отношении своего труда (тех самых «Лекций», которые искренно считал «сырыми»), что сумел благополучно игнорировать идеологические обвинения, не ввязываться во вненаучные споры. Тем самым он, пожалуй, способствовал тому, чтобы не оказаться исключенным из партии (тогда его судьба на ближайшие 10–15 лет сложилась бы куда более драматично).

Ю. А. подчеркивает в беседе с Д. Шалиным различие общественных ситуаций конца 1930-х, конца 1950-х и, скажем, конца 1970-х гг. Страха лишиться жизни и погубить своих близких на рубеже 1960–1970-х гг. уже не было. Открывалась некоторая возможность морального, экзистенциального выбора. И Левада эту возможность использовал в полной мере. Он сохранял невозмутимое *достоинство*.

Это становится очевидным не только из известных фактов биографии и воспоминаний коллег, но и из документов тех лет, опубликованных, в частности, в книге «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» [3]. Обратившись сегодня к протоколам «проработки» Левады с записью и его собственных выступлений на заседаниях партийного бюро Института социологических исследований и на общественно-научных собраниях, придирчивый и пристрастный современный читатель не найдет в них ни одного высказывания Ю. А., которого тот мог бы потом не то что стыдиться — стесняться. Притом, что «всю принципиальную (и только такую! — А. А.) критику, которой подверглась работа, я признаю», — читаем в протоколе 1969 г.

Способность выдержать подобный «наезд» с таким самообладанием и (вроде неуместное слово!) изяществом свидетельствует еще и о высочайшей культуре мысли и речи; это интеллектуальное достижение, а не только нравственная позиция.

Стоит здесь сказать, что пять лет спустя мне довелось оказаться примерно в таком же положении «проштрафившегося» секретаря партбюро (в ленинградском институте), а еще десять лет спустя — и в положении исключенного из партии по идеологическим (политическим) обвинениям. Ох, как мне тогда пригодилась бы эта школа «необходимой и достаточной обороны» Ю. А. Левады, о которой в то время так мало знал! Думаю, что я тогда и «задирался», и «прогибался» больше, чем он. Правда, у меня, разумеется, не было такого запаса научной прочности.

(Вообще, поколение первых послевоенных выпусков гуманитарных факультетов МГУ мне представляется совершенно уникальным по насыщенности будущей научной элитой, не в расхожем смысле этого слова. Достаточно выстроить, навскидку, далеко не полный ряд знакомых имен выпускников МГУ начала 1950-х: Гачев, Грушин, Пятигорский, Щедровицкий; Гордон, Карпинский, Левада, Мамардашвили, Наумова, Юдин, Янов; Лапин... Философы, историки, филологи; здесь только 1929–1931 годы рождения; многих уж нет...)

Очень существенны – в рефлексии Левады 1990 г. – характеристики людей (он, в общем, избегает имен, но иногда Шалин прямо о конкретных людях спрашивает), как тех, кому его поведение казалось слишком «неосторожным», так и тех, кому оно могло показаться, наоборот, недостаточно решительным. Его суждения, как правило, сдержанны. Он толерантен: не судит, а старается понять. Ни эйфория, ни обличительный пафос перестроечных лет его не захватили. Он и тут проходит «по лезвию бритвы» — *естественно*, как жил и раньше, и впредь.

Наверно, Владимир Эммануилович прав, говоря об экзистенциальном выборе Левады в начале 1970-х гг.²⁶ Вот только вряд ли это был выбор между «быть с властью» и «быть в конфликте с ней», как он пишет. Я склонен трактовать это как выбор в пользу третьего варианта — человеческой и профессиональной независимости (кстати, это может быть труднее всего).

Вспоминается сказанное о другом нашем выдающемся современнике: у него были *стилистические* разногласия с советской властью²⁷. Я бы сказал так и о Леваде. Только эти разногласия не помешали ему так или иначе не выживать, но «уживаться» с властью, чтобы, оставаясь в тени, транслировать и воспроизводить культуру, постигая советское общество и советского человека не «снаружи», а «изнутри».

Впоследствии Ю. А. замечал: «Мне кажется, что в последние годы (*речь о первой половине 1990-х. — А. А.*) мы с давними и недавними коллегами смогли описать и объяснить некоторые тенденции развития общества и человека, используя не только обильные эмпирические данные опросов, но и тот мыслительный, методологический материал, который был проработан «тогда» [3, с. 94].

...Я обсуждаю здесь лишь те сюжеты, которые так или иначе были затронуты в интервью Ю. А. 1990 г. Что было потом, от ВЦИОМа до «Левада-Центра» и далее, слишком хорошо известно. При всей его неамбициозности (кстати, как раз амбициозность ныне возводится в ранг одной из первейших добродетелей!..) Юрий Александрович являет собой пример очень крупного *масштаба личности*.

Это уже не просто человеческие или профессиональные качества. Это мера влияния на окружающих, включая опосредованное, при отсутствии личных контактов. Это глубина следа в жизни, обществе, культуре. Это — память о человеке «на все времена».

***

Р. S. В сборнике материалов первой из каярикуских встреч содержатся страницы из дневника проф. Полупортянцева (героя фольклора, зародившегося в стенах Института философии АН СССР, периода 1960-х гг.). Автор эпохального труда «Гегели мы» в своем отчете, в частности, о посещении финской бани, описывает «военный порядок следования в баню» .

²⁶ Имеется в виду мнение В. Э. Шляпентоха, выраженное им в статье «Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора» [4]. — Примеч. ред. журнала.

²⁷ Здесь небрежность автора этих строк: о своих «стилистических разногласиях с советской властью» говорил сам А. Д. Синявский, а не о нем сказано. (Примечание А. Алексеева).

Перечисляются обязанности таких участников этого действия, как Фирсов (командир), сам Полупортянцев (нач. отдела кадров), Столович (замкомандира по эстетической части и моральной чистоте), Ядов (замкомандира по процедуре, методологии и телесной чистоте), Блюм (замкомандира по общесоциологической части, организации и преодолению отчуждения), Ольшанский (замкомандира по семиотике и неформальным межличностным отношениям в бане смешанного типа), Вооглайд (помкомандира по методам исследования массовых коммуникаций и расквартированию), Немцова и Верховская (медсестры) [1, с. 210–211].

Упоминается и еще один персонаж: Левада — рядовой. Уж не сам ли Ю. А., работавший тогда в Институте философии, это сочинял?

Литература

1. Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кярияку—1966 / Гл. ред. Ю. Вооглайд. Тарту: Тартуский гос. университет, 1967.

2. Левада Ю. «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 155–174.

3. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

4. Шляпентох В. Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // Специальный проект: «Журнальный зал» в «Русском Журнале» [online]. Дата обращения: 22.05.2008. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/sh13.html>.

Приложение

Из дневника «проф. М. Л. Полупортянцева» в Кярияку²⁸

28 октября 1966 г.

Что же здесь происходит! И впрямь как на конгрессе каком-то! Что это с молодежью? Забыла основы общественных наук! Зачем склоняются и спрягаются все эти чуждые нам, не наши понятия, как-то: «коммуникация», «установка», «регуляция», «отчуждение», «социум»? Нет, я не против нового, которое неодолимо. Я тоже читал кой-какие переводы и могу, как говорят, ударить грязью в лицо. Я не против социологов, я за социологические исследования! Я против аллилуйщины, которая порождение культа. Я за индуктивный и за дундуктивный методы. Я не против дискуссий, но нам нужна такая дискуссия, на которой бы все говорили правильно. А здесь говорят неправильно, предварительно не продумано. К примеру, те же «массовые коммуникации». Что значит: «кому никак»? И причем тут массы?

И опять же преувеличивают роль техники. Тут один товарищ показывал аппарат, который подсчитывает, сколько процентов «за» и сколько «против». Решали вопрос, кто хочет мыться в финской бане смешанного типа (в Эстонии, оказывает-

²⁸ Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кярияку—1966 / Гл. ред. Ю. Вооглайд. Тарту: Тартуский гос. университет, 1967, с. 210–211.

ся, есть финские бани, т. к. эстонский язык очень похож на финский). Получилось 23 % «за». А если такой аппарат будет решать вопрос о присуждении ученых степеней и званий и другие текущие вопросы? Разве «механическим» большинством можно определять, как говорят англичане, «кто есть ху»?!

29 октября 1966 г.

Сегодня были жаркие споры о ценностях жизни и культуры. Одни кричат: «Ценность есть отношение объекта и субъекта», другие: «Ценность есть отношение субъекта и объекта». Пришлось дать отпор. Одним за объективизм. Другим за субъективизм.

Постскрипtum

В № 2 «Социологического журнала» за 2008 г. см. также и другие комментарии к упомянутому интервью Ю. А. Левады:

– Б. З. Докторов. Юрий Левада: к изучению биографии и судьбы; И. С. Кон. Вспоминая о Леваде; А. Г. Левинсон. Не стоит село без праведника; А. К. Назимова, В. Л. Шейнис. Памяти друга; Б. М. Фирсов. Жизнь, наполненная бескорыстными духовными интересами; В. А. Ядов. Прости меня, Юра.

Эти и другие материалы, посвященные выдающемуся российскому социальному мыслителю, социологу и философу Юрию Александровичу Леваде, публиковавшиеся в разных отечественных и зарубежных изданиях, собраны на сайте «Архив Юрия Левады»²⁹, являющемся особым разделом (рубрикой) сайта Центра демократической культуры Университета Невады.

См. там, в частности, электронные версии (сетевые публикации) работ:

– Дубин Б. В. Образ и образец: памяти Ю. А. Левады (1929–2006) // Социологический журнал, 2007, № 1³⁰.

– Левинсон А. Держатель нормы. Юрий Александрович Левада (1930–2006) // Социальная реальность, 2007, № 6³¹.

– Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю. А. Левады // Социальная реальность». 2007, № 6³².

– Головаха Е. Научная школа Юрия Левады о социокультурных изменениях в постсоветском обществе. (См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/levada_golovakha.html).

– Шалин Д.. Феноменологические основы теоретической практики: биокритические заметки о Ю. А. Леваде // Вестник общественного мнения, 2008, № 4 (96).³³

См. также:

– Видеобеседы, посвященные 80-летию Ю. А. Левады, в рамках проекта Л. Борусяк «Взрослые люди» на Полит.ру (<http://www.polit.ru/story/vzr.html>).

– Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Сост. – Т. В. Левада. М.: Издатель Карпов Е. В., 2010.

²⁹ См. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/yla/index.html>.

³⁰ См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/dubin_levada.html.

³¹ См. <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=392>.

³² См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/levada_doktorov.html.

³³ См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_levadabio.html. Этот же текст см. на Полит.ру: http://polit.ru/research/2009/02/11/levada_about.html.

6.2.2. Вольнодумцы и инакодействующие
(о книге Б. Фирсова «Разномыслие в СССР...»).
Б. М. Фирсову — 80 лет³⁴

(1)

*Рецензия на книгу Б. М. Фирсова*³⁵

Внимательно ознакомившись с рукописью названной книги, хочу сразу определить свое отношение к ней как замечательному труду одного из выдающихся деятелей и творцов нашей социологии. Будучи опубликована в том виде, как я ее читал, без каких-либо дополнительных редакторских или авторских усилий, она уже станет весьма заметным событием современной российской общественной мысли. Книга эта во многих отношениях уникальна.

Мне хотелось бы исчерпать этим заявлением свою функцию официального рецензента, а дальше — воспользоваться случаем поразмышлять над этим фундаментальным, 500-страничным трудом.

В чем я вижу принципиальное новаторство (теперь любят говорить — инновационность) этой работы?

Во-первых, в совершенно особом месте ее автора в истории новейшей российской социологии. Здесь идет в расчет и собственно научный, и организационный, и общекультурный личностный вклад. Интеграция этих разнообразных вкладов находит яркое выражение в настоящем *opus magnum* автора, и эта интеграция уникальна.

Во-вторых, не имеет, мне кажется, прецедентов «равноправное» соединение в одном труде теоретического и исторического (объективного) исследования структуры и динамики советского менталитета, с одной стороны, с персоналистской (субъективной) жизненной ретроспективой — с другой. Можно сказать и так: здесь представлены широкая историческая панорама и конкретный «случай Б. Ф.» в динамике — одно «на фоне» другого.

В-третьих, это отважная попытка обобщения отечественных и русскоязычных зарубежных исследований феномена «человека советского» от момента его (этого феномена) зарождения до его «зрелого» состояния. При этом, что это обобщение — именно социологическое (в принципе возможны и исторический, и культурологический, и психологический и иные ракурсы подобного обобщения). Эту книгу отличает своего рода энциклопедизм. Автор широко использует архивные, мемуарные, аналитические, литературные материалы. Так и хочется сказать: «И это все о нем (человеке советском)».

³⁴ Полный текст настоящего раздела можно найти в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/alekseev-sociolog/volnodumcy-i-inakodejstvu juschie/>.

³⁵ Алексеев А. Н. Вольнодумцы и инакодействующие. О книге Б. М. Фирсова «Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. История, теория и практики» (СПб: Изд-во Европ. Унта в Санкт-Петербурге, 2008) // Социологический журнал, 2008, № 2. См. эту же работу на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/alekseev_volno.html.

Настоящий текст возник как издательская рецензия на рукопись книги Б. М. Фирсова.

В-четвертых, – говоря уже собственно о содержании – книга предъявляет последовательное и убедительное опровержение вульгарных представлений о ментальной однородности советского общества, будь то в просоветских («морально-политическое единство...») или постсоветских («все – совки!»...) версиях. Выдвинутое автором понятие «разномыслие» позволяет хорошо понять все разнообразие факторов, проявлений и последствий этой ментальной неоднородности, в сущности, спасшей наше общество от полного окостенения и воплощения в жизнь антиутопий Замятина или Оруэлла.

В-пятых, очень существенно последовательное и во многом оригинальное проведение поколенческого (когортного) подхода. «Разномыслие» – это не только разнообразие ментальностей в рамках одного поколения, но и существенные различия между поколениями («отцов» и «детей», «дедов» и «внуков») в советском обществе. В известном смысле главным героем книги является поколение «шестидесятников», к которому автор сам принадлежит.

В-шестых – это просто увлекательная книга. Притом, что читать ее «в один присест» не хочется. Это – серьезное чтение и увлекательность здесь не сюжетная, а интеллектуальная. Даже для ровесников здесь обнаруживаются открытия, как фактологические, так и концептуальные. Что уж говорить о молодежи, не успевшей «застать» не только 1940–1960-е, но и 1970-е, в сознательном возрасте.

Композиция книги и свободна, и строга. Последовательность глав подчиняется хронологической (исторической) логике (см. приложение). Внутренняя же структура глав изобилует иногда ассоциативными переходами от истории к теории и от теории к «практикам», со свободным парением между этими тремя полюсами.

Автобиографические мотивы то проникают в ткань объективного повествования, то сосредотачиваются в специальных разделах «Автор свидетельствует». И там и тут эти мотивы органичны. Надо сказать, что автор не щадит себя, мера его самокритичности весьма высока. Что заставляет простить и отдельные (редкие) пафосные высказывания. Говоря коротко: автор интеллектуально честен. И это обеспечивает и доверие к нему читателя.

Будучи сам горячим приверженцем документа в автобиографическом повествовании, я могу пожалеть, что автор скуп на автоцитирование и использование документальных свидетельств из собственной жизни. Но уж зато там, где он их приводит, это сильнейшие аргументы в пользу как точности его исторических оценок, так и справедливости теоретических утверждений. Одно только приложение – расшифровка знаменитой передачи «Литературный вторник» Ленинградского телевидения и стенограмма ее обсуждения в Комитете по радио и телевидению 1966 г., с последующими оргвыводами, чего стоит!

Позволю себе небольшое отступление от обсуждения книги как таковой в пользу интерпретации известных карьерных «взлетов» и «падений» автора. Уже не помню, кто первый (в 1970-х гг.) сказал: «Фирсов стал бы секретарем ЦК (КПСС), кабы не был так умен» (почти фольклор!).

Тут хорошая двусмысленность: «слишком умен, чтобы к этому стремиться» или «слишком умен, чтобы ему это предложили». Думаю, справедливы оба истолкования. При всей идеологической «зашоренности» первого послевоен-

ного поколения (тех, кто вступил в сознательную жизнь во второй половине 1940-х), при всей социальной «послушности» того слоя, к которому он стал принадлежать, Б. Ф. был, конечно, на этих постах (секретарь обкома ВЛКСМ, секретарь райкома КПСС, директор ЛенТВ) белой вороной. И слава Богу, что, пройдя все номенклатурные искусы, он в конце 1960-х сумел уйти в науку (где, впрочем, своих искусов хватало).

Весь позитивный и негативный идейный, культурный и организационный опыт оказался при этом пущен в дело. Человек сумел прожить несколько «разных» жизней, оставаясь при этом самим собой и самореализуясь по максимуму как в каждой из них, так и в целом.

Сам автор своим тогдашним (1950–1960-е) «мирочувствием» (словечко Б. Ф.), сознанием и поведением являет собой яркий пример того, разумеется, урезанного (временем, обстоятельствами...), тут — какое слово употребить? ...не «инакомыслия» (это слово занято совсем другим социальным типом), но — ИНО-мыслия, РОЗНО-мыслия, ВОЛЬНО-думства, свободо-мыслия, нон-конформизма, антидогматизма, внутренней не-зависимости, САМО-стояния (словечко А. С. Пушкина), инако-действия (на этом понятии остановлюсь потом подробнее).

В идеологическом плане это, пожалуй, объемлется (в ту пору чуть ли не бранным...) словом «либерализм» (поэтому даже внутренне люди этого типа себя так, как правило, не обозначали). Но нам здесь важно усмотреть нравственную и — шире — мироотношенческую позицию.

Все приведенные выше определения относятся уже не к обществу (как в случае «разномыслия»...), а к личности, ну, может быть, к группе, в которой распространен или преобладает этот личностный антипод едино-мыслия.

ВОЛЬНОДУМСТВО (остановимся пока на этом термине) может проявляться в любой сфере человеческой деятельности — в культурной, бытовой (в широком смысле), профессиональной... В известном смысле это синоним «творческой личности».

В особом отношении ко всем указанным стоит понятие «крамола», схватывающее явление, распространенное не в образованных слоях, а, так сказать, в «гуще народной жизни». Также и эти проявления общественного разномыслия входят в сферу авторского внимания.

Несколько странновато выглядит употребление термина «разномыслие» применительно к личности, индивиду. Оно правомерно при рассмотрении динамики личностного сознания, различного в разные периоды жизни и разные исторические времена. Что же касается «двоемыслия» (чему у автора посвящен специальный раздел), то это своего рода «социальная шизофрения» (раздвоение личности), поражающая индивидов и охватывающая тоталитарное общество в целом. Но и — своего рода «иммунная система», помогающая личности удержаться от саморазрушения.

Вообще — и не только в тоталитарных обществах! — наряду с «двоемыслием» (что предполагает все же некоторую долю лицемерия...) уместно говорить о «ситуационной морали», когда в разных ролевых ситуациях человек искренне ведет себя прямо противоположным образом.

(Например, дружинник, в советские времена, усердно ловивший выпивающих в сквере, сняв красную повязку, немедленно «законно» распивает

бутылку в соседней подворотне; или вспомним знаменитый рассказ А. Яшина «Рычаги».)

Теперь — об ИНАКОДЕЙСТВИИ.

Термин этот вроде бы предложен мною (по крайней мере, нигде прежде его не встречал). Дело в том, что хоть и не монолитна система, равно как и оправдывающее ее сознание, однако влияния «господствующих мыслей эпохи» (выражение К. Маркса) не избежал, наверное, никто. Все люди — дети своего времени. Тем не менее, в сходных обстоятельствах все поступают по-разному. Есть, конечно, более или менее общепринятые и распространенные стандарты поведения, которым следуют. Но бывают и «мутации».

Эти социальные мутации сплошь и рядом скорее поведенческие, чем осознанные. Они могут быть вызваны глубоким общественным «подсознанием» или индивидуальными особенностями личности.

И вот, думая, в общем, «как все», некоторые поступают «не как все» (иногда), они что-то «себе позволяют» (как говорится). Из этих маленьких, иногда случайных, а у некоторых — и систематических отклонений и рождается «САМО-стоятельный» человек.

Таких было не так мало во все времена, и в советские годы тоже, даже в условиях тотального государственного террора, не говоря уж об «оттепельных» обстоятельствах.

Вот об этом социальном феномене книга Бориса Фирсова. И не случайно — она также о самом авторе. Ибо он сам из этих «мутантов».

(Рецензент, конечно, увлекся и отвлекся от своих обязанностей обсуждать рукопись как таковую. Однако книга Б. М. Фирсова к этому побуждает. Общее же резюме — дано уже в первых строках настоящего текста.)

Одно читательское замечание. При изобилии материалов, привлекаемых из разных русскоязычных источников, автор наряду с прямым цитированием часто использует прием переложения или пересказа. При этом все ссылки на месте, но имеем дело с текстом все-таки не первоисточника, а автора данной книги. И когда возникают некоторые содержательные или стилистические претензии к такому тексту, не знаешь, кому их предъявлять — автору или «переводчику». Поэтому здесь не буду их предъявлять никому.

Однако сожаление на этот счет и соответствующее пожелание — для будущих переизданий книги — остаются.

А. Н. Алексеев

Ноябрь 2007- март 2008³⁶

³⁶ Структура книги «Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы»:

Глава 1. Классическая советская эпоха. 1.1. Культура классической советской эпохи. 1.2. Человек советской эпохи. 1.3. Двоемыслие как часть классической советской культуры. 1.4. О времени и поколениях классической советской эпохи. 1.5. Подступы к разномыслию.

Глава 2. Последние годы сталинской власти. 2.1. Снова сражение, на этот раз с собственным народом. 2.2. Практики и среды формирования разномыслия. 2.2.1. Отцы. 2.2.2. Дети. 2.3. Автор свидетельствует.

Глава 3. От коллективного ослепления к индивидуальному прозрению. 3.1. Управляемая десталинизация. 3.2. О власти социальных надежд и упований. 3.3. Пелена спадает с глаз. 3.4. Автор свидетельствует.

(2)

Выступление Б. М. Фирсова на презентации книги³⁷

Я скажу несколько слов для того, чтобы вы лучше представляли себе, зачем я это сделал. Действительно с давних пор, еще с перестроечного времени я начал размышлять о том, почему так бесславно закончилась история великого, могучего Советского Союза. Это было предметом моих сложных размышлений. И я сформулировал для себя гипотезу, что это произошло вследствие особого развития массового и индивидуального сознания, в том числе моего, в сторону, обратную той, которую указывали все дорожные карты Советского Союза. То есть это была своеобразная контр-эволюция сознания. Монолит системы разрушался, прежде всего, вследствие этого явления. Я решил его исследовать. И мне здесь очень помогла мысль Тейяра де Шардена. Я ее взял в качестве эпиграфа к моей книге. Он сказал: «Ничто в мире не может объявиться в конце после ряда совершаемых переходов, если оно незаметно не присутствовало в начале». Таким образом, сформировалась исследовательская задача — искать это «нечто», что было в начале, но оставалось незаметным.

Следующий шаг состоял вот в чем. Опираясь на впечатления от прожитой жизни, ведь писать следовало о том, чему я был свидетелем, а то и участником, я предположил, что не только в хрущевскую эпоху, но и в условиях вечной мерзлоты послевоенного сталинского периода люди искали и находили способы оставаться самими собой, они сопротивлялись разными способами принудительному единодушию, в которое их вгоняла система и власть. Проследить этот тренд или это явление на примерах коллективных, широких действий в те времена было невозможно, поэтому я как бы опустил на уровень индивидов и малых групп. И это для меня оказалось обнадеживающим. Искомое нечто, которое «незаметно всегда присутствовало в начале», я обнаружил в высказываниях, в суждениях моих современников. Позволю себе одну ссылку на Сергея Юрского. Он не так давно написал: «Плоха была советская власть. Очень плоха. В такие тупики она нас загоняла, из которых выберемся ли — большой вопрос. Но опыт терпения, опыт тайной духовной жизни народа, опыт не только героического диссидентства, но и глубинного, подспудного сохранения себя как личности в толпе (вот собственно здесь начинают проглядываться контуры разномыслия. — Б.Ф.) — этот опыт бесценен». За этот опыт я ухватился как за нить Ариадны, и в итоге уже в событиях послевоенных 1940-х годов я увидел признаки брожения умов, увидел то, что как один из моих коллег-социологов образно назвал «закладыванием кумулятивных зарядов в стену советского общества». Их начали закладывать в 1940—1950-е годы, но «рванули» они позже, в 1980-е. Многие, может быть, об этом не думают, но это факт: брожение умов было причиной катастрофы, причиной распада нашей страны. Итак, разномыслие помогло разрушить броню принудительного единодушия, в которую была закована репрессивным сталинским режимом страна и ее народ.

³⁷ Презентация происходила в Европейском университете в СПб, 25.04.2008. Здесь — авторизованный транскрипт аудиозаписи. См. также на сайте ЕУСПб: <http://www.eu.spb.ru/>. Точечный адрес — http://www.eu.spb.ru/images/pss_dep/raznom_info2.rtf.

Но плоды этой победы – теперь я уже перехожу к нашему времени, смогло пожать нынешнее российское общество. И хотя в своей сути современный человек остался уязвимым, он мало или ничуть не прибавил интеллектуально, духовно, морально, но все же след от высвобождения энергии разномыслия остался, сохранился. Это – обертоны нового мироощущения, носителями которого мы все являемся. А в чем оно состоит? Это длящееся и по сей день сознательное отторжение от какой бы то ни было единой доктрины, общей идеологии, от необходимости маршировать строем и петь маршевые песни в общем строю.

Периоды хрущевского, горбачевского и ельцинского правления воспринимаются как оттепели или как *lucidum intervallum*, как сказали бы психиатры – периоды просветления, которыми мы пользовались все. Но к сожалению, сквозь призму последних лет, сопоставляя эти времена с настоящим, нельзя не почувствовать холод атмосферы путинской России. Метеосводки моих коллег-социологов, равно как и мои собственные наблюдения за общественным климатом страны, указывают на подмораживание демократии, на ограничение дарованных конституцией свобод. Тогда возникает вопрос: а как же быть с разномыслием? Что с ним делать? Ведь оно же есть, оно дает о себе знать? Сказать, обращаясь к старой лексике, что люди по-прежнему нуждаются или еще сильнее нуждаются в единственно правильном, непобедимом учении, было бы, во-первых, слишком беспомощно перед явью осознающего свою самостоятельность человека, по-советски. Поэтому тема разномыслия <...> в современном российском обществе по-прежнему ждет своих исследователей.

(Б. Фирсов. Апрель 2008)³⁸

О книге Б. М. Фирсова «Разномыслие в СССР...» см. также:

– Травин Д. *Разномыслие в СССР глазами Бориса Фирсова* // Дело, 28.04.2008³⁹.

– Фрумкина Р. *Автопортрет ученого в молодости* / Полит.ру. 1 ноября 2008 г.⁴⁰

См. также: *Разномыслие в СССР и России (1945-2008)*. Анонс конференции и стенограмма презентации книги Бориса Фирсова / Полит.ру. 6 марта 2009 г.⁴¹.

(3)

А. Н. Алексеев

*Разномыслие как социологическое понятие и характеристика социума (опыт теоретического рассмотрения)*⁴²

1. Понятие РАЗНОМЫСЛИЕ, введенное в наш социологический курс Б. М. Фирсовым, заслуживает специальной разработки и, если мож-

³⁸ См. также: Фирсов Б. М. Разномыслие: возможный подход к изучению. Материал к научной конференции «Разномыслие в СССР и России (1945-2008)» (ЕУСПб, май 2009) на сайте ЕУСПб: www.eu.spb.ru/. Точечный адрес – http://www.eu.spb.ru/images/pss_dep/raznom_info1.doc. Об этой конференции см. ниже.

³⁹ Электронная версия – <http://www.idelo.ru/508/20.html>.

⁴⁰ См. <http://www.polit.ru/author/2008/11/01/firsov.html>.

⁴¹ См. <http://polit.ru/analytics/2009/03/06/raznomysl.html>.

⁴² Тезисы для конференции «Разномыслие в СССР и России (1945-2008)» (ЕУСПб, май 2009).

но так выразиться, научной прописки, кодификации. Для этого, в частности, необходимо его соотнесение с устоявшимися, общепринятыми элементами категориального аппарата социологической науки (такими, как *социальная группа, социальная идентификация, солидарность, социальный контроль, социальная норма, ценность...*). Обыденному представлению о разномыслии, как «несогласии во мнениях, несходстве убеждений» (см. большинство толковых словарей), а также выражению, довольно распространенному в теологической и религиоведческой литературе, уместно не противопоставить, но поставить в соответствие определенное социологическое понятие.

2. Правомерно трактовать *разномыслие* как ментальный плюрализм, или разнообразие ментальностей в рамках социума или социальной группы. Это именно неоднородность общественного или группового сознания, в отличие от его однородности (чему в обиходном языке соответствует *единомыслие*).

Разномыслие — естественное состояние и стихийный процесс, результат органичной суверенности личностей, некая антитеза не только единомыслию, но и «безмыслию» (то и другое выступают в известном смысле синонимами). Разнообразие ментальностей — характерная черта гражданского, здорового, развивающегося общества, в отличие от общества тоталитарного, больного и в конечном счете стагнирующего. Но даже и тоталитарный режим, при всех используемых им технологиях «промывки мозгов» и репрессивных механизмах, не способен искоренить разномыслие в обществе (пример — социологически исследовавшееся Б. Фирсовым, под этим углом зрения, советское общество 1940–1960-х гг.).

3. Следует подчеркнуть, что разномыслие есть черта, модус именно социума или группы, но не личности, не индивида. Личность интериоризует или продуцирует «разные» мысли, но отождествлять это с разномыслием социума никак нельзя. Разномыслие есть разнообразие именно ментальностей, но не «мыслей», в обиходном смысле слова. Здесь полисемия слов обыденного языка ставит ловушку научному сознанию.

4. Стоит, впрочем, иметь в виду, что и в сознании отдельно взятой личности могут сталкиваться и переплетаться разные ценностно-нормативные системы, ее сознание может быть конгломератным, калейдоскопичным, внутренне противоречивым (в том числе и под влиянием разномыслия общества). В определенных общественных условиях возникают феномены типа двоемыслия (вот это уже характеристика личности!), «ситуационной морали» и прочие ментальные аномалии, которые, в частности, в тоталитарном обществе становятся нормой.

«Разномыслящая» личность предстает в социальном смысле явлением крайне уродливым (некий аналог известных психически заболеваний). Такая личность заслуживает «лечения» в смысле развития в ней способности к самостоятельному мышлению (являющемуся естественной опорой социального разномыслия).

Сказанное, разумеется, не относится к духовному развитию, ментальной эволюции личности, при которой могут произойти и реально случаются так-

же и разнообразно обусловленные и мотивированные «перевороты» в индивидуальном сознании.

5. До сих пор речь шла о разномыслии как некоем состоянии общественного или группового сознания, разномыслие — в статике, что можно определить также как *синхронический* подход, соответственно, аспект разномыслия. Между тем, разномыслие есть также процесс, изменяющаяся структура социального сознания, где на смену одной конфигурации ментальностей приходит другая, а маргинальная в одних общественных условиях может стать приоритетной в других, и наоборот. Здесь уместно говорить о *диахроническом* подходе к разномыслию.

6. Исследование разномыслия может быть качественным, интерпретативным, антропоцентричным. Но оно же может быть и количественным, аналитическим, социоцентричным. В сущности, столь широко распространенные опросы общественного мнения могут быть реинтерпретированы как исследования *плюрализма ментальностей*.

7. И последнее, ценностно отнюдь не нейтральное замечание. Мера неоднородности общественного сознания может трактоваться не только как информационная характеристика (негэнтропия), но и как показатель цивилизованности. Сосуществование и взаимодействие разных «образов мыслей», при их взаимной толерантности, является необходимым признаком духовно богатого, солидарного и свободного общества.

15.03.2009

(4)

Европейский университет в Санкт-Петербурге
совместно с Благотворительным фондом имени Д. С. Лихачева,
Центром независимых социологических исследований,
Научно-информационным центром «Мемориал»

представляют научную конференцию
«Разномыслие в СССР и России (1945-2008)»

Санкт-Петербург, 15-16 мая 2009 г.

Программа конференции⁴³

15 мая, пятница

Утреннее заседание: *«Концептуализация разномыслия»*

Ведущий: Н. Б. Вахтин. Дискутант: Н. Е. Копосов

⁴³ Об этой конференции подробно см. на сайте ЕУСПб: www.eu.spb.ru/raznomyslie2009, или http://www.eu.spb.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1126&Itemid=0.

См. также: В мае 2009 г. Европейский университет в Санкт-Петербурге проведет конференцию «Разномыслие в СССР и России (1945-2008)» / Полит.ру. 6 марта 2009 г. (<http://www.polit.ru/science/2009/03/06/raznomysl11.popup.html>).

Пакет тезисов конференции см.: http://www.eu.spb.ru/images/pss_dep/tez_razno.doc.

Вместо предисловия. А. В. Блюм (СПб). Настроения ленинградцев перед началом Второй мировой войны (август-сентябрь 1939 г.) по донесениям осведомителей НКВД

Доклады:

В. М. Воронков (СПб). 25 февраля 1956 года как дата начала разномыслия в СССР

Б. М. Фирсов (СПб). Циклы и периоды разномыслия в СССР и в постсоветской России

А. Н. Алексеев (СПб). Разномыслие как социологическое понятие и характеристика социума

Е. В. Лезина (Москва). «Недомысленное» разномыслие постсоветской России?

Вечернее заседание: *«Разномыслие поколений»*

Ведущий: Б. И. Колоницкий. Дискутант: И. А. Флиге

Доклады:

О. М. Журавлев (Москва). Волнения на физфаке МГУ 1953 г. — «разномыслие» в университете?

М. Я. Рожанский (Иркутск). Разномыслие последнего советского поколения: отложенный выбор

Е. А. Здравомыслова (СПб). Культурный андеграунд 1970-х: ленинградское кафе «Сайгон» глазами завсегдатая и исследователя

Д. Я. Травин, Е. М. Травина (СПб). Разномыслие как предпосылка перестройки

16 мая, суббота

Пленарное заседание *«Культурные пространства разномыслия»*

Ведущий: В. М. Воронков. Дискутант: О. В. Паченков

Вместо предисловия. Б. В. Дубин (Москва). Социология Юрия Левады, середина 1970-х — первая половина 1980-х годов.

Доклады:

Н. А. Белякова (Москва). Религия как форма разномыслия в СССР?

Ю. М. Барбой (СПб). 1968 — 1974. Ленинград. Театр

И. В. Суслов (Саратов). Практики инакомыслия в контексте культурной памяти шестидесятников: анализ кинорепрезентации.

В. В. Мукусев (Москва). Телепрограмма «Взгляд» как источник вызовов властям и перестроенному времени.

М. Маколи (Лондон). Какофония мыслей в России в ранних 90-х годах: взгляд со стороны

Д. В. Димке (СПб). Разномыслие в воспитательной системе СССР 1960-х годов

А. Ю. Даниэль (Москва). Диссиденты и творчество: Художники-«авангардисты» на фоне «литературного инакомыслия»

Итоговая дискуссия. Ведущий: Б. М. Фирсов

Конференция проходит в ЕУ СПб, Конференц-зал (метро «Чернышевская», ул. Гагаринская, д. 3)

(5)

Полит.ру.
29.04.2009⁴⁴

Правительство Санкт-Петербурга назвало имена лучших ученых 2009 г.

17 апреля 2009 года Комитет по присуждению премий Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся научные результаты в области науки и техники на своем заседании рассмотрел вопрос о присуждении премий за 2009 год.

<...> Академик РАН *Николай Николаевич Казанский* был награжден премией имени С. Ф. Ольденбурга в области гуманитарных наук, а почетный ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, доктор философских наук *Борис Максимович Фирсов* стал лауреатом премии имени В. В. Новожилова в области общественных наук. <...>

(6)

Совершенно-летие Бориса Фирсова⁴⁵

Стало уже традицией, что основатели и первопроходцы новейшей российской (поначалу – советской) социологии отмечают свой 80-летний юбилей – Книгой. Вспомним последние труды И. С. Кона, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, О. И. Шкаратана. В. А. Ядов к своему юбилею специально новой книги писать не стал, так и тут «не обошлось»: «Vivat, Ядов!» – коллективная монография коллег. Так что, каждый по-своему.

И даже там, где отсутствуют автобиографические сюжеты и ауторефлексивные мотивы – это книги не только общезначимые и итоговые, но и глубоко личностные. Из них, между прочим, явствует, что «акме» может быть константой – психологической и творческой. Кстати, более или менее совпало с 50-летием нашей социологии (им тогда под 30 было). Только не парадные у наших «стариков» самоотчеты. Не то что «юбилейный банкет» в здании Президиума РАН на Ленинском пр., 32а в прошлом году.

В этот почетный ряд выдающихся юбиляров пришла пора вступить и Б. М. Фирсову, который для автора этих строк – и Друг, и Коллега, и Соучастник (ну, еще, к тому же, и директором был, и почетным ректором остался). И ведь – тоже книга-отчет и прорыв, причем ухитрился так издать, чтобы все прочитать успели к юбилею, и даже научную конференцию про «Разномыслие в СССР и России» провести – причем НЕ юбилейную! Никто там специально Бориса Максимовича не чествовал, а ведь она-то и была бенефисом (в апреле, с упреждением к июню).

Зато без «разномыслия» фирсовского теперь уже никак не обойтись социологу. Пошло словечко, термин, понятие – гулять по свету, равно – в на-

⁴⁴ См. http://www.polit.ru/science/2009/04/29/top_piter_science.popup.html. Первоисточник – официальный сайт Правительства СПб: <http://www.gov.spb.ru/>. Точечный адрес: http://www.gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/c_science/konkurs/_itogi_nauka_2009.

О награждении Б. М. Фирсова премией Правительства СПб за выдающиеся научные результаты в области науки и техники (2009) см. также выше: раздел 3.X.f.

⁴⁵ Цит. по: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009, № 3. См. то же на Полит.ру: <http://www.polit.ru/science/2009/06/22/firsov80.html>.

учных и просто интеллигентских кругах. И станет — верю! — общесоциологической категорией.

Мне выпала честь писать на эту книгу издательскую рецензию. Потом «Социологический журнал» ее опубликовал (2008, № 2). Понятно, аудитории «Телескопа» и «СЖ» пересекаются. Но уж не настолько, чтобы мне не захотелось повторить сказанное однажды и (для меня) «навсегда».

<...> (См. в настоящем разделе, выше. — Ред.).

Получается, что мне тут и добавить нечего. Кроме слов дружбы и благодарности — за многие годы *со-трудничества*, *со-гласия*, *со-авторства*, *со-ратничества*, *со-ревнования* (вот поставишь дефис, и словечко-то обретает новый смысл). Поздравляю Тебя, дорогой Борис, с *совершенно-летием*!

Андрей Алексеев. 1.06.2009

(7)

В. А. Ядов к 80-летию Б. М. Фирсова

Дорогие друзья и коллеги,

я был бы рад вместе с вами чествовать юбиляра. Его роль в становлении социологии после длительного запрета на фактуальные научные исследования хорошо известна. Его многообразные таланты и способность добиться реализации поставленной цели, его порядочность в традиционном для русской интеллигенции смысле, верность классическим канонам научной этики, озабоченность судьбами отечества — все это общепризнано. Мне нечего добавить, кроме того, что я случился быть научным руководителем по кандидатской диссертации Бориса Максимовича и горжусь его успехами, как и нашим длительным сотрудничеством и дружбой. Все, что юбиляр успел сделать к своим 80-ти «не стыдно», что я полагаю высшей оценкой достойного человека в зрелом возрасте. Сколько соблазнов, возможностей изобразить ученость и проч. накапливается с возрастом!

Дорогой мой друг, прости, что не смог обнять тебя в этот день. Вспомним, как в молодости мы повторяли слова итальянских товарищей из Милана: *Avanti! No pasaran!*

В. Ядов,

бывший подчиненный по Комсомолу, бывший научный руководитель, сегодня коллега по цеху, союбиляр и друг на всю оставшуюся жизнь.

(8)

Т. Косинова — Б. Фирсову

Дорогой Борис Максимович!

Что я хотела бы Вам сказать сегодня, частично поместилось в этот текст.

1. По-хорошему я завидую ЕУ (*Европейский университет в СПб. — Ред.*) —

он может позволить себе быть ребенком, потому что его отец-основатель бодр, деятелен и полон сил и жизненной энергии.

И как бы ни штормило наверху, ты вылезашь на палубу (вариант на крышу) и понимаешь, что ты не один на один со вселенной. Есть сверху тот, кто, не важно, как называется сегодня его должность, прикрывает тебя, страхует, поддерживает. Именем, авторитетом, бэкграундом, тем, что социологи называют «социальным капиталом». Он в хорошем смысле крышует тебя. Фирсов — по-прежнему крыша и оберег своего последнего детища. И ЕУ можно пожелать лишь одного — чтобы его детство длилось как можно дольше! <...>

2. Меня просили говорить не слишком серьезно, однако об одной вещи придется сказать серьезно.

Фирсов и «Мемориал». Формально Б. М. Фирсов не является членом «Мемориала». Хотя мог бы, он вправе. Просто по факту биографии: судьба арестованного в октябре 1938 года отца, его скоростная смерть сразу после освобождения. Подобные жизненные ситуации — повод и главный мотив для членства в «Мемориале» для многих сотен людей. Повод для получения социальных льгот и разного уровня предпочтений, объединения в общество таких же, как ты, для восстановления и защиты своих прав.

При всем пиетете к нашим мемориальским старикам, должна сказать, что мы ценим и любим Бориса Максимовича именно за то, что он не считает и никогда не считал себя «жертвой» репрессий ли, режима ли, не важно. Б. М. — категорически НЕ ЖЕРТВА. Он приходит к нам как разработчик концепции «Виртуального музея ГУЛАГа», исследователь, слушатель, зритель, участник дискуссий. И это особенно ценно нам, мемориальцам-исследователям.

3. Есть устойчивый миф о непрерывности диссидентской идентичности. Вот якобы была единственная идентичность (если не считать подпольщиков и политзаключенных), которая не имела травматического разрыва, не пережила кризис — это диссиденты. (Другое дело, что он легко опровергается анализом биографий или опросом диссидентов. Надеюсь, А. Ю. Даниэль еще сумеет раскрыть и опровергнуть этот миф в своей статье для сборника по итогам конференции «Разномыслие...». Если вдруг забудет мою просьбу — надо ему напомнить об этом). Бытование этого мифа включает в себя устойчивые обороты и фразу: «Я не был диссидентом, но...» (варианты: «Хотя я не был диссидентом, тем не менее фигу в кармане держал всегда», «Все мы были диссидентами у себя на кухне» и т.п.).

Б. М. своим «разномыслием» объявил амнистию и узаконил право других идентичностей конструировать себя без артикуляции разрыва и травмы, без отказа от себя прежних. Со всем монизмом, давлением идеологии, языковыми клише и рамками, со страхом, со всем прежним хабитусом: вслед за Фирсовым можно считать себя цельной личностью, имеющей право на непрерывность идентичности.

Фирсовская цельность (о чем-то подобном говорил Я. А. Гордин, «равный самому себе», уникальный) — одна из главных составляющих образа Б. М. Фирсова для меня.

4. «Непоротость» Б. М. Как Б. М. пишет, он принадлежит к «первому непоротому поколению». Вот эта непоротость — а по сути, внутренняя свобода и чувство собственного достоинства — отличают Б. М.

5. Фирсов и СПб. Следует сказать еще об одном качестве Б. М. — это его верность, даже преданность этому городу, этому не особо приспособленному и годному для жизни кусочку болотистой суши. Да не упрекнут меня в локальном шовинизме, но Б. М. Фирсов, волею матери не уехавший в эвакуацию из Ленинграда и переживший здесь блокаду, верен этому городу всю жизнь. Городу, сознательно, и систематично, и бессмысленно, и хаотично выхолащиваемому и опустошаемому весь 20 век. <...>

6. При всем при этом едва ли не главная для меня и удивительная способность Б.М. заключена в одной его фразе. Она всем известна, ее не раз слышали: «Я должен садиться за парту...». Открытость Бориса Максимовича к новому знанию для меня удивительна.

7. Особо хочу поздравить Галину Степановну. Честь и хвала Вам, Галина Степановна, за столь преданную и деятельную службу отечеству в ипостаси Жены Бориса Максимовича! Низкий поклон!

Остальное — о рассказчике / респонденте / информанте / мастере нарратива Фирсове я написала на Полит.ру на специально подготовленной мною страничке, опубликованной сегодня: <...>⁴⁶.

С любовью, Ваша Таня Косинова
22.06.2009

Постскриптум

Наиболее полное собрание адресов сетевых материалов и электронных версий публикаций Б. М. Фирсова и о нем за последние годы см.: <http://www.polit.ru/science/2009/06/22/firsov80.html>.

См. также статью о Борисе Максимовиче Фирсове в Википедии⁴⁷. Составлена сотрудниками, выпускниками и слушателями Европейского университета в СПб, к его 80-летию.

См. также:

— Травин Д. 80 лет — не предел в творчестве // Новая газета в СПб. 22.06.2009, № 44⁴⁸.

⁴⁶ См. <http://www.polit.ru/science/2009/06/22/firsov.popup.html>;
<http://www.polit.ru/science/2009/06/22/firsov80.html>. Там — материалы О. Хархордина, Е. Здравомысловой и В. Воронкова, Н. Копосова, Т. Косиновой, А. Алексеева, В. Шляпентоха, Б. Докторова.

См также интервью, взятое Т. Косиновой у Б. М. Фирсова для энциклопедического сборника «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985-1991»: Фирсов Б.. Из истории перестройки в Ленинграде: создание СИ РАН, — на сайте «Когита»: <http://wikitest.iling.spb.ru/cogita/>. Точечный адрес — <http://wikitest.iling.spb.ru/cogita/stati/iz-istorii-perestroiki-v-lenigrade-sozdanie-si-ran>.

⁴⁷ См. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%B2,%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87#.D0.91.D0.B8.D0.BE.D0.B3.D1.80.D0.B0.D1.84.D0.B8.D1.8F>.

⁴⁸ Электронная версия — http://www.polit.ru/science/2009/06/22/firsov_euspb.html.

– Социолог Борис Фирсов: «И пусть вам всем уютно будет жить в этом мире». Европейский университет торжественно отметил 80-летие ученого / Полит.ру. 22 июня 2009 г.⁴⁹

– Как закончилось партийное руководство общественными науками. Борис Фирсов о перестройке в науке и обществе / Полит. Ру. 24 июня 2009 г.⁵⁰

– Фирсов Б. Из истории перестройки в Ленинграде: создание СИ РАН / Когита.ру⁵¹.

6.2.3. *Рукопись, которая не сгорела (Памяти А. С. Соснина)*

*Ожидал ли перемен?
(рукопись, которая не сгорела)⁵²*

Квартира Соскиных на Миллионной ул. (тогда – ул. Халтурина) была для меня (да и не только для меня!) в те «глухие» 70-е гг. своеобразным духовным оазисом и местом магнетического притяжения. Виктор Леонидович Шейнис и Алла Константиновна Назимова, незадолго до своего переезда в Москву, ввели меня в этот дом, и то было лучшим подарком, который они могли сделать. Они подарили мне круг своих ближайших ленинградских друзей, которые стали и моими друзьями.

Центром и душой этого круга был Анатолий Семенович, он же – хозяин дома. Начало нашей многолетней дружбы озаглавлено для меня встречей также и со многими другими замечательными людьми, бывавшими там (некоторых, как и его, увы, уже нет в живых).

Но я сейчас сосредоточусь только на светлой памяти об А. С. Соскине (Соснине), и еще уже – на одном нашем с ним совместном *деле*, в котором Анатолий Семенович предстает не в общеизвестных своих профессиональных и любительских ипостасях (писатель, киносценарист или, скажу так, благо-творитель для «братьев наших меньших»), а в качестве оригинального и бесстрашного *социального наблюдателя, мыслителя и делателя*.

Именно в этом своем качестве он оказался для меня одним из учителей «по жизни», да – казалось бы, на удивление! – и в профессиональном отношении, поскольку одна из «этапных» для меня социологических работ была предпринята и выполнена в сотрудничестве (соавторстве) как раз с ним, социологом себя вовсе не считавшим.

⁴⁹ См. http://www.polit.ru/science/2009/06/22/firsov_euspb.html.

⁵⁰ См. <http://www.polit.ru/science/2009/06/24/firsov.html>.

⁵¹ См. <http://www.cogita.ru/intervyu/iz-istorii-perestroiki-v-lenigra-de-sozdanie-si-ran>.

⁵² Авт. – А. Н. Алексеев. Настоящий текст готовился для сборника памяти Анатолия Семеновича Соскина (Соснина) (1925-2002), который, по разным причинам, не вышел. Электронную версию см. <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/alekseev-sociolog/ozhidali-lipere-men/>.

Прилагавшийся к этому очерку текст экспертного листа 28 андерграундного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» (1979), принадлежащий А. С. Соснину, опубликован под названием: «...Маршрут движения к этой цели может быть отнюдь не прямым...», в: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 102-109. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf).

Наши, едва ли не еженедельные в ту пору (конец 70-х), коллективные встречи на квартире Анатолия Семеновича и Нелли Константиновны Соскиных, имевшие непритязательную форму «интеллигентских посиделок» на кухне, по существу оказывались и своего рода общественно-политическими семинарами. А в 1978 г. в этом кругу друзей и со-умышленников возникла идея проведения андерграундного опроса, экспертно-прогностического исследования на тему о состоянии и перспективах развития советского общества.

Вот об этом и расскажу.

Вопросник «Ожидаете ли Вы перемен? (несколько вопросов о перспективах исторического развития)» разрабатывался «незримым колледжем», неформальным соавторским коллективом, к которому были так или иначе причастны до десятка человек, но основными составителями этого вопросника явились, кроме Анатолия Семеновича, историк Михаил Яковлевич Гефтер (ныне покойный), экономист Виктор Леонидович Шейнис, экономист Нина Яковлевна Шустрова и я.

Обычно в таком (иногда суженном, иногда расширенном) составе мы встречались дома у Анатолия Семеновича в дни приезда из Москвы М. Я. Гефтера или / и В. Л. Шейниса с А. К. Назимовой. Иногда в этих «заседаниях» авторского коллектива принимал участие также историк Валентин Михайлович Алексеев (ныне покойный).

Трудились мы над этой нетривиальной экспертно-прогностической методикой несколько месяцев, пока в ноябре 1978 года не остановились на последнем варианте, который ниже представлю читателю. Разумеется, предполагался не широкий «опрос общественного мнения», а именно «сбор экспертных мнений», что было в то время хоть и рискованно, но в принципе реалистично, в смысле — не попасть в поле зрения всевидящего «Старшего брата» (по Дж. Оруэллу).

И, надо заметить, в ленинградском управлении КГБ пронюхали про эту нашу затею с опозданием на несколько лет (когда собрав 45 «пробных» экспертных интервью, мы эту работу уже приостановили). Но и тогда, за счет хорошо продуманной процедуры (анонимность как составителей методики, так и опрашиваемых экспертов — друг относительно друга), никто из участников этого изыскания под подозрение «компетентных органов» (по крайней мере по данному сюжету) не попал.

(А выяснилось бы, на чьей квартире был «штаб» этой диссидентской акции, — не миновать бы ее хозяину жестокого преследования).

Итак, в течение 1979–1981 гг. 45 экспертных бесед на тему «Ожидаете ли Вы перемен?» было проведено. Опрашивались в основном представители научной и творческой интеллигенции, обычно — знакомые кого-либо из составителей вопросника. Записи бесед или (иногда!) тексты, написанные самими «респондентами», были распечатаны — в 3-х экземплярах.

(А когда за этими «взрывоопасными» материалами в 1983 г. стала охотиться политическая полиция, два комплекта экспертных листов были мною лично сожжены, а один — удалось сберечь; благодаря чему эти ставшие теперь историческими документы увидели свет, но уже в 90-е гг.)⁵³.

⁵³ См. Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70–80-х годов). Кн. 1-2 / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. М.: Институт социологии АН СССР, Ленинградский фи-

Здесь не стану более подробно вспоминать всю эту историю, описанную в моей «Драматической социологии...». Не стану и обозревать ныне уже опубликованные материалы того экспертно-прогностического исследования, одним из авторов которого был Анатолий Семенович⁵⁴.

Должен признаться, что, например, я, выступая главным образом в роли социолога-методиста при формировании системы вопросов о состоянии и перспективах развития «данного общества», сам как-то не отважился на то, чтобы попытаться ответить на эти вопросы.

Иначе – Анатолий Семенович, который словно только и ждал повода: коль скоро я спрашиваю у других, надо и самому *ответить*.

И вот, в ноябре 1979 г. – в сосредотачивавшуюся тогда в моих руках коллекцию экспертных листов лег собственноручно составленный А. С. (разумеется, как и все остальные материалы исследования, специально перепечатанный мною, при конспиративном уничтожении оригинала) «экспертный лист № 28», подписанный псевдонимом «Невельцев» (думаю, этот псевдоним связан с каким-то значимым эпизодом биографии Анатолия Семеновича).

Не буду здесь пересказывать или комментировать этот текст, а просто – *полностью* воспроизведу его, вместе с *полным* же текстом вопросника «Ожидаете ли Вы перемен?», презентуя последний как своего рода «рамку» или план, по которому строились анализ и общественный прогноз Анатолия Семеновича.

Таким образом, ниже совмещены – для удобства читательского восприятия – и *вопросы* (соавтором которых был сам А. С.), и персональные *ответы* (т. е. собственная его, А. С., точка зрения по обсуждаемому предмету).

Замечу, что размышления Анатолия Семеновича (как и некоторых других участников андерграундного опроса, им инициированного) во многом оказались пророческими. Кроме того, текст А. С. более, чем некоторые другие, концептуально выстроен.

Вообще, вся эта наша затея имела, среди прочих, то счастливое «последствие», что сегодня, четверть века спустя (и теперь уже навсегда!) мы имеем бесценное свидетельство того, как Анатолий Семенович имел мужество *думать, говорить и писать* на самую жгучую и значимую для него и его круга гражданскую, общественную тему.

Конечно же, А. С. был не одинок и в своем миропонимании, и в своих общественных ожиданиях (чаяниях). Мне кажется, он мог бы тогда сказать, вслед за Альбертом Швейцером: «Когда меня спрашивают, кто же я, пессимист или оптимист, я отвечаю, что мои наблюдения пессимистичны, но мои воля и надежда оптимистичны»⁵⁵.

лиал, 1991. В этой публикации уже упоминались все составители методики и организаторы опроса, но фамилии опрошенных еще не разглашались. То есть сохранялась анонимность. В последующих публикациях, в частности, в «Драматической социологии и социологической авторефлексии», псевдонимы раскрыты (во всех случаях, когда удалось установить авторство). Бывали и ошибки идентификации: см. ниже: раздел 5.1.1.

⁵⁴ См.: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1: глава 1; приложение к главе 1 (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf); Том 4: глава 25; приложение к главе 25 (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_400-517.pdf).

⁵⁵ Цит. по: Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993, с. 227.

Итак, слово моему покойному старшему другу — Анатолию Семеновичу Соснину, человеку редкой доброты души, глубины ума, независимости поведения, яркости таланта.

Эти качества проявлялись во всем, чем бы он ни занимался, равно — в дружеском общении, в литературном творчестве, в общественном делании. Но память иногда обманывает, иногда стирается; а вот тут сохранилась также и как историческое и личное (жизненное) — документальное свидетельство.

Рукопись, которая, по счастью, *не сгорела*...⁵⁶

Андрей Алексеев, социолог
Февраль 2004

6.2.4. Памяти Вячеслава и Людмилы Дудченко

Вячеслав Сергеевич Дудченко (1940–2007) — доктор социологических наук, профессор. Один из ведущих в стране специалистов по инновационным технологиям и управленческому консультированию. Как он сам отмечает, истоками его идей являются школы Г. П. Щедровицкого (теоретико-деятельностная методология) и Н. И. Лапина (системный анализ, теория инноваций). Разработчик методологии инновационных игр и создатель оригинальной философской концепции «онтологического синтеза», или онтосинтеза⁵⁷.

Основатель ряда консультационных компаний. Был президентом Национальной гильдии профессиональных консультантов. Автор книг «Инновационные игры. Практика, методология, теория», «Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования» и др⁵⁸.

(1)

Дорогая Людмила, милые Лена и Юля!⁵⁹

Уход Славы — это Горе, с которым должны справиться все, кто его знал.

⁵⁶ Текст экспертного листа № 28 — ответов А. С. Соснина на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?», под названием «Маршрут к этой цели может быть отнюдь не прямым...», опубликован в: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 102–109. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf).

⁵⁷ *Онтосинтез* — «синтез реальности из материалов мира, находящегося в процессе непрерывных изменений, при помощи образцов и программ, составляющих основное содержание культуры» (Дудченко В. С. Методологические основы онтосинтеза / Онтосинтез социальной реальности. Труды методологического семинара. М., 1998, с. 12). Понятие, близкое по содержанию к «социальному конструированию».

⁵⁸ Подробнее см., например, интервью с В. С. Дудченко — «Наука — это интересно» — в журнале «Личность. Культура. Общество» (2000, т. 2, вып. 3(4)). (Электронная версия — http://veznik-um.ru/lko/jur_r_dudchenko_2_3_00.htm). См. также: Социологи России и СНГ. Библиографический справочник. М., 1999, с.98.

О В. С. Дудченко и извлечения из его трудов см. также в: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 3, раздел 08 («Синтез реальности и творчество жизни»). Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_1-207.pdf.

⁵⁹ Адресовано жене — Людмиле Кирилловне Дудченко, дочерям — Елене и Юлии Дудченко.

Для вас — особенно, но и для огромного количества людей он значил (значит!) очень много, и каждому по-своему. Для меня — не столько своей Мудростью второй половины 90-х — 2000-х, сколько Теплом 1970-х — первой половины 80-х. При том, что его онтосинтез представляется мне подлинным философским открытием (инновацией, изобретением?).

Возраст, недуги, обстоятельства препятствовали нашему общению в последние годы. Зато есть, что вспомнить из молодости, собственной и вашей.

Пусть к горечи утраты у всех близких (а кто же ближе вас!) присоединится сознание, что Миссию свою Слава успел выполнить. Это не утешает, но поддерживает. И вам в первую очередь нести эту Эстафету.

Но что бы тут ни говорить, уходить так рано — неправильно. Нарушено естественное расписание жизни. Память о Славе сохраним, пока живы. А дальше пусть ее берегут дети и внуки (в наиширочайшем смысле).

Ваш Андрей Алексеев
7.08.2007⁶⁰

(2)

22 сентября 2009 г. не стало одного из адресатов вышеприведенного письма — Людмилы Кирилловны Дудченко (вдовы В. С. Дудченко). С этой семьей автора этих строк связывают давние (с конца 1960-х гг.) сотрудничество и дружба. Людмила Дудченко была непременным участником всех научных и научно-практических инициатив и трудов Вячеслава Дудченко.

Оба — выпускники филологического факультета Новосибирского университета, затем работали социологами (Тарту, Свердловск, Набережные Челны, Ярославль, последние два десятилетия — Москва). Опыт практической, заводской социологии у обоих впоследствии существенно пригодился для инновационной и плодотворной методологической и консультационной работы.

Из интервью В. С. Дудченко (2000):

— Что такое Институт эвристики? Кто в нем работает? Можно ли эту фирму считать Вашим семейным бизнесом?

Институт эвристики — это зарегистрированная организация со счетом в престижном «Банке Москвы». В нем работает примерно 20 человек, это мои коллеги, которые собираются на конкретный проект. Это действительно семейное дело. Заниматься неотчужденным профессиональным делом невозможно в семье, где остальные члены семьи не занимаются тем же самым. Мы от 10 до 30 раз в год ездим на многодневные семинары в разные города по всей России. Если мужья и жены ездят врозь, возможны претензии, проблемы. Совместное дело помогает глубже понимать друг друга. Мы с женой работаем вместе с самого начала уже лет 30. Я занимался социологией, и она занималась социологией, я занимался методологией, и она занималась методологией. Я начал заниматься консультированием, — и она, кстати, защитила диссертацию, кандидат философских наук. Потом в дело включились дети, тоже уже имеют высшее социологическое образование⁶¹.

⁶⁰ Цит. по сайту «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/memoriandudchenko.html>.

⁶¹ Наука — это интересно. Интервью с проф. В. С. Дудченко // Личность, культура, общество. 2000, Т. 2, вып. 3 (4). Электронная версия — http://reznik-um.ru/lko/jur_r_dudchenko_2_3_00.htm.

Из «Википедии» (статья «Инновационная игра»):

...После смерти В. С. Дудченко, остались его последователи (ученики), которые продолжают развивать его идеи в теории и практике. Четко определились со своими направлениями — Е. В. Дудченко (развивает идеи онтосинтеза), Л. Н. Цой разрабатывает социальные технологии разрешения конфликтов в процессе реализации инновационных проектов, формирования инновационной среды и инновационной активности...⁶²

Из моего письма Елене Дудченко (сентябрь 2009):

...Ваша Мама была совершенно необыкновенным человеком — мудрым, сильным и теплым. Это редко сочетается в одном... Я уверен, что Вы пересилите это несчастье, заботливо сбережете Память и продолжите Дело...

Е. В. Дудченко ответила:

...А дело родителей я продолжаю. Я — генеральный директор компании, которую мы вместе создали; продолжаю работу, веду семинары...

Ниже — два текста Людмилы Кирилловны Дудченко (почти 30-летней давности), сохранившихся в моем архиве. (А. А. Сентябрь 2009).

(3)

*Профессия: промышленный социолог
(некоторые не внутренние проблемы)⁶³*

...Безнадежно пытаюсь расслабиться — все внутри напряжено и требует немедленной физической разрядки. Резко встаю, вспугнув задремавших сотрудников, выхожу в коридор. Глубоко вдыхаю теплый воздух утомленного учреждения.

И всегда одно и то же. Глубокое длительное интервью совершенно изматывает. Интересно, подсчитал кто-нибудь, сколько калорий сгорает в таком действе — считают же по другим профессиям.

Я — социолог. Для меня это звучит так же, как «человек» у Горького. Нет, не потому, что моя профессия лучше других, а потому, что это МОЯ профессия, т. е. та, в которой я единственно считаю себя возможным реализовать. И как человек, глубоко влюбленный в свое дело, считаю сегодня совершенно необходимым свое слово в социологии. Слишком много накручено вокруг нее всякого, слишком трудна в нее дорога для начинающих, слишком туманны перспективы. И из нее уходят — в производство, в более понятные и «полезные» профессии; уходят и тогда, когда работают социологами формально — своим равнодушием, пренебрежением, сонной незаинтересованностью убивая крохотные ростки живого будущего, добываемые с таким трудом...

Начать разговор имеет смысл с целевой установки, которой любой профессионал руководствуется в своей деятельности (слово «профессионал» для меня носит

⁶² См. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0

⁶³ Эта статья Людмилы Дудченко была подготовлена ею для журнала «ЭКО» (1981). Публикуется впервые. Интересно, что структура заголовка — та же, что и у настоящей книги.

оценочный оттенок – это тот, для кого профессия представляет определенную содержательную ценность). Новичков, особенно тех, кто хоть раз побывал на заводе, привлекает ее гуманистическая направленность: помогать, непосредственно помогать людям, выявляя и вытаскивая на свет божий недостатки в производственной жизни и подталкивая руководство на их ликвидацию. Помогая людям выговориться, осознать свои беды и проблемы. Обучая эффективным методам работы, учебы и отдыха.

Первоначально эта направленность помогает мириться с неудобствами и чувствовать себя едва ли не мессией. Однако позже начинаешь чувствовать себя как бы одураченным – все, что ты так скрупулезно и дотошно вытаскивал, анализировал и описывал, администрации не нужно, и она, в лучшем случае, вежливо и доброжелательно улыбаясь вам, говорит: «Это очень интересно, но нас, видите ли, сдерживает реконструкция. Вот через годик-два пройдите по цехам, тогда, может быть, и вам работа найдется, можно будет и о психологическом климате поговорить. А сейчас и климат этот, и условия труда, и настроения людей полностью определяет это ожидание реконструкции». Дескать – приходите завтра.

Глобальную целевую установку иметь – это хорошо. Но еще лучше, когда у тебя есть перспектива ясная на несколько лет вперед, да еще и оперативные планы на будущий год имеются. Кто тебе эту перспективу даст? Да некому. Потому что администрация социологического и психологического образования не имеет, и что ты ей реально дать можешь не представляет. Языка у вас общего пока нет, – каждый из вас видит по-своему производственную ситуацию. Так что, дорогой специалист, бери методики для всякого завода, абстрактного, любого – ведь ученые изучают только общее, повторяющееся, законосообразное, иди туда – куда практики не ходят, принеси то, что им нужно. И идет специалист и приносит – да *не то*.

Ведь яснее ясного казалось, – чтобы эффективно работать, чтобы двигаться, а не стоять *на месте*, нужна цель – далекая – и ряд более близких ориентиров. Есть они у заводских социологов? Да, в виде списка исследований, запланированных на ближайшие годы. Чем продиктована тематика? Нет, не предвосхищением будущих проблем завода, как может подумать оптимистически настроенный читатель, а имеющимися возможностями и сегодняшними (т. е. фактически уже вчерашними) проблемами. А возможно ли более обстоятельное планирование нашей работы? Разумеется, если это планирование опирается на знание перспектив завода и региона – технических, экономических и социальных. Возможно ли это? Теоретически – да. Практически, на сегодняшний день, при сегодняшнем уровне обоснованности, точности планов и организации работ, – нет.

А тут еще отягчающие обстоятельства – ваш непосредственный начальник, как правило, о перспективных планах завода знает не больше вас, иначе помог бы. И идти через его голову не совсем удобно и безопасно.

Ну, а о том, чтобы прощупать ситуацию с кадрами, зарплатой и прочими показателями других заводов, что совершенно необходимо для практической работы по привлечению и закреплению тех же кадров, и речи быть не может – здесь нужно выходить на такие уровни, на которые и директор не каждый день попадает, и то не всегда по своей воле.

К чему это идет разговор, спросите Вы, к тому, чтобы социолог был семи пядей во лбу: и производство знал, и в планах ориентировался, и на уровень межзаводского управления выходил? Именно к этому.

Чтобы овладеть всеми нужными для работы умениями, понадобится значительно меньше времени, чем то, которое впустую тратится на исследования,

необходимые либо сторонней организации, либо для очередной галочки. Но не привыкли мы работать быстро и основательно. Либо быстро, быстро, скорее выводы, а то назовут бездельниками, скорее провести опрос, а то пошлют в цех, на прорыв, с другими инженерами. Либо — полгода на программу, полгода на сбор и обработку информации и т. п. Да и методик обучения социологов, способных практически работать, нет.

На одном семинаре в институте повышения квалификации руководящих работников слушатель рассказал мне, как он работал. Речь, помню, зашла о том, что раньше русские инженеры считались лучшими в мире специалистами. На предположение других слушателей, что речь идет о фанатике, первый возразил, сказав, что основой было стремление оправдать уважительное отношение к его профессии, которое было у окружающих, стремление всеми силами поддержать и оправдать престиж своего дела. Многие ли из нас думают над этим? Над постоянной пропагандой достижений в сфере нашей работы, постоянной работой над собой для овладения новыми знаниями, новыми методами, постоянной дьявольской работой над собой, чтобы расширить свои профессиональные горизонты, поднять свой «потолок»? Не спекуляция на популярности, а борьба за единственно верную — самостоятельную — *профессиональную позицию*. Самое смешное (а может быть, самое печальное) в том, что эти же слова мы говорим в своих рекомендациях нашим «пациентам».

На разного рода совещаниях и конференциях заводских социологов и психологов привычно звучат жалобы на то, что администрация предприятия не предоставляет всех необходимых для работы условий: людей, помещения, оргатехники, внимания. Но редко услышишь сетования на собственную неорганизованность, собственное неумение. А даже если такие жалобы и слышишь, то они не идут дальше пожеланий вышестоящим органам «организовать нас», «обучить нас», «объединить нас». Даже в рамках одной отрасли социальные специалисты почти не знакомы непосредственно с работой друг друга. А ведь нельзя сказать, что у них нет возможности такого знакомства, — хотя бы посредством командировок на родственные предприятия. Бездействуют в этом плане организации, призванные осуществлять это, — ССА, ИСИ, Институт психологии, ИПК, бездействуют и сами социологи и психологи. Кого можно встретить на всесоюзных конференциях? Одни и те же лица, в основном из «пишущих» специалистов. Но среди заводских социологов таких не так уж много, хотя им есть что сказать. А приезжать без тезисов и докладов как-то не принято, да и информация об этих конференциях заводским специалистам не всегда доступна. Кроме того, даже если есть приглашение, администрация очень неохотно отпускает. В общем, опять масса непреодолимых сложностей на пути страждущего социолога-практика. Что же, ждать, пока изменится ситуация, уважаемые организации обратят внимание на нужды специалистов из глубинки, т. е. основной массы социологов?

Ждут, изобретая велосипеды, проводя зеркально похожие исследования причин текучести и нарушений дисциплины, теряют перспективу, утонув в водовороте повседневной производственной текучки и понемногу отставая от поезда передовой науки. А там уже и стремления былые благополучно умирают, и бывший бунтарь-одиночка приспосабливается к ежеминутным нуждам производства и уже не думает о том, как осчастливит человечество в лице заводского коллектива. Человек слаб, и профессионалу ничто человеческое не чуждо. Но рано или поздно его настигает острая неудовлетворенность своим положением, и наш специалист либо спешно переквалифицируется, либо получает стойкий комплекс профессио-

нальной неполноценности, переходящей постепенно в сильнейшую неприязнь к своему делу.

Когда у человека заболит сердце, он бежит к кардиологу, а не к невропатологу. Ему нужно немедленно снять эту боль, а что может сказать невропатолог — постарайтесь не нервничать? Конечно, он может вам описать причинно-следственные связи, дающие на выходе больное сердце, но что вам от этого? Вы-то знаете, что спокойно жить вам все равно не удастся, так что эти советы и это знание вроде бы ни к чему. Похожая ситуация наблюдается и у социологов.

С одной стороны, все, что он говорит, по большей части справедливо. Рекомендации — обоснованы и детальны. Но отчего же наш пациент прячет рецепт подальше и живет прежней нерациональной жизнью? Оттого, что рецепты эти мало учитывают его реальную ситуацию, его насущные задачи, невозможность немедленного изменения прежнего образа жизни. Но вот если инфаркт прихватит, — тогда уж деваться некуда, тогда и по рецептам пожить можно, до выздоровления. И опять все сначала.

Попадая в такие ситуации, социолог наш реагирует по-разному: вешает нос, разочаровывается в своей профессии и ее возможностях, перестает добросовестно относиться к делу или переходит к самореализации в другой области. И, как правило, смертельно обижается на организацию, пренебрегшую его опытом. Но стоит ли обижаться? Если продолжить параллель профессии социолога с профессией врача, представьте себе ситуацию больного, к которому приходит врач, детально его обследует, обнаружив ряд отклонений в его организме, дает советы, а потом обижается, когда больной, пренебрегший ими, попадает в больницу или куда подальше. Долг врача — требовать выполнения его советов во имя здоровья самого пациента, убедить в необходимости лечения, но у пациента есть право этим советом пренебречь. Сколько людей — столько реакций, и довольно распространенная — реакция неприятия. Сколько организаций — столько реакций, и самая частая — реакция отторжения.

Все ли наши знакомые убеждены в необходимости оздоравливаться? Ведь известно, что пока человек не захочет сам, никакие рекомендации ему не помогут.

Случается ли нам заставлять организацию внедрять наши рекомендации, «давить» на нее с этой целью? Разумеется, но ради ее же пользы! — говорим мы. Мы разработали массу хитроумных способов заставить организацию делать то, что рекомендуем мы — и часто заставляем. Но как только упускаешь ситуацию из виду, снимаешь контроль — наши предписания благополучно превращаются в формальность, и все возвращается на круги своя. Тут уже не просто нервничаешь, а готов все проклинать в досаде и бессилии. А выход?

Организация представляет собой самый сложный конгломерат технического, экономического, технологического, социального. Из этой нерасчлененности вырываем мы с мясом свой «предмет» и отыскиваем в нем (и только в нем, как правило) ответ на мучающие всю организацию проблемы. Мы расчленяем, разрезаем это живое, препарируем его, соединяем заново — оптимально, как нам думается, а оно по-нашему, по научно-предметному не живет. А может ли быть иначе? Ведь мы, находясь в чреве научного предмета, перестаем чувствовать эту живую нерасчлененность организации, а значит, и операции наши искусственные и произвольны с точки зрения живой действительности. Вот так и получается: подойдет смысленный социолог к необходимости комплексности подхода к своей практической работе, а как его реализовать — не знает. Не учили. Самые терпеливые и совестливые пытаются обучиться сами — и безуспешно. Но таких мало.

Думается мне, что развитие нашей профессии пойдет по пути развития методов, в основе которых лежит активная деятельность самих членов организации по решению ее проблем, разумеется, с помощью специалистов. Эти методы постепенно входят в нашу практику: это и консультативная деятельность, и методы коллективного принятия решений, и инноватика, организационное развитие, ситуационное управление... Творческое соединение знания практики представителями организации и знания организационных закономерностей социологами уже дает на выходе реальную эффективность. Это сложный путь, требующий радикальной перестройки сознания и профессиональных умений специалистов и руководителей организации, требующий терпения и времени, на основе которых возможно то или иное внешнее изменяющее воздействие на организацию.

Не лихорадочные попытки решать возникающие проблемы, а постепенная ликвидация условий, в которых они возникают. Убирать причины, а не следствия. Мысль не новая, однако же, в торопке и стремлении немедленно получить результат, постоянно забываемая нами в нашей многотрудной профессиональной работе.

Март 1981

(4)

Из ответов на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» (1980)⁶⁴

Экспертный лист № 34. **Бирюк**

(Дудченко Людмила Кирилловна, социолог, канд. филос. наук; на момент интервью — зав. социологической группой НИИ асбестовых изделий (г. Ярославль). — А. А.).

<...> Происходит углубление противоречий, накопление нерешенных проблем.

Ошибки громоздятся на ошибки. <...> Между собой *все* («в своем кругу») на всех уровнях непрерывно поносят существующие порядки и *все* эти порядки так или иначе поддерживают.

<...> Парадоксальная система, где давно существуют уже два механизма жизнедеятельности — официальный и неофициальный (за счет которого она пока и существует, делая хорошую мину).

<...> Существенные сдвиги в обозримый период, если и ожидаются, то только в худшую сторону, хотя куда уж хуже.

<...> У Г. Наана есть любопытная картинка механизма общественного развития. Он выделяет три подсистемы общественной системы, которые, взаимодействуя, определяют тот или иной ход развития. Системы: 1) стабилизирующая (политика, бюрократия); 2) развивающая (интеллигенция — наука, искусство); 3) демпферная, или сдерживающая (народ).

Весь ход исторического развития России говорит о том, что от народа ждать инициативы в перестройке общества *нельзя*. Обращаясь взгляды на две другие подсистемы. Первая — отпадает (по определению и по сущности внутренних механизмов). Остается вторая; но что сегодня представляет собой наша интеллигенция? ...Можем

⁶⁴ Воспроизводится по: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 4, с. 457-458. Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_400-517.pdf.

Об андерграундном экспертном исследовании «Ожидаете ли Вы перемен?» см. выше: раздел 6.2.3.

ли мы ждать от нее дееспособности в указанном направлении? Вряд ли.

<...> Слабые импульсы возмущения и необходимости изменений, которые, тем не менее, продолжают поступать от этой прослойки, глухо гасятся жестким стабилизирующим влиянием бюрократии и тонут в болоте облагодетельствованного народа, затрачивающего не очень большие усилия на поддержание собственного комфорта.

<...> Впрочем, если попытаться проследить динамику существенных пороговых изменений в умонастроении нашего общества, то намечается некая закономерность – временной период между этими порогами составляет 20–25 лет (1917, 1938, 1964...). При всей дикости попытки экстраполяции можно ожидать, что количество возмущающих воздействий на умонастроение наших соотечественников где-то к 1990 г. перейдет в качество. Вряд ли это будет взрыв, восстание, явно проявляющийся антагонизм официальной власти. Скорее всего мы будем свидетелями (и участниками) русского варианта итальянской забастовки – это больше в духе русского миролюбивого характера.

Уже сейчас на предприятиях руководство идет на поводу у рабочих. Если ранее хаос и беспорядок вносили верхи, то потом он же (хаос) полностью поглотит их жалкие попытки упорядочивания и начнет диктовать свою волю, свой *порядок*. Как это ни парадоксально, но у хаоса есть упорядоченность – но *своя*, внутренняя, а не относительно чего-то внешне заданного. И эта новая упорядоченность породит новое качество, новые формы жизнедеятельности. Кто знает, быть может, мы стоим на пороге новой революции – не технической, а новых форм жизнедеятельности? Возможно, это бред, но почему эволюции нашего общества не привести к этому? Почему мы непременно в своих прогнозах опираемся на существующие, существовавшие закономерности?

<...> В силу всего сказанного, датировать начало изменений затруднительно. Во всяком случае до тех пор, пока не оформится в общественном сознании не просто мысль о необходимости изменений (она там всегда присутствовала, иначе мы бы просто стояли на месте), а четкое представление о цели, стержне, образе изменений. Чтобы знать, как двигаться, прежде нужно определить, куда, к чему.

Полагаю, что в ближайшее десятилетие этот поиск будет происходить. <...>

Март 1980

6.2.5. «Валерий Голофаст – из тех, чей уход опустынивание земли...»⁶⁵

(1)

Частный человек Валерий Голофаст как ценность культуры

В марте 2001 года я отослал Голофасту «глубокое удовлетворение по поводу того, что некогда мне посчастливилось приблизиться, т. е. пересечь черту,

⁶⁵ Валерий Борисович Голофаст (1941–2004) – социолог и философ. Кандидат философских наук. Автор книги «Методологический анализ в социальном исследовании». Один из лидеров биографических исследований в России, создатель Биографического фонда в Социологическом институте РАН. На протяжении многих лет, вплоть до своей кончины, возглавлял сектор социально-культурных изменений в СИ РАН. В 2006 г. в издательстве «Алетейя» (СПб) посмертно вышла его книга «Социология семьи. Статьи разных лет».

отделяющую его так называемый ближний круг — от миллионов совершенно посторонних людей, которые согласились прикинуться имеющими крайне интересные для него — т. е. Валерия Борисовича — тайны, на разгадку которых он не пощадил лучшие заливы отведенного ему моря жизни». Тут, в принципе, все сказано; остается — в контексте 2007 года — немного прокомментировать вышесказанное.

20 с лишним лет назад я (живьем, а не заочно — как с автором) познакомился с Валерием Борисовичем Голофастом (ВБГ) на «социокультурной территории», куда пробивались люди, преодолевшие *частную жизнь*; попасть в клан профессиональных ученых означало жизненный успех. Симпатичное своеобразие этого «гетто научности» заключалось в том, что объектом мышления собравшихся там людей было поведение множества анонимных жителей, раскинувшихся «за забором» во всей остальной жизни.

Передо мной — стажером из тогдашней провинции — ВБГ предстал в своей теперь «канонизированной» ипостаси — как социальный мыслитель, культуролог, автор научных текстов и заведующий сектором социологического института в Ленинграде.

Начальный этап знакомства означал преодоление цензовых преград, обязательно отмеченных клановой престижностью — обменом публикациями, так или иначе преодолевавшими банальность и застойность тогдашней правящей идеологии, текстами и идеями, которые ни в коем случае не могли быть тогда публикуемыми, и т. п. Без этого формального условия у меня не было бы практически никакого шанса наткнуться на Валерия Борисовича среди хаоса его и моей жизни.

Дальше уже началось неосознаваемое преодоление этой публичности — по направлению к индивидуализации встречи и частным отношениям.

Научность стала внешностью, оформлявшей наше соприсутствие и сомыслие; точнее говоря, качество работы его головы, которым я наслаждался, было неотделимо от вкуса этого совершенно конкретного частного человека. Впрочем, публичные проявления ВБГ не имели характера назидательного, были импровизациями и открытиями — и для себя, и для окружающих. Теперь, после того, как наши размышления на социокультурные темы приобрели индивидуальный характер, я и в его опубликованных текстах слышу тембры и отзвуки его частности. Кстати, он в своих публикациях и размышлениях часто занимался обобщениями частной человеческой жизни.

Так вот, в первой, официальной ипостаси житие ВБГ превращалось во вклад в публичную культуру, т. е. склад его работ и замыслов, адресаты=реципиенты которых предусматриваются самим фактом публикаций или — невнятно материализуются, в частности, в голосах на этой конференции. Вторая его ипостась, о которой я тут распространяюсь, это был он сам, его участие=присутствие в культуре живой, творящейся здесь и сейчас, безотносительно к эху дальних, незнакомых воспринимателей, учеников, конкурентов и ученых авторитетов. Результаты того, как Валера переживал и понимал жизнь, в которой ему довелось жить, оказывались устными сиюминутными текстами, рассчитанными на конкретного адресата, присутствовавшего рядом или на расстоянии электронного письма.

Понятное дело, все эти предположения распространяемы на всех участников тогдашнего питерского дружеского круга, кто готов согласиться с ними.

Остается заключить, что Валерий Борисович Голофаст в первом описанном выше воплощении перешел в распоряжение памяти публичной культуры и тем самым стал бессмертным.

Только частная жизнь предусматривает неизбежную смерть. Восьмого декабря две тысячи четвертого года описанное выше непосредственное культурное событие прекратилось; частный человек Валерий стал достоянием ветшающей памяти нескольких исчезающих граждан.

(С. Рапопорт. Март 2007)

(2)

Без Голофаста, с Рапопортом Некролог к юбилею

Так совпало. Одному семьдесят лет, земных. Другому девять дней, уже тамошних.

В полдень 8 декабря никто в спокойном городе Вильнюсе не знал, какая несправедливость случилась в Питере на исходе ночи. Лишь в маленькой кофейне-с-булочками два траченных временем типа за угловым столиком тоскливо бродили по ошарашенной памяти, вдруг оказавшейся усыпальницей.

«Валерий Голофаст сегодня скоропостижно скончался в четыре утра. Дочь Оксана».

Без всякого приличествующего судьбе стука в дверь. До естественного угасания Голофасту было — как в середине второго тайма до финального свистка, а света в долихоцефальном черепе — на два стадиона.

— У старухи, однако, хороший вкус, — сказал один тоскливый тип. — Умает, сволочь костлявая, выбрать жертву.

— Блестящий был человек, — согласился другой тоскливый, обычно к лобовым комплиментам не склонный.

Этот не склонный был Рапопорт. Разглядывая кофейную гущу, он стал вспоминать, как срастался с тем, кто теперь вот отпал. Как в начале 80-х, сваливая из питерского академзаведения, в котором стажировался, на недельку в Вильню, по возвращении вместо приветствия слышал от встречного Голофаста: «Но тогда ведь, Сережа, получается, что...» Недоговоренное неделю назад возобновлялось с того места, на котором прервалось. Или и не прерывалось вовсе, просто речь становилась внутренней.

Голофаст, которому девять дней, был желаннейшим собеседником Рапопорта, которому семьдесят лет.

Из их последних разговоров, компьютерных.

С. Р., увы, не провидец. Чем занят в навалившемся декабре? Есть ли планы на ближайшую жизнь?

В. Г., не провидец тоже. В декабре вообще никогда ничего не происходит...

Я тут как-то думал над выражением «пью таблетки» и пытался перевести на разные иностранные языки. Никак не выходило. Так что пью водку, когда есть... Но, черт возьми, без тебя скучаю.

С. Р. ...А в наукообразии – влипли мы не от желания ли придать величину значительность рождавшимся в башках идеям?.. Плюс коллективная, клановая поддержка этой утети. Эта «научность», сжиравшая свободу души...

В. Г. ...Поэтическое или живописное восприятие жизни очень искушающе. У меня был период, когда я шлялся в академию художеств, там были знакомые девушки. И прикидывал, как бы это – то, что перед глазами, – изобразить акварелью, например. От окружающего бреда оставались забавные цветные пятна. Но в этом было местное упоение...

В предпочтении местного упоения вселенскому, как и во многом другом, они сошлись, несмотря на роман Голофаства со свалившейся на человечество глобализацией.

Еще В. Г.: ...Прочел про будни. Станным образом твой текст для меня звучит неким отдаленным продолжением моей темки про социальные машины... Я тут обнаружил, что нет толерантности. А есть дрессированное, вынужденное безразличие (правда, в городе; в селе – не думал). Как безразличие превращается в страх и ненависть, в коварство и корысть – еще проблема. Часть ответов – в машинах, которые выплевывают новые «стимулы»...

Другую часть ответов придется искать без Голофаства. Но с Рапопортом. Который может отлипнуть от наукообразия, но не от будничного безобразия социальных машин, ставящих все новые вопросы.

В моей куда менее, чем у Рапопорта, нагруженной Голофастом памяти, кое-что все же высвечивается задним числом почти так же зловеще, как Рапопортовы «планы на ближайшую жизнь». В июне при встрече в Питере Валерий отозвался на мое жизнеописание предков в том смысле, что о тяжелом, трагическом рассказано легко, но без потери веса событий.

– Так я ж итожил, а итожить события легче, чем их проживать, – пустил я скромничать. И процитировал себя: «Жизнь сложна в своем течении и проста в итоге».

– Ну это да, – рассмеялся Валерий, – это еще Толстой знал, много ли человеку земли нужно *в итоге*: три аршина Пахому хватило – «от ног до головы».

Голова Голофаства из тех, чей уход – опустынивание земли.

Но пока на земле Рапопорт, зелено дерево жизни, и «группа товарищей» хорошо посидит сегодня, завтра и, если старуха возьмет отгул, послезавтра тоже.

А. Кетегат

17 декабря 2004 г.

Постскриптум

Начиная с 2007 г. в Социологическом институте РАН ежегодно проходят Чтения памяти В. Б. Голофаства. Вышли уже два сборника материалов этих чтений:

– Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб.: Бильбо, 2008.

– Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб.: Бильбо, 2008⁶⁶.

Оба вышеприведенных текста прозвучали на Первых чтениях памяти В. Б. Голофаства 22.03.2007 г. в Санкт-Петербурге. С. С. Рапопорт был участником этих чтений. А текст А. А. Кетегата был зачитан А. Алексеевым.

Первый из этих текстов Памяти (принадлежащий С. Рапопорту) опубликован в упомянутом выше сборнике: Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства.... 2008⁶⁷.

О Валерии Голофастве см. также:

– Протасенко Т., Божков О. «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» (история в документах о том, как не была допущена к печати книга «Семья в крупном городе», под редакцией В.Б. Голофаства) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005, № 6⁶⁸.

– Докторов Б. Валерий Голофаств. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008, № 2⁶⁹.

– Докторов Б. Валерий Голофаств. Независимый ум // Социальная реальность, 2008, № 3⁷⁰.

Тексты памяти В. Б. Голофаства и некоторые его собственные работы см. также на сайте «Псевдология»⁷¹.

О Третьих чтениях памяти В. Б. Голофаства (СПб., апрель 2009) см. выше: раздел 3.Xf.

6.2.6. О журнале «Телескоп» и его редакторе (М. Илле)⁷²

Первый из сохранившихся у меня номеров «Телескопа» — № 6 за 1997 г. Обложка — еще без ставшей ныне традиционной (каждый год — новой...)

⁶⁶ Электронные версии — на сайте СИ РАН.: <http://www.si.ras.ru/>. Точечные адреса — http://www.si.ras.ru/doc/gr_2007.pdf и http://www.si.ras.ru/doc/GR_2008.pdf.

⁶⁷ Электронная версия: http://www.si.ras.ru/doc/gr_2007.pdf. См. также работы О. Божкова, Б. Докторов, Н. Деминой и др. в указанном сборнике.

⁶⁸ Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893457446877file.pdf.

⁶⁹ Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=30&type=by_theme&value=29&id=556.

⁷⁰ Электронная версия — <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=500>.

⁷¹ См. <http://www.pseudology.org/>. Точечный адрес — <http://www.pseudology.org/Golofast/index.htm>.

⁷² Авт. — А. Н. Алексеев. Опубликовано в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2007, № 1. (Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1213796205123467file.pdf).

См. также: М. Е. Илле: «За 10 лет «Телескоп» опубликовал не менее 500 статей не менее сотни авторов» (там же). (Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1213796205123467file.pdf).

петербургской картинки. Изначально — формат А-3. Страниц тогда чуть поменьше, чем сегодня... Еще нет редакционного совета. Периодичность, как и теперь, 1 раз в 2 мес. Тираж всего 100 экз. (позднее поднимался до 400 и опускался до 250). Сюжеты — в ту пору — почти исключительно эмпирические (недаром полное название журнала: «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев»)⁷³. Будучи определен — тогда — как «Санкт-Петербургский журнал социологических и маркетинговых исследований», «Телескоп» и сейчас имеет своим подзаголовком: «Социология и маркетинг». В том, давнем номере рассказ о питерском «рынке фасованной муки» и «рейтинг радиостанций» соседствовали на страницах журнала с «социально-структурными детерминантами экономического оптимизма / пессимизма». Надо сказать, без ущерба одному для другого...

Что еще, кроме названия и формата 10 лет оставалось в этом периодическом издании неизменным? Прежде всего — учредитель и редактор *Михаил Илле*. Журнал без штатных сотрудников, но с одним бесценным энтузиастом. Так сказать, индивидуальная трудовая деятельность...⁷⁴

А менялось что? Появлялись на титуле (иногда варьируя и меняясь местами...) новые *со*-издатели (либо информационные партнеры...) журнала: Факультет социологии СПбГУ; СПбФ Института социологии РАН (затем — Социологический институт РАН); исследовательская фирма СНИЦ, Центр независимых социологических исследований; Санкт-Петербургская ассоциация социологов. От года к году расширялся круг авторов, обогащалась тематика: к «наблюдениям за повседневной жизнью» горожан добавлялись жизнь социологического сообщества, теория, методология и история социологии (как отечественной, так и зарубежной). Наконец, росли интерес читательской аудитории и авторитет в профессиональных кругах. Интерес и авторитет нарастали, я бы сказал, линейно, без «сезонных» или «годовых» колебаний. И вот в какой-то момент (думаю, 2-3 года назад...) стало очевидным, что культурно-профессиональная ниша «Телескопа» уникальна. При том, что этот журнал может посоревноваться практически с любым из известных социологических изданий, как бы и на их территории⁷⁵.

Есть у «Телескопа» также некоторые преимущества перед «маститыми» журналами. Это — относительная оперативность (хоть, скажем, рубрика «Современная история российской социологии», как я знаю, планируется более чем на год вперед). Вот ты написал статью... Пока еще в «рецензируемом» издании (кстати, правильно было бы говорить «рецензирующем», но в профессиональной среде, вплоть до ВАК, утвердилось не слишком грамотное

⁷³ С 2007 г. называется: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований.

⁷⁴ Михаил Евгеньевич Илле — социолог с более чем 30-летним стажем, работал заводским, ведомственным социологом, потом — многолетний сотрудник Санкт-Петербургского научного центра (СНИЦ). Главная область интересов — социология культуры. Автор книги «Петербургцы в театрах, на концертах и выставках. Исследование художественной культуры Санкт-Петербурга конца XX — начала XXI века».

⁷⁵ Относительно полный список российских социологических журналов см. ниже: раздел 8.2.

выражение...) раскachaются! Да и не без корпоративного снобизма, и не без кумовства в иных... А тут демократизм удачно сочетается с авторитарностью. Профессор, лаборант, политтехнолог, маркетолог, даже дилетант — равноправны среди авторов «Телескопа», а решение о публикации принимает в сущности один человек (тот самый «учредитель и редактор»...). И делает он это — в меру своего профессионализма и вкуса, который ему в общем редко изменяет.

А если что-то вызывает уж очень большие сомнения, то М. Илле пишет: свое скептическое «От редактора», приглашает к дискуссии... Заявление же на титульном листе: «Статьи публикуются в редакции авторов», — полностью соответствует действительности.

Если как в эмпирических, так и в теоретико-методологических сюжетах «Телескоп» иногда конкурирует с «толстыми» социологическими журналами, то в историко-научных (новейшая российская социология, история изучения общественного мнения, история американской рекламы, все — «в лицах»), ныне, благодаря активнейшему «зарубежному» сотруднику журнала, независимому исследователю (он же — известный российский социолог...) Борису Докторову, «Телескоп» не просто следует в направлении, в свое время заложенном батыгинским «Социологическим журналом», но становится, пожалуй, главным печатным полигоном оригинального и очень востребованного читателями историко-биографического проекта.

Как правило, все очередные публикации автобиографических интервью с российскими социологами оперативно вывешиваются на сайте Центра демократической культуры Университета Невады (США)⁷⁶.

Поздравление с юбилеем всегда комплиментарно... И настоящий текст не исключение. Но вот хочется и еще его информационно насытить. В номерах журнала 1997 г. были представлены такие рубрики: *Товары, фирмы; Деньги; Масс-медиа; Реклама; Политика; Дела житейские; Культура; Образ жизни*. А вот рубрикатор содержания 6 номеров журнала за 2006 г.: *Современная история российской социологии; Социальные проблемы; Социально-экономические исследования; Социокультурные исследования; Культурная жизнь Петербурга; Масс-медиа, реклама; Потребительский рынок; Информационные технологии; Исследования общественного мнения; Публикации на разные темы; Книжная полка; Информация, сообщения*.

Итак, новых авторов и тем, успешных проектов, долгих лет жизни журналу «Телескоп»! Поздравляю не только его неутомимого редактора, но и его постоянных читателей. Считаю, что последним — повезло⁷⁷.

А. Алексеев. 29.01.2007

⁷⁶ См. раздел названного сайта — «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.

⁷⁷ К сказанному уместно добавить, что журнал «Телескоп» опережает большинство социологических журналов, включая самые уважаемые, в оперативности и качестве представления электронной версии журнала (<http://www.teleskop-journal.spb.ru/>), а также в сетевом анонсировании очередных номеров. В этом заслуга как редактора журнала М. Илле, так и волонтера — научного сотрудника СИ РАН К. Дивисенко.

6.2.7. «Интеллект, провидчество, гражданская активность, щедрая и открытая душа...» (Коллеги — о Леониде Гордоне)

В Леониде Абрамовиче Гордоне (1930-2001), фрагменты из воспоминаний о котором мы воспроизводим с американско-российского сайта Фатеха Вергасова «Псевдология»⁷⁸, было что-то моцартианское.

«Социология была для Гордона прежде всего человековедением...»⁷⁹

Так уж случилось, что в моем сознании очень долго существовал лишь блестящий социолог Л. А. Гордон, но не было человека, стоящего за этим именем. Был «Человек после работы»: удивительная книга, читанная многократно и притягивавшая меня каждый раз, не только потому, что надо было сопоставить новые данные с тем, что было зафиксировано в конце 60-х, но потому, что кроме цифр и выводов в книге присутствовало нечто, что точнее всего может быть охарактеризовано словом «интеллигентность».

23 марта 1988 года многое изменилось: в Суздале, в номер гостиницы, в которой жили и работали участники пленума правления Советской Социологической ассоциации, вошел не известный мне человек и после моего представления просто ответил: «Леня Гордон».

День был заполнен выступлениями, предусмотренными повесткой дня: говорили о роли обществоведов в перестройке. Но затем, вечером, после ужина, состоялась весьма необычная конференция — не менее 50 человек, часть которых сидела на полу, слушали Людмилу Арутюнян и Галину Старовойтову о событиях в Сумгаите. Более двух часов люди сидели молча, много спрашивали, по-моему, никто не выступал. Но после завершения этой конференции мы полночи беседовали с Леней в нашем гостиничном номере. Мне было с ним очень легко.

«Человек после работы» приобрел лицо и душу.

<...> Социология, лучше сказать, обществоведение, были для Гордона прежде всего человековедением, и потому с ним было легко общаться, и потому все сделанное им умно и интеллигентно.

Таким оно останется навсегда...

Б. Докторов

***

Памяти друга

Леня Гордон был моим другом. Одним из самых близких и дорогих друзей. Таких обычно обретают в школьные, студенческие годы — и проходят вместе всю

⁷⁸ См. <http://www.pseudology.org/>. Точечный адрес — http://www.pseudology.org/Gallup/Gordon_LA.htm.

⁷⁹ Этот и последующие материалы этого раздела см.: http://www.pseudology.org/Gallup/Gordon_LA.htm. Здесь публикуются в сокращении.

См также: Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона). М.: Прогресс-Традиция, 2003. Часть 3. См. также: «Памяти Леонида Абрамовича Гордона» на сайте ГУ-ВШЭ: http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol01_4/Gordon1.htm.

жизнь. Здесь было не так. Хотя заочно мы были знакомы давно (помнится, я писал восторженную рецензию на одну из его замечательных работ), узнали в лицо мы друг друга поздно — в конце 70-х гг., когда Алла Назимова и я переехали в Москву. До того, в Ленинграде общение с друзьями, тесное, повседневное, было едва ли не самым главным в нашем образе жизни. В Москве поначалу было иначе — пустовато, но вскоре в нашу жизнь вошел Леня. Вместе с изумительной, тонкой, деликатной умницей Таней. Вместе со своими давними, студенческими лет друзьями, в круг которых он нас ввел. Так появился один из немногих якорей дружеских связей.

Мне запомнился один из первых долгих разговоров с Леной, наверное, ранней осенью 1978 г. Мы стояли у ограды академического ИМРД и ждали машину, которая должна была отвезти на вокзал какие-то материалы для десанта социологов, отправлявшихся в Таганрог. Ждали долго — и шел неторопливый, «пристрелочный» разговор: я присматривался к нему, он — ко мне. Говорили, конечно же, о том, что более всего бередило душу в ту нашу «глухую пору листопада»: надолго ли та мерзопакость, которая все плотнее обволакивала политику (или то, что выдавалось за политику в Советском Союзе), науку, жизнь. И помню твердое единодушие, с которым мы высказали друг другу выношенное, продуманное: нельзя уезжать из этой, из нашей страны — слишком многое будет невосполнимо. И стало ясно, что мы, как это назвал Воннегут, — из одного караса.

<...> Сказать, что это был могучий интеллект, острый ум, широкие познания и неподдельный интерес к самым разнообразным проявлениям жизни — значит сказать очень мало. Его мозг перерабатывал информацию, жизненные впечатления, наблюдения, споры — и выдавал мысли, суждения, нередко парадоксальные, резко выводящие за пределы известного, привычного, общепризнанного в нашем интеллигентном кругу. И потом не раз обнаруживалось, насколько он был прав.

Вспоминаю нашу прогулку вдоль ленинградских каналов в августе 1986 г. Еще реально ничего не изменилось: Сахаров в Горьком, войска в Афганистане, по-прежнему громоздится цензура, оживляются поиски «шпионов» и «врагов». Правда, новый генсек произносит слова нетривиальные, но скептические интеллигенты по горло накормлены разнообразными начальственными речами. И вот вывод из того нашего разговора: на этот раз, кажется, серьезно...

А потом пришла перестройка, и Леня Гордон, кабинетный ученый-исследователь в самом высоком, подлинном смысле этого слова, окунулся в политическую борьбу. Мы вместе сражались за победу «сахаровского списка» во время избирательной кампании 1989 г. в Академии наук, и в этих, как из-под земли явившихся инициативных структурах — ячейках гражданского общества, к несчастью, преждевременно потом увядших, Леня обнаружил все качества бойца — неумоимого, настойчивого, изобретательного. В нашей общей победе — его громадная заслуга.

<...> Он, один из самых известных в стране исследователей рабочего движения, встал в один ряд с бастующими шахтерами, не гнушался черновой работы, помогал выработать документы, стал не только их ученым консультантом — товарищем и соратником. И оставался им — не переставая быть исследователем и аналитиком, — когда волна движения пошла на спад.

<...> И всегда Гордон был напряжен, ярок, оригинален. Не довелось ему узнать об американской трагедии в этом сентябре, но были глубокие, нетривиальные его размышления о новых проблемах и тенденциях всемирного развития. Мир, говорил он, к несчастью, не дорос до мирового правительства, но разляпистая ООН никак не может его заменить. Чтобы быстро и четко реагировать на новые вызовы, надо

отказаться еще от одной «священной коровы» — пиетета перед государственным суверенитетом, нужны компактные и эффективные международные структуры. Их прообразы постепенно, может быть, слишком медленно, с огрехами и ошибками, но все же вырабатывает Запад. И выбор России, спасение России — в сотрудничестве, в ассоциации с этими структурами, а не в глупых фантазиях о «евразийстве», «многополюсном мире» и тому подобных выдумках, тешащих тщеславие наследников бывшей сверхдержавы. Эти идеи стали сегодня сверхактуальны.

Я написал об интеллекте, провидчестве, гражданской активности моего друга — об этом можно говорить легко и долго. Но он был еще чутким, внимательным и отзывчивым к заботам, радостям и бедам окружающих людей. У него была щедрая и открытая душа — это хорошо знали все его друзья. <...>

Виктор Шейнис
16 сентября 2001 г.

***

О Лене Гордоне

Я не был близким приятелем Лени, хотя мы весьма дружелюбно относились друг к другу. Во всяком случае, когда я покидал страну в апреле 1979, в весьма политически тягостное время, у него и его Тани, видимо, не было и мгновения колебаний устроить мне специальный прощальный прием. Не так уж много моих знакомых и коллег решились тогда на это (с друзьями было все в порядке). <...> Он был в очень значительной степени неконформист. С одной стороны, он был в 60–80 годы одним из немногих социологов его класса не членом партии. Для меня это как бы равноценно обладанию важной медали за сохранение достоинства «в глухую пору листопада».

С другой стороны, он был, к моему немалому изумлению, замечательным романтиком. Таких среди социологов я не встречал. <...>

Леня был, как я убедился, поглядев в «Мировой каталог» на интернете, одним из самых часто публиковавшихся социологов в России. В этом каталоге, конечно не полном, числится его 50 книг, в том числе классика — «Человек после работы» (часть в соавторстве, часть изданная на иностранных языках). <...> Подавляющее большинство Лениных книг (80 процентов) посвящено рабочему классу. Леня начал с Бомбейских рабочих (1961) и кончил книгами о шахтерах Кузбасса <...>. Великая тяга Лени к рабочему классу, причем тогда, когда он мог легко сменить тематику, объясняется, на мой взгляд, глубинным лениным демократизмом. Он явно уважал простых людей и верил в их способность управлять обществом; вера, как я могу наблюдать, глубоко чуждая теперь большинству российских интеллигентов, включая социологов, некоторые из которых рисуют свой народ как безнадежное быдло. <...>

Опять-таки, в отличие от некоторых других своих российских коллег, Леня не снизил научный уровень своей работы в 90-е годы. Его (в соавторстве), возможно, одна из самых последних статей в «Мониторинге общественного мнения» (№ 5, 2000) меня поразила своей необычайной добросовестностью, решимостью выдвигать только такие положения, которые могут быть эмпирически обоснованы. Леня любил и уважал науку, она для него была вовсе не средством получения статуса и денег. Она была (так мне он видится) главной стихией его жизни, притом что он совсем не был чужд всех возможных желаний. <...>

Владимир Шляпентох

***

Не говорю с тоской – он был...

<...> Рядом с ним было очень интересно работать. Он был азартен во всем, что делал, и его энергия и вкус к работе, его одержимость стали той планкой, до которой каждый из его коллег стремился дотянуться. <...> Его особенность была в том, что он не любил работать один – ему всегда нужна была аудитория, на которой он оттачивал аргументы, проверял идеи, вовлекая слушателей в творческую атмосферу своих поисков. Поэтому он так любил семинары – не те, где докладывается готовая до последней запятой работа, а те, где речь идет о «полуфабрикате», когда идеи еще не до конца ясны, когда больше вопросов, чем ответов. И первым выносил свои размышления на суд товарищей. <...> Любое замечание, любую поддержку или опровержение его научных построений, развитие его идей он принимал с восторгом, как бы резки или, напротив, робки они ни были. Поощряя слушателей смелее «воспарять» в своих научных исканиях, повторял многократно про «куриный полет» – неважно, что курица не может взлететь по-настоящему, но даже мгновение, когда она отрывается от земли, стоит многих часов ее куриной жизни...

Интересно было наблюдать за его творческим процессом. Когда мы писали нашу совместную книгу, часто бывало так: я приходила к нему, чтобы продолжать прерванную накануне работу, которую я считала уже практически готовой, и Лёня встречал меня в дверях радостным восклицанием: «Все надо писать не так, все будем переделывать». Я внутренне раздражалась, мне казалось, что лучше не скажешь, но он был неумолим. Чувствуя мое внутреннее сопротивление, он цитировал Диккенса: «Домби должны делать усилия». И каждый кусок переделывался по четыре-пять раз. <...> Он любил слово, всегда тщательно подбирал именно то, которое наиболее точно выражало то, что ему хотелось сказать. Я поражалась тому, как непрерывно, напряженно работала его мысль. <...>

Органичной частью нашей общей работы в отделе были обсуждения того, что называется «политикой» – это было не только частью нашей профессии, но и внутренней потребностью. Лёня был закоперщиком таких бесед. Разговор всегда начинался с его «заковыристого» вопроса, который сразу заставлял всех нас включаться в обсуждение. Атмосфера в отделе, бережно поддерживаемая им, исключала оглядку на то, что какие-то темы могут быть опасны, хотя гласные и негласные сотрудники «Конторы Глубинного Бурения» (эвфемизм КГБ) были и в нашем институте. Мы обсуждали афганскую войну, польские события 80-х гг., когда Лёня, вернувшись из командировки в Варшаву, рассказывал о своих встречах и впечатлениях, события в Горьком, связанные с Сахаровым, осторожно обменивались сам– и тамиздатом. А с началом перестройки такие обсуждения захлестнули нас. Далеко не во всем мы были согласны – и тем оживленнее и серьезнее шли обмен мнениями и споры. Он не жалел времени на убеждение несогласных, в особенности когда речь шла об оценке происходящего сегодня, сейчас, будь то чеченская война, выборы в Думу, скандал с НТВ. Его позиция всегда была точна, ее демократическая суть выверена.

Но с ним было интересно не только работать и обсуждать политические проблемы. Я любила длинные многочасовые прогулки, которые мы иногда совершали после работы. Помню, как в районе Таганки мы сидели на ступенях разрушенной церкви, где когда-то сидел один из героев Солженицынского «В круге первом». <...> Он открыл мне во дворе школы у Никитских ворот трогательный памятник мальчикам, погибшим в первые дни войны. И говорили обо всем – о Солженицыне и московской архитектуре, о диссидентстве и о том, что можно сказать и сделать, не уходя в диссиденты. <...>

Будучи страстным туристом, он был инициатором интересных загородных поездок. Хорошо зная Подмоскovie, он показывал нам удивительные живописные уголки и пейзажи. Гордился тем, что он хороший гид — и это была святая правда. Но такие туристские вылазки не были для него только спортом или приятным времяпрепровождением — это было время интеллектуальной «разминки», возможностью вести неторопливую, без оглядки на часы беседу «на свободную тему».

<...> Не хочется думать, что все это осталось в прошлом. И — радостно думать, что все это было в моей жизни. «Не говори с тоской — их нет, но с благодарностью — были».

А. Назимова

***

Он еще многое мог бы сделать в нашей науке

<...> С Леней меня связывает много лет совместной работы в Институте международного рабочего движения Академии наук СССР. Хорошо было уже тогда известно, что Леонид Гордон один из самых блистательных российских социологов, автор многих книг и научных трудов. Всем было известно, что он очень добрый и отзывчивый человек. <...> И при этом было известно, что он кладезь мудрости, он принадлежал к той когорте социологов, которые вышли из исторических наук. Поэтому он прекрасно знал не только абстрактные теории, но и фактуру, подлинный ход исторического процесса.

С работами Гордона, Клопова и Дробизевой я был хорошо знаком еще до перехода в Институт международного рабочего движения. Помню, как после создания Отдела социологии в Новосибирском институте истории, филологии и философии я получил разрешение пригласить на работу трех специалистов в Академгородок. Лаврентьев выделил для меня три квартиры, которыми я мог распоряжаться. И первое, что я сделал, приехав в Москву, это встретился с Леонидом Абрамовичем и стал уговаривать его переехать на работу в Сибирское отделение Академии наук. Правда, из этого ничего не получилось тогда, и поэтому я пригласил из Ленинграда для работы у себя в отделе Андрея Алексеева. Но, тем не менее, у меня остались очень теплые воспоминания от встречи с Леней. <...>

Но вернусь к разговору со Шляпентоном, который звонил мне по поводу смерти Леонида Абрамовича Гордона. Его позиция была очень точной. Он сказал, что начинается уход самых крупных социологов. «Ну, скажи мне, кто может сравниться с теми, кого мы называем «шестидесятниками»? Ну вот, ты затрудняешься ответить, потому что действительно таких ярких фигур, как Гордон, Клопов, Грушин, Ядов, Левада, почти не осталось. И что-то я не вижу людей, по масштабам сравнимых с ними». <...>

Владимир Шубкин

***

Он ценил твердые факты и интересные идеи

Это было давно, в 1966 или 1967 году. Одна из первых социологических конференций в Москве. В суматохе фойе он присел за стол напротив и начал без предисловий: «В Ленинграде кто-то провел опрос рабочих на заводах об их досуге,

расскажите. Вы ведь из Ленинграда?». Тогда опросы считали по пальцам. Я только что начал работать в этой странной области — социологии, и в самом опросе не участвовал. «Обрабатывали результаты» тогда долго, пришлось рассказывать, что знал. Так мы познакомились. Важно, что я был юнцом, а он уже мотался в Таганрог.

Потом мы встречались по всему Союзу, но чаще в Москве или в Ленинграде, потом я ночевал у него бесчисленное число раз, как будто мы друзья и члены одних команд. Открытость собеседнику у него была поразительная и он всегда настойчиво требовал ее от другого. Он никогда не говорил охотно о своих житейских заботах, интеллектуальная игра всегда была основным блюдом. Как будто ему и всем остальным наплевать было на все интриги и все карьеры. (Но при этом он был отменным бойцом в идеологических свалках, которые шли непрерывно).

<...> Чем бы Гордон ни занимался, он сохранял выучку историка и широту взгляда статистика — это был его любимый материал. Статистику он пересчитывал со страстью, и многими объемными образами советского времени мы, коллеги, обязаны ему. Конечно, он слишком близко жил к политике, зная, что эта стезя не для него. Это его отвлекало, это его затягивало — мало у кого был такой динамитный темперамент. Лучше всего я помню его в полемике или в блестящих радио-интервью по «Свободе» и другим каналам. Мы жили в эпоху распада идеологии и знали цену ее словам, а он, к тому же, знал и авторов почти всех новых слов. Поэтому он ценил твердые факты и интересные идеи.

В. Голофаст

...Думается, что нарисованный друзьями и коллегами «коллективный портрет» одного из самых ярких представителей отечественной социологии⁸⁰, приобретает смысл и значение также своего рода «автопортрета» самой этой науки (в лице выдающихся воспоминателей) и является еще одним очерком об обществе — мире, в котором довелось им всем жить и творить.

6.2.8. Старшая Младшая сестра (поклон Ольге Старовойтовой)⁸¹

Дорогая Оля!

Что бы мы без «фаната» Лени или без газеты «Дело» делали...⁸² Даже поздравить друг друга не удосужились бы!

Вот Олег Басилашвили усмотрел в Тебе: «честность, искренность, верность демократическим идеалам...»⁸³. А попробуй собрать все качественные

⁸⁰ На сайте «Псевдология» см. воспоминания о Л. А. Гордоне также и других его коллег: Л. Дробжевой, И. Кона, А. Темкиной, Л. Алексеевой. Кроме того, см. на сайте ГУ–ВШЭ: <http://www.hse.ru/>. Точечный адрес — http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol01_4/Gordon1.htm. См. также: Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона). М.: Прогресс-Традиция, 2003.

⁸¹ Ольга Васильевна Старовойтова — общественный деятель, председатель Фонда им. Галины Старовойтовой, организатор ежегодных научных молодежных конкурсов «Галатеея» (памяти Г. Старовойтовой), ведущая регулярной аналитической передачи на канале «Ваше общественное телевидение» (СПб).

⁸² «Леня» — Леонид Евсеевич Кесельман, который первым из нашего круга стал практиковать веерные рассылки коллегам по электронной почте, на актуальные общественные темы. См. о нем ниже: раздел 6.2.11.

⁸³ См.: газета «Дело» от 9.07.2008. (Электронная версия — <http://www.idelo.ru/471/17.html>).

определения, которые поступят в твой адрес нынче. И получится пусть комплиментарный (День рождения, все-таки!) портрет, показывающий, какой Тебя видят друзья.

И каждый видит по-своему, а вместе — видят ВСЮ. И даже возможно соревнование, кто увидит не подмеченную другими черту. Вот, например, искренность... Ну кто же этого не заметит! А вот — попробуй-ка усмотреть в Ольге — хитроумие, которое я, например, тоже вижу.

Или еще — мудрость, не по возрасту. Или, вот... Как далеко то время, когда Ты была — «Младшая сестра». Теперь Ты — сестра Старшая, для такого количества людей... Есть такое понятие — «масштаб личности», которое характеризует не столько собственные качества личности, сколько меру ее влияния на окружающих. Ведь сколько прекрасных людей — с «мелким» масштабом, просто потому, что так жизнь сложилась. Твой масштаб нынче мне представляется исключительно крупным.

А еще есть — просто человеческое Обаяние, которого неоткуда взять, коли Бог не дал. Тебе — дал.

На сем — обрываю свой список определений, не претендующий на большее, чем пополнить уже адресованные Тебе. В чем-то оригинальный, а в чем-то, авось, банальный, повторяющий других. Ведь что ни говори, с разных сторон взгляды — все же на ОДНОГО человека. (Чуть не написал: нас много, а Ты одна... Но показалось не точным, и слишком легкомысленным).

Рассылаю это письмо также по всем друзьям: пусть тоже знают...

К моему поклону, привету, поздравлениям — присоединяется Зина.

Твой Андр. Ал. 9.07.2007

Р. С. А насчет «оставаться такой, какой я люблю Вас» — это Басилашвили сказал, не подумавши. В том-то и дело, что не оставаться такой Ты не можешь. Так что лучше бы чего-другого пожелал.

6.2.9. Феномен Виктора Сокирко. «Многосторонность и целостность Вашего таланта и семейного тандема...»⁸⁴

А. Алексеев — В. Сокирко и Л. Ткаченко

Дорогие Виктор и Лидия!

(В дальнейшем, обращаясь персонально к Виктору, подразумеваю вас обоих).

⁸⁴ О В. В. Сокирко и его супруге Л. Н. Ткаченко см. выше: раздел 5.7. Нижеследующая переписка предвещает публикацию «Рассказа о муже» Л. Ткаченко на сайте Центра демократической культуры Университета Невады: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/culture/tkachenko_husband.html.

См. также ЖЖ Виктора Сокирко: <http://viktor-sokirko.livejournal.com/>. В частности, там — записи декабря 2007 — января 2008 гг.: <http://viktor-sokirko.livejournal.com/3357.html>; <http://viktor-sokirko.livejournal.com/3835.html>; <http://viktor-sokirko.livejournal.com/3977.html>.

Нижеприводимая переписка представлена в Сети также на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/viktor-i-lidija-sokirko/>.

Письмо будет большим и, пожалуй, ответственным.

Второй день хожу под сильнейшим впечатлением от вашего сайта (персональной страницы), под непритязательным там названием «Виктор Владимирович Сокирко и Лидия Николаевна Ткаченко»⁸⁵. Найти его мне не составило труда, через Яндекс. (Фамилия Сокирко, по счастью, мало распространенная). Меня пока хватило на прочтение нескольких обзорных и пояснительных текстов⁸⁶ и др. Бегло — отдельные файлы, чтобы понять содержание и структуру. Просмотрел и прослушал целиком «Весну света» — убедился, что Ваши диафильмы доступны моей машине.

Очень внимательно прочитал Лилю «О Вите»⁸⁷.

Освоить *все* — труд, пожалуй, не меньший, чем чтение всех 4-х томов моей «Драматической социологии...» (кстати, построенной, в общем, по тому же принципу). Но, в отличие от указанных томов, ваше с Лидией произведение не подавляет габаритами, поскольку они виртуальны.

(Сделано, кстати, очень компактно, технологически изящно, с заботой о не слишком квалифицированных пользователях. Это, скорее всего, заслуга кого-то из младшего поколения Сокирко; но методология-то ваша!)

Я, конечно, с давних пор относился к Вам, Виктор, с чрезвычайным уважением, но тут «зауважал» (не то слово!..) непомерно.

...Напомню: в «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» Виктор Сокирко фигурирует как автор читанных мною в конце 70-х гг. самиздатских сборников «В защиту экономических свобод» и один из редакторов знаменитых «Поисков»; как один из экспертов-прогнозистов в нашем с М. Я. Гефтером и Виктором Шейнисом (упоминаю лишь хорошо известных Вам) опросе рубежа 70-80-х «Ожидаете ли Вы перемен?»; наконец, как инициатор уникального правозащитного опыта общественных судов присяжных (уже 90-е гг.).

См. все это в т. 1: с. 94, с. 109-116; в томе 4: с. 80-85. Ну, и еще есть эпизодические упоминания...

Однако *многого* я не знал — и не только в 80-х и 2000-х, но и до вчерашнего дня, хоть нам и случалось обмениваться телефонными звонками и письмами (особенно в 2000-2001 гг.).

Во-первых, не знал о существовании вашего замечательного *семейного тандема* — В. и Л. Сокирко. Относил все «за счет» Виктора...

Во-вторых, ничего не знал о вашем «*партизанском кино*». Этот ваш уникальный изо- и аудиосамиздат, то самое любительство, что выше всякого профессионализма, особый, бесценный культурный вклад.

В-третьих, не предполагал такую степень нашего *со-звучия* в попытках *сбережения жизненных следов как свидетельств времени* (дневники, диафильмы).

В-четвертых, вдруг осознал всю *многосторонность и целостность* Вашего таланта, где соединяются черты социального мыслителя, общественного деятеля и культурного творца.

⁸⁵ См. <http://victor.sokirko.com/>.

⁸⁶ См. <http://victor.sokirko.com/Tom1/intro.html>.

⁸⁷ См. http://victor.sokirko.com/family/About_Vitya.html.

Вообще-то, любого из разделов вашего сайта-жизни (будь то «партизанское кино», «дневники», «идеология», «экономика и нравы», «антивоенное движение», «семья и дом», к чему можно было бы добавить «путешествия», кабы не пронизывали они все остальное), так вот — любого из этих аспектов хватило бы на славный жизненный итог. Но тут — «человек-оркестр»... И жизнь — симфоническая.

Удержусь от дальнейшей рецензии на «феномен Сокирко» (их, этих рецензий, хватает и на самом сайте). Скажу только, что другого такого примера среди людей, с кем свела судьба, у меня нет (ну, может, несколько...), чтобы так все сочеталось.

Отчасти для себя, отчасти для нескольких друзей, чье внимание я хочу обратить на этот Ваш столь близкий мне и по интенции, и по стилю, и по жанру труд, прилагаю сделанное мною детализированное оглавление сайта В. и Л. Сокирко.

...Тут стоит заметить, что мы с Вами «паслись» все время на соседних «полянах», разве что моя не была так «заминирована», как Ваша. Притом, что оказывались с 60-х по 90-е гг. на расстоянии одного «посреднического» рукопожатия (это были и Марк Поповский, и Михаил Гефтер, и Виктор Шейнис с Аллой Назимовой). Было, однако, у нас различие в возрасте идейных прозрений, гораздо более раннем у Вас (что и привело В. Сокирко в деятельный диссидентский круг в конце 60-х, когда Ваш нынешний корреспондент разве что «почитывал» самиздат и тамизат).

Я старше Вас на пять лет, но готов повторить свою самооценку 15-летней давности: запоздалый или «дурной» шестидесятник⁸⁸. Впрочем, нравственные меркеры наши, думаю, не диссонировали.

В общем, у каждого своя жизнь... Кажется, буквальный перевод «синергии» (от которой — синергетика) — это *со-трудничество* человека с Богом. Тут — соединение Личности, Случая и Обстоятельств (вместе — Судьба). В том, что от Вас зависело, мне кажется, Вы распорядились своей судьбой наилучшим образом.

Кстати сказать, в истории диссидентского и правозащитного движения место (иногда говорят — «ниша») Буржуадемова-Сокирко уникально. Ну, я думаю, Вы и сами это сознаете. Не знаю, чтобы кто-то еще из правозащитников 70-х гг. ставил экономическую свободу во главу угла, вовсе не пренебрегая другими свободами. Ну, в гефтеровском поиске взаимопонимания, духе *диалога* — хоть с соратниками, хоть с оппонентами, и даже с властью, Вы были не так оригинальны. И слава Богу, что в этом не одиноки.

Думаю, Вы уже нашли во «вместо заключения» к 4-му тому моей книжки раздел, специально посвященный М. Гефтеру (с. 517-525; см также том 1, глава 1). Нам с Вами, Виктор, повезло с этой встречей и *со-трудничеством* с Михаилом Яковлевичем.

И еще одна точка соприкосновения моя с Вами, точнее — не соприкосновения, а *со-звучия* и *со-гласия*. Последние лет десять я особенно активно,

⁸⁸ См. Алексеев А., Чагунава Т. Слишком правозащитный комсомолец, или дурной шестидесятник // Пчела, 1997, № 11 (электронная версия — <http://www.pchela.ru/podshiv/11/rightcom.htm>). Эта же работа — на сайте «Псевдология»: http://www.pseudology.org/Gallup/Alexeev_AN.htm. См. также: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 4, с. 85-91. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_10-120.pdf)

в качестве социолога, занимаюсь проблематикой биографического метода, семейной памяти и т. п. В том 2 известной Вам книжки включен своего рода манифест 2000 г. на эту тему, называется «Эстафета памяти» (с. 471 и далее). Но, как видно, Вы над этим задумались много раньше меня.

В подтверждение тому отошло вас с Лилей к главе, не уместившейся в бумажном варианте моего «многокнижия», однако размещенной в Интернете: «Корни и ветви. XVIII–XXI вв.»⁸⁹.

Там Вы найдете и мою собственную семейную хронику, которая называется... «коротка моя память... (о моих родителях — для моей дочери)»⁹⁰. Мотивация этого текста — та же, что и Вашей «Памяти о маме»⁹¹. Только Ваш текст — 1975 года, а мой — 1997-го, да если еще разницу в возрасте учесть, то опередили Вы меня... на 27 лет! Вам было 36, когда Вы сообразили передать «эстафету памяти» детям, а мне, увы, 63. А ведь мать моя скончалась, когда мне еще и 30 не было.

(Вот еще и Лидин текст нашел — «Моя родословная» (1981)⁹². И ведь начинается почти как у меня:

«Мне сейчас 42, моей маме 68. Для вас, дети, мы единственные, еще живущие прямые хранители памяти о наших предках по моей линии, и некому, кроме меня, передать эту память вам. И потому будьте снисходительны к моей для вас работе и благодарны за собранные факты».

И тоже — за 15 лет до меня это написано...).

«Коротка моя память...» помещена на американско-российском сайте, который сам по себе замечателен. Он называется «Международная биографическая инициатива»⁹³, организован двумя социологами — русскими, давно живущими в США, но поддерживающими тесную связь с российскими коллегами (Дмитрий Шалин и Борис Докторов), и являет собой образец истории российской социологии «в лицах» <...> Полистайте, при случае.

<...> Еще и еще раз — поздравляю себя со своим «открытием» вашего opus magnum. <...> 20.12.2007.

Виктор Сокирко — Андрею Алексееву

<...> В субботу, поздно вернувшись с дачи с рюкзаком яблок, был встречен Лилей: «Иди, скорей читай, что тебе Алексеев написал. Он и мое «О Вите» читал очень внимательно!». И вот за радостный голос жены, как за особо ценный подарок в это предновогоднее время примите мою искреннюю благодарность. <...>

Да, Вы правы, мы с Вами во многом похожи, не только в плюсах, но и в минусах, в частности, в малой способности отказываться от второстепен-

⁸⁹ См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>.

⁹⁰ Фрагменты этого текста см. ниже: раздел 7.2.1.

⁹¹ См.: <http://victor.sokirko.com/family/mama.html>

⁹² См.: <http://victor.sokirko.com/Tom11/parents.html>.

⁹³ См.: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.

ного ради осмысления главного. Поэтому разобраться в нашем сайте столь же трудно, как и в Вашем четырехтомнике, сконцентрировавшем все Ваше многоплановое богатство. Сейчас я с тотальным знакомством с ним не тороплюсь, а пользуюсь только Вашими указаниями.

Конечно, прежде всего меня заинтересовала Ваша декларация «Эстафета памяти»⁹⁴. Постараюсь ее размножить и передать своим детям и друзьям в надежде на то, что они будут создавать свои собственные семейные хроники-сайты и тем самым практически включаться в работу осознания себя, как исторического (бессмертного по самосознанию) народа... Конечно, я надеюсь, что мы будем помогать в этом друг другу.

Еще большая благодарность за Ваш большой труд по составлению для друзей детализированного оглавления нашего сайта. Я сознаю, что работа эта необходима, я ее называю необходимым структурированием материала, но до сих пор она у меня не получается, и хотя уже не раз я приступал к ней, но пока все неудачно. И в связи с этим хотел бы получить от Вас поддержку. Понятно, что естественное оглавление любого материала — прежде всего хронологично, просто по мере его появления и осознания. Но поскольку жизнь обычно многопланова, а ее темы часто меняют друг друга, то для общего понимания часто необходимо логически их выстраивать отдельными разделами.

Я хотел бы, чтобы читатель увидел на сайте, как страна прощалась с диктаторским понятием коммунизма и имперским пониманием России — через мои мысли и споры со знакомыми и героями книг. 1980 г. — «год коммунизма» в тени Бутырки — пик этого осознания. Но даже эта, очень суженная тема чрезмерно широка для ознакомления сходу. Вот если удастся сузить ее еще кардинальней, до сотни страниц, тогда появится надежда, что кто-то сможет с ней ознакомиться взаправду. Но тогда, например, до темы, что случилось с идеалами Глеба Павловского, в моем рассказе дело так и не дойдет, просто из-за нехватки времени. А ведь и это не самый важный вопрос в сравнении с тем, как Глеб — самый талантливый и любимый ученик М. Я. Гефтера — позже оказался чуть ли не учителем Путина, т. е. стал у истоков последней трагедии не только кавказцев, но и всего российского народа. И вот оказывается, что мы, «поисковцы»⁹⁵, через Глеба вырастили нынешнего Путина, воплоителя насилия и имперского духа.

Другая линия основной части нашего сайта — история религиозно-философских учений, включая нынешний естественный атеизм.

Третья сторона нашей жизни — домашняя экономика (дети и шабашки).

И наконец, последняя итоговая сторона — про разнообразие российских стран — регионов которые можно квалифицировать как по четырем природным широтам — тундра, тайга, черноземье, степь, которыми шли друг на друга войнами народы, так и, напротив, по семи меридианам: Днепр, Дон, Волга, Урал-Каспий, Обь-Арал, Алтай-Енисей-Саяны, Лена-Монголия, Амур-Китай, по которым веками распространялись товары и верования. Так, волны насилия и создания Империй в Евразии идут от века по широ-

⁹⁴ См. ниже: раздел 7.1.2.

⁹⁵ Имеются в виду участники свободного самиздатского журнала «Поиски» (1977-1981).

там, а гармоничное упорядочивание и строительство Федерации (Союза) – по меридиональным дорогам-рекам. В свое время Россия с помощью жутких казаков-землепроходимцев и их западным оружием разрушила естественные культурные связи восточных народов по меридианам и погубила многие из них. Теперь приходит время восстанавливать справедливость. Возвращение России к гармонии земель и свободных людей на величайшем континенте – наша последняя и главная мечта.

Я понимаю, что говорю сейчас очень невнятно. Надеюсь, что смысл проявится яснее, когда Лиля проредактирует последний вариант биографического изложения всего материала «дневников и фильмов». На себя одного я уже не надеюсь. Разве что в конечном итоге. Если, например, найдутся заинтересованные помощники, способные наши дневники и фильмы переписать в доступном для ознакомления виде и тем самым привлечь к ним внимание некоторого круга людей. Вот тогда может оказаться, что мы будем полезными для рождения федеральной России.

В заключение, отвечаю на ваши вопросы.

1. Действительно, на нашем сайте нет старых экономических сборников «В защиту экономических свобод» («ЗЭС»; 11 номеров). Хотя желательность их оцифровки мы прекрасно понимаем. Но пока нет для этого ни сил, ни средств. <...> Вот, если сами справимся с дневниками и диафильмами, иными не напечатанными статьями 80-х годов и материалами первых лет существования Общества ЗОХиЭС⁹⁶, если будем живы и иметь средства – придет время и для «ЗЭСов», если Вы или кто-то иной не убедит Лилю и меня в другом порядке. Но если Вам что-то нужно для себя, напишите. Мы отсканируем нужный материал.

2. И еще, большое спасибо за сообщение, что вам удалось посмотреть диафильм «Весна Света»⁹⁷. Для нас это событие, потому что Вы первый, кому это удалось сделать через Интернет. Смотрела ли его Зина? И если можно, то передайте свои и ее впечатления нам и нашему старшему сыну Теме, который живет в Кельне и занимается нашим сайтом <...>. Нам же такие сообщения просто радость, как и в прежние диссидентские времена. Если посмотрите фильм про Бутырку («Наши пансионаты») и «Устюрт», это вообще было бы замечательно...

В отношении возможности использования материалов сайта Вы совершенно правы – я старый самиздатчик и потому «В добрый час!». Буду только счастлив.

Еще раз спасибо и с Новым Годом! Всем питерцам, кто меня знает, большой привет! <...> 28.12.2007.

Андрей Алексеев – Виктору Сокирко

<...> Спасибо на добрых словах. «Коротка моя память...»⁹⁸ писалось 10

⁹⁶ ОЗОХиЭС – Общество защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод. См. подробно в: Сокирко В. В. Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы: Учебное пособие. – М.: РосКонсульт, 2000. (Электронная версия книги – на сайте Lib.Ru: <http://lib.ru/POLITOLOG/SOKIRKO/prisyazhnye.txt>).

⁹⁷ См. http://victor.sokirko.com/Part3/Vesna_sveta/.

⁹⁸ См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>.

лет назад. Интересно, как совпали наши с Лилей мотивации (вплоть до текстуальных переключек) — в написании такого рода сочинений. Только она — раньше. Ей для этого мои призывы типа «Эстафеты памяти» не понадобились...

Спасибо и за принятый «заказ» на оцифровку и т. д. сборников ЗЭС. Забавительно, что они у Вас сохранились. Признаюсь, что в 1983 г. — незадолго до обыска — мне пришлось присутствовать, а точнее сказать — участвовать в сожжении в печке нескольких сборников ЗЭС, на квартире одного из своих друзей. Не придумали, как их запрятать.

Мне тогда при обыске повезло — «чужого» самиздата (не говоря уж о там-издате), кроме собственных дневников и писем, не нашли. А те — хоть и дали повод для преследования, но выше предостережения органов и исключения из партии тогда не потянули (ну, все это описано еще во 2-м томе «Драматической социологии...»).

Нам с Вами еще надолго хватит смотреть и читать сочинения друг друга. У меня на очереди — несколько Ваших диафильмов и «Феномен Сокирко». Освою — поделюсь впечатлениями.

<...> Мои рассылки⁹⁹ на сплошное прочтение «рекомендуемого» никак не рассчитаны. А вот именно — «посмотрел чуток, и хватит». В отличие от Вас, я на пикеты не хожу. Так что не будем приписывать мне «молодость и энергию», а Вам что-либо другое.

Коль скоро Вы отправляете копии своих писем Артему, то так же поступлю и я. Пользуюсь случаем передать ему читательскую благодарность за сайт родителей и восхищение его оригинальностью, технологичностью, дизайном и качеством. С любовью сделано. <...>

Пока все. Наши с Зиной новогодние приветы Вам и Лиле. <...> 3.01.2007

Андрей Алексеев — Виктору и Лидии Сокирко

<...> Я вообще-то в долгу перед вами. Все откладываю дальнейшее освоение *всего вашего* — на сайте «Сокирко-Ткаченко» (хотелось бы, чтобы оно было не менее основательно, чем ваше освоение «Драматической социологии») и новые опыты по просмотру диафильмов из Интернета. Ведь получилось же с «Весной света», а потом как-то потерял алгоритм... Но — найду. Только сдам книжку в издательство и займусь этим.

Антиимперские соображения Виктора мне, как всегда, очень созвучны. А гео-историко-культурно-политическая идея насчет «параллелей» и «меридианов» (движения народов «по горизонтали» и «по вертикали») — так кажется просто подарком профессиональным историкам. Встречали ли вы где что-либо подобное? Ищите себе предтечу и профессиональных союзников.

Тут еще то интересно, что эту макроидею Вы умудрились как-то реализовать в собственной жизни, благодаря своим туристским наклонностям. Завидую. (Как, впрочем, и нынешним вашим разъездам. <...> Через детей и внуков — весь мир рядом). <...> 7.01.2007

⁹⁹ См. выше: раздел 3.Р.

6.2.9.а. «80 лет одиночества» (И. С. Кон)

(1)

А. Алексеев – И. Кону

Ты сам свой высший суд!..

Дорогой Игорь Семенович!

Не спеша и со вкусом читаю Ваши «80 лет...»¹⁰⁰, электронная версия которых «по секрету» получена мною от Бориса Докторава. Думаю, все же не «подорву» тем самым спрос на Вашу книгу в магазинах.

От души завидую – нет, не Вашей творческой способности вообще (тут недостижимо!), а вот специально – ауторефлексивной способности.

«...Автобиография – очень коварный литературный жанр. Его обязательные правила: не лгать, не хвастаться, не жаловаться, не сводить счеты с покойниками (если ты кого-то пережил, это не значит, что за тобой осталось последнее слово), не увлекаться деталями, которые современному читателю непонятны и неинтересны, и не пытаться повлиять на мнение потомков (то, чего ты не смог объяснить при жизни, после смерти заведомо не удастся). А если, паче чаяния – большинству мемуаристов это не удастся – ты сумеешь преодолеть все эти соблазны, твой текст утратит обаяние личного документа, и тем самым – право на публичное существование. Зачем же было браться за оружие?»¹⁰¹.

И еще одна цитата «из Вас», тоже вроде бы «на тему»:

«0.2. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования.

[Ниже – фрагмент одноименной статьи Игоря Семеновича **Кона**, впервые опубликованной в сборнике: *Человек в системе наук*. М., 1989. – А. А.]

<...> Чем шире круг подвергающихся анализу деятельностей и отношений, тем меньше индивидуальная биография походит на циклический процесс. Даже если каждый отдельный ее аспект или компонент может быть концептуализирован как некоторый цикл («биологический жизненный цикл», «семейный цикл», «цикл профессиональной карьеры»), биография в целом представляется многомерной, подчиненной нескольким разным, несводимым друг к другу ритмам. Это побуждает ученых рассматривать человеческую жизнь не как сумму вариаций на заданную тему, а как открытую систему, как историю, в которой наряду с определенными инвариантами есть пробы, гипотезы, проблемы, перемены и т. п. [Здесь и далее выделено мною. – А. А.]

Наиболее емкий и употребительный термин для описания этого – «жизненный путь». Понятие жизненного пути отличается от «жизненного цикла» прежде всего многомерностью, тем, что оно предполагает множество разных тенденций и линий развития в пределах одной и той же биографии, причем эти линии одновременно автономны и взаимосвязаны. В основе его периодизации – не линейные, раз и навсегда определенные фазы, а конкретные жизненные события. Время, последовательность и способ осуществления любого жизненного события, будь то вступление в брак или выход на пенсию, не менее важны, чем сам факт, что данное событие имело место.

Это требует сочетания социологического, психологического и исторического анализа. <...> (Здесь продолжение цитаты опущено. – Ред.).»

¹⁰⁰ Кон И. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.

¹⁰¹ Кон И. 80 лет одиночества..., с. 9.

Это... стр. 40–43 тома 3 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (глава, имеющая характер антологии)¹⁰².

И последняя цитата. На сей раз «из меня» (моего прошлогоднего Вам письма):

«...Вам высказывать комплименты вроде даже и неловко. Один все же («внеисторический») произнесу. Мне за последнее время довелось прочитать много биографических текстов, в том числе и наших коллег. И это очень непростое сочетание самокритики с самоутверждением удастся далеко не всем. У Вас же это удивительно сбалансировано, даже в живой беседе (не говоря уж о писанных текстах).

Человек должен знать себе цену. И «ложной скромности» Вы начисто лишены. С другой стороны, Вы к себе и беспощадны, точнее – насмешливы. Такому соединению сильных акцентов можно позавидовать. Впрочем, *на такую интонацию надо еще иметь право. Вот у Вас – оно есть. Это уж – от Бога, от Гения, от Судьбы*».

Вы тогда ответили: *«Просто я не люблю врать (это утомительно, неинтересно и бесполезно – все равно кто-нибудь уличит)»*. (Май 2007).

Вот такое у меня получается «компилятивное» Вам поздравление. А банальных пожеланий «здоровья», «новых свершений» и т. п. произносить не хочется. Аплодисменты Вам не нужны. Иначе не «сбежали» бы со своего юбилея. <...> 21.05.2008.

И. Кон – А. Алексееву

<...> Приятно общаться с человеком, который тебя понимает. Это бывает очень редко. И собственная цитата мне понравилась, кажется, в позднейших книгах я это излагал хуже.

А самое занятное: по мировому счету, тут нет ничего нового, и ссылки на источники я давал. Но как я отбирал из моря литературы самое важное (наши психологи этого по сей день не усвоили) – сам не понимаю. Ведь ни подсказок, ни давления не было. Видимо, какой-то специфический склад ума...

Успехов Вам! <...> (21.05.2008)

Много ли мы знаем жизнеописаний, рисующих безмятежное, спокойное непрерывное развитие индивидуума? Жизнь наша, как и то целое, составными частями которого мы являемся, непостижимым образом складывается из свободы и необходимости. Наша воля – предвозвещение того, что мы совершим при любых обстоятельствах. Но эти же обстоятельства на свой лад завладевают нами. «Что» определяем мы, «как» редко от нас зависит, а «почему» мы не смеем допытываться...

Иоганн Вольфганг Гете¹⁰³

(2)

В. Дмитриевский – А. Алексееву

<...> Приобрел книгу И. Кона «80 лет одиночества». Очень содержательное со-

¹⁰² Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_1-207.pdf.

¹⁰³ Цит. по: Кон И. 80 лет одиночества... с. 7. (Электронная версия – http://www.fictionbook.ru/author/igor_kon/80 лет_odinchestva/read_online.html?page=1).

чинение и про него самого и про «время и мы». Прекрасная интонация, спокойная, уверенная и без напыщенности, без экзальтации и самолюбования, что, к сожалению, присуще некоторым мемуаристам. При этом написано, я бы сказал, с благородным чувством собственного достоинства и признанием достоинства читателя, что немало важно. При всей моей мелочной вьедливости, я не нашел в тексте И. Кона ни одной опечатки, неряшливости, помарки, невнятности, что особенно способствует доверию к автору. Я это очень ценю. Точность, как известно, вежливость королей! А тщательность — тем более. Так что спасибо Тебе за такую «наводку». <...> 26.10.2009.

6.2.10. Эти недостижимые старики (Григорий Померанц и Тамара Петкевич)

(1)

Из рассылки

«2008 03 18. Рефлексия. Действие. Смех. Живой город»

Уважаемые коллеги и друзья!

«Есть два способа существования в дрейфе. Первый — принять дрейф как норму, дрейфовать вместе с цивилизацией. Второй способ — использовать язык современности, чтобы на этом языке будить тоску по Смыслу, по выходу из дрейфа. Первый способ естествен и неизбежен. Второй необходим» (Гр. Померанц. Способы существования в дрейфе // Континент, № 92, 1997 (№ 2))¹⁰⁴.

...Очень хотелось бы как-то мои ссылки комментировать. Но нет для этого ни времени, ни места. Поэтому остается рассчитывать на ваше доверие, что мои адреса и отсылы заслуживают вашего внимания. Выбирать же вам придется в основном по авторам и названиям.

Начну с двух событий культурной жизни, на мой взгляд, чрезвычайного значения. Оба отражены в «Новой газете», а больше — и не знаю где.

13 марта исполнилось 90 лет одному из крупнейших современных мыслителей Григорию Соломоновичу Померанцу. Рассказ о нем («Рядом с мудрецом») и его собственный современный текст см., соответственно <...>¹⁰⁵.

Другое событие — презентация новой книги Тамары Владиславовны Петкевич «На фоне звезд и страха». Это мероприятие происходило в Питере, в Фонтанном доме — музее Ахматовой, 14 марта. Мы с моим другом в не малом зале сидели вдвоем на двух краешках одного стула. Это был не бенефис, а катарсис.

Об этой книге см. <...>¹⁰⁶. Первая книга Т. В. Петкевич — «Жизнь — сапожок непарный» (1993) — сразу встала вровень с русской классикой. По сча-

¹⁰⁴ Цит. по: персональный сайт В. В. Игрунова — <http://www.igrunov.ru/>. (Точечный адрес: <http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/pomerants/publ/dreif.html>).

¹⁰⁵ См. <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/17/28.html> и <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/17/29.html>. См. также: В поисках самого себя. Беседа с Григорием Соломоновичем Померанцем о его жизни. Часть 1 / Полит.ру. 6 мая 2009 г. См. <http://www.polit.ru/analytics/2009/05/06/seba.html>.

¹⁰⁶ См. <http://www.novayagazeta.spb.ru/2008/17/7>.

стью, она есть и в Интернете <...>¹⁰⁷.

Между прочим, Тамаре Владиславовне — 88.

А вот, что писал Гр. Померанц о Тамаре Петкевич и ее первой книге в 1998 г. <...>. Там же и собственное интервью Т. Петкевич газете «Невское время» (1996) <...>¹⁰⁸.

Андр. Алексеев.

(2)

Новая газета в СПб

9.02.2008, № 9¹⁰⁹

Что принесла мне воля

О новой книге Тамары Петкевич «На фоне звезд и страха»

Этот том — продолжение первой книги воспоминаний Тамары Петкевич «Жизнь — сапожок непарный» (1993 г.), о которой Фазиль Искандер написал, что она «навсегда останется в русской литературе».

Читатели «Сапожка» постоянно спрашивали: а что было дальше? Знать это оказалось жизненно важно. Как могла дожить до 80 (а теперь уже почти до 88 лет), не сломаться и сохранить душу женщина, пережившая в молодости арест и гибель отца, гибель матери и сестры в блокадном Ленинграде, 7 лет лагеря, мучительную — на ее глазах — смерть любимого человека, предательство близких, кражу маленького сына...

<...> Первая книга была написана как выполнение данного себе в лагере обещания: «Когда-нибудь я все расскажу...». Эта мысль, видимо, и держала крепче всего на земле. Вторая книга, вобравшая более 50 послелагерных лет автора и несколько исторических эпох, также полна глубокого драматизма.

Вот 1952 год: «...что принесла мне воля... Все друзья были сосланы на пожизненный срок в Сибирь... Ведомство ГБ выкручивало вербовкой руки. Что у меня вообще есть? Ничего. Ничего, кроме «чувства войны»: никому не отдать внутренней свободы». Ставшая после лесоповала и укладки шпал лагерной актрисой, талантливая и самобытная во всем, красавица, неумная в любви, в самоотдаче, в страдании, она ищет свое место в большом мире. Но клеймо политической заключенной остается навсегда. Так, после трудной жизни на провинциальных сценах в 40 лет Тамара Владиславовна поступает в Ленинграде в Театральный институт, блестяще оканчивает театроведческий факультет, ей не раз предлагают достойную работу по специальности, но в последний момент всегда вмешивается «первый отдел». «В жизнь не пустили», — с горечью говорит она.

Но все, чем она занималась, становилось жизнью по самому крупному счету. Своего рода выходом на большую сцену, где играется спектакль вровень с античной трагедией, стали книги Тамары Петкевич. В них ничто не мелко.

<...> О «Сапожке» читатели не раз говорили: «Ваша книга помогла мне выжить». Потому что «Сапожок» — это не только страдание, но и преодоление, не

¹⁰⁷ См. http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_book.xtml?id=85653&aid=54.

¹⁰⁸ Эти тексты были воспроизведены в книге: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 4. СПб.: Норма, 2005, с. 107-113. Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_10-120.pdf.

¹⁰⁹ Электронная версия: <http://www.novayagazeta.spb.ru/2008/17/7>.

только предательство, но и верность, не только колючая проволока, но и стихи, сцена, любовь, понимание, надежда. Книга «На фоне звезд и страха» распахивает перед читателем вольный простор, а воля здесь дорогого стоит. <...>

Ольга Рубинчик

6.2.11. «Арифметика Кесельмана»¹¹⁰

[21.06.2008 15:09:06] leonid говорит:

Сочинил тут на досуге «Арифметику Кесельмана». В ней, как и во всякой новой арифметике, своя аксиоматика, свои леммы и теоремы.

Начнем с аксиоматики.

Первая аксиома <...>: *Ни один человек, ни человечество в целом не властны над своим прошлым.*

Вторая аксиома <...>: *Всякий канон, прежде, чем стать таковым, выступает в виде (форме) ереси.* Иначе говоря, всякий канон в своем первоначальном бытовании обречен быть *ересью*.

Отсюда, однако, не следует, что всякая ересь имеет шанс стать каноном. Впрочем, и то и другое, в доказательствах не нуждаются, а значит, являются аксиомами.

Нового тут ни на грош, однако, именно эта аксиоматика лежит в основе «Арифметики Кесельмана». <...>

Ваш ЛК¹¹¹

6.2.12. «Социологи-расстриги»: Юрий Щеголев, Сергей Розет и другие

А. Кетегат. Из рассказа «По знакомой дороге»¹¹²

<...> Почти неизбежный, наверно, на митингах пафос (тираны мира,

¹¹⁰ Леонид Евсеевич Кесельман – социолог, до 2006 г. старший научный сотрудник Социологического института РАН, руководитель группы изучения динамики социального сознания в этом Институте. Создатель и руководитель Центра изучения и прогнозирования социальных процессов.

Круг научных интересов на протяжении более чем 40-летней научной деятельности: социология труда, исследования ценностных ориентаций и саморегуляции личности, социология театра, исследования массового сознания, девиантология, электоральная социология. Разработчик авторского метода *уличного опроса* («делегированного наблюдения»). Организатор и первый ведущий междисциплинарного семинара Леонтьевского центра и Социологического института РАН «Актуальные проблемы трансформации социального пространства». Автор нескольких монографий и редактор ряда сборников, среди которых – «Галина Старовойтова – продолжение жизни» (СПб.: Норма, 2003).

В настоящее время живет в Федеративной республике Германия.

¹¹¹ Цит. по: ЖЖ Л. Кесельмана, запись от 23.06.2008: <http://lk44-leonid.livejournal.com/>.

¹¹² Публикуется впервые. Рассказ Анри Кетегата «По знакомой дороге» написан в 2007 г. Об А. А. Кетегате см. выше: 2.Ф.9, 4.1.1, 4.7. Его собственные тексты см.: разделы 2.Ф.26, 7.7.2.

Нижеприводимый текст можно найти в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/alekseev-sociolog/sociologi-rasstrigi/>.

трепещите!) начинал утомлять, когда я услышал за спиной голос, в моей фонопамяти органически несовместимый с пафосом.

— Анри! Ты здесь! Что ж не звонишь?

В самом деле: что ж? Впрочем, сближаться с Юрой Щеголевым мы стали недавно, лишь при последних моих наездах в Питер, хотя знакомы давно.

Я услышал о нем в самом начале своего питерского периода и сразу в ди-ковинном контексте. Мы аспирантствовали на одной кафедре, но не пересе-клись, потому что я поступил в год, когда он выпустился. На заседании кафе-дры профессор Ядов отчитывался о своих аспирантах и, говоря о Щеголеве, разводил руками: работа в принципе готова, можно выходить на защиту, а он уклоняется... И вот мы сидим у Юры в странно бесшумной (что за соседи?) коммуналке, потягиваем напитки под наскоро изготовленную им снедь, и я не в первый раз пытаюсь разрешить давнее ядовское недоумение.

— Ты меня уже спрашивал. Ничего нового я не скажу.

Но Юра и «старого» ничего не говорил. Потому и спрашиваю опять. Не получив ответа, догадываюсь окольным путем, через покойного Серге-жу Розета, который был и моим другом, но Юриным — больше. Они вместе учились в университете на физическом факультете и одновременно посту-пили в аспирантуру факультета философского. Сережа выпустился с тем же результатом, что и Юра. Я тогда же попытался выпытать у него что да как. «Моя тетка считает, что я сумасшедший, и возможно, она права», — не смяг-чив теткин приговор улыбкой, сказал Сережа. Но кое-что все же приоткрыл. Я понял и запомнил так: поскольку познавательное усилие по природе своей бесконечно (если его энергия перетекает во что-то иное, оно перестает быть познавательным), на этой дистанции нет финиша; пасуя перед бесконечно-стью, люди довольствуются конечным — промежуточными финишами в виде ученых степеней и прочих актов общественного признания; таким образом, мы имеем здесь дело с «этикой пораженцев» (беру эти слова в кавычки, по-тому что запомнил их точно); следовать ей он не хочет — не потому, что метит в победители, а потому, что это не его этика.

Юра отказался соотнести свою позицию с Сережиной в моем изложении. В другой раз он отказался подтвердить предположение о его (Юры) религи-озности. Ему вообще интересней расспрашивать собеседника, чем рассказы-вать о себе, тем более когда речь заходит о вещах интимных, сокровенных. Исполненный глубокого и соучастного внимания к собеседнику, он в то же время тщательно огораживает свои внутренние покои. Быть может, Сережу он туда впускал, их близость, мне кажется, границ не знала.

Юра был первым в нашей четверке социологов-расстриг, на рубеже семидесятых-восемидесятых ушедших в заводские рабочие. Через восемь—десять лет, когда ситуация в стране изменилась, Сережа Розет и Андрей Алексеев вернулись в *(штатную. — А. А.)* социологию. Я, поработав, уже в Литве, слесарем-сборщиком, затем аппаратчиком реактора очистки галь-ванических стоков, закончил свой «трудовой путь» в экологической фирме, где, вооруженный гальваноопытом, кормился изготовлением научпопных и рекламных текстов. Юра же, авторитет которого в среде питерских социо-логов всегда был очень высок, отклонил все предложения и приглашения и

остался оператором газовой котельной, в которую когда-то переместился с завода железобетонных изделий, где работал формовщиком.

Котельная отапливает жилые дома.

— Значит, летом перекур? — спрашиваю я.

— Да нет, летом ремонт, и не только в своей котельной.

Горло у Юры обмотано шарфом. Простыл: в котельных сквозняки. Сквозняки, посменная работа. Сегодня отстоял ночную. А лет ему уже шестьдесят шесть, и стало быть, болезни. О которых тоже не распространяется.

Распространяется о моих бумажках, которые я дал ему при последней встрече. Специальным тостом отметил «В полях предков»¹¹³.

— Ты дал мне надежду.

Я не спрашиваю, какую надежду. Контекст беседы подсказывает: надежду на то, что не все безнадежно в этом мире. Польщенный и поощренный, я протягиваю Юре новую порцию своих бумаг.

— Предлагаю честный обмен.

— Обмен на что? У меня ничего нет.

— У тебя, я уверен, залежи, из которых ты дал Андрею лишь крохи.

Я только что перечитал эти крохи в первом томе Андреевой «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», где наши тексты соседствуют.

Из письма:

Победа страшна тем, что закрепляет насилие как способ решения проблем и даже как способ и образ жизни. /.../ Сила вызывает восторг, она опьяняет. /.../ Если общество приглашает победителя к власти, оно движется к потрясениям.

Меня вдруг осеняет: у *победы* и *беды* один корень. Лезу в этимологический словарь. Цепочка тянется из старославянского: *беда* — *бедити* (убеждать) — *победити* — *победа*. Победа — производное от беды. Увы, движение на этой дороге двустороннее, бывают и беды, производные от побед. Ведали ли делегаты «съезда победителей», что за ним последует тридцать седьмой год?

Из эссе «Труба (зарисовки внутренних противоречий)»:

...Котельная. Утро, последние часы ночной смены. Операторов двое: он наблюдает за работой оборудования, она пока отдыхает...

Но труба зовет, впереди сдача смены и дневные заботы. Она встает, части ее души еще разъединены и не согласны друг с другом. Она надевает не по размеру длинные и широкие ботинки. Она идет, она идет не от котла 5 к котлу 7, она бредет по жизни. Цели колеблются, желания изменяют, она поднимает изможденное лицо. Она смотрит: ближние больны, дальние больны, распоряжения нелепы, усилия бессмысленны. Она вздыхает, разъединенные части ее души объединяются печалью. Наступает согласие...¹¹⁴

¹¹³ Кетегат А. А.. В полях предков. Семейные хроники // Иерусалимский журнал, 2006, № 23. См. также на сайтах: «Журнальный зал» — <http://magazines.russ.ru/ier/2006/23/ke10.html>; «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/ketegat.html>.

¹¹⁴ Первый отрывок из Ю. А. Щеголева см. в: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 576. Второй отрывок — там же, с. 572. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_pril6.pdf).

— И ты хочешь, чтобы я поверил, что человек, написавший такое, больше ничего такого не написал?

— Это был случай... Людям не нравилось, и я бросил... Я все растерял...

— Это кому ж не нравилось? Не лукавь, Юра.

— Ты много на себя берешь, если думаешь, что можешь вынудить меня к лукавству.

Вот это похоже на правду. Юрина откровенность кажется мне ограниченной — сознанием своего права на сокровенное. Но искренность, по видимому, безгранична. Как же вовлечь его в производство тепла не только для жилья, но и для некоторых живущих, озябших на вселенском ветру? Да нет, я не о служении страждущим, на котурны не приглашаю. И все же. Он, конечно, утепляет — поступками, словом в дружеской беседе... Однако ж узок круг. Так что, людям из круга за его пределами — свидетельствовать? Но свидетельство — лишь посильное отражение, блики. Да и внутри круга теплоизлучение, выстроенное в продуманный текст, было б сильнее.

Прощальное рукопожатие, поощряемое взаиморасположенностью, превращается в состязание: кто кого пережмет? Победил Юра. А ведь тощ и длинен — чистый Дон Кихот. Настольная, кстати, книга у него. В этот момент настольная буквально: лежала на столе. История любви моей бабки Стаси и деда Карла напомнила Юре «повесть о безрассудно любопытном» в романе Сервантеса. Иван, первый бабушкин муж, Сервантеса не ведая, своим умом дошел до той же «пробы добродетели» жены — пробы, одним из плодов которой стала моя мать и, стало быть, я.

В следующий приезд не буду ждать случайной встречи с Юрой. Позволю.

А. Кетегат

***

*Комментарии Ю. Щеголева,
ознакомившегося с текстом А. Кетегата*

«...И ты хочешь, чтобы я поверил, что человек, написавший такое, больше ничего такого не написал?»

— На этот вопрос Анри мне следовало ответить сразу и с полной определенностью: «Да, не написал», хотя это и было бы всего лишь повторением уже данного ответа: «У меня ничего нет».

«...Победил Юра...»

— Вместе с взаиморасположенностью в нашей встрече с Анри было, как оказалось, и скрытое противоборство поиска общей темы, с одной стороны, и целеустремленности, с другой. Победил Анри, с его сильной целевой установкой на понимание меня. Я же думал, что общей темой станут «бумажки» Анри. В них меня особенно интересовало художественное преодоление тяжести «исходного жизненного материала», позволяющее вздохнуть «под грудой камней». При чтении «В полях предков» этот вздох

облегчения был таким, что я даже почувствовал надежду на реальное преодоление «ошибок отцов»¹¹⁵.

Постскриптум

О моих коллегах и друзьях, социологах Сергее Михайловиче Розете (1940–1994) и Юрии Анатольевиче Щеголеве см. в: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1, СПб.: Норма, 2003. Приложение к части I¹¹⁶. (Андр. Алексеев).

6.2.12.а. Журналист, социолог, security (Михаил Левин)¹¹⁷

Михаил Борисович Левин – выпускник экономического факультета МГУ (1976). В восьмидесятые годы занимался в основном публицистикой. В 1990 году, независимо от советских учреждений и организаций, поступил в аспирантуру Висконсинского Университета США. Доктор социологии (Университет МакМастера, Канада, 1999). Автор более сотни публикаций, в том числе нескольких книг. Специализация: отклоняющееся поведение, социальные проблемы, социальные дефиниции. Живет в Калифорнии. Работает не по специальности и академической работы не ищет.¹¹⁸

Из личной переписки

А. Алексеев – М. Левину

<...> В твоей объективке очень изящно сказано: «*Работает не по специальности и академической работы не ищет*». А что за работа не по специальности? Как Ты понимаешь, меня Ты никаким ответом не удивишь. И еще: правильно ли я понял, что живешь Ты как бы между Канадой и Калифорнией? При случае – поясни. <...> (Февраль 2009).

М. Левин – А. Алексееву

<...> Что касается моей работы и проч., я работаю, как положено советскому интеллигенту, сторожем. Называется частная служба безопасности, но суть в

¹¹⁵ «... Богаты мы, едва из колыбели, / Ошибками отцов и поздним их умом, / И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели, / Как пир на празднике чужом...» (М. Ю. Лермонтов. Дума. Цит. по: <http://www.stihi-rus.ru/1/Lermontov/32.htm>).

¹¹⁶ Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_pril6.pdf.

¹¹⁷ Настоящий раздел представлен в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/sociologi-rasstrigi/>.

¹¹⁸ О М. Б. Левине, а также его обращение к Президенту РФ Д. Медведеву от февраля 2009 г. см. также выше: раздел 2.Ф.17.

том, что сидишь на воротах и пропускаешь машины с пропуском, а без пропуска не пропускаешь. Чувствую себя по этому поводу нормально, даже хорошо. Больше половины времени могу заниматься своими делами, читать, писать, переводить. Плохо то, что не могу пользоваться компьютером, просто беда. <...>

В целом мне кажется, если бы я был на профессорской должности, мои самоощущения были бы менее жизнерадостными — непрерывная мышинная возня, сроки, склоки. Преподавать не тянет, рассылать статьи в теоретические журналы, упорно стоящие на том, что дважды два будет пять — надоело. А академическую публику я просто недолюбиваю. Здесь, как и в Союзе, я довольно близко общался и с работягами, и с наркоманами, и со всякими вообще людьми — и профессура мне кажется, за редкими исключениями, самой механической, нечеловеческой частью общества. Сравниться с ними могут только чиновники да, пожалуй, бизнесмены. Нормальное человеческое общение с ними почти невозможно.

Не занимаюсь ли я самообманом? Вроде, нет. Конечно, если бы мне вдруг предложили работу в приличном университете, я бы не отказался. Но вот радости такая работа, я думаю, мне бы не принесла.

Human Rights Watch мне <...> не ответила. Хотя сомневаюсь, что в Америке легко найти людей, лучше меня знающих Россию, больше меня заинтересованных в российской политике и обществе, лучше меня владеющих и русским, и английским. Зато нетрудно найти людей, более организованных и функциональных, чем я, и это, видимо, важнее. Впрочем, может, и это к лучшему. Не уверен, что мне было бы уютно с ними. Я тогда стал вникать в их работу, читать их отчеты, заявления и проч. — и осталось ощущение, что все-таки и они смотрят на остальной мир свысока, и русские для них — недо-развитые, которых надо учить уму-разуму. <...> 18.02.2009.

А. Алексеев — М. Левину

<...> Твой «уход в сторожа» на другом континенте показывает, что *все общественные системы похожи одна на другую, а все личности различаются и уникальны*. Мне твоя мотивация очень близка. Кроме чтения лекций и писания теоретических статей есть масса способов самовыражения для доктора социологии, да еще защитившегося в университете МакМастера. Если зарплата сторожа обеспечивает бытовую минимум, то нет границ для творческого максимума. Не удивлюсь, если Ты со своей головой, интересом к «живой жизни» и пером окажешься (или уже оказался?) писателем, драматургом, эссеистом. Впрочем, и в хорошем исполнении любой работы, как я не раз убеждался, есть своя радость.

Интересно, что Борис Докторов долго работал в секьюрити, пока (а точнее — параллельно) не начал писать историю новейшей российской социологии и американского Public Opinion Research «в лицах»: уже четвертую книгу пишет. Не далее как в феврале получил почетную российскую премию «Серебряный лучник» за книгу «Реклама и опросы общественного мнения в США»¹¹⁹.

¹¹⁹ См.: Борис Докторов получил премию «Серебряный лучник» за свою книгу «Реклама и опросы общественного мнения в США» / Полит.ру. 30 января 2009 г.— <http://www.polit.ru/>

Ты чуть удивил меня с проблемой компьютера на службе. А ноутбуки на что? Или запрещено?

Короче, Ты — свободный человек, да еще в стране, которая все же посвободнее нашей. А для человека твоего типа — даже простое ведение дневника может стать высочайшей творческой отдачей. Впрочем, Ты это все не хуже меня знаешь, и наверняка испытал на себе. <...> 18.02.2009 .

М. Левин — А. Алексееву

<...> Твой отклик на мои дела мы скорее всего обсудим при встрече. Не удержусь только от одного замечания. Россия — страна недоразвитой пока демократии, в отличие от USA. Но по моим ощущениям свободы в сегодняшней России больше, чем в Америке. Может потому, что в Америке больше порядка, слишком много.

Меня заинтриговало твое упоминание о пути Докторова в Америке, поразительно.

А что у Тебя? Чем Ты занимаешься, у меня есть представление. Но деинституализация, как я когда-то, по расставании с университетом, назвал свое собственное положение, создает известные проблемы. Как с ними? Или Ты как-то устроился? Нескромные вопросы, извини, но они меня на самом деле беспокоят.

Удачи с книгой! <...> 8.03.2009.

Переписка, понятно, продолжается. Но задачу презентации своего коллеги и друга в этой книге я, кажется, уже решил.

В апреле 2009 г. мы встретились. М. Л. ненадолго приезжал в Россию. (А. А.)

6.2.13. «Аспид» (отрывок)¹²⁰

...Кликуха Аспид, которую гэбэшные душеведы, не привыкшие к такому поведению поднадзорных, дали когда-то Андрею, помимо неожиданного полицейского изыщества интересна как бы жалобой на горькую свою долю. Она взывает о сострадании к ним, следователям. Этот буквоед измучил их бесстрастным и занудным серьезом, с которым относился к нормам УПК РСФСР. Парень явно не понимал шуток, не мог взять в толк, что разные там нормы права пишутся белым по красному для лохов, по торжественным дням несущих транспаранты мимо мавзолея и прочих сакральных возвышенностей. А здесь, на Литейном, 4, люди не шутки шутят, а работу работают — в соответствии с «руководительными взглядами» (К. Прутков) обитателей возвышенностей, а не красно-белыми тряпочками.

---

science/2009/01/30/doktorov.html. Тексты Б. З. Докторова в настоящей книге см.: разделы 1.2, 4.3, 6.2.7, 8.1.a, 8.1.d, 8.2, 8.4.1.

¹²⁰ Автор этого отрывка — Анри Кетегат. Прислано мне в апреле 2007 г. (Примечание А. Алексеева).

Впрочем, так ли уж ошибся Леша? (*Выше речь шла о моем соседе по палате, который видел тебя и Арлена, когда вы навестили меня в больнице. После вашего ухода он спросил: «Они кто — артисты?». — А. К.*). Скорее устами этого младенца высказалась истина, ускользнувшая от душеведов специального назначения. Андрей играл с ними в игру «закон и порядок», выдавливал на поле, размеченное демагогическими тряпочками, и были в этой игре свой артистизм и свое мрачноватое веселье. <...>

А. Кетегат

6.2.14. Тяготение, которое не тяготит. В. А. Ядову — 80 лет¹²¹

Если для младших поколений российских социологов Владимир Александрович Ядов все же «далекая звезда» — хоть можно и книги почитать, и лекции послушать — кому бы молодому такая активность! — то для старших и средних поколений он слишком значим профессионально и по-человечески, чтобы не оставаться постоянно в поле его притяжения. Замечательно, что это «тяготение» не тяготит, и как бы даже не ощущается. Просто невозможно себя представить «вне» этого поля.

Далеко не безупречный и не репрезентативный онлайн-опрос «Демоскоп-Weekly» середины прошлого года, тем не менее, не мог не отобразить ядовское первенство в популярности среди коллег, ближних и дальних¹²². Ядов — харизматический лидер, каковым стал очень рано и остается на протяжении многих десятилетий, независимо от возраста, чинов и званий.

Я ограничусь здесь одним документированным эпизодом, вроде не таким уж и существенным, однако показательным.

В 1979 г. Ядову, самому известному из советских социологов, только что прошедшему панель (повторное исследование) «Человека и его работы» и издавшему «Саморегуляцию и прогнозирование социального поведения личности», уже смещенному с поста заведующего отделом Института социально-экономических проблем АН СССР, но еще не изгнанному из него (чем этот институт, понятно, себя прославил), исполнилось «всего лишь» 50 лет. Обстановка в том институте была довольно напряженной, и надо было так составить юбилейный адрес, чтобы его, не задумываясь, подписали все — от лаборанта до директора.

Мы, сотрудники сектора социальных проблем личности и образа жизни,

¹²¹ Опубликовано в: Vivat, Ядов! М.: Новый хронограф, 2009, с. 154-156.

См. также: Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009, № 2. (Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1245225335170453file.pdf).

Настоящий материал представлен в Сети также на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/o-va-jadove/>.

¹²² См. Демоскоп-Weekly. Электронная версия журнала «Население и общество». № 335/336, 2-15 июня 2008 — <http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/vote01r.php>.

проявили чудеса изобретательности, чтобы облечь свои искренние чувства в достаточно казенные слова, за которыми эти чувства, однако, просвечивали. И сочинили:

«Удивительно молодой старейшина» (В. А. Ядову – 50 лет)

Дорогой Владимир Александрович!

В день Вашего 50-летия коллектив Института социально-экономических проблем АН СССР хочет выразить свою глубокую удовлетворенность и осознанную гордость тем, что Вы являетесь его членом. Ваш славный жизненный и трудовой путь представляется Вашим коллегам неотделимым от исканий и достижений современной советской социологии, своего рода олицетворением ее исторического пути. В Вашей научной деятельности счастливо сочетались первооткрывательство и развитие заложенных Вами научных направлений, будь то современная отечественная социология труда, социология личности, разработка методологических проблем социологических исследований. Общепризнанные успехи отечественной социологии за последние 20 лет во многом обусловлены Вашим вкладом. Воспитатель целой плеяды исследователей, ныне работающих во всех концах страны, Вы являетесь удивительно молодым старейшиной советских социологов, неиссякаемым «генератором идей» и «стимулятором открытий». Органическое сочетание научной и гражданской позиции, партийная принципиальность и человеческое обаяние, свойственные Вам, позволяют сегодня сказать, что коллеги и друзья видят в Вас подлинного Рыцаря советской социологической науки.

Желаем Вам, Владимир Александрович, новых открытий и творческих озарений, жизненных радостей и достижений в третьем 25-летию Вашей жизни!

25 апреля 1979 г »

Этот адрес интересен и тем, когда именно он был написан (1979), и тем, сколько лет было юбиляру (50). Такая получилась «точка пересечения биографии и истории» (пользуясь выражением Ч. Р. Миллса).

В 1999 г. Ядову исполнилось, понятно, 70. И текст этого самого адреса был произнесен и вручен ему (в ту пору уже 10 лет как директору головного социологического института страны) повторно. И ведь не устарело! Замечательна верность Ядова самому себе, тому, каким его видят окружающие, и тому месту, которое занято им в современной российской социологии, какие бы должности ни занимал.

И вот теперь — 80-летие. Почти все пожелания коллег и друзей, высказанные 30 лет назад, сбылись. Хотя было за эти десятилетия немало не только радостного, но и горького.

...А зачем я все это пишу? Только ли для того, чтобы еще раз поздравить с юбилейной датой Учителя, Коллегу и Друга, сыгравшего столь важную роль в моей жизни? Нет. Зная Ядова, я уверен, что тот старый адрес не висит у него на стене в рамке под стеклом. И вновь врученный ему 20 лет спустя — тот же самый, но уже без золотого тиснения на папке — тоже куда-нибудь заделался.

А тут — сборник или журнал, хоть на бумаге, хоть на сайте (...на папирусе, глиняных дощечках, в камне...), сохранит — и для него самого, и для всех его учеников, нынешних и будущих, — этот *скринт* ближайших коллег и друзей об «удивительно молодом старейшине» отечественной социологии. Каким он был, остался и никогда не перестанет быть.

В день 80-летия В. А. Ядова на Полит.ру появились несколько юбилейных текстов, к которым хочется адресовать читателя¹²³:

- Магун В. Ядов: человек и общество / Полит.ру. 25 апреля 2009 г.;
- Шляпентох В. Ядов берег честь смолоду / Полит.ру. 25 апреля 2009 г.;
- Докторов Б. Правофланговый, или советская социология начинается с буквы «Я» / Полит.ру. 25 апреля 2009 г.¹²⁴.
- Фирсов Б., О моем наставнике и друге // Социологический журнал, 2009, № 1.¹²⁵
- Черныш М.. Юбилейные размышления: профессору Ядову 80 лет / Полит.ру. 26 апреля 2009 г.¹²⁶
- В Институте социологии была представлена книга «Vivat, Ядов!» / Полит. Ру. 26 апреля 2009 г.¹²⁷.
- Юбилей В. А. Ядова // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований, 2009, № 2¹²⁸.
- Н. В. Ядов: «Хочется жить в нормальной либеральной стране» // Там же.
- Как возникла социология в СССР. Беседа Л. Борусяк с В. Ядовым / Беседа Л. Борусяк с В. Ядовым. 17 июня 2009 г.¹²⁹.

Но, разумеется, главным подарком коллег В. А. Ядова к его 80-летию было издание книги «Vivat, Ядов!» (М.: Новый хронограф, 2009)¹³⁰.

...Юбилей профессора Ядова – это хороший повод, чтобы поговорить о достижениях и потерях российской социологии в последние, советские и постсоветские, годы. Так сложилась биография этого человека, что в ней советская и российская социологии безболезненно соединились в логичное повествование, непротиворечивое в личностном, персонифицированном смысле.

М. Черныш¹³¹

...Будьте и дальше востребованы и свободны, дорогой Владимир Александрович!

В. Магун¹³²

А. Алексеев – <...>

<...> Вчера в питерском кафе на Гагаринской улице отмечался ядовский

¹²³ См. <http://www.polit.ru/science/2009/04/25/yadov80.html>.

¹²⁴ См. ниже: раздел 6.14.а.

¹²⁵ См. <http://www.polit.ru/science/2009/04/25/yadov80.html>.

¹²⁶ См. ниже: раздел 6.14.а.

¹²⁷ Электронная версия – http://www.isras.ru/files/File/Publication/14_Firsov.pdf.

¹²⁸ См. <http://www.polit.ru/science/2009/04/26/chernysh.html>.

¹²⁹ См. http://www.polit.ru/science/2009/04/26/vivat_yadov.popup.html.

¹³⁰ См. там: тексты А. Здравомыслова, И. Кона, А. Алексеева, Б. Фирсова, В. Шляпентоха, Г. Саганенко, С. Чеснокова, В. Магуна. Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1245225335170453file.pdf.

¹³¹ См. http://www.polit.ru/analytics/2009/06/17/videon_yadov_lb.html.

¹³² См. http://www.polit.ru/analytics/2009/06/17/videon_yadov_lb.html.

юбилей. Были родные, друзья и ученики разных поколений, включая «внуков». Однако и некоторые не органичные в этом кругу лица объявились, что портило песню. К сожалению, некоторые, высказываясь на тему «Ядов в моей жизни», отдавали предпочтение последней.

А сам Ядов, комментировал каждое высказывание — когда панегириком выступающему, а когда и колкостью. «Самый молодой старейшина...», как сказано было о нем еще 30 лет назад. В минуту высокой доверительности В. А. сравнил себя с теми, кого уже нет. Считает, что с прижизненным признанием ему повезло. <...> 2.05.2009.

Приложение 1

В. Ядов, Г. Марчук, Б. Фирсов
(из воспоминаний Б. Фирсова)¹³³

<...> Избавление социологов от реальных и потенциальных несправедливостей, от многолетнего бесправия произошло лишь в 1988 году, когда Политбюро ЦК КПСС приняло запоздалое постановление «О дальнейшем повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении ключевых проблем советского общества». В итоге Институт конкретных социальных исследований АН СССР возглавил профессиональный социолог — Владимир Ядов и в соответствии с упомянутым решением ЦК создал на его основе Институт социологии. Свидетельствую, что каждый день новой директорской жизни нес на себе отпечатки его неукротимой творческой натуры. Поступки, которые он совершал, мысли, которые он выражал, для нас, людей из его окружения, были признаками его многообразных талантов, а для него, прежде всего, отстаиванием своих взглядов, как своего собственного «Я». В этом — весь Ядов.

Когда его утверждали директором Института социологии АН СССР на заседании Президиума Академии наук, тогдашний ее президент академик Г. Марчук задал ему ритуальный вопрос. В советских «верхах» действовало одно ритуальное правило: если какого-то человека наделяли доверием и назначали руководителем крупного учреждения в надежде на то, что он что-то изменит, исправит к лучшему, то считалось обязательным спросить выдвиженца: «Утверждая вас в высокой должности, мы хотели бы спросить, чем можно облегчить первые шаги в новом для вас, серьезном деле?». В эти моменты руководящий орган на мгновения превращался в богиню благотворительности. У «золотой рыбки» просили автомашины, вычислительную технику, зарплату. А тут Ядов возьми да скажи: «Прошу создать филиал Института социологии в Ленинграде. 55 моих коллег по профессии томятся в неволе у экономистов из Института социально-экономических проблем АН СССР». Г. Марчук отреагировал мгновенно: «Ну, что ж, пожалуй, в этом есть смысл. Давайте создадим филиал!». Как правило, только на обсуждение идеи быть или не быть новому учреждению уходили месяцы согласований, а тут рождение филиала произошло на глазах!

¹³³ Фирсов Б. М. О моем наставнике и друге / Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею. М.: Новый хронограф, 2009. с. 125-126. Этот же текст см. в: Социологический журнал, 2009, № 1. (Электронная версия – http://www.isras.ru/files/File/Publication/14_Firsov.pdf).

И это в то время, когда страна продолжала оставаться в одном отношении неизменной, по-прежнему на все надо было получать разрешение партийных инстанций. Марчук поддался ядовской искренности. Такое случалось редко.

На каком-то витке создания филиала возник вопрос, кто возглавит новую академическую организацию? А это тоже было прерогативой партийных органов. Ядов, теперь уже директор головного академического института, поехал договариваться по этому поводу в Ленинградский обком КПСС. Он сказал без обиняков: «У меня нет никаких других кандидатур на пост директора-организатора филиала, кроме Фирсова». На что его собеседник, один из секретарей обкома партии возразил: «Как так Фирсова? Он же опальный! Он еще ходит со строгим партийным выговором, да еще с предупреждением. Как он может быть назначенным на пост директора филиала, если взыскание не снято?». Понимая, что наступили времена, когда можно было свободно разговаривать и даже возражать в стенах, где еще недавно возражения не допускались, Ядов ответил: «А сейчас время опальных!». Подумав над этими необычными словами, его собеседник произнес: «Да, вы правы. Пусть директором будет Фирсов». «Опальный» — это еще оттуда, из советского прошлого, а вот «время опальных» — это уже отсюда, из перестроечной атмосферы, императивы которой Ядов быстрее многих усвоил и встроил в структуру своего повседневного бытия. <...>

Приложение 2

В. Ядов, Б. Максимов, А. Алексеев
(из воспоминаний Б. Максимова)¹³⁴

<...> Я думаю, в русле положительной установки на активное вторжение социологии в жизнь В. А. Ядов благословил и «наблюдающее участие», работу на заводе (Ленполиграфмаше) сотрудника своего сектора А. Н. Алексеева <...>. Без помощи, поддержки В. А. такой эксперимент вряд ли был бы возможен. <...> Репрессии против Алексеева в дальнейшем коснулись и Ядова, когда самого его стали выживать и из ИСЭПа (и из социологии). <...> Но учитель не бросил своего ученика¹³⁵.

История как бы повторилась. (Алексеева) вторично выбросили, теперь уже из академической науки. И снова Ядов заступился за него. Вот только исход дела в сегодняшней, уже демократической стране, иной. Тогда Алексеева и Ядова восстановила перестройка; на что рассчитывать теперь?!¹³⁶

¹³⁴ Максимов Б. И. В. А. мне как крестный отец / Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею. М.: Новый хронограф, 2009, с. 443-444.

¹³⁵ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тома 2 и 3, СПб.: Норма, 2003-2005.

¹³⁶ В подстрочном примечании к этому фрагменту своей статьи Б. Максимов приводит краткую фактическую справку и сетевую ссылку на описание современных «событий в СИ РАН» (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/si_ran.html). Существенным здесь являются как указание на один из бесчисленных примеров ядовской общественной и товарищеской отзывчивости, так и собственная гражданская позиция автора цитируемого текста, ныне работающего в СИ РАН.

6.2.15. И еще о Ядове

Полит.ру
25.05.2009¹³⁷

Борис Докторов

Советская социология начинается с буквы «Я»

25 апреля 2009 года исполняется 80 лет Владимиру Александровичу Ядову, доктору философских наук, профессору, одному из зачинателей современного этапа российской социологии, аналитику, стоящему у истоков ряда направлений отечественной науки, автору книг, давно признанных классикой советской социологии, учителю значительной части работающих в стране социологов, создателю ленинградской социологической школы, человеку, много лет возглавлявшему головной академический социологический институт в Москве, одному из лидеров профессионального сообщества российских социологов и ученому, во многом определившему отношение международной общественности к российской социальной науке, редактору регулярных социологических изданий и многих книг, члену различных экспертных советов и многое другое.

Уверен, что творчество Ядова станет предметом целенаправленного анализа теоретиков социологии, специалистов в области прикладных исследований, историков и методологов науки, культурологов. Ядов — это не только ученый и учитель, это — личность, которой присущи черты русской интеллигенции и в которой неистребим дух шестидесятничества.

Эти краткие заметки о сделанном и прожитом Ядовым базируются не только на моем многолетнем опыте дружеского общения с ним, но и на рассказанном им о себе в серии наших продолжительных электронных бесед, состоявшихся в последние годы.

1.

В начале весны 1968 года при мне известный ленинградский психолог Евгений Сергеевич Кузьмин (1923–1993) сказал: «Советская социология начинается с буквы «Я»». И по тому, как это было произнесено, я теперь могу утверждать, что то была не спонтанно родившаяся фраза, а итог рассуждений ученого, знавшего логику и процесс развития в СССР смежной с социологией науки — социальной психологии.

Тогда я понял только то, что буква «я» — не местоимение, и несколько позже осознал, что утверждение Кузьмина относилось к Владимиру Александровичу Ядову, фамилия и лицо которого незадолго до того момента нашли друг друга в моем сознании. В 1966–67 годах я не раз слышал от ленинградских психологов фамилию Ядов и многократно видел в НИИ комплексных социальных исследований стоящего в коридоре у слегка приоткрытых в комнату дверей курящего человека с продолговатым лицом, немного напоминающим молодого Бориса Пастернака. Наверное, я у кого-то спросил об этом человеке, столь необычным образом участвующим в семинарах, проходивших в комнате за дверями. Мне сказали, что это руководитель социологической лаборатории Ядов. Познакомились мы в 1968 году, четыре десятилетия назад.

Отчужденные Кузьминым слова уже давно перестали восприниматься мною как метафора, они — правда, и я пытаюсь разгадать, как это он, всего пятью годами

¹³⁷ См. <http://www.polit.ru/science/2009/04/25/yadov80.html>.

старше Ядова, смог столь емко и точно определить место и роль Ядова в постхрущевской российской социологии. Тогда Ядову не было и сорока лет и невозможно было сказать, что будет им сделано в следующие годы. Вывод один: как ученый, изучавший механизмы зарождения науки, Кузьмин понимал, что сделанное Ядовым уже к тому времени — фундаментально, навсегда; как социальный психолог он мог оценить редкостный тип личности Ядова, увидеть его харизму и обнаружить в нем уникального лидера; наконец, как человек цельный, переживший раскулачивание и в 18 лет ставший на фронте инвалидом, он распознал сильный гражданский потенциал Ядова.

2.

После окончания философского факультета ЛГУ Ядова рекомендовали в аспирантуру, но сразу приступить к обучению не получилось. В 1952 году его исключили из партии, обвинив в том, что он при вступлении в КПСС «не написал правду», скрыл, что его отец в 1928 г. состоял в зиновьевской оппозиции. На парткомиссии он объяснял, что отец никогда ему об этом не рассказывал, а когда на втором курсе он вступал в партию, его отец был не только давно восстановлен в партии, но преподавал в вузе историю КПСС. Этого никто не слушал: с интервалом в десять минут их с отцом из партии исключили. Об аспирантуре можно было забыть, и он пошел работать на завод, став учеником слесаря-лекальщика. Вскоре цеховая парторганизация поручила ему вести политзанятия и... предложила вступить кандидатом в КПСС. Биографию его они знали. По воспоминаниям Ядова, он тогда *«был совершенным хунвейбином и с радостью подал заявление»*. Пока дела шли по инстанциям, умер Сталин. И все завершилось как в кино: вместе с отцом его исключали, вместе в один день их восстановили в партии. После этого путь в аспирантуру был открыт.

Этот эпизод в жизни Ядова оказался крайне ценным, в частности, случившееся повлияло на определение тематики его первых серьезных социологических исследований.

3.

Я не стремлюсь к охвату всего, сделанного Ядовым к концу 1960-х, но отмечу три достижения, кажущиеся мне важнейшими и во многом определившими направление и дух развития нашей науки.

Начну с того, что им и его коллегой и единомышленником, ныне — известным российским социологом Андреем Григорьевичем Здравомысловым — было проведено крупное социологическое исследование отношения рабочих к труду и издана книга «Человек и его работа» (1967 г.), сразу признанная классикой, переведенной на многие языки и переизданной почти через сорок лет. Исследование показало, что труд — в отличие от заверений партийных идеологов — не превращался в первую жизненную потребность. После одного ядовского доклада член ЦК КПСС академик Митин сказал: *«Цифры — это хорошо. Но нам нужны правильные цифры, которые подтверждают нашу теорию!»*. А этого не было. Книга дала мощный импульс социологическому изучению труда и стимулировала возникновение в стране сети заводских социологических лабораторий.

В 1968 году, по словам Ядова, *«родилась в Тарту серенькая, в мягкой обложке»* книга «Методология и процедуры социологических исследований». Несколько лет назад Ядов рассказывал мне:

«Живу в маленькой гостинице «Park», на втором этаже, спускаюсь к завтраку, хозяйка приносит именно мой завтрак и к тому же спрашивает: «Когда Вам принести кофе в номер?» Полный отпад... Утром читаю лекцию, к полудню слушаю аудиозапись, к ночи – текст раздела учебника».

Советской социологии редкостно повезло в том, что первый учебник делался на основе лекций, читавшихся в Эстонии. Там не было столь жесткого идеологического пресса, как в русских регионах Союза.

С Эстонией связано еще одно, к сожалению, стремительно уходящее в неизвестность событие, которого не было бы без Ядова. Имеются в виду семинары на хуторе в Кяэрику, состоявшиеся в 1967-1969 годах, на них участники говорили то, что думали, а думали как шестидесятники. Невозможно сегодня рассматривать историю российских социологических исследований общественного мнения и массовой информации, более широко – культуры, не обращаясь к материалам тех самых либеральных социологических форумов.

4.

Вот история из жизни Ядова, относящаяся к периоду изучения отношения рабочих к труду и хорошо иллюстрирующая, как в 60-х советские социологи осваивали международный опыт. В ней фигурирует известный американский ученый Фредерик Херцберг (1923–2000)¹³⁸ – исследователь динамики удовлетворенности работой американцев. Его книги стали известны Ядову и его коллегам, и они отправили ему письмо «на деревню дедушке» с предложением о сотрудничестве. Через некоторое время Херцберг приехал в Ленинград и согласился провести общенациональный опрос молодых американских рабочих по методике ленинградских социологов без единой поправки. Он выполнил свое обещание... но переслать сырые данные не мог, цензура не пропускала рулоны с цифирью.

Так сложилось, что вскоре Ядов отправился на конференцию в Вену, там к нему подошел какой-то человек и сказал: «Я привез пакет от профессора Херцберга». Возвращается Ядов в Ленинград, а на перроне его уже ждет человек из «органов» и говорит: «У вас пакет из Вены. Прошу мне отдать». Ядов: «Ну, *слушайте, надо ворошить чемодан, давайте завтра утром*». Соглашается. Звонит Ядов сотрудникам, и они всю ночь переписывают статистику с тех рулонов. Все не успели переписать, а «бондыга» явился поутру, и забрал материалы.

Так, в дальнейших публикациях анализ материалов опроса Херцберга был неполным.

5.

Среди университетских преподавателей Ядова, с которыми он продолжал общаться, уже став самостоятельным ученым, были два выдающихся психолога Борис Герасимович Ананьев (1907–1972) и Владимир Николаевич Мясищев (1893–1973). В процессе интервью Ядов вспоминал об одной беседе с Ананьевым, в те годы развивавшем междисциплинарный подход к человеку и личности. Однажды он говорил об индивидуальной неповторимости личности и формуле Маркса «личность есть ансамбль всех социальных отношений». Ядов через многие годы счел важным отметить: «...Маркса он знал, видимо, в оригинале, потому что в русских переводах «всех» было изъято, а вместо «ансамбль» писали – «совокупность». Общение с Ананьевым

¹³⁸ О Ф. Херцберге см. на англоязычной «Википедии»: <http://en.wikipedia.org/>. Точный адрес – http://en.wikipedia.org/wiki/Frederick_Herzberg.

подтолкнуло Ядова к исследованию проблем личности. Мясищев был не только теоретиком, но и опытейшим психотерапевтом, в свое время — ярким сторонником коллективной рефлексологии Бехтерева. Умирал Мясищев как подлинный ученый, диكتовал свои ощущения до последнего вздоха.

Ядов известен не только как социолог, им внесен ценный вклад в развитие социальной психологии и психологии личности, речь идет о созданной им в 70-х годах диспозиционной теории, упорядочивающей установки личности в некую иерархию. Высший уровень — ценностные ориентации, низший — ситуативные установки. Соответственно, высшие уровни регулируют поведение в долговременной перспективе и в какой-то мере контролируют низшие установки, отвечающие за поведенческие акты в конкретных ситуациях. Ядов указывает, что междисциплинарный (сегодня можно сказать — полипарадигмальный) подход Ананьева к познанию человека и теория социальных отношений личности Мясищева имели огромное влияние на разработку диспозиционной концепции. Так случилось, что Ядов не смог продолжить начатые исследования, и сегодня, насколько мне известно, никто не развивает сделанное им и группой его коллег в 70-х годах. Вместе с тем думается, что и социологи, и психологи через какое-то время обратятся к тем построениям и найдут возможность не только для размещения сделанного четыре десятилетия назад в контексте современных теорий личности, но и для углубления найденных тогда выводов.

А сейчас приведу фрагменты рассказа Ядова о том, как «изобреталась» диспозиционная теория.

«...Я очень интересовался «эффектом ЛаПьера», суть которого в том, что аттитуды не согласуются с реальным поведением человека. Но мы-то фиксируем именно социальные установки вроде нынешних опросов: «За кого будете голосовать?». Респондент отвечает, но что из этого следует? На моем «чердаке» среди прочего валялась теория систем (Берталанфи и др.), и вдруг озарило: а не являются ли поведенческие намерения одним из элементов иерархической структуры чего-то. Позже пришел в голову термин «диспозиции личности», то есть метафора из воинской терминологии (стратегия, тактики...).

Метафора, уверяют психологи, — пусковой механизм идеи. Со своего «чердака» я спустился в реальную квартиру заполночь и разбудил Люку [БД: жена Ядова — Людмила Николаевна Лесохина (1928–1992)]. Ты знаешь, она социо-педагог. Люка говорит: это же открытие! Для начала я прикончил оставшийся коньяк, а утром позвонил Леше Семенову, моему молодому сотруднику, психологу по базовому образованию. Лешка немедленно приехал и тоже восхитился. Начали думать вместе. <...> Очень заметный вклад внес Володя Магун [БД: Владимир Самуилович Магун — психолог и социолог]¹³⁹, он — неповторим. <...> Часами спорим с Володей. Он — кремень. Мне надоедает, и соглашаюсь с его аргументами. Звонит, мерзавец, и спрашивает: «В. А., почему вы со мной согласились? Я считаю, надо еще поговорить»...».

6.

К концу 60-х годов Ядовым были заложены основы ряда направлений в развитии советской социологии, и многие задумывавшиеся о профессиональной работе в этой сфере впервые получили возможность реализовать свой замысел, используя его учебник. Период, начинающийся в 70-х и доходящий до наших дней, оказался в жизни Ядова богатым на дела и достижения. Не занимаясь перечислением, укажу лишь направления сделанного Ядовым. В значительной мере благодаря ему, в

¹³⁹ О В. С. Магуне см., например: Н. Демина. Велик и Магун. / Полит.ру. 7 декабря 2007 г. (<http://www.polit.ru/science/2007/12/07/magun.html>).

сложные постперестроечные годы был удержан от развала головной академический институт в Москве и создан ленинградский филиал этого института, открылось множество социологических факультетов и кафедр, начала разрабатываться методология изучения трансформирующейся социальной среды.

Несколько лет назад я спрашивал Ядова о том, сколько человек под его руководством защитили кандидатские диссертации. Цифры не помню, но или около ста, или более ста. Ядов – суперзвезда многих формальных и неформальных сетей общения российских социологов. Признание отечественной социологии на Западе в значительной степени базируется на высоком международном авторитете Ядова. Его интерес к новому неисчерпаем, и при этом он не выпускает из поля зрения те области, направления развития социологии, которые он когда-либо разрабатывал. Отсюда – его феерическая компетентность и огромное влияние на ключевые аспекты жизни всего российского сообщества социологов.

7.

Ядов родился в 1929 году, через 12 лет после Октябрьской революции, и – так получается – через каждые двенадцать лет в истории страны происходили крутые переломы, формировавшие и его жизненную траекторию. Когда ему было 12 лет, началась война; в 1953 году – умер Сталин. В 1964–65 годах началась эра Брежнева, через 12 лет перешедшая в период, иногда называемый «культом, без личности». 1989 год – «пик» перестройки, первые свободные выборы народных депутатов СССР. Наконец, 2001 год – возводятся строительные леса для построения вертикали власти и конструирования суверенной демократии.

Это – вехи, размечающие жизнь всех родившихся в конце 20-х и доживших до нашего времени. А вот «частности» из жизни Ядова; это ответ на мое замечание: «Да, твоё поколение сильное, оно многое видело и перечувствовало...».

«...Нам очень повезло. Столько исторических событий за 70 лет! Голод на Украине связан у меня с няней Грушей, которую папа подобрал возле булочной, где она нищенствовала. Ей было лет 16, расписывалась крестиком. Так и оставалась безграмотной. <...> После войны получила комнату этажом выше. С ее комнатой связано интересное событие. Позвонил из Москвы Рой Медведев [БД: Рой Александрович Медведев, писатель, политик, правозащитник] – мы дружны со студенчества – и попросил устроить на проживание одного выпущенного из лагеря, а кого – не сказал. В Грунину комнату и поселили. Она говорила, что человек странный: никуда не выходит, сидит за пишущей машинкой, питается хлебом и молоком, что она приносит. Уже теперь Рой сказал, что это был Солженицын.

К июню 1941-го я окончил четвертый класс. <...> В середине июля школу эвакуировали в сторону Луги, то есть именно туда, где немцы прорвались к городу. Нас сажают в автобусы, едем на железнодорожную станцию. Вдруг немецкий патруль – десантники. Ребята орут: «Фашисты, убийцы!» Мы только что узнали о Зое Космодемьянской. Учительница приказывает ложиться, а мы из окон кричим. Немецкие солдаты пропускают автобус, и дальше видим наши разбитые танки по обеим сторонам дороги, а на станции все горит.

Я сам занялся социологией труда во многом потому, что в период исключенности из партии работал слесарем-лекальщиком. Но все же я думаю, что именно война заметно повлияла на социологов «первого призыва». Сужу по себе. После восьмого класса я поступил в летную спецшколу, откуда ушел как непригодный к полетам из-за чего-то там в вестибулярном аппарате. А еще испанская война, мальчишки росли будущими солдатами в боях за справедливое дело. Думаю, что одним из импульсов в сторону новой науки было подсознательное чувство ответственности перед павшими:

нельзя укрываться в окопе, когда можно что-то сделать и потому, «ребята, пошли в атаку на махровых налетчиков!».

Расскажу о самой защите [БД: докторской диссертации], это было в 1967 году. На нашем философском этаже места для желающих присутствовать не достало. Спустились в Большую (амфитеатром) аудиторию истфака. Я в заключение благодарю тех, кому обязан помощью, и в их числе Хильду Химмельвайт из Лондонской школы экономики и политики. Жуткий скандал. Члены Совета выступают и говорят то-то и то-то. Мы с Люкой и товарищами по лаборатории переживаем в ожидании итогов голосования. Большинство «за». Здорово помогла Галина Андреева [БД: профессор Галина Михайловна Андреева], мой оппонент. Она объясняла Совету, что Химмельвайт – крупнейший социопсихолог, экспериментатор и прочее. Так что «вымывала» из сознания голосующих ассоциации с какой-либо идеологией.

При подготовке книги «Человек и его работа» издательство «Мысль» запросило официальную рецензию у Коли Лапина [БД: профессор Николай Иванович Лапин]. Коля ничего нам об этом не говорил и рассказал, какова была обстановка, лишь после недавней публикации вместе «Человек и его работа в СССР и после». Здесь мы восстановили главу о советских и американских рабочих с пояснением, что цензура ее изъятия в первом издании. Коля, получив подаренную нами книгу, звонит по телефону и говорит: «Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась принять работу только потому, что был подзаголовок «Социологическое исследование»? Я, обормоты, вас спас, предложите убрать пятую главу».

Шота Надирашвили [БД: директор института психологии им. Д. Уznaдзе], которого я полагаю своим другом, говорил: «Установка – это личность». Однажды мы с Верой Водзинской [БД: социолог Вера Васильевна Водзинская, умерла около двадцати лет назад] участвовали в конференции в Тбилиси. Надирашвили не имел к ней отношения. Мы решили его навестить и приехали неожиданно. В доме не было ничего, чем не стыдно накормить гостя. Через полчаса был накрыт роскошный стол: соседи все обеспечили. За столом семья и двое-трое друзей хозяина. В ходе разговора я спрашиваю: Шота, что все-таки есть ганцхоба (по-грузински установка личности – «ганцхоба»), какие пропорции бессознательного и осознанного? Хозяин говорит (вообрази грузинский акцент): «Мэри, принеси еще вина». Приносит: «Теперь, Володя, сделай из этой бумажки воронку и заткни пальцем внизу. Друзья, отлейте из ваших бокалов немножечко нашему дорогому гостю. Отними палец и выпей. Можешь сказать, какие пропорции в этом восхитительном напитке? И я не могу сказать. Ганцхоба – это ганцхоба».

Путч Янаева и других «героев», как многие их именуют нынче, застал нас на эстонском хуторе. Люка отговаривает ехать в Москву, говорит, что эта революция уже «не наша». <...> Я звоню в институт, чтобы использовали типографию для размножения листовок. Тем временем к Таллину подходит танковая колонна из Ленинграда. Прибежал сосед Энн Вахемаа и предлагает спрятать нас у него на чердаке. Говорит: «Чердак большой, лес рядом». Танки командующий Ленокругом повернул назад, народ бросал цветы танкистам. <...> Нынешние суждения о путчах представляются мне кощунственными. Вижу на телеэкране эстонского ТВ танки. Если бы они одолели, мы имели бы войну с тремя балтийскими государствами, страшнее Чечни, и не исключено – с введением миротворцев ЕС. Узники Бутырки не должны сидеть в Думе.

В общем, жизнь моего поколения перенасыщена историей отечества. Не говорю уж о том, что не мог себе вообразить, что доживу до нового тысячелетия. Я пережил не только Люку, но по возрасту и обоих родителей. Поэтому вполне справедливой полагаю встречу с ними в загробном царстве, в каковое, увы, не верю. Да и тоскливо должно быть современному человеку в раю: созерцать Господа и наслаждаться красотами Эдема. Это рабы мечтали об освобождении от непосильного труда. Игорь Кон [БД: профессор Игорь Семенович Кон] сказал однажды: почему бы не изучать образ смерти, не только образ жизни? Он прав. Образ смерти столь же важен для понимания культуры и человека, как и образ жизни.

Я причисляю себя к российским патриотам прозападной ориентации, то есть приверженцам либерализма, демократии (социал-демократии в политических терминах), и потому надо сделать поправку на неизбежную предвзятость моих рассуждений. Вполне допускаю, что приобщение многих социологов к православию искренне, хотя по своему советскому воспитанию понять это не способен. Я извлек из своего университетского образования, что религия и наука – поляры, а из работ классиков социологии выучил, что это особый социальный институт, играющий важную роль в стабилизации социокультурной системы. Раскол в среде отечественных социологов вполне объясним постсоветской ситуацией в обществе, утратившем ценностные ориентиры, но, думаю, что наша профессиональная и гражданская миссия состоит в том, чтобы оставаться в пределах взаимоуважительной полемики-дискурса, участники которого артикулируют свою позицию, но не стремятся навязать ее оппоненту.

Личность Ядова, его гражданские идеалы наиболее активно формировались во время политической оттепели. Он оказался внутренне готовым к тому, чтобы стать шестидесятником, и стал им. В годы застоя власть крепко испытывала прочность его идеалов: редко – пряниками и обильно – кнутом, но ничего не получилось. Он остался самим собою. Шестидесятнический потенциал Ядова был востребован в начале перестройки, он был назначен директором Института социологии РАН в Москве. В 2000 году он оставил этот пост, но и в самые последние годы Ядов страстно защищает российскую социологию от попыток внести в нее «особые» идеологемы и развить ее вне контекста мейнстрима.

8.

В годы перестройки и ослабления идеологического пресса отношение к марксизму как философской базе всех социальных наук в СССР, в том числе – социологии, стало меняться. Безусловно, оставались те, кто не хотел или не мог взглянуть более широко на марксизм и остался на позициях истмата. Многие из тех, кто прежде называл себя научными коммунистами, кто работал в идеологических отделах КПСС и ВЛКСМ, быстро «переквалифицировались» в социологов и политологов и при этом мгновенно «открестились» от своей преданности марксизму-ленинизму. Ядов много раньше других заметил, что прежние дискуссии о предмете социологии, прежде всего, сводились к тому, в какой мере та или иная новая концепция противоречит марксистской философии, но они не допускали расширения собственно научной и мировоззренческой платформы советских исследователей общества. Он стал одним из тех серьезных ученых, кто начал искать новые теоретические основы российской социологии, отстаивая принципы полипарадигмальности. Если совсем кратко, то речь идет о построении системы взаимосвязанных теорий, идей, позволяющих создавать обоснованное и достоверное знание о социальном мире. Естественно, что полипарадигмальный подход базируется на использовании многих теорий, и марксизм – одно из величайших достижений социальной мысли, занимает в нем достойное место.

В один из моментов нашего разговора «за жизнь» я спросил Ядова, не чувствовали ли социологи первого поколения своей скованности в силу того, что им приходилось работать лишь в рамках марксизма. Ядов ответил: «определенно был марксистом и сегодня никоим образом этого не стыжусь, много пишу о полипарадигмальности современной социологической теории», в которой Маркс стоит рядом с Вебером. И пояснил, что он и группа его единомышленников были теми марксистами, которых позже назовут шестидесятниками. <...>

9.

Изучение творческой и личной биографии Ядова — кратчайший и эффективнейший путь к исследованию траектории пятидесятилетнего развития постхрущевской российской социологии. Через его жизнь можно проследить первые шаги советской социологии, осознание ею своей самостоятельности и начало борьбы пионеров науки за признание этой самостоятельности идеологическими и властными структурами СССР. Можно увидеть, как советские социологи овладевали правилами программирования теоретико-эмпирических исследований, новыми математическими методами и вычислительной техникой.

Оказывается возможным узнать, какие сложности приходилось преодолевать ученым, чтобы информировать общество о получаемых результатах, какой хитрый язык для этого приходилось использовать, как трудно было преодолеть внешнюю цензуру и как тяжело было побороть свои собственные страхи. Ядов — один из центральных элементов всей системы профессионального общения советских / российских социологов, и рассматривая коммуникационные цепочки, входящие в этот «центр» и выходящие из него, можно войти в творческие лаборатории многих ведущих социологов страны.

Ядов — не только ученый и гражданин. Наряду с этим существует Ядов как феномен профессионального общения. Он всегда в ожидании нового, в настрое на узнавание, причем он всегда щедр на советы и консультации тем, кого он давно знает и кто пришел к нему впервые. У него самоуважение много сделавшего свободного человека. Ему уникальным образом удается совместить глубочайшее погружение в проблемные области науки с откликом на текущие события жизни. Ядов — интеллектual, но в нем есть нечто от земных платоновских героев, понимающих мир нутром. С таким талантом можно лишь родиться. Но одновременно этот природный дар дополнен традициями шестидесятиничества и глубоко пропитан духом петербургско-ленинградской культуры.

*Приложение**Ядов на Полит.ру и не только*

— Три дня из жизни Ядова / Полит.ру. 4 мая 2006 г.¹⁴⁰

— Владимир Ядов: 2008 год станет «годом социологии» / Полит.ру. 31 декабря 2007 г.¹⁴¹

— Для чего нужна сегодня национальная русская социология? Статья Владимира Ядова / Полит.ру. 2 октября 2007 г.¹⁴²

— Современное состояние мировой социологии. Лекция Владимира Ядова / Полит.ру. 26 октября 2007 г.¹⁴³

— Европейский университет — один из немногих в стране, на опыте которого

¹⁴⁰ См. <http://www.polit.ru/science/2006/05/04/jadovsob.html>.

¹⁴¹ См. <http://www.polit.ru/news/2007/12/31/yadov.html>.

¹⁴² См. <http://www.polit.ru/lectures/2007/10/26/sociolog.html>. См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/yadov_sociology.html.

¹⁴³ См. <http://www.polit.ru/lectures/2007/10/26/sociolog.html>. См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/yadov_sociology.html.

следует учиться. Открытое письмо известного российского социолога Владимира Ядова / Полит.ру. 21 февраля 2008 г.¹⁴⁴

– Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений. Доклад Т. И. Заславской и В. А. Ядова на открытии III Социологического конгресса, 21 октября 2008 г. / Полит.ру. 29 октября 2008 г.¹⁴⁵

– В. А. Ядов: «Мы все – самоучки в социологии» / Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999¹⁴⁶.

– В. А. Ядов: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 3. С. 2-11; 2005, № 4. С. 2-10¹⁴⁷.

– Страница «Юбилей В. А. Ядова» на сайте Института социологии РАН¹⁴⁸.

– Ядов В. А. К вопросу о макро-микро дилемме в социологии // Социологический журнал, 2009, № 1, с. 149¹⁴⁹.

6.2.16. Николай Корнев: «Социолог. Но о микробах, по-прежнему любимых, неизменно вспоминаю...»

Коготок – увяз...

*(эссе о явлении синергетики в социальном пространстве)*¹⁵⁰

Этот странный по стилю текст был написан для сборника материалов VII Международной конференции «Нелинейный мир» (Языки науки – языки искусства. (Под ред. З. Е. Журавлевой). – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2004, с. 67-71). Он возник после чтения Г. Хакена (Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии), Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова (Основания синергетики), Синергетики и психологии (Вып.2. Социальные процессы) и еще нескольких книг. Ощущение, что социологи напрасно обходят вниманием «новенькую» среди наук, изучающих социальную жизнь, недавно возникло снова. Причина – «Естественно: Современные когнитивные концепции» О. Е. Баксанского с соавторами. Поэтому и рискую, предложив этот полусерьезный текст в «Телескоп».

¹⁴⁴ См. <http://www.polit.ru/dossie/2008/02/21/yadov.html>.

¹⁴⁵ См. <http://www.polit.ru/science/2008/10/29/soctransformations.html>.

¹⁴⁶ Электронная версия – на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/yadov_1999.html.

¹⁴⁷ Электронная версия – на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/yadov_2005.html. См. также на сайте журнала «Телескоп»: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/>.

¹⁴⁸ См. <http://www.isras.ru/>.

¹⁴⁹ Электронная версия – http://www.isras.ru/files/File/Publication/09_Yadov.pdf.

¹⁵⁰ Настоящий текст был опубликован в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2008, № 2. (Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1220973124122233file.pdf). Сверено с авторским оригиналом. См. также: Корнев Н. Р. Коготок – увяз // Экология и жизнь, 2006, № 1(50).

Когда я начинаю писать, всякий раз текст незаметно создает сильнейшую инерцию. И чем дальше погружаюсь в него, тем жестче он задает рамки для следующего движения — изложения мысли. Нелинейные «прыжки в сторону», естественные, когда думаешь, становятся все более неуместными, когда пишешь. По крайней мере, у меня — так. Попробую разрушить эту власть самоорганизации текста и не пропускать моменты, когда хочется задуматься о другом. В этом что-то есть.

Понимаю, что, говоря о себе и не скрывая своего «я», нарушаю одно из неписанных правил научных текстов, стремящихся к объективности и отстраненности. В науке изложение-утверждения-вопросы имеют, в основном, форму обезличенную. Иногда — «мы полагаем», и уж совсем редко — «я», «я», «я». Последнее просто неприлично. Но я сейчас пишу в стиле сугубо не научном.

***

В конце восьмидесятых случай привел меня, социально-наивного биолога с микробиологическим уклоном, на дискуссию в клуб, который назывался «Перестройка». Одного вечера оказалось достаточно, чтобы меня захватило и понесло. К жизни, бывшей до того, добавилась стихия *общественного движения*, полная сильных впечатлений. И рождаемых ими вопросов, находить ответы на которые не успевал, а лишь откладывал на потом, стараясь не забыть. Уже через год устал очень, но множество новых знакомств, обязательств внешних и внутренних тащили дальше, казалось, необратимо.

Коготок увяз — всей птичке пропасть.

«Потом» все же наступило, в 1990 году, когда волна общественного движения докатилась до первых выборов в местные советы и после повсеместной победы — угасла. Удержавшись, чтобы не закатиться туда же, я вернулся к прежней жизни «работа-дом». Но тут социологи, с которыми я познакомился в «Перестройке», предложили мне написать как бы мемуар. Мол, натура уходящая, и интересно, как все воспринималось изнутри стихии. Поскольку вопросов набралось и у меня, я взялся за не известное мне дело анализа социального явления. Только, сказали мне, не читай ничего социологического. Как видится и понимается — так и пиши. Потом социологию считаешь.

Результат вышел скверный. Пережевывая отложенные в памяти впечатления, я увидел, наконец, что наше общественное движение в значительной мере управлялось той самой властью, с которой бодалось. Это было болезненное открытие. Оно стало и основной темой текста, который я написал в вольной форме, со случаями-иллюстрациями к этому выводу.

Совершенно непрофессиональная работа неожиданно была с интересом встречена социологами: оказывается, объект что-то замечал, и объект может думать. Я ощутил гордость, наверное, сходную с чувством обезьяны после первой пресс-конференции на амслене. Последовало приглашение на социологический конгресс в Лос-Анджелес, затем на стажировку. Реакция на то, о чем я только догадывался, окончательно убедила: масштабные социальные проекты «на натуре» и, очевидно, социальные технологии — реальность.

***

Вот уже больше десяти лет я сам — социолог. Но о микробах, по-прежнему любимых, неизменно вспоминаю.

***

Как-то, разглядывая созданные социологами Чикагской школы схемы зональной структуры города, с концентрическими кругами и радиальными секторами, я узнал знакомое строение колоний мицелиальных грибов, где круги — явление обычное, а сектора возникают при плеоморфизме. Метафора — колония мицелиального гриба это трубчатый город, населенный ядрами — встречается еще у П. Грегори (1974), с городом же сравнивали колонии актиномицетов Л. Калакуцкий и Н. Агре (1977). Сходство, по-видимому, имеет глубинную природу и связано с динамикой зон роста и старения, с истощением ресурсов, с мутациями-инновациями, и т.п., и др.

А аналогия постоянного движения культуры в городском пространстве и вторичного метаболизма в микробной колонии на твердом субстрате? Скачки усложнения продукта (химического, интеллектуального), производимого из предшественников в накопителе-реакторе.

Наверняка, все это уже многократно смоделировано и обсчитано. И так, и сяк, и для таких исходных-граничных условий, и для эдаких. Для городов и микробных колоний. Моделям нет преград, на море и на суше.

***

Следующее открытие моего доморощенного анализа на ниве социологии было приятным. Я увидел замечательное сходство общественного движения с поведением гриба-миксомицета *Dictyostelium discoideum*¹⁵¹. Он как будто начался социологических работ с изложением теорий мобилизации ресурсов и политических возможностей. До того похоже, что, взглядываясь в фотографии его мигрирующей формы, сделанные при большом увеличении, невольно ишу в круглых лицах клеточек моих знакомых по временам перестройки и себя.

***

Пожалуй, первый раз бесконечность между мной и микробами вдруг сократилась до близости еще во время работы в микробиологии-биофизике. Как-то я считал соотношение живых и мертвых дрожжевых клеток в экспериментальной взвеси. Для этого, как обычно, добавлял примулин — люминесцентный краситель, окрашивающий живые клетки только снаружи, а мертвые, проницаемые для примулина, и внутри тоже. Поэтому в микроскопе (люминесцентном) мертвые дрожжи сияют солнцами, а живые слабо светят лишь поверхностью, как солнце во время полного затмения. Различать и считать легко. Интересно, что примулин все же, видимо, попадает и

¹⁵¹ Считаю себя не вправе лишить Вас (тех, кто еще не знает) удовольствия знакомства с историей жизни этого гриба в книге М. Зуссмана «Биология развития» (М.: Мир, 1977). (Примечание Н. Корнева)

внутри живых клеток, потому что в каждой живой можно разглядеть крошечную, светящуюся примулином частичку. Она суетится как бы в бессмысленном броуновском движении где-то в центральной части клетки, не снижая, впрочем, разрешающей способности метода. Все изменилось, когда я заметил, что при повторном подсчете в измерительной камере *тех же самых* клеток доля мертвых неизменно оказывается выше. В какой-то момент я вдруг увидел то, на что глядел при подсчете постоянно. В живой клетке, находящейся в фокусе микроскопа (и моего внимания-подсчета), движение внутренней светящейся точки ограничено небольшим объемом, вероятно, какой-то вакуоли. А ее движение — прямо на моих глазах — становится все медленнее и вот — совсем прекращается. Светящаяся частица словно оседает на невидимую мне стенку своей камеры-вакуольки. А еще через полминуты вся клетка наполняется сиянием примулина. Умерла. И это сделал я, всего лишь считая в лучах люминесценции, вызванной ультрафиолетом. Вакуолька с мешалкой — аналог моего сердца. Мой крошечный подопытный объект оказался гораздо более похож на меня, чем я подспудно полагал. Ну, знал, конечно, что у обоих есть ДНК, оба — эукариоты, оба рождены своими родителями, и смертны — оба. По-правде говоря, раньше не задумывался о степени нашего сходства. Если я не заметил подобия сердечка, то, может быть, еще что-то очень важное видел — и не сообразил? Как обычно, спасла меня от следующего шага к пониманию суета снаружи. Мой коллега, тоже засидевшийся допоздна, позвал пить чай.

И — проехало, ощущение убийства объекта-субъекта забылось.

***

Со-образил. Слово-то какое интересное. Как догадка, что понимание — сравнение, сопоставление образов по самым разным их качествам. В частности, по сценариям изменения. Моделирование при распознавании, моделирование при прогнозировании. Резонанс трафаретов, или трафарета и образа объекта — принцип действия мозга?

***

Я вспомнил о примулиновом тесте, когда медленно, но верно стало затухать мое собственное сердечко. Врач на прямой вопрос и ответил прямо — «его ресурс отработан». Вроде, для живого существа дело обычное и естественное. Но я почему-то почувствовал себя под чьим-то микроскопом и заметался, пытаясь выскочить из фокуса. Кто сказал, что мой последний аттрактор близок неотвратимо? Может, это всего лишь очередной тест на мою прочность, и надо постараться, выдохнуть. К счастью для меня, он действительно нашелся — в виде кардиостимулятора. Заполучив его и отдышавшись, с чувством глубокой признательности отвесил земной поклон Гальвани, Вольту, Лягушке, Скату, всем естествоиспытателям и их жертвам, кто принял участие в одолении моей ситуации, казавшейся еще каких-то полвека назад совершенно безнадежной. Как хорошо, что одни были так настойчиво любознательны, а другие — так безропотны и беззащитны. Электрокардиостимулятор — триумф решения по подобию.

***

Как принято в роду-племени перед лицом возникшей проблемы и трудно-го выбора? Аксакалы-старейшины садятся кружком (или в линеечку) и ну зудеть резонаторами опыта житейских ситуаций. «Вот был похожий случай...». Могут и молча. Понимание, что делать, наиболее убедительно, когда сходные резонаторы найдутся у двоих-троих. Эта схема совпадений надежна не меньше, чем в камере для обнаружения частиц. И уж никаких вопросов не остается, когда все старички-осцилляторы приходят к согласию, как в лазере. И наступает полная, абсолютная ясность. Увы, в реальности такое почти не встречается. Зато полная ясность, за которой следует простота решений, сплошь и рядом возникает в результате коллективизации разума. Говорят, это бывает в толпе. Наведенная ясность нередко случается и без толпы, например, в результате уверенного разъяснения эксперта. Или старшего по званию. Попробуй-ка не согласиться со старшим по званию (редкие локальные исключения не учитываем). Нет уж, лучше себя убедить, что он прав.

***

Потом, когда все пойдет не так, как «мы» хотели, и даже не так, как следовало из красивой математической модели, придется снова ломать голову над ее развитием и усовершенствованием, искать в граничных условиях источник зловердных уклонений реальности от плана. Здесь речь, конечно, о социальной реальности, самой неподатливой для всемогущего ума.

Вспоминать о собственных сомнениях, посещавших «до того как», лучше втихаря, поскольку старший по званию никуда не делся. И по-прежнему не любит умных задним числом, как, впрочем, и умных числом сегодняшним, но несогласных. Это — специфика социальных систем, где «измерительный прибор»-эксперт может стремиться не столько понимать объект, сколько «зачищать» его до состояния, желательного заказчику-субъекту.

Раздвоение личности политолога-социолога-психолога на социального технолога и исследователя-аналитика стало серьезной когнитивной проблемой. А, может, и проблемой цивилизационной. Когда управляемая социальная система отклоняется от намеченной проектом траектории, можно искать изъяны в исходной модели, а можно напрячь волю и энергичнее работать над непокорной реальностью. Найти в управляемой системе одну-другую критическую точку и вовремя туда ткнуть дозированным воздействием.

Вспомнилось движение афроамериканцев за гражданские права, Мартин Лютер Кинг

***

В состав комплектации изделия «Человек» входит система аварийной защиты «Мораль». Она должна срабатывать по сигналам от подсистемы управления, прогнозирующей последствия разных вариантов действий. Срабатывание защиты «Мораль» должно включать блок корректировки «Социальная политика». Если в схеме происходит сбой... Стоп.

Допрыгался. А ведь говорила мне сестрица Аленушка не читать без разбору любую книжку на дороге, более всего опасаясь инструктивно-технических. Не слушался.

Пауза на срочный курс аутопсихотерапии.

***

Недавно видел замечательный телевизионный сюжет об успехах российских ученых, работающих с мозгом человека и освоивших лечение от некоторых навязчивых состояний, фобий. С помощью энцефалограмм от нескольких десятков датчиков и компьютера, в мозге больного находят участок (чуть ли не клетку!), где рождается мучительное возбуждение — фобия. Тончайшей иглой, даже без наркоза (пациент во время операции обменивается репликами с врачами), проникают в мозг и разрушают то самое зловерное, болезненное место.

Корректировка фазового пространства психики человека. Фантастика! Как этот подход может развернуться в будущем! Ведь, признаюсь, и у меня бывают навязчивые состояния — иной раз засомневаюсь, засомневаюсь... Так ли? Туда ли? Знать бы, где центр, порождающий эти тягостные вопросы. Думаю, и меня в недалеком будущем вылечить смогут. Лишь не забыли бы спросить — разрешаю ли, и от чего — разрешаю. Впрочем, это забота политиков — создание нормативных рамок для использования новых технологий. Ведь не ученых же, честно делающих свое дело, вгрызаясь и созидая.

***

Один из самых значительных вкладов в построение устойчивой антропоцентричной системы мира сделал Пастер. Он нашел условия, в которых изученному противнику не оставляется шансов выжить и сохранить свою организацию мира. По крайней мере, на обрабатываемом пространстве. Термическая антимикробная технология спасла жизни миллионам людей. Позже ей на помощь пришли антибиотики, которые люди научились выделять из одних микробов, чтобы бить других плохих микробов, нам мешающих. Развитие тотального контроля над Другими, похоже, стало приоритетным направлением усилий лучших умов человечества (точнее, самых изобретательных). Кому достанутся плоды их трудов? Всем людям или определенной части? Похоже, в дискуссиях о разделении мира на «золотой миллиард» и остальных ответ нарисовался уже довольно прозрачно. Возможно, человечество объективно расслаивается (как смесь растворов декстрана и ПЭГ) на два подвида, высший и низший, с переносом высшими привычных отношений к Другим — на низших — бывших Своих. И я, в «золотые» не попавший, снова глядявваюсь в опыт собратьев по миру. Вот вирус гриппа, например. И так мы его, и сяк. А он мутирует, уворачивается и каждый год резвится на просторе, словно человечество для него просто вкусная и здоровая пища. Жизнерадостный субъект.

***

А, может, это расслоение на «золотых» и прочих (от слова — прочь) еще обратимо? Найдутся в мире силы, идеи, способы, и, как сказал известный синергетик — «мы пойдем другим путем»? (Пример фразы-стигмата, насливающей известный спектр отношений на вполне нейтральную мысль об

иных возможностях развития.) Акцент на неотвратимости предъявляемого аттрактора способен прикрыть наличие иных *возможных* сценариев развития, более приемлемых для управляемых. Технология прогнозирования может быть оболочкой-обоснованием доминирования и потому, что результат задается еще на стадии *выбора* исходных условий. Ведь так?

***

Мне повезло, и время от времени я натываюсь у моих друзей на статьи и книжки по синергетике. Она, с ее всеядностью к специальностям и даже к их отсутствию (ребенку для слова вещего в ней тоже место найдется), с ее вниманием ко всем формам материи и духа, подвигает меня к свободе в языках. На которых я думаю и чувствую, без оглядки на правила цеха, Ученые советы, редколлегии и отдельных законодателей.

Синергетика легализует профессиональную маргинальность, переводя ее из слабости в силу.

Всякий раз, как почитаю у друзей что-нибудь синергетическое, воодушевляюсь. Чувствую, как с глаз спадает пелена привычного видения мира и открываются связи, ранее мне не заметные.

Но тут же чувствую рядом (или мне кажется?) внимательный взгляд откуда-то из недр власти. Наверное, ей, власти, все еще не хватает полноты, и синергетика ее влечет. Как хищник, власть чует поживу, и ходит кругами, нетерпеливо порывкая. Однако синергетика влечет и меня, как омут с кофейной гущей, откуда глядит будущее.

...Эх, была — не была. Зажмуриваюсь и — ныряю.

Н. Р. Корнев

6.2.17. Альфред Сарно. «Ловушка» (Еще один опыт наблюдающего участия в собственной жизни)¹⁵²

(1)

Из переписки

А. Сарно — А. Алексееву

<...> Кейс «Ловушка (Нет обману)» я скрупулезно собрал по документам, контрдокументам, лицам, ситуациям, аспектам анализа... Папка страниц под 500. Встречи с юристами — под фонограмму. Захватывает, иногда веселит, иногда пугает. Буду постепенно оформлять в качестве научной работы. Твоя методология действует, находит новых и новых последователей. <...> (25.04.2009).

¹⁵² О социологе Альфреде Сарно, ныне живущем и работающем в Финляндии, см. выше: раздел 1.12. См. также раздел 3.X.f. Еще один «социологический рассказ-эссе» А. Сарно см. ниже: раздел 7.7.3.

Настоящий раздел представлен в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/alekseev-sociolog/net-obmanu-asarno/>.

А. Алексеев — А. Сарно

<...> Твоя «Ловушка» — маленький шедевр и своего рода... мастер-класс (вопрос — для кого?). <...> Запрашиваю твоего разрешения разослать его в несколько десятков адресов.

Из литературных прецедентов — упомяну «Иванькиаду» В. Войновича. Ты умудрился в эти 7 страниц вместить главное. Но и предмет для подробного case-study — достойнейший. А специфика национального фона (Финляндия) лишь подчеркивает общезначимость естественной моделирующей ситуации...

Подобно Тебе (в отношении меня) я озабочился не только исследовательской и экзистенциальной, но и прагматической стороной этого дела. При случае напиши — есть ли шанс не только морального удовлетворения. <...> 25.04.2009.

А. Сарно — А. Алексееву

<...> Всем, кому Ты сочтешь подходящим послать мои попытки, — конечно же... без всяких вопросов. <...> Если хотя бы кому-нибудь это чуть добавит широты зрения, осмотрительности, — это удача. Зачем еще мы живем?

Текст, конечно, первоначально был адресован русскоязычным собратьям здесь в Финляндии. В здешний журнал «Русский свет». Поэтому нажим на местные мифологемы. Поэтому же и стилистика мастер-класса. <...>.

Есть ли шанс уменьшить финансовый проигрыш? Надеемся, что такой шанс все же есть. <...> Мы пытаемся понять, насколько в этом сюжете можно разыграть карту «прав человека». По большому и среднему счету наш мошенник лишил нас возможности — с открытыми глазами — принимать решения о покупке дома, о согласии на ремонт. Поэтому мы склонны проделать все возможные шаги «вверх по лестнице» до структур ЕС.

Интересно понять, где то звено, которое «глаза закрывает»? <...> (26.04.2009).

(2)

Альфред Сарно

Нет обману: 17 советов весны

Факты — подлинные, имена — измененные

«Нужно ве-ерить, любить беззаветно-о...» — неслось из радиоприемников нашего недавнего еще прошлого. «Так уж и беззаветно?» — невольно ехидничало у нас внутри. «Видеть солнце порой предрассветной-й...» — настаивало радио. — «А зачем это все?» — нарастало наше внутреннее недоумение. И из эфира приходил на редкость внезапно и почти неумолимо — ответ — «Только так можно счастье найти-и!» — Вот это да! Только так!? Конечно, мы усмехались, мол, погорячились залетные радиоволны. Однако подкупала сама идея. «Счастье», это — от «любить». «Любить», значит — «верить». Хочешь счастья — научись верить. А кто счастья не хочет?!

И мы часто досадуем на свою «излишнюю» скептичность, уж очень хочется «наше» счастье, такое телепатически-проницательное и тонко чувствительное, — приманить. Тревожимся: ох, как бы наш скепсис его не обидел.

Это уже у нас в генах сидит: как бы нам поверить так, чтобы уж — совсем беззаветно? Жажмурившись!

Но радиоволны не уточняли, а кому нужно верить? И «по логике» как-то само собой получалось, что на всякий случай — всем. Если уж хочешь счастья. А если «всем» без разбора, то непременно получится — так же и — «тем, кто именно на это и делает ставку». Увы, есть такие субчики, которые нашу суеверную надежду на счастье превратили в источник своего дохода.

Не сразу бросается в глаза, что такие субчики заслуживают имени — учителя. И не сразу видна причина обращаться к ним с таким приседанием. А ведь именно благодаря им мы, наконец-то, задаем себе вопросы. Вопросы в полный рост. Судьбоносные. А зачем вообще существуют обманщики, паразитирующие на нашем доверии? Какой изъян превращает людей в «субчиков»? А какой изъян делает нас их жертвами? Ну да, они живут за чужой счет. Так. А, быть может, и за нами — должок, и мы сами в чем-то за чей-то счет живем?

И если мы обнаруживаем, что за нами водится такой должок, то подкидывает нас естественный рефлекс — отдать. Долг надо отдавать. И только теперь мы трем виски: кому отдать, и каким образом? Да еще нужно бы предупредить других людей, как им не вляпаться бы в такую напасть? На что именно им нужно обратить особое внимание? Как отличить субчиков от людей? Чтобы в порядочных людях нам не начали мерещиться субчики. Извилистые вопросы.

В этом-то и суть настоящего повествования. И об этом семнадцать советов.

Когда наша семья переезжала в страну Суоми, сверчок в голове стрекотал: едем в страну наиболее честных людей планеты. Мол, каких-то семьдесят лет назад здесь в большинстве городков дома не закрывались на замки, фермеры оставляли оптовикам свои бидоны с молоком прямо на дороге. Никому не приходило в голову что-то подсуропить соседу. Доверие.

Через полгода нашей жизни здесь мы с женой получили приглашение — поделиться первыми впечатлениями на здешнем радио «Морена». Ну, как? — спрашивает ведущий. Слышу свой голос, мол, моя семья все это время ощущает, что живем в по-своему великой стране. Поскольку она не пыталась захватывать чужие территории, не пыталась подавлять другие народы. Соответственно, в этой стране чувствуется чистота. Этим отличаются и ее озера, ее леса, воздух. И от флага веет озоном человечности и закона — два самых чистых цвета: белый и голубой. Неожиданно ведущий едва ли не девальвировал мой пафос, мол, российский Андреевский флаг — в точности те же два цвета. У меня — аж искры из глаз: вот он — высший класс: ты — поклон в пояс, а тебе в ответ — земной поклон! Идем с Ириной после «Морены» домой. Все вокруг сияет чистотой и светом. Справедливость и закон. Что еще нужно человеку?

Только теперь я понимаю, что все же недооценил ведущего. Ведь дал он тогда нам деликатный и очень серьезный урок «на вырост». Окунуться в ванну закона и справедливости — не велика заслуга. Это — лишь полдела. Ведь это то, что дают — тебе. Вторая половина дела потруднее — это то, что в ответ

даешь — ты сам. Ведь эту ванну нужно вовремя ремонтировать, воды добавлять, подогревать. И по правилам взаимности ты сам в ответ должен вносить посильный вклад в дела закона и справедливости. Как минимум, этот вклад — твоя внимательность — не создавай соблазна для субчика.

Другими словами, ведущий «Морены» сделал предупреждение: не раскатывай губу, не сотвори себе кумира, не теряй бдительности даже в повишенно законопослушной стране. Иначе окажешься легкой добычей обманщиков, которые, увы, есть везде. Ведь тогда очарование обернется разочарованием. По сути, он намекнул: не велика ценность восторгов пассивного поклонника, гораздо нужнее — активность критичного человека с открытыми глазами.

Тогда, семь лет назад, мы не обратили внимания на предупреждение. Получается, нам блазнилось пользоваться законностью, достигнутой без нас. Как бы за чужой счет. Но к счастью появился учитель.

А перед его появлением — небольшая предыстория. Один из наших друзей сказал как-то: ежемесячная арендная плата за жилье — это расточительное донорство, когда ежемесячно пару стаканов крови из своих артерий выливаешь в трубопроводы планеты. Богатый это может себе позволить. По вам не заметно, что вы из богатых, поэтому покупайте-ка квартиру. Мы будем вашими гарантами для банка; берите кредит. До сих пор перед глазами — мы на приметном для Тампере месте: виадук над рельсами, еще не успевшими разбежаться от вокзала, слева колокольня с православными крестами... синь неба, первые вздохи приближающегося лета... и вот оно — самое большое и сокровенное на Земле чудо — друзья, предлагающие жизнетворную помощь. Глотки полноты жизни.

И вот, благодаря этому чуду, шесть лет назад квартира в уютном Тампере стала свершившимся фактом. Обживаемся. Следующая остановка — капитальный ремонт. Весь шестизэтажный дом в строительных лесах, обтянут полиэтиленовой пленкой. Всегда полный прозаической магии вопрос — сколько с нас? В том же духе и ответ: двадцать одна с половиной. Это результат голосования всех членов кооператива. Все квартиры идентичны, поэтому с каждой семьи — одна и та же сумма кровных. Соответственно, каждая берет банковский кредит на эту роковую сумму. И наш сосед по дому — Анса. На эстонском языке написание этого имени — Антс, на латышском — Анс. Запомнился необычной манерой: избегает смотреть в глаза собеседника, речь торопливая, весь суетливо-подвижный, юркий.

За четыре месяца ремонт завершен, удалось перетерпеть его прямо в почти бездыханном под наркозом полиэтилена доме. Следующая остановка — как принять нашу близкую родню в гости? Дочку с зятем, его брата и родителей. Мы хотим их обнимать почаще. Дикая по началу идея... еще один банковский кредит... и... и... ку... ку-упить... дом? Да, ну да, квартиру продать, а до-ом ку-упить? Маленький такой, но чтобы все влезли... например, часть ривитало — несколько домов, построенных встык. Только вот, даст ли банк кредит? — Дух не успели перевести — дал.

На ватных — не во сне ли? — ногах бредем искать «подходящее» ривитало. И, действительно, совсем как во сне, находим — в соседнем райончике —

Руотула. Ривитало из трех частей. Осматриваемся. Ого, сон крепчает: наш сосед тут – не верим своим глазам – тот же самый – Анса! Он, оказывается, владеет двумя другими частями «нашего» ривитало. У нас одна часть, а у него две. В одной после ремонта он собирается жить, вторую – продавать. Какое везение! Ну просто, судьба! Впрочем, судьбой и оказалось, правда, в другом каком-то смысле... теперь есть возможность поразмышлять: в каком? А тогда в глаза бросалась очень практичная удача: Анса – строитель – хозяин небольшой фирмы, чья продукция – кухни. Что и нужно для хорошего ремонта. И название фирмы подстать – «Деревянная артель». Теперь в нашем маленьком – на четыре человека – кооперативе он председатель, его жена – бухгалтер. Единый кулак. *Совет первый: берегись такого кулака.*

Правда, всплыла заковыка. Мы же не ослышались. По мнению председателя кооператива в ривитало нужно провести капитальный ремонт. «Опять – двадцать пять!» И сосед – тот же, и ремонт – тот же. Мы заколебались, шутка ли, капитальный ремонт, а по-фински – путкиремонтти – не подарок. Месяца три-четыре жить среди мешков цемента, визга пил, строительной пыли. А главное – сколько с нас? Какой кредит потребуется брать в банке? *Совет второй: пыль и неудобства ремонта – мелочь. Присмотритесь, что может угрожать вашим деньгам.*

Но Анса нас успокоил. Мол, в нашей части ривитало уже можно жить, не делая никакого ремонта. Основной ремонт нужен именно в его двух частях. Там уже и полы снесены, стены будут радикально переставлены. Там – о-го-го будет ремонт – под взыскательных любителей модерна, с размахом, на общую сумму – за 150 тысяч. А в нашей части – пустык – на 10, максимум – 15 тысяч. Почему нам такая удача? Все просто. По проекту не нужно взламывать полы в нашей части, потому что старые трубы останутся лежать на своем месте. А нужные новые трубы пролягут через двор дома вдоль внешней стены. Только в нашей кухне, да в душевой потребуется заменить подводящие трубы. Так что 15 тысяч наших затрат – это максимум. *Совет третий: в случае ремонта требуйте детального проекта и сметы, не доверяйте устным разговорам о том, что вам все обойдется дешево.*

Эта аргументация профессионала, увы, нас успокоила. И мы решились вступить в кооператив с нашим дружелюбным «двойным» соседом-профессионалом и купить приглянувшуюся нам – третью ривитало.

Через пару недель после официального оформления покупки Анса с супругой появились в нашем доме – подписывать документы на проведение капитального ремонта. Это было первое, вполне помпезное собрание кооператива. У них уже были заготовлены два документа: соглашение о взятии кредита в банке и соглашение о том, кто будет распорядителем ремонтных работ и бухгалтером, оформляющим счета, акты. Ну конечно, распорядителем – Анса, бухгалтером – его супруга. Вопросов нет. Но один появился. Тревожный. Ведь договаривались на 15 – максимум. Почему же в документе для банка – 20?

Ответ у председателя также был заготовлен заранее. Раз уж все равно будет ремонт труб, то уж, давайте, какие-нибудь небольшие перестройки и вы осуществите. Вот, а что бы вы хотели, ну, в принципе... ну, теоретически? Вы

назовите, чего хочется, а я посмотрю, что из этого уложится в размер банковского кредита, который мы вместе возьмем. Дверь в кухню у вас — из коридора, а разве вы не хотели бы сделать еще и из кухни — прямо в гостиную. А это, как раз, со всеми доводками будет стоить около тысячи. Может быть, краны и мойку в кухне поменяете. Это еще под полтысячи встанет. Одним словом, думайте, говорите. Это, мол, моя задача, как распорядителя работ, — уложиться в согласованные лимиты — в двадцать тысяч. *Совет четвертый: не допускайте даже мелких отклонений от проекта, если он уже есть. Это может обернуться большими неожиданными неприятностями.*

Мы тогда изо всех сил старались вписаться в идеал добрососедства. Ну раз настаивает сосед на двадцати, ладно, возьмем этот потяжелевший хомут на шею — кредит в двадцать. Но я тогда в тревоге из себя выдавил, стараясь быть категоричным: Анса, давай, примем это соглашение уже за нерушимое; для всех доделок-переделок, для всех решений-уточнений — отправная точка — не больше двадцати тысяч. Это предел наших возможностей. Больше ни шагу, ни вправо, ни влево. На этом и «порешили», поставили подписи под документами.

Через неделю звонок председателя, мол, начаты работы. Объясняет нам, что в нашей части дома все оказалось — более чем удачно. Во-первых, нигде нет асбеста; не нужны дорогостоящие работы по его устранению, тогда как они нужны в домах самого председателя. Во-вторых, у наших полов нет бетонного покрытия. Оно есть только в домах Ансы, что резко удорожает работы именно в них. А то, что этого покрытия нет у нас, позволяет без дополнительных затрат создать в нашем доме отапливаемые полы. Это будет нам крайне выгодно. А особенно выгодно это будет кооперативу в целом. Ведь, если наши старые полы снять для замены на отапливаемые, то общие для ривитало трубы не нужно будет прокладывать через двор, а можно проложить через нашу часть дома. Учитывая эту экономию, наши затраты на весь ремонт останутся теми же — двадцать тысяч. Но этим, дескать, мы существенно сэкономим деньги кооператива — деньги председателя. *Совет пятый: не верьте в словесные супервыгодные предложения, требуйте точных расчетов, которые оформлены документально.*

Увидев такую повышенную склонность нашего председателя к переменам, почувствовали как противный озноб загулял по нашим спинам. Но одновременно — как потом оказалось, уже в последний раз — из недр души взвизгнула агонизирующая надежда и жажда добрососедства. В итоге мы в нашей семье горестно порешили: попробуем уступить еще раз. Через день пришел Анса с бумагой в адрес банка: на каждую часть ривитало, и на нашу часть — берется кредит в двадцать пять тысяч. Ого, опять повышение?! Мы к нему: ты же говорил — двадцать. Он — нам: ну, на всякий случай, раз уж — теплые полы. Скорее всего, уложимся в двадцать. Прошу вас, соглашайтесь, пощадите мои деньги! *Совет шестой: добрососедству поможет не ваша уступчивость, а ваша деловая инициативность, твердая защита паритетности интересов.*

Из последних сил карабкаясь — никак не сказать, «идя» — навстречу настоящему Ансы, мы упросили свою дочь и зятя нам помочь этими недо-

стающими – пятью. Подписали бумагу. Ну, все. Так уж и быть – двадцать пять. Вот теперь надемся, что все будет так, как и в том ремонте, который мы уже пережили с Ансой в нашем прежнем доме, вернее – квартире. Взял кредит; это и есть сумма затрат, в которую обязаны уложиться специалисты-ремонтники.

И вот с этого дня последующие три месяца мы, увы, практически не видели ни Ансу, ни его жену. Из их двух домов рабочие грохоча выворачивали куски стен, грузовиками куда-то вывозили, туда же забрасывали холмы из обломков бетонного покрытия их полов. Один-два работника иногда что-то не спеша делали и в нашем доме. *Совет седьмой: не пускайте работы на самотек, сами контролируйте их ход. Делайте качественные фотографии операций, проводимых в доме. Возможно, вам придется включить сигнал: «стоп». Лучше это сделать вовремя, имея фотодокументы.*

Лишь в самом начале августа жена Ансы вышла к нам, держа в руках два листа бумаги стандартного для документов размера. Как бы намерена их вручить, но почему-то почти торжественно медлит с акцией. При этом она необычно затягивает разговоры о том, как трудно руководить ремонтом, как Анса устает. И вскользь вклинивает в свое повествование слова, обладающие нас холодильником морга, мол, взятый в банке кредит исчерпан, теперь нам нужно платить деньги сверх того кредита, который был закреплен нашими подписями. *Совет восьмой – основной: для защиты Ваших интересов на время ремонта наймите вашего официального посредника, по-фински – valvoja. Это не дешево, но того стоит.*

Таким образом, в тот солнечный августовский полдень холод – привет с того света – пробрал нас до костей. Улыбки на лицах наших соседей оказались оскалом. Только тогда стало проявляться, что субтильной опытной рукой вели нас в ловушку, и теперь выход из этой западни на наших глазах с привычной деловитостью заваливают гранитными валунами. Два неподъемных для нас валуна сейчас в руках жены Ансы. Наконец, она их вывалила. Счета. Если, конечно, те бумажки можно так назвать. Они были напечатаны на домашнем компьютере председателя. Мешки таких «счетов» любой человек может нарисовать на любой пишущей машинке. *Совет девятый: требуйте именно официальные счета, выписанные фирмами в ваш адрес, доморожденные бумажки для суда не имеют силы. Но если вы их оплатите, вы тем самым – придадите им юридическую силу, действующую против вас.*

Первый из «счетов» гласил: за снятие и вывоз нескольких тонн бетонного покрытия «наших» полов, за очищение «нашего» дома от асбеста и еще некоторых мелких работ с нас причитается шесть с половиной тысяч. Второй счет гласил, что за строительные материалы, в основном – цемент, с нас причитается четыре с половиной тысячи. И того – одиннадцать тысяч сверх взятых в банке двадцати пяти! Мы пытаемся втолковать ей: вы же сами сказали, что в нашем доме нет ни асбеста, ни бетонного покрытия полов. Как мы будем оплачивать то, что не имеет к нам отношения? – Нам в ответ – улыбка, не маскирующая, а «возвышающая» раздражение: вам, попавшим в клетку, выход один – платить, сколько скажут. И эти «улыбающиеся» губы производят: «Эти одиннадцать тысяч – далеко не последнее, что теперь с вас еще

причитается, к тому же работы далеко не закончены». *Совет десятый: что у вас «было», и чего «не было» нужно каждый раз официально документировать. «Задним числом» слова к делу не пришить.*

В этой новой — пиковой ситуации наше первое предположение еще пыталось цепляться за наивную веру в остатки добрососедства: наверное, председатель случайно превысил общие для дома затраты, поэтому он вешает свои затраты на нашу шею. И асбест и бетон полов. Поэтому говорим его супруге: послушайте, ведь Анса обещал не выходить за границу кредита, взятого в банке — двадцать пять, почему же он превысил сумму, о которой вместе договорились? Ее ответ нас окончательно сразил, он у нее был готов, явно, с первого дня спланированной операции; ей не пришлось даже звать супруга: вы же сами заказали проем в стене гостиной для дверей из кухни, замену мойки и кранов. *Совет одиннадцатый: все работы нужно точно расписать в проекте и смете, не позволяйте отклоняться от документов.*

Вырисовалась классическая схема надуательства клиентов. Субчики делают расчет на то, что они сознательно и целенаправленно сохраняют свои руки свободными для манипуляции вами, они в кармане держат кукиш — впрок заготовленную в ваш адрес фразу: вы не правильно нас поняли. Мол, это только и исключительно ваша вина — вы, дескать, не преодолели языковой барьер. Для этого такой распорядитель работ у вас — клиентов поддерживает иллюзию, что необходимые договоренности достигнуты. Ведь вы же уверены, что размер банковского кредита, согласованного в ходе собрания кооператива, — это и есть оговоренная сумма затрат, которую распорядитель обязался не превышать. Ваша наивная уверенность — крайне нужна распорядителю, ибо этой «костью» в вашей собственной голове вы создаете субчику нужное ему — поле для маневра. Ведь он вам скажет: а я был другого мнения, для меня кредит ничего не значит. Затраты могут в разы перерасти взятый кредит, и это будет означать лишь то, что придется брать новые кредиты. Анса нам так и сказал. *Совет двенадцатый: отбросьте все ваши привычные вам «уверенности»; по каждому поводу добивайтесь письменных договоренностей, деликатность здесь не уместна.*

Мы тогда пытались ему напомнить: мы же усиленно повторяли, что двадцать пять — это предел наших возможностей, это наша альфа и омега, для этого мы даже использовали это категоричное финское слово — «ляхтокохта» — отправная точка. Ответ был впечатляющий: а где та официальная бумага, которая подтвердит эти ваши слова? Если будет суд, то мы, т. е. председатель и его супруга, объявим, что не слышали таких слов. *Совет тринадцатый: предельную сумму затрат, а не только размер кредита, нужно точно документировать. Не оставляйте лазейки мошенникам.*

Тогда мы попросили принести нам реальные счета, по которым оплачивались строительные материалы и работы в нашем доме. Через две недели Анса, ухмыляясь, вручил нам толстенную папку со счетами. Оказалось, что ни один счет не выписан на наш дом, все выписаны на ривитало в целом. Не меньше четверти счетов выписано на фирму «Деревянная артель», хозяином которой являлся Анса. Вот это, да! Нет возможности вычленив конкретные затраты, адресованные именно нашему дому. Как же опреде-

лить, сколько ушло на масштабный ремонт в домах соседа, а сколько — на наш — минимальный? *Совет четырнадцатый: добивайтесь, чтобы все материалы и работы для вашего дома фиксировались в соответствующих официальных счетах, адресованных именно вам. Счета на каждый дом должны вестись отдельно.*

Тут мы окончательно поняли, что, «благодаря» нашей доверчивости, субчики замуровали нас по самые ноздри. Мы полностью в их руках. Тогда мы предложили. Раз нет возможности по документам вычленить ту часть затрат, которая ремонтниками должна быть адресована нам, то остается последний вариант — встречный. И его условно еще можно считать «бескровным». На наших руках документы обо всех затратах, которые мы здесь понесли, в том числе, и купчая на нашу часть ривитало. Эти «встречные», действительно чистые затраты могут быть адресованы Ансе. Он может вернуть нам наши деньги, и мы — оставляем ему наш дом. Тогда Анса будет абсолютным хозяином всего ривитало. Это было бы близко идеалу справедливости. В этом и заключалась наша последняя просьба. «Милый, милый Бармалей, смилуйся над нами...» *Совет пятнадцатый: если «ваш» распорядитель работ хитро запутал расчеты, то хотя бы минимальные шансы вам дает возможность названного здесь «нулевого» варианта — вашего отступления.*

Увы, в нашем случае такой вариант «не прошел», Анса отказался от предложенного нами выкупа. «Но ответил людоед: «Не-е-ет!!!» У него был припасен для нас тот самый — «настоящий» — вариант. Он произнес слова, показавшиеся нам — громом с ясного неба. Раз вы отказываетесь платить по счетам, которые я нарисовал на своем компьютере, то остается традиционный в стране Суоми способ расчетов. Вся сумма затрат на работы, осуществленные в ривитало в целом, делится на три равные части. Таким образом, вы оплачиваете существенную часть работ, которые я проделал в своих двух домах. Так вот, как ларчик открывался!? Вот и вся головоломка! Действия Ансы вовсе не были случайностью. Система отработана. *Совет шестнадцатый: обратите внимание, ЛДД — ловушка для доверчивых хорошо отлажена. Лабиринт целенаправленно устремляет вас к этому рыболовному крюку — архизму в финском законодательстве: в смете ремонта в вашей части ривитало вы будете экономить, ужиматься, но этим только повысите выигрши вашего хищного соседа. Существенную часть денег, которые он с размахом потратил на себя, он, однако, вынет именно — из вашего кармана. Вы подарите ему то, чем обделили себя.*

Обнаружив такой поворот дела, мы были вынуждены подать документы в суд. «На тяжбу вы потеряете денег еще больше, чем за весь ремонт, да еще и в разы» — пообещал нам наш благодетель — Анса — «Вам проще заплатить мне то, что я требую, даже если вы считаете себя обманутыми». Нет уж! Подыгрывать мошенникам нам очень не хочется. Конечно, документы уже поданы, идет диалог юристов. За нас — один адвокат, чьи усилия оплачиваем мы. За Ансу — два. И он сумел сделать так, что оплата этих двух юристов, работающих против нас, ведется из общего бюджета нашего ривитало. То есть из наших кошельков вынимается треть платы этих двух юристов, работающих против нас. Черный юмор расцветает все пышнее.

«В ответ» в проеме одного из окон нашего дома мы вывесили плакат: «Осторожно, в нашем ривитало — судебная тяжба», в проеме другого: «Подозрение в мошенничестве во время ремонта». И впервые мы видели вместо сыто-победных ухмылок наших соседей — перекошенные страхом физиономии. Оба их юриста мгновенно прислали нам требования: немедленно снимите плакаты, хотя вы и имеете формальное право не снимать. Мы сделали еще одну уступку. Имеем, но снимаем. Ведь через пару недель состоится очередная встреча адвокатов и судьи. Мы делаем шаг навстречу в рецидиве надежды, что аппетиты наших учителей пойдут на убыль. Сейчас в Тампере брызжет солнцем и благоухает весна — время надежд. И шанс вернуться в человеческое сообщество, наверное, должен быть дан каждому.

Теперь зеркальный гамлетовскому — вопрос упал в тарелку Ансы. И помоги ему, Господь, найти верный путь. Ведь всегда и везде тот, кто встал перед вопросом: «быть — или не быть мошенником?», своим итоговым выбором не на шутку ставит диагноз не только себе, но и окружению, стране в целом. В этом-то и интрига. «Дорогой, пожалуйста, дай на судьбоносный вопрос — судьбоносный же ответ!» А если нет?! Вдруг наш председатель выберет — «быть»? Мол, более привлекательные шансы в этой стране он получает именно в качестве мошенника. И представления о наступившей здесь эре торжества законности — это иллюзия. Что тогда?!

Ну, что ж, при таком жестком варианте мы готовы тратить на то, чтобы в здешнем грядущем «завтра» сказка все-таки стала былью. Ведь мы, увы, на своей шкуре, и даже не столь далеко отсюда, слишком уж испытали, что неспособность отделить «завтрашнюю сказку» от «сегодняшней были» — создает летаргическую иллюзию, из-за которой «завтра» не наступает никогда. «Тот» наш тягостный опыт гонит нас — развеивать такого рода иллюзии. Уж очень они опасны для людей, особенно доверчивых. Соответственно, плакаты в проемах наших окон появятся вновь. *Совет семнадцатый: союзник мошенников — наше затворничество и молчание; они рассчитывают на то, что даже суды проходят втихаря, мол, другие люди даже не интересуются: о чем был суд, чем закончилось? Пожалуйста, не молчите, всеми доступными средствами выводите субчиков на чистую воду.*

Это наш посильный вклад в активизацию правосудия в любой стране, даже такой, от знамен которой уже вполне ощутимо веет справедливостью. Мошенникам нужно давать отпор, даже ценой собственных финансовых потерь и ценой потери своего психологического равновесия. Спасибо нашим учителям, иначе нам так и казалось бы, что никакой инициативы от нас не требуется, что законность и справедливость в Суоми воцарились сами собой. Теперь, мол, достаточно, смежив глаза, «перестать суетиться» и предоставить вере приманивать наше, такое осторожное, но такое ищущее нас — счастье.

(Апрель 2009)

6.2.18. «Скажи нам: «Будет лучше!»» (К 75-летию Я. И. Гилинского)

Полит.ру
16.06.2009¹⁵³

*«Меня не переставали интересовать
причины преступности»*

16 июня 2009 г. исполняется 75 лет со дня рождения известного российского социолога, специалиста в области криминологии, девиантологии и социального контроля Якова Ильича Гилинского. Юбиляр – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, главный н. с. Социологического института РАН (Санкт-Петербург), зав. кафедрой уголовного права РГПУ имени Герцена, декан юридического факультета Балтийского института экологии, политики и права (БИЭПП). Мы публикуем юбилейное поздравление и интервью с Я. И. Гилинским, подготовленное доктором философских наук Борисом Зусмановичем Докторовым.

В моем четырехлетней давности интервью (см. ниже) Яков Ильич Гилинский сказал о себе: *«До семидесятих годов прошлого столетия я был в основном юристом, причем ярко выраженным уголовником»*. Свыше десяти лет он был адвокатом, защитником по уголовным делам, случалось защищать ему людей, обвинявшихся в измене родине, в антисоветской пропаганде и агитации. Его кандидатская работа была посвящена уголовному процессу и уголовному праву. Зная, как аргументированно и убедительно выступает Гилинский на научных форумах, как отстаивает свои выводы, могу предположить, что он смог бы стать высочайшего уровня адвокатом. Но, познакомившись с рядом зарубежных книг по социологии преступности и первыми работами ленинградских социологов, он «вступил на скользкую дорожку» социологии.

Есть люди по простоте душевной искренне считающие, что все болезни – от врачей. Также и многие представители власти в советские времена, да и сейчас нередко полагают, что разбой, бандитизм, коррупция, проституция – оттого, что социологи изучают эти явления. И одним из первых и главных в этом вредном начинании стал Гилинский. Потому почти все сделанное им для исследования различных форм девиантного поведения сделано не при поддержке властных структур, казалось бы, должных быть заинтересованными в анализе этих явлений, а вопреки их представлениям и желаниям.

Ему не давали проводить исследования и были сложности с поиском работы. Но теперь Гилинский – доктор наук, руководитель многих отечественных и международных проектов, директор, заведующий, председатель и так далее. Основные результаты его исследований лежат в области пересечения криминологии и социологии.

Чтобы опубликовать свои крамольные идеи о девиантности, ему пришлось прикрываться именем В. И. Ленина. Его первая статья на эту тему

¹⁵³ См. <http://www.polit.ru/science/2009/06/16/gilinsky.html>.

была опубликована в адвокатском сборнике, посвященном столетию вождя, и называлась «Некоторые проблемы криминологии в свете ленинских идей». И все же к концу 80-х ему удалось перейти рубеж в сто публикаций. Но когда я, знаящий многих в высшей степени продуктивно работающих ученых, увидел список опубликованного им в 1990–2004 годы, мне осталось лишь удивиться. Первая работа имела № 111, а последняя — № 341. За полтора десятилетия им было опубликовано почти две с половиной сотни работ. Ряд «толстых» монографий и учебников, а также — статьи и главы в коллективных изданиях. Значительная часть текстов увидела свет за рубежом, и первые буквы названий стран охватывают основную часть алфавита: Австрия, Великобритания... Япония...

Естественно, очень много было сделано после завершения упомянутого выше интервью. К примеру, было завершено исследование по пыткам, результаты которого вошли в коллективную монографию «Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан» (Н. Новгород, 2007). В 2007 году одна из его статей была включена в 4-томник по современным проблемам криминологии, вышедший в Японии (на чистом японском языке). К своему 75-летию юбиляр преподнес себе неслабые подарки. Сборник статей на английском языке Y. Gilinskiy. *Crime and Deviance: Russian Survey* (2009) и еще — коллекция статей, опубликованных в России в 2004–2008 годах: «Глобализация: девиантность, социальный контроль» (2009).

Будучи в советские годы невыездным, он теперь может быть гидом почти по всем европейским странам, а также многим государствам, расположенным в Северной и Южной Америке и различных частях Азиатского континента. Помимо встреч с учеными и осмотра достопримечательностей, он всюду, где было возможно, посещал тюрьмы. Так что желающим узнать детали о казенных домах не только России, но и многих стран, в том числе — экзотических, могу посоветовать обратиться непосредственно к Гилинскому.

Всегда очень энергичный и активный, он многие годы на вопрос: «Как живешь?», отвечает: «Плохо», и добавляет — «Но будет хуже». Уже пару лет он на базе этой концепции стал строить прогнозы социальных изменений в России и под именем Кассандра рассылать их своим друзьям. И очень часто он оказывается прав.

В последние пару лет я специализируюсь на юбилейных эссе по поводу 80-летия российских социологов. Так что этот текст — в связи всего-то с 75-летием — не более чем разминка, проба пера, повод пожелать другу и коллеге здоровья, завершения работы над задуманными книгами, путешествий в незнакомые страны, ну и, конечно же, новых хождений по тюрьмам...

Не буду более углубляться в прожитое и сделанное юбиляром. Ниже публикуется мое интервью с ним.

И совсем уж напоследок: «Дорогой Яша, в качестве Кассандры скажи всем нам и себе: «Будет лучше!»».

Б. Докторов¹⁵⁴

¹⁵⁴ Там же, на Полит.ру, воспроизведена сокращенная версия интервью Б. Докторов с Я. Гилинским 2005 г. См. <http://www.polit.ru/science/2009/06/16/gilinsky.html>. См. также на сай-

Из поздравления А. Алексеева

Якову Гилинскому – Петербуржцу, Ленинградцу, Гражданину Мира, Первопроходцу, Социологу...

Поздравление В. Ядова

Дорогой Яков,

Прими мои самые теплые и дружеские поздравления. Я знаю, что ты знаешь, насколько значим твой вклад в наше общее дело. Все, кто прямо или косвенно исследует наши социальные болезни: преступность, девиации, положение обездоленных и отчаявшихся, справедливо видят в тебе своего научного лидера и гуру. Психолог Франкл доказал, что люди, нашедшие смысл своей жизни, живут и плодотворно работают дольше других. Так что у тебя впереди много лет для реализации своей научной и гражданской миссии, масса студентов, почитателей и почитательниц. В ближайшем номере «Социологического журнала» мы постараемся сказать все это, опираясь на добротные эмпирические данные.

Твой неизменный друг, товарищ и коллега Владимир (Ядов).

6.2.18.a. Памяти Бориса Беликова¹⁵⁵

29 декабря 2001 г. скоропостижно скончался Борис Дмитриевич Беликов.

Жена потеряла Мужа, дочь потеряла Отца, внук потерял Деда, мать (96 лет) потеряла Сына. Многие, знавшие и любившие Бориса, потеряли Друга.

Для меня Борис Беликов был коллегой, другом, соавтором, а еще и – «подельником», как иногда говорят. Об обстоятельствах нашего общего, давно минувшего «дела» уже приходилось рассказывать.¹⁵⁶ Но было еще и другое, его индивидуальное (уже совсем недавнее!) «дело», имевшее трагический исход...

...Борис, как и многие из его поколения, пришел в социологию из негуманитарных наук. Свыше 40 лет работал в учреждениях Академии наук, в том числе в общей сложности около 15 лет в Институте физики земли АН,

---

те «Когита.py»: <http://www.cogita.ru/old/>. Точечный адрес – <http://www.cogita.ru/old/novosti/yakovu-gilinskому-75>.

Полностью это интервью см.: Я. И. Гилинский: «Я начинал как чистый «уголовник»» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2005, № 2. (Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893614165434file.pdf).

Из последних сетевых публикаций Я. Г. см. интервью: Яков Гилинский: «Вместо «борьбы» с преступлениями должны быть различные методы противодействия...» / Когита.py (<http://www.cogita.ru/analitka/interviews/yakov-gilinskii-interview>).

¹⁵⁵ Воспроизводится по: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 2, с. 434-437. Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_288-447.pdf.

¹⁵⁶ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология ... Том 2, с. 71-73. Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_1-97.pdf.

и около 25 лет — последовательно — в Институте философии, Институте социально-экономических проблем и Институте социологии АН (РАН).

Борис Беликов целеустремленно и плодотворно занимался методологией социологических исследований, на стыке с философской, эпистемологической проблематикой. Был участником XV Всемирного философского (1973) и XIII Всемирного социологического (1994) конгрессов, членом Международной социологической ассоциации, членом Санкт-Петербургского Союза ученых и т. д.

Можно, конечно, пожалеть, что за 30 лет Беликов опубликовал лишь несколько десятков, а не сотню научных трудов, что в 70-х гг. он не собрался защитить кандидатскую диссертацию, а в 80-х его профессиональная научная деятельность была круто приостановлена органами политического сыска... Но так сложилась жизнь, прожитая им в полную силу, достойно и с честью.

Борис, каким я его знаю (впервые познакомились еще в 50-х, стаж же нашего сотрудничества и дружбы — около 30 лет), был не только интеллигентом, но и интеллигентом (что, как известно, категория нравственная). Повышенная, до щепетильности, ответственность в отношении к делу, презумпция порядочности в деловых и личных отношениях, внутренняя независимость и то, что можно назвать «человеческой добротностью» (добросовестность в расхожем смысле — лишь частный случай), — вот его характерные черты.

Борис любил труд (всякий, хоть и отдавал предпочтение научному). И что бы ни делал, он делал это с таким усердием и так основательно, что иной любящий, к примеру, не «науку в себе», а «себя в науке» человек мог сказать: «вот блаженный! (или — если угодно — простак!)».

Пожалуй, достоинства находили продолжение и в недостатках. Бесхитрость и доверчивость к людям грозили обернуться беспечностью, обстоятельность и стремление к совершенству — медлительностью, нравственный максимализм — недостатком терпимости. Борис, как правило, искренне недоумевал и возмущался, сталкиваясь с недостойными человеческими проявлениями.

Не исключено, что именно эти личностные особенности вызывали смутное раздражение у тех людей, которых Бог упомянутыми достоинствами (недостатками?) обделил. (Замечу, что отсутствие таковых черт вовсе не помеха, а иногда даже катализатор научной карьеры и жизненного успеха...)

Будучи принципиальным «неприспособленцем» (при любом режиме), Борис, как мне кажется, избегал искушать Судьбу, т. е. не делал намеренных шагов, которые могли бы поставить под удар его самого (не говоря уж о других людях). Но по крайней мере дважды в его жизни Судьба сделала такие «вызовы», которые потребовали от него чрезвычайной внутренней мобилизации.

Первый раз — в начале 80-х, когда он попал под прицел КГБ. Гонители споткнулись об его «мягкую твердость» (свидетельствую лично!). Требовавшей сделок с совестью попытке удержаться в ИСЭПе он тогда предпочел увольнение «по собственному желанию» и отъезд на Чукотку.

Второй раз — два с лишним года назад, когда заурядный рабочий конфликт с амбициозным молодым начальником вызвал организованную по-

следним травлю, не только ставящую под вопрос профессиональную репутацию Беликова, но и ущемляющую его человеческое достоинство. Морально Борис и тут выстоял. А вот физически — нет: сердце не выдержало.

...Некоторые теперь говорят: «Сам себя стубил: сцепился с циником и горлохвatom, не для него эта борьба!». После первого инфаркта в 1999 г. Борис и сам понимал, что рискует здоровьем. Но никто не предполагал, что он рискует жизнью.

Защищая свою честь и достоинство, Беликов «играл по правилам». Его гонители, как теперь хорошо видно, не гнушались бесчестными приемами. И как будто выиграли... Или им просто «повезло»?..¹⁵⁷

...Борис Беликов успел проиграть дело в суде первой инстанции. Но моральную победу — ценой собственной жизни — он все-таки одержал. Пусть же таким неторжествующим победителем он останется в нашей памяти!

А. Алексеев, январь 2001

6.2.18.b. Маршал социологии науки и первопроходец российской социологии Самуил Кугель

(1)

Из журнала «Телескоп»¹⁵⁸

25 октября 2009 года исполняется 85 лет известному в стране и за рубежом социологу Самуилу Ароновичу Кугелю, одному из инициаторов развития социологической науки в России, автору основополагающих трудов в этой исследовательской области, учителю, подготовившему большое число социологов, успешно разрабатывающих теоретические и прикладные проблемы социологии науки и науковедения.

Вот что написал профессор В. А. Ядов в связи с юбилеем Самуила Ароновича.

«Фронтовики в числе первопроходцев советской социологии воспринимались нами, кому по возрасту не случилось попасть на фронт, в ореоле стойких борцов перед лицом превосходящих сил противников социологических исследований. И если Галина Андреева в моих глазах представлялась главнокомандующей сводным корпусом социологов и социопсихологов, то Кугель являлся в облике маршала социологии науки. До сего дня Самуил Кугель остается примером беззаветной преданности своему профессиональному выбору после демобилизации из Советской армии. Думаю, что его научно-организаторская роль в социологии науки ничуть не менее значима, чем его исследования и публикации. На протяжении сорока с лишним лет Самуил Аронович является организатором отечественных и международных научных конференций, летних студенческих школ, семинаров и симпозиумов в науковедении.

¹⁵⁷ Описание трагической истории противостояния (включая судебное) Б. Д. Беликова и тогдашней администрации СПбФ Института социологии РАН — Социологического института РАН см.: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 2. Приложение 6 к главам 7-10. Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_288-447.pdf.

¹⁵⁸ Воспроизводится из: Телескоп, 2009, № 5.

Мы давно начали сотрудничать. Несколько лет перед отъездом в Москву, когда волею судьбы я оказался в штате Ленинградского филиала института истории естествознания и техники АН СССР, проф. Кугель был прямым моим начальником как руководитель социологического отдела. И позже не было ни одного года, чтобы Самуил не позвонил с настойчивым приглашением приехать в Питер на очередную конференцию». <...>

(2)

А. Алексеев — С. Кугелю

<...> В потоке поздравлений с твоим совершенно-летием пусть будет и мой голос. Будь таким же! Горжусь твоей дружбой. Ты, может, уж и не помнишь, как 40 лет назад Ты был первым, приветившим безработного выпускника аспирантуры факультета журналистики. Случилось так, что попал я к Харчеву. Ну, Богу виднее. Но Ты оказался не ревнив. И среди отмечаемых твоими учениками и друзьями выдающихся профессиональных и замечательных человеческих качеств, может быть, только этого еще не доставало. Пусть и оно будет названо.

Все остальное — как-то и повторять неловко. «Папа Кугель»... Кому Папа, а кому — Старший брат. <...> 25.10.2009.

См. также:

С. А. Кугель: «Развитие науки зависит от взаимодействия социальных и когнитивных факторов». Интервью В. М. Ломовицкой с С. А. Кугелем // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2009, № 5.

6.2.19. «Дар компетентного признания».

Интервью-беседа о киевском социологе В. Ф. Черноволенко

Вилен Филиппович Черноволенко — один из основоположников послевоенной социологии в Украине, социолог и философ, кандидат философских наук. На протяжении 20 лет (1969–1989) возглавлял сначала отдел, потом — отделение социологии (состоявшее из шести отделов) в Институте философии Национальной академии наук Украины. Был заместителем директора этого Института. На базе отделения социологии Института философии в 1990 г. был образован Институт социологии АН УССР, где В. Ф. Черноволенко возглавил отдел социальных структур.

Дар компетентного признания — уникальная, можно сказать, сторона научно-педагогического таланта Вилена Филипповича. Значительная часть современной украинской социологической элиты считает себя его учениками. Многие из них ныне — профессора, доктора наук, сами возглавляют крупные исследовательские и научно-образовательные учреждения и подразделения.

В январе 2009 г. В. Ф. Черноволенко исполнилось 80. В журнале «Социология: теория, методы, маркетинг» (2009, № 1) были опубликованы фрагменты из цикла бесед-интервью, посвященных воспоминаниям о зарождении украинской

социологии и о роли В. Ф. Черноволенко в этом процессе. Эти интервью были проведены одним из авторов настоящей книги (Р. Ленчовским) с некоторыми ведущими украинскими социологами и организаторами науки — В. Хмелько, В. Паниотто, С. Макеевым, В. Осовским, П. Йолоном (в рамках проекта Киевского международного института социологии «Лица социологии Украины»).

Фрагмент беседы с В. Е. Хмелько¹⁵⁹ воспроизводится ниже. (Март-июнь 2009)

***

19 июля 2009 г. после тяжелой и продолжительной болезни, Вилен Филиппович Черноволенко ушел из жизни. Светлая память выдающемуся ученому и Учителю — с большой буквы! (Июль 2009).

*Из беседы Р. Ленчовского с В. Хмелько (2008)*¹⁶⁰

<...> — Черноволенко обладал редким качеством интеллектуальной открытости, способностью позитивно воспринимать чужие идеи, не так ли?

— Безусловно. Он умел слушать, деликатно и по сути критиковать и так же по сути оценивать положительно то, что заслуживало такой оценки, стимулировал мотивацию к творчеству. В процессе творчества каждому человеку известны некоторые сомнения, когда, с одной стороны, кажется, что чего-то достиг, а с другой — сомневаешься, не пустышка ли это, может быть то, что уже давным-давно известно. Взгляд со стороны — не обескураживающий, а, наоборот, поддерживающий — очень вдохновлял. Общение с Черноволенко вдохновляло на работу.

— Это отмечают многие его ученики, с кем я общался, да я сам это помню по его отношению к моей курсовой по теории познания. И весьма ему признателен.

— Это вдохновляло. Я бы даже мог сказать, что неизвестно, удалось ли бы мне сделать то, что я сделал за два с небольшим года в аспирантуре: с ноября 1971-го по декабрь 1973-го. Первые месяцы 1974 года (а аспирантура заканчивалась в октябре) уже шла только шлифовка текста по редакционным замечаниям Анны Ивановны (Горак. — Ред.). Работа была подана к

¹⁵⁹ Валерий Евгеньевич Хмелько — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Национального университета «Киево-Могилянская академия», президент Киевского международного института социологии.

¹⁶⁰ Основная часть интервью публикуется по: «Дар компетентного признания». К 80-летию Вилены Черноволенко — одного из основоположников социологии в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009. — №1. — С.29-31. (Журнал выходит на русском и украинском языках.). Заключительная часть помещенного в настоящем разделе фрагмента на русском языке печатается впервые, на украинском языке эта часть опубликована в составе полной версии интервью для печати в кн.: Черноволенко В. П. Про соціологію та соціальну структуру : Статті, інтерв'ю, документи. (До 80-річчя з дня народження) / Упорядник С. О. Максев. — Київ : Інститут соціології НАН України, Київський міжнародний інститут соціології, 2009. — С.105-107. (Интервью проведено в августе 2008 г., на русском языке; подготовка к печати — В. Хмелько и Р. Ленчовского).

защите на кафедре на полгода раньше окончания аспирантуры. Там было два основных вывода, которые решительно поддержал Черноволенко. Первый — о завершении антропосоциогенеза с появлением существ, которые создают не только орудия труда, но и знаковые системы; и второй — о закономерности смены доминант структуры процессов воспроизводства общества (и, на этой основе, о двух следующих этапах, в том числе — о переходе от информационного общества к человекотворческому). Поддержка этих идей Виленом Филипповичем (особенно в той ситуации, когда большинство членов кафедры заклеило их, как «подрыв исторического материализма») в моральном отношении была для меня очень важна. Понимаешь, это очень редкий случай реальной моральной поддержки, которая высвобождает какие-то внутренние ресурсы для продолжения и работы, и борьбы за нее.

— *Фактически возникает некий интеллектуальный тыл?*

— Скорее, я бы сказал, базис, основа. Тыл — это для фронта, а поскольку это не фронт... Понимаешь, это опора, чувство того, что ты работаешь не зря.

— *А психологически — уверенность в себе?*

— Да, это уверенность, по крайней мере, в этой работе. И способность создавать такую ситуацию, такую атмосферу в общении — это чрезвычайно редкое качество, как показывает прожитая жизнь. Но это качество, которым Черноволенко явно обладал. Наверное, из всех людей, которых я знаю, только несколько человек с таким же удовольствием говорили бы о работе другого человека, который для них просто знакомый. Он тоже, конечно, понимал, что его влияние на меня заметно.

Если то, что я рассказывал, выглядело для Черноволенко убедительно, он всегда умел найти такие слова одобрения, которые давали вдохновение для дальнейшей работы, а когда он критиковал, то критика тоже всегда была доброжелательной и конструктивной. А критик он был довольно пронизательный и глубокий, поэтому учесть эту критику до конца означало решить такие творческие задачи, на выполнение которых уходили месяцы и месяцы, годы и годы. Причем критичным он был прежде всего к самому себе. Если он видел, что сделанное можно сделать лучше, то сакраментальное «лучшее враг хорошего» срабатывало вполне.

Оказывая позитивное творческое влияние на многих, он сам в то время очень редко публиковал что-то. Он очень долго свои тексты вынашивал и дорабатывал, что становилось порой предметом дружеских шуток в близком кругу, но стимулировать и вдохновлять на работу — этой редкой способностью он обладал вполне.

— *В твоей диссертационной работе, можно считать, не только Анна Иванова, но и он выступал в качестве наставника?*

— Я бы не сказал наставника.

— *Партнера в творческом общении?*

– Я бы его назвал своего рода духовным спонсором. Он создавал моральную, психологическую атмосферу общения, которая побуждала и стимулировала к размышлению, поиску ответов на вопросы, которые поставлены, и тем самым к получению результатов. Поскольку вопросы, которые он ставил, были не о том, что уже известно, а как раз наоборот: «А вот это как? А что же здесь тогда получится?» Вопросы, которые побуждали искать ответы, когда готовых ответов нет. Он умел ставить такие вопросы. Можно сказать, что создание творческой атмосферы научного поиска – один из главных вкладов Вилена Филипповича в развитие социологии. Зная, какое влияние этот человек оказывал на молодежь, на тех людей, с которыми он работал, я уверен, что вдохновение, которым он одаривал, не было избирательно, как если бы он лишь ко мне питал такие чувства. Нет, это стиль жизни, стиль мышления, стиль общения как личностное качество.

– *Получается – наставничество...*

– Да, наставничество духовное... Не одно только «идейное», в узком смысле, хотя и идеями он щедро делился. Главное, что он давал и создавал, – это высоконравственная и высокоинтеллектуальная атмосфера научного общения и творчества. Именно она представляла безусловную ценность для многих, кто прошел школу Черноволенко.

– *В психологии творчества давно пришли к тому, что творческий процесс в науке невозможен без диалога...*

– Совершенно верно, хотя бы внутренний диалог, как минимум. А Черноволенко умел создавать эту атмосферу диалога и ситуацию диалога реального, очень доброжелательно-критического тогда, когда в этом есть нужда и доброжелательно-одобряющего, оценивающего, создающего ощущение небесмысленности твоего труда, его ценности. Тогда что-то получается. Это дар – умение оценить другого...

– *Личностный дар, способность признавать результат. Это редкий дар в науке – не ревновать к достижениям других. Дар признания.*

– Да, совершенно верно, это дар признания. Наряду с даром критического осмысления, потому что одно без другого малоценно. Просто признание неэффективно, в чем-то оно может помочь, но вообще оно малоэффективно. А когда человек может и покритиковать, и поддержать, и признать...

– *...Дар компетентного признания?*

– Да, совершенно верно, компетентного признания. Это очень ценное качество Черноволенко...

– *Такова собственно научная, научно-теоретическая, методологическая и т.д. сторона ваших отношений. Но научные достижения подлежат, так сказать, сертификации в научном сообществе, а для тебя на кафедре и философском факультете университета возникли нешуточные проблемы*

с уже готовой кандидатской. И что же в этой ситуации — Вилен Филиппович?

— Когда дело дошло до защиты и на диссертацию начали вешать ярлыки, Черноволенко тоже оказал большую моральную поддержку. Он тогда реально ничего сделать не мог, поскольку он не был даже рецензентом.

— Он не был членом Ученого совета факультета?

— Так до совета дело не доходило, кафедра же рубила, кафедра не давала рекомендацию к защите, кафедра обвиняла меня во всех грехах. Ситуация была тупиковая. Когда закончилась аспирантура и когда меня не пустили на работу к Глушкову (хотя был запрос от него), а направили в Министерство работать методистом, Черноволенко вел тогда трудные «переговоры» с П. Йононом (в те годы — зам. директора Института философии по науке). В конце концов, выработали «компромиссную» формулу, на которой настоял Йонон. Он меня пригласил на беседу и прямо сказал: «Вилен Филиппович убедил меня, что Вы можете быть очень полезным сотрудником для отдела, но одно обязательное условие: защита Вашей диссертации — это Ваше личное дело, Институт в это не вмешивайте». А буквально через день зав. отделом научного коммунизма Института истории партии при ЦК Компартии Украины В. Косолапов предложил мне идти работать к нему в отдел и при этом сказал прямо противоположное: «Защита Вашей диссертации — это наше общее дело». Но эта история положительно характеризует самого Черноволенко: все то, что он мог сделать для трудоустройства человека, которого он понимал, он сделал. Более того, когда он узнал от меня о предложении Косолапова и о моих колебаниях, чье предложение принять, то несмотря на затраченное им время и силы, он совершенно однозначно высказался за то, чтобы принять предложение Косолапова.

— Он с Косолаповым был в контакте?

— О контактах Вилена Филипповича с Косолаповым я не знаю.

— А с кем из социологов он контактировал, профессионально общался? С кем тебя познакомил?

— Ты знаешь, по-моему, непосредственно он меня познакомил только с Овсеем Ирмовичем Шкаратаном. Это было очень важно для меня. Шкаратан меня тоже поддержал тогда своим отзывом о диссертации.

— А с Ядовым, Коном?

— С Ядовым я познакомился сам на Всемирном социологическом конгрессе в Варне в 1970 г. С Игорем Коном он тоже меня непосредственно не знакомил, мы с ним познакомились на конференции в Киеве, но саму эту конференцию, насколько я помню, организовывал именно Черноволенко. Да и для знакомства с Ядовым на Конгрессе в Варне важную роль Вилен Филиппович тоже сыграл, дав положительный отзыв на наше исследование по проблемам воспитания студентов-иностранцев. <...>

6.2.20. Олег Манаев, социолог и общественный деятель

Мы очень давно не виделись с Олегом Тимофеевичем Манаевым, хоть и довольно тесно сотрудничали с конца 1970-х гг. (оба занимались проблематикой социологии СМИ). После распада СССР связь ослабла.

В начале 2000-х О. М. прислал мне свою замечательную книгу, отображающую процесс и плоды десятилетней работы созданного им с коллегами Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). Книга называлась: «Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 1991-2000» (Минск: ФилСерв плюс, 2000).

Составленная из статей, опубликованных в научных периодических изданиях и массовой периодике, она являла собой социологическую летопись общественной и политической жизни Беларуси, причем сами эти статьи являлись значимым фактором этой жизни.

Круг исследуемых предметов представлен в прозрачной структуре книги: 1. Гражданское строительство; 2. Власть и оппозиция; 3. Электорат; 4. Масс-медиа; 5. Фабрики мысли. Очень уместно название заключительного раздела книги: «Резонанс»¹⁶¹.

Признаться, я затрудняюсь привести другой, столь же яркий пример сплава социологии, публицистики и общественной деятельности. Открытая, публичная, гражданственная социология — это определение смысла и жанра работы и жизни Олега Манаева¹⁶².

В мае 2009 г., узнав электронный адрес, я послал О. М. одну из своих рас-сылки и был очень рад отклику. Олег писал:

«Я уже два года работаю Visiting Professor at the University of Tennessee, но в июле возвращаюсь в Минск (<http://www.scholarrescuefund.org/pages/about-us/featured-scholar.php>). Читаю ваши материалы с интересом и грустью — белорусы проходили все это с лагом лет на пять раньше...» (17.05.2009).

О подвижнической деятельности Олега Манаева, его коллег и единомышленников — сотрудников НИСЭПИ — можно рассказывать много и долго¹⁶³. Здесь ограничусь четырьмя документами.

(1)

Информация с сайта Scholarrescuefund¹⁶⁴

Весной 2009 г. Институт международного образования США признал Олега Манаева ведущим участником программы Фонда спасения ученых.

¹⁶¹ В 2005 г. вышла вторая книга под аналогичным названием: Манаев О. Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 2001-2005. Книга вторая. — Рига: Лайма, 2005, 784 с.

¹⁶² См. ниже: раздел 10.2: «За открытую социологию».

¹⁶³ См., например, в «Википедии»: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%98%D0%A1%D0%AD%D0%9F%D0%98>.

¹⁶⁴ См. <http://www.scholarrescuefund.org/pages/posts/featured-scholar-spring-200911.php>

Доктор социологических наук Олег Манаев является основателем и профессором кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета, в котором он работает с середины 70-х. Многократно работал приглашенным профессором в университетах США, Канады, Бразилии и Европы, а также стажировался в исследовательских организациях многих стран мира.

Опубликовал свыше 170 научных статей, а также является автором / соредактором 17 книг по проблемам медиа и массовой коммуникации, демократии и гражданского общества, включая такие недавно опубликованные книги, как:

Независимые исследования в независимой Беларуси: в борьбе за реальность, 2004; Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 2001-2005, 2005; Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994-2006), 2006; Беларусь и «большая Европа»: в поисках геополитического самоопределения, 2007.

Наряду с традиционной университетской работой, доктор Манаев принимает активное участие в общественной деятельности. В начале 1992 г. он основал и возглавил первую в Беларуси фабрику мысли — Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), а в 1997 г. — Белорусскую ассоциацию фабрик мысли (БФМ), призванные изучать и способствовать развитию демократии, независимых медиа, рыночной экономики, правового государства и гражданского общества.

Однако его научная и общественная активность сделала его объектом всевозрастающего давления со стороны белорусских властей, стремящихся поставить под контроль деятельность NGOs, независимых медиа и исследовательских центров. После того, как Верховный суд Беларуси в 2005 г. ликвидировал НИСЭПИ, а в 2006 г. БФМ, и, получив официальные предупреждения от Генеральной прокуратуры, грозившие лишением свободы за «дискредитацию Республики Беларусь», доктор Манаев обратился в Фонд спасения ученых Института международного образования и своим коллегам с просьбой предоставить ему возможность преподавательской и научно-исследовательской работы в США.

С сентября 2007 г. доктор Манаев в качестве приглашенного профессора читает курсы по международной коммуникации и методам исследований медиа в Колледже коммуникации и информации Университета Теннесси в Ноксвилле, выступает с лекциями и докладами в других академических институтах, продолжает свои исследования и публикует тексты в американских и международных изданиях.

Хотя условия для независимой исследовательской деятельности в Беларуси не кажутся обнадеживающими, Олег Манаев считает, что, в конце концов, многочисленные препятствия будут преодолены:

«Я продолжаю свою работу не столько в силу своих политических и идеологических убеждений, сколько потому, что предоставление обществу объективной информации и аргументированного анализа является моим профессиональным и общественным долгом социолога и гражданина. Несмотря на все сложности, я вижу конкретные результаты нашей деятельности, и это внушает надежду»

НИСЭПИ продолжает выполнять свою миссию, правда, теперь уже как литовский институт, зарегистрированный в Вильнюсе (www.iiseps.org). А в Беларуси независимые исследования и анализ продолжает «группа профессора Манаева».

(2)

Из автопрезентации на сайте НИСЭПИ¹⁶⁵

НИСЭПИ – это старейший в Беларуси негосударственный исследовательский центр, созданный в феврале 1992 г. группой ученых, журналистов, политиков и бизнесменов. В настоящее время зарегистрирован как общественное учреждение в Литовской Республике.

Миссия организации: Активное продвижение ценностей демократии и рыночной экономики, содействие формированию в Беларуси гражданского общества и свободной рыночной экономики посредством изучения социально-экономических и политических процессов, влияния на общественное мнение и публичную политику.

Основные виды деятельности: исследования в области социологии, экономики и политологии; информационно-консультативная деятельность; проведение конференций и семинаров; издательская деятельность; профессиональный тренинг.

<...> Методы, применяемые в исследованиях, осуществляемых НИСЭПИ: национальные опросы (проводятся ежеквартально, случайная выборка = 1500 респондентов, ошибка выборки – не превышает 0.03); опросы лидеров мнений и экспертов (опросы до 100 общественных лидеров проводятся ежеквартально); контент-анализ сообщений масс-медиа (ежегодно проводится контент-анализ 1000-1500 сообщений ведущих газет) и документов (например, регистрационных карточек периодических изданий и др.); анализ программных документов ведущих структур гражданского общества – политических партий, общественных объединений, властных структур (проводится постоянно с 1994 г. Центром документации НИСЭПИ); анализ законодательства (проводится с 1994 г. постоянно по Регистру Министерства юстиции); анализ социально-экономической статистики (проводится постоянно по материалам Министерства статистики и анализа, Национального банка и др. источников)

Исполнительный директор НИСЭПИ – Альгирдас Дегутис, доктор философских наук.

(3)

*Хронология репрессий против проф. Манаева и НИСЭПИ
(см. на сайте НИСЭПИ: <http://www.iiseps.org/prensa3.html>)*

Март 2002 – письмо из администрации президента с требованием «освободить занимаемые площади» в административном здании по ул. Московская, 18, где НИСЭПИ арендовал помещение в течение 7 лет.

Сентябрь 2003 – первое официальное предупреждение НИСЭПИ Министерством юстиции «О нарушении ст. 26 Закона «Об общественных объединениях» (за несоответствие юридического адреса фактическому).

Октябрь 2004 – вызов проф. Манаева к министру юстиции по поводу нарушений НИСЭПИ Закона «Об общественных объединениях».

Ноябрь 2004 – второе официальное предупреждение НИСЭПИ Министерством юстиции «О нарушении ст. 26 Закона «Об общественных объединениях» (за

¹⁶⁵ См. на сайте НИСЭПИ: <http://www.iiseps.org/about.html>.

отказ предоставить копию заполненной анкеты опроса общественного мнения).

Ноябрь 2004 — вызов проф. Манаева в Республиканскую прокуратуру по поводу проведения экзит-пола во время конституционного референдума в октябре 2004 г.

Декабрь 2004 — ночной обыск КГБ в квартире, где проходят встречи сотрудников НИСЭПИ.

Январь 2005 — процесс «НИСЭПИ против Минюста» в Верховном суде.

Апрель 2005 — ликвидация РОО «НИСЭПИ» Верховным судом по иску Минюста по ст. 57 Гражданского кодекса.

Август 2005 — вызов проф. Манаева в Управление массовых мероприятий ГУВД г. Минска по поводу проведения брифинга НИСЭПИ в посольстве Литвы.

Декабрь 2005 — вызов проф. Манаева в Республиканскую прокуратуру и вручение первого официального предупреждения «О недопустимости нарушения Закона» (нарушение законодательства о выборах, ст. 167-3 Кодекса об административных правонарушениях).

Январь 2006 — приостановление деятельности РОО «Белорусские фабрики мысли» Верховным судом по иску Минюста.

Июнь 2006 — вызов проф. Манаева в Республиканскую прокуратуру и вручение второго официального предупреждения «О недопустимости нарушения Закона» (ст. 369-1 Уголовного Кодекса «Дискредитация Республики Беларусь», предусматривающая до двух лет лишения свободы).

Август 2006 — ликвидация РОО «Белорусские фабрики мысли» Верховным судом по иску Минюста.

Апрель 2007 — вызов проф. Манаева в Генеральную прокуратуру по поводу проведения научно-практической конференции «Беларусь и «большая Европа» и последующих публикаций в независимой прессе.

Июль 2008 — требование Комитета госконтроля проф. Манаеву: «в течение 5-ти дней предоставить сведения о доходах и имуществе» за последние два года и предупреждение, «что при не исполнении настоящего предписания к Вам будут применены меры воздействия в соответствии с требованиями действующего законодательства РБ».

(4)

Из новостей на главной странице сайта НИСЭПИ¹⁶⁶

Аналитика:

В марте 2009 г. независимыми социологами проведен опрос общественного мнения (методом face-to-face interview опрошено 1.513 респондентов в возрасте 18 лет и старше, ошибка репрезентативности не превышает 0.03), посвященный важнейшим проблемам жизни белорусов. Предлагаем Вашему вниманию комментарии к наиболее интересным результатам

Из жизни социальных индексов. Как и следовало ожидать, в марте произошел буквально обвал основных социальных индикаторов. За три месяца, прошедших после декабрьского опроса, экономический кризис «достал» большинство белорусов... Далее: <...>

¹⁶⁶ См. <http://www.iisepts.org/03-09.html>.

Непонятым курсом непонятно куда. Наряду с индексами материального положения и ожиданий полезно рассмотреть индекс правильности курса (ИПК). Он рассчитывается по аналогичной методике... Далее: <...>

В поисках ответа на классический вопрос. Политикам, находящимся у власти, положено демонстрировать оптимизм. Это универсальное правило распространяется и на Беларусь, в которой, как известно, «есть только один политик»... Далее: <...>

Сверхвласть по-белорусски. Уже не один год социологи НИСЭПИ обращают внимание на тесную зависимость между рейтингами главы белорусского государства (электоральным и доверия) и реальными доходами населения... Далее: <...>

Девальвация доверия. 2 января белорусы получили новогодний «подарок» – Национальный банк девальвировал белорусский рубль (то есть снизил его стоимость относительно доллара и евро) на 20.5%... Далее »»

Заграница нам поможет. От вопроса «Кто виноват?» вполне естественно перейти к вопросу «Что делать?» Понятно, что отвечая на первый вопрос, респондент как бы мысленно оглядывается по сторонам... Далее: <...>

Осторожно! Власть! Мартовский опрос позволяет нам оценить не только отношение общественного мнения к фигуре главы государства, которая, как уже отмечалось, во многом играет символическую роль, но и к власти в целом... Далее »»

Голосую, но не интересуюсь. Согласно мартовскому опросу, политикой в Беларуси не интересуется чуть больше четверти взрослого населения страны. По этому показателю страну можно смело включать в дружную семью европейских государств... Далее: <...>

Патернализм и либерализация в одном флаконе. Жизнестойкость формулы «Если не он, так кто же?» определяется не силой личности (харизмой) главы белорусского государства, а его монопольным правом распоряжаться сконцентрированными в руках государства ресурсами... Далее: <...>

Давайте придумаем деспота... В чем секрет популярности авторитарных правителей, почему даже в нынешней кризисной ситуации их рейтинги остаются незбылемыми? Самое простое объяснение – страх людей... Далее: <...>

Раскол. Многолетние исследования НИСЭПИ достаточно убедительно свидетельствуют о весьма ошутимом расколе, существующем в белорусском социуме... Далее: <...>

Бедные и богатые. Как неоднократно подтверждали исследования НИСЭПИ, уровень благосостояния определяет достаточно заметные различия в отношении людей к тем или иным социально значимым проблемам.... Далее: <...>

Теплый ветер с запада. Осторожные сигналы о желательности нормализации отношений с Западом, которые начал подавать Минск в начале 2007 г., в настоящее время приобрели характер геополитической революции... Далее: <...>

(5)

*Давайте придумаем деспота...*¹⁶⁷

В чем секрет популярности авторитарных правителей, почему даже в нынешней кризисной ситуации их рейтинги остаются незыблемыми? Самое простое объяснение — страх людей. Согласно этому объяснению, все опросы в стране, которая не прошла строгий экзамен на демократию, ничего не стоят — люди боятся правдиво отвечать на весьма опасный вопрос об отношении к верховной власти. Однако с таким объяснением не очень согласуются данные опросов, согласно которым 20-30% респондентов открыто заявляют о своем отрицательном отношении к главе государства. Если такой ответ требует подлинного героизма, то в стране, где самоотверженный герой — каждый четвертый-пятый, изменения должны были бы произойти давным-давно.

Некоторое представление о социально-психологических механизмах, обеспечивающих устойчивость популярности авторитарных правителей, дают данные опросов НИСЭПИ в Беларуси и ВЦИОМ в России (табл. 1)¹⁶⁸.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Чем, на Ваш взгляд, объясняется достаточно высокая поддержка А. Лукашенко (В. Путина) в белорусском (российском) обществе?», %

Вариант ответа	Беларусь 03'09	Россия 12'03	Россия 03'05
Просто нет никого другого, кто бы был лучше	44.2	20.9	33.1
Надеждой, что ему удастся сделать в будущем нашу жизнь лучше	31.9	31.6	27.8
Его личными и деловыми качествами	15.1	22.0	20.6
Его реальными успехами и достижениями	13.1	20.9	12.9

В отношении А. Лукашенко бросается в глаза внушительный перевес мотива, более уместного в оценке возлюбленного, чем главы государства. С другой стороны, и его российский коллега в течение года с небольшим тоже сильно прибавил именно по этой же позиции. Именно на этот временной интервал пришлось существенное усиление степени авторитарности российской власти, на этот период пришлось, в частности, весьма своеобразные вторые президентские выборы В. Путина.

Что означают такие высокие доли довольно странного ответа, когда популярность объясняется безальтернативностью, почему она выше у А. Лукашенко, чем была у В. Путина, почему соответствующая доля выросла в оценках российского президента именно с декабря 2003 г. по март 2005 г. Некоторый ответ на эти вопросы дают данные табл. 2.

¹⁶⁷ См. <http://www.iisepts.org/03-09-12.html>.

¹⁶⁸ Здесь и далее в таблицах суммы по колонкам превышают 100%, когда можно было выбрать несколько ответов. Если же они меньше 100%, то это потому, что опущены, для простоты восприятия массовым читателем в СМИ, проценты затруднившихся с ответом и не ответивших.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос о причинах популярности В. Путина в зависимости от политических предпочтений*, %

Вариант ответа	«Если бы завтра состоялись выборы в Госдуму России, за кого бы Вы проголосовали?»			
	За «Единую Россию»	За КПРФ	За «Яблоко»	Против всех
Просто нет никого другого, кто бы был лучше	22.8	37.0	42.0	42.4
Надеждой, что ему удастся сделать в будущем нашу жизнь лучше	34.8	25.2	24.0	21.7
Его личными и деловыми качествами	22.2	20.0	14.0	17.2
Его реальными успехами и достижениями	17.4	11.9	6.0	7.9

* Данные ВЦИОМ за март 2005 г.

Удивительное дело — чем более оппозиционно настроена группа электората, тем выше в ней доля тех, кто в качестве причины популярности президента называет его безальтернативность. А чем ближе группа по своим политическим позициям к главе государства, тем выше в ней доля тех, для кого президент — символ надежды на будущее, а отнюдь не неких реальных свершений. Иными словами, безальтернативность, как причину популярности лидера страны, в наибольшей степени склонны отмечать те, кто как раз хочет, ищет эту альтернативу, а возможно, и знает ее. Но почему же эти люди чаще всего указывают именно этот мотив? Может быть это — чисто российская особенность, а в Беларуси ситуация иная?

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос о причинах популярности А. Лукашенко в зависимости от политических предпочтений*, %

Вариант ответа	Вы сторонник или противник власти?		Доверяете ли Вы президенту?		Если бы завтра были президентские выборы, за кого бы Вы голосовали?	
	Сторонник	Противник	Доверяю	Не доверяю	За А. Лукашенко	За другого кандидата
Просто нет никого другого, кто бы был лучше	18.5	64.1	22.7	65.6	19.6	56.8
Надеждой, что ему удастся сделать в будущем нашу жизнь лучше	50.7	14.7	48.3	15.5	50.2	19.7

Его личными и деловыми качествами	28.4	4.9	26.4	4.3	29.4	8.5
Его реальными успехами и достижениями	27.4	3.7	25.1	2.1	26.3	7.7

* Данные НИСЭПИ за март 2009 г.

Как можно видеть из табл. 3, ситуация в Беларуси очень похожа на российскую, при этом тенденция, замеченная в табл. 2, выражена в табл. 3 еще более явно. В Беларуси оппоненты власти фактически отказывают главе государства как в успехах, так и в заслуживающих уважения личных качествах. Причем не только они сами не видят таковых в А. Лукашенко, по их мнению, и оценки других людей не этим определяются. У сторонников белорусского президента точно так же, как и у сторонников российского, доминирующий мотив в объяснениях — это надежда. А у оппонентов власти главное объяснение ее популярности — безальтернативность этой власти.

На первый взгляд, это абсурд: когда люди, не доверяющие А. Лукашенко, готовые голосовать за конкретных его оппонентов, говорят, что «просто нет никого другого, кто бы был лучше», то что они имеют в виду? Если они ему не доверяют — значит, он сам плох, если тем более они готовы голосовать за других политиков, то, видимо, в их глазах эти политики лучше действующего президента?

Это противоречие отчасти разрешается, если допустить, что, выбирая безальтернативность как доминирующее объяснение популярности первого лица, оппоненты власти имеют в виду не себя — в их глазах власть как раз непопулярна, а других, тех своих соотечественников, которые власть поддерживают.

Но все равно остаются неясности: ведь на самом деле для сторонников власти объяснение ее популярности, причем уже в их собственных глазах (именно для них она популярна), — в надежде. Почему же оппоненты так ошибаются в мотивах своих соотечественников — сторонников власти?

Может быть, правильное объяснение возвращает нас к началу и заставляет предположить, что противники власти, называя доминирующим мотивом безальтернативность, говорят на самом деле и про себя? В этом и фокус авторитаризма — в создании информационными, административными, политическими и полицейскими технологиями этой иллюзии безальтернативности, иллюзии, разделяемой не только ее сторонниками, но и ее врагами.

Эта диалектика прекрасно описана в песне Б. Окуджавы, первая строчка которой вынесена в заголовок — «Давайте придумаем деспота, чтоб в душах царил он один». И в самом деле: власть, и не только авторитарная, но и любая, не имеет в своей основе ничего, кроме мнений людей, она действительно в этом смысле придумана. Но если придуман деспот, то отношение перестраивается, и, как говорится в последних строках стихотворения Б. Окуджавы,

«И пусть он над нами куражится
И пальцем грозит из тьмы,
Пока наконец не окажется,
Что сами им созданы мы».

(6)

Не найдя на сайте НИСЭПИ имен сотрудников, я попросил О. М. назвать хотя бы нескольких своих коллег, со-ратников по общественной и профессиональной деятельности. Вот его ответ:

«...Как ты понимаешь, перерегистрация НИСЭПИ в Вильнюсе в 2005 (и, соответственно, де-юре литовское руководство) была обусловлена политическими причинами. Цель была простая – продолжать работать, но не сидеть в тюрьме. Так что я тебе могу сказать или о бывших кадрах НИСЭПИ, или о нынешних аналитиках «группы проф. Манаева» (а не НИСЭПИ!).

Из нынешних можно указать бывшего члена Президиума Верховного Совета РБ и министра труда, канд. экон. наук Александра Соснова и политолога Сергея Николюка (бывшего профессионального химика). Из бывших аналитиков я бы указал канд. физ.-мат. наук Юрия Дракохруста (из профессионального математика он превратился в ведущего журналиста и политолога), который с апреля 2000 г. живет в Праге и работает на белорусской службе радио «Свобода», и Владимира Дорохова (также бывший химик, ставший журналистом и политологом), который с августа 2005 г. живет в Бонне и работает на белорусской программе Радио Deutsche Welle. Кто и что делает сегодня для НИСЭПИ – пусть устанавливают КГБ и Ген. прокуратура (зачем им помогать?).

Картина, как видишь, печальная – фактически мы или в эмиграции, или в андеграунде. Так что НИСЭПИ скорее «висит на ниточке», чем «работает на полную мощность». О. М. 1.06.2009».

А. А. Июнь 2009

(7)

А. Алексеев – О. Манаеву

<...> Как Ты мог заметить, жанр нашей с Р. Л. «галереи» (случайно получилось «от Левады до Манаева») имеет отчасти просветительский характер. Пусть читатель так или иначе увидит эти «лики», зная имена многих лишь понаслышке. (Не будем переоценивать осведомленность даже профессиональных читателей). Понятно, что тираж 400 экз. для России (а больше нынче научные труды и не тянут, как правило) – не самая массовая «реклама». Но пусть хоть останется еще в одном издании и проникнет в читательский круг, мало пересекающийся с другими кругами. Такова «миссия» этой главы. <...> (24.05.2009)

6.2.21. Шестидесятники (Памяти А. Г. Здравомыслова)

Ниже – текст В. И. Ильина, опубликованный в его блоге¹⁶⁹.

В обиход давно вошло понятие «шестидесятники». Разные люди вкладывают в него разные смыслы. Шестидесятники – это не просто

¹⁶⁹ См. http://blogs.mail.ru/mail/ivi_2000/. Точечный адрес – http://blogs.mail.ru/mail/ivi_2000/3E5AA9616722D49A.html.

люди, жившие в 1960-е гг. Таких были миллионы, но шестидесятниками, с моей точки зрения, можно назвать тот тонкий слой, который творил дрожжи эпохи, предшествовавшей застою. Это были романтики, мечтавшие о более гуманном и справедливом обществе, наивно верившие в настоящий социализм (их чешские современники назвали его «социализмом с человеческим лицом»), в меру сил пытавшиеся вдохнуть новую жизнь в свою страну и вынужденные постоянно оглядываться на власть, искать с ней компромиссы и выходить на размытую грань, за которой начинался бунт против системы, а шестидесятники превращались в диссидентов. Последние — это уже совершенно новый тип, часто выраставший из шестидесятников, утративших страх, а с ним и надежду на реальные реформы.

Шестидесятники — это люди с удивительной жизненной силой. Многие из них дожили до наших дней, сохраняя позиции в рядах самых активных участников сумбурных процессов постсоветского времени. Но диалектика берет свое: все конечно, все рожденное обречено умирать.

Подряд ушли в июльские дни Л. Зыкина, В. Аксенов. Последний — шестидесятник, сыгравший огромную роль в формировании ауры той эпохи, когда страна оправлялась от оцепенения сталинизма. Я до сих пор помню завораживающий эффект его фильма «Коллеги». Он мне тогда казался глотком чистого воздуха из какого-то иного романтического мира. Однако В. Аксенов был для меня сугубо виртуальной фигурой, поэтому ничего нового сказать о нем не могу. Мы жили в разных плоскостях, которые не пересекались, хотя я был близко знаком с поэтом А. Алшутовым, входившим в Москве в ту же тусовку тогда еще молодых и бесшабашных шестидесятников.

7 июля умирает социолог А. Г. Здравомыслов — очень заметная фигура того же поколения шестидесятников. Он был одним из тех, кто сделал «буржуазную науку» социологию реальностью советской жизни. Без таких как он нельзя представить современную российскую социологию, выросшую на плечах шестидесятников и во многом движимую и по сей день их энергией. Мы с ним познакомились в самом начале 1990-х гг. Не знаю почему, но он оказал мне огромную моральную поддержку, дав возможность поверить в свои силы. Потом мы изредка встречались. И я всегда воспринимал его как одного из своих немногих учителей. Нет, он не учил меня чему-то конкретному, я не могу считать себя его научным последователем. Он был примером того, как можно и нужно жить в науке. В начале 1990-х гг. я брал у него интервью для своего альманаха «Рубеж». Позже мы с женой были у него дома. Пили вино. И совсем в стиле шестидесятников он пел песни той ушедшей эпохи, когда время говорило голосами бардов. Потом он был в гостях в нашей питерской квартире. И снова та же стилистика встречи: стол, гитара. А попутно я сделал с ним первую часть биографического интервью, в котором успели обсудить только его блокадное детство и начало профессиональной карьеры. Тогда же я снял его на память. Договорились как-нибудь продолжить, но, как поется в песне, «Жизнь прошла, как не было. Не поговорили».

В последний раз мы с ним встретились в Высшей школе экономики в Москве в начале июня 2009 г. на заседании диссертационного совета. Обычный разговор мимоходом: как дела, как здоровье? Он мельком ответил на первый вопрос, перечислив последние работы. Я был впечатлен: в свои 82 он гораздо более продуктивен, чем большинство его коллег, которые на десятки лет младше его. На вопрос о здоровье ответил изящным уклоном. Но по голосу было видно, что ему уже тяжело. А лицо было грустное, задумчивое. Он будто смотрел на меня совсем с другой, неведомой мне перспективы. После заседания мы попрощались: «До встречи!». Я и не подумал, что речь шла уже о встрече в ином свете.

В. Ильин. 10.07.2009.

Папка 2. Методологическая и науковедческая рефлексия

6.3. А. Здравомыслов: О теоретическом плюрализме в социологии

...Андрей Григорьевич Здравомыслов прислал мне эти тезисы для конференции «Разномыслие в СССР и России. 1945–2008» (ЕУСПб, май 2009)¹⁷⁰ с разрешением зачитать их на этой конференции, что было мною охотно исполнено.

Думал ли кто тогда, что это будет его последний текст, произнесенный на научной конференции при жизни! 7 июля 2009 г. одного из основоположников и выдающихся первопроходцев новейшей отечественной социологии не стало. При этом научное наследие А. Г. Здравомыслова, хоть 1960-х, хоть 2000-х гг., удивительным образом не стареет.

Светлая память Ученому, Человеку и Гражданину!¹⁷¹ (А. Алексеев. Июль 2009).

...Рассмотрим теперь еще один метасюжет теоретической социологии. Речь идет о *теоретическом плюрализме*, который опровергается, например, М. Н. Руткевичем в полемике с В. А. Ядовым самым воинствующим образом. Конечно же, плюрализму противопоставляется *Монизм* как

¹⁷⁰ См. выше: раздел 6.2.2.

¹⁷¹ См. также: Умер известный социолог Андрей Григорьевич Здравомыслов / Полит.ру. 7 июля 2009 г. (<http://www.polit.ru/science/2009/07/07/zdravom.html>).

См. также: Памяти Андрея Григорьевича Здравомыслова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2009, № 4.

Кроме того, см. на сайте «Международная биографическая инициатива»: Умер человек. Будет жить социолог... На смерть Андрея Григорьевича Здравомыслова (1927–2009) (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/memoriarn/zdrav_doktorov.html); Мазлумянова Н. А. Г. Здравомыслов: последние встречи (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/memoriarn/zdravomyslov_mazlumyanova.html).

некий священный принцип. Очень часто констатация теоретического плюрализма даже в рамках социологии интерпретируется в духе «anything goes»¹⁷².

Между тем, на мой взгляд, признание теоретического плюрализма в социологической теории есть, прежде всего, результат признания «много-слойности» социальной реальности. Каждая из классических социологических макротеорий рассматривает свой срез действительности. Для XIX века характерен взгляд на классовую борьбу как движущую силу исторических изменений и преобразований, для XX века наиболее существенной представляется идея многополюсного конфликта и практики регулирования конфликтов с помощью демократических институтов¹⁷³. В этой связи есть смысл обозначить основные источники плюрализма в социологической теории.

Во-первых, как сказано выше, это многослойность, точнее, мозаичность социальной реальности, связанная, в том числе и с тем, что каждое новое состояние общества сохраняет в себе так или иначе прежние свои состояния с их интересами¹⁷⁴, ценностными установками, символическими рядами. Практически ежедневно приходится сталкиваться с многослойностью основного предмета социологических дискуссий — России в ее многообразных ипостасях. Важным следствием объективной многослойности выступает и *многозначность* социальной реальности — вычленение в ее составе и конструкции собственного смысла каждым действующим субъектом. Кстати, со времен М. Вебера социальность и социальное действие определяются именно через приписываемые смыслы и значения. Социальность нагружена смыслами, которые субъект воспринимает в качестве оснований действия. *Изменение социальной реальности, с этой точки зрения, есть изменение содержания смыслообразующих понятий. Например, нация как органическая (историческая) общность и нация как часть человечества.*

Во-вторых, это наличие социологических традиций в самом теоретическом мышлении, которые могли бы на определенных этапах взаимосоисключающими, а стали взаимодополняющими. Так, две классические социологические формулы «общественное бытие определяет общественное сознание» (К. Маркс) и «если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям» (В. Томас) представляются, на первый взгляд, взаимосоисключающими. Однако попытаемся проанализировать их содержание более детально. Первая формула име-

¹⁷² Ядов В. А. Реплика уважаемому оппоненту // Социологический журнал, 1996, № 1/2.

¹⁷³ Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1996.

¹⁷⁴ «...Различные ступени и интересы никогда не преодолеваются полностью, а лишь подчиняются побеждающему интересу, продолжая на протяжении веков владеть свое существование рядом с ними. Отсюда следует, что даже в рамках одной и той же нации индивиды, если даже отвлечься от имущественных отношений, прodelывают совершенно различное развитие и что более ранний интерес... еще долго продолжает по традиции обладать властью...». Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (1-я глава «Немецкой идеологии») // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: В 3 т. М., 1979. Т. 1. С. 65.

ет в виду исторический взгляд на жизнь общества как некую целостность. Здесь вычленяется именно общественное (надиндивидуальное) бытие, не сводящееся к простой сумме индивидуальных историй и существований. Здесь выражен системный взгляд на социальность. Вторая формула имеет в виду конкретных индивидов, действия которых оказываются производными от оценки их собственной ситуации, от ее восприятия. Здесь сознание (оценка ситуации) порождает действие, вплетающееся в «бытие». Действование этих индивидов само представляет собою социальную реальность, но, кроме того, оно должно рассматриваться и как средство изменения ситуации и ее конструирования. В достаточно точной интерпретации этих формул заложена возможность доказательства ложности противопоставления объективистской и конструктивистской альтернатив, обозначенных А. Ф. Филипповым. Так, финансовый кризис 1998 г. — результат объективного разворачивания противоречий экономической системы или следствие действий, предпринятых правительственными кругами? По-видимому, рассуждения и в том, и в другом направлении не дадут адекватного понимания сложившейся ситуации, так как в этой ситуации переплетены весьма сложным образом и социальные интересы, и намерения отдельных лиц, незаметное накопление ошибок правительства В. Черномырдина и переход заданных границ финансового равновесия правительством В. Кириенко.

В-третьих, значение теоретического плюрализма проистекает из своеобразия связей тех или иных социологических теорий и направлений с комплексами гуманитарного мышления и из своеобразия вхождения социологии в сложившееся разделение труда в современном общественном сознании — ее отношения к экономической науке, демографии и статистике, к исторической науке с ее разнообразными мировоззренческими и политическими установками, ее связи с антропологией, культурологией, психологией в многообразии их собственных школ и направлений и т. д.

В-четвертых, этот теоретический плюрализм проистекает из многообразия интересов, стимулирующих социологический поиск, в том числе и из многообразия «партийных» точек зрения. Во всяком случае, российскому социологу приходится учитывать наличие противоположных политических ориентаций, сложившихся в обществе, и преодолевать их в своей исследовательской практике или, по меньшей мере, демонстрировать стремление к преодолению узкопартийных взглядов, в сколь бы прогрессистскую и принципиальную идеологию они не облекались. В настоящее время это представляется условием самосохранения социологии как области научного знания, исследований, преподавания.

А. Г. Здравомыслов¹⁷⁵

¹⁷⁵ См. этот текст также на сайте ЕУСПб: http://www.eu.spb.ru/images/pss_dep/tez_razno.doc. Кроме того, опубликовано в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009, № 4.

6.4. От синкретизма – через дифференциацию – к синтезу

Этот раздел посвящается памяти моего покойного друга Сергея Михайловича Розета (1940–1994).

А. Н. Алексеев

Об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания¹⁷⁶

«...Для беглой оценки того, развивается ли наука или не развивается, как раз отсутствие кризисов является подозрительным, и если такое «благополучное» состояние длится слишком долго, можно почти без ошибки сказать, что наука пришла в состояние догматического застоя».

А. А. Любичев. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб.: Алетея, 2000, с. 96

1. Первоначальная версия этой работы была подготовлена несколько лет назад и уже публиковалась мною [1; 2]. Речь там шла о соотношении разных теоретико-познавательных подходов к изучению человека и общества. (Эти подходы иногда называют «парадигмами», говорят также о «парадигмальном кризисе» в социологии).

Однако в предыдущих публикациях автору никак не удавалось найти точного терминологического определения для пары конкурирующих в современной социологической науке эпистемологических «парадигм». Поэтому вернусь к этой теме, не просто развивая ее, но и отказавшись от прежних «рабочих» названий: «объективная» и «субъективная» социологии, — и заменив их на иные, вполне, как я считаю, адекватные предмету обсуждения, а именно: *субъект-объектный* и *субъект-субъектный* эпистемологические подходы (способы познания) в социологии.

Эта пара терминов, так сказать, витала в воздухе, но первым ее употребил (в связке) мой, ныне покойный, друг, петербургский социолог С. М. Розет (1940–1994). И для прояснения сути дела, и для подтверждения приоритета коллеги — приведу пространную цитату из его работы 1992 г.:

«Социальное познание в мире подавления и отчуждения субъектности было субъект-объектным. «Исследователь», как потенциальный советник истеблишмента (на Западе) или номенклатуры (у нас), отчуждал субъектность от «Исследуемого» и от совокупности «Исследуемых», превращая и его, и совокупность в социальный объект, объект исследования, управления, планирования и проектирования.

¹⁷⁶ Впервые опубликовано в: XVIII Любичевские чтения. Современные проблемы эволюции. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2004. Расширенный вариант этой работы: От синкретизма – через дифференциацию – к синтезу (об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004, № 6). (Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content12012582035821file.pdf).

Опредмечивание «Исследуемого» связано с опредмечиванием «Исследователя», с выведением его за счет присвоенной чужой субъектности из нормальной человеческой позиции в сверхчеловеческую (в сущности, объектную), как носителя и обладателя «Объективной истины» и «Научного метода», с установлением вертикальных отношений между этими двумя людьми. Но если для «Исследуемого» подвергнуться исследованию – это неприятный эпизод, приносящий незначительный ущерб, то для «Исследователя», профессионально вовлеченного в эту гносеологическую ситуацию и вынужденного идентифицировать себя с «Методом», «Истиной», сверхчеловеческой позицией, ущерб от объективации может быть значительным, вплоть до обеднения или атрофии личностного, ценностного, эмотивного начала.

В данной работе мне хотелось бы содействовать становлению субъект-субъектного познания. Субъект-субъектное познание может быть только равноправным диалогом «Исследуемого» и «Исследователя» по поводу темы исследования, без монополии на «объективную истину» у сторон.

...В рамках субъект-субъектной методологии опросный лист представляет собой аспект сюжета жизненного пути респондента. Сам сюжет представляет собой индивидуальные способы разрешения конфликтов и построения отношений сотрудничества. Сюжет неразрывно связан с именем респондента, но в некоторых отношениях может быть типологизирован по сюжетному сходству или вовлеченности в межиндивидуальный или надиндивидуальный (групповой) сюжет. Респондент превращается в собеседника «Исследователя», по возможности заинтересованного в теме исследования и становится автором версии конфликта и соавтором исследования..» [3, с. 553-555].

Интересно, как при этом формулирует мой коллега свое отношение к альтернативной социологической «парадигме»:

«...Несмотря на критический пафос приведенных обоснований, предполагаемый конфликтологический подход лишь очерчивает область субъект-субъектного познания, оставляя субъект-объектному познанию адекватную ему реальность» [3, с. 555].

Все это писано без особой теоретической амбиции, в применении к конкретному предмету исследования (социальные конфликты в новых российских условиях), но нетрудно заметить и фундаментальность выдвинутой гносеологической дилеммы.

Глубинные концептуальные корни заявленной тогда С. М. Розетом методологической позиции могут быть обнаружены не только в рамках социологической науки как таковой (о чем ниже), но и в мирожизненных, философских размышлениях А. А. Ухтомского о «доминанте на лицо другого» и о потенциальном (актуальном?) «тождестве субъект-объекта» [см. 4; 5], и в философии А. Швейцера, трактовавшего «знание как переживание мира» и постулировавшего «внутреннюю связь» познающего субъекта с миром [см. 6], и в теории познания М. Полани, где главный акцент делается на «личном участии» исследователя и его «самоотдаче» в ходе постижения реальности [см. 7], и в постановке П. Сорокиным, в конце жизни, вопроса о «действительной идентификации познающего и познаваемого» [см. 8].

А теперь – обратимся собственно к предмету нашего обсуждения, обозначенному в названии настоящей работы.

2. Общую логику развития научного знания можно усмотреть в движении *от синкретизма через дифференциацию к интеграции и синтезу*. Эта логика универсальна, однако она специфицируется в каждой из ветвей «древа познания», будь то естественно-научное, формально-абстрактное или социально-гуманитарное знание (и отношения между ними), будь то отдельные научные отрасли и дисциплины.

В частности, история социологии, конституировавшейся в качестве научной дисциплины и социального института немногим более 100 лет назад, эту логику подтверждает. Хотя историческое время для реализации указанной закономерности тут было поменьше, чем для других не столь «молодых» наук.

Другим общим для науки в целом, равно как и для отдельных ее отраслей, законом развития полагается, согласно Т. Куну, движение от *допарадигмального* (эклектичного) состояния к *нормальной* науке, в которой устанавливается господство определенной парадигмы (или «дисциплинарной матрицы»), как системы теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решаемых научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества. Далее, в недрах такой науки, под воздействием как внутри-, так и вненаучных (социокультурных) факторов, вызревает новая парадигма, с существенно большими познавательными возможностями, которая в конце концов, в итоге *научной революции*, становится общепризнанной [см. 9; 10].

Эту логику развития, убедительно подтверждаемую историей естественных наук, иногда слишком поспешно экстраполируют на науки социально-гуманитарного профиля, динамика которых вовсе не обязательно укладывается в антикумулятивную историко-научную модель.

Так, в истории развития социологической науки мы сегодня как будто наблюдаем (переживаем) период смены дисциплинарной матрицы. Вроде бы, существенно обветшали устои «классической» (структурно-функционалистской и позитивистской по преимуществу) социологии, при все большем выдвигании на передний план идеалов и норм социологии «неклассической» («экстраординарная наука», по Т. Куну). Эту последнюю иногда определяют как *качественную* (в отличие от количественной), как *индивидо-* или *антропоцентричную* (в отличие от социоцентричной), как *микро-социологию* (в отличие от макросоциологических подходов), как использующую «мягкие» или «гибкие» методы (в отличие от «жестких» и строгих), как *интерпретативную* (в отличие от аналитической или дискурсивной), как гуманитарную или *гуманистическую* (в отличие от сциентистской?) — некоторые из наименований уже приобрели терминологический статус [11; 12].

Решительное наступление этой новой парадигмы началось в мировой социологии еще в 60-х гг. прошлого века, а в отечественной — с отставанием по фазе примерно на четверть века. Что сопровождалось поначалу (и на Западе, и у нас) крайне острой идейно-научной полемикой между поборниками «нормальной» и «не нормальной» социологии (например, в России: [13; 14; 15]).

Сейчас научные страсти вроде поутихли. Пожалуй, можно сказать, что разные стратегии социологического исследования, сосредотачивающие свое внимание либо на структурных социальных единицах (общностях, институтах), либо на сознании и деятельности «человека живущего» (оппозиция, сформулированная Т. М. Дридзе [16, с. 22]), — относительно мирно сосуществуют. Но они пока далеки от эффективного сотрудничества.

Автора этих строк, по всей совокупности его личных профессиональных усилий, вероятно, следует отнести к труженикам именно гуманистической, или «качественной» социологии [см., например: 2; 17; 18]. Однако, в качестве такового, я вовсе не считаю, что этой последней следует или суждено вытеснить или поглотить социоцентричную, аналитическую и т. п. социологию.

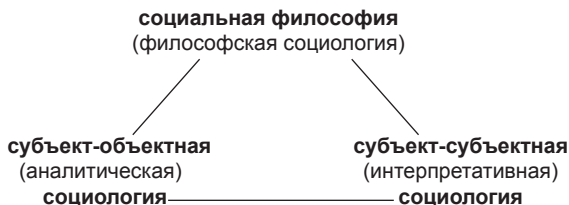
Здесь позволю себе усомниться в ставшей уже привычной трактовке «не-стандартной» (включающей в себя феноменологические, акционистские, интуитивистские, конструктивистские и иные «субъектные» социологические подходы) и «стандартной» («объектной», по выражению В. В. Ильина [13, с. 16]) социологий как разных «парадигм». Ибо само по себе понятие *парадигмы*, по крайней мере у Т. Куна, связано с «научными революциями», предполагающими своего рода парадигмальную инверсию; при этом новая парадигма обычно вбирает в себя старую как «частный случай» (для граничных условий).

Почему неправомерно, в случае социологии, говорить о «научной революции», или смене парадигм? Да хотя бы потому, что один способ познания включить в себя другой *не может!* Ибо каждый из них ответствен за свой аспект, срез, круг явлений и процессов социальной реальности.

3. Теперь мы подошли к ключевому пункту нашего рассуждения — вопросу об эпистемологической структуре (структуре — динамической, исторически развивающейся!) социологической науки.

Недостаточность одномерного бинарного подхода, с его оппозициями (да — нет, или — или) для адекватного описания реальности ныне обнаруживается все явственнее. На смену бинарному мышлению приходит и все более утверждается имеющий не менее, кстати, глубокие историко-культурные корни *тернарный* подход.

Опираясь на идеи тринитарной методологии, разрабатываемой Р. Г. Баранцевым [см., например: 19; 20], здесь предложим следующее представление о троичной эпистемологической структуре научного знания о человеке и обществе (= социологии):

Такая структура соотносима с фундаментальным семантическим архетипом, иначе говоря — формулой системной триады [см. 19; 20]:

Предлагаемая эпистемологическая модель, как я считаю, удовлетворяет главному требованию к системной триаде, а именно: требованию **целостности**, при соблюдении принципа «неопределенности — дополнительности — совместности». Ибо *системными* (целостными) триадами полагаются такие структуры, «единство которых создается тремя элементами одного уровня, каждый из которых может служить мерой совмещения двух других; все три потенциально равноправны» [20, с. 26].

В самом деле. Социология, как некая целостность, системное единство, не может быть сведена ни к рациональному (субъект-объектное познание), ни к эмотивному или чувственному (субъект-субъектное познание), ни к интуитивному (социальная философия) аспектам самим по себе. Уже в синкретизме «донаучных» начал (генезиса) знания о человеке и обществе можно различить все три «корня», причем социальная философия получила, пожалуй, самое раннее развитие. Так или иначе, ни один из трех названных аспектов не может претендовать на «исключительное положение» или безусловный приоритет перед другими.

Историческое развитие знания об обществе, происходившее, начиная с середины XIX века, под мощным влиянием естественных наук (физика, биология), выдвинуло именно *субъект-объектную* компоненту на первый план. А поскольку это тогда совпало с известным процессом дифференциации наук и становлением социологии как особой научной дисциплины (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм; в том же эпистемологическом ряду — и марксистская социология), названная компонента стала отождествляться со всем социологическим знанием, как его атрибут, а не один из модусов.

Примечательно, однако, что уже в трудах основателей научной социологии XX века (в частности, М. Вебера, еще ярче — у Г. Зиммеля) обнаруживаются предпосылки для позднейшей гуманистической критики структурно-функционального и позитивистского подходов, занявших главенствующее положение в мировой социологии к середине минувшего века. Поначалу не столь интенсивно развивалась *альтернативная* этим подходам интерпретативная социология, истоки которой принято возводить к «символическому интеракционизму» Дж. Мида, а можно поискать их и пораньше (в частности, в «понимающей социологии» Вебера).

Тем не менее, идеи этого альтернативного субъект-объектному социологическому познанию научного движения, ярко воплотились в трудах «чикагской школы» (У. Томас и Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджес; 20–30-е гг.), а окончательно теоретически конституировалось это движение уже во второй половине прошлого века — в «феноменологической школе» (А. Шюц; П. Бергер и Т. Лукман).

Методология «case study» (истоки которой лежат еще в XIX веке), методология изучения «историй жизни» (от начала века до наших дней), «франкфуртская школа» (Т. Адорно, Г. Маркузе и др.), «диалектический гиперэмпиризм» Ж. Гурвича, «этнометодология» Г. Гарфинкеля, «драматургическая социология» И. Гофмана, «фигуративная социология» Н. Элиаса, «социология действия» А. Турена, «социологическое воображение» Ч. Р. Миллса, «этика дискурса» Ю. Хабермаса, «археология знания» М. Фуко — все эти, *столь разные* социологические школы и направления социальной мысли так или иначе, прямо или косвенно, оказывались в оппозиции той самой «классической» субъект-объектной социологии XX века, к заглавным фигурам и мировым корифеям которой, после Э. Дюркгейма, относятся, например, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Лазарсфельд, в известном смысле — Дж. Гэллп.

Как видно, доминировавшая на протяжении почти столетия стратегия социологического исследования, исходящая из эпистемологической предпосылки жесткого разделения (разграничения, оппозиции) познающего субъекта и познаваемой реальности, в интересах объективности (научной беспристрастности, неангажированности, ценностной нейтральности) познания (субъект-объектная социология), в известном смысле даже... «не старше» субъект-субъектной социологии (она же — «деятельностная», «личностная», а также интерпретативная или «понимающая»).

Но вот последние десятилетия, как известно, озаменованы настоящим бумом качественных («мягких», «гибких») методов, пожалуй, претендующих сегодня стать ведущими в практике полевых, эмпирических социологических исследований. Что это — смена парадигмы, в смысле Т. Куна? Думаю, вовсе нет. Скорее — установление (восстановление?) баланса, преодоление известной «однбокости» предыдущих, сциентистских этапов генезиса и развития данной области научного знания (в «классическом» духе).

Обратимся к третьему элементу нашей триады социологического познания. По мысли Ю. Н. Давыдова, *социальная философия* — в узком смысле — может рассматриваться как «раздел общей социологии», посвященный «осмыслению таких результатов (проблем, антиномий) социологической теории, которые не могут быть «верифицированы» с помощью ее собственных познавательных инструментов» [21, с. 22-23].

Как тонко замечено В. В. Шамшуриным, «социология без социальной философии — безродна, а социальная философия без социологии — бесплодна» [22, с. 68-69]. Однако социальная философия (она же — по существу философская социология!), в отличие от двух заведомо социологических теоретико-познавательных «парадигм», пока как бы не вмешивается в их спор и соперничество (занимаясь по преимуществу «сугубо своими» — мироотношенческими и смысложизненными вопросами).

Между тем, как мне представляется, именно социальной философии (до сих пор «не опознанной» в качестве элемента системной триады социологического знания, как такового) скорее всего и предстоит выступить в качестве «арбитра» и «гаранта» адекватного со-отнесения (разрешения конфликта, согласования усилий) субъект-субъектной и субъект-объектной «ветвей» социологии.

«В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительной, а третий элемент задает меру со-единения», — отмечает Р.Г. Баранцев [23, с. 64]. Это важнейшее положение тринитарной методологии заслуживает применения и к эпистемологической структуре социологического познания.

Если попытаться взглянуть на современную ситуацию в социологии как бы со стороны (философически?), и с учетом известной историко-научной ретроспективы, можно, пожалуй, придти к следующему заключению:

— Неравномерная, поочередно интенсивная или опережающая (в пределах отдельно взятого исторического периода), своего рода — *нульсирующая* реализация (и распространение) исследовательских практик, опирающихся на тот либо иной эпистемологический подход (что эмпирически может быть воспринято как «смена парадигмы», а на самом деле — всего лишь на-верстывание наметившегося «отставания» применений одной относительно другой), является и закономерным и, вместе с тем, «счастливым» обстоятельством развития мировой социологии.

Ибо тем самым обеспечивается нелинейность научного развития, происходит самоорганизация социального знания как динамической и открытой системы.

4. Вернемся к началу нашего рассуждения. Из сказанного можно сделать вывод, что мы являемся свидетелями (участниками?) очередного этапа глобального движения знания о человеке и обществе *от синкретизма через дифференциацию* (а теперь, добавим: и через *плюрализм*, и через *диалог!*) *к синтезу*. Это движение не бесконфликтно, порой — кризисно (что, само по себе, благотворно; вспомним пронизательное замечание А. А. Любищева, вынесенное в эпиграф!). В известном смысле, современное развитие социологии является «нормально-экстраординарным». Это вовсе **не** «просто поступательное» движение, с кумулятивным эффектом; но и **не** «научная революция» (смена парадигмы, когда новая отрицает старую, включая ее в себя как «частный случай» и т. п.).

Здесь уместно указать на уже предпринимаемые теоретические (кстати — социально-философский уровень!) усилия по разработке объединительных (интегральных) подходов к изучению человеческого и социального мира. В центр внимания таких социологических подходов выходит — *взаимодействие человека и общества*, динамическая взаимосвязь социальных структур и социальных акторов. В частности, С. В. Кравченко к разряду объединительных «парадигм» в современной социологии относит: теорию структуризации А. Гидденса, «структуралистский конструктивизм» П. Бурдьё, структурно-деятельностную социологию П. Штомпки [см. 24, с. 200].

А первые попытки такого рода находим еще в 50-х гг. минувшего столетия. Например, Ч. Р. Миллс, который в своей последней работе (1959) формулировал задачу социологии как обеспечение — *посредством социологического воображения!* — понимания человеком того, *«что происходит в мире и что происходит с ним самим — в точке пересечения биографии и истории»* [25, с. 16]. И — еще раньше! — Питирим Сорокин выступил со своей интегралистской концепцией знания о социальной реальности.

По мысли П. Сорокина (середина 50-х), «коронная дорога» психо-социального знания состоит в *интеграции трех основных «каналов» или методов познания*: сенсорного восприятия-наблюдения, рассудочной логико-математической мысли и сверхчувственно-сверхрациональной интуиции.

Именно согласованное использование всех указанных каналов «... *дает нам знание о всех трех аспектах нашей реальности, тогда как пользование только одним из них обеспечивает знание лишь об одном аспекте. При интегрированном использовании всех трех каналов знание, получаемое через один из них, дополняется и проверяется знанием из других двух каналов,*» — писал П. Сорокин в своей (до сих пор не изданной в России книге «Причуды и слабости современной социологии и родственных наук» (1956) [8, с. 122].

В свете всего сказанного, любой из элементов тернарной эпистемологической структуры современной социологии (см. предложенную модель, выше) предстает недостаточным для постижения социальной реальности, как *целого*. Но и без любого из них такое постижение невозможно. Между разными теоретико-познавательными подходами в социологии может и должно быть установлено не только «разделение труда» (сфер интересов, предметных областей), но и отношение *взаимодополнительности*. Это было бы значимым шагом на пути к синтезу.

Подчеркну, что синтеза следует ожидать вовсе не в виде некой «всеобъемлющей» социальной теории, объясняющей «все и вся»; и уж тем более — не в виде нового, «научно-обоснованного» учения-проекта переустройства мира. Вообще, **интегральное** социологическое познание (постижение?), как и всякий синтез, предполагает «единство целого при свободе частей» [23, с. 65].

***

Если вспомнить одну из фундаментальных триад, сложившихся в истории человечества, то можно метафорически сказать: «тело», «душа» и «дух» знания о социальном мире должны составить систему — *открытую*, как для взаимопроникновения (взаимообогащения) своих составных частей, так и для всего универсума человеческого знания.

Литература

1. Алексеев А. Н. К вопросу о «парадигмах» в социологическом знании / Роль фундаментальных социологических исследований в преподавании гуманитарных дисциплин и становлении гражданского общества. Ч. 2. СПб., 1999).
2. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1–2. СПб.: Норма, 2003.
3. Розет С. М. К теории конфликта в социологии / А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. СПб.: Норма, 2003, с. 553–556.
4. Ухтомский А. А. Письма к Е. И. Бронштейн-Шур / Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973.

5. Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
6. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973.
7. Полани М. Личностное знание. На пути в посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
8. Сорокин П. Интегральная теория познания социальной реальности // Реальность и субъект, 1998, № 2/3.
9. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
10. Хомич Е. В. Парадигма / Новейший философский словарь. Минск: Изд-во В.М. Скаун, 1998.
11. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999.
12. Семенова В. В. Качественные методы; введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
13. Ильин В. В. Теоретическое и эмпирическое в социологии: смена парадигмы? // СОЦИС, 1996, № 10.
14. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал, 1994, № 2.
15. Дридзе Т. М. На пороге экоантропоцентрической социологии // Ответственные науки и современность. 1994, № 4.
16. Дридзе Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // СОЦИС, 2000, № 2.
17. Алексеев А. Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: СПбФ ИС РАН, 1997.
18. Алексеев А. Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.
19. Баранцев Р. Г. Системная триада – структурная ячейка синтеза / Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989.
20. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М.: УРСС, 2003.
21. История теоретической социологии. Том 1. М.: 1995. Введение.
22. Шамшурин В. В. «Гуманитарная» социология: новые перспективы и старые проблемы // СОЦИС, 1994, № 2.
23. Баранцев Р. Г. Тринитарный смысл культуры / Культура XXI века: Человек, Общество, Космос. Владивосток, 1996.
24. Кравченко С. А. Парадигма / Учебный социологический словарь. М.: Экзамен, 1999.
25. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998.

Об А. А. Ухтомском, А. Швейцере, А. А. Любичеве см. также: Алексеев А. Н. Учителя жизни. Триптих. Из рукописи первого варианта книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2001) – сетевая публикация 2007 г.¹⁷⁷

¹⁷⁷ См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/biographies/alekseev_triptych.html.

Приложение

Две тринитарные модели

Интересна наша концептуальная перекличка – не совпадение! – с теоретическим рассуждением В. А. Бачинина.

Автор этих строк в своих работах, в частности, в вышеприведенной статье, опубликованной в журнале «Телескоп», обосновывает представление о тернарной эпистемологической структуре научного знания о человеке и обществе: субъект-объектная (количественная, аналитическая, социоцентрическая) социология – субъект-субъектная (качественная, интерпретативная, антропоцентрическая) социология – социальная философия (см. выше).

В. А. Бачинин в своей статье, опубликованной в том же «Телескопе»¹⁷⁸, говорит о трех парадигмах социологической науки, причем две из них, казалось бы, совпадают с соответствующими элементами нашей триадической структуры:

«...За всю историю социологической науки обнаружилось всего лишь несколько крупных мировоззренческих систем, которые придавали социально ориентированным теоретическим конструкциям, выстраиваемым в их русле, характерные смысловые, ценностные и нормативные оттенки. Они различаются между собой содержательными доминантами и имеют вид теоцентрической, антропоцентрической и социоцентрической парадигм...»

Различие, как видно, в третьем элементе: «социальная философия» – у А. А., «теоцентрическая социология» – у В. Б. Но и не только в этом.

Если первый автор полагает выделенные три направления равнозначными или равноценными, при том, что между ними должен быть определенный «баланс» и живое взаимодействие, то второй выстраивает определенную иерархию:

«...Что <...> касается антропоцентризма и социоцентризма, то их мировоззренческая уязвимость состоит в том, что в первом господствует ценностно-нормативный релятивизм, чреватый методологическим анархизмом <...>, второй же слишком жестко привязывает социологическое сознание к конкретным социальным системам <...>. Теоцентризм с характерной для него привязанностью социологического сознания к абсолютным смыслам, ценностям и нормам радикально препятствует тому, чтобы ученый ощущал себя слугой какой-то системы или кого-либо из людей. В иерархии субъектов Бог – социум – человек он готов позитивно воспринимать нормативно-дисциплинарные императивы, исходящие от человека и социума, только при одном условии, если они не противоречат императивам, исходящим от Бога...».

И далее:

«...Подобная тройная зависимость социологического сознания сразу, казалось бы, от троих субъектов, оборачивается в данном случае обретением самого главного, без чего не может быть истинного научно-гуманитарного творчества,

¹⁷⁸ Бачинин В. А. Неудачный роман социологии с государством (субъективные заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2007, № 5. (Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1220713109472049file.pdf).

– искомой духовной, а значит и интеллектуальной свободы».

Здесь можно указать еще на одно различие моделей А. А. и В. Б. Наша претендует выявить именно эпистемологическую структуру социологического знания (представленную тремя разными его сферами, подходами, способами исследования и рефлексии). Модель Бачинина сосредоточена на мировоззренческих аспектах и соответствующих им императивах и творческих устремлениях ученого.

В силу указанного различия эти две модели (концептуальные схемы) не конкурентны друг другу. (А. А. Февраль 2009).

...В последние десятилетия, я думаю, в теоретической социологии имеет место примечательный процесс, значимость которого еще не отрефлексирована по достоинству. Наметились признаки интеграции в теории и методологии исследований макросоциальных процессов и повседневной жизнедеятельности людей... Вошел в оборот термин «миксметодология» – совмещение количественного и качественного анализа. Не есть ли это признак преодоления разрыва между макро- и микро-социологией?

Ядов В. А.

К вопросу о макро-микро дилемме в социологии // Социологический журнал, 2009, № 1, с. 149¹⁷⁹

6.5. Размышления о науке («Троицкий вариант»)

Из статьи Р. Фрумкиной «Дух науки»¹⁸⁰

Во времена оны блистательные и вьедливые немцы придумали слово *Geisteswissenschaften* – что традиционно переводится на русский как *науки о духе*, донося до нас аромат достойной старины.

Как известно, западная система присуждения *научных* степеней такова, что аббревиатура Ph. D. (и аналогичные) «покрывает» и sciences, и humanities, так что «науки о духе» относятся к humanities и при этом считаются *науками*.

Как известно, внутринаучные процессы во все времена опережают жесткие структуры классификации научной деятельности. Наука, а в особенности – науки гуманитарного цикла, всегда развиваются путем выхода за свою прежнюю территорию. Чем больше в работе новизны, тем меньше шансов, что она попадет в заранее предусмотренную клетку – в российский случае, например, в сетку ВАК.

Я настаиваю на том, что распад организационных структур советской науки, последовавший за распадом СССР, породил не только постоянно обсуждаемую *нищету* науки (в буквальном смысле), но и ее *блеск*. В частности, либерализация организационной структуры науки позволила расшатать прежнюю сверхжесткую сетку специализации, открыв возможности институционального признания новых

¹⁷⁹ Электронная версия – http://www.isras.ru/files/File/Publication/09_Yadov.pdf.

¹⁸⁰ См. Фрумкина Р. Дух науки // Троицкий вариант – Наука, 2009, № 4(23). (Электронная версия – <http://trv.nauchnik.ru/23N.pdf>).

направлений — таких, как политология, изучение коммуникативных процессов в малых группах, гендерные исследования, социальная география и т. д. Конечно, часть работ по любым новым направлениям — это что-то вроде эссеистики, притом не лучшего качества — таковы неизбежные издержки социальных и профессиональных перетрясок. Другая же часть — превосходные научные исследования.

Но где критерии оценки?

В науках, которые в англоязычной традиции называются *sciences*, имеются определенные *каноны* — разные, кстати сказать, для наук экспериментальных и наук, экспериментов не предполагающих. Для *humanities* тоже существуют некие требования, которые, быть может, более уместно называть *обычаями*. Дабы не упоминать все имена реально действующих ученых, скажу, что я склонна думать, что Карл Ясперс не мог бы защитить свою работу о Стриндберге в Институте мировой литературы РАН. Куда бы он мог представить известную работу о Ван Гого — я и вообразить не берусь: таковы *обычаи*. И это подводит нас к проблеме специфики науки как социального института.

Именно в качестве социального института наука как таковая — *Geisteswissenschaften* в том числе — основана на преемственности в сочетании с принципиальной и постоянной *открытостью* для критики не только результатов, но прежде всего своих собственных оснований. В частности, это публичная критика псевдонауки, мобильность научных кадров и гибкость системы их подготовки; экспертиза компетентности лиц, наделенных правом принятия решений в науке; обеспечение доступности научной информации и т.п.

Очевидно, что все это возможно лишь при определенном уровне рефлексии, при наличии развитой структуры публичного дискуссионного поля и вытекающего отсюда многообразия возможных позиций и социальных ролей. Здесь не должно быть принципиальной разницы между *научностью*, допустим, исторической науки и научностью палеонтологии, хотя очевидно, что в содержательном плане критерии научности в этих случаях — разные.

В «поле науки» — любой! — функции распределены так, что ничей авторитет не может считаться вечным и никакой результат — окончательным. Любой символический капитал в науке есть следствие длительных усилий претендента на его приобретение. В то же время утрата этого капитала в случае научной ошибки или, тем более, намеренного введения в заблуждение научной общественности происходит весьма быстро.

Другое дело, что в современных *Geisteswissenschaften* очень редко обсуждаются *процедуры* получения знания. Например, многолетние дискуссии об эпистемологии исторической науки под девизом «*faire l'histoire*», в свое время инициированные французской исторической школой «Анналов», долго оставались исключением из общего правила.

Вообще говоря, в периоды относительно плавного развития науки ученые-эмпирики, как писал еще М. Вебер, по преимуществу одержимы страстью овладеть предметным миром своей сферы исследования и мало озабочены тем, каким именно образом он *объясняет* свои методы. Соответственно, выбор познавательных стратегий не осознается в качестве *проблемы*, от решения которой зависят частные методы, а значит, и выводы. Как некогда удачно сформулировал Л. Д. Гудков, только ситуация дисциплинарного кризиса предмета заставляет ученого-эмпирика в той или иной мере осмысливать методы, которым он следует, изучая тот или иной мир. Совпадение в одном лице специалиста-эмпирика и методолога — большая редкость. <...>

6.6. Б. Докторов. К генезису современной российской социологии: второе рождение, а затем – возрождение

23.10.2008, во время Третьего всероссийского социологического конгресса в Москве д. ф. н., проф. Борис Зусманович Докторов дал интервью к. и. н. Ольге Свешниковой. 9.05.2009 текст этого интервью появился на сайте «Международная биографическая инициатива»¹⁸¹. Оно существенно дополняет, а отчасти и резюмирует сказанное в этой главе.

О. С.: Я Вас попросила об интервью вот почему: в последние годы вышли книги Ваших коллег, в частности мемуары Игоря Семеновича Кона [1] и работа Бориса Максимовича Фирсова [2] об инакомыслии. И в этой связи снова встал вопрос об оценке социологии, шире – гуманитарного знания, 1960-х годов. Потому что понятно, что на этапе создания и выхода книги «Социология 1960-х в воспоминаниях и документах» было иное восприятие этого периода, в значительной мере сборник агиографический, то есть, люди рассказывают о том, как они в сложных условиях, пробиваясь сквозь систему, создавали социологию 1960-х. Понятно, что правильно Вы говорите, не все еще успокоилось и не все еще стабилизировалось, в значительной мере происходит переосмысление этого периода и, соответственно, сейчас мы можем говорить об этом как бы спокойнее, выдержаннее. И вопрос, который меня интересует в наибольшей степени, это вопрос о том, что актуально сейчас в наследии 1960-х?

Б. Д.: Это верно, Оля, но у меня есть один вопрос к Вам. Почему Вы ко мне обращаетесь?

О. С.: Значительное число социологов, которые начинали работать в 1960-е годы, остались вот на этапе сугубо «биографического», личностно-го восприятия этого времени. Для них 1960-е не закончились. Вот яркий пример этого – Г. В. Осипов. Это ярко продемонстрировал его доклад на пленарном заседании (III Всероссийского социологического конгресса – О. С.). Мне кажется, что Вы человек, который, понятно, в силу биографии, во-первых, во-вторых, в силу того, что Вы общались с этими людьми, Вы, из тех, кто сумел переосмыслить 1960-е и можете что-то об этом сказать.

Б. Д.: Ну да. Во-первых, я попытаюсь ответить на Ваш вопрос, но скорее не потому, что это в моей памяти, а потому что последние четыре года при поддержке петербургского журнала «Телескоп» [3] занимаюсь историей людей, участвовавших в этом, историей российских социологов. Там есть отцы-основатели, которые начинали эти исследования, и есть представители других поколений, скажем, средних и новых [4]. Сейчас я провел около 30 интервью, в том числе и среди тех, кого мы признаем нашими учителями, там есть интервью с Т. И. Заславской, В. А. Ядовым, А. Г. Здравомысловым,

¹⁸¹ См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/sveshnikova_09.html.

Н. И. Лапиным. Так, что у меня есть представление или знание, лучше сказать, знание того, как эти люди оценивают сделанное ими тогда, и есть представления и знания о том, как следующие поколения воспринимают достижения тех лет [5].

Мое заметное отличие, я не говорю о принципиальных, фундаментальных, но заметное отличие в понимании генезиса современной, или постхрущевской, российской социологии от того, что говорил профессор Осипов и ряд людей, разделяющих его концепцию, заключается в том, что я несколько иначе трактую природу ее рождения. Я говорю не о возрождении, но о ее вторичном рождении. Это разные вещи. В моей трактовке прошлого возрождение было бы, если бы Осипов, Ядов, Здравомыслов, социологи этой плеяды, в конце 50-х – начале 60-х уже знали о существовании дореволюционной российской социологии, ранней советской социологии, об основных итогах работы исследователей, работавших в социологии до них. Если бы они это знали, если бы они программировали то, что они делали сами как продолжение, развитие, опровержение выводов тех лет, если бы они использовали те достижения, относились бы к ним критически или позитивно, тогда это было бы возрождение.

Возрождение предполагает продолжение, но на базе каких-то новых принципов. Этого не было, они этого прошлого просто не знали. Сейчас я могу это утверждать, потому что я многих спрашивал; знали ли Вы работы Питирима Сорокина, знали ли Вы о том, что в 1920-е годы – в начале 1930-х гг. социологи в Ленинграде, Москве и в других городах использовали эмпирические методы для того, чтобы выяснять производственные отношения, поведение людей в быту и так далее и тому подобное? Не знали они этого, когда они учились в университете, им не читали социологию. Слово «социология» не использовалось, оно было только в сочетании с «буржуазная». Питирима Сорокина знали лишь по критике его работ Лениным, и всех остальных знали только через критику в марксистской литературе. И только когда покойный И. А. Голосенко, сначала студент, а потом – аспирант И. С. Кона, стал заниматься жизнью и творчеством Питирима Сорокина, тогда многие и познакомились с творчеством и биографией этого ученого. Хорошо, что он тогда еще был жив и мог немного помочь в познании того времени. Поэтому, в моем понимании, применительно к советской социологии, особенно – на ее раннем этапе, нельзя говорить о преемственности, о связи с тем, что было. Значит – о возрождении, но можно – о втором рождении.

Как люди шли в социологию? Тот же Осипов? Для зарубежной социологии это нонсенс: сначала возникла ассоциация как некоторый орган, созданный при поддержке Центрального Комитета КПСС, реально не представлявший социологов, так как их не набиралось на ассоциацию. Социологов не было, а ассоциация социологов была. Ядов, Здравомыслов начинали иначе, их вел интерес к познанию общества, и они его изучали. Но, важно, что два этих движения – сверху и снизу – встретились, слились; они и дали импульс для второго, или вторичного рождения. Вот в этом, на мой взгляд, и заключается важнейшая заслуга первого поколения отечественных социологов.

Добавлю, в конце 1950-х – начале 1960-х, в 1960-е, 1970-е, 1980-е, никто

слова-то «возрождение» применительно к социологии не произносил. Потому что это выглядело бы как возрождение социологии царского, дореволюционного времени. Но такого не могло быть. Это что, в стране победившего социализма возрождалась бы домарксистская социология? Идеология того времени подобного поворота событий в социальных науках никогда бы не допустила. Потому не могло быть программы обращения к опыту прошлого, в ключе «возрождения российской» социологии, никто не думал, никто не рассуждал. Это движение возникло недавно, в 1990-х, на этапе становления, «возрождения» независимого нового государства — России.

На этой новой политической, идеологической и нравственной волне и заговорил народ, прошлое и современное начало соединяться во многих сферах жизни общества. Естественно, что одновременно возник призыв, лозунг, стремление, установка — здесь о многом можно и нужно говорить — к поиску корней российского обществоведения, к наведению мостов между социологией, которая была, но оказалась забытой, и социологией постхрущевского периода, выросшей из тепла «оттепели». Вот в этом смысле можно говорить о возрождении, оно «наложилось» на второе рождение.

Представители новых поколений стали изучать это прошлое, открывать его. Отмечу здесь Г.С. Батыгина, Л. А. Козлову, Ф. Э. Шереги. Но, как мне кажется, очень мало что из того прошлого может быть активно использовано, вплетено, вложено в структуру нового знания. Конечно, всегда приятно знать, что у тебя был дедушка, до него — прадедушка и так далее, и как их звали, что они делали, посмотреть фото и понять, как они выглядели. Но оттого, что ты даже знаешь, что твой дедушка, например, владел чем-то — пароходами, или, наоборот, ничем не владел, тебе ни тепло, ни холодно, потому что революция уже все сменила, все сместила, у людей другие фамилии, другие судьбы, другие национальности, другое вероисповедание, все другое.

Значение сделанного первым поколением советских социологов я оцениваю бесконечно высоко. И в известном смысле Осипов сегодня прав, когда говорит, что эти люди совершили акт гражданского мужества, проявили гражданскую смелость и так далее. Но в тот момент они в этой парадигме не думали, они просто делали свою работу. Некоторые из них, безусловно, могли посмотреть на себя со стороны и понять то, что я делаю, это ново, это рискованно, это надо делать, через 20-30 лет это оценится, но таких было мало. И я думаю: кто с такой мыслью работал, тот ничего не сделал, потому что он, так сказать, формировал свой имидж, а надо было работать двумя руками. Я не знаю, были ли вообще такие люди среди социологов того времени. Если смотреть на ленинградскую школу, на Ядова, Здравомыслова, Фирсова, Алексеева, Кона, Шкаратана, то, конечно, эти люди просто работали. Партийные структуры их прижимали, на них давили, они сопротивлялись, но никто из них не был Жанной д'Арк, все понимали, до какой степени можно быть прогрессивным, а где — надо было тормознуть. Во всяком случае, все мои интервью показывают, что каждый понимал, где висит последний предупреждающий знак «Стоп». Однако даже несмотря на это, каждый из них страдал: Кон уехал в Москву, Ядову пришлось самому уходить с работы, Алексеев перешел в рабочие, Фирсова заставили перейти в другой институт.

О. С.: Теперь, пожалуйста, ответьте на вторую часть моего вопроса: «Что ими сделано?»

Б. Д.: На мой взгляд, ими сделано очень и очень много, а именно: они подготовили почву для развития в стране социологии. Своими книгами «Человек и его работа», «Человек после работы», Грушинские опросы общественного мнения, лекции Ю. А. Левады, первые исследования Фирсова и Шляпентоха в области массовой информации, массовой коммуникации, читательских интересов, телезрительского поведения – это все крайне важно. Работы Кона, Ю. А. Замошкина, Г. М. Андреевой по западной социологии (на самом деле это была форма ознакомления более широкой общественности с тем, что делается на Западе). Вы себе не можете представить, какой популярности был Кон в Ленинграде. Он был молодой, энергичный, загорелый, с юмором в глазах. До конной милиции дело не доходило, но народ толпой шел на его лекции. Кон рассказывал, что такое социология, психология личности. Личность, вообще личность, какая личность? Никто не знал что такое личность, и вдруг появился молодой, двадцати с чем-то лет доктор наук, который все знал, всех знал, все рассказывал и это... гипноз такой. И, конечно, люди потом об этом старались читать, думали, обсуждали. Это был глоток чего-то очень важного и нужного молодежи. Люди специально учили польский язык, потому что он не очень далек от русского, а поляки публиковали многое, или читали сербские газеты, чтобы как-то знакомиться с тем, что делается с миром, в мире. Представители первых поколений создали первые книги, они первыми стали читать лекции, создавали университеты марксизма-ленинизма. К ним приходили люди, кто-то оставался в социологии, кто-то уходил, но они уже были инфицированы этой социологической проблематикой. Первые – создали среду, в которой мы сейчас находимся. Если бы не они, то этой среды сейчас не было бы. Была бы совсем иная.

Второе – при всем при том, что инструментарий был несовершенен (но он всегда развивается инструментарий), так или иначе, они дали картину сознания людей тех лет, картину их деятельности: бюджет времени, некоторые моменты жизни семьи, отношение к труду, отношение к власти. Это – важнейшая, уникальная социальная, историческая, политическая информация для того, чтобы понимать, что же было. Для историков, политиков, политологов, для педагогов – для кого угодно. Они описали то общество на базе своих методов, своими средствами. До них так никто не описывал, так никто не говорил. В этом огромное значение, того, сделанного ими.

Хотя некоторые из социологов новых поколений считают, что там все неправда, что при том сильнейшем идеологическом гнете люди ничего серьезного не могли, что была сильнейшая цензура. Да, все это так. Существовала жесточайшая цензура, самоцензура, социологический инструментарий был несовершенен и так далее. Но другого ничего нет. Если мы хотим сегодня что-то знать, как жили отцы, дедушки, бабушки, о чем они думали, чего боялись, надо посмотреть эти книги.

О. С.: То есть опросы тех лет – это сейчас исторический источник?

Б. Д.: Опросы, но не только. У Б. А. Грушина была тематика партийных собраний, тематика писем в средства массовой информации, тематика жалоб, которые люди писали в разные властные структуры. Вот. Кроме всего надо помнить и знать, что страх (у В. Э. Шляпентоха есть книжка под названием «Страх и дружба» [6]), он существовал, люди боялись многого. Его ощущали представители разных социальных структур. Интеллигенция, творческая интеллигенция больше боялась, а, скажем, инженеры — меньше, а рабочие — они вообще почти ничего не боялись, в опросах они часто называли вещи своими именами. Так что, это все было, но это тоже сейчас надо понимать, что неоднородна была толщина этого страха, и цвет этого страха он тоже разный в разных группах.

Недавно вышла книга Фирсова по инакомыслию, блистательная работа. Мы с ним большие друзья, но я сказал ему, что не буду писать рецензию на его работу, предложил побеседовать о ней. Интервью уже завершено и отправлено в «Социологический журнал». Вчера мы вечером говорили с Ядовым и, когда он узнал, что журнал ушел в типографию, он попросил Л. А. Козлову, которая все и всю душу отдает журналу: «Подожди, подожди, я напишу там тоже свое мнение об этой книге. Это очень хорошая работа».

Татьяна Ивановна Заславская написала мемуары [7]. Так получилось, что, когда она работала над ними, я проводил с нею биографическое интервью. Она много времени и сил отдавала этой работе, поэтому наше интервью (я все интервью провожу по электронной почте) длилось около полутора лет. Но за это время мы друг друга лучше узнали, она мне все присылала, все то, что даже не вошло в окончательный текст ее воспоминаний. И это такая чудесная женщина! Теплая, такая внимательная, добрая. У многих о ней представление стереотипное: академик, политик, крупный ученый. Это все есть, но одновременно она очень житейская, все понимающая. И я бы сказал, в каком-то смысле это правда, что мужчины только рационально подходят к пониманию социального, а женщины — и рационально, душевно, эмоционально.

Я уже обсуждал эту тему и с ней, и с Ядовым. Говорил, смотрите, сколько мужчин-социологов, но когда настала пора и открылась возможность делать политические заявления, включиться в политику, первое поколение «выдвинуло» Татьяну Ивановну, а наше — Галину Старовойтову. Ведь опять же женщина. Она не раскрылась, она не успела раскрыться полностью как социолог, но так много параллельных черт в их портретах. Обе из элитарных семей. У Татьяны Ивановны дедушка был крупным физиком, отец — профессор психологии и педагогики. У Галины отец был лидером советского танкостроения, герой соцтруда, лауреат сталинских премий; очень секретный человек. Татьяна Ивановна поступила сначала на физический факультет МГУ, Галина сначала поступила в Военно-механический институт в Ленинграде. Потом вот переориентировались, потом обе спонтанно, вмиг стали известными: Татьяна Ивановна — своим Новосибирским манифестом, Галина письмом к Сильве Капутекян. Они обе работали в горбачевском парламенте. В их женских судьбах тоже просматривается общее. Старовойтова — ленинградка, я писал о ней очерк. Написал и потом обсуждал с Татьяной Ивановной, гово-

рил «Вы знаете, у вас очень много общего в траекториях жизни, просто это общее проявляется в разных поколениях». Я эти наблюдения еще не публиковал.

Ваше, Оля, поколение плохо, бедно представляет советские реальности и свободно заявляет: «Мы знаем работы западных ученых, там нет ссылок на исследования советских социологов», и из этого часто делается вывод о низкой ценности отечественных социологических разработок. Да, их мало знали на Западе, но это, прежде всего, было следствием государственной политики «железного занавеса», а не уровня социологических исследований. Ученым редко разрешалось посещать международные форумы, да и круг тех, на кого распространялась эта привилегия, был бесконечно узок. Публикации на Западе были редкостью, да и то это были лишь идеологически рафинированные работы. Когда все же удавалось туда выехать, скажем, Ядову, Кону, Здравомыслову — они быстро находили общий язык с американцами и европейцами, их знание и опыт сразу признавались и высоко оценивались. Но русский язык знали лишь те, кто занимался Советским Союзом, т. е. «советологи». Советская реальность в силу ее тоталитарной природы многих зарубежных ученых отталкивала или не интересовала. Они иногда смотрели на приезжавших из СССР ученых как на героев, исследователей непонятного им и опасного мира, но их мало интересовало отношение к труду советских рабочих и то, что делается на производстве; у них было другое производство, иная социальная структура, иные формы коммуникации в процессе труда.

О. С.: Можно ли сказать, что мы — карлики, стоящие на плечах великанов, социологов-шестидесятников?

Б. Д.: Я так не хочу говорить, слишком заезженный образ. Вообще необходим какой-то другой. Ясно, что мы продолжаем, развиваем начатое ими.

О. С.: Просто мы вышли из 60-х....

Б. Д.: Да, это много точнее. В очерке о Б. А. Грушине я писал, что все мы вышли из «грушинской шинели». Знаете, про русскую литературу XIX века говорят, что она вышла из «гоголевской шинели»? Это еще до конца не осознано, до конца не понятно, но, скажем, уважение к Ядову как к ученому и гражданину в Эстонии не сравнить с отношением в России. Все эстонские социологи понимают однозначно, что они — «дети Ядова». Он приехал туда, он прочитал там курс лекций, они увидели в нем, во-первых, советского человека, но такого, который их понимает, не смотрит на них, как на людей «второго сорта», он советский человек, он коммунист, но он без рогов, он — нормальный человек. Они его сейчас бесконечно уважают, он там почетный профессор. Он тоже безумно любит Эстонию, мы все любим Эстонию, все ленинградцы любят Эстонию. Потому что мы там себя чувствовали совсем иначе, чем дома: там иначе проходили научные семинары, по-другому проходили дискуссии.

Эти семинары, их было три или четыре, проходили в Кяярику, и их организатором был известный и интересный социолог Юло Вооглайд. В своем интервью Ядов отмечал, что в Кяярику они чувствовали себя так же, как поз-

же стали себя чувствовать на международных совещаниях, когда можно было там свободно обсуждать профессиональные проблемы.

Ядов очень демократичен в общении со всеми, таким же был Грушин. Это люди из особого теста. Кто с ними общался, это ощущает. Всегда по существу, всегда полная включенность в обсуждаемое. При том, что они — нормальные люди. Грушин был суперспециалистом по анекдотам, Ядов — на его фоне — любитель. Но есть главное, то, что составляет суть каждого. Потеря Грушина для всех нас, мы вчера с Ядовым говорили об этом, — это личная, и гражданская... он был очень крупным ученым и масштабной личностью.

О. С.: Можно, у меня еще есть к вам вопрос. Как человек, который лучше знает интервью социологов... меня, смущает отсутствие в этих интервью освещения того, как происходили социологические исследования. Ведь социологическое исследование — это процесс: кто-то разрабатывает программы, потом кто-то ходит в поле с этими анкетами и так далее, кто-то их как-то обрабатывает. И знаете, это аспект, который я совершенно сейчас не могу себе представить. Как человек, который живет в другой реальности, наше поколение не представляет себе, как это было...

Б. Д.: Да, да, вы правы, во всяком случае, я об этом никогда не спрашивал... мне как-то казалось бессмысленным спрашивать, скажем, Ядова, Здравомыслова или Фирсова, об этом. Я и так это знаю. Это было написано в учебнике у Ядова, так мы и делали.

О. С.: Просто знаете, очень сильно, вот как бы наше поколение сбил с толку Сергей Рапопорт, который в своих статьях написал, что не было штатных интервьюеров.

Б. Д.: Ну да, он прав, не было.

О. С.: И поэтому основным методом опроса было анкетирование...

Б. Д.: Все правильно, да, конечно. Не было штатных интервьюеров. Не было ни штатных, не было ни внештатных, не было никаких. Конечно, основным методом было анкетирование, хотя в Эстонии были интервью. Многочасовые и дотошные:

— Скажите, пожалуйста, есть ли у вас баня? Да/ Нет? — Да. — Если «да», задается следующий вопрос. Если «нет», то: — А хотите ли Вы иметь баню? — Если «да», то: — Какую баню Вы хотите построить? ...

Толстенный опросный документ, потому что они считали, что эстонец ничего сам на хуторе заполнять не будет. Надо к нему приехать, уважить и поговорить, и очень обстоятельно. И спросить про баню, про сенокосилку, и про все, что людям важно.

О. С.: То есть у нас другая ситуация, да? У нас пришли, раздали анкеты, все их заполнили?

Б. Д.: Нет, тоже по-разному было, но если это опрос по месту работы, производственный — производственная выборка, то, конечно, создавали анкету, она не могла быть очень объемной, ведь опросы часто проводились во время обеденного перерыва людей. Не редкостью были опросы, когда рабочий не отходил от станка...

О. С.: Знаете, все в голове у меня не укладывается. Вот разрабатывали там Здравомыслов, Фирсов анкеты. Берем конкретный пример с Фирсовым в Ленинграде, который изучал общественное мнение. Я читала Ваши интервью: Вы интервьюировали его [8], он — Вас [9], как вам за сутки нужно было опросить тысячу человек и обработать полученную информацию.

Б. Д.: Ну да, так все и было.

О. С.: Но он же не сам ходил по этим заводам?

Б. Д.: Нет, конечно. Нами была создана определенная система по сбору и анализу данных, по сегодняшним представлениям — громоздкая, неэффективная, критикуемая. Но и мы тогда это понимали, но ничего другого поделаться не могли. Заказчиком всех опросов, проведенных в 1970-х — 80-х годах, был Ленинградский Обком КПСС. Заказчик опасался не только того, что результаты опроса будут каким-то образом опубликованы, мы годами ничего не публиковали, или как-то иначе распространены, боялся утечки информации.

Все начиналось с того, что Обком КПСС ставил под ружье, мобилизовал все Райкомы КПСС, по-моему, тогда в городе было около двадцати районов. В определенный день представители всех райкомов города собирались в одном месте, чаще всего — в Смольном, и Фирсов делал подробный инструктаж: как проводить опрос и на каких предприятиях района. Я работал тогда в Ленинградской высшей партийной школе (ЛВПШ) и был прикомандирован к нему для помощи в организации сбора и обработки данных. Большая работа возлагалась на студентов (их называли слушателями) ЛВПШ, в каждый район ехало два-три человека; они тоже проходили инструктаж и выполняли всю организационную работу на местах.

О. С.: Это были партийные работники?

Б. Д.: Да, все слушатели ЛВПШ приходили учиться после определенного срока работы в качестве партийных функционеров, как правило — среднего звена. Райкомы города воспринимали участие в опросах как указание вышестоящей партийной структуры, но действовали в строго регламентированном пространстве: помешать опросу они не могли, но не могли и проявлять повышенную активность. Задача слушателей заключалась — отчасти — в нейтрализации райкомовской самодетальности.

Выборку предприятий по городу и по районам проводили заранее и очень тщательно на базе официальной статистики работающего населения Ленинграда. Мы знали, сколько предприятий, какого типа, какой промышленности и какой численности работников было в городе. Так что наша вы-

борка была репрезентативной по всем этим параметрам. На крупных и суперкрупных (где работало много тысяч человек) опрашивалось до двадцати респондентов, на всех остальных — не более десяти. Поэтому, если где-то возникал какой-то сбой, то это не означало, что вся выборка будет перекошена. К тому же, при возникновении проблем с реализацией задания по выборке, ответственные за проведение опроса должны были звонить нам. И мы решали, какие можно осуществить замены.

О. С.: То есть слушатели ЛВПШ были анкетерами?

Б. Д.: Нет. Слушатели управляли анкетерами. Каждое предприятие выделяло одного-двух активистов для опроса десяти человек, мы просили, чтобы это был либо бухгалтер, либо счетовод, то есть человек, умеющий работать с бланками, более-менее грамотный, но не активист, не партийный, не комсомольский работник. Всех анкетеров, примерно 10-12 человек, собирали в каждом районе, они читали, сами заполняли анкету, уточняли, если были сложности, как понимаются те или иные вопросы, как реализовать на предприятии задание по выборке. Потом получали свои 7-10 анкет и возвращались на свое предприятие. Инструктаж начинался утром, скажем в 9-9:30 утра, так что к моменту обеденного перерыва они все были на местах. Каждому анкетеру давалась карточка с указанием того, сколько он должен опросить человек. У нас было шесть социально-профессиональных групп: от неквалифицированных рабочих до руководителей предприятий, и в карточке было четко написано, сколько респондентов в этих группах он должен опросить, сколько из них мужчин и женщин, сколько членов партии, комсомольцев и из какой возрастной когорты.

О. С.: Квотная карточка.

Б. Д.: Да, многопараметрическая квотная выборка. Потом мы все проверяли, я лично сидел, смотрел, в какой мере были соблюдены требования к выборке по каждому предприятию и району.

О. С.: То есть, получается, что на предприятиях вели работу сотрудники этих предприятий?

Б. Д.: Да, получается. Один-два сотрудника, они должны были найти 10 человек, в точности по этой карточке и вручить им анкету. Причем мы просили, чтобы респондентов не собирали (но иногда собирали) всех в одном помещении, нам нужно было, чтобы каждый заполнял анкету на своем рабочем месте: у кого-то это был рабочий стол, у кого-то — станок. Нередко анкеты возвращались нам грязными, жирными, со следами какой-то смазки, жира. Мы просили, чтобы в цехе или в какой-то комнате была урна, в которую респонденты могли бы опустить заполненные анкеты. Если урны не было, заполненные анкеты опускали в какой-нибудь ящик. Для заполнения анкеты отводили два-три часа, человек сам находил момент, когда ему было удобно все прочесть и заполнить. Часто давали конверты: респондент заполнял анкету, клал ее в конверт, запечатывал и опускал в ящик или отдавал анкетеру. Вот такой долгий и многошаговый опрос.

О. С.: И потом вы все это начинали переносить на перфокарты?

Б. Д.: Потом все районы доставляли собранные анкеты нам, мы просматривали, все ли из них заполнены, нет ли пустых. И после этого передавали все анкеты представителям служб, которые осуществляли обработку информации. Опрос начинался утром, но уже во второй половине дня мы начинали получать заполненные анкеты.

О. С.: Обработывали все на ЭВМ?

Б. Д.: Нет, когда мы проводили наши первые опросы, у нас еще не было доступа к такой вычислительной технике. Использовались счетно-перфорационные машины, которые сортировали перфокарты с перенесенной на них информацией из анкет. Перфокарта — это прямоугольная картонная карточка, на которой каждый столбец, по-моему, их было 80, соотносится с вопросом анкеты. В каждом столбце пробивалось отверстие, соответствовавшее выбранному номеру ответа на вопрос анкеты. Градаций ответов было немного.

О. С.: Хитро, но в целом понятно...

Б. Д.: И вот все набивалось на перфокарты, каждая перфокарта — это одна анкета. Девушки, которые все переносили на эти картонные носители, были специалистами высшего класса. Они одной рукой переворачивали страницы анкеты, а другой — неимоверно быстро набирали коды ответов. Каждая анкета набивалась дважды и потом на специальном контрольнике все сопоставлялось. Ясно, перфокарты одной анкеты должны были совпадать. Если этого не случилось, никто не искал ошибку, быстрее было анкету заново отперфорировать.

Затем все передавалось на сортировочные машины. По сути, они считали, сколько отверстий в данном массиве перфокарт было на каждой предусмотренной макетом позиции; позиция — это конкретный ответ на конкретный вопрос. Эта техника могла сосчитать и проценты, средние значения и дисперсии. Это все делалось ночью, сразу после завершения опроса. Утром мы забирали результаты обработки, вписывали проценты и другую статистику в заранее подготовленные таблицы, писали оперативный отчет, и где-то к обеду результаты опроса передавались заказчику.

О. С.: Как интересно.

Б. Д.: Да, я и сам позабыл про все это... спасибо, что задали такой вопрос.

О. С.: А потом появились ЭВМ и стали обрабатывать на них?

Б. Д.: ЭВМ существовали. Такие огромные, занимавшие большие залы, при них были мощные холодильные установки, которые отводили тепло порождавшееся механическими устройствами вычислительной машины. Но ЭВМ были либо в закрытых научно-исследовательских институтах, либо в воинских частях, либо в МВД и КГБ. Кроме того, при ЭВМ не было такого количества внешних устройств, чтобы за несколько часов перенести на перфо-

карты все наши анкеты. А эти самые счетно-перфорационные станции были в каждом районе. И мы могли в принципе распределить всю нашу работу между двумя-тремя-четырьмя счетно-перфорационными станциями. Они все до, скажем, полночи перфорировали, а затем все свозили в одно место и считали.

О. С.: Здорово.

Б. Д.: Все это было именно так организовано. Не было никаких ни телефонов, ни факсов, ни мобильных. Ничего. Но организация все равно действовала, были обычные телефоны, были курьеры, были автомобили. И была ответственность. Каждый понимал, что он не может не сделать, потому что мы все вместе отвечаем за то, чтобы все было сделано. И если в каком-то районе мы чувствовали, что что-то не так, мы звонили в другой, те приезжали на помощь, отвозили, привозили, помогали машиной, ну и так далее. У нас были между собой нормальные, часто дружеские отношения, помимо того, что существовала, сегодня бы сказали, «вертикаль власти».

О. С.: В вашем интервью я читала и о том, что вы участвовали в изучении ленинградских драматических театров. А в том проекте вы как работали? Там же совершенно какая-то другая технология должна быть, я так понимаю. Там же невозможно анкетирование или там тоже было анкетирование?

Б. Д.: Там... Это совсем другая реальность. Театральное исследование — это было очень интересно, очень сильная команда подобралась, работа велась по двум направлениям¹⁸². Первое, основное направление — изучение репертуара драматических театров Ленинграда. Была анкета, и по каждому спектаклю группа экспертов-театроведов, которые смотрели все премьеры, оценивали каждый спектакль по большому числу шкал.

О. С.: Т. е. это был экспертный опрос?

Б. Д.: Экспертный опрос, или экспертное анкетирование. Это уже 80-е годы¹⁸³. А второе направление — изучение зрителя. Была очень нарядная анкета. Мы специально сделали ее на красивой бумаге, с рисунками, таких анкет больше не делали, с суперобложкой. Суперобложка была оригинальной, на ней были уникальные рисунки, и это была своего рода награда зрителю, он мог ее снять и забрать с собой. Так люди и делали. В антракте или после окончания спектакля зрители заполняли анкету. Отдавали ее нам, а потом уже все обрабатывалось. Это уже делалось без спешки, в «академическом» режиме. Все делалось на ЭВМ, потому при построении типологии зрителей использовался даже многомерный факторный анализ.

О. С.: Вы делали выборку из зрителей?

Б. Д.: Нет, в зрительном зале мы давали всем. А как там выбирать, что,

¹⁸² См. также ниже: раздел 6.7.

¹⁸³ Здесь Б. Д. подводит память: систематическая социолого-театроведческая экспертиза репертуара драматических театров Ленинграда в действительности началась в середине 1970-х гг. (Примечание А. Алексеева).

один хуже, другой лучше? Нет, ну если там двое идут, там парень с девушкой, мы давали кому-то одному. А так, давали всем.

О. С.: Все это очень интересно.

Б. Д.: Были у нас еще так называемые пресс-конференции, беседы с главными режиссерами. Нас было где-то человек десять, наверное, и к нам приходили Георгий Товстоногов, Игорь Владимиров, все режиссеры ленинградских драматических театров. Были два-три основных ведущих интервью и два-три человека, которые записывали ответы. Все остальные сидели просто и слушали, но если потом возникала общая дискуссия, то можно было участвовать. И были еще какие-то разные экспертные модификации, и самые разные интервью, и самые разные опросы, там было все, что хочешь.

О. С.: Очень интересно.

Б. Д.: Да, как-то мы с Вами, Оля, рассмотрели довольно много. Разные пласты той далекой реальности. Теперь Вам будет яснее, и в каких обстоятельствах работали социологи 50-40 лет назад, и как многое делалось.

О. С.: Спасибо Вам большое за интервью!

Литература

1. Кон И. С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.
2. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
3. Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований¹⁸⁴.
4. Международная биографическая инициатива (ИБИ)¹⁸⁵.
5. Докторов Б., Козлова Л. «Телескоп» смотрит в прошлое. Беседа об изучении истории современной российской социологии.
6. Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003.
7. Заславская Т. И. Избранные произведения. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
8. Фирсов Б. М.: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 2–12¹⁸⁶.
9. Докторов Б. З.: «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь ...» Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 3. С. 2–13¹⁸⁷.

См. также:

Свешникова О. Юбилей Геродота: шестидесятилетнее прошлое в зеркале современной социологии // Новое литературное обозрение, 2009, № 98¹⁸⁸.

¹⁸⁴ См. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/>.

¹⁸⁵ См. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.

¹⁸⁶ См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktkozl_09e.htm.

¹⁸⁷ Электронная версия – http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/firsov_2005.html.

¹⁸⁸ Электронная версия – <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1490/1500/>.

6.7. Социология и театр

...В Ленинграде при местном отделении ВТО возникла и заявила о себе своими первыми исследованиями, выполненными на высоком научном и профессиональном уровне, группа по социологии театра, возглавляемая В. Н. Дмитриевским...

Н. Хренов. («Вторая «волна» в отечественной социологии искусства: успехи, проблемы, итоги»)¹⁸⁹

15 лет социологического изучения театральной жизни Ленинграда¹⁹⁰

Группа «Социология и театр» (1970–80-е гг.) просуществовала более 15 лет и являла собой неординарное для того времени образование. По сути дела это была компания друзей-единомышленников, представителей разных научных дисциплин, которые, можно сказать, в свое удовольствие занимались исследовательской самостоятельностью. Но, по стечению обстоятельств, эта «творческая артель» обрела институциональную, как теперь сказали бы, «крышу» в лице Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества (ВТО).

За 15 лет группа провела ряд исследований театральной жизни Ленинграда. Тематика работы группы весьма разнообразна: это и изучение театральной аудитории (как реальной, так и потенциальной), и социолого-театроведческая экспертиза репертуара, и социологический анализ процессов внутритеатральной жизни, включая социальное самочувствие театральных деятелей. (Речь во всех случаях идет только о драматических театрах).

Цепь, казалось бы, случайных совпадений и «перекрестков» предшествовала появлению группы. Вот как описывает в 2008 году предысторию группы один из ее создателей Виталий Николаевич Дмитриевский¹⁹¹.

«Статья В. Дмитриевского в журнале «Театр»¹⁹² о репертуарных проблемах каким-то странным образом попала в круг чтения А. Алексеева, вызвала у него некоторые сомнения, которыми он и решил поделиться с автором, доселе ему не знакомым. «Славянским базаром» для Алексеева и Дмитриевского стал коридор ЛГИТМИК¹⁹³ на Исаакиевской площади».

¹⁸⁹ Хренов Н. Введение. Вторая «волна» в отечественной социологии искусства: успехи, проблемы, итоги / Театр как социологический феномен. СПб.: Алетей, 2009, с. 6.

¹⁹⁰ Автор – О.Б. Божков. Настоящий текст воспроизводится, с небольшими сокращениями, из: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008, № 6.

¹⁹¹ В. Н. Дмитриевский, в то время кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора театра Научно-исследовательского отдела ЛГИТМИК, председатель секции критиков ЛО ВТО, ныне доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник ФГНИУ Государственный институт искусствознания. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания автора статьи. – Ред.).

¹⁹² Дмитриевский В. Н. Кто смеется последним? // Театр, 1970, № 12.

¹⁹³ ЛГИТМИК – Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии.

Другой из основателей группы Андрей Николаевич Алексеев¹⁹⁴ замечает:

«Вообще-то, не так уж и «странным образом». Алексеев только что защитился по социологии массовой коммуникации, был пионером и энтузиастом контент-анализа, да и по социологии зрелищных искусств успел написать некий трактат. Совместно с Дмитриевским, еще до образования группы «Социология и театр», проведен «самодетальный» качественно-количественный анализ всесоюзной театральной афиши 1960-х. Итогом этого анализа стала статья, которая была опубликована в одном из сборников по организации театрального дела¹⁹⁵».

Далее А. Алексеев пишет:

«...и вот уже после пары лет совместной работы с Виталием возникла идея группы «Социология и театр».

Впрочем, и на это можно возразить — не возникало «идеи группы». Была суровая правда жизни. А она состояла в том, что Всесоюзное театральное общество (ВТО), как всякая советская организация, периодически в плановом порядке отчитывалось перед КПСС. В 1973 году бюро Ленинградского обкома партии оценило отчет Ленинградского отделения ВТО как неудовлетворительный, т. к., по мнению обкома, организация в отчетном периоде плохо выполняла свою основную задачу — недостаточно пропагандировала самое передовое в мире советское театральное искусство в рабочей среде. Это проявилось в том, что рабочие мало и без энтузиазма ходили в театр.

На заседаниях правления ВТО после разноса в ОК КПСС решали, как же исправить эту ужасную ошибку. Кто-то из членов правления вспомнил, что председатель секции театральных критиков В. Н. Дмитриевский занимался каким-то анализом театрального репертуара вместе с социологом А. Н. Алексеевым и предложил именно его (Дмитриевского) назначить ответственным за исправление указанного обкомом недостатка в работе ВТО.

В это время в ЛГИТМиК работал сектор социологии искусства (рук. А. Н. Сохор, ныне покойный), в Москве во ВНИИ искусствознания — сектор научного управления и прогнозирования развития художественной культуры (рук. Ю. У. Фохт-Бабушкин), сектор экономики и организации культурных учреждений (рук. А. Я. Рубинштейн), сектор социологии искусства (рук. Г. Г. Дадамян). Исследованиями художественной жизни занимались также уральские социологи (Л. Н. Коган, В. И. Волков и др.), эстонские социологи (К. Каск, Л. Веллеранд и др.). Но, вероятнее всего, члены правления ЛО ВТО не знали об этом. Во всяком случае, Дмитриевскому не удалось «отвертеться» от этого почетного задания. Однако он поставил пару условий, которые со-

¹⁹⁴ А. Н. Алексеев, кандидат философских наук, тогда — старший научный сотрудник Ленинградских секторов Института социологии АН СССР, впоследствии — ведущий научный сотрудник Социологического института РАН.

¹⁹⁵ Алексеев А. Н., Дмитриевский В. Н. Опыт качественно-количественного анализа преобладающих тенденций развития репертуара драматических театров СССР (сезоны 1959/60 — 1969). / Актуальные проблемы организации, экономики и социологии театра. М., 1972.

(См. также Алексеев А. Н. Из опыта социологического диагноза театрального репертуара (1960—1970-е гг.) / Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX — начала XXI вв.. Материалы всероссийской конференции. СПб. Интерсоцис, 2008. Электронная версия — http://www.si.ras.ru/doc/diagnoz_of_culture.pdf. — Ред.).

стояли в том, что, во-первых, надо узнать, согласятся ли социологи участвовать в такой работе; а, во-вторых, если уж их привлекать, то не на общественных, а на договорных началах. А под договор, естественно, нужны деньги.

В. Дмитриевский и А. Алексеев встретились, дабы обсудить возможность осуществления социологического изучения поставленной Обкомом КПСС перед ЛО ВТО проблемы. В результате предварительного обсуждения выяснилось, что гипотетически возможности имеются, но для их реализации надо бы привлечь еще несколько человек. Ну и, кроме того, хорошо бы понять, сколько такое исследование может стоить. Тогда третьим в число учредителей будущей группы был привлечен автор этих строк, который к этому времени уже имел некоторый опыт «осмечивания» социологических исследований.

Смета была составлена. Ориентировочная суммарная стоимость всех этапов исследования, при первом варианте, составила что-то около 24 тысяч рублей. По тем временам (1973 год) — это несусветно большие деньги. Мы решили, что таких денег никто не даст и что необходимо как-то упростить и, соответственно, — удешевить наш проект. Конечно же, за счет уменьшения объема выборки и за счет сокращения числа задач. Еще через 2-2,5 часа мы вышли на сумму что-то около семи тысяч рублей. И Ленинградское отделение ВТО «выбило» эти деньги из Центрального правления. После чего «отступать было некуда» — надо было собирать «команду» (или временный творческий коллектив) и приниматься за работу. К работе были привлечены Борис Зусманович Докторов¹⁹⁶ (прежде всего, как математик по образованию) и аспирант кафедры экономики и организации театрального дела ЛГИТМиК Виталий Леонидович Владимиров. Со стороны Всероссийского театрального общества деятельность исследовательской группы курировала референт ВТО Цецилия Семеновна Андреева (ныне покойная), а в качестве эксперта и консультанта был привлечен Борис Максимович Фирсов¹⁹⁷.

С одной стороны, это действительно был временный творческий коллектив, а, с другой, вроде бы артель «шабашников», которых ВТО наняло для выполнения совершенно конкретной работы — социологического исследования на тему «Театр в жизни современного молодого человека», вылившейся, в конце концов, в книгу «Театр и молодежь» (не говоря уж о многочисленных статьях).

Опрос молодежи проводился на предприятиях и в учебных заведениях города. Дмитриевский вспоминает такой эпизод. Первым предприятием был оптико-механический завод (ЛОМО), предстояла встреча с его директором Памфиловым. Человек обкомовской «обоймы» имел репутацию крайне авторитарного «крепкого хозяйственника», «вожака социалистического производства». Однако партийным указаниям он препятствовать не хотел и на-

¹⁹⁶ Борис Зусманович Докторов, в то время — кандидат психологических наук, преподаватель Высшей партийной школы при ОК КПСС, ныне — доктор философских наук, независимый исследователь, живет в США.

¹⁹⁷ Борис Максимович Фирсов, доктор философских наук, в то время — заведующий сектором проблем массовой коммуникации Института социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР; впоследствии директор СПб филиала ИС РАН, один из создателей и первый ректор Европейского университета в СПб.

значил время встречи. Пришли А. Алексеев, О. Божков, В. Дмитриевский, Б. Докторов. Из-за громады письменного стола его хозяин окинул взглядом гостей и брезгливо поморщился:

— Ученые... Социологи... Я в театр хожу редко, да...

И вдруг встрепенулся:

— А чего это вы с бородами? Нашли забаву...

Помолчал...

— Да, так в чем дело? Театр? Молодежь? Работать надо, а не по театрам шляться. Ну ладно, идите к парторгу, он распорядится, поможет.... Только чтобы к завтраму бороды сбрить. Все как один. А то скажу — на проходной не пропускать! Ясно?...

На других «объектах» нас принимали более приветливо и уважительно, партийные указания срабатывали безотказно. Нам везде оказывали всяческую, прежде всего — организационную, помощь.

Через год правление ВТО должно было опять предстать перед бюро Ленинградского ОК КПСС и доложить об исправлении отмеченных недостатков. К этому времени первое исследование было в основном закончено, и его материалы должны были лечь в основу повторного отчета перед ОК КПСС.

Когда мы предъявили правлению ЛО ВТО отчет на 300 с лишним страниц и приложений также страниц на 300, оказалось, что ждали от нас совсем не это. Нужны были конкретные рекомендации, которые можно было бы предъявить Обкому партии. Почти все члены правления понимали, что проделана большая работа, но не знали, как ее использовать в этой конкретной ситуации. В конце концов, договорились по-джентельменски, что ученые сделают короткий (страниц на 20-30 — не более) вариант отчета, а также 5-6 страничек практических рекомендаций, и на этом распрощаемся.

Но мы не подозревали о том, что оказались вплетены в могучую систему советской государственной рутины. Алла Борисовна Пирская, ответственный секретарь ЛО ВТО, «вернула нас на землю»: «Как это распрощаемся? — сказала она, — Да знаете ли Вы, что мы единственное в стране региональное отделение ВТО, которому в бюджет теперь добавлена статья — «социологические исследования». Да знаете ли вы, что у нас все планируется от достигнутого, а поскольку в этом (1974) году ЛО ВТО потратило по этой статье девять тысяч, то на следующий год нам запланировали 13 тысяч рублей. И ни на что другое, кроме как на социологические исследования, мы эти деньги потратить не можем. А где мы еще найдем социологов? Так что к следующему заседанию правления, кроме краткого отчета и рекомендаций, извольте-ка, товарищи, представить две-три темы для нового исследования, а мы уж выберем, какая из них для нас более актуальна».

Именно это обстоятельство — плановая система советского общества — и породило идею постоянно действующей группы «Социология и театр».

Через 9 лет (в 1983 году) всех социологов, членов группы, приняли в члены ВТО (ныне СТД — Союз театральных деятелей), а чуть раньше группа получила статус одной из творческих секций в структуре Ленинградского отделения ВТО. Таким образом, неформальный «кружок друзей» стал функциональной «административной единицей».

«Притирка» разнородных социальных образований заняла довольно много времени, практика взаимодействия группы частных лиц и социального института формировалась постепенно. И хотя по-прежнему с каждым из участников группы заключались индивидуальные договоры, но уже существовал официальный документ — план работы группы «Социология и театр». И отчитывались мы перед правлением ВТО как единая «функциональная единица».

Впрочем, планы составляли мы сами, правление ЛО ВТО их только утверждало. Исследование, получившее название «Зритель в театре», было вторым крупным проектом нашего коллектива. Собственно говоря, специфика нового проекта — опрос зрителей в самом театре¹⁹⁸ — вызвала потребность в том, чтобы группа исследователей получила свое собственное имя. Ведь мы обращались к зрителям от имени театров, где проводили опросы, и от имени ВТО. Именно в ходе второго нашего исследования и возникло это имя — группа «Социология и театр» при Ленинградском отделении ВТО¹⁹⁹.

Так как в программе второго исследования предусматривалась серия массовых опросов, круг участников расширился. В группу вошел Леонид Евсеевич Кесельман — опытный специалист по организации «социологического поля»²⁰⁰.

Здесь придется вернуться к началу нашего повествования. В первом проекте группы, называвшемся тогда «Театр в духовной жизни современного молодого человека», были использованы «наработки» А. Алексеева и В. Дмитриевского в области качественно-количественного анализа репертуара. Предпочтения зрителей «измерялись» через усредненные характеристики посещения и экспертных оценок спектаклей конкретных театров. Параллельно как с первым, так и со вторым («Зритель в театре») исследовательскими проектами осуществлялась регулярная социолого-театроведческая экспертиза репертуара драматических театров Ленинграда с участием профессиональных театроведов и театральных критиков. Концептуальную схему социолого-театроведческой экспертизы разработали А. Алексеев и В. Дмитриевский (экспертная анкета «Ваше мнение о спектакле»)²⁰¹. Обработку данных осуществлял Б. Докторов.

Позже Л. Кесельман разработал другую схему, по которой, начиная с 1983 г., стал осуществляться социолого-театроведческий мониторинг всех театральных премьер, непосредственно на приемах спектаклей (экспертная анкета «Жизнь спектакля»). Материалы этой экспертизы в 1980-х гг. публиковались в журнале «Театральный Ленинград» и имели заметный резонанс.

¹⁹⁸ Опрос проводился на спектаклях трех театров: БДТ им. Горького, театров имени В. Ф. Комиссаржевской и имени Ленсовета.

¹⁹⁹ Полное название группы «Исследовательская группа «Социология и театр» при Ленинградском отделении ВТО» закрепилось в 1975 году, когда разрабатывалась анкета «Ваше мнение о спектакле», а она была подписана в печать 8 января 1976 года и вышла под соответствующим грифом.

²⁰⁰ Леонид Евсеевич Кесельман — в то время младший научный сотрудник ИСЭП АН СССР (сектор В. А. Ядова), впоследствии — старший научный сотрудник Социологического института РАН.

²⁰¹ См. ниже: приложение к настоящему разделу.

Стоит также заметить, что уже первое исследование группы привлекло к ней внимание научной и творческой общественности. Тем более, что мы не боялись выходить на «широкую публику» и активно участвовали в самых разных мероприятиях ВТО. Члены группы «Социология и театр» выступали с коллективными и индивидуальными докладами в разнообразных научных и научно-практических конференциях, например, в конференции ЛГИТМиК «Методологические проблемы изучения современной художественной культуры», в конференции ВНИИ искусствознания «Социальные функции искусства в развитом социалистическом обществе» и многих других.

В мае 1977 года в Ленинградском Дворце работников искусств была проведена всесоюзная научно-практическая конференция «Проблемы использования экспертных методов в социологическом изучении театральной жизни». Тему конференции предложил и обосновал Б. З. Докторов, а разработки участников группы в области экспертизы театрального репертуара составили предмет обсуждения. С сообщениями выступали социологи, философы, искусствоведы, математики Ленинграда, Москвы, Свердловска, Кемерово, Челябинска, Уфы, Таллинна и других городов.

Комментарий

См.: Проблемы использования экспертных методов в социологическом изучении театральной жизни. Тезисы докладов и сообщений на научно-практической конференции / Общая редакция: А. Н. Алексеев, В. Н. Дмитриевский, Б. З. Докторов. Л.: ВТО, кабинет организации, экономики и социологии театра; ЛО ВТО, 1977. Авторами этого сборника (участниками конференции) были:

– А. Н. Алексеев; А. В. Анисимов; Б. Д. Беликов; О. Б. Божков; Н. Г. Вересова, В. Е. Семенов; П. Вихалемм; В. Л. Владимиров; В. И. Волков; В. И. Герчиков; Г. Г. Дадамян, Д. Б. Дондурей; В. Н. Дмитриевский; Б. З. Докторов; В. С. Дудченко, Л. К. Дудченко; В. А. Заргаров, Н. М. Коряк; М. С. Каган; Б. С. Каменский, В. М. Петров; С. А. Клигер, М. С. Косолапов, Ю. Н. Толстова; Л. Н. Коган; В. А. Конев; Н. А. Корниенко; М. Лауристин; К. К. Лебедев, А. Н. Шаров; А. Л. Маршак; А. А. Отюгов; В. И. Паниотто; С. Н. Плотников; Н. Раевич; Г. П. Самойлова, А. П. Сопиков; Г. А. Сатаров; В. М. Соковнин; Л. С. Солоницына; Ю. У. Фохт-Бабушкин; Н. А. Хренов; Э. А. Чамокова; В. Э. Шляпентох, Т. М. Ярошенко; С. В. Чесноков; Д. С. Шмерлинг.

(А. Алексеев. Декабрь 2008).

К началу конференции был подготовлен и издан сборник тезисов под грифом «Для служебного пользования». (См. наш комментарий выше. – Ред.) Но даже это ограничение вдруг показалось кому-то недостаточным. Пакет с тиражом тезисов отправили в Москву и поместили под письменный стол С. Д. Вульфсона²⁰² – он бдительно проверял наличие «крамольного» пакета визуально и ритуальным прикосновением ноги. Правда, какой-то умелец продырявил пакет со стороны гостевого кресла и во время участвовавших де-

²⁰² Совет организации, экономики и социологии театра ВТО возглавлял народный артист РСФСР Иван Иванович Соловьев, его заместителем был заведующий Кабинетом организации, экономики и социологии театра ВТО Симон Давыдович Вульфсон (ныне покойный).

ловых бесед с Вульфсоном тезисы ловко извлекались из-под стола авторами и их «соучастниками»²⁰³... Вульфсон негодовал, но недолго, он был добр и отходчив...

Проект «Зритель в театре», в отличие от первого исследования группы, не был жестко регламентирован по времени. На реализацию этого проекта ушло более одного года. Первые пять лет (с осени 1973 по осень 1978 года) были в полном смысле слова периодом становления и институционализации группы «Социология и театр». В эти годы и мы, и правление ЛО ВТО «притирались» друг к другу, искали адекватные в этих странных условиях формы взаимодействия. Следует заметить, что руководство этой общественной организации и театральные деятели отнеслись к социологам с большим интересом и доброжелательностью. И члены группы, в свою очередь, с любопытством и искренней заинтересованностью и, что также важно — с осторожностью, с желанием не навредить, — входили в новый для нас мир.

Однако и бдительное «партийное око» не дремало. Как-то один из сотрудников идеологического отдела горкома или обкома КПСС — со звучной фамилией Барабанщиков — вызвал группу в Смольный. Для начала он вяло прореагировал на наш «отчетный доклад», а потом посоветовал сменить проблематику и порекомендовал «поизучать психологический климат в Кировском театре». Исследовать ситуацию в труппе, из которой во время заграничных гастролей остался за границей артист, а двое ведущих артистов покончили собой — значило для группы организацию собственных похорон. Но А. Н. Алексеев обладал замечательным чутьем в отношениях с властями — он точно чувствовал момент, когда следует «выходить из игры». Щелчок замка на его выдавшем виды неказистом чемоданчике, с которым он никогда не расставался, для остальных был знаковым — компромисс невозможен, пора прощаться. По «чемоданному сигналу» группа дружно покинула Смольный, не дожидаясь решений. Здравое предположили: группу прикроют... Осталось неизвестным, что предприняли в создавшейся ситуации А. З. Юфит²⁰⁴ и Б. М. Фирсов. Однако спустя две недели из Обкома «спустили» санкцию продолжить исследования...

В 1978 году В. Н. Дмитриевский переехал в Москву. И хотя трудно было расставаться, но Виталий Николаевич подготовил отличную почву для нормальной работы группы. Мы были приняты театральным сообществом и «узаконены» им.

После отъезда В. Н. Дмитриевского в Москву для поддержки театроведческой тематики в группу был приглашен Юрий Михайлович Барбой²⁰⁵, в

²⁰³ Эта брошюра «для служебного пользования», как не имевшая права храниться дома, была изъята у Алексеева при обыске в 1983 году. Вот такая была «конспиративная» театральная жизнь!

²⁰⁴ Анатолий Зиновьевич Юфит — в то время заведующий кафедрой истории русского театра и театральной критики ЛГИТМиК, доктор искусствоведения, профессор, член бюро правления Ленинградского отделения ВТО. (Ныне покойный). Анатолий Зиновьевич Юфит выступал инициатором многих исследовательских и организационных проектов.

²⁰⁵ Юрий Михайлович Барбой, в то время преподаватель театроведческого факультета ЛГИТМиК, кандидат искусствоведения. Ныне — доктор искусствоведения, профессор,

качестве научного консультанта — А. Я. Альтшуллер²⁰⁶, а научным руководителем исследовательского коллектива стал Борис Максимович Фирсов. И у членов группы, и у руководства ЛО ВТО он пользовался глубочайшим уважением и признанием. Естественно, Борис Максимович органично вписался в нашу «творческую артель» и, сохранив научную преемственность, привнес в работу группы и новые сюжеты — проблемы внутритеатральной жизни²⁰⁷. В частности, уже в 1981 году было начато большое исследование, охватившее все уровни театрального процесса: главных режиссеров, членов художественных советов драматических театров и актеров.

Чуть подробнее стоит рассказать об исследовании динамики театрального процесса и особенностей сознания людей театра, сам предмет которого требовал новых подходов и методов. В частности, мы провели «социологические пресс-конференции» со всеми главными режиссерами драматических театров Ленинграда. По сути дела, это были глубокие интервью из двух частей. Первая часть посвящалась биографии нашего героя, его жизненному пути, а вторая (экспертная) — выяснению творческого кредо и видению динамики театрального процесса, состояния театрального дела.

В этом действе принимали участие практически все члены группы. И хотя каждое конкретное интервью вел один из нас, уточняющие вопросы мог задавать каждый (поэтому действо и называлось пресс-конференцией).

Приведу фрагмент из программы беседы с экспертом.

«Нас интересует Ваша точка зрения, мнение, взгляд на движение театральной жизни нашего города (страны в целом) за последние десять–пятнадцать лет.

Ниже предлагаются краткие формулировки некоторых проблем театральной жизни. Понятно, что ни одна из этих проблем не имеет однозначного решения ни в теории, ни на практике. Формулировки намеренно, иногда полемически заострены и служат скорее для обозначения «полюсов», в их изменении — приметы времени.

Мы не рискуем спрашивать Вас о том, как, по-вашему мнению, должно быть (какой из полюсов «лучше»). Не спрашиваем даже о том, какая из двух сторон каждой «проблемной пары» преобладала раньше или перевесила ныне. Мы спрашиваем Вас эксперта — деятеля и знатока театра:

Какая из двух сторон в пределах каждого из указанных соотношений развивалась в эти годы ускоренно, набирала силу, обретала вес? Говоря строже, какой из них свойственно в последнее время «опережающее развитие»?

Было бы хорошо, если бы Вы, обсуждая ту или иную проблему, не только определили направление процесса, но и оценили глубину изменения, выразили свое отношение к нему и указали на перспективу дальнейшего движения.

Вот эти «проблемные пары», предложенные для оценки и обсуждения главным режиссерам драматических театров:

- 1) Публика: куда пойти или что смотреть?
- 2) Спектакль: режиссер или актер?

зав. кафедрой русского театра СПбГАТИ (СПб академии театрального искусства), Заслуженный деятель искусств РФ.

²⁰⁶ Анатолий Яковлевич Альтшуллер — доктор искусствоведения, профессор, преподаватель ЛГИТМиК, театральный критик. (Ныне покойный)

²⁰⁷ 1982–1983 годы — анкета «Жизнь в театре», по которой были опрошены актеры драматических театров. В том же 1982 году на обсуждение правления ЛО ВТО был вынесен замысел исследования «Социальное бытие драматического спектакля», Это исследование стало центральным в деятельности группы в 1985–1986 гг.

- 3) Театр: таинство или производство?
- 4) Спектакль: узнаваемость или метафора?
- 5) Зритель: творец или потребитель?
- 6) Театр: самоопределяющийся или ориентированный?
- 7) Авторство: писатель или театр?
- 8) Спектакль: драматический или синтетический?
- 9) Театр: трибуна или зрелище?
- 10) Сцена: творчество или служба?
- 11) Зритель: ведомый или ведущий?»

Этот язык был близок и понятен главным режиссерам, и поэтому они приняли и его, и предложенные «правила игры». Интервью были весьма продолжительны и содержательно насыщены, т. е. наши «респонденты-эксперты» проявили глубокую заинтересованность в обсуждении этих вопросов и изрядное терпение.

Затем по этой же (но слегка упрощенной, без режима пресс-конференции) методике были опрошены члены художественных советов всех драматических театров.

В 1982–1983 годах был проведен опрос актеров драматических театров Ленинграда²⁰⁸, в этом же году в очередном отчете группы перед правлением ЛО ВТО появился документ под названием «Замысел исследования: «Социальное бытие драматического спектакля»».

В 1983 году при активной поддержке театрального общества члены группы организовали и провели конференцию «Театр в культурной жизни Ленинграда: современное состояние и перспективы развития». В этом же году начата работа над программой исследования «Пути повышения социально-культурной эффективности театрального искусства», реализация которой предполагалась в течение 1984–1985 годов.

В 1985 году был начат еще один проект, получивший название «Жизнь спектакля». В отчетах группы хранятся аж девять вариантов новой анкеты для экспертов и 10 или 11 вариантов анкеты для зрителей. Это исследование включало отслеживание жизни спектаклей двух театров: Театра имени Ленсовета и Молодежного драматического театра. В течение 1985 и 1986 годов проведена серия опросов зрителей этих театров на спектаклях, жизнь которых мы пытались проследить и проанализировать.

Краткая, но исчерпывающая характеристика деятельности группы этого периода была дана в справке, которую правление ЛО СТД подготовило к отчетно-выборной конференции 1989 года.

«Научно-исследовательская группа «Социология и театр».

Руководитель – доктор философских наук Б. М. Фирсов. Члены группы: доктор искусствоведения А. Я. Альтшуллер, кандидат искусствоведения Ю. М. Барбой, О. Б. Божков, доктор философских наук Б. З. Докторов, Л. Е. Кесельман, А. А. Кириллов, Б. Н. Кудрявцев²⁰⁹.

²⁰⁸ Опрос проводился по анкете «Жизнь в театре» (составители: Л. Е. Кесельман, А. Н. Алексеев, О. Б. Божков).

²⁰⁹ В этом списке участников группы нет А. Н. Алексеева. Причины и обстоятельства его отсутствия описаны в первом томе его книги «Драматическая социология или социологическая ауторефлексия» (СПб.: Норма, 2003).

Работа группы в истекший период строилась по трем основным направлениям. К первому направлению относится деятельность группы по реализации программ конкретно-социологических исследований, утвержденных группе Ленинградской организаций СТД в качестве плановых заданий.

Одно из этих исследований – «Пути повышения социально-культурной эффективности театрального искусства», начатое группой в 1984 году, было завершено к декабрю 1986 года. Результаты этой работы были приняты и одобрены бюро правления ЛО СТД РСФСР. Основные выводы и предложения по итогам исследования были доведены в форме научно-практической записки до сведения театральных практиков – творческих и административных работников.

С конца 1986 года по январь 1989 года группа провела исследование «Социальные и художественные результаты комплексного театрального эксперимента». Исследование включило в себя основные разделы: анализ деятельности театров – участников эксперимента; изучение работы контрольной группы театров, не участвующих в эксперименте.

Исследование проводилось на основе проведения контент-анализа прессы 1987–1988 гг., специальной методики, изучения театрального сознания, анализа мнения режиссеров, актеров по широкому кругу проблем современной театральной жизни.

Группа продолжила ежегодное проведение социолого-театроведческой экспертизы премьер ленинградских драматических театров, анализ их эксплуатационной деятельности. Данная работа проводится группой постоянно начиная с 1973 года. К настоящему времени информационный банк содержит оценочные характеристики почти 700 спектаклей пятнадцатилетнего репертуара драматических театров и сведения об их эксплуатации за тот же период.

В 1986 – 1988 годы круг театральных критиков и театроведов, выступающих в качестве экспертов репертуара, значительно расширился и омолодился. Ежегодно результаты экспертизы премьер сводились в отдельный отчет, представляемый в правление ЛО СТД и Главное управление культуры для оперативного использования. Многолетний опыт этой работы подытожен отчетом о динамике комплексных параметров премьер за пять лет и обзором эксплуатационной деятельности драматических театров за пятнадцать лет.

Группа проводила разовые целенаправленные исследования по заказам ЛО СТД РСФСР. Примером таких работ может служить анализ деятельности ТЮЗа им. А. А. Брянцева, Театра им. Ленинского комсомола, специальное изучение мнения членов ЛО СТД о работе своего союза.

К этому же направлению относится оказание методической помощи в проведении социологических театральных исследований по методикам ленинградской группы в других городах страны.

Группа принимала участие в семинарах, конференциях и совещаниях по вопросам социологии искусства, проводимых СТД. Члены группы регулярно выступали на зональных семинарах руководителей театров с докладами о социологических аспектах театральной жизни.

В 1988 году отчет о деятельности группы обсуждался Советом по социологии театра СТД РСФСР. Работа получила положительную оценку. Материалы исследований рекомендованы к печати с целью ознакомления с ними более широких кругов театральной России. План издания материалов – конец 1989 года»²¹⁰.

1989-й год оказался последним в деятельности группы. <...>

О. Божков

Б. Н. Кудрявцев в качестве референта ЛО ВТО одно время сменил Ц. С. Андрееву на посту куратора группы со стороны ВТО, а затем, став аспирантом ЛГИТМиК, вошел в состав участников группы.

²¹⁰ Из справки о работе Ленинградской организации Союза театральных деятелей РСФСР с января 1986 года по январь 1989 года (К отчетно-выборной конференции), Ленинград, 1989, с. 30-32.

Примечание

Автор выражает признательность А. Н. Алексееву, В. Н. Дмитриевскому, Б. З. Докторову, Б. М. Фирсову и Ю. М. Барбою за ценные советы, замечания и уточнения.

Комментарий

...К сожалению, этот исторический очерк почти не затрагивает содержательной стороны исследований, проводившихся группой «Социология и театр» в 1970—1980-х гг., и не содержит соответствующей библиографической информации. Здесь укажем, по крайней мере, на две итоговые коллективные монографии.

— Алексеев А. Н., Божков О. Б., Владимиров В. Л., Дмитриевский В. Н., Докторов Б. З. Театр и молодежь (Опыт социологического исследования). М.: ВТО, ВНИИ искусствознания, 1979

— Алексеев А. Н., Божков О. Б., Дмитриевский В. Н., Докторов Б. З., Кесельман Л. Е. Зритель в театре (Социологические исследования театральной жизни). М.: ВТО, ВНИИ искусствознания, 1981.

Как явствует уже из названий этих книг, первый проект был нацелен на исследование взаимодействия театра и зрителя через анализ предпочтений в области духовной культуры и зрительского поведения молодежи (один из важнейших секторов потенциальной аудитории зрелищных искусств), а второй — на исследование этого же процесса через анализ социокультурного состава реальных зрительских аудиторий конкретных спектаклей определенных театров. В сочетании с многолетним исследованием структуры и динамики театрального репертуара, включая как содержательные, так и эксплуатационные характеристики последнего, а также последующими исследованиями самосознания деятелей театра и социальной жизни спектакля, это составляло многоцветную социологическую картину, комплексное исследование театральной жизни в целом, на примере ленинградских драматических театров.

Некоторые материалы исследований группы «Социология и театр» при ЛО ВТО 1970-х гг. нашли отражение также в авторской монографии:

— Дмитриевский В. Театр уж полон... Зритель и сцена глазами социолога и театрального критика. Л.: ЛО «Искусство», 1982.

О том вкладе, который был сделан командой (коллективом) ленинградских исследователей в отечественную социологию искусства, см. в монографии:

— Фохт-Бабушкин. Ю. У. Искусство в жизни людей. Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и методология. СПб.: Алетейя, 2001.

Там же см. и наиболее полный библиографический свод отечественной литературы по социологии искусства за период 1960—1990-х гг. (А. Алексеев. Февраль 2009).

Приложение

«Ваше мнение о спектакле»

Экспертная методика «Ваше мнение о спектакле» (1976), адресованная ведущим ленинградским театроведам и театральным критикам, состояла из 4-х смысловых групп «тестовых» суждений, направленных на выявление во всяком данном спектакле следующих четырех блоков социальных ценностей, носителем которых могло выступать сценическое произведение:

- актуальные общественные ценности (составляющие «идеологический потенциал» спектакля);
- общезначимые человеческие ценности («нравственный потенциал»);
- ценности художественной культуры («художественный потенциал»);
- ценности массового восприятия («потенциал массовости»).

Индикаторами блока актуальных общественных ценностей в методике выступали следующие «контрольные» суждения:

Про этот спектакль можно сказать: а) в нем раскрыта историческая правда коммунистических идеалов; б) в нем утверждаются нормы коммунистической морали; в) в нем показана победа нового, передового над старым, отживающим; г) в нем обличаются буржуазная мораль и частнособственническая психология.

Индикаторами блока общезначимых человеческих ценностей в методике выступали следующие «контрольные» суждения:

Про этот спектакль можно сказать: а) он несет в себе подлинно гуманистическое начало; б) в нем утверждается самоценность человеческой личности; в) он будит мысль, развивает гражданские чувства и самосознание; г) в нем поставлена серьезная и животрепещущая общественная проблема.

Индикаторами блока ценностей художественной культуры в методике выступали следующие «контрольные» суждения:

Про этот спектакль можно сказать: а) он обогащает, способствует развитию художественного вкуса; б) в нем есть глубина и правда раскрытия характеров; в) это – интересный эксперимент, смелый художественный поиск; г) это – настоящее, большое Искусство.

Индикаторами блока ценностей массового восприятия в методике выступали следующие «контрольные» суждения:

Про этот спектакль можно сказать: а) это – популярный жанр, театральное ревью или концертная программа; б) он дает возможность отдохнуть, развлечься, получить эмоциональную разрядку; в) он рассчитан на успех у самой широкой зрительской массы; г) этот спектакль открывает зрителю возможность для мелодраматического сопереживания.

Было условлено (в программе исследования), что театральная постановка характеризуется достаточно высоким идеологическим потенциалом, если большинством просмотревших данный спектакль экспертов отмечено в соответствующих анкетах хотя бы одно из четырех «контрольных» суждений, относящихся к актуальным общественным ценностям (причем указано, что

«театру это удалось»). (Для каждого из суждений данной смысловой группы, в случае выбора его экспертом, предусматривались варианты экспертного мнения разного смысла: «театру это удалось» и «театр стремился к этому, но вряд ли достиг»).

Аналогично — для нравственного потенциала спектакля (суждения, относящиеся к общезначимым человеческим ценностям).

Было условлено, далее, что театральная постановка характеризуется достаточно высоким художественным потенциалом, если большинство просмотревших данный спектакль экспертов согласились (с большей или меньшей степенью уверенности) хотя бы с одним из четырех «контрольных» суждений, относящихся к ценностям художественной культуры. (Для каждого из суждений данной смысловой группы, в случае выбора его экспертом, предусматривались варианты экспертного ответа разной степени уверенности: «это безусловно так» и «с этим, пожалуй, можно согласиться»).

Аналогично — для «потенциала массовости» (суждения, относящиеся к ценностям массового восприятия).

На базе различных сочетаний этих ценностных характеристик строилась социологическая типология спектаклей. При этом, путем агрегации данных по отдельным театральным коллективам и по совокупному репертуару театров города, исследовались структура и динамика (движение) репертуара — как театральной афиши, так и театрального проката (тенденции репертуарной и эксплуатационной политики).

Подробнее о методологии и методике, а также об основных результатах исследования см., например:

— Алексеев А., Дмитриевский В.. Театральный репертуар в зеркале социолого-театроведческой экспертизы (на примере театральной афиши Ленинграда 1974–1976 гг.) / Вопросы социологического изучения театра. Л.: ЛГИТМиК, 1979.

Пользуюсь случаем заметить, что никакого отношения к диссертации референта, а затем члена группы «Социология и театр» Б. Н. Кудрявцева на тему «Репертуар драматических театров Ленинграда 1970–1980-х годов: тенденции развития и проблемы исследования», защищенной в ЛГИТМИКе в 1991 г., автор этих строк не имеет.

А. Алексеев. Февраль-июнь 2009

Постскриптум

Только что вышел сводный том, в котором собраны публикации в ротационных изданиях, подготовленных Государственным институтом искусствознания (в те годы — Институтом истории искусств) и Всероссийским театральным обществом (ныне — Союзом театральных деятелей). Книга называется: *Театр как социологический феномен* / Отв. ред. Н. А. Хренов. — СПб.: Алетейя, 2009. — 520 с.

В этой капитальной антологии представлены следующие работы членов группы «Социология и театр» при ЛО ВТО 1970–1980-х гг.:

- Алексеев А. Н., Дмитриевский В. Н. *Театр, спектакль, зритель*;
- Дмитриевский В. Н. *Формирование и эксплуатация театрального репертуара и публика*;
- Алексеев А. Н., Дмитриевский В. Н. *Ленинградские театры и молодежь*;
- Барбой Ю. М., Фирсов Б. М. *Театральное сознание*;
- Алексеев А. Н., Дмитриевский В. Н. *Театральный репертуар как объект социологического исследования*;
- Докторов Б. З. *Математико-статистический анализ театрального репертуара*;
- Алексеев А. Н. *Некоторые современные тенденции функционирования театра в условиях крупнейшего культурного центра*;
- Божков О. Б., Докторов Б. З. *Театр в системе коллективных форм культурного досуга*;
- Дмитриевский В. Н. *Театр, телевидение, публика*.
- Докторов Б. З., Цветаева Н. Н. *Телевидение и театр: поведение аудитории*;
- Кесельман Л. Е. *Повседневная, реальная и потенциальная аудитория*.

Пользуюсь случаем, от имени всех бывших членов исследовательской группы «Социология и театр» при ЛО ВТО, выразить нашу признательность ответственному редактору этого труда Н. А. Хренову и его коллегам. (А. А. 3.03.2009)

Папка 3: Инновационный драйв

6.8. Позитивные девиации (Из книги Я. Гилянского «Девиантология») ²¹¹

<...> Как мы помним, еще Э. Дюркгейм отметил «двойственность» девиаций: преступление и «преступление» Сократа, проложившего дорогу к морали будущего. Более основательно обратил внимание на «симметричность» девиаций П. Сорокин. В своей первой монографии петербургского периода «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) он отметил «курьез» научной мысли:

«В то время как один разряд фактов социальной жизни (преступления-наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, другой разряд фактов, не менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется той же научной мыслью. Мы говорим о «подвигах и наградах». Преступления и наказания служат и служили до сих пор единственным объектом исследования представителей общественных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги же и награды – как совершенно равноправная категория, как громадный разряд социальных явлений – огромному большинству юристов и социологов даже и неизвестны»²¹².

Но еще больший «курьез» состоит в том, что «курьез», отмеченный П. Сорокиным в 1914 г., сохраняется до сих пор как в мировой, так и, особен-

²¹¹ Цит. по: Гилянский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и прочих «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова, «Юридический центр Пресс», 2007, с. 406-407, 409-410, 412, 416-417.

²¹² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, с. 77.

но, в российской науке. Если в океане мировой девиантологической мысли можно найти островки работ о позитивных девиациях («подвигах») <...>, то в отечественной — это лишь постановочные работы автора этих строк при отсутствии необходимых эмпирических социологических исследований.

Первоначальное неприятие великих творений с последующим (чаще всего — слишком поздним для их создателей) признанием, восхищением и почитанием — общее место истории науки, техники, искусства. Новое всегда выступает отклонением от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления и потому воспринимается как аномалия. Вообще «каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, не освященного привычкой порядка»²¹³. При этом чем значительнее новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем аномальнее оно выглядит.

<...> Механизмом общественного развития выступает, прежде всего, социальное творчество (позитивная сторона девиантного поведения), т. е. такая деятельность, которая не ограничивается воспроизводством известного (вещей, идей, отношений), а порождает нечто новое, оригинальное, качественно новые материальные и духовные ценности. Широкое понимание творчества как порождения нового приводит к выводу о том, что творческая деятельность человека — лишь проявление фундаментального свойства материи, лежащего в основе развития. Представляется плодотворным понимание творчества как механизма развития материи, образования ее новых форм²¹⁴, когда «природой творчества является творчество природы»²¹⁵. На противоположном полюсе девиантного поведения находится его «дурная» сторона — негативные девиации как неизбежное *alter ego* социального творчества.

Как различные виды творчества, так и различные виды нежелательных для общества проявлений суть формы социальной активности. При всей их общественной разнородности имеется нечто общее, позволяющее уловить их единство: нестандартность, нешаблонность поступков, выход за рамки привычного, за пределы нормы.

«Творчество осуществимо и объяснимо только как выход за пределы всякой заранее заданной ограниченности, как результат способности со временем преодолеть любой заранее данный предел, создать принципиально новую возможность»²¹⁶.

Если «творчество потому и является таковым, что в нем непременно нарушаются какие-то существенные нормы деятельности, то есть обнаруживается по существу систематическое «уклонение от нормы»»²¹⁷, если «глубинная общность науки и искусства состоит в том, что и тот и другой феномены возникли как средство прорыва из замкнутой скорлупы самодостаточного мира

²¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 296.

²¹⁴ Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.

²¹⁵ Рунин Б. М. Творческий процесс в эволюционном аспекте / Художественное и научное творчество. Л., 1972, с. 63.

²¹⁶ Батищев Г. С. Творчество и рациональность (к определению понятия человека) / Человек, творчество, наука. М., 1967, с. 95.

²¹⁷ Обсуждение методологических проблем творчества // Вопросы философии, 1979, № 3, с. 165.

обыденного сознания»²¹⁸, то отклонение от социальных норм может носить и негативный характер, проявляясь как преступление, пьянство, наркотизм, проституция. Иными словами, «уклонение от норм» может быть с позиций социального целого объективно полезным, прогрессивным, служа механизмом поступательного развития общества, или же общественно опасным, задерживающим его развитие.

Эта сложная, диалектическая, поражающая обыденное сознание связь не только нормы и аномалии, но и полюсов отклоняющегося поведения, издавна привлекала художников. Это и пушкинское «гений и злодейство две вещи несовместные», и мучительные искания Ф. Достоевского, доходившие «до последнего предела» и переходившие «за черту», «бесовщина» и метания от «высших типов человека» к человеку гнусному «до последней степени», и мысль П. Хиндемита о том, что преступление и творчество — две стороны единого процесса, и, наконец, преследовавшая Т. Манна мысль творчество как преступление. В интереснейшей, незавершенной статье «Проблемы творчества в произведениях Томаса Манна» Б. С. Грязнов писал:

«Любое творчество — всегда преступление, конечно, не в юридическом смысле этого слова... Творчество (преступление) как созидание. Художник может стать сильнее отпущенного ему природой (Богом), но для этого он должен совершить преступление против природы (Бога), т. е. творчество оказывается делом дьявольским... Итак, творчество есть боль, страдание. Творчество... есть преступление. Творчество есть дьявольское дело. Творчество есть героизм»²¹⁹

Последнее — ибо, чтобы решиться на преступление, требуется отвага («героизм»).

<...> Социальное творчество и есть тот «ряд положительных отклонений», который обеспечивает развитие общественной системы. Реально социальное творчество осуществляется через деятельность людей, через индивидуальные творческие акты <...>.

<...> Может возникнуть вполне закономерный вопрос: не есть ли изложенное выше лишь дань авторской концепции? Слишком уж непривычно для многих из нас видеть нечто общее в социальном (научном, техническом, художественном) творчестве и социальной «патологии» (преступности, наркотизме, пьянстве, коррупции и т. п.), рассматривать то и другое как следствие неких общих социальных причин. В конечном счете судить об этом не автору, а читателям. И все же несколько доводов в пользу авторской концепции. Как уже говорилось, социальная норма, определяя исторически сложившуюся в конкретном обществе меру допустимого поведения, может либо соответствовать законам общественного развития, либо отражать их недостаточно адекватно, а то и находиться с ними в противоречии, будучи продуктом искаженного отражения объективных закономерностей. И тогда социальная «норма» оказывается сама «анормальной».

²¹⁸ Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии, 1976, № 10, с. 114.

²¹⁹ Грязнов Б. М. Логика, рациональность, творчество. М., 1982, с. 249-251.

Именно поэтому девиантное поведение может быть позитивным, ломающим устаревшие нормы и объективно способствующим прогрессу (социальное творчество), и негативным, объективно препятствующим развитию или существованию.

Именно поэтому нестандартность, нешаблонность, необычность мыслей и действий — необходимое условие развития общества. Поэтому же преследование инакомыслия и инакодействия — верный гарант стагнации, застоя. Свидетельство тому — отечественная история 20–80-х гг. прошлого столетия. <...>

6.9. Уличный университет в Санкт-Петербурге

Оригинальная и содержательная, гражданственная и интеллектуальная молодежная инициатива — Уличный университет в СПб — здесь нашла свое отображение в форме своего рода автопрезентации. Настоящая композиция документов составлена А. Алексеевым, по материалам сайта: <http://www.streetuniver.parod.ru/>. Автор этих строк имел удовольствие несколько раз посетить этот университет. (Май 2009).

История

Начало традиции Уличного университета положено слушателями опечатанного Европейского университета, которые после ряда травестированных интервенций в публичное пространство перешли к своему естественному занятию — обучению, в ситуации закрытого университета, по необходимости ставшего также уличным и действительно коллективным. В воскресенье **9 марта** в Соляном переулке прошел первый УУ. Мероприятие продолжалось около часа и привлекло более 70 человек, включая студентов, аспирантов и преподавателей разных университетов, общественных деятелей, активистов, журналистов и всех заинтересованных лиц, что вывело деятельность УУ за рамки серии акций в поддержку Европейского. Так, **16 марта** прошел второй учебный день УУ, привлечший новых слушателей, зачисленных на первый курс по факту присутствия на занятиях. **21 марта** деятельность Европейского университета была в срочном порядке возобновлена. УУ приносит свои искренние поздравления дружественному вузу и продолжает свою работу. Что бы ни открывали и ни закрывали широкого диапазона власти от пожарных до президентов, УУ планирует ежесубботно заниматься коллективным самообразованием на улице, столь напоминающей бульвар Сен-Мишель.

Обучение в Уличном университете бесплатное.

В любой момент выдается именной сертификат негосударственного образца о прохождении обучения в Уличном университете.

Срок обучения не ограничен.

У нас занимаются *студенты*:

Санкт-Петербургского государственного университета
Российского государственного педагогического университета им. Герцена
Смольного института свободных наук и искусств
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Высшей школы экономики
Инженерно-экономического университета
Московского государственного университета
Российского государственного гуманитарного университета

Добавь свой вуз в список, *участвуй в УУ*.

***

Как нас найти: <...>²²⁰

Как выступить в Уличном университете:

Каждый желающий может подготовить доклад, мастер-класс, семинар для любого из будущих воскресений, а также сформулировать название кафедры, соответствующей свойству его инициативы и послать тезисы за неделю по электронному адресу streetuniver@yandex.ru.

Темы прошедших занятий: <...>²²¹

***

Декларация Уличного университета

Учитывая факты репрессий и коррупции в университетах, растущую коммерциализацию образовательного процесса, а также то, что сегодня студенчество в целом разобщено, деморализовано и деполитизировано, группа студентов, сотрудников различных петербургских вузов, активистов, исследователей и заинтересованных граждан инициирует создание Уличного университета (УУ).

Цель Уличного университета – возродить традиции студенческого самоуправления и создать эффективную сеть, состоящую из исследователей, активистов и сочувствующих граждан, объединенных желанием сформировать альтернативное поле производства и распространения критического знания. Название Уличного Университета отсылает к месту, по определению открытому, где такого рода контр-знание только и может изобретаться. В этом смысле, УУ наследует как античному опыту (Сократ, киники, Аристотель), так и экспериментам новейшего времени (ситуационисты, Free Speech Movement в Калифорнийском университете, Йозеф Бойс, Свободный университет, существовавший в Ленинграде во времена перестройки). Кроме того, Уличный университет ставит перед собой цели возвращения публичности публичному пространству через проведение занятий на улицах города и налаживание связей между академическим сообществом и различными общественными движениями и инициативами.

УУ – это площадка для обсуждения актуальных вопросов социальной действительности. Предпочтение отдается актуальным темам: студенческое движение, международный и отечественный опыт альтернативных образовательных практик и контринституций, демократические художественные и исследовательские объединения, гражданское сопротивление, эстетика и теория авангардных форм творчества, низовой активизм.

²²⁰ Основное место проведения занятий Уличного университета в СПб – Соляной переулок, между ул. Пестеля и Гангутской, там, где Художественно-промышленная академия (Мухинское училище) и Музей обороны Ленинграда.

²²¹ См. <http://streetuniver.narod.ru/arch.htm>. См. также ниже.

УУ — предполагает свободу форм самовыражения. Занятия в Университете могут принимать форму как академических семинаров, так и художественных или других социальных акций (сообщение с последующим обсуждением, свободная дискуссия на заявленную тему, социологический опрос, перформанс, коллективная манифестация, выездная сессия, встреча с активистами иных сообществ и общественных движений).

Уличный университет ставит две сопутствующие цели: автономия университетов и самоуправление студентов в рамках существующих учебных заведений, а также создание альтернативной сети контринституциональных практик. Индивидуалистическим ценностям карьеры, профессионального успеха и интеграции в существующий порядок УУ противопоставляет практику общности, сотворчества и нонконформизма. УУ является полем взаимодействия самообразования, повседневных практик, искусства и активизма.

Уличный университет — это открытая, постоянно расширяющаяся сеть студентов, сотрудников различных петербургских вузов, исследователей, активистов и заинтересованных граждан, построенная на принципах открытости, самоорганизации и самоуправления, не привязанная ни к какой организации или институции. УУ включает в себя Координационный совет, основная функция которого состоит в обеспечении организационного и информационного сопровождения деятельности УУ.

Собрания Уличного университета проходят по воскресеньям с 14.00 на Соляном переулке, если не оговаривается иное. Композиция каждого следующего собрания определяется на основании принципов прямой демократии. Каждый присутствующий имеет право предложить форму и тему выступления и обладает одним голосом, чтобы утвердить или отклонить другие предложения в ходе голосования. Эта процедура призвана поощрять активное участие в деятельности УУ. Окончательную формулировку следующего собрания артикулирует КС, вывешивая ее на сайте и посылая на рассылку не позднее середины недели.

Дополнительную информацию о деятельности УУ можно найти на сайте <http://www.streetuniver.narod.ru> и ЖЖ-сообществе <http://community.livejournal.com/newstreetuniver>.

Также можно подписаться на рассылку (newstreetuniver@googlegroups.com), что приравнивается к членству в УУ.

***

Регламент Уличного университета на новый учебный год

1. Уличный университет является инструментом, а не организацией.
2. Подписка на рассылку приравнивается к принадлежности к движению Уличного университета (newstreetuniver@googlegroups.com).
3. Любой Уличный университет может устроить рабочая группа из 3 человек с рассылки, формирующая совместно тему и форму мероприятия.
4. Процедурные решения основываются на принципе права вето: если у кого-то есть инициатива, и в течение 3 дней после обнародования на рассылке против ее осуществления в рамках УУ не высказывается более 3 человек, значит она может и должна быть осуществлена.
5. Предложения по программе могут быть следующих типов:
  - а) готовый доклад, семинар, акция или композиция целого учебного дня;
  - б) постановка проблемы / предложение формы проведения;

в) просьба осветить тему на Уличном университете или поддержать некую инициативу

(во втором и третьем случае сообщество ищет возможность ответить на запрос — ищет докладчиков или волонтеров для акции).

6. В нашем распоряжении по-прежнему:

а) официальный сайт <http://streetuniver.narod.ru/> работает преимущественно как архив;

б) рассылка newstreetuniver@googlegroups.com как пространство принятия решений;

в) блог <http://community.livejournal.com/newstreetuniver> как инстанция оповещения и пропаганды.

Ниже — сокращенная информация о занятиях Уличного университета в СПб, от момента возникновения (март 2008) по май 2009 г.²²² (В кавычках — темы докладов. Имена докладчиков здесь опущены).

9.03.2008. Первый Уличный университет (УУ)

Научно-практическая конференция «Когда студенты выходят на улицу...», открывшая занятия в Уличном университете.

Секция 1. Самосознание студенчества

1. «Альтернативный менеджмент: пожарные силы против организованных масс»

2. «Почему студенты не выходят на улицу, или Печальные заметки о поводах студенческих протестов в постсоветской России»

Секция 2. Протест и травестия

1. Мастер-класс «Как следует одеваться студенту закрытого университета в ситуации продолжения обучения на улице в зимнее время»

2. «Ситуация 1968 года и ситуационисты: баррикады как художественно-политические произведения нового поколения»

Секция 3. Студенческие профсоюзы

1. «Опыт профсоюзной борьбы в Нью-Хейвен»

2. Мастер-класс «Оформление слоганов в ситуации дефицита времени и средств»

Секция 4. Российское студенчество: история и современность

1. «Петербургское студенческое сообщество до 1917: традиции общности и оппозиционности»

***

16.03.2008. Второй учебный день УУ

Секция 1. Языки власти и практики повседневности

1. «Студент должен!»: идея студента в официальном дискурсе»

2. «Активистская деятельность как «аморальное поведение»»

²²² Цит. по архиву УУ в СПб: <http://streetuniver.narod.ru/arch.htm>.

Секция 2. Публичное пространство как пространство сопротивления

1. «Игрушка и марионетка как действующие лица в социальном протесте»
2. «Пространство политического действия в метаполитике Алена Бадью»

***

23.03.2008. Третий учебный день УУ

Кафедра поэзии прямого действия

1. «Поэма солидарности (она же разобщенности)»

2. Стихотворения «Свободу — Уличному университету», «Интеллигент — мозг или говно?».

Кафедра современной литературы

1. «Обучение нигилистов»

Кафедра социологии трендов

1. «Феминистский взгляд на процесс выхода из моды статей Конституции в контексте становления правового государства»
2. «Дебаты вокруг ЕУ: гендерный аспект»

Кафедра этнологии

1. «Пламя в очаге культуры: взгляд на проблему с берегов Пинеги»

***

13.04.2009. Учебный день УУ, посвященный теме «Свобода и/или Университет»

1. «Реальность высшего образования: уместен ли разговор об Университете?»
2. «Университет в изгнании — инкубатор американской социальной психологии»
3. «Свободный университет в Ленинграде (1989-1992): опыт самоорганизации и самоуправления»
4. «Опыт студенческого движения в современной России — OD-group»

***

20.04.2008. Учебный день УУ, посвященный теме «Языки власти»

Кафедра изучения языков власти

1. «Риторика власти и власть риторики»
2. «Язык желания социальной критики»

Кафедра несвоевременных мыслей

1. «Баррикады с точки зрения онтологии»

***

27.04.2008. Учебный день УУ, посвященный теме «Метафизика градостроительства»

(Занятия прошли в «эльфийском» сквере на углу Стремянной ул. и Дмитровского пер.)

1. «Ведение в проблематику»
2. «Конспирологические теории в градостроительной политике»
3. «О ситуации на Стремянной ул.»
4. «Как выжить в глобализированном большом городе?»

***

4.05.2008. Учебный день, посвященный теме «*Процедуры демократии*»
(Занятия прошли во внутренних скверах РГПУ им. Герцена)

1. «Рационализм и демократия (Неизвестные 90-е)»
2. «Искусство и демократические ценности»

***

11.05.2008. Учебный день, посвященный теме «Религия и стоматология»
Художественная акция «Религия — это стоматология» в знак солидарности со студентами РГГУ.

Несанкционированная акция, состоявшаяся 11 мая на паперти Казанского Собора и включавшая в себя выступление, пластику и раздачу листовок, была направлена против имущественных и культурных претензий РПЦ, замкнутых друг на друга и угрожающих сегодня как возможности получения гуманитарного образования, так и успеху формирования гражданского общества в России.

Опасность эта еще раз высветилась в связи с историей предъявления Русской Православной Церковью имущественных претензий к РГГУ (*Российский государственный гуманитарный университет. — Ред.*) и продолжительным процессом введения религиозного воспитания в учебных заведениях.

<...> Таким образом, акция носила как антиклерикальный характер, так и была направлена на выполнение еще одной из декларированных задач УУ — возвращение публичности стремительно сужающемуся публичному пространству. <...>²²³

Доклады, прочитанные на Соляном после акции.

1. «Руки загребушие, глаза завидушие. Система ценностей неолиберализма с точки зрения исследования сказок»
2. «Анархия как онтологический выбор»

***

25.05.2008. Учебный день, посвященный теме «*Критика и действие*»

1. «Наивность и цинизм современной социальной критики»
2. «Уличный активизм и социальное действие»

***

1.06.2008. Учебная ночь, прошедшая в рамках вечернего отделения.

Первый Уличный университет, прошедший в рамках вечернего отделения: 1 июня на наб. Фонтанки, 130 (у Красноармейского моста).

²²³ Организаторы акции: Уличный университет совместно с ДСПА (Движение соприотчвления имени Петра Алексеева) и театром танца «Верхотура».

Занятия прошли в ночь с субботы (31 мая) на воскресенье (1 июня).

Кафедра несвоевременных мыслей:

1. «Экзотерические и эзотерические критические высказывания в современном искусстве двух последних десятилетий»
2. «Революционные студенты как авангард новой буржуазии?»
3. «Критика чистого левого разума». Диспут

Кафедра поэзии прямого действия. <...>

***

8.06.2008. Мета Уличный университет²²⁴

***

15.06.2008. Учебный день, посвященный теме «*Менты: репрессии и опыт противодействия*»

1. «Юридический аспект противодействия (тактика поведения на акциях, административные и уголовные преследования)»
2. «Осмысление практического опыта»
3. «Когда закон не работает»

Приложение: «Активист и милиция: допросы и неформальное общение» (памятка подготовлена командой правовой безопасности для активистов Legal Team)²²⁵.

***

29.06.2008. Учебный день, посвященный теме «*Психогеография города*»

1. «Камень и революция. Марсово поле.»
2. «Опыт ситуационистов»
3. «Разметка рекламы. Супермаркет на улице Восстания»

Кафедра поэзии прямого действия

1. «Ситуационистские стихи»

Кафедра обмена опытом

1. «Опыт дрейфа у Нарвской заставы.»
2. «Фильм группы «Что делать?» в рамках ВШКЗ (Лиговский, 87)»

²²⁴ Пояснение:

«...В следующее воскресенье планируется провести своеобразный мета-УУ, на котором будет сделана попытка проблематизировать саму форму и функцию нашего предприятия. Ставшая уже традиционной форма доклада представляется нуждающейся в ревизии, также как каждый повод для встреч — в неперменном переизобретении. Несколько направлений развития, о которых уже не раз заговаривалось, как-то: провоцируемые дебаты, превалирующие над суверенностью сообщений, смычка с актуальными городскими вопросами и социальной повесткой, оформляющаяся в том числе в проведении УУ «на объекте», активная работа со студенческим контингентом, — и предлагается наконец обсудить, посвятив этому целый учебный день...».

²²⁵ См. http://community.livejournal.com/legal_team/; <http://streetuniver.narod.ru/15.htm>

***

7.09.2008. Первое занятие в новом учебном году по теме «*Экстремизм цензуры*»

Прошла установочная встреча. Был избран новый Координационный совет.

Тема: Экстремистская цензура. Сетевые ссылки: <...>²²⁶

***

28.09.2008. Учебный день по теме «*Европейский Социальный Форум 2008: между протестом и симуляцией*»

Также в рамках занятий в вечерней Школекритического знания состоялась презентация выпуска газеты «Знание в действии / Knowledge in action», посвященного УУ и традициям альтернативного образования²²⁷.

***

5.10.2008. Учебный день по теме «*Уличное знание*»

Занятие УУ состояло на этот раз из нескольких практических семинаров, посвященных уличному активизму. Слушатели изучали методику изготовления трафаретов и работы с ними, юридический аспект нанесения изображений на городские объекты и практику оказания первой медицинской помощи. Семинар вызвал большой интерес и собрал рекордное число участников.

1. Мастер-класс по изготовлению и нанесению трафарета
2. «Теория и практика вандализма. Юридический аспект»
3. Мастеркласс по оказанию первой медицинской помощи

***

12.10.2008. Учебный день по теме «*Уставная нравственность и этика сопротивления*»

<...> Непосредственной предпосылкой к учебному дню послужил примечательный факт появления некоего проекта «Кодекса нравственности петербуржца», подготовленного местным самодумом и энтузиастом Николаем Панько (см. ссылку ниже). Несмотря на очевидную невразумительность «документа», обсуждаемого, впрочем, всерьез в Смольном вице-губернатором нашего прекрасного духовного города, данная история является серьезным симптомом, который рифмуется с многими уже звучавшими голосами доброхотов, взыскующих «нравственности сверху» и предлагавших свои, пока преимущественно риторические, услуги господствующей национал-либеральной идеологии, причудливым образом сочетающей настойчиво реанимируемое русопатство с рыночной логикой неолиберализма. Так, проект «Кодекса нравственности» имеет подзаголовок «арт-проект», что можно понимать как снижающий прием, а можно как предельную некомпетентность

²²⁶ См. <http://www.openspace.ru/news/details/2701/>;
<http://chtodelat.wordpress.com/2008/08/29/new-issue-of-cto-delat-confiscated-and-under-investigation/>.

²²⁷ См. http://chtodelat.org/index.php?option=com_content&task=category&sectionid=17&id=190&Itemid=209.

авторов, отвечающей современному постмодерн-бульону в головах болеющих (задержаву). <...>

1. «Настоящее петербурженство. Гос. заказ на нравственность»²²⁸.
2. «Иваново детство и взрослость. О судьбе проекта тарковской многозначительности»²²⁹
3. «Протезирование политического бессознательного. О работе группы ПРОТЕЗ»²³⁰

***

19.10.2008. Учебный день и акция по теме «Убийство лягушек на российской почве»

1. «Опыты на животных — тенденции к минимизации, гуманные альтернативы. Роман Белоусов.
2. «Их должно резать или стричь? Права студентов, права животных. . Роман Белоусов, Юлия Ананьева

Очередной УУ был посвящен вопросам биоэтики. Выступавшие студенты-биологи Роман (Москва) и Юлия (Благовещенск) говорили, что, хотя полностью прекратить любые опыты над животными невозможно, они должны быть сведены к абсолютному минимуму и везде где возможно заменены на альтернативные методы исследований.

Объединив свои силы со студенческой инициативой «Гуманное образование»²³¹ и социологами из OD-group²³², УУ провел трагическое уличное исследование с настоящей гигантской лягушкой, рисковавшей пасть жертвой убийства на российской почве.

***

26.10.2008. Учебный день по теме «Градостроительство: старые перспективы и новые комплексы»

1. «Группа ЭРА: борьба до нашей эры и во время»
2. «Как приходить на В.О. и не умирать»
3. «Живой город: градостроительная революция в белых перчатках»
4. «Что волнует Зеленую Волну»

***

2.11.2008. Полевая практика УУ по занятию университетских корпусов (в рамках антифашистского митинга)

2 ноября состоялся очередной Уличный университет, запланированный в рамках антифашистского митинга (Марша против ненависти), но в определен-

²²⁸ См. <http://www.fontanka.ru/2008/07/17/101/>.

²²⁹ См. <http://www.rusk.ru/st.php?idar=725255>.

²³⁰ См. <http://trash-protez.narod.ru/anons.htm>

²³¹ См. <http://humane.org.ru/>.

²³² См. <http://www.od-group.org/>.

ный момент вылившийся в спонтанную полевую практику. После шествия по стрельке Васильевского острова участники марша остановились для митинга на площади Сахарова. Митингом руководили лидеры либерально-демократических организаций, а над толпой, оцениваемой в 100 – 400 человек (в зависимости от идеологической принадлежности новостного ресурса), развивались преимущественно белые флаги.

<...> В самый разгар митинга активистами УУ из окон корпуса исторического и философского факультетов были вывешены баннеры с призывами «Универы – на улицу», «Знание – в действие»²³³. <...>

***

9.11.2008. Учебный день по теме «Традиция антикопирайта и новые практики свободной рецепции» в рамках анархофеста «Черный Петроград»

1. «Антикопирайт». (Основная тема – интеллектуальная собственность как новый репрессивный институт. <...>)

2. «Трудоустроенный detournement или подрывные техники (про)чтения художественных высказываний в данных социальных условиях».

После занятий те, кто стал на этот день студентами Уличного, отправились на Владимирскую площадь, где каждое воскресенье проходит Food Not Bombs, инициатива, заставляющая задуматься о том, что и материальные продукты труда (еда) при соответствующей организации общества могут перестать быть дефицитными. <...>

***

16.11.2008. Учебный день по теме «Репрессии субкультур в современной России»

Ссылки на материалы, послужившие поводом для темы учебного дня: <...>²³⁴.

В июне 2008 г. Госдума, Общественная палата и Общественный совет центрального федерального округа завершили работу над проектом «Концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности». Концепция должна быть воплощена в нескольких законопроектах и полностью реализована к 2020 г.

Текст проекта Концепции изобилует предложениями о вводе разнообразных запретов, часто звучащих комично. Борцы за повышение нравственности предлагают объявить войну готам и эмо, отменить чуждые исконно русским традициям праздник Хеллуин и День Св. Валентина и даже установить на телефоны подростков «фильтры», которые не пропускали бы sms, содержащие бранные высказывания или высказывания «сексуального характера». Отдельный законопроект будет посвящен детским

²³³ «... Также состоялся непродолжительный диалог с представителями милиции, несколько обескураженными тем высказанным несколько свысока (2-й этаж) тезисом, что университеты могут не подпадать под их юрисдикцию, но являются автономным пространством. Решив опровергнуть это действием, представители милиции вторглись – при попустительстве вахтеров, еще пока недостаточно солидарных со студенчеством – на факультет и долго плутали по незнакомым им коридорам в поисках активистов, но так и не нашли их».

²³⁴ См. http://lj.rossia.org/users/aka_ankaz/25313.html; <http://www.svobodanews.ru/Article/2008/07/11/20080711103246403.html>;

<http://www.interfax.ru/txt.asp?id=2270>.

игрушкам — российских детей необходимо оградить от вредных западных игрушек, которые могут «нанести вред физическому и нравственному здоровью». <...>.

***

5.04.2009. Начало учебного года. Поучения юношеству.

Первое занятие было посвящено рекогносцировке ситуации с образованием в России и Европе и прошедшими в связи с ней зимними событиями (Франция, Италия, Греция), а также центральному для УУ вопросу создания как самоуправляемых организаций и ассоциаций в стенах образовательных заведений, так и формирования сети альтернативных (само)образовательных практик. <...>

1. «Поучения юношеству по расширению и оживлению деятельности, или о пользе и вреде Ницше для жизни».

2. «Европейская ассоциация свободного образования.»

***

19.04.2009. Феминистский Уличный университет

1. «Социальное конструирование пола: анализ механизмов мужского господства»

2. «Новая женщина: товарищ, а не товар. Утверждение равенства между «мужским» и «женским» в текстах А. Коллонтай»

3. «Рецепция феминистских идей в современной России»

***

17.05.2009.

Питер: Искусство, знание: условия и пределы автономии

1. «Эпистемологический бунт и самоорганизация студентов: условия возможности (физфак МГУ 50-х гг.)»

2. «Искусство, идеология, религия: диктатура формы»

3. «Трансгрессия поэтического в политическое или практики когнитивного производства на коленке»

В этот же день второй Уличный Университет в Москве прошел по теме «Производство веры и вера в производство: роль внутригрупповых представлений в функционировании сообщества»

1. «Механизмы навязывания верований в организации»

2. «Роль идеологии и техник управления в организации работы гражданского сообщества»

***

10.05.2009

Питер: Кризис и программа сопротивления

(Обсуждение антикризисной программы Движения сопротивления имени Петра Алексеева²³⁵)

²³⁵ См. <http://www.dsps.info/content/view/569/172/>.

1. «Нынешний кризис — как кризис перепроизводства»
2. «Финансовый кризис, как спусковой крючок. Несколько примеров финансовых спекуляций, зачем они нужны и их последствия»
3. «Как нам из этого выбраться. Сравнение антикризисных программ правительства, КПРФ и ДСПА»

В этот же день первый Уличный университет в Москве прошел по теме «Студенческий активизм: теория и практика»

***

24-25.05.2009

Питер: учебный день и акция в поддержку Артема Лоскутова

24 мая в Петербурге был проведен учебный день Уличного университета в поддержку Артема Лоскутова, а 25 мая — акция «Искусство — это экстремизм».

Художник Лоскутов арестован и находится под стражей после активного интереса к своей персоне, проявленного центром по борьбе с экстремизмом. Это уже не первый эпизод в рамках необъявленного государственного террора против художников и активистов. В подобной ситуации Уличный университет решил провести акцию, направленную на то, чтобы указать как на полное отсутствие состава преступления, так и на полное непонимание сотрудниками всяческих центров «Э» сути искусства. Ведь настоящее искусство — всегда экстремизм. Лоскутову инкриминируется то, что присуще самому искусству. <...>²³⁶

6.10. Самоорганизация науки: инициатива снизу

(1)

*Съезд ученых: очередная иллюзия или первоочередная задача?*²³⁷

Никто не станет отрицать, что существовали и существуют определенные проблемы в российской науке и что эти проблемы, в частности отношение к науке и ученым в обществе, невостребованность научных разработок отечественными предпринимателями и государственными организациями, пресловутая «утечка мозгов» и многие другие, не один раз являлись предметом обсуждения в СМИ и в самом научном сообществе. Достаточно обратиться к публикациям в «Известиях», «Независимой газете», «Поиске», «Вестнике РАН», других периодических изданиях, чтобы в этом убедиться.

Тем не менее, результативность такого рода обсуждений невелика. Одно из возможных объяснений того, что хотим как лучше, а получается все равно как всегда, состоит в том, что в российском научном сообществе и в обществе в целом на самом деле отсутствует действенный публичный механизм обсуждения и решения проблем науки. Если это так, то его надо создать, и чем скорее его удастся

²³⁶ См. http://news.yandex.ru/people/loskutov_artem.html. Продолжение этой темы см. ниже: раздел 9.25.

²³⁷ Опубликовано в газете «Троицкий вариант», №11 (30), 9 июня 2009 г., с. 5. (Электронная версия — <http://trv.nauchnik.ru/30N.pdf>). Здесь воспроизводится в сокращении.

создать, тем будет лучше и для науки, и для общества. Разумеется, тут же возникает ряд вопросов. Что это может быть за механизм (или даже несколько механизмов)? Как и кем он может быть создан? Как и кем управляться?

Наконец, как соотноситься с уже существующими многообразными научными, общественными и государственными институтами? Для одних таким механизмом может быть Общественная палата ученых (ОПУ), для других — уже существующий, но каким-то образом преобразованный Союз научных обществ России (СНО РФ), для третьих — Всероссийский съезд ученых (ВСУ). Какие бы конкретные формы этот механизм в тех или иных предложениях ни принимал, в самом общем виде он может быть определен как механизм общественного самоуправления российского научного сообщества.

Исходя из данной предпосылки, с декабря 2008 по апрель 2009 г. в Санкт-Петербургском союзе ученых, в частности на Координационном совете СПбСУ и на Рабочей группе, специально созданной для этого, а также в Санкт-Петербургском и Московском обществах естествоиспытателей, в Российском философском обществе, в ряде других научных и общественных объединений ученых было проведено предварительное обсуждение необходимости и возможности проведения Съезда ученых России.

<...> Высказывавшиеся в ходе предварительного обсуждения возможности проведения Съезда ученых России сомнения и опасения кратко сводятся к следующему. В России ученые не готовы (мягкая оценка) или не способны (жесткая оценка) к какой-либо самоорганизации и активной общественной работе «не за страх, а за совесть».

Ученым, как и прочим категориям российских граждан, присущ глубоко укоренившийся «инстинкт подчиненного», привычка и традиция следовать принципу, согласно которому начальству всегда виднее. Научным сотрудникам свойственны традиционная апатия и безразличие.

Уже только этих трех качеств «научных низов», казалось бы, более чем достаточно, чтобы согласиться с тем, что надежда на демократическую самоорганизацию российских ученых — всего лишь очередная иллюзия. Но к этим причинам можно, наверное, добавить по крайней мере еще несколько, не менее весомых и важных. Многие рядовые ученые просто не заинтересованы в какой-либо инициативе. Каждый решает, и иногда достаточно эффективно, свои проблемы сам. Причем такой индивидуальный способ решения иногда более эффективен и менее затратен во всех смыслах и случаях, будь то оплата научного труда, поездки за границу, получение нового оборудования, необходимого для нормальной научной работы, чем любой коллективный. В «курилке» скорее согласятся, чем не согласятся, с тем, что:

— ученому проще договориться с начальником, так сказать, сторговаться с ним по поводу своей зарплаты, поездок за рубеж, получения реактивов и т.д. Ведь, согласно стародавней традиции, с ближним надо делиться. Вот ученый и делится с начальством всем, чем может;

— ученому проще получить грант, даже если львиная доля этого гранта в виде небезызвестных процентов вернется обратно государству и тому же начальнику, чем конфликтовать с ними, например, пытаясь создать независимый профсоюз научных работников;

— ученому проще вообще уехать за рубеж, на какое-то время или навсегда. Особенно молодому и талантливому. Родина — там, где можно заниматься научной работой, особенно если за это относительно прилично платят.

В целом этот далеко не полный перечень совсем не надуманных и не беспочвенных возражений указывает, согласно скептической точке зрения, на то, что условия для демократического самоуправления научного сообщества и попыток его создания в России ныне крайне неблагоприятные.

Какие же тогда аргументы «за»? Только сами ученые могут сказать, в каком направлении может и должна развиваться наука в целом, отдельные ее области и направления. Только они знают, какие точки роста в науке могут принести несомненную пользу в отдаленном, а какие — в ближайшем будущем. Только они понимают, какими печальными, а то и вовсе катастрофическими последствиями может обернуться принижение роли науки, тем более гонения на нее, преднамеренное одевание на нее «шутовского колпака».

Значит, только они могут и должны сказать власти и обществу, каково действительное значение науки и какова цена науки, в том числе неизбежные издержки на ее достойное содержание и развитие. И сказать это они обязаны не только, как в достопамятные «советские» времена, в «курилке», «на кухне» и в других не менее представительных местах, а на своем Съезде, в совместных с исполнительной и законодательной властью полномочных комиссиях. Власть, конечно, слышит голос какой-то части ученых, но это не голос всех ученых, всей науки, это не результат коллективного мозгового штурма, а часто, увы, лишь плод так называемого «личного» или корпоративного интереса.

Но, кроме того, демократическое самоуправление ученых, как воздух, необходимо именно потому, что у части научных сотрудников до сих пор так и не изжит «инстинкт подчиненного», и этот «инстинкт» имеет под собой серьезные основания; что ученым, как и прочим категориям российских граждан, свойственны привычка и традиция следовать принципу, согласно которому начальству всегда виднее; что, наконец, они в основной своей массе, скорее всего, действительно не готовы и не способны к какой-либо самоорганизации и активной общественной работе «не за страх, а за совесть». Но, как известно, нельзя взлететь, не попытавшись хотя бы раз взмахнуть крыльями. Эти пусть еще и совсем маленькие, неокрепшие крылья у российского научного сообщества пока еще есть. Конечно, без употребления или в случае только «показательного» употребления они очень быстро атрофируются.

Необходимо особо подчеркнуть, что вопреки насаждаемым мифам о «советском прошлом» формальные и неформальные научные общества разного уровня и масштаба сыграли крайне важную роль в развитии науки в царской России и в Советском Союзе 1920-х годов. Совсем не случайно Сталин и соратники начали «великий перелом» с ликвидации именно независимых научных обществ, проводивших регулярные Всесоюзные съезды, последний из которых, 4-й Всесоюзный зоологический съезд состоялся в 1930 г.

Именно через возрождение научных обществ и создание новых, в том числе Санкт-Петербургского союза ученых (СПбСУ), во времена перестройки проходила одна из главных магистралей настоящей, «низовой» демократизации замшелого советского «реального социализма», ревностно оберегавшегося пресловутой партийно-государственной номенклатурой. Многие из

подлинных успехов той демократизации советского общества были достигнуты за короткий период, когда «перестройка» шла по восходящей во многом благодаря «низовой демократии» ученых. Достаточно вспомнить, что им удалось выдвинуть и добиться избрания акад. А. Д. Сахарова депутатом.

Новейшая история уже подтвердила и еще не раз подтвердит: без демократизации науки нет и демократизации общества, а без демократии в обществе нет и демократии в науке. Поэтому нравится это кому-то или нет, но достойная, процветающая наука может быть только в свободном и потому процветающем обществе. Поэтому, заслуживают всяческой и безоговорочной поддержки все усилия, направленные на создание свободной и демократической науки, на создание механизма, обеспечивающего свободу и демократию в науке.

Причем обсуждение обязательно должно проходить в контексте тех общих и частных проблем, которые давно уже стоят перед российской наукой, но так и не получили удовлетворительного разрешения вовсе либо были решены лишь частично. Поэтому СПбСУ еще в 2008 г. предложил обсудить на Съезде ученых России следующие основные вопросы:

- трансформация российской науки: пути и механизмы;
- наука и образование;
- поддержка научной молодежи;
- самоорганизация научного сообщества и роль неправительственных научных организаций (научные общества, союзы и др.) в научно-образовательной политике;
- наука и общество;
- наука, псевдонаука и религия.

Способно ли научное сообщество хотя бы на такое обсуждение, или правы скептики, покажет будущее. Уверенности в том, какой прогноз сбудется, ни у кого нет. В чем можно быть уверенным, так это в том, что эксперимент по учреждению демократической самоорганизации ученых в любом случае покажет, как минимум, три вещи:

1. Отношение научного сообщества в целом и отдельных его групп к идее новой демократии в науке и новой самоорганизации ученых.
2. Отношение власти и общества в целом к этой инициативе ученых.
3. Тем самым перспективы развития науки в России или их отсутствие.

М. Б. Конашев, председатель рабочей группы С.-Петербургского союза ученых (СПбСУ) по подготовке Съезда ученых России

(2)

Призрак надежды (для «Троицкого варианта»)²³⁸

Съезд ученых, идею которого обосновывает в «Троицком варианте» (2009, 9 июня, № 11 (30)) член СПб союза ученых М. Конашев, — не иллюзия (очередная)

²³⁸ Опубликовано в: Троицкий вариант. Наука. 2009, № 12 (31), 23 июня. Электронная версия — <http://trv.nauchnik.ru/31N.pdf>.

и не задача (первоочередная), а «всего лишь» или, наоборот, значимый почин, не росток, так семечко, цветы из асфальта, призрак надежды на хотя бы относительно независимую от власти и бизнеса науку в современной России и т. п. Внимательно прочитав текст коллеги М. К. (так и не знаю — кто он по специальности), я вынес убеждение, на основании стилистики, что это не очередная имитационная «инициатива» сверху (каких уже столько!), а неорганизованная инициатива снизу (каких, кстати, не меньше и нынче), а стало быть — благо, даже если угаснет.

Переоценивать значение этой инициативы, разумеется, не следует, но и поддержки она заслуживает, в меру самомотивационного ресурса научного сообщества. Похоже, автор и сам ограниченность этого ресурса осознает.

Если готовить такой съезд, то он не должен, мне кажется, претендовать на репрезентацию всей «популяции» научных работников, а делегатов — избирать от самоорганизующихся групп, скажем, не менее 10–20 чел. Ну, если вдруг больше окажется, то можно и двоих, и троих делегатов от группы, но что-то плохо верится, что такое произойдет. А съезд позволит выработать и принять некоторую платформу, которая, понятно, никого ни к чему не обяжет (даже составителей), но будет способствовать дальнейшей самоорганизации, отличной от официальных, безнадежно забюрократизированных академических, университетских и прочих структур.

Понятно, и «спонсор» понадобится, но это должно быть не источником, а всего лишь фактором движения. Не исключено, что строительными лесами будущей общественной структуры сможет стать «Троицкий вариант», ежели уцелеет, чего очень ему желаю.

Боюсь, что я не высказал того, что уже не было бы прокламировано автором инициативы. Но тогда пусть это будет еще один голос в ее поддержку.

Андрей Алексеев, социолог, СПб. 17.06.2009.

6.11. «Значимые научные результаты достигаются любопытством и интеллектуальным поиском отдельных людей...» (февраль 2008)

*Из новогоднего опроса Полит.ру*²³⁹

1. Какие научные события / открытия в социологии в 2007 г. Вам наиболее запомнились, показались наиболее интересными?

Конечно же, я не удержался от искушения прочитать сорок, без малого, ответов других участников опроса. Хотя это и неправильно — с точки зрения стандартной технологии опроса экспертов. Люди, личности авторов — впечатляют. А вот упоминаемые события, по крайней мере, в социогуманитарных дисциплинах, пожалуй, больше из области *научной жизни*, а не науки.

Конгрессы, симпозиумы... Этак, и принятие нового Устава Российской академии наук — можно счесть научным событием. Что касается открытий,

²³⁹ Новогодний опрос российских ученых проводился Полит.ру, начиная с декабря 2007 по февраль 2008 г. (см.: http://www.polit.ru/story/science_interview_2.html). Здесь приводятся ответы А. Н. Алексеева на вопросы портала (февраль 2008). Цит. по: <http://www.polit.ru/science/2008/02/15/alekseev.popup.html>.

то у кого как, а у социологов их всегда был некоторый дефицит.

Вместе с тем, не могу не солидаризоваться с В. Ядовым²⁴⁰, который, не мудрствуя лукаво, отнес к событиям социологии события *общественные*, вроде публичного обсуждения состояния социологического образования, вызванного «мятежом» группы студентов МГУ²⁴¹, или судебного «фиаско» федеральных профсоюзных чиновников в их иске против социолога Карин Клеман²⁴².

Дело в том, что социология — это такая наука, которая, по крайней мере, в некоторых своих ипостасях может вмешиваться в само течение социальной жизни. Все большее распространение и авторитет получают так называемые *акционистские* методы, где действие служит познанию, и наоборот. Входит в научный обиход и понятие «публичная социология», предложенное Майклом Буравым ... Вот таких драматических событий, являющихся *научно-общественными*, было не так уж мало в 2007 году.

В. Шейнис, например, говорит о «бунте на коленях» части научной общественности против позорного учебника «История России. 1945–2007»²⁴³. Я мог бы привести и другие примеры противодействия российских ученых попыткам профанации, замещения общественной науки идеологическими штампами, насаждения авторитарных стандартов. Скажем, учреждение Союза социологов России (ССР)²⁴⁴... Думаю, не само оно было событием научной жизни, а общественная реакция на него²⁴⁵.

2. Что Вы как ученый ждете от 2008 г. ?

На особые прорывы в социальном познании не рассчитываю. Но это не означает, что они невозможны. Отчего же это зависит? Недавно мне довелось слышать рассуждение, которое поразило меня своей прозрачной простотой. Обсуждалась проблема общественной амнезии, в частности, намеренного или естественного истирания исторической памяти о государственном терроре

²⁴⁰ См. Владимир Ядов: 2008 год станет «годом социологии» / Полит.ру. 31 декабря 2007 г. - <http://www.polit.ru/news/2007/12/31/yadov.popup.html>.

²⁴¹ См. сайт OD-GROUP – <http://www.od-group.org/>.

²⁴² Карин Клеман выиграла в суде у ФНПР / Forum.msk.ru. 27 ноября 2007 г. - <http://forum.msk.ru/material/news/409990.html?p=3>.

²⁴³ См. Виктор Шейнис: Событие 2007 г. – «бунт на коленях» части научной общественности против учебника Филиппова / Полит.ру. 25 января 2008 г. – <http://www.polit.ru/science/2008/01/25/sheynis.html>.

²⁴⁴ См. Наталия Демина. Советский социологический реванш. Репортаж и интервью с главными действующими лицами / Полит.ру. 11 июля 2007 г. – <http://polit.ru/analytics/2007/07/11/soc.html>.

²⁴⁵ См. Алексеев А. Н. Виртуальное эхо (Учредительный съезд ССР – Открытое письмо 39 петербургских социологов – отображение в медиа-пространстве) на сайте Санкт-Петербургской ассоциации социологов: <http://www.sociologists.spb.ru/>. Точечный адрес: http://www.sociologists.spb.ru/_private/alekseev.rtf; http://www.sociologists.spb.ru/_private/alekseev.pdf.

Этот же текст см. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_echo.html.

См. также ниже: раздел 8.1.b.

1930-х гг. Все были согласны, что этому процессу надо как-то противодействовать. Так вот, один из дискуссионщиков сказал: *«На государство я совсем не рассчитываю, на общественность — лишь отчасти, а в основном на усилия личностей»*.

Так и в науке, по крайней мере, социальной. Не государственными субсидиями, и даже не коллективными инициативами, а «любопытством» и интеллектуальным поиском отдельных людей, иногда естественно соединяющихся в «невидимые колледжи», достигаются значимые научные результаты.

Укажу, в качестве примера, онлайн-проект «Международная биографическая инициатива», инициированный Б. Докторовым и Д. Шалиным, и вырастающий на его базе авторефлексивный историко-социологический проект²⁴⁶.

3. Какую книгу Вы бы посоветовали нашим читателям прочитать в новом году?

Назову два виртуальных собрания сочинений — двоих своих друзей: москвича — социального мыслителя и правозащитника Виктора Сокирко²⁴⁷ и питерца — поэта, историка и публициста Андрея Чернова²⁴⁸. На их персональные страницы в Сети можно ходить как на филармонические концерты по абонементу. На весь год хватит.

Для интриги скажу: оказывается, как раз неосторожная академическая, факсимильная публикация так называемых черновиков «Тихого Дона» и позволила А. Ч. оригинальными средствами «текстологической стратиграфии» особенно убедительно показать, что этот великий роман написан не Шолоховым.

(А. Алексеев. Февраль 2008)

Постскриптум к главе 6

Тема истории российской социологии в контексте современных общественных процессов и, в частности, в контексте 50-летнего юбилея «возрождения отечественной социологии» (1958-2008), как принято теперь говорить в официальных докладах, будет нами продолжена также в главе 8 настоящей книги («По горячим следам»; разделы 8.1-8.2).

Приложение 1 к главе 6

Воспоминание о Кязрику. Л. Н. Столович

Ниже — извлечение из письма А. Алексеева Олеге Козиной (декабрь 1999).²⁴⁹

²⁴⁶ См.: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>

²⁴⁷ См. сайт «Виктор Владимирович Сокирко и Лидия Николаевна Ткаченко» — <http://victor.sokirko.com/>. О В. В. Сокирко и Л. Н. Ткаченко (Сокирко) см. выше: разделы: 4.4 и 6.2.9.

²⁴⁸ См. «Сайт Андрея Чернова. Стихи и исследования» — <http://chernov-trezin.narod.ru/Index.htm>.

²⁴⁹ Цит. по: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая авторефлексия... Том 4, с. 373-376. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_294-399.pdf).

<...> ...Как же давно мы не виделись с Леонидом Наумовичем Столовичем! Я поздравляю Вас с этим «заслуженным собеседником». Вообще, Тарту и его лица, его «аура», легендарные «Кяэрикуские встречи»²⁵⁰ — во многом формировали мое собственное лицо во времена «социологической молодости».

В письмо сейчас не влезут эти воспоминания. В 60-х — 70-х бывал я в Тарту регулярно и часто. Ну, Ю.М. Лотман и тогда был для меня только «небожителем» (один раз всего-то его и видел...).

А вот тартуская **социологическая** компания: Юло Вооглайд, Асер Мурутар, Марью Лауристин (интересно, известны ли Вам эти имена?) и их младшие коллеги были для меня «семьей». Тихий, маленький Тарту — как цветущий оазис научного свободомыслия среди солончаков «управляемой науки».

(В середине 70-х и туда добралась «рука Москвы», разумеется, не без участия «идеологических коллаборационистов»: уникальную социологическую лабораторию Ю. Вооглайда разогнали, самого его исключили из партии; впрочем, это только укрепило наш союз).

Мои тартуские друзья социологии учились у Ядова, а философии (что не менее важно!) — у замечательного человека и ученого, ныне покойного Рэма Блюма²⁵¹, а также — у Леонида Столовича. Философия и социология были тогда «марксистско-ленинскими» (чего избежала только семиотическая

Олеся Анатольевна Козина. — социолог, кандидат философских наук, поэт. Автор книг стихов «Выбор», «Аз есмь» и др. Преподавала социологию в Ульяновском государственном университете. Ныне живет в Москве.

²⁵⁰ Кяэрику — местечко в Эстонии, где, начиная с 1966 г., на спортивной базе Тартуского университета, происходили ежегодные встречи социологов, на которые съезжались начинающие и маститые ученые со всех концов страны. Первые встречи были посвящены проблемам изучения массовой коммуникации, затем тематика расширилась. Высокий научный уровень и неформальный стиль общения на кяэрикуских встречах, организуемых социологической лабораторией Тартуского университета, сделали их «центром притяжения» как для научной молодежи, так и для научной элиты (исключая «научных чиновников»).

Как справедливо замечено Ларисой Федотовой (одной из участниц тогдашних встреч), Кяэрику в то время стало своего рода «социологической Меккой» (см. Федотова Л. Н. Репутация социолога — репутация социологии // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2005, № 1, с. 19).

См. также: Столович Л. Социологи в Кяэрику в: Столович Л. Стихи и жизнь. Опыт поэтической автобиографии. Таллинн, 2003, с.213-227 (электронная версия — на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/stolovich.html>). Этот же текст см. в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, № 1, Там же: Докторов Б. Как это было. Решение задачи с 42 неизвестными.

²⁵¹ Рэм Наумович Блюм, доктор философских наук, профессор Тартуского университета, автор исследований в области теории революции, нашедших обобщение, в частности, в монографии «Поиски путей к свободе» (Таллинн, 1985). Вот что писал о Р. Н. Блюме один из его учеников философ Евгений Голиков:

«...Всю жизнь, всей своей деятельностью он готовил перестройку. Не верьте поэтому, что застой был всеобщим. Энтропии застоя противостояли островки разума, нравственной воли и поступков. Одним из таких островков в Тарту был профессор Блюм. Он не был одиноким островом в океане. Его одаренная натура притягивала людей, будила в них лучшие качества; острова собирались в архипелаг, который, я верю, со временем превратится в материк его имени, в социальный мир (термин философа Блюма), мир творческой свободы и человеческого достоинства...» (Цит. по: Рэм Наумович Блюм (1925-1989). Материалы к библиографии, Тарту: Тартуский университет, 1990, с.13).

школа Лотмана). Но с этим непротиворечиво (противоречиво?) сочетались там – принципиальный антидогматизм и человеческая порядочность.

(Кстати, нельзя ли «возвести» порядочность в ранг философско-этической категории? Может, как-нибудь займется этой проблемой?).

В ту пору мы с Л. Столовичем общались (сожалею, что мало). Ну, а потом только читал его превосходные книги по проблематике, которая в советской философии была чем-то вроде Золушки. (Аксиология, в конечном счете, трактует общечеловеческие ценности; не очень совместимо с «классовой моралью» и т. п.)...

Ремарка: «общечеловеческие ценности» или «классовая мораль»? (Л. Столович).

Прерву свое письмо Олеся – цитированием книги Л. Н. Столовича. «Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии» (1994):

«... Возникает вопрос: что же соответствует марксизму – утверждение ли приоритета общечеловеческих ценностей или же отрицание этого утверждения?

Существуют разные варианты ответа на этот вопрос. 1. Марксизм изначально признавал приоритет общечеловеческих ценностей, и поэтому «новое мышление» ново лишь в том отношении, что оно избавляет подлинный марксизм от антигуманистических искажений. 2. Марксизм всегда признавал только классовые «ценности», и приписывание ему положения о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми – это прямая ревизия марксизма и тем более ленинизма. 3. Марксизм до нынешних времен не признавал приоритет общечеловеческих ценностей, поскольку это было обусловлено определенным уровнем развития человеческого общества. Однако в новых исторических условиях, угрожающих самому существованию человечества, марксизм должен быть переориентирован в духе нового мышления.

На наш взгляд, изучение исторических судеб марксизма показывает, что в нем самом (имеются в виду не только труды его основоположников и «классиков», но и многочисленных сторонников и пропагандистов) существовали **две тенденции**: гуманистическая тенденция, предполагающая признание и отстаивание общечеловеческих ценностей, и тенденция приоритета классового интереса над общечеловеческими интересами и ценностями, которые вообще объявлялись иллюзорными, «буржуазным» или «мелкобуржуазным» обманом.

Каким образом возможно сосуществование в марксизме этих двух противоположных тенденций? Марксизм начинался как стремление преодолеть ситуацию отчуждения человека в современном ему буржуазном обществе. Коммунизм представлялся основоположнику марксизма как исторически необходимое общество, устраняющее **«самоотчуждение человека»**, как снятие противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, свободой и необходимостью, индивидом и родом. Этот коммунизм отождествлялся с «завершенным гуманизмом» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 116). **Гуманистический** характер такого учения, вне зависимости от степени реальности его осуществления, не вызывает сомнения.

Но создатели марксизма стремились к реализации своего общественного идеала и полагали, что освобождение человека и общества должно произойти благодаря революционной деятельности класса, которому нечего терять кроме своих цепей, т. е. пролетариата. Революционный пролетариат начинает мыслиться ими как своего рода мессия, спаситель и освободитель человечества, олицетворение родовой сущности человека, лучший выразитель общечеловеческих интересов, несмотря на то, что процесс отчуждения не мог не исказить и деформировать человеческую сущность и членов этого класса.

Благодаря этой логике, стал возможен и такой поворот мысли: если пролетариат выражает общечеловеческие интересы, то общечеловеческие интересы – это и есть интересы пролетариата, а пролетарская мораль и есть основа общечеловеческой морали. По этому пути и пошли многие марксисты, сведя мораль к интересам пролетариата и

отрицая тем самым общечеловеческую природу морали и, следовательно, мораль, как таковую. Маркс и Энгельс уже в «Немецкой идеологии» прямо заявляли: «Коммунисты вообще не проповедуют никакой **морали**...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 236).

Таким образом, в самом марксизме обнаруживаются противоположные тенденции... В различных течениях, так или иначе связанных с марксизмом, содержится различное соотношение двух отмеченных тенденций, иногда с преобладанием гуманистической, а иногда — «классовой». Несомненно то, что сталинизм и ему подобные системы тоталитарного «коммунизма» идейно опирались на абсолютизацию «классового» фактора (под видом рабочего класса здесь отстаиваются интересы нового правящего класса, как его ни называть), в своей антигуманной сущности и практике выходя уже за пределы гуманистического марксизма. Этот урок исторического развития марксистских идей следует иметь в виду при решении проблемы соотношения общечеловеческих ценностей и классовых...».²⁵² (Декабрь 2000).

...Кстати, обратите внимание на «триадические» названия [книг Л. Столовича. — А. А./: «Жизнь. Творчество. Человек» (1985), «Красота. Добро. Истина» (1994). А теперь вот, как Вы сообщаете: «Философия. Эстетика. Смех». Вопрос: является ли последняя триада системной [в смысле Р. Баранцева. — А. А./]? Как Вы думаете?

(Пожалуй, смех, в частности, смех над самим собой, — самое человеческое из человеческих качеств, а философия слишком серьезна и угрюма...).

В общем, при случае передайте мой привет Леониду Наумовичу: из Питера, через Ульяновск, в Тарту. <...>

Вот и встретимся мы с Л. С. на защите О. Козиной, опять же заочно, обоюдными отзывами на «Философско-эстетические аспекты неомифологии Н. К. и Е. И. Рерихов». <...>

...Говорят: «Тесен мир!». Иногда возражают: «Не мир тесен, а слой тонок». Но тут — элемент гордыни... Я бы сказал: «Мир — целостен». А одним из эмпирических свидетельств такой целостности является **не чаинное** пересечение кругов личного и заочного общения — в пространстве и во времени. <...>

Приложение 2 к главе 6

**А. Н. Алексеев: «Рыба ищет где глубже,
а человек — где не так мелко...»**

(фрагмент биографического интервью)

В 2006 г. Борис Докторов, тогда еще только начинавший свой интригующий и теперь уже знаменитый проект истории советской / российской социологии «в лицах», обратился ко мне с предложением о биографическом интервью. Как и все другие его интервью (теперь их уже более 50), оно проводилось on line, путем электронной переписки. Мы с увлечением вникали в перипетии житейской и

²⁵² Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994, с. 173–174.

В упоминаемой О. Козиной книге «Философия. Эстетика. Смех» (Тарту, 1999) Л. Столович определяет две вышеуказанные тенденции в марксизме как гуманистическую («утвержденную в «Экономико-философских рукописях 1944 года» его основоположником и не всегда им самим последовательно проводимую») и тоталитарную («идущую от идеи «диктатуры пролетариата» того же Маркса и Ленина, реализованную в «реальном социализме» Сталина, Чаушеску, Пол Пота и т. п. с его идеологическим обоснованием»). См. Столович Л. Указ. соч., с. 165.

интеллектуальной биографии интервьюируемого (то есть меня) и добрались где-то до середины профессионального пути.

Потом отвлекли какие-то неотложные заботы, дело не довели до конца, ограничили публикацией лишь одной (не биографической) части интервью – «Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология»?» (Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006, № 5).

Недавно Б. Д., ныне пишущий книгу по истории российской социологии, обратился ко мне за справкой по частному вопросу моей профессиональной биографии. И я чуть ли не случайно обнаружил в своем компьютере текст, сверстанный в свое время из нашей переписки на эти темы и, так же как и мною, им забытый. Ничего не меняя в этом тексте, а лишь добавив общий заголовок и несколько подзаголовков, я выслал его Борису, и день спустя он уже висел на сайте «Международная биографическая инициатива» (на который мы постоянно ссылаемся в этой главе)²⁵³.

Ниже – этот же текст, чуть подсокращенный и дополненный отдельными уточнениями, за которые я благодарен соавтору настоящей книги – Р. Ленчовскому.

А. Алексеев. Июль 2010.

Истоки

– Все мы родом из детства, могу я попросить тебя вспомнить о семье, о тех ранних годах?

...Будучи в основном «домашним ребенком», никогда не посещавшим детский сад, да и в школу пошедшим (в военные годы) чуть ли не с четвертого класса, я не могу указать на сколько-нибудь серьезные ранние социализационные влияния, кроме родительских. А родительская семья представляла собой своего рода «единство противоположностей», причем не вполне устойчивое.

Мать (Варвара Петровна Пузанова), петербурженка, была родом «из дворян», правнучка знаменитого металлурга, изобретателя русского булата П. П. Аносова. Отец (Николай Николаевич Алексеев) – «из крестьян» или «из мешан» (скорее последнее, т. к. его родители жили в г. Рыльске, Курской губернии).

Мать окончила относительно привилегированную Екатеринбургскую гимназию и имела разнообразные гуманитарные наклонности, впрочем, профессионально никак не реализовавшиеся, поскольку уже после революции училась в Технологическом институте. Она сделала определенный вклад в теорию машиностроения, автор нескольких книг (ее первая – «Допуски в тракторостроении» – была издана еще до моего рождения, а вторая – курс лекций – когда мне было 5 лет); но только в 50-х гг. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Анализ размерных связей механизма как основа для протановки размеров в рабочих чертежах».

Отец же про себя говаривал, что у него имеется «высшее образование без среднего». Способный инженер-практик, он практически всю жизнь проработал на заводе им. Ворошилова (сейчас – «Звезда»). Последние 10-15 лет, до выхода на пенсию в 60-х гг. работал там главным технологом. Было у матери с отцом и творческое содружество, одним из плодов которого оказалась совместная книга «Размеры и допуски в машиностроении». Писала, конечно, мать, а отец позже шутил: «Надо мне хотя бы прочитать свою книгу...».

²⁵³ См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev_06.html.

Мать была достаточно аполитична (хоть мы с нею почти никогда не обсуждали эти темы, могу предположить, что то была форма «внутреннего диссидентства», распространенного среди уцелевших от репрессий интеллигентов из ее поколения). Отец же рассказывал, что в 20-х гг. он какое-то время был чуть ли не секретарем партийного комитета, пока не спохватились, что он не член партии. Много позже ему, по служебному положению, и надо бы вступить, да он все отшучивался: — Я еще не созрел, не все понимаю!.. — Чего же Вы не понимаете, Н. Н.? — А вот не понимаю, как это получается: один член партии — г-но, другой — г-но, а в целом партия — руководящая сила!» (По другому варианту: «ум, честь и совесть»... Может, и прихватуил, когда рассказывал, но так или иначе — от него отстали). Впрочем, и полное собрание сочинений Ленина (3-е издание в красной обложке), и многолетний комплект журнала «Большевик» (затем — «Коммунист») в домашней библиотеке были.

Мать была типичным интравертом, отец — экстравертом. Мать считала себя как бы человеком «из прошлого века» (она родилась в декабре 1899 г.; характерно, что для души она читала почти исключительно старых французских авторов, причем в оригинале); отец же — на 4 года моложе матери — типичный «сын XX века». Мать была жестка в моральных требованиях к себе и другим, всегда сдержана в выражениях; отец же, как мне кажется, бывал порой недостаточно самокритичен и «за словом в карман не лез».

С общественной активностью у отца сочеталась конфликтность на работе. Мама часто помогала ему в разрешении этих конфликтов тем, что сочиняла за него безупречно корректные служебные записки. Выручал его также безупречный авторитет профессионала. Оба инженеры-технологи, мать была по преимуществу теоретиком, отец — практиком. (Интересно, однако, что автомобиль «Победа», приобретенный в начале 50-х, водила именно мать, а отец научился управлять уже только после ее смерти в 60-х гг.).

...Мы с матерью вернулись в Ленинград из эвакуации вскоре после снятия блокады в 1944 г. Отец — несколько позже, вместе с оборонным заводом, на котором работал во время войны.

— И тогда уже, говоря твоими словами, начались иные социализационные влияния?

Мать уделяла единственному сыну очень много внимания до тинейджерского возраста. И фактически заложила культурный багаж, который действовал и во время школьного обучения, и в вузе, и дальше, но со временем оказался мною не то, чтобы растрочен, но явно недостаточно приумножен. Так или иначе, но и школьная золотая медаль, и очень нестандартный в ту пору аттестат зрелости, куда были вписаны три иностранных языка: английский, французский, немецкий, да и «академическая компонента» Сталинской стипендии в Университете (другая компонента — общественная, комсомольская активность) — все это в основном последствия (инерция?..) раннего домашнего образования и материнского влияния.

Примерно после 7-го класса мать полностью прекратила всякую надо мной «опеку»: приготовление уроков, занятия спортом, круг общения, круг чтения — никак ею не контролировались. И тем не менее, в конце школьного периода у меня стал назревать какой-то протест против «мамино» воспитания. Под влиянием школы, пионерского лагеря, других внешних воздействий, оно стало казаться мне слишком «камерным».

Так случилось, что окончил школу я, когда мне еще не исполнилось 16, и поступал в университет, не успев получить паспорт... Возможно, мать прочила мне «академическую» карьеру. Хотя я и окончил славянское отделение филологического факультета, но полиглотом не стал, а лингвистика вскоре показалась слишком скучной и сухой наукой... То ли дело комсомольская жизнь, общественная работа, студенческие стройки! Стоит напомнить, что гуманитарное образование тогда (первая половина 50-х) было крайне идеологизированным. Стремясь «приблизиться к реальной жизни», я воспользовался возможностью закончить также и отделение журналистики. И распределение получил по этой второй, тоже записанной в мой диплом специальности.

Думаю, что став журналистом, я последовал скорее не по материнским, а по отцовским стопам, только что не в инженерно-технической, а в общественно-гуманитарной сфере. Лишь много позже (когда матери уже не стало), я понял, сколь глубинным и долгосрочным было ее влияние на всю мою последующую жизнь.

...Вообще, воспитательная установка матери была, я бы сказал, «культурно-нравственной». Все идеологические ценности черпались мною извне семьи (школа, университет, комсомольская работа). Общечеловеческие же ценности имели своими первыми и главными истоками семейное общение и «необязательное» чтение. Вот этот противоречивый симбиоз общечеловеческих и идеологических ценностей, думаю, способствовал возникновению такого жизненного «аттрактора», как социологическое знание и действие.

Пожалуй, я здесь слишком «умствую» и концептуализирую свою жизненную историю. А может, и упрощаю, элиминируя большое количество факторов. Но это всего лишь модель, понятно, не исчерпывающая всего богатства жизни, однако обладающая определенной объяснительной силой²⁵⁴.

Из журналистов в социологию

— *Что тебя, как я понимаю, вполне успешного журналиста, толкнуло в социологию?*

Было это в 1965 г. Позади лет восемь работы после окончания университета, в основном в молодежных газетах, правда, с трехлетним перерывом (1961-1964) на первое «хождение в рабочие». Считать меня «успешным» журналистом, в карьерном смысле, пожалуй, можно было. Во всякой редакции (тут и «Волжский комсомолец», и «Смена», и «Ленинградская правда»...) я довольно быстро вырос-тал до «бригадирской» должности (сам пишущий, а не только «руководящий» зав. отделом в газете — что-то вроде бригадира в цехе). Но качество журналистского творчества, скажем, заведующего отделом комсомольской жизни было на уровне самой этой жизни.

Помнится, немногие более-менее приличные публикации в газете «Смена» состоялись уже в период работы на Ленинградском заводе по обработке цветных металлов, затем — на Волховском алюминиевом заводе. Причем материал для этих публикаций собирался не на своем предприятии, а в других местах, — днем, после ночной смены. Предметом моих журналистских филиппик в конце 50-х — начале 60-х гг. были «формализм в комсомольской работе», «бюрократизм и волокита»,

²⁵⁴ См. об этом также: Алексеев А. Н. Коротка моя память... (О моих родителях для моей дочери). 1997-2001 в: Корни и ветви. XVII-XXI вв. / Сайт «Международная библиографическая инициатива» (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>).

«бездушное отношение к людям», «самодурство начальника», «преследования за критику»... В «Ленинградской правде» (уже 1964-1965 гг.) довелось написать и опубликовать несколько действительно проблемных материалов, посвященных начавшейся реабилитации генетики, административным препонам внедрению научно-технических разработок, конфликтам в производственных коллективах.

Вообще, «партийно-советская пресса» влачила тогда довольно жалкое существование — «на коротком поводке» у партийных властей, со строго отмеренными объектами похвалы и критики. Эта «связанность рук» (притом что иначе, в общем-то и не умел...) тяготила. Профессиональная идентификация расшаталась. Разочарование усугублялось тем, что эффективность проблемных выступлений (когда таковые все же случались) была минимальной, а зачастую и обратной.

Помнится, еще работая в «Ленинградской правде», я догадался подсчитать, во сколько раз количество газетных сообщений «по следам наших выступлений» (за определенный период) меньше, чем соответствующее количество самих критических выступлений. Оказалось, почти в пять раз! Пару лет спустя, уже будучи аспирантом, получил «научно оснащенное» подтверждение этого первоначального, грубого наблюдения, включив в обследование несколько ленинградских газет.

Интересна тогдашняя авторская интерпретация этих результатов исследования «гласной действенности»: мол, со всей очевидностью нарушается принцип, впервые провозглашенный в одной из резолюций Восьмого съезда РКП(б) (1919): «Лица или учреждения, о действиях которых говорится в печати, обязаны в кратчайший срок дать на страницах той же газеты деловое фактическое опровержение или же указать об исправленных недостатках и ошибках». И в последующих партийных документах это требование извещать о результатах критики неоднократно подтверждалось (вот, например, в постановлении ЦК КПСС «О повышении действенности выступлений советской печати», 1962 г.)... Стало быть, налицо разрыв между партийной нормой и ее осуществлением!

Разрыв между декларациями и жизнью — в этой ли, в других ли областях — стал предметом моего преимущественного интереса журналиста, нацелившегося в социологию.

— Ты упомянул твое первое трехлетнее «хождение в рабочие», не мог бы ты рассказать о нем чуть подробнее?

Оно состоялось после пяти лет работы в молодежных газетах и было своеобразной попыткой преодолеть издержки то ли «камерности семейного воспитания», то ли «абстрактности идеологических догм». Вот «не хлебнул лиха» в детстве — дай-ка хлебну... Вот «воспевал» бригады коммунистического труда — а каково там в самих этих бригадах?..

Кто едет «за туманом и за запахом тайги...», а кто ищет «ту заводскую проходную, что в люди выведет меня...». Я предпочел второе.

Интересно, что в это же самое время Вадим Ольшанский предпринял первый в советской социологии опыт включенного наблюдения в качестве рабочего на одном из московских заводов. Из его воспоминаний видно, что молодой социолог В. О. был движим в общем-то теми же романтическими побуждениями, что и молодой журналист А. А. «В те месяцы я заново должен был разобраться в жизни, в себе самом. Это главный итог «включенного наблюдения», социологической аспирантуры», — пишет мой старший коллега (Ольшанский В. Б. Были мы ранними... / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999, с. 184).

Работа вальцовщиком на одном заводе, потом электролизником на другом продолжалась около 3-х лет, пока не вернулся (правда, ненадолго) к штатной журналистской работе. Эти мои «рабочие университеты» к 30 годам как бы закончили период «первоначальной» социализации,

— Вернемся к твоему движению в социологию. Только внутренние причины к тому были или существовали и внешние обстоятельства, конфликты?

Да, по времени это примерно совпало с моим первым крупным конфликтом в редакции «Ленинградской правды», точнее с отделом агитации и пропаганды Обкома КПСС. Меня, подающего надежды литсотрудника, Обком партии утвердил на номенклатурную должность заведующего отделом промышленности главной ленинградской газеты, а я, несколько месяцев спустя, «пригрозил» уходом по собственному желанию, если не будут защищены от расправы за критику авторы так и не опубликованного письма в редакцию, где обсуждался «порочный стиль руководства» тогдашнего директора того самого завода, на котором я прежде трудился в качестве рабочего.

Из заведующих — за такую «политику отставок» — меня быстренько разжаловали, но и в спецкоррах я после этого продержался недолго. А мой бывший сокурник по Университету, к тому времени — доцент факультета журналистики ЛГУ Валентин Соколов «сосватал» меня в аспирантуру для занятий «социологией журналистики».

Из социологов я был тогда лично знаком только с Овсеем Шкаратаном, который, помнится, еще в конце 50-х, в качестве историка, предложил газете «Смена» опубликовать письма ленинградцев, уехавших на целину, а я приложил все усилия, чтобы публикация состоялась без какого-либо журналистского «причесывания». Обратился к нему за советом, после чего был приглашен домой к Андрею Здравомыслову (был там и Овсей), где получил от обоих своего рода благословение на исследование взаимосвязи прессы и общественного мнения и т. п. Как это обычно бывает, жизненная (в данном случае — профессиональная) перемена имела как внутренние импульсы, так и внешние стимулы. От прежнего многое отталкивало, к новому — привлекало. Личностная мотивация и стечение обстоятельств вместе дали эффект «перехода».

— Не мог бы ты вспомнить твои аспирантские годы?

Миграция из журналистики в социологию оказалась не прямой, а опосредованной трехлетним пребыванием в аспирантуре факультета журналистики. Тогда это было явно не лучшее место для занятий социологией. Чуть ли не азбучным полагалось там утверждение, что журналистика сама по себе есть «наука», а не род деятельности, являющийся предметом научного изучения, с чем я упорно не соглашался. «Массовая коммуникация» считалась в этих стенах идеологически подозрительным термином. Особенно я «прокололся», когда в докладе на какой-то научно-практической конференции неосторожно поделился результатами своих библиотечных разысканий в области советской социологии печати 20-х гг., ведущие фигуры которой М. Гус и В. Кузьмичев (первый — автор книги «Газетоведение», второй — автор книги «Организация общественного мнения») были, оказывается, на факультете журналистики под идеологическим запретом, ну вроде Бухарина с его «Азбукой коммунизма». Интересно, что позднее мне довелось встретиться с тем и с другим. Первый — жил в Москве, другой — в Томске; идеологическим

мракобесием обоих старичков, успевших «перестроиться» за протекшие 40 лет, я был глубоко разочарован.

В общем, между будущим «социологом печати» и деканом факультета (историк и теоретик партийно-советской печати проф. А. Бережной) возникло что-то вроде конфликта (научно-идеологического!). К концу аспирантуры стало окончательно ясным, что ни о какой защите диссертации на факультете журналистики ЛГУ для меня и речи быть не может, равно как и о работе там по завершении «целевой» аспирантуры. И слава Богу!

При своем базовом филологическом образовании я старался как-то восполнить дефицит систематических знаний, обычно приобретаемых на философском факультете. Слушал не только лекции Ядова или Кона (на последнего сбегался чуть не весь университет), но и историю философии, диалектическую логику, статистику, даже линейную алгебру (похоже, что и на матмех забирался). Этакий «ликбез» себе устроил, только что без сдачи экзаменов...

По счастью, Ядов согласился разделить руководство (впрочем, весьма условное) моей диссертационной работой на тему о социологическом изучении массовой коммуникации (на примере прессы) с доцентом факультета журналистики, «чистым» филологом С. Смирновым. Впрочем, «болтаясь» между факультетами журналистики и философским, я был тогда, наверное, равно «не своим» и там, и тут. Причем очень хотел числить себя по «классу социологии».

Еще одна удача: возникшие связи с социологической лабораторией (не помню, как точно она называлась; во главе с Евгением Прохоровым) на факультете журналистики Московского университета. Моя первая относительно значимая публикация («К вопросу о предмете социологии печати») появилась в «Вестнике Московского университета» (серия «Журналистика») в 1967 г. Тем самым я мог себя чувствовать как бы не совсем «чужеродным телом» и в науке о журналистике.

Исключительно значимыми для вхождения в социологический круг были контакты, возникшие на межрегиональных, хотя тогда так и не назывались, встречах исследователей массовой коммуникации в Кязрику, организуемых Юло Вооглайдом и его коллегами из лаборатории социологии Тартуского университета (1966, 1967, 1968). Кязрику воспринимался и как «заграница», и как социологическая «родина», и как «островок Свободы». Оттуда пошла моя дружба с эстонскими, московскими, уральскими, сибирскими социологами.

Думаю, мое приобщение к социологии было бы куда более скорым и эффективным, попади я сразу в коллектив, занимающийся крупным исследованием (вроде ядовского или грушинского). Но это состоялось позднее — в новосибирском академгородке, в межведомственной исследовательской группе социологии печати, созданной В. Шляпентехом.

— Спасибо, пути и мотивы твоего перехода из журналистики в социологию прояснились...

... Говорят, рыба ищет «где глубже», в шутку скажу: человек ищет, где «не так мелко»... Перемещение в социологию состоялось тогда, когда в журналистике стало вроде бы «неловко». Занятия социологией показались тогда более осмысленными — и в плане познания реальности, и в плане возможностей «влиять на ход вещей». Впрочем, тоже — до поры до времени (см. ниже — рассказ об уходе из института на завод — «в поисках свободы»).

Замечу, что грань между социальной журналистикой и социологией вообще достаточно подвижна. «Родственной нам наукой» когда-то называл социологию

замечательный публицист В. Канторович. В одном из моих «Писем Любимым женщинам» (1981) выдвигается что-то вроде гипотезы «о динамическом взаимодействии и взаимокompенсации журналистики и социологии в процессе общественного развития»:

«...50-е гг. – «прорыв» журналистики (после XX съезда), отсутствие социологии. 60-е гг. – «прорыв» социологии, «стабилизация» журналистики (особенно – во второй половине десятилетия). 70-е гг. «стабилизация» социологии, а к концу 70-х, может быть, намечающийся «прорыв» журналистики. «Прорыв» – существенное углубление в познании, гражданственная активность, ломка старых норм, зарождение новых форм, «Стабилизация» – экстенсивное развитие». (Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 222)²⁵⁵.

Если же говорить о мотивации собственных жизненных движений, то получается, что эта мотивация скорее негативная, чем позитивная. Я понимаю, бывают жизненные цели, и даже жизненные планы, вроде окончания вуза, защиты диссертации или приобретения квартиры. Но *сверхзадача* лишь ретроспективно может быть осознана как таковая. А эмпирически, если «без затей», то просто видим – «человека убегающего». Откуда убегающего – более ясно, чем куда. «Убегающего» – в поисках свободы ли, максимального самовыражения ли, общественной ли пользы...

(Как тут не процитировать одного из твоих героев: «...Должен сознаться, что в моих поступках присутствовало стремление к общественной пользе, как я ее понимал...»; в свою очередь, признаюсь, что подобного осознанного стремления в себе мне усмотреть так и не удалось).

Ленинград – Новосибирск – Ленинград.

Вроде уже вполне социолог...

– В 1968 г. ты закончил аспирантуру. Что дальше?

Дальше – несколько везений подряд. Харчев, слушавший мой доклад в Кяэрику про «массовую коммуникацию, журналистику, прессу» (попытка навести какие-то мосты между социологией и «наукой о журналистике»), соглашается взять к себе на Ленинградскую кафедру философии (впоследствии преобразовалась в Ленинградские сектора Института философии). Уже принятый туда, пишу какой-то трактат о подходах к социологическому изучению искусства. Вроде Харчеву нравится. И тут вдруг мне звонит из Новосибирска Шубкин и энергичным голосом приглашает в Академгородок, заниматься... социологией печати!

Позднее где-то Шубкин вспоминал, что сначала безрезультатно приглашал на это место Леонида Гордона. Что для меня, думаю, честь, а не предмет обиды.

До этого мы с Владимиром Николаевичем знакомы не были. Скорее всего глаз на меня положил Шляпентох, приезжавший из Новосибирска в Кяэрику в том же году. Как известно, он был организатором первых исследований всесоюзных аудиторий газет «Труд», «Известия», «Литературная» и «Правда». До чего ж заманчиво для бывшего аспиранта факультета журналистики!

Неловко перед Харчевым, но «отпрашиваюсь» у него. Тот говорит: «Если намереваетесь вернуться, учтите, что два года я Вас жду». (Так и вышло).

В Новосибирский академгородок приехал с чемоданом, набитым экземплярами 1000-страничной (так!) кандидатской диссертации. Шубкин смеется: «Если

²⁵⁵ Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_210-275.pdf.

хотите, чтобы ее кто-то стал читать, сократите хотя бы до 300 страниц» (теперь, говорят, и 150 много).

Состою в штате Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук. Работаю же фактически в дислоцирующейся в этом институте группе социологии печати, при Новосибирском университете, у Шляпентоха. Там у меня появляется своя подгруппа контент-анализа (мое тогдашнее определение этого метода: анализ содержания массовых совокупностей текстов с использованием формализованного наблюдения и статистических процедур в социологических целях). В этой подгруппе еще трое энтузиастов поиска «очевидных свидетельств неочевидного», в частности, путем качественно-количественного изучения содержания советской прессы. Первый всесоюзный семинар по контент-анализу состоялся именно в Новосибирске... (Второй — четыре года спустя в Ленинграде).

Живу в комнате аспирантского общежития Академгородка. Переписываю свою диссертацию, уже без оглядки на журналистику, ведь защищать-то придется в ученом совете по философии.

Только я приехал в Новосибирский академгородок, Шубкин покидает его — возвращается в Москву. А через некоторое время уезжает в Москву и Шляпентох. Кажется, уже без него сдавали отчет по хоздоговору с «Правдой». Для меня эта работа с социологической эмпирией была хорошей школой.

И еще повезло... Пригрела меня компания новосибирских философов. Михаил Розов, Наль Хохлов, Владимир Конев... Сказали: «Если прочитаешь вместо Володи курс научного коммунизма в университете, засчитаем тебе кандидатский минимум по философии».

1969 год. Академгородошная вольница уже на излете. Но я успел-таки прочитать довольно не тривиальный курс: что-то вроде «социологии развитого социализма». В социально-философском аспекте очень помогли конспекты В. Конева. Ни с какими официальными программами ни он, ни я тогда не считались, даже не заглядывали в них... Лекции у студентов пользовались успехом. Как уж это у меня тогда так лихо получалось, сам удивляюсь.

В 1970 г. благополучно защитил в Новосибирском университете свою переписанную диссертацию. Вскоре за тем вернулся в Ленинград к Харчеву. Вроде теперь уже вполне социолог.

(Последующий период 1970–1980 гг. — работа в Ленинградских секторах Института философии АН СССР, затем — в Ленинградских секторах Института социологических исследований АН СССР (лаборатория О. И. Шкаратана), потом в Институте социально-экономических проблем АН СССР (сектор, возглавлявшийся В. А. Ядовым), равно как и совместительство в Высшей профсоюзной школе культуры и сотрудничество в хоздоговорной группе «Социология и театр» при ЛО ВТО, — не получили систематического отражения в этом наброске биографического интервью.

Хотя в дальнейшем мы с Б. Докторовым по разным поводам сплошь и рядом обращаемся к событиям и обстоятельствам этого периода. — Примечание А. Алексеева)

Социолог становится слесарем-наладчиком

— В 1980-м, при всем внешнем благополучии твоей жизненной ситуации и профессиональной карьеры ты подался в рабочие. Этот шаг был на 100% необходимым, обязательным в твоей ситуации (почему?) или все же еще был запас сил, чтобы не уходить... Как ты оцениваешь сегодня твое мелодвижение?

Был ли для меня тогдашний уход «обязательным»? Думаю, он был *своевременным*, не с точки зрения давления внешних обстоятельств, а из внутреннего расположения души и состояния духа. Можно еще сказать, что это было актом поиска свободы (или – скромнее – обретения относительной независимости).

Мой тогдашний уход из социологов в рабочие (как и уход из журналистов в рабочие двадцатью годами ранее) если и был экспериментом, то скорее (больше...) жизненным, чем профессиональным. Но и тут уместно сказать: «Суди себя сам!». Все же одно автоцитирование из «предисловия» к «Драматической социологии...» здесь себе позволяю:

«...Там, где «социологу-наладчику» в его профессионально-жизненном эксперименте мнились по преимуществу жизнетворчество, активная адаптация, подчинение себе обстоятельств, – теперь, как бы между строк, словно симпатические чернила, проступают также и... характерные черты приспособления, ситуационной зависимости, подчинения себя обстоятельствам! Сам же эксперимент социолога-рабочего (самодетельная акция!) обретает новый смысл. А именно: он оказывается способом (или формой) самосохранения (внутриличностного и не только...), своего рода выживания, «вынужденной инициативы»: предстоящей уже не только тактикой социального поведения: но и жизненной стратегией.

...По большому счету, обсуждаемый опыт социолога-испытателя следует трактовать не в качестве акта профессионального или жизненного «подвижничества» <...>, а всего лишь как ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека. Причем ключевые смысложизненные вопросы, к решению которых была устремлена эта попытка: в пределах данного эксперимента, как такового, оказались для автора не разрешимыми» (Алексеев А. Н. Драматическая социология...Том 1, с. 34-35)²⁵⁶.

– *В этом случае можно ли сказать, что, идя на завод, у тебя не было осознанной ориентации на проведение того или иного социального исследования?*

Сейчас стоит, наверное, об этом заявить со всей резкостью, пусть с риском несколько подмочить легенду об «эксперименте социолога-рабочего» и т. д.

Ядов предложил мне в 1980 г., коль скоро так уж круто я нацелился в рабочие, совместительствовать в ИСЭПе. Согласившись (не без материального интереса...), я «обрек» себя на продолжение социологической карьеры в новом качестве. К тому же совмещение столь разных «ипостасей» в одном лице шекотало самолюбие. Тут была моя личностная и профессиональная особенность, по сравнению с моими друзьями (рабочими из социологов).

Спрашивается, а как же исследование «глазами рабочего», «наблюдающее участие» и прочие методические (методологические?) изобретения, вроде даже в учебниках теперь упоминаемые? А никак! Точнее, примерно так: наложились смысложизненные авторские поиски на некоторые актуальные тенденции современной социологии (феноменология, акционистские методы и т. д.). Вот и получился какой-никакой «научный вклад». Все зависит от ситуации, контекста, а также от того, «как посмотреть». Впрочем, в этом пункте, пожалуй, слишком сильное утверждение...

– *Вместе с тобой в рабочие пошли к тому времени многие годы проработавшие в социологии Юрий Щеголев и покойный Сережа Розет... Для тебя это было драмой (отчасти отсюда возникла твоя драматическая социология), для них – трагедией (я*

²⁵⁶ Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf.

так думаю). Ты был уже не теленком и мог бодаться... Они были послабее...

...Не одновременно, а раньше меня «пошли в рабочие» Юра Щеголев (годом раньше) и Сережа Розет (несколькими месяцами раньше меня). Еще из нашего круга — Анри Кетегат (живший тогда уже не в Питере, а в Вильнюсе), которого на несколько месяцев опередил я.

...То был довольно немногочисленный «исход» из социологов в рабочие на рубеже 70–80-х гг., именно экзистенциальный исход, подобный миграции в сторожа и операторы котельных части литературно-художественной интеллигенции, явление — очень характерное, в частности, для Питера. Ни о каких профессионально-социологических мотивах у моих друзей («социологов-рабочих») говорить, думаю, не приходится. Что же касается меня, то, при большей, чем у них, «встроенности» в научно-институциональную среду, так называемый исследовательский мотив был для меня скорее идеологическим «прикрытием». А «под ним», в личностном ядре — тот же кризис профессиональной и — шире — «беловоротничковой» идентификации, ну и поиск новизны, может быть, авантюризм, достаточно позднее (в 1980-м мне было как-никак 46) «самоиспытание», пожалуй.

Дальше. Не только у Юры, Сережи и Анри, но даже и у меня не было установки на «вызов Системе». Просто люди, достойные уважения и сами себя уважающие, живут как хотят, а систему это «раздражает», и она начинает их «доставать» (слегка или всерьез). Тогда человек иногда (это я про себя...) начинает «огрызаться»... Ну, это в общем не требует дополнительных разъяснений.

Мне хотелось бы энергично возразить тебе насчет того, что Юра и Сережа были якобы «послабее»... и в этом их трагедия. Трагична, конечно, судьба Сережи, но в силу именно ранней кончины (1940—1994), а не в силу сделанного им на рубеже 70–80-х гг. жизненного выбора. Просто мы привыкли относить публичный конфликт с системой или профессиональные (в частности, в сфере науки) успехи, вообще — те или иные формы «внешней» самореализации, к настоящим, единственно значимым жизненным достижениям. Но для моих друзей главным было нечто другое. И хотелось бы думать, что и для меня тоже.

«Гетто», выживание, «бессмысленная адаптация»...

— На сегодняшний день можно сказать, что большая часть твоей и моей социологической карьеры состоялась в советские времена. Нет ли у тебя ощущения, что в то время ты работал в «социологическом гетто»?

«Гетто» ли, «резервация» ли, это предполагает, что вокруг — иной (не огороженный? открытый? свободный?) мир. В таком ограниченном пространстве могли себя чувствовать советские социологи относительно мировой профессиональной среды. Но при минимуме знаний о ней, у большинства рядовых, пожалуй, не было и ощущения изолированности. А «внутри», думаю, социологам было не лучше и не хуже, чем всем другим гуманитариям, разве что сильнее зависимость от партийных органов. А в силу относительно позднего становления этой отрасли, уже не успели социологов коснуться ни «борьба с меньшевистствующим идеализмом», ни «борьба с космополитизмом!», ни «борьба с мухолюбями-человеконенавистниками», а в худшем случае — только обвинения в подверженности влияниям «буржуазной общественной науки»...

«Гражданские казни» или «вынужденные отставки», которые коснулись некоторых ведущих социологов, все же не были запретом на профессию или отправкой

в ГУЛАГ. А ко времени «перестройки» все так или иначе «отодвинутые в тень» лидеры нашей социологии (Левада, Грушин, Кон, Ядов, Здравомыслов, Гордон, Заславская и др.) оказались еще полны творческих сил. Я бы сказал, что если не советской социологии, как таковой, то ее первопроходцам и их непосредственным ученикам относительно повезло.

— Андрей, здесь после согласования с Димой (Д. Н. Шалиным. — А. А.) я намерен привести выдержку из его письма и задать тебе вопрос о выживании...

Было ли все это «выживанием»? В общем, да. Наблюдение Дмитрия Шалина «Выжить было их сверхзадачей...» справедливо, наверное, не только для его поколения. Но вряд ли эта сверхзадача осознавалась или признавалась тогда в качестве таковой. У многих была сильна креативная, творческая мотивация. Была высокая профессиональная идентификация. Некий подспудный страх лишиться возможности «удовлетворять свою любознательность за счет государства» побуждал умеривать эту любознательность. Были некие табуированные зоны и набор писанных и неписанных правил, которые если кто и преступал, то лишь «по неосторожности».

Среди социологов было не так уж мало инакомыслящих, но практически не было людей, сознательно и открыто ставивших себя в оппозицию системе, которую они исследовали. А если бы были, то на том бы их (таких социологов) исследования, по крайней мере, профессиональными средствами, и закончились бы. Так что можно лишь порадоваться тому, что кое-что они успели, и зеркало советского общества — пусть отчасти замутненное — тогда все-таки возникло (и уцелело до наших дней...)

И в «гетто» жить можно... А кому становилось уж совсем невозможно — эмигрировали, кто за рубеж, а кто в кочегарку.

— Означает ли это, что мы действительно могли работать в полную силу своих способностей...?

Ты имеешь в виду то, насколько, по гамбургскому счету, существенными были как собственно научные достижения, так и общественные эффекты социологии в СССР? Было бы неправильно их принижать, но не следует и переоценивать. Признать собственную второстепенность, маргинальность в мировом научном процессе или же сервильную (будь-то в идеологическом, будь то в прикладном плане) общественную роль — не просто. На критическое отношение к пройденному пути отживаются далеко не все авторы сегодняшних мемуаров.

Скажу о себе. Помнится, на рубеже 80-90-х гг. мне довелось просмотреть архив собственного журналистского творчества 50-х — 60-х гг. Я испытал чувство настоящего стыда! (Некоторые характерные образцы «воспевания» бригад коммунистического труда и т. п. приводятся «Драматической социологии...» (Том. 4, Приложение к главе 22)²⁵⁷. Лишь на самом излете своей журналистской карьеры (середина 60-х) удалось продвинуться к журналистике, которую с грехом пополам можно назвать проблемной.

Из моего собственного социологического «наследия» конца 60-х — 70-х гг., по правде говоря, тоже похвалиться особенно нечем. Ну, попытки построения марксистской (и впрямь таковой!) теории массовой коммуникации, за которые чуть было не вылетел из аспирантуры факультета журналистики ЛГУ (вторая половина 60-х), кои (попытки), строго говоря, были метафизической спекуляцией, с

²⁵⁷ Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_10-120.pdf.

некоторыми элементами «фиги в кармане». Потом — кое-что из социологии потребления, из социологии культуры, из социологии труда, из социологии жизненного пути... Несколькими социологическими экспедициями (последняя была на БАМ, уже из ИСЭПа). Увлечение методолого-методическими сюжетами...

Если бы я начал составлять личное «социологическое избранное» из работ того времени, то кроме пары статей по проблемам контент-анализа, некоторых отчетов исследовательской группы «Социология и театр», ну, может, еще пары популярных публикаций в соавторстве со Светланой Минаковой по социологии личности, да конспекта доклада «Образ жизни и жизненный процесс» 1981 г. (тогда уже на заводе работал; Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том. 1, раздел 6.1) — и не нашел бы чего туда включить стоящего. Остальное — сегодня кажется безнадежно устаревшим.

Так что же это за глухое и душное время, давшее, «если приглядеться честно и строго...», не столь уж дружные и очень разнокачественные всходы, в частности, на социологической ниве? (Оговорю, что бросать тень на выдающиеся пионерные социологические проекты и труды, например, Грушина, Шубкина, Ядова, Гордона, Заславской — я вовсе не собираюсь). Внешняя несвобода — да! Давление из ЦК, из Смольного, из райкома партии — да! (Мнение рядового инструктора райкома — для научного сообщества закон...). В частности, отсюда невероятные траты времени и сил на бессмысленную адаптацию процесса и результатов собственно-научной работы к институциональным требованиям (особенно — идеологическим, но и не только...). Наконец, собственная внутренняя скованность, постоянная автоцензура. Да и ограниченность кругозора у многих...

Пожалуй, добавить что-либо существенное к тому, что уже сказано об этом, например, в историко-социологических лекциях Бориса Фирсова и в мемуарах наших научных учителей я здесь не смогу.

— Не мог бы ты привести пример того, что ты называешь «бессмысленной адаптацией...»?

...Сектор Ядова в Институте социально-экономических проблем сначала назывался «сектором социальных проблем личности и социалистического образа жизни». Не Ядовым, понятно, придумано, а так было записано в Приложении к постановлению Президиума АН СССР от 29 мая 1975 (о создании ИСЭПа), предписывавшем определенную структуру секторов и отделов. Ну, еще при первом директоре Гелии Николаевиче Черкасове формулировка названия имела не такое уж большое значение. Большинство научных коллективов сохраняло тематическую и кадровую преемственность с «доисэповской» ситуацией. Когда же наступило директорство Ивглафа Ивановича Сигова, пошла чехарда перетряски кадров, переструктурирований и переименований научных подразделений. Сектору Ядова предстояло переименоваться в «сектор образа жизни в крупном городе», что грозило полным вытеснением из научного плана «исконно-ядовской» проблематики личности.

Недавно мне попалась на глаза копия собственной «служебно-личностной» записки, адресованной Ядову (с подзаголовком: «срочно и конфиденциально»), от января 1979 г., где на семи страницах доказывались алогичность и волонтаризм предлагаемых дирекцией названий Социологического отдела и входящих в него секторов. Среди прочего выдвигались аргументы для нижеследующего переименования, в частности, нашего подразделения: «сектор социальных проблем развития личности»

Интересна «совсем конфиденциальная» приписка к этому документу:

«В. А.! ...Конечно, Вам никто не посмеет запретить заниматься социальными проблемами развития личности, под любым названием сектора. Но Вы всегда вынуждены будет делать это вопреки официальным требованиям, а не в соответствии с ними. Вам всегда придется доказывать, что Ваша социально-психологическая «контрабанда», является не слишком большим нарушением социально-экономического «закона». (*Намек на название отдела: «отдел социально-экономических проблем труда и образа жизни.* – А. А.). Капитулировав сегодня, в положении далеко не безвыходном, сектор будет десять лет платить репарации. Если Вы считаете, что проиграли дирекции в первом раунде по конъюнктурным «очкам», то это вовсе не мешает выигрышу во втором раунде путем логического «нокаута». В худшем случае будет зафиксирован «протест» команды против неправильного судейства..». (Из архива А. А.).

По счастью, Ядов внял этому предостережению и предпринял тогда перед начальством акцию «необходимой обороны», в результате чего сектор получил вполне приличное (лучше первоначального!) и уместное название: «сектор социальных проблем личности и образа жизни». Но каких временных и нервных затрат стоила вся эта суета! И когда только успевали читать научную литературу, проводить исследования, писать статьи и монографии...

Ныне такого идеологического диктата и контроля, как в то время, нет. Но сил на «институциональные игры» и «ритуальные танцы» сегодня уходит не меньше.

Слишком правоверный комсомолец,
или дурной шестидесятник

— Андрей, многие годы мы с тобою были членами одной партийной организации. А как все у тебя начиналось?

Членом КПСС, как нетрудно подсчитать, я был почти 30 лет: с 1961 по 1990 г. Из них около 4-х лет пребывал в положении исключенного из партии, однако «восстановлен в рядах» был в 1988-м, «без перерыва в стаже». Вступал — добровольно, выходил — тоже добровольно, без кавычек.

Сейчас «шестидесятилетние» и старше, не состоявшие в партии (в нашей профессии таких немного, но есть), порой сообщают об этом с гордостью. А состоявшие — порой забывают об этом упомянуть. Упоминание же может сопровождаться «извинениями»... С этим иногда сочетается заявление о собственной ранней внутренней оппозиционности (выходит — цинизм, карьеризм...). Или же заявление о собственной прошлой коммунистической правоверности (выходит — наивность, слепота...).

То и другое (цинизм ли, наивность ли...) не украшают. Третий вариант — «двоемыслие» — как бы примиряет эти противоположности. Но и тут, понятно, нет предмета для самоутверждения... В этом пространстве самоопределений я бы отнес себя к «двоемыслящим наивнякам». Существуют и комплиментарные определения, типа «коммунист-романтик»...

Я вступал в партию не слишком рано, но и не слишком поздно — в 27 лет. Работал тогда в газете «Смена». XX съезд состоялся пять лет назад. До вторжения в Чехословакию оставалось еще семь лет. Сверстникам, с которыми учился в школе или в вузе, говорил: чем больше в партии будет порядочных людей, тем скорее преодолеем «наследие культа личности»...

Как раз в 1961 г. я попал в какую-то молодежную «элитную» (других тогда не было) зарубежную турпоездку в Англию. Вел там дневник — для себя. Вернувшись,

прочитал его участникам поездки. Был дружно одобрен. А месяц спустя опубликовал фрагменты из дневника в комсомольской газете — без какой-либо редакции — под названием (мною же придуманным...): «Вкус собственной правоты»... Были в дневнике и такие строки (в газету, впрочем, не предлагавшиеся):

«Честное слово, советский человек, хоть наша собственная пропаганда порой и оглушает его (воодушевленные решениями «очередного пленума») — действительно на голову выше человека буржуазного общества. Вот что надо сравнивать в первую очередь, а не метро или нищих на тротуаре. В конце концов нищего можно найти и там, и там».

Несколько месяцев спустя после получения партийного билета состоялось первое «хождение в рабочие». (Этот «побег» был замышлен, понятно, раньше...). Мое интервью о собственной молодости, записанное в середине 90-х, удачно называлось: «Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник» (см. «Драматическую социологию...» том 4, приложения к главе 22²⁵⁸). А вот запись из дневника от марта 1964 г. (еще работал на заводе, в газету пока не вернулся):

«...Если хочешь, чтобы люди хоть что-то восприняли *из твоей*, утерянной ими коммунистической убежденности, не страшись клеймить коммунистического идола, опошленного и истерзанного».

Уже позднее, во времена аспирантуры и начала социологической карьеры состоялось первое знакомство с диссидентской литературой, начался процесс идеологического прозрения. Но и в конце 70-х, помню, произнесенное вслух перед друзьями заключение, что «монополия коммунистической партии является главным источником бед нашего общества», было для меня выстраданным, личным открытием. (А для друзей — уже давно очевидное!) Вот такое «замедленное развитие»... Не зря — «дурной шестидесятник»!

(Так ведь и в конце 80-х, в начале перестройки, сколько еще сохранялось — и не только у меня! — иллюзий о «демократической платформе в КПСС» и о «социализме с человеческим лицом»!).

По идее, на рубеже 60-х — 70-х можно было бы, по совокупности «еретических» мыслей (пусть еще смутных...), из партии и выйти. Но тут уже срабатывал инстинкт самосохранения. «Ломать себе жизнь» вовсе не хотелось... Да и зачем, когда состоя в партии, можно самореализоваться полнее, «принести больше пользы» и т. п.? Вот уже и не наивность, а механизм «двоемыслия»...

— *Припомни какие-либо сюжеты из твоей деятельности нашего партийного лидера...*

Был у меня тогда относительно недолгий период едва ли не экстремального испытания. При образовании в 1975 г. Института социально-экономических проблем из ленинградских филиалов нескольких московских институтов (экономики, математики, социологи, философы) понадобился для него (точнее — в нем) партийный секретарь, для которого, по совокупности анкетных данных, я, как видно, вполне подошел.

(Надо заметить, что в моем партийно-спецотдельском «досье», похоже, остались не отраженными или не замеченными — ни скоропостижное смеше-

²⁵⁸ Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_10-120.pdf
Первоисточник: журнал «Пчела», 1997, № 11. (Электронная версия — <http://www.pchela.ru/podshiv/11/rightcom.htm>).

ние с номенклатурной должности в партийной газете 10 лет назад, ни научно-идеологические споры с деканом факультета журналистики А. Ф. Бережным — еще в 60-х гг., ни «поверхностный» и вроде оставшийся без последствий интерес ко мне сотрудников первого отдела — в те же годы).

В ленинградском подразделении Института социологических исследований я числился партгруппоргом — должность сугубо формальная: не заглянув в архив, я бы сейчас об этом даже и не вспомнил. Другое дело — секретарь партийного бюро Института, номенклатура то ли обкома, то ли горкома.

Так или иначе, возникла жизненная ситуация, которую пришлось для себя определить: «Посадили в сани — не говори, что не свои...». Для меня главным оправданием пребывания на этом посту стала, пожалуй, не безуспешная борьба, как теперь сказали бы, за «прозрачность» организационного становления нового института. Из своих «партийных подвигов» вспомню один, кстати, имеющий отношение к сюжету, который упоминает Д. Шалин в своем «Комментарии» к серии твоих биографических интервью, помещенных ныне также на сайте «Международная биографическая инициатива»

Еще до образования ИСЭПа из научного коллектива, возглавлявшегося Ядовым, двое сотрудников заявили о своем намерении эмигрировать из страны. По этому поводу были всякие политико-идеологические разборки, подутихшие со временем. А Ядов в новом институте, естественно, возглавил социологический отдел. Тогда одна из сотрудниц сектора Ядова (фамилию ее «шестидесятилетние» помнят, а кто помоложе — знать не обязательно...), известная как изрядная скандалистка, обратилась с письмом в «Правду», а затем еще и к секретарю горкома партии — с политическими обвинениями против своего шефа. Под давлением горкома Ядову пришлось подать заявление об освобождении его от обязанностей зав. отделом, мотивируя «необходимостью сосредоточиться на руководстве сектором» и т. п..

Партийное бюро в составе А. Алексеева, Г. Смирновой, О. Иванова, Г. Черкасова, Н. Толоконцева, Б. Фирсова и А. Когута на своем заседании 28 октября 1975 г. «рекомендовало» дирекции удовлетворить это заявление.

Мне тогда казалось особенно важным обнажить ситуацию «нажима» сверху, в связи с поступившей «телегой» снизу, исключить неопределенность, «кривотолки» — за что именно «Ядова сняли» (хотя бы и «по собственному желанию»). Сделано это было оригинальным, и даже, можно сказать, «самоотверженным» образом — путем «провокационного» предложения освободить В. А. от заведования отделом безотносительно к его заявлению. Члены партбюро — все! — возразили против этого предложения, выступили «в поддержку» заявления Ядова, к чему и секретарь партбюро благополучно присоединился (мол, в нашем партийном бюро все решения только единогласные!). Но по ходу этого обсуждения, достаточно откровенного и острого, стали «прозрачны» действительные пружины этого административно-политического решения.

Помню, я добрых полдня потом сочинял «изобличающий» Смольный на пару с доносицей протокол на 4-х страницах, из которого явствовало, что решение это вызвано «рядом политических обвинений в адрес Ядова, фактической базой для которых были антипатриотические поступки (так тогда это называлось. — А. А.) двоих бывших сотрудников Ядова, работавших в его старом секторе, ныне покинувших нашу страну» (цитата из выступления Черкасова). Дело, мол, прошлое, но наказание пришло теперь, по настоянию (указанию...) секретаря горкома партии. Мол, несправедливо, но куда денешься... Никаких претензий по руководству отделом к Ядову нет... Поручить Алексееву информировать Ядова о ходе и результатах

настоящего обсуждения.

Под этим реальным, а не формальным протоколом подписались *все* члены партийного бюро (важно еще было сообразить — кому после кого предложить подписать). Ознакомлены с ним были не только райком партии, но и все социологи — члены партии, кто пожелал ознакомиться²⁵⁹.

Однако продолжалось мое партийное секретарство меньше года. Дело в том, что еще летом 1975 г. состоялось исключение из партии старшего преподавателя кафедры психологии, научного руководителя лаборатории социологии Тартуского университета (Эстония) Юло Вооглайда. Одна из первых формулировок исключения — «за антипартийную деятельность и неискренность перед партией» (впоследствии смягчено до: «за непартийное поведение и отсутствие политической бдительности»).

Из письма в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС товарищу А. Я. Пельше от 27 июня 1975 г.:

«...Мое обращение к Вам, Арвид Янович, как Председателю КПК, — это личное обращение коммуниста. Я являюсь секретарем партийного бюро Института социально-экономических проблем АН СССР, но в данном случае выступаю от своего и только своего имени. К этому письму меня обязывает мой партийный долг. Я вступал в партию на 3 года позже Ю. Вооглайда, но *я готов сегодня разделить ответственность с теми, кто рекомендовал его в ряды КПСС.*

Копию этого письма я направляю в ЦК КП Эстонии...» (Из архива А. А.).

Когда Гелий Николаевич Черкасов узнал об этом письме (а два месяца спустя было еще и второе: «...подтверждаю свою готовность поручиться за Ю. Вооглайда своим собственным партийным билетом»), то схватился за голову: «Что Вы наделали, А. Н.».

Странно, что дело обошлось без партийного взыскания. Меня устно отчитали в райкоме КПСС — за попытку использовать свое общественное (должностное?) положение «для оказания давления на ЦК нашей партии» (так!!). Но уж больше в состав партийного бюро не выдвигали...

А от все же исключенного тогда из партии (хотя и со «смягченной формулировкой») Вооглайда на Новый, 1976 год пришла открытка: «Дорогой Андрей! Усатый — это ты, пожалуй. Желаю тебе и в этом удачи. Твой Юло». На обороте открытки был изображен эстонский крестьянин, подковывающий... черта!

...Ну, вот и суди сам, когда же мне и таким, как я, стало ясно, что КПСС «далеко не ум и не совесть эпохи»... Понимал это — не только когда восстанавливался в партии, на гребне перестроечной волны, но и раньше — когда в «год Оруэлла» исключали «...за написание и распространение клеветнических материалов на (так! — А. А.) советскую действительность...», и еще раньше — в пору партийного секретарства, и еще раньше — примерно с 1968 г. А вот до этого, увы, не понимал. Но если бы уже тогда понял, то и жизнь бы, наверное, сложилась совсем по-другому. Впрочем, в биографии, как и в истории — нет сослагательного наклонения.

— *В те годы, когда ты восстанавливался в КПСС, ты понимал, что эта организация «далеко не ум и не совесть эпохи»... Что тебя тогда заставляло тратить силы, чтобы восстанавливаться? И после восстановления ты сразу вышел. Так?*

²⁵⁹ Подробнее этот эпизод описан в: Андрей Алексеев, Олег Божков, Галина Саганенко, Леонид Кесельман: «По мере созревания нравственная конфронтация становится политической» / Сайт «Международная биографическая инициатива» (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>).

Что касается того, что заставляло «тратить себя» на восстановление в КПСС, то об этом столько написано в «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (том 2), что здесь не хочется повторяться. Главная формула моего ответа на этот вопрос была найдена сравнительно недавно (уже когда писал ту книгу): *необходимая оборона* (в том смысле, в каком рассматривает это понятие А.Ф. Кони: «вынужденное защищение от несправедливого нападения...»).

Можно сказать, что защищал умаленную честь, достоинство, ущемленные права, которые в той ситуации идентифицировались как... членство в КПСС. А ради таких ценностей тратить себя не жалко...

Сразу вышел из партии, как восстановили... Ну, не совсем сразу: полтора года прошло. Это было в июле 1990 г. Когда открылся XXVIII съезд. Когда стало ясно, что этот социальный институт исторически *полностью* себя исчерпал. И не один я выходил, а «за компанию» с большинством коллег. По-моему, с тобой вместе... Вспоминаю собрание на втором этаже, в здании на Серпуховской улице.

...Это похоже на то, когда неправильно уволенный добивается восстановления на работе, и ему это (вдруг!..) удается, то часто *сразу же* увольняется. Ему не работа эта была нужна, а сам факт восстановления....

– *Про партию мы поговорили, а про КГБ?*

...Вообще, коммунистическая партия и «компетентные органы» – своего рода «близнецы-братья» (пользуясь метафорой Маяковского, примененной, впрочем, к В. И. Ульянову-Ленину). Партия – вроде бы старший брат, «органы» – младший. Причем исторически второй – более живучий и удачливый.

До середины 70-х моя персона для младшего из братьев интереса вроде бы не представляла, по крайней мере – внешних проявлений внимания с его стороны я почти не замечал. Но «наслышан» о его тогдашних подвигах был (да кто из гуманитарной интеллигенции не был!). Интересно, что до 40 лет никаких предложений «о сотрудничестве» мне не поступало. Единственное (впрочем, косвенное...) в 1976 г. оказалось и последним.

Я только что избавился от груза партийного секретарства, обнаружив свою «политическую незрелость» в связи с исключением из партии Ю. В. (см. выше). И вот приглашают меня – нет, не в Большой дом! – а всего лишь в комнату рядом с отделом кадров в здании нашего института на ул. Воинова (теперь – Шпалерная). Манера вглядываться в предъявляемые служебные корочки и даже записывать фамилию – у меня была (не знаю – откуда).

После общего «зондажа» (мол, желаем познакомиться... и как Вам работается...) просьба – «помочь» профессионально, в качестве знатока и специалиста по «контент-анализу» (я таковым слыл), в разработке методик идентификации автора по характеристикам текста. (Может, это была «легенда» их интереса, а может и впрямь нуждались, хоть и вряд ли; словно из «В круге первом» сюжет...). Ну, для меня это был «подарок» – повод закатить мини-лекцию, из которой явствовало что «не по адресу» обратились. Контент-анализ имеет дело с массовыми, а не индивидуальными характеристиками; исследование тенденций, а не определение авторства... Вам нужно не к социологам, а скорее – к психологам или лингвистам, если не к криминалистам...

Ладно, «отбырлся». Уже прощаясь, мой собеседник неосторожно предлагает «не разглашать» наш разговор. «Это как же не разглашать? Я обязан сообщить в партийные органы. У меня от партии секретов нет!». – «Ну, Вы ж понимаете...» –

«Не понимаю. Вы пришли ко мне за профессиональной консультацией... Почему я должен это утаивать?». Тот ушел, недовольный.

Первым, кому я сообщил о поступившем предложении насчет «научного сотрудничества» был мой коллега, с которым у меня вполне доверительные отношения, причем он — партгрупорг отдела. Тот сказал: «Андрюша! Я понял. Молчу!». Я ему: «Я не для того тебе рассказываю... Ты ж мой партийный руководитель! « — «И что же мне делать?» — «Наверное, сообщить секретарю партбюро... Впрочем, как знаешь».

Через пару часов встречаю в коридоре своего бывшего зама по идеологии, ныне сменившего меня на посту партийного секретаря. Как-то он многозначительно на меня поглядывает... Я: «Ты что-то хочешь спросить?» — «Чего же ты мне сам-то не рассказал?» — «А, ну ты для меня высокое начальство! Я по инстанциям...». Из обмена мнениями стало ясно, что и райком партии следует информировать. Наверное, так он и сделал.

Уж не знаю как, но о беседе с бывшим секретарем партбюро нашего куратора с Литейного стало известно достаточно широко. Больше мы с ним никогда не встречались.

(А теперь «проверка памяти»... Партгрупоргом отдела в ту пору, помнится, был... Борис Докторов! Вспоминаешь? Если да, улыбнемся вместе. Если нет, будем считать, что я рассказал анекдот).

— Да, припоминаю... Забавно, однако.

Несколько лет спустя со мной все было гораздо серьезнее. Когда охотились за материалами андерграундного экспертного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?», был пущен в ход весь арсенал средств «компетентных органов», кроме разве что подбрасывания наркотиков... И при обыске в 1983 г. безуспешно искали именно эти материалы, а вовсе не «Письма Любимым женщинам». Мой экземпляр «писем...» забрали «на всякий случай», а у Бориса Беликова (обыск — в тот же день) аналогичный экземпляр не тронули...

...Хорошо помню, как в Большом доме на Литейном, перед объявлением официального предостережения, мне почти без вопросительной интонации сказали: «Ну, своих опрошенных Вы, конечно, не назовете...». Я счел уместным объяснить: «Конечно, нет. Это профессиональная тайна!» (А ведь не всех и знал!).

Сейчас уже вроде не актуально (хотя — как знать!), но вбивание клина между «старшим» и «младшим» братьями (как никак — братья-соперники!), с одной стороны, и «высокомерная» постановка известных норм профессиональной этики выше подразумеваемых «государственных интересов» («Вы ж понимаете!...»), с другой, в последние советские десятилетия оказывались довольно эффективными в «выстраивании» отношений с тогдашней политической полицией.

От мировоззренческого тоталитаризма
к мировоззренческой «толерантности»

— К какой философской школе, к какому философскому направлению ты себя относишь? Ты давно исповедуешь этот «символ веры» или нашел его относительно недавно? В любом случае, как ты относишься к марксизму? По-моему, ты один из немногих, кто читал фотокопии работ Маркса?

Твой вопрос вызывает у меня некоторое смущение: в самом деле, к какому

«философскому направлению», кроме марксизма, может отнести себя социолог, вышедший «из шестидесятых», и кандидат философских наук 1970 года выделки? Мне бы не хотелось здесь отвечать слишком учеными рассуждениями о своей принадлежности к «философской школе».

Если одной фразой, то это было, думаю, движение от некритического представления о марксизме, как единственно правильном мироучении (которое, впрочем, должно развиваться, в соответствии со своей собственной «революционной сущностью», полагал я со студенческих лет) к «трезвому» взгляду на марксизм, как на одну из множества философских систем, претендующих на объяснение мира, и, как всякая такая система, ограниченную в своих мирообъяснительных возможностях (думаю так сегодня). Если двумя словами, то это движение от мировоззренческого «тоталитаризма» к мировоззренческой «толерантности» и плюрализму.

То же, на более низком уровне общности, можно сказать и о теоретико-социологическом «кредо», также эволюционировавшим от своего рода «фундаментализма» к «полипарадигмальности». Думаю, что в этом отношении я вовсе не оригинален.

В центре моих первоначальных занятий «социологией прессы» (в аспирантуре и позже) стояли попытки создания марксистской версии «теории массовой коммуникации» и, думаю, в этих своих усилиях я был куда более истовым марксистом, чем тогдашние изготовители идеологической каши, предъявлявшей, скажем, студентам факультета журналистики в качестве «марксистско-ленинского учения о печати». С другой стороны, ортодоксальная «марксистичность» моих теоретических опытов времен Кязрику выглядела, пожалуй, несколько экзотично среди «нормальных» исследователей массовой коммуникации, предпочитавших (имевших возможность...) опираться на более «утилитарные», часто-научные идеи западной социологии середины века.

Из работы начинающего социолога (1967):

«С развитием современных конкретных исследований в области эффективности прессы, радио, телевидения все острее ощущается необходимость в разработке понятийного аппарата теории массовой коммуникации в контексте марксистской социологии...

Представляется неправильным распространенное толкование массовой коммуникации просто как одновременного обращения «одного ко многим», обычно опосредованного совокупностью технических устройств (к этой дефиниции сводится большинство бихевиористских определений). Массовая коммуникация не есть технически оснащенное общение индивидов или «говорящего» индивида со «слушающей» массой. Субъектами общения здесь выступают социальные группы, выделяемые на уровне не ниже социального слоя или класса.

В каждом данном обществе с «массой» (классом, совокупностью классов, обществом в целом) «разговаривает» класс, принадлежащий к этой массе или антагонистичный ей (в капиталистическом обществе). Такова наша главная антитеза буржуазным концепциям массовой коммуникации.

Таким образом, всякий общественно-исторический тип массовой коммуникации оказывается процессом социально организованного обмена общественной информацией... одну из сторон которого составляет целенаправленное идеологическое воздействие на массы господствующей в данном обществе общественной силы (в социалистическом обществе в качестве такой силы выдвигается сам народ), а другая, эмпирически менее заметная сторона представлена обратным воздействием «адресата» на эту силу...».

Да простят меня читатели этого интервью за столь пространное автоцитирова-

ние. Но это куда информативнее, да и честнее, чем пересказывать или рассуждать о том, «откуда мы вышли» и т. п.

Впоследствии это теоретико-идеологическое построение получило развитие в «социологической модели массовой коммуникации», элементами которой были: «социальный субъект 1», «социальный субъект 2», «средство массовой информации», сама «массовая информация» и «массовая аудитория». Первый субъект осуществляет информационно-пропагандистское (= массово-коммуникативное) воздействие на второго субъекта через свои институты (средства, органы) массовой информации, а второй субъект воспринимает воздействие первого через посредство своих собственных «институций» — массовых аудиторий.

Модель оказывалась универсальной, действующей как для буржуазного, так и для социалистического общества. Только для первого она «...особенно «прозрачна», поскольку взаимодействующие социальные субъекты здесь суть не только разные, но и антагонистически противоположные классовые силы (буржуазия и трудящиеся массы, народ)» (это я цитирую уже последнюю из своих работ на эти темы — из сборника «Массовая коммуникация в социалистическом обществе», Л.: Наука, 1979).

А своеобразие социалистической массовой коммуникации состоит в том, что

«...здесь обнаруживается специфическое «тождество» социальных субъектов 1 и 2, оказывающихся одним и тем же субъектом, только взятым в разных аспектах: как субъект информационно-пропагандистской деятельности и как субъект восприятия и потребления массовой информации. В качестве первого выступает передовой класс или общество в целом, в лице своего авангарда — Коммунистической партии (! — А. А.). В качестве второго — общество в целом, широчайшие народные массы».

Ну, и заключительный аккорд, из работы «зрелого» социолога (1979):

«...Прогрессирующее «слияние» обоих социальных субъектов массовой коммуникации по мере продвижения к развитому коммунистическому обществу не исключает, а предполагает сознательное регулирование, программирование деятельности по производству и распространению массовой информации, осуществляемое управляющими центрами субъекта-общества в его интересах. Соответствие последним обеспечивает в конечном счете реализацию идеальной модели, выдвинутой еще молодым Марксом, применительно к исторически первому средству массовой информации и пропаганды: свободная пресса — это «язык народа обращенный им к самому себе» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 1, с. 44).

Итак, массовая коммуникация есть язык общества, обращенный им к самому себе. Общество становится действительным хозяином своего «языка», поскольку сбрасывает с себя пути социального порабощения и неравенства и обретает способность контролировать условия собственной жизнедеятельности.. »

В начале 1970-х предполагалось, однако не состоялось издание моей книги под названием «Язык общества, обращенный им к самому себе». Академиком — членом редакционно-издательского совета АН СССР показалась (и, пожалуй, не без оснований...) слишком вычурной апелляция к молодому Марксу в заглавии. В 1973 году та же рукопись, но уже под скромным названием «Средства массовой информации», успела пройти все стадии редподготовки в Ленинградском отделении издательства «Наука». Как вдруг — скандал вокруг книги Эльмара Соколова «Культура и личность», вышедшей годом раньше в том же издательстве, и резкое повышение научно-идеологической бдительности.

Издательское заключение на рукопись моей книги, подготовленное после экстренного дополнительного рецензирования, завершалось словами:

«...Увлечшись конструированием «специальной социологической теории массовой коммуникации», он (*автор*. – А. А.) уже на исходных позициях выпустил из вида значение общей социологической теории – исторического материализма...

Вместо марксистского учения о базисе и надстройке... автор пытается вывести «модель» коммуникации на институциональном уровне, исходя из некой абстрактной общей структуры деятельности... Он строит свою теорию «субъект-1» и «субъект-2», где сама целесообразная деятельность как особый момент исчезает, а под субъект-1 и субъект-2 можно подставить или отдельные индивиды (*так!* – А. А.), или классы – схема работает в любом случае.

Как хорошо показал в своей рецензии на рукопись проф. В. Я. Ельмеев, это соответствует попыткам западных социологов растворить общественные отношения в деятельности, и все последующие совершенно верные рассуждения автора о классовой сущности массовой коммуникации, коренных различиях между социалистической и буржуазной прессой и т. д. изменить ничего не могут: все здание теории А. Н. Алексеева оказывается без марксистского фундамента, оно стоит на песке позитивистских концепций...

По вышеизложенным причинам мы считаем, что: работа А. Н. Алексеева издана быть не может, а поскольку речь идет не о частных недостатках рукописи, а о ее ошибочной методологической основе, это не позволяет говорить и о какой-либо доработке». (Сентябрь 1973). (Из архива А. А.)

В то время в советской общественной науке были представлены, я бы сказал, три «разновидности» марксизма: «творческая», «ортодоксальная» и «дремучая». Не углубляясь сейчас в обоснование этого различия, замечу, что для марксизма «дремучего» (типа того же Ельмеева или, скажем, академиков Федосеева и Константинова), марксизм «ортодоксальный» (к которому можно отнести меня тогдашнего) был не менее неприемлем, чем «творческий» (ну, например, Лукач и Грамши, Ильенков и Батищев).

Ибо вышеприведенная последовательно марксистская концептуальная схема если не доказывала, то «намекала» на отсутствие «тождества» (чтобы не сказать противоположность...) интересов «социально-классовых субъектов 1 и 2», отношения которых полагались лежащими в основе эмпирически наблюдаемого взаимодействия между СМИ и их аудиториями в социалистическом обществе.

Вообще, марксизм – такое большое и глубокое озеро, из которого множество рек вытекает (да еще переплетаются друг с другом по ходу течения). И вульгарный экономический детерминизм, и взаимоналожение социокультурных и политических факторов, и деятельностьная природа социально-исторического процесса, и подчинение личности «общественным интересам», и «абстрактный гуманизм» (молодого Маркса).

...Никаких фотокопий работ Маркса я, разумеется, в руках не держал. Но вот немецкоязычными оригиналами, особенно ранних произведений, интересовался, а также пытался прояснить для себя некоторые термины из русскоязычного марксистского тезауруса, путем сопоставления их с соответствующими немецкими терминами, а также их переводами на английский и французский. (Это было в 70-х гг., в пору активного самоутверждения в нашем общественном сознании понятия *образ жизни*).

Оказывается, очень многое в советской социологии зависело от того, как были в свое время переведены на русский такие использовавшиеся классиками немецкие слова, как *Tätigkeit, Verhalten, Verhältnis, Verkehr, Wert...*

Из понятий, более или менее обиходных в марксистском дискурсе (но и не только в нем, разумеется...), ключевыми для меня, от начала занятий социологией и до настоящего времени, были и остаются: *деятельность* и *субъект* (последний — не в сугубо-гносеологическом смысле: субъект — объект, а близко к тому, в каком сегодня употребляют термины «актор» или «агент»). Для освоения первого понятия существенным в 60-е гг. для меня было влияние Г. Щедровицкого, с одной стороны, и Г. Батищева, с другой; для включения же в активный оборот второго — влияние Б. Грушина (во всех случаях влияние — заочное). В частности, из книги Грушина «Мир мнений и мнения о мире» (1967) было почерпнуто мною, автором «социологической модели массовой коммуникации», представление о «коллективном», или групповом социальном субъекте.

В своей недавно вышедшей работе «Современная теоретическая социология как концептуальная база российских трансформаций» (2006) В. Ядов пишет:

«Суть деятельностно-активистского подхода: отказ от идеи диктата «естественно-исторических» закономерностей социального прогресса в пользу утверждения принципа «социально-исторического» процесса, не имеющего жестко заданного вектора, ибо решающую роль в современных обществах играют деятельные социальные субъекты (agency), включая научно-технические открытия, социальные движения, легитимных лидеров, массы обычных граждан» (с. 7 указанной книги).

Похоже, что всю свою «социологическую жизнь» я так или иначе тяготел именно к этому подходу, и из классического марксистского наследия с давних пор извлекал именно его. (Кстати, и в методологии андерграундного экспертно-прогностического исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» рубежа 80-90-х гг. он представлен достаточно ярко; см. «Драматическую социологию...», главу I — в томе 1, и главу 25 — в томе 4)²⁶⁰. Из современных российских авторов отчетливее всего указанный подход реализуется, мне кажется, Т. Заславской (в ее «деятельностно-структурной концепции» социетальной трансформации российского общества).

Весьма значимыми и перспективными для меня сегодня представляются опыты синергетической интерпретации общественных процессов. Ну, в отличие от деятельностного подхода, усмотреть «истоки» синергетического — в марксистской социально-философской традиции, пожалуй, невозможно..

Здесь замечу, что «разочарование» в марксизме, или его развенчание, как «всесильного, потому что верного» мироучения, было последним в цепи моих мировоззренческих разочарований от 50-х к 80-м годам: сначала — Сталин, потом — советский социализм, потом — социализм вообще и, пожалуй, одновременно, Ленин, и, наконец, — Маркс. Моей, пожалуй, индивидуальной особенностью, по сравнению с многими ровесниками, было относительно *замедленное* движение по ступенькам и относительно позднее восхождение на вершину этой «лестницы прозрения».

...Что же касается все более безусловного обнаружения несоответствия социальной реальности ортодоксальным марксистским схемам (о чем уже шла речь и ранее), то кто как, а я долго не устал искать тому те или иные «конкретно-исторические» объяснения (и оправдания...).

В качестве общего алгоритма таких оправданий (еще в конце 60-х гг.) для меня выступала, например, опора на французского марксиста Луи Альюссера. Тот разви-

²⁶⁰ Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf; http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_400-517.pdf.

вал идею о «сюрдетерминации» исторических факторов. Альтюссеру принадлежит броская формула: «В истории исключение из правил есть правило правил». (Что-то вроде «идеальных типов» М. Вебера, которые никогда не реализуются «в чистом виде»...). Тем самым как бы снималась острота противоречия между марксистской теорией и исторической практикой...

— Я сейчас, говоря о двух первых поколениях советских / российских социологов, выделяю «шестидесятников» и «шестидесятилетних». Ясно, оба названия, особенно второе, условны. Какое поколение тебе ближе? По мироощущению? Мне представляется, что родившиеся в 1929 году (и вблизи) верили в возможность улучшения социализма, те, кто родился в районе 1941 года — уже в это не верили, родившиеся вблизи 1953 года — считали социализм ошибочным типом устройства общества. Есть ли в таком поколенческом подходе правда?

О мировоззренческих различиях поколений существует большая литература. Я скажу только о социологах.

Я не думаю, что поколение моих старших коллег было в целом более наивным, чем мое или даже чем поколение младших (сам я отношусь как бы к промежуточному между родившимися в конце 20-х и в начале 40-х поколению). Во всех этих профессиональных «когортах» наличествовал и определенный идеологический наив (постепенно улетучивавшийся...), и та или иная степень «двоемыслия». Кроме того, существенной является историческая динамика, а также особенности семейной истории и индивидуальной биографии. Я пытался рассказать о собственной идейной эволюции. У иных моих ровесников (да и старших...) эта эволюция могла заметно опережать мою.

Что же касается родившихся в 50-х, в частности, ровесников XX съезда, то они (обычно именуемые «семидесятниками») никаких иллюзий уже пережить или нести в себе не могли. Они более прагматичны, так сказать, «сознательно адаптивны», сугубо профессионально ориентированы и весьма, пожалуй, далеки от «прекраснодушия».

(На этом месте набросок биографического интервью, перешедшего уже на темы собственно интеллектуальной биографии, обрывается. А. Алексеев).

Приложение 3 к главе 6

Биокритическая герменевтика

Только что на сайте «Международная биографическая инициатива» появились тезисы Дм. Н. Шалина, которые являются теоретическим экстрактом его биокритических штудий. Воспроизводим их здесь²⁶¹. (10.01.2010).

Тезисы к концепции биокритической герменевтики

1. Биокритическая герменевтика находит свой предмет на пересечении биографии, культуры и теории. Она изучает эмоционально-соматическую составляющую дискурсивных практик, воплощение знаков в индивидуальном бытии, (рас)согласование слова, дела и аффекта в жизни исторических субъектов, и роли (авто)

²⁶¹ См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin_bh_theses.html.

биографического нарратива в накоплении и передаче опыта культуры.

2. Герменевтика бионарратива исходит из того, что всякое событие развивается на перекрестке перспектив, что неотредактированной реальности не существует, и что привилегированная редакция дает нам не вещь в себе, а ее социально-историческую форму существования. В тоже время биокритическая герменевтика отвергает скептическую деконструкцию с ее отношением к объективной реальности как фикции. Ее цель — практическая реконструкция объективной реальности как в ее дискурсивных, так и в ее аффективно-соматических и деятельностно-воплощенных формах.

2. Герменевтика бионарратива исходит из того, что всякое событие развивается на перекрестке перспектив, что неотредактированной реальности не существует, и что привилегированная редакция дает нам не вещь в себе, а ее социально-историческую форму существования. В тоже время биокритическая герменевтика отвергает скептическую деконструкцию с ее отношением к объективной реальности как фикции. Ее цель — практическая реконструкция объективной реальности как в ее дискурсивных, так и в ее аффективно-соматических и деятельностно-воплощенных формах.

3. Биокритическую герменевтику отличает бережное отношение ко всем редакциям, систематическое сопоставление альтернативных версий с помощью метода обратного (реверсивного) редактирования, внимание к процессам конфабуляции и (само)выборки в бионарративной практике, нацеленность на воплощение-развоплощение-перевовплощение как взаимоконституирующих аспектах объективной реальности, осознание интимной связи перестройки с перенастройкой расстроенного сознания, и озабоченность практическими последствиями редакционной политики, заложенной в основах бытия.

4. Биокритика ставит вопрос о репрезентативности выборки событий, вошедших в бионарратив. Независимо от поставленной задачи, биографу и автобиографу приходится отбирать биофакты, и здесь возможны систематические ошибки, связанные с недоучтенными (*undersampled*) и сверх-представленными (*oversampled*) событиями/свидетельствами. Там, где биовыборка и самовыборка может считаться репрезентативной, встает вопрос о стохастической природе личности, о жизненном векторе и мере идентичности человека.

5. В центре внимания биокритической герменевтики соотношение дискурсивных, эмоциональных и поведенческих индикаторов. Рассогласование между этими знаковыми системами — онтологическая данность бытия, а преодоление кроссмедийных противоречий — основа этической жизни личности. Биокритическая герменевтика изучает (рас)согласованные формы само-объективации и меру (не)идентичности субъектов истории. Ее общая установка держаться ближе к телу, акцентировать эмоционально-окрашенное, и рассматривать вербально-символический ряд как развоплощенное действо, а поведение (*conduct*) как семиотическую проводимость (*conductivity*) тела, опущенного в историю, насыщенного идеями своего круга, и воспроизводящего индивида в его родовой целостности и биосоциальной неповторимости.

6. Античные биографы выделяли три области человеческого существования, на которых базируется жизнеописание — *vita activa*, *vita contemplativa* и *vita voluptuosa*. Духовная жизнь человека достаточно хорошо отражена в его письменах. Хуже дело обстоит с поведением и деятельностью человека, и совсем плохо

с эмоциями, страстями, плотскими отправлениями. Жизнь плоти – деликатный предмет для биокритика, поскольку он затрагивает табуированные стороны жизни человека. При обсуждении вопросов такого рода следует руководствоваться принципом значимости – связи биофакта с общими задачами исследования и его роли в понимании объекта биокритического исследования.

7. Центральной для биокритической методологии является проблема источников биореконструкции. Разноголосые документы – архивы, мемуары, интервью, дневники, переписка, автобиографии – расширяют возможности триангуляции, сопоставления воспоминаний разных участников событий. Когда значительная часть документов отсутствует или недоступна биокритику, с особой остротой встает вопрос о природе лакун и тенденциозности доступных документов. Невозможность отреверсировать существующие редакции смещает акцент интерпретации с личной герменевтики автора к общей редакционной политике времени и культурных стандартов социальной ниши, в которой он находит свои истоки.

8. Биографическое событие становится бионарративным фактом по мере осмысления в семиотических формах эпохи. Сам процесс перехода со-бытия в нарративный факт проблематизируется в биокритике. Биографемы своего времени исследователь сопоставляет с бионарративными формулами «иного мира», и тут возможны две крайности: презентизм, связанный с тенденцией проецировать сегодняшние стандарты на прошлое, и историцизм, отрицающий трансисторические процессы и кумулятивный характер бытия. Наложение биостандартов и (не)сопоставимость бионарративных практик – предмет биокритического осмысления.

9. Биокритическое изыскание завязано не только на биографию исследуемого, но и исследователя. Тут мы имеем дело с двойной герменевтикой – субъект и объект познания встречаются в виртуальном пространстве и ведут друг с другом скрытый, а иногда и открытый, диалог. При этом встает вопрос о сверхзадаче биокритика и автобиокритике, о том, должен ли биокритик открыть собственные архивы, и если да, то когда. Исследователь, посвятивший себя изучению архивов других людей и времен, отвечает за сохранение документов своей эпохи, включая собственные архивы.

10. В изучении архивных материалов недавнего прошлого мы нередко сталкиваемся с нежеланием персоналий или наследников быть объектом изучения, с отказом в доступе к архивам, с требованием исключить неудобные факты из рассмотрения. В распоряжении биокритика могут оказаться нелюбезные материалы, касающиеся третьих лиц. В этой связи возникает вопрос о границах такта в биокритических исследованиях. В решении этого вопроса биокритик опирается на тезис Вольтера, «К живым мы должны относиться с уважением, мертвым же мы обязаны только истиной». При этом понятие истины вводится в контекст редакционной политики времени, связывается с этическими горизонтами эпохи и трансисторическими особенностями дискурса и практики познания истинно(стно)го.

11. Человек владеет собственным архивом и может распоряжаться им по своему усмотрению, но он не хозяин своей репутации и не имеет права на желаемое мнение о себе других людей. Полезно сравнить наши представления о репутации и способах ее валидации с практикой иных культур и народов. Опыт канонизации в религиозных конфессиях (приобщение к лику святых) и других жизненных сферах может прояснить роль парадигматического бионарратива в сохранении исторического опыта. Изучение античной биографии и автобиографии (Сенека, Плутарх, Августин) представляет особый интерес в этом отношении.

12. Биокритическая герменевтика изучает взаимосвязь биографического корпуса и творческого наследия автора. Общее направление научного поиска определяется доминирующими парадигмами и комплексом обстоятельств во многом независимых от ученого, но конкретное решение — и это особенно касается талантливых ученых гуманитарного профиля — отражает настроение и опыт исследователя. Если быт писателя подпитывает литературный процесс, а личный опыт гуманитария/обществоведа влияет на процесс научный, то возможны параллели между литературоведением и науковедением. Интересны в этом отношении работы Тынянова, Шкловского и других представителей этой школы, чьи идеи могут быть взяты на вооружение биокритиками.

13. Биокритика ищет ключ к социальной реконструкции во взаимодействии разума и аффекта, в диалектике воплощения-развоплощения — перевоплощения как взаимоконституирующих аспектах объективной реальности. Эмоциональные деформации человека являются продуктом его исторического бытия, но его настроения в свою очередь тормозят развитие демократических институтов. Если наши настроения определяют историческое бытие, то перестройка общества возможна только как одновременная трансформация эмоциональной, деятельностной и дискурсивной практики людей данной эпохи.

14. Демократические институты не прививаются там, где исторически настроенная соматика замешана на нетерпимости, чванстве и жестокости. Авторитаризм и автократия лишаются питательной почвы, когда интеллект начинает ощущать себя эмоционально здоровым, а эмоции становятся интеллигентными. Изучение аффективно-соматической инфраструктуры общества и редакционной политики бытия, способствующей становлению эмоционально-интеллигентной демократии — задача биокритической герменевтики.

Дмитрий Н. Шалин

***

Из переписки со-умышленников

Б. Докторов — Д. Шалину

<...> Есть у меня один вопрос: включает ли (подразумевает ли) твое понимание *биокритики* исследование (изучение, формулировку гипотез...) мотивации профессиональной деятельности ученого? Как-то я постоянно возвращаюсь к этой теме в разговорах со Шляпентохом, который откровенный противник попыток говорить о мотивации. Но мне — не рисуя особой программы — кажется, что во многих случаях рассмотрение (пусть и гипотетическое) мотивов уместно и полезно. Вправе ли мы это делать? Нужно ли это делать? <...> 9.01.2010.

Д. Шалин — Б. Докторову

<...> Biocritique calls for the indefinite triangulation of somatic-affective, behavior-performative, and symbolic-discursive outputs of historical agents when we interpret their life trajectories. More on the subject can be found in my paper «Signing in the Flesh»,²⁶² with the thesis

²⁶² Shalin D. Signing in the flesh: Notes on pragmatist hermeneutics // Sociological Theory. 2007. Vol. 25. P. 193–224. (Электронную версию см. на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin1.html>).

fleshed out in my papers on Levada, Goffman, and Heidegger-Gadamer. <...> 9.01.2010²⁶³.

А. Алексеев – Б. Докторову и Д. Шалину

<...> Если совсем «попросту», я понимаю дело так. Жизнь человека состоит из поступков, слов и «мыслечувств». У Димы: somatic-affective, behavior-performative, and symbolic-discursive (эмоции, поведение, дискурс). Это близко к античному подразделению: *vita activa*, *vita contemplativa* и *vita voluptuosa* (кстати, кто первый сказал?), хоть и не вполне совпадает.

«Мотивы» — для меня лежат скорее в эмоциональной (аффективной, «страстной») сфере, чем в символической (вербальной, дискурсивной). Непосредственное исследование мотивов — невозможно, они «извлекаются» из слов и дел. Из последних даже лучше, чем из первых, поскольку «мысль изреченная есть ложь», не говоря уж о подсознательной сфере.

Мотивы всегда реконструируются, всегда гипотетичны. Биокритика, насколько я понимаю, предполагает, среди прочего, концептуализацию и рационализацию такого перевода «мотивов в себе» в «мотивы для нас». <...> 12.01.2010.

***

Д. Шалин — Б. Докторову и А. Алексееву

<...> Читаю «Драматическую социологию». <...> В книге для меня много нового, интересного и очень интересного. Делаю пометки на полях, отслеживаю эпизодическую структуру повествования, задаю мысленные вопросы себе и автору. Обратил внимание на большое количество купюр и лакун — их иногда по десятку на страницу, в среднем по одной-две купюре на каждую из 2500 страниц. Какие-то из пропусков мотивированы и объяснены, какие-то нет.

Тут огромное поле для исследования проблем самовыборки в автобиографическом нарративе. Проблема эта не только историческая и биографическая, но и философская. Мы фиксируем события избирательно, делаем выборку согласно представлениям о собственной персоне, видением своей жизненной траектории, законами времени и условностями жанра. То, что не вошло в повествование или отражено в нем нерепрезентативно, может быть, не менее важно и интересно, чем то, что зафиксировано в автонарративе. Систематические ошибки самовыборки, свойственные человеку, его кругу и эпохе — предмет биокритики и прагматистской герменевтики. Надеюсь, со временем об этом написать, используя *magnum opus* Андрея. <...> 5.07.2010.

А. Алексеев — Д. Шалину и Б. Докторову

<...> Интерес Димы к «Драматической социологии...» меня, понятно, трогает. Авось, еще успею попасть на суд его биокритики. Насчет значка <...>, который частенько встречается на страницах этой книги документов (хоть личных, хоть официальных). Самоцензура есть законное право автора или составителя и может иметь, как минимум, следующие три мотива:

²⁶³ «В изучении жизненных траекторий биокритика нацеливает на непрерывную триангуляцию трех знаковых систем: соматически-аффективной, деятельностно-перформативной, и символически-дискурсивной. Об этом я писал в статье «Воплощение знака». Ее главный тезис развивается в моих работах о Леваде, Гофмане и Гадамере». (Перевод Д. Шалина).

А) забота представить себя в «выгодном» свете. Тут надо не переборщить, а то ведь читатель не поверит.

Б) забота не доставить дискомфорта другому (ежели, конечно, этот другой, с точки зрения автора, такого дискомфорта не заслужил).

В) забота просто побережь читателя от длиннот, повторов, «скуки». То есть то, чем книга отличается от архива.

В маркировании купюр я был очень щепетилен (даже изъятие вводного слова фиксировалось). При этом мотив В, как я считаю, заведомо преобладал над остальными, а мотив А стремился к нулю, хоть никто и не может гарантировать такого абсолюта.

Конечно, очень интересно было бы произвести текстологическую сверку «оригинала» с «продуктом», «черновика» с «беловиком». Но это надо быть выдающейся персоной, чтобы на такое претендовать. <...> 5.07.2010.

***

Б. Докторов – Д. Шалину и А. Алексееву

<...> Не знаю, есть ли у вас мемуары Заславской²⁶⁴. Если есть, посмотрите стр. 737-8. Во-первых, просто теплые человеческие слова в адрес книги Геннадия Батыгина о российской социологии 1960-х²⁶⁵. ... Во-вторых, сказанное ею – сильнейшая поддержка того, что мы делаем... Особое значение я придаю тому, что это не отзыв, но личное письмо ее сестре (она – профессор филологии, языковед, на пару лет старше ТИ), а их отношения таковы, это я точно знаю, что фактически ТИ пишет себе... Цитирую:

«...Читаю эту книгу как роман, настолько она кажется интересной. Основную ее часть составляют воспоминания людей, с которыми вместе мы создавали (или восстанавливали) социологию в СССР: Ядова, Левады, Здравомыслова, Осипова, Руткевича, Пилюпенко (куратора социологии в ЦК КПСС), Грушина, Шубкина, Рывкиной и др. Причем каждый автор рассказывает о своем детстве, юности, о том, как он пришел в социологию, об основных событиях последующей жизни, об общей ситуации в социологии (как он ее видел), и получается необыкновенно живо и интересно. С одной стороны, из всей этой мешанины отчетливо выступает портрет поколения, пусть не до конца все понимавшего, но имевшего идеалы и в меру сил старавшегося служить им. Никто ведь не сговаривался представить историю так-то и так-то, а получилось очень много общего. С другой же стороны, каждый материал оригинален, каждый несет отпечаток личности человека, а личности эти такие разные!..²⁶⁶»

²⁶⁴ Заславская Т. И. Моя жизнь: воспоминания и размышления. (Заславская Т. И. Избранные произведения. Том 3.). М. «Экономика», 2007.

²⁶⁵ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. См. также выше? Раздел: 6.1.

²⁶⁶ Замечательно также продолжение этой цитаты:

«...И странное дело, именно те, кто больше всего заботится о полной презентации личных заслуг, смотрятся мелко, вызывая улыбку... А перед некоторыми другими авторами прямо-таки склоняешь голову: какое крупное видение, как глубок и умен анализ. Я даже хочу сделать классификацию статей по нескольким признакам, один из которых – масштаб рисуемой картины. Здесь три уровня: «я», т. е. автор, его исследования, его роль; б) «Мы» – коллектив или коллективы, в которых или с которыми автор работал, и в) «советская социология». В личных воспоминаниях присутствие двух первых уровней неизбежно, но важно до какого уровня авторы поднимаются. Мое собственное интервью меня не коробит, я оценила бы его как «нормальное», но если бы представляла себе тогда всю книгу, отнеслась бы к нему серьезнее и, наверное, предпочла бы форму статьи...» (Там же, с. 738).

...Здесь есть все, чем мы в той или иной мере занимаемся: поколение... рассказы людей о себе и социологии ... личности... Если ТИ в материалах книги Батыгина узрела историю, которую она помнит.. то это повод думать, что и наши усилия не пропадут зря... Кто-то в будущем поймет по ним наше время. <...> 9.07.2010.

Д. Шалин – Б. Докторову и А. Алексееву

<...> This is a lovely note indeed (don't have TZ's memoirs). I don't worry about the fate of our project. It will find readers long after we are gone and the interest in own writings have faded. The fact that we fly mostly under the radar is a blessing in disguise, a chance to work quietly and productively. <...> 9.07.2010²⁶⁷.

А. Алексеев – Б. Докторову и Д. Шалину

<...> Согласен с Димой. <...> Впрочем, я продолжаю считать, что усилия Бориса, Димы, Батыгина, Любви Борусяк – это по сути написание истории советской научно-гуманитарной интеллигенции, а социологическое сообщество – всего лишь полигон исследования.

...Уникальность социологов, в частности, в том, что они способны (ну, может, не все...) к *социологической* рефлексии на темы, составляющие предмет социобио-графических исследований. <...> 10.07.2010.

Приложение 4 к главе 6

Ю. Плюснин: «Движение по пространству объекта, анализ этого пространства и размышления о том, что составляет суть этого объекта...»²⁶⁸

<...> Д. И.: <...> Исследователь зачем-то изучает местную жизнь. Зачем? Какого результата он ждет, и какой результат он получает?

Ю. П.: Я вижу три результата, разные по фактуре и по содержанию. Один из них – это результат моей профессиональной деятельности. Как профессионал я должен отчитываться, соответственно я должен писать статьи. <...> Это самый неинтересный результат. <...> Это поверхностный результат, какая-то видимость профессиональной деятельности. <...> Второй результат составляет для меня суть – это понимание того, что происходит. И я это описываю для себя, потому что нередко его нельзя оформить в виде стандартного научного текста.

Б. Д.: А как его можно было бы оформить?

Ю. П.: В виде книжки. Но она была бы художественной или чем-то средним между художественной и научной. Нарушение научного стандарта сразу выбрасывает ученого

²⁶⁷ «Действительно, милая записка (у меня нет мемуаров ТЗ). Меня не тревожит судьба нашего проекта. У него найдутся читатели через много лет, после того, как мы уйдем со сцены и интерес к нашим собственным письмам поблекнет. А то, что наше дело известно немногим, так это благо, хотя и неочевидное, поскольку дает нам возможность спокойно и продуктивно работать». (Перевод Д. Шалина).

²⁶⁸ См. <http://www.polit.ru/science/2010/02/04/pole.html>. Беседуют Борис Долгин (Б. Д.) Дмитрий Ицкович (Д. Ц.) и Юрий Плюснин (Ю. П.). Юрий Михайлович Плюснин – социолог, доктор философских наук, профессор кафедры местного самоуправления ГУ – ВШЭ.

куда-то в маргиналы. Но в то же время не хочется этот стандарт соблюдать, потому что он не интересен. Хочется описать это иначе, в двух смыслах. Первое — попытаться с помощью этого описания получить проникновение в ядро, в суть. А с другой стороны, все больше начинает проявляться и желание получить другой научный результат — опубликовать дневники размышлений, которые составлены во время поездок.

Б. Д.: Уже с комментариями?

Ю. П.: Да. Чем дальше, тем больше я замечаю, какая научная литература остается в веках: дневники, мемуары. Посмотрите, кого мы читаем. Мы читаем путевые дневники старых исследователей. <...>

Д. И.: Это раскрывает суть человека. Значит, вы хотите о себе, а не о науке?

Ю. П.: Нет. Яркий пример для меня — это Тутчи — «Дневник поездки в Тибет». Это его последняя поездка перед войной, 1935 года, когда он привез столько материала по буддийским текстам, что они стали основой для всех европейских исследований про Тибет. <...> Или дневники братьев Соколовых, как они сплавлялись на лодке, собирали фольклорный материал и описывали его. Это один из самых ценных результатов. Он не относится к научной продукции, но именно он и остается. Для меня это становится все более ценным. Сейчас я пытаюсь написать такую книжку, чтобы она состояла из трех-четырех частей, которые были бы представлены в непрерывном режиме. Дневник, который я вел, описание городов, которые видел. Тут же рядом анализ. И все это перемешано друг с другом. <...>

Д. И.: <...> Как теперь, после всех анализов, полевых работ выглядит результат вашей работы в поле?

Ю. П.: <...> Это попытка последовательным текстом, разбитым на страницы, соединить разные куски. Куски движения по этому пространству, куски анализа этого пространства и куски размышлений о том, что составляет суть этого объекта. Я уже лет восемь думаю, как это все соединить. <...>

Приложение 5 к главе 6

Попытка «академической зачистки». «Случай» Олега Манаева (Беларусь)²⁶⁹

(1)

*Из рассылки от 10.06.2010 «Манаев Олег.
В поддержку коллеги и друга»²⁷⁰*

Уважаемые коллеги!

8.06.2010, поздно вечером, я получил письмо-рассылку от незнакомого мне профессора Университета Теннесси (США) Питера Гросса. Привожу его письмо в переводе:

²⁶⁹ Об Олеге Тимофеевиче Манаеве см. выше: раздел 6.2.20.

²⁷⁰ См. также на сайте «Когита.ру (Общественные новости Северо-Запада)»: <http://www.cogita.ru/dokumenty/pismo-v-podderzhku-belorusskogo-sociologa-olega-manaeva>.

«...Наш белорусский коллега и друг Олег Манаев оказался в довольно затруднительном положении. В своем последнем электронном сообщении, адресованном мне, он сообщает, что его декан получил указание от проректора университета об его увольнении. Указание, как сказал декан, исходит от Белорусского КГБ и администрации Лукашенко, которая стоит перед лицом предстоящих президентских выборов и хочет «предотвратить возможные беспокойства». Как Вы знаете, Олег является руководителем мониторинговой исследовательской организации, которая всегда была очень неудобна нынешней белорусской власти.

Хорошо, если Вы захотите подписать настоящий протест...»

Имя Олега Манаева знакомо многим из моих адресатов. Здесь воспользуюсь информацией с сайта Scholarrescuefund: <...>²⁷¹. Лично для меня О. М. является образцом профессионализма, гражданственности и моральной ответственности.

<...> Прилагаю текст письма в защиту проф. О. Манаева. <...> (См. ниже. – Ред.).

Я сообщил проф. П. Гроссу, что подписываюсь под этим письмом и что намерен разослать его тем российским (и не только...) коллегам, кто, по моим представлениям, мог бы присоединить к списку «подписантов» также и свое имя. <...>

(2)

Protest

On behalf of academics throughout the world, we the undersigned hereby strongly protest the continued unfair treatment and the threats made against Dr. Oleg Manaev of the Faculty of Philosophy and Social Science at the Belarus State University.

A well-respected scholar in the international academic community, Dr. Manaev's work is in the spirit of the worldwide democratic movement that puts emphasis on civil, human, and individual rights. We know, however, that it is precisely because of this that Dr. Manaev has been the victim of official persecution for many years.

Dr. Manaev's long service to the Belarus State University and to the Republic of Belarus deserves respect and not censure, and we strongly urge both to recognize that academic freedom is sacrosanct in the civilized world.

We, the undersigned, find the plan to force our colleague, Dr. Manaev, to resign his faculty position or to be fired, because he remains true to universally recognized democratic and academic values, to be unconscionable, retrograde and unacceptable.

We, the undersigned, appeal to Academician Sergey Abalameyko, the Rector of the Belarus State University, to respect the academic freedom and the achievements of our colleague, Dr. Manaev, and ensure his continued employment. We call for the respect of academic freedom for all our colleagues in the Republic of Belarus.

We, the undersigned, appeal to President Alexander Lukashenko and his administration to cease pressuring the university to obtain Dr. Manaev's resignation or to fire him.

²⁷¹ См. выше: раздел 6.2.20.

We, the undersigned, embrace all of our Belarus colleagues in the spirit of solidarity and look forward to scholarly collaborations with them, but we can only do so if academic freedom is recognized for all.

***

*Протест*²⁷²

От имени ученых всего мира мы, нижеподписавшиеся, решительно протестуем против политики произвола и угроз, длительное время проводящейся в отношении доктора социологических наук Олега Манаева, сотрудника факультета философии и социологии Белорусского государственного университета.

Научная деятельность доктора Манаева, глубоко уважаемого мировым академическим сообществом, отвечает духу международного демократического движения, ставящего в центр внимания гражданские, социальные и личные права человека. Однако нам известно, что именно в силу этого доктор Манаев уже долгие годы подвергается официальному преследованию.

Своим многолетним служением Белорусскому государственному университету и республике Беларусь доктор Манаев заслужил уважение, а не осуждение, и мы настоятельно призываем руководство университета и официальных представителей власти страны признать, что в цивилизованном мире академические свободы священны.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем реакционными, неприемлемыми и постыдными попытки принудить нашего коллегу, доктора Манаева, верно-го общепризнанным демократическим и научным ценностям, оставить свою должность на факультете или уволиться.

Мы, нижеподписавшиеся, призываем академика Сергея Абаламейко, ректора Белорусского государственного университета, уважать свободу научной деятельности и достижения нашего коллеги, доктора Манаева, и гарантировать ему возможность продолжать работу. Одновременно мы обращаемся с призывом уважать академические свободы всех наших коллег в республике Беларусь.

Мы, нижеподписавшиеся, призываем Президента Александра Лукашенко и правительство страны не оказывать давление на университет с целью вынудить доктора Манаева уйти добровольно в отставку или добиться его увольнения.

Мы, нижеподписавшиеся, солидарны с нашими белорусскими коллегами и стремимся к научному сотрудничеству с ними, но мы можем сделать это, только если академические свободы существуют для всех.

(3)

Сайт «Белорусский партизан»
12.06.2010²⁷³

²⁷² Перевод выполнен Б. Докторовым и Н. Мазлумяновой.

²⁷³ См. <http://www.belaruspartisan.org/bp-forte/?page=100&backPage=13&news=63536&newsPage=0>.

*Профессора из разных стран мира
встали на защиту Олега Манаева*

Директор Школы журналистики и электронных СМИ университета Теннесси Питер Гросс и профессор этого же университета Карой Якубович выступили инициаторами международной акции в поддержку профессора факультета социологии Белорусского государственного университета Олега Манаева.

По всем университетам мира распространяется петиция с протестом против действий белорусских властей. Преподаватели считают, что изгнание Манаева из БГУ, где он проработал многие годы, является мстостью властей за его независимые социологические исследования. Этот подлый шаг, по мнению авторов петиции, может еще и лишить Манаева заслуженной пенсии.

Сейчас идет сбор подписей под обращением к ректору БГУ, а также в ЕС и Совет Европы. «Белорусский партизан» получил текст этого письма. В нем сказано: <...> (См. выше. — Ред.).

Представители разных университетов обращаются к профессору Сергею Абламейко, ректору Белорусского государственного университета, с призывом уважать академическую свободу и достижения Манаева, и гарантировать его длительную занятость.<...>

(4)

Полит.ру
29.06.2010²⁷⁴

*Профессиональный долг или политическая лояльность:
ученые всего мира выступили в защиту
белорусского социолога Олега Манаева*

Более ста ученых из 28 стран мира объединились для защиты известного белорусского социолога Олега Манаева, которому грозило увольнение с работы из Белорусского государственного университета по политическим причинам. Российские социологи Владимир Ядов, Борис Фирсов, Игорь Кон, Борис Дубин, Владимир Ильин, Елена Здравомыслова и другие коллеги также присоединились к письму в защиту своего коллеги.

Всего протест против возможных репрессий по отношению к белорусскому социологу подписали 125 исследователей из Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Израиля, Индии, Италии, Ирландии, Канады, Китая, Латвии, Нидерландов, Норвегии, Польши, России, Румынии, Словении, США, Туниса, Финляндии, Франции, Чехии, Швеции, Эстонии и Японии. (Список подписей под указанным Обращением протеста, опубликованный в Сети, см. ниже. — Ред.).

В поддержку О. Манаева также выступили Международная ассоциация исследователей медиа и коммуникации²⁷⁵ и Европейская ассоциация иссле-

²⁷⁴ См. http://www.polit.ru/science/2010/06/29/manaev_info.html

²⁷⁵ См. <http://iamcr.org/news/637-manaev>.

дователей коммуникации и образования²⁷⁶.

События вокруг социолога разворачивались следующим образом. 1 июня 2010 г. руководство Белорусского государственного университета, в котором О. Манаев работает, включая годы учебы, уже 40 лет, потребовало от него без объяснения причин написать заявление об увольнении «по согласию сторон». Требование было передано через декана факультета философии и социальных наук, профессором которого Манаев работает 18 лет.

В своем заявлении для прессы (см. ниже. — *Ред.*) социолог отметил, что *«отказался это сделать, поскольку никаких нарушений трудового законодательства или академической дисциплины не допускал, и замечаний не имею. К тому же до выхода на пенсию мне осталось всего полтора года»*.

На следующий день О. Манаеву было сказано, что он *«должен решить эту проблему в течение 10 дней»*. Узнав об этом, зарубежные коллеги Манаева инициировали сбор подписей под письмом-протестом, которое направили руководству БГУ и администрации президента Беларуси.

18 июня в ходе встречи О. Манаева с ректором БГУ, академиком Сергеем Абламейко и проректором Владимиром Ключей, ему было сказано, что у руководства вуза нет *«никаких претензий по преподавательской или научно-исследовательской работе»*. Однако руководители университета видели проблему в другом, как сотрудник государственного университета О. Манаев был обязан не предпринимать действий, выходящих за рамки государственной политики, но общался с различными структурами и лидерами оппозиции, которые *«проводят антигосударственную политику»*.

Манаев постарался объяснить, что как профессиональный социолог, изучающий белорусское общество, он встречается и обсуждает *«самые разные проблемы с самыми разными людьми, представляющими как власти, так и оппозицию. ...В этом — суть моей профессии, и в Беларуси, и в любой другой стране»*.

Он напомнил, что во время его работы в Независимом институте социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), он опубликовал несколько книг, десятки научных статей и интервью в СМИ по важнейшим проблемам развития белорусского общества, в том числе содержавшие критический анализ действий как властей, так и оппозиции. Работы О. Манаева широко цитируются различными политическими силами страны. В частности, упоминание исследований НИСЭПИ содержится и в апрельском послании президента Республики Беларусь А. Лукашенко, направленном белорусскому народу и Национальному собранию. («Полит.ру»: действительно, в тексте послания есть такие строки А.Л. *«Я вам скажу честно, что я сегодня не знаю своих кандидатов. Но завтра определил себе время, чтобы мне принесли все их биографии, где работали и как. Поручил уточнить (ненормально, когда Президент даже не знает, что там за кандидат). И я приду еще раз и на их портреты посмотрю на участке, но я осознанно буду голосовать, насколько это возможно, определив для себя кандидата. И что там сегодня кричать? НИСЭПИ какой—то сделал исследование, что 30 процентов не знает*

²⁷⁶ См. <http://www.ecrea.eu/news/article/id/91>.

кандидатов... *Не волнуйтесь, мы узнаем*»)²⁷⁷.

По словам О. Манаева, эти доводы не убедили руководителей БГУ. Ему было сказано, что *«вопрос об увольнении сейчас не стоит»*, но он *«должен придерживаться указанных рамок»*. Социолог считает, что руководство вуза напрямую связывает возможность его дальнейшей работы в БГУ с его политической лояльностью, *«причем речь идет не столько о работе в стенах университета, сколько за его пределами»*.

Манаев подчеркивает, что высоко ценит свою alma mater и старается, чтобы новые поколения студентов испытывали к ней такие же чувства, но, по его мнению, не может следовать каким-либо идеологическим или политическим «рамкам» в своей профессиональной деятельности, даже ради сохранения работы. Это бы противоречило его профессиональному и гражданскому долгу.

В своем заявлении О. Манаев выразил признательность всем коллегам, выступившим в его защиту. У него *«нет никаких сомнений, что именно их солидарный голос если не остановил, то хотя бы замедлил процесс моего увольнения по согласию сторон»*.

По информации «Полит.ру» письма в поддержку О. Манаева были направлены не только руководству БГУ, но и в администрацию А. Лукашенко, в большинство посольств в Минске и ряд политических структур в США и Европе.

В своем комментарии «Полит.ру» Ольга Терещенко, зав. кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук БГУ, где работает О. Манаев, отметила, что *«18 июня О.Т. Манаев встречался с ректором БГУС.В. Абламейко, который заявил, что вопрос о его увольнении не стоит. До этого на кафедру по официальным каналам никакой информации не поступало»*.

Она также сообщила, что социолог *«был избран на очередной срок на должность профессора весной 2007 г. и подписал контракт на 5 лет, т.е. до 2012 г.»*.

В комментарии подчеркивается, что *«2007-2008 и 2008-2009 учебные годы О. Манаев провел в университетах США, однако БГУ должность за ним сохранил. С сентября 2009 г. профессор Манаев снова работает в БГУ, на следующий учебный год ему планируется полная нагрузка»*.

«Полит.ру» будет следить за развитием событий.

(5)

Список подписей под Обращением в защиту О. Манаева

1. Dr. Andrey Alekseev, independent researcher (Russia)
2. Dr. Paul Ashdown, University of Tennessee (U.S.A.)
3. Dr. Rem Barantsev, St.-Petersburg University (Russia)
4. Dr. Benjamin Bates, University of Tennessee (U.S.A.)
5. Dr. Ralph Beliveau, University of Oklahoma (U.S.A.)

²⁷⁷ См. <http://www.president.gov.by/press86246.html#doc>.

6. Dr. Maria Belousova, Independent researcher (Russia, U.S.A.)
7. Dr. Robert Beveridge, Edinburgh Napier University (UK)
8. Ms. Lisl Biggs-Davison, Center for Research into Post-Communist Economies (UK)
9. Dr. Hans Bohrmann, University of Dortmund (Germany)
10. Dr. Jerome Bourdon, Tel Aviv University (Israel)
11. Dr. Udo Branahl, University of Dortmund (Germany)
12. Dr. Andrzej Brzeski, University of California Davis (USA)
13. Dr. Seffen Burkhardt, University of Hamburg (Germany)
14. Dr. Nico Carpentier, European Communication Research and Education Association (Belgium)
15. Dr. Edward Caudill, University of Tennessee (U.S.A.)
16. Dr. Mihai Coman, University of Bucharest (Romania)
17. Dr. Farrel Corcoran, Dublin City University (Ireland)
18. Dr. Peter Dahlgren, Lund University (Sweden)
19. Dr. Henri-Jos Deulofeu, Universite Aix-Marseille I (France)
20. Dr. Sumedha Dhani, Maharshi Dayanand University, Rohtak (India)
21. Dr. Ainars Dimants, School of Business Administration, Turība (Latvia)
22. Dr. Vilaly Dmitriyevski, State Institute of Art (Russia)
23. Dr. Boris Doktorov, Independent Analyst (U.S.A.)
24. Dr. John D.H. Downing, Southern Illinois University (U.S.A.)
25. Dr. Boris Dubin, Levada-Center (Russia)
26. Dr. Claus Eurich, University of Dortmund (Germany)
27. Dr. Susanne Fengler, University of Dortmund (Germany)
28. Dr. Riadh Ferjani, University of Tunis – Manouba (Tunis)
29. Dr. Boris Firsov, Honorable Rector, European University, St. Petersburg (Russia)
30. Dr. Peter Gade, University of Oklahoma (U.S.A.)
31. Dr. Valentin Geftir, Institute for Human Rights (Russia)
32. Dr. Tomasz Goban-Klas, Jagiellonian University (Poland)
33. Dr. Anna Gotlib, Samara State University (Russia).
34. Dr. Peter Gross, University of Tennessee (U.S.A.)
35. Dr. Oliver Hahn, University of Applied Sciences (Germany)
36. Dr. Daniele C. Hallin, University of California (U.S.A.)
37. Dr. Phillip Hanson, Royal Institute of International Affairs-Chatham House (UK)
38. Mr. Miklos Haraszti, (former) Office of Security and Cooperation in Europe Representative on Freedom of the Media (Hungary)
39. Dr. Uwe Hasebrink, Hans Bredow Institute, Hamburg (Germany)
40. Dr. Michitaka Hattori, Institute for Russian & NIS Economic Studies (Japan)
41. Dr. Francois Heinderyckx, European Communication Research and Education Association (Belgium)
42. Dr. Jurgen Heinrich, University of Dortmund (Germany)
43. Dr. Elizabeth Hendrickson, University of Tennessee (U.S.A.)
44. Dr. John Hochheimer, Southern Illinois University (U.S.A.)

45. Dr. Svernik Hoyer, University of Oslo (Norway)
46. Dr. Pertti Hurme, University of Jyväskylä (Finland)
47. M. François-Xavier Hutin, Ouest-France (France)
48. Dr. Vladimir Ilyin, St.-Petersburg State University (Russia)
49. Dr. Grigory Ioffe, Radford University (U.S.A.)
50. Dr. Per Jauert, Aarhus University (Denmark)
51. Dr. Karol Jakubowicz, (former) Chairman of the Intergovernmental Council of the Information for All Programme of UNESCO (Poland)
52. Dr. Josiane Jouet, Institut Française de Presse (France)
53. Dr. Antoni Kaminski, Institute of Political Studies, Polish Academy of Sciences (Poland)
54. Dr. Richard Lance Keeble, University of Lincoln (UK)
55. Dr. Abdur Razzaque Khan, The University of Hong Kong (China)
56. Dr. Elizabeth Klaus, University of Salzburg (Austria)
57. Dr. Hans Kleinstüber, University of Hamburg (Germany)
58. Dr. Beata Klimkiewicz, Jagiellonian University (Poland)
59. Dr. Igor Kon, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Russia)
60. Dr. Gerd Kopper, University of Dortmund (Germany)
61. Dr. Vladimir Kostyushev, State University – Higher School of Economics (Russia)
62. Dr. Dean Kruckeberg, University of North Carolina at Charlotte (U.S.A)
63. Dr. Epp Lauk, University of Jyväskylä (Finland)
64. Dr. Marju Lauristin, University of Tartu (Estonia)
65. Dr. Roman Lenchovski, Kiev International Institute of Sociology (Ukraine)
66. Dr. Mark Littmann, University of Tennessee (U.S.A.)
67. Dr. Julia Loennendonker, University of Dortmund (Germany)
68. Dr. Catherine Luther, University of Tennessee (U.S.A.)
69. Dr. Klaus Maier, University of Dortmund (Germany)
70. Dr. Robin Mansell, London School of Economics (UK)
71. Dr. Tristan Mattelart, University of Paris (France)
72. Dr. Richard Maxwell, Queens College – City University of New York (U.S.A.)
73. Dr. Natalia Mazlumyanova, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia).
74. Dr. Gianpietro Mazzolini, Università degli Studi di Milano (Italy)
75. Dr. Dennis McQuail, University of Amsterdam (Netherlands)
76. Dr. Eileen R. Meehan, Southern Illinois University (U.S.A.)
77. Dr. Bernard Miège, Université Stendhal – Grenoble3 (France)
78. Dr. Sabina Mihelj, Loughborough University (UK)
79. Dr. Toril Moi, Duke University (U.S.A.)
80. Dr. Peter Molnar, Central European University (Hungary)
81. Dr. Barbara Moore, University of Tennessee (U.S.A.)
82. Dr. Inka Salovaara Moring, University of Helsinki (Finland)
83. Dr. Tom Moring, University of Helsinki (Finland)
84. Dr. Alina Mungiu-Pippidi, Hertie School of Governance (Germany)

85. Dr. Yuly Nisnevich, State University – Higher School of Economics (Russia)
86. Dr. James Nixey, Royal Institute of International Affairs-Chatham House (UK)
87. Dr Andrzej Nowosad, Jagiellonian University (Poland)
88. Dr. Alexander Osipov, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia)
89. Dr. Claudia Padovani, University of Padova (Italy)
90. Dr. David Paletz, Duke University (U.S.A.)
91. Mr. Gabriel M. Paletz, The Prague Film School (Czech Republic)
92. Dr. Michael Palmer, Universit de la Sorbonne Nouvelle (France)
93. Dr. Ingrid Paus-Hasebrink, University of Salzburg (Austria)
94. Dr. Anbarasan Perumal, Tezpur University (India)
95. Dr. Thomas Peterson, Institut fur Demoskopie Allensbach (Germany)
96. Dr. Horst Pottker, University of Dortmund (Germany)
97. Dr. Marc Raboy, McGill University (Canada)
98. Dr. Laura Ranca, Loughborough University (UK)
99. Dr. Kay Richardson, University of Liverpool (UK)
100. Dr. Alfred Sarno, University of Tampere (Finland)
101. Dr. Teresa Sasinska-Klas, Jagiellonian University (Poland)
102. Dr. Roland Schroeder, BiTS University of Applied Science (Germany)
103. Dr. Charles Self, University of Oklahoma (U.S.A.)
104. Dr. Hedwig de Smaele, Hogeschool – Universiteit Brussel (Belgium)
105. Dr. Krassen Stanchev, Institute for Market Economics (Bulgaria)
106. Dr. Jessica Thern Smith, University of Tennessee (U.S.A.)
107. Dr. Colin Sparks, University of Westminster (UK)
108. Dr. Slavko Splichal, University of Ljubljana (Slovenia)
109. Dr. James Stovall, University of Tennessee (U.S.A.)
110. Dr. Miklos Sukosd, University of Hong Kong (China)
111. Dr. Jakob Svensson, Karlstad University (Sweden)
112. Dr. Marie Claude Taranger, Universite Aix-Marseille I (France)
113. Dr. Dwight Teeter, University of Tennessee (U.S.A.)
114. Dr. Alexander Tikhonov, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia)
115. Dr. Josef Trappel, University of Salzburg (Austria)
116. Dr. Mohammad Sahid Ullah, Chittagong University (Bangladesh)
117. Dr. Peeter Vihalemm, University of Tartu (Estonia)
118. Dr. Katrin Voltmer, University of Leeds (UK)
119. Dr. Viktor Voronkov, The Centre for Independent Social Research (Russia)
120. Dr. Dwayne Winseck, Carleton University (Canada)
121. Dr. Michael O. Wirth, University of Tennessee (U.S.A.)
122. Dr. Chistropher Wohlwend, University of Tennessee (U.S.A.)
123. Dr. Holger Wormer, University of Dortmund (Germany)
124. Dr. Vladimir Yadov, (former) Director, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia)
125. Dr. Elena Zdravomyslova, European University, St. Petersburg (Russia)

126. Dr. Michael Fitzgerald, University of Tennessee (U.S.A.)
127. Dr. Algirdas Degutis, Institute of Culture, Philosophy and Art (Lithuania)
128. Dr. Andrew Irvine, Maryville College (U.S.A.)
129. Dr. Viktor Sheinis, Institute for World Economics and International Relations, Russian Academy of Sciences (Russia)
130. Dr. Annabelle Sreberny, President of the International Association for Media and Communication Research (UK)

(6)

*Заявление профессора Манаева
(полный текст)*

1 июня 2010 г. руководство Белорусского государственного университета, в котором я работаю (включая годы учебы) 40 лет, через декана факультета философии и социальных наук, где я работаю профессором последние 18 лет, потребовало от меня написать заявление об увольнении «по согласию сторон» без объяснения каких-либо причин. Я отказался это сделать, поскольку никаких нарушений трудового законодательства или академической дисциплины не допускал, и замечаний не имею. К тому же до выхода на пенсию мне осталось всего полтора года. На следующий день мне было сказано, что «я должен решить эту проблему в течение 10 дней». Узнав об этом, мои зарубежные коллеги инициировали сбор подписей под письмом-протестом, которое направили руководству БГУ и администрации президента.

18 июня, наконец, состоялся прямой разговор с ректором академиком Сергеем Абламейко и проректором Владимиром Ключней. Мне было сказано, что «никаких претензий по преподавательской или научно-исследовательской работе» ко мне нет. Проблема в другом. Как сотрудник государственного университета я «обязан не предпринимать действий, выходящих за рамки государственной политики». В качестве таких действий расцениваются мои контакты с различными структурами и лидерами оппозиции, которые «проводят антигосударственную политику». Я пытался объяснить, что, как профессиональный социолог, изучающий белорусское общество, встречаюсь и обсуждаю самые разные проблемы с самыми разными людьми, представляющими как власти, так и оппозицию. Если кого-то интересует мое мнение, я высказываю его независимо от политических взглядов своих собеседников. В этом — суть моей профессии, и в Беларуси, и в любой другой стране. Так, во время моей работы в НИСЭПИ, я опубликовал несколько книг, десятки научных статей и интервью в СМИ по важнейшим проблемам развития белорусского общества, в том числе содержавшие критический анализ действий как властей, так и оппозиции. Примеры их использования различными политическими силами бесчисленны. Один из последних — упоминание исследований НИСЭПИ в апрельском Послании президента белорусскому народу и Национальному собранию.

Однако эти доводы не убедили руководителей БГУ. Мне сказали, что «вопрос об увольнении сейчас не стоит», но я «должен придерживаться установленных рамок». Это значит, что дальнейшая работа в БГУ оказывается в зависимости от моей политической лояльности, причем речь идет не столько

о работе в стенах университета, сколько за его пределами. Я высоко ценю свою alma mater и стараюсь, чтобы новые поколения студентов испытывали к ней такие же чувства. Но следовать каким-либо идеологическим или политическим «рамкам» в своей профессиональной деятельности, даже ради сохранения работы, не буду — это противоречит моему профессиональному и гражданскому долгу.

Выражаю также самую искреннюю признательность зарубежным коллегам за понимание и поддержку моей деятельности. Нет никаких сомнений, что именно их солидарный голос если не остановил, то хотя бы замедлил процесс моего увольнения «по согласию сторон».

Минск, 20 июня 2010 г.

Вышеприведенные тексты Обращения в защиту О. Манаева и его собственного заявления см. также на белорус. яз. на сайте «Arche» (21 июня 2010 г.)²⁷⁸. То же на русском языке — на сайте НИСЭПИ²⁷⁹.

(7)

*Из рассылки от 30.06.2010
«По следам вашего выступления
в поддержку О. Манаева»*

Уважаемые коллеги!

Сообщаю Вам, что текст подписанного вами, в числе 125 ученых из 30 стран, инициированного проф. П. Гроссом из Университета Теннесси (США) Открытого письма в поддержку белорусского социолога Олега Манаева, заявление самого О. Манаева, а также информация о событиях вокруг недавней попытки его увольнения из Белорусского гос. университета, как акта политического по существу преследования, вызвавшего активную реакцию протеста и защиты со стороны международной научной общественности, — все эти материалы ныне опубликованы на одном из популярнейших российских информационно-аналитических порталов — Полит.ру, 29.06.2010.

С этими материалами можно ознакомиться по сетевым ссылкам:

http://www.polit.ru/science/2010/06/29/manaev_info.html

http://www.polit.ru/dossie/2010/06/29/letter_insupport_omanaev.html

http://www.polit.ru/dossie/2010/06/29/manaev_zayavl.html

(См. выше. — Ред.)

<...> (Здесь опущен краткий пересказ упомянутых документов. См. их — полностью — выше. — Ред.)

²⁷⁸ См. <http://www.arche.by/by/26/10/2483/%D0%B7%D0%B0%D1%8F%D0%B2%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D1%84%D1%8D%D1%81%D0%B0%D1%80%D0%B0-%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B0.htm>.

²⁷⁹ См. на сайте НИСЭПИ: <http://www.iiseeps.org/>. Точечные адреса: Обращение в защиту О. Манаева — <http://www.iiseeps.org/pressa2.html>; Заявление О. Манаева — <http://www.iiseeps.org/pressa1.html>.

Как видите, в деле защиты академических и внеакадемических свобод: а) каждый из нас был не одинок; б) коллективное действие не было безэфективным.

...Не зря старались. Всем спасибо!

Андр. Алексеев. 30.06.2010

(8)

А. Алексеев – <...>

...Что касается акции в защиту О. Манаева, то она полезна для него не больше, чем для других ее участников. Благодарить значит *благо*-дарить, стало быть – обратимый процесс для всех акторов (субъектов и объектов). <...> 30.06.2010.

***

Р. Ленчовский – А. Алексееву

<...> Вчера три часа проговорили с Олегом Манаевым, который приехал в Киев по каким-то делам на один день. Весь вечер, а потом на поезд проводил. Тем было – как раз на три часа, еще и не хватило... <...> Спасибо Тебе за такого *Со-беседника*!

Одна из самых важных тем (и вообще, и в свете «Профессия – социолог...», как для нашей книжки, так и по сути проблематики профессионального этоса) – взаимоотношения с близкими коллегам <...>.

Всеобщий, так сказать, механизм: «Мы все понимаем, что там у тебя крутится, ты, конечно, хороший парень, но нечего выпендриваться со своими «принципами» и – *нас подводить*». (Это я резюмирую своими словами.)

Иначе говоря, у этого последнего «События («случая») О. М.» – большие *рефлексивные* перспективы (о практических говорить сейчас трудно). <...> 30.06.2010.

А. Алексеев – Р. Ленчовскому

<...> Вот и познакомились герой с автором (со-автором). Очень тому рад.

Рефлексивный потенциал этого «случая» действительно богат. Насчет «Ты – хороший парень, но нас не подводи» – знакомо с советских времен. И не так уж непотребна эта логика. Нонконформист проходит по лезвию бритвы между восхищением и отчуждением. Он знает как надо ЕМУ, но не как надо ВСЕМ. А всем – не надо. И – бойся тех, кто знает как не самому себе, но ИМ надо (жить и поступать).

Волею обстоятельств вы с Олегом теперь не только *со-беседники*, но и *со-участники*. Это еще дороже стоит. <...>. 30.06.2010.

О. Манаев – А. Алексееву

<...> Да, был очень рад теперь уже прямому знакомству с Романом, мы хорошо пообщались, вспомнили общее прошлое, помечтали об общем будущем. После моего Заявления пока все тихо, коллеги (только вчера была последняя

кафедра этого года) — ни звука, зато студенты пишут, выражают поддержку, готовность писать свое коллективное письмо в защиту и пр. (Я их, конечно, отговорил, т. к. могут испортить себе карьеру на годы). Так что совсем покинутым я тут себя не чувствую. Если будет что новое — сообщу. <...> 1.07.2010.

Приложение 6 к главе 6

Памяти Валентины Чесноковой (1934-2010)²⁸⁰

В Москве 27 июня 2010 года накануне своего 76-летия скончалась социолог Валентина Федоровна Чеснокова. К сожалению, так произошло, что при жизни о ней мало говорили. А наследие ее — значимо. По ее переводам новосибирские ученые знакомились с работами американских и польских социологов, ею внесен серьезный вклад в изучение особенностей российского менталитета и религиозного сознания россиян. Много доброго ею было сделано по линии правозащитной движения.

Основные ее работы были опубликованы уже после перестройки. Это — три книги: Касьянова Ксения (В. Ф. Чеснокова). О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994; Чеснокова В. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект. 2005; Чеснокова В. Ф. Язык социологии. М.: Изд-во ОГИ. 2010.

При подготовке этого раздела частично использовались материалы, размещенные на Полит.ру: <http://www.polit.ru/story/chesnokova.html>.

Андрей Алексеев, Борис Докторов

Валентина Федоровна Чеснокова была совершенно удивительным человеком, прекрасным переводчиком, вела самостоятельную работу. Я с Величайшим уважением к ней отношусь. У нее были очень интересные исследования и очень интересные взгляды.

Т. И. Заславская

Для многих она стала духовным учителем

27 июня 2010 года умерла Валентина Федоровна Чеснокова. У нее не было научных званий и степеней, но ее вклад в отечественную социологию,

---

²⁸⁰ Настоящая подборка материалов памяти В. Ф. Чесноковой опубликована в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, № 4.

Об авторах:

Синелина Юлия Юрьевна, докт. социол. наук, руководитель отдела социологии религии, Институт социально-политических исследований РАН (Москва);

Белановский Сергей Александрович, канд. эконом. наук, директор по исследованиям Центра политического консультирования «Никколо М» (Москва);

Блехер Леонид Иосифович, Фонд «Общественное мнение» (Москва).

культурологию, социальную психологию очень велик.

В. Ф. Чеснокова родилась 28 июня 1934 года в Томске. После школы закончила исторический факультет, затем аспирантуру Ленинградского университета по специальности история СССР. Работала в самых разных уголках Советского Союза — в Нарьян-Маре, на Дальнем Востоке, в Новосибирске, в Москве. Ее жизненный путь складывался непросто: сказалась тяжелая болезнь с юности, в советских условиях ей приходилось трудно и из-за того, что она была глубоко верующим человеком. В 31 год, работая старшим преподавателем во Владивостокском отделении МИНХ им. Плеханова, уже готовясь к защите диссертации, Валентина Федоровна совершила поступок, перечеркнувший ее научную карьеру, — заказала панихиду по умершей матери и за это была уволена с работы по идеологической статье.

Ей пришлось работать посудницей, старшим техником, и только в 1967 году она смогла вернуться к научной деятельности в новосибирском Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭ и ОПП) Сибирского отделения Академии наук СССР, куда ее приняла Т. И. Заславская. Именно здесь началось знакомство Валентины Федоровны с социологией. Она занималась переводами Т. Парсонса, Ч. Кули, Б. Малиновского, Ф. Знанецкого, что в те годы было для только зарождавшейся советской социологии делом первостепенной важности. В 1973 году В. Ф. Чеснокова переезжает в Москву.

Четырьмя годами позже она становится старшим научным сотрудником НИИ культуры, где и проработала до выхода на пенсию в 1990 году. Такова внешняя, событийная канва жизни Валентины Федоровны. Но она еще не дает представления о содержании ее научной деятельности.

Основная сфера научных интересов В. Ф. Чесноковой — углубленное изучение русского национального характера. Эта тематика не вписывалась в рамки официальной советской социологии и культурологии, и потому Валентина Федоровна с самого начала была обречена на то, чтобы писать без расчета на публикацию своих трудов. Но это ее несколько не останавливало. Никто до нее не только в Советском Союзе, но и в мировой науке не занимался исследованием русского национального характера с социологической точки зрения. Она здесь — первооткрыватель, первопроходец. Она первая начала в строго научном ключе разрабатывать эту тему, которая прежде сводилась к интересным в одних случаях и банальным в других рассуждениям относительно «загадочности» русской души и вырастающей из нее русской культуры.

В. Ф. Чеснокова ввела в научный оборот понятие «социального архетипа», на основе анализа тестов ММРІ (Миннесотский многофакторный личностный опросник) выявила обусловленную устойчивыми личностными качествами определенную модель поведения, свойственную русским, и, опираясь на эту модель, реконструировала ценностную систему, систему социальных норм и санкций, которые являются определяющими для русской культуры. Кто мы такие? Чем отличаемся от других? В чем наша сила и наша слабость? Социологически обоснованные ответы на эти вопросы можно найти в главной книге В. Ф. Чесноковой — «О русском национальном ха-

рактере». Книга в основной своей части была написана в конце 70-х годов, окончательно завершена в начале 80-х, а впервые опубликована в 1994 г. Она вышла под псевдонимом Ксения Касьянова, и многие до сих пор не знают, что автор этой новаторской, прорывной работы в области социологии русской культуры — В. Ф. Чеснокова.

Книга «О русском национальном характере» была написана абсолютно свободно, без всякой оглядки на тогдашнюю официальную идеологию и цензурные запреты. И эта внутренняя свобода, бесстрашие мысли в сочетании с аналитической глубиной и безупречной четкостью суждений, исследовательской страстностью и высочайшей интеллектуальной и моральной ответственностью всегда оставались отличительными чертами научного стиля Валентины Федоровны, неотторжимыми от ее личностных, человеческих качеств.

В 90-е годы, в начавшуюся эпоху массовых опросов, В. Ф. Чеснокова сотрудничала с Фондом «Общественное мнение», где под ее руководством были проведены одни из первых всероссийских социологических исследований, посвященных выявлению степени религиозности населения. Она фактически ввела, операционализировала в отечественной социологии религии понятие «воцерковленности», разработала «индекс воцерковленности» (В-индекс), выстроила методику проведения исследований такого рода, основанную прежде всего на изучении религиозного поведения, которое гораздо легче поддается фиксации и анализу, чем непосредственные показатели религиозности сознания, зондаж которых нередко оказывается с методической точки зрения довольно сомнительным. В книге «Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века» (2005), вышедшей уже под ее именем, В. Ф. Чеснокова на полученном эмпирическом материале не только отследила многофакторный процесс изменения уровня религиозности населения в постсоветской России за период с 1992 по 2002 год, но и дала свое понимание этого явления. В этом же исследовании представлена разработанная ею методика изучения ценностных установок личности.

Последняя из больших опубликованных работ В. Ф. Чесноковой, книга «Язык социологии» (2009), — это цикл лекций по истории зарубежной социологической науки. История социологических идей представлена здесь через портреты крупнейших социологов мира. Книга читается на одном дыхании не только потому, что автор блестяще высвечивает самое главное и оригинальное в рассматриваемых теориях, но и потому, что эти лекции пронизаны личностной интонацией, передают увлеченность социологией самой Валентины Федоровны.

В. Ф. Чеснокова была удивительным человеком. Многие приходили к ней — послушать ее, обменяться мнениями, подискутировать, посоветоваться, поделиться. Она помогла большому числу людей изменить, устроить свою жизнь, справиться с серьезными внутренними проблемами. Для многих она стала духовным учителем.

Валентина Федоровна Чеснокова прожила трудную, но удивительно плодотворную жизнь. Светлая ей память.

Юлия Синелина

***

*Валентина Федоровна была человеком
очень необычным, оригинальным*

1.

Когда мы познакомились, Валентине Федоровне было 44 года, а мне около 25. Это произошло в той среде, где читали запрещенную или не публикуемую тогда литературу. В частности, это могли быть зарубежные социологические труды, их переводы, которые не были запрещены, но и не публиковались, ходили по рукам, как самиздат. В той среде были люди из числа гуманитарных ученых, которые были старше, но с удовольствием общались с заинтересованной молодежью, проводили семинары, делились литературой, делились своими знаниями в личном общении. Валентина Федоровна относилась к числу таких людей.

В те годы подавляющая часть советских гуманитариев были специалистами по диамату-истмату, очень специфичные люди, но людей по-настоящему, на мировом уровне образованных, среди них было немного. Тех, кто имел вкус к работе с интересующейся молодежью, было мало, но Валентина Федоровна — была из их числа. Я часто бывал у нее дома и всегда видел в ней человека, более образованного, чем я.

В то время среди философов и среди социологов той категории, о которой я говорю, было принято знать не только свой предмет, но и методологию науки, которая по линии философии восходит к работам К. Поппера, а по линии социологии — Т. Парсонса. Ученых этой группы отличало ясное, дисциплинированное и логичное мышление, сейчас это качество, на мой взгляд, в российском гуманитарном сообществе сильно утрачено.

Валентина Федоровна, при ее знании социологической теории с самых азов, была одним из наиболее эрудированных и глубоких знатоков зарубежных социологических трудов. Она была не только социологом и уникальным знатоком социологической теории, но и уникальным переводчиком. В частности, она перевела Парсонса больше, чем все остальные, кто занимался этой работой.

Валентина Федоровна была человеком очень необычным, оригинальным. Не только крупным ученым, но и верующим, высоко воцерквленным человеком.

2.

Думаю, что главной работой Валентины Федоровны Чесноковой является ее книга «О русском национальном характере», изданная в Москве в 1994 году. Фрагменты этой книги, опубликованной небольшим тиражом под псевдонимом Ксения Касьянова, можно прочесть в сети, потому буду говорить не о ее содержании, а о ряде общих моментов, связанных с появлением работы и ее значением. Я участвовал в сборе информации для этой работы, читал разные варианты рукописи, переплетал машинописные экземпляры. Пришлось делать и фотокопию, чтобы переправить текст через знакомую француженку в один из русских зарубежных журналов. Было это все в 70-х годах.

Книга Чесноковой — пионерная. И это автоматически делает ее уязвимой для критики как с методической, так и методологической точек зрения. Но таково свойство всех пионерных работ.

Несмотря на оригинальность и значимость работы Чесноковой, судьба ее книги трагична по двум причинам. В доперестроечное время советскими социологами не изучалась тема русской культуры. Причин было много, как научных, так и идеологических. Во-первых, акцентирование значения, специфики той или иной национальной культуры часто трактовалось как попытка ее противопоставления советскому интернационализму, единству общесоветской культуры. Во-вторых, как глубоко верующий человек Валентина Федоровна не могла не связывать русскую культуру и личность русского человека с православием. Что не могло приветствоваться в те годы.

Чеснокова и люди из ее окружения многое делали для распространения ее работы. Помогали перепечатывать рукопись, направляли книгу многим социологам. Я точно знаю, что Валентина Федоровна встречалась и обсуждала свою работу с Ю. А. Левадой, кажется, ее передавали и В. А. Ядову. Серьезно отнесся к книге Л. А. Гордон, который организовал семинар для обсуждения этой работы. Но, по сути, профессиональное сообщество не среагировало на это исследование Чесноковой...

Сергей Белановский

***

*Несколькими словами очень трудно рассказать
о близком человеке, которого знаешь 30 лет*

С Валентиной Федоровной Чесноковой меня познакомил в конце 70-х годов известный социолог сейчас, а тогда только молодой и начинающий, Сергей Белановский. Валентина Федоровна начинала работу с тестами об ММРІ с попыткой в результате их обработки выяснить какие-то культурные составляющие, культурные особенности русского национального характера. Из этого исследования впоследствии вышла ее самая известная книга о русском национальном характере. Я математик-программист, и Белановский просил меня помочь Валентине Федоровне с обработкой. Надо обрабатывать сотни и сотни этих самых тестов; тесты ММРІ гигантские, это 560 вопросов.

Как старший товарищ, она водила меня по Москве, рассказывала много. Привила мне вкус к настоящей истории и социологии, я этим интересовался и она мне очень помогла. Потом она привела меня в церковь и стала моей крестной. У этого были две причины: Валины беседы, которые производили на меня очень сильное впечатление, и то, что в то время я сотрудничал в так называемом Русском общественном фонде, это Солженицынский фонд помощи политзаключенным и их семьям. Мой крестный — один из сотрудников этого фонда, это такая организация, работа в которой показывает, что Бог существует, тут уже ничего не перепутаешь.

Я помогал Валентине Федоровне издавать ее книги. Большая честь для меня, что я к этому имел какое-то отношение. Это книга о русском национальном характере, поэма «О первом дне Великого Поста» и только что из-

данная книга в издательстве ОГИ «Язык социологии» — великолепная книга, последняя книга. Кроме того, Валентина Федоровна была сотрудником, консультантом фонда «Общественное мнение» в течение десятилетий. На основании исследований Фонда была издана ее книга «Тесным путем». Это анализ процессов воцерковления населения России в конце XX века.

Валентина Федоровна Чеснокова была чрезвычайно умным и проницательным человеком. Ее отличала невероятная мощь мыслительной работы и умение нетривиально мыслить.

Леонид Блехер

***

*Суперпрофессионал, замечательный эрудит
и очень глубокий ум*

...Валю Чеснокову я знал по Новосибирску, потом — в Москве; и очень ее чту. Суперпрофессионал, замечательный эрудит, таких знатоков классической западной социологии по пальцам перечесть, и очень глубокий ум. Кстати, не снизошедшая даже до кандидатской диссертации. Многое забудется через десяток-другой лет, а ее три книги будут изучать и через полстолетия.

Считаю уместным привести здесь фрагменты из «Драматической социологии и драматической ауторефлексии» (СПб.: Норма, 2003-2005):

1.

Из предисловия²⁸¹:

...И еще об одном прецеденте, произведшем на меня пять лет назад сильное впечатление и отчасти стимулировавшем написание этой книги, хочется здесь сказать. Это — «записки социолога» В. Ф. Чесноковой, опубликованные в журнале «Знание-сила» (1995, №№ 8-11).

Пожалуй, это образец интеллектуальной биографии, написанной социологом, — во всеоружии своего социологического знания и опыта, однако вовсе не о своем пути в социологию или в ней самой, а об истоках собственного мироощущения и жизнеотношения в целом. При том, что само по себе жизнеотношение автора «записок» может показаться диаметрально противоположным тому, которое являл собой автор настоящей книги в период «эксперимента социолога-рабочего» (как, впрочем и до, и — отчасти — после). Валентина Чеснокова так определяет своего рода оппозицию двух мироощущений, соответственно, ощущений «себя в мире»:

«Чисто интеллигентское мироощущение представляет собой правильную оппозицию крестьянскому: оно исходит из посылки о познаваемости мира и о необходимости внести в него смысл извне. Отсюда идея о переустройстве мира, сугубо интеллигентская идея. Крестьянское мироощущение может вместить в себя только идею о возвращении мира, отклонившегося от своего первоначального состояния, в правильную колею, однако ни в коем случае не идею о переустройстве его на

²⁸¹ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 40-42). (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf).

основании каких-то принципов, порожденных человеческим разумом. Крестьянское мироощущение не признает за человеческим разумом таких верховных прерогатив, и для него первоначальный смысл в мире, а вовсе не во мне...» (Знание – сила, 1995, № 8, стр. 114).

Проследив корни собственного мироощущения в обстоятельствах собственной жизни, в частности, на ранних этапах социализации («крестьянское» мироощущение – от матери; отец же, носитель «интеллигентского – размышляющего и критического – начала, фактически исчез из моей жизни очень рано...»), В. Чеснокова пишет:

«...Напыщенные панегирики личности, героически борющейся с миром или гениально ее творящей, столь распространенные в нашем веке, благополучно прошли через меня, не привившись по-настоящему... Что бы там ни говорили апологеты героической личности и как бы ни высмеивали они теории «винтиков» и «кирпичиков», я теперь, умудренная жизнью, смотрю на это спокойно, в свою очередь посмеиваясь над их беззаветной верой в человеческий разум (различные мироощущения склонны потешаться друг над другом: что естественно для одного, другому кажется чудовищным), и выполняю в мире ту функцию, которая мне более всего свойственна, – охранительную по отношению к слишком рьяным творцам. По-моему, человек всегда должен стремиться выбирать себе в жизни место в соответствии со своим мироощущением, тогда он чувствует себя наиболее легко и естественно, в полном смысле слова «на своем месте» (*выделено мною.* – А. А.). А другие пусть выполняют другие функции...» (Там же, с. 115).

Различая понятия «мироощущение» и «мировоззрение», моя коллега очень точно замечает:

«...А мировоззрение нам давали школы, литература, средства массовой коммуникации. И оно несколько раз в моей жизни кардинально менялось. Переоценивались ценности. Только мироощущение оставалось неизменным. Что-то, значит, есть в нас такое устойчивое, на всю жизнь. И, оказывается, это устойчивое – не материя, не слово и не мысль, а чувство. Никогда бы не подумала!» (Там же, с. 115).

С этим выводом я полностью согласен, и не только умозрительно, а извлекая его из собственного опыта социологической ауторефлексии, пытаясь понять, где же внутренняя (а не просто биографическая!) связь между столь различными состояниями структуры жизнедеятельности в различные периоды жизни.

...Интересно, что этот вывод может быть распространен и за пределы личности. Он существенно резонирует и с нашими рассуждениями о соотношении социальной «наследственности» и «изменчивости» (см. выше). Только там приходится говорить уже не об индивидуальном мироощущении, а о групповом, коллективном, социальном сознании, менталитете, а в конечном счете – мироотношении, которое если и меняется, то вне прямой связи с мировоззренческими или даже социоэкономическими трансформациями.

2.

Ответы В. Ф. Чесноковой на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» (1979)²⁸²:

²⁸² См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 4, с. 449-450. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_400-517.pdf).

<...> Главной тенденцией, по нашим наблюдениям, является разочарование населения в своих ожиданиях, разочарование именно населения в целом, а не только интеллигенции. В частности, разочарование по линии дефицита продуктов питания и товаров. Наряду с этим сильное ослабление стимулов, мотивирующих к производительному труду. Общее безразличие к процессу и результатам труда. Далее, усиление пьянства (тут, как будто за последнее время произошел качественный скачок). Переход пьянства на «женскую половину».

Кроме того, ряд тенденций, общих для многих обществ, не только для нашего, но <...> в нашем приобретающих обостренные формы.

Урбанизация и связанное с этим нарушение механизмов социального контроля и социализации – сильное отчуждение людей друг от друга. <...> Процесс индивидуализации образа жизни. При неумении налаживать общественные средства массовой информации способствуют разобщению людей. Своего рода общая размотивация. Стремление свести работу к минимуму. Вся жизнь переносится на обеспечение семьи и развлечение себя...

Насчет противоречий. Названные *[выше. – А. А.]* – не преодолеваются. Но они разворачиваются медленно. И есть условия, тормозящие эти негативные процессы. Например, разочарование тормозится воспоминаниями о войне, нежеланием беспокойств. Экстремистские группы малочисленны. Стремление скрыться от общественных проблем. Этим тормозится развитие противоречий. Тем не менее, они постепенно накапливаются.

<...> По-видимому, можно ожидать перемен, при наличии факторов извне (война, смена личностей у власти). С достаточной вероятностью – процентов на 60.

<...> Куда будут направлены перемены – трудно сказать. Если бунт – то самое худшее, а это возможно. Опасность введения принудительного труда, военизации. А возможно и к лучшему.. Придет какой-нибудь Косыгин, только посильнее, и введет своего рода НЭП. Это будет к лучшему. Итак, перемены вероятны, но прогнозировать направление трудно.

Оговорим, что существенные перемены могут быть лишь в рамках того же самого общественного качества.

<...> Общество сейчас тяготеет к западному образцу, но дальнейшее движение не прогнозируемо. Много изменений в этом плане, но – в социально-культурной, а не политической сфере. По-видимому, будет тяготеть и дальше все же.

<...> Возможная очередность: резкие политические – экономические – культурные перемены. Либо: медленные экономические – постепенные политические – еще более постепенные культурные. <...>

Ноябрь 1979

Андрей Алексеев, июль 2010

Глава 7

Память поколений

В этой главе собраны материалы, так или иначе трактующие проблемы бережения и изучения социальной памяти (биографической, семейной, исторической). Это — один из главных научных интересов и предметов профессиональных занятий авторов этой книги.

7.1. Взгляд в прошлое — послание в будущее

7.1.1. Семейная ценность и семейная память (к постановке вопроса)¹

1. «Семейная ценность» — термин, пока не обретший научного статуса в науках о человеке. В это понятие мы вкладываем ту составляющую материально-духовной среды или экологии человека, которая позволяет личности идентифицировать себя в качестве представителя определенного рода (родов) и звена в цепи семейных поколений. Принципиальное значение здесь имеет именно осмысление, осознание соответствующих материальных или информационных объектов в качестве семейной ценности, т.е. наличие ценностного отношения личности к ним.

2. Существенным для понимания специфики феномена семейной ценности является вычленение в ценностном сознании субъекта особой сферы или слоя — назовем это «семейной памятью». Этот слой нередко оказывается весьма тонким (говоря попросту — «короткая семейная память»). Скажем, человек является обладателем вещи, доставшейся ему от предков, но не знает «истории» этой вещи. Или: человеку неизвестно, кто же из его старших родственников изображен на фотографии, хранящейся в семейном альбоме.

3. Личностное осознание субъективной значимости объектов-носителей семейной ценности сплошь и рядом приходит к человеку достаточно поздно, когда старших уже нет в живых, и «спросить не у кого». Устные биографи-

¹ Тезисы доклада А. Н. Алексеева на межвузовской конференции «Экология социально-антропологических процессов» в марте 1988 г. Впервые опубликованы в: Дом человека (экология социально-антропологических процессов). СПб.: Институт биологии и психологии человека, СПбГУ, 1998.

См. их также в составе работы: Алексеев А. Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007, № 4. (Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content122071303773076file.pdf).

Названную работу см. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_letters.html.

ческие рассказы родителей стираются в памяти детей, в свое время не придавших этому значения. Порой полученная младшими от старших информация трансформируется в «семейное предание» (не поддающееся проверке).

4. В последнее время усилился интерес к биографическим методам в социологических, культурологических, этнографических исследованиях. Мемуарный, «житийный», документальный жанры становятся все более популярными в литературе и публицистике. При этом делается упор на историко-культурной ценности соответствующих текстов. Хочется, однако, подчеркнуть экзистенциальную значимость фамильной ценности и семейной памяти для конкретных лиц, которые, при неразвитости интереса к своему происхождению, своим корням, часто оказываются в положении «Ивана, не помнящего родства».

5. Автору этих строк довелось консультировать составление ряда «семейных хроник». Их инициаторами были уже немолодые люди, осознавшие свою ответственность за сохранение памяти о своих предках для своих потомков. Это оказалось достаточно трудной задачей. Следует заметить, что работа эта оказалась бы куда более эффективной, если бы была предпринята составителями семейных хроник в более молодом возрасте.

6. Во всякой семейной хронике обычно представлены два пласта информации. Первый — «генеалогическое дерево» и хотя бы минимум информации о предках, которых пишущий хронику в живых уже не застал. Здесь он опирается на сохранившиеся документальные свидетельства и рассказы старших. Другой пласт — личные впечатления и воспоминания, относящиеся в первую очередь к собственным родителям. Здесь возникает особая проблема моральной ответственности за сохранение информации, которой располагает только данный индивид и которая исчезнет необратимо, если не будет транслирована младшему поколению.

7. Заслуживает постановки вопрос о воспитании в младших поколениях не просто «уважения к старшим» и «заботы о стариках», а внимания к ним, в частности, как к носителям семейной памяти. В идеале, не старшие, а младшие должны быть инициаторами того, чтобы эта память не оказалась утраченной. Способы культивирования фамильной ценности могут быть самыми разнообразными (включая современные технические средства). Но общение поколений должно включать ценностно мотивированный запрос младших на семейную память.

8. Представляется необходимой пропаганда сохранения личных архивов в семьях. Здесь не идет речь об архивах «выдающихся людей» (которые имеют шанс получить государственное хранение и т. п.). Не только фотографии, но и всевозможные документы, письма, иногда — дневники, любые письменные свидетельства, оставшиеся от покойных, заслуживают сбережения детьми, внуками. К сожалению, материальные ценности ныне наследуются куда охотнее, чем ценности, имеющие духовное значение. Отношение к последним часто оказывается варварским.

9. В заключение, отметим, что проблематика, обозначенная в настоящих тезисах, пока не стала предметом специального научного рассмотрения, в

частности, в социологии и культурологии. Здесь необходимы и теоретические анализы и эмпирические исследования.

Как нам представляется, понятия фамильной ценности и семейной памяти поддаются операционализации в практике массовых опросов и систематических наблюдений. В целом, вырисовывается комплексная (культурно-историческая, гуманитарно-экологическая) и междисциплинарная научная проблема.

Февраль 1998

7.1.2. Эстафета памяти -1. *Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования*²

Целью настоящих заметок является общая постановка вопроса о таком специфическом моменте повседневной жизни современного человека, который можно метафорически определить как *эстафета памяти*.

***

1. Порождение автобиографических повествований (нарративов), создание и накопление «историй жизни» и «семейных хроник», по нашему убеждению, есть задача не только гуманитарно-научная, но и общекультурная. В конечном счете, это задача продления *памяти* человечества – ее сохранения не «на скрижалях истории», а в мельчайших «капиллярах» и «клеточках», в самой толще социальной жизни.

Названная задача, в качестве таковой, далеко не вполне общественно осознана, во всяком случае – эта работа пока не вошла в повседневный быт и культурный обиход семей и граждан.

Люди привыкли жить «сегодняшним днем», иногда они «планируют будущее», однако редко «оглядываются назад» и сплошь и рядом не осознают свой собственный *жизненный путь* как некую культурную, духовную, социальную ценность.

2. Общая постановка вопроса: «человек – это прежде всего его собственная жизнь», в терминах еще «донаучных», содержится в одном из наших тек-

² Настоящий текст публиковался неоднократно, в разных вариантах.

См.: Алексеев А., Эстафета памяти // Мир России, 2000, № 4 (электронная версия – http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol00_4/alekseev.htm); Алексеев А. Н. Письменная эстафета памяти (о ресурсах, нормах и эффектах автобиографического повествования) / XIII Любимцевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2001; Алексеев А. Н. Эстафета памяти. О ресурсах, нормах и эффектах автобиографического повествования // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2001, № 4 (электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2001&id=499); Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 2, с. 471-477. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_zakl.pdf).

Этот же текст можно найти в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/estafeta-pamjati/>.

Здесь воспроизводится с сайта «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_memory.html.

стов 1983 г. [1]. Попытку концептуализации и обоснования категорий *фамильная ценность* и *семейная память* см. в нашей работе 1998 г. [2].

За последнее десятилетие научная работа по сбору и анализу «историй жизни» и «биографий семей» получила плодотворное развитие в ряде исследовательских центров Москвы, Киева, Санкт-Петербурга. (Здесь эти центры и их труды не перечисляем).

3. Автобиографическое повествование (АП) выступает одной из естественных форм презентации жизненного пути и «объективации» памяти, прежде всего — индивидуальной памяти, без которой не может быть и «памяти коллективной». К названному типу текстов примыкает жанр самостоятельных *семейных хроник* (СХ), где, с большей или меньшей степенью подробности, представлены жизненные пути всех членов многопоколенной семьи, в их переплетении. В дальнейшем будем говорить в основном об автобиографическом повествовании, хотя все сказанное может быть отнесено и к семейной хронике (биографии семьи).

4. Рассмотрим сначала вопрос о ресурсах, или источниках АП. Здесь можно выделить три основные группы ресурсов «истории жизни»:

а) *личный* (соответственно — семейный) *архив*, в широком смысле, — включая всю совокупность документальных материалов, «жизненных свидетельств», как личностных, интимных, так и официально-публичных, относящихся к данному индивиду (семье);

б) *живая память* ныне здравствующего человека («память о своей жизни, о своей семье»);

в) *память других* — о данном человеке или людях (ныне здравствующих или покойных); она может быть как «живой», так и документированной.

5. К разряду личностных документов относятся любые тексты, отражающие факты поведения и сознания данного, конкретного человека, причем отражающие их — иногда «специально», иногда (чаще) «попутно», т. е. без сознательной установки на фиксацию таковых фактов. К ценнейшим документам такого рода относятся: *дневники* (ныне — едва ли не культурный реликт!); *письма* (как собственные письма данного индивида, так и, пожалуй, в не меньшей мере, адресованные ему); *фотографии* и другие изобразительные материалы, а в последнее время также — любительские *аудио*— и *видеозаписи*.

Весьма информативным источником или ресурсом АП (СХ) являются также «официальные» документы, особенно — такие, где сам субъект жизни выступает автором (копии листков по учету кадров, «служебные» автобиографии, обращения в официальные органы и т. п.), но также и адресованные данному человеку или посвященные ему (от метрического свидетельства до профсоюзного билета или пенсионной книжки).

6. К сожалению, «рядовой человек», не осознающий историю собственной жизни и жизни тех, с кем он повседневно общается, как культурную ценность, плохо берегает эти «жизненные свидетельства». А отношение его потомков, наследников к этим «следам» прожитой жизни порой является просто варварским. В итоге, документированная память (личный архив) нередко оказывается еще менее долговечной, чем «живая».

7. Вообще, ресурсы АП — конечны. «Живая память» субъекта, разумеется, хранит впечатления, «воспоминания» (часто избыточные абберации, связанными с последующими «напластованиями» жизненного опыта). Однако чем дальше во времени — тем меньше точность и достоверность биографической информации (если она не может быть подкреплена документами).

8. Здесь возникает проблема как личной ответственности человека за сохранение «себя» (в случае СХ — всех членов семьи) во времени, так и — особенно — *ответственности младших поколений* за сбережение памяти о старших. Дети еще кое-что помнят о своих родителях, а уж о родителях родителей (если не застали их в живых), а тем более о прадедах — не больше того, что написано на кладбищенском кресте (если хоть он цел).

Процесс «истирания» памяти в конечном счете неизбежен, но как правило (в частности, в нашем обществе, пережившем трагедию ее уничтожения) довольно слабо развита общекультурная установка на «торможение» этого энтропийного процесса.

Можно понять тех наших старших современников, которые в суете буден не оставили детям писаной истории своей жизни. (Или — намеренно «оберегли» своих детей от «опасной» информации из семейного прошлого, как это часто случалось у наших отцов и дедов). Однако сегодня становится уже непростительным, если человек не рассказал, не записал, не зафиксировал (для своих детей, внуков) хотя бы минимума биографической информации *о своих родителях*: ведь после их смерти он зачастую оказывается единственным живым носителем этой информации. И когда он сам уйдет, взять ее будет почти неоткуда.

Как видно, проблема автобиографического нарратива и семейной хроники является также и *моральной* проблемой.

9. Конечно, работа ученых, записывающих «истории жизни», журналистов, проводящих «конкурсы биографий», вообще — всякие институциональные усилия запечатлеть уходящее время (эпоху) «в точке пересечения биографии и истории общества» [3] имеют общекультурное значение. Однако остается проблема сохранения «памяти о жизни» *каждого человека*. А это уже не может быть решено накоплением АП и СХ в исследовательских архивах и т. п., а только — развитием и распространением *культуры* создания таких «историй» и «хроник» в каждой семье.

Автобиографическое повествование (писаное самим субъектом жизни или записанное с его слов), равно как и семейная хроника, в принципе должны стать элементом нашего жизненного обихода, что, по-видимому, потребует специальной просветительной работы. Необходимо воспитание в людях и культуры жизнеописания, как такового, и культуры сбережения личных архивов (прежде всего в семьях), и «культуры памяти» вообще, как неотъемлемого элемента цивилизованного общества и личности.

Понятно, что такая социокультурная программа реализуется не скоро, но надо хотя бы ее сформулировать.

10. Обозначим некоторые *нормы* автобиографического повествования. Здесь выдвинем три «постулата», равно относящихся как к письменному, так и к устному АП:

а) Постулат *фиксации семейных корней*. Всякая «история жизни», для какой бы цели она ни создавалась, должна включать генеалогическую информацию — столь подробную, насколько это под силу автору данной истории. При том, что о предках рассказать больше некому, субъект повествования должен сделать это — в силу культурно-нравственного императива, отмеченного выше.

(Для семейных хроник указанный аспект выдвигается на передний план).

б) Постулат *внятности биографического текста*. «История жизни» может быть: краткой или развернутой; «объективной» или эмоционально окрашенной (насыщенной); выстроенной хронологически или тематически, или еще как-либо иначе. Но субъект должен позаботиться о тех, кто его услышит или прочтает. В АП должны быть по возможности четко обозначены узловые точки «жизненной траектории» (что, где, когда...), хотя бы приблизительно датированы жизненные события. Важно, чтобы у воспринимающего этот текст не возникло неясностей (разве что сам повествующий намеренно опускает нечто важное, чего-то не хочет сообщать).

(Семейные хроники требуют внимания к четкому определению степени родства; желательно построение генеалогического дерева, что требует минимального обучения).

в) Постулат *ценности «истории жизни»*. Конечно, хорошо, если инициатором фиксации «воспоминаний о жизни» выступает близкий носителю биографической информации человек, младшие члены семьи или профессионал-исследователь. Однако пусть даже человека (обычно это человек пожилой) никто к этому особенно не побуждал — он должен «убедить себя» или принять а priori, что его жизненная история (семейная хроника) нужна, что она может быть *востребована* не сегодня, так завтра, близкими или далекими, знакомыми или не знакомыми ему людьми.

Допустим, «заказчика» на АП (СХ) сегодня нет. Можно в таком случае посоветовать всякому, особенно — человеку в преклонном возрасте, поискать и своевременно назначить своего «душеприказчика» — такого, которому он может «оставить» писаную историю своей жизни (а тот — сохранить) или рассказать (а тот — запишет и т.д.). Также желателен выбор конкретного «душеприказчика» и для личного архива, даже — совсем небольшого. (И это вовсе не обязательно должен быть наследник имущества, материальных ценностей).

Вообще, АП и СХ являются интеллектуальной собственностью, заслуживающей «наследования». Пусть для этого нет юридических, но вполне возможны культурные, нравственные регламенты.

11. Нашу постановку вопроса о сбережении памяти можно было бы иллюстрировать множеством примеров, имея в виду прежде всего деятели науки и культуры. Архивы некоторых из них (включая дневниковое, эпистолярное наследие), в силу разных исторических и личных обстоятельств, порой

бывали безвозвратно утеряны. Но немало и счастливых примеров, когда личный архив (а не только опубликованные мемуары!) сохранился и берегается в полном объеме и порядке.

Последнее чаще имеет место, когда сам человек, хоть как-то, позаботился (имел возможность позаботиться) об этом, а его родственники, друзья, ученики, реже — государство, в свою очередь, приложили к тому старания. Здесь стоит заметить, что иногда усилия частных лиц по сохранению конкретных личных архивов оказывается поистине героическими.

Подчеркнем, однако, еще раз, что сбережения заслуживает память о *любом* человеке, а не только об «исторических личностях»! И простейшим и универсальным способом сохранения памяти оказывается написанное самим человеком *жизнеописание* (или — зафиксированный техническими средствами биографический рассказ, или хотя бы конспективная запись, вручную, с его слов). Хорошо, если кроме «живой памяти» при этом использовались также и иные источники.

12. Для того, чтобы сами по себе АП и СХ стали *нормой* нашего культурного обихода, нужна работа по научению и пропаганде «биографической деятельности». Ныне в популярной литературе наблюдается бум «учебников жизни»: как строить отношения в семье, на работе и т. д., как «достичь успеха» в жизни, и т. п. Но отсутствует практика наставлений, как сделать память о себе (и других людях) культурным достоянием (не обязательно — всеобщим, пусть ограниченным рамками семьи в нескольких поколениях, чтобы осталось от человека не только посаженное дерево или надпись на могильной плите).

13. Обратимся к вопросу об *эффектах* автобиографического повествования (семейной хроники).

Одна группа эффектов уже была обозначена выше, назовем их *культурными*: сбережение памяти о конкретном человеке (людях, роде), прежде всего — в семье, как той клеточке общественного организма, где эта память в принципе имеет наибольший шанс сохраниться (а биографический или хроникальный документ стать семейной реликвией, наряду с обычно сберегаемыми, но редко датируемыми фотографиями).

Другая группа эффектов — *воспитательные*. «Истории жизни» и «биографии семей» — не дидактический материал. Но «доподлинное», воплощенное в них знание о жизненных путях старших (включая тех, кого младшие «не застали») несет в себе мощный воспитательный заряд. И это «педагогическое» воздействие может оказаться куда более эффективным, чем навязчивые попытки со стороны старших научить молодых — «как жить» (от которых те зачастую — и порой справедливо! — отмахиваются).

И третья группа. Это — такие эффекты АП (СХ), которые не всегда замечаются, но почти всегда присутствуют: эффекты *ауторефлексивные*. Всякий человек рано или поздно (и не однажды на протяжении жизненного пути!) задумывается о собственной жизни. Один — с горечью или тревогой, другой — с «сознанием исполненного долга», третий — для того, чтобы «себя понять» или решить «как жить дальше», четвертый — сравнивая свой жизненный путь с судьбами других членов рода.

14. О последней (третьей) группе эффектов – чуть подробнее. Жизненная авторефлексия может быть не спонтанной, не ситуационной, не подспудной, а – систематической, универсальной и осознанной. И «история собственной жизни» есть повод, или основание, или стимул – для «размышления о жизни».

При этом у автобиографического нарратива часто возникает особый, *психотерапевтический* эффект. Ибо в итоге «воспоминаний о жизни» человек, как правило, имеет возможность убедиться, что все же «не зря жил» (или «не зря живет»); а если не все в жизни «удалось» («удается»), то, оказывается, он сделал (делает), «что мог» («что может») ... Сожаление же об утраченных возможностях, будучи «выговорено», меньше бережит душу.

(Конечно, возможна и обратная ситуация: «...и с отвращением читая жизнь мою...». Поэтому, при отсутствии живого собеседника, может быть, лучше ограничиться «сухим» изложением фактов).

Так или иначе, особенно в пожилом возрасте, особенно при побуждении со стороны – не к импульсивному (и обычно стирающемуся из памяти слушателей) воспоминанию, – автобиографическое повествование (семейная хроника), тем более при уверенности в том, что оно будет востребовано, может стать смысложизненным занятием, поддерживающим жизненные силы и даже «целительным» лучше иных лекарств.

15. Как видно, наша постановка вопроса выводит субъекта биографического нарратива или семейной хроники из положения объекта или – «всего лишь!» – источника информации, для культурно-исторических, социологических и т. д. штудий. Последняя цель, конечно, существенна. Но не следует забывать о *самоценности* АП (СХ) как одного из способов самовыражения, самопознания и самоутверждения личности.

16. Итак, не для того лишь нужны «истории жизни» и «биографии семей», чтобы их потом анализировать и обобщать («реконструировать эпоху», познавать ее «в человеческом измерении» и т. п.). Жизнеописание (иногда вырастающее в «размышление о жизни») есть шанс для всякого человека продлить «себя» (или «себя и других» – для случая СХ) – если не в веках, то в десятилетиях – в памяти индивидуальной, семейной, коллективной. Это – простейшая, самая доступная (доступная практически каждому, хотя иным людям – нужна помощь, причем не обязательно профессиональная) форма кристаллизации жизненного опыта и жизненного самоотчета (имея в виду АП).

17. Естествоиспытатель и краевед С. Н. Поршняков (1889–1982), именем которого назван краеведческий музей в г. Боровичи (Новгородская обл.), сформулировал в своем «духовном завещании», писанном в 1942 г., такую заповедь: «Умение *итожить опыт своей жизни* – по периодам и этапам (говоря языком исследователей – умение «*камеральничать*») ...». [4].

Если жизнь человека сравнить с исследованием (каковым она в ряде отношений и является), то автобиографическое повествование может рассматриваться как способ подведения «промежуточных» или «предварительных» жизненных итогов. А это необходимо и самому человеку, и тем, кто «придет на смену». И ценность таких повествований не уменьшается, а прирастает с ходом времени.

18. В заключение повторим однажды сказанное: «человек — это прежде всего его собственная жизнь...». А *история жизни* (автобиографическое повествование, семейная хроника) есть не просто ее (жизни) конспективное отображение, но и особый способ отложенной во времени коммуникации поколений и духовного преодоления природных границ индивидуального человеческого бытия.

***

Автор этих строк убежден, что письменная «эстафета памяти» («память до востребования») нуждается в осмыслении: и как культурная задача общества, и как нравственный императив личности.

Литература

1. *Алексеев А. Н.* Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 292-294.
2. *Алексеев А. Н.* Фамильная ценность и семейная память (к постановке вопроса) / Дом человека (экология социально-антропологических процессов). СПб.: Институт биологии и психологии человека, СПбГУ, 1998, с. 55-57.
3. *Миллс Ч. Р.* Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998, с. 16.
4. *Поршняков С. Н.* Завещание (то, чего желаю в жизни вам — из достигнутого и не достигнутого мною за 55 лет моей жизни). 1942. (Рукопись; хранится в архиве Ю. А. Щеголева).

А. Алексеев, ноябрь 2000 — февраль 2001

7.1.3. Эстафета памяти — 2. Мотивы, формы и роль автобиографических повествований³

1. В нашей работе «Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования» («истории жизни» (life stories, recits de vie) рассматривались не в качестве специального исследовательского метода, а как социальный феномен и форма межпоколенной коммуникации, и еще — как нравственный

³ Настоящий текст публиковался неоднократно, в разных вариантах.

См.: Алексеев А. Эстафета памяти // Мир России, 2000, № 4 (электронная версия — http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol00_4/alekseev.htm); Алексеев А. Н. Письменная эстафета памяти (о ресурсах, нормах и эффектах автобиографического повествования) / XIII Любимцевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2001; Алексеев А. Н. Эстафета памяти. О ресурсах, нормах и эффектах автобиографического повествования // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2001, № 4 (электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2001&id=499); Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 2, с. 471-477. (Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T2_zakl.pdf).

Этот же текст можно найти в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/estafeta-pamjati/>.

Здесь воспроизводится с сайта «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_memory.html.

императив человека, обязанного передать детям хотя бы минимум информации даже не столько о себе, сколько о своих родителях (семейная хроника).

К ресурсам автобиографического повествования (АП) мы относили *архив*, «*живую память*» и «*память других*». Нормы АП резюмировались в трех «постулатах»: постулат *фиксации семейных корней*, постулат *внятности биографического текста* и постулат *ценности «истории жизни»*. Что касается *эффектов* АП, то выделялись эффекты *культурные*, *воспитательные* и *ауторефлексивные*.

2. В нашей нынешней постановке вопроса о *мотивации* автобиографических повествований будем различать мотивы *коммуникативные*, *самоутверждения* и *творческие*. В первом случае человек хочет «всего лишь» сообщить потомкам некоторую информацию о себе и то, что ему известно о предках. Это эстафета памяти, так сказать, «в чистом виде». Далее, мотивы самоутверждения — это когда человек так или иначе заявляет посредством АП о своей социальной значимости (порой это используется как дополнительное средство достижения жизненного успеха). Третий случай — творческая самореализация *rag excellence*. Какой-то из мотивов всегда приоритетен, но обычно дополняется элементами двух других.

3. *Формы* АП не изоморфны мотивам, хотя до известной степени обусловлены ими. «История жизни» может быть событийной, хроникальной по преимуществу (назовем это *автобиографическим очерком*), может быть эмоционально насыщенной (своего рода *биографическая лирика*), наконец, это может быть такой мемуар, в котором жизнь «главного героя» (субъекта биографии) предстает на фоне картин жизни других людей и — шире — общественной жизни. Этакий *биографический эпос*...

4. Однако к этому не сводится дифференциация форм АП. Уместно различать автобиографическое повествование как таковое, где формообразующим элементом выступают *воспоминания*, индивидуальная память, воплощенная в текст. В качестве формообразующих элементов могут выступать также *документы* (словесные или изобразительные, например, фотографии из семейного альбома) и даже *предметы* (например, фамильные ценности) или «памятные места», дающие повод для автобиографического комментария («Мне все здесь на память приводит бывшее...»).

5. Что касается *роли* автобиографических повествований, то они, как и всякая человеческая коммуникация, предстают: (а) *актом общения* (межпоколенного, но и не только...), (б) *способом отображения* жизненной траектории и биографического контекста и (в) своего рода автопрезентацией — самовыражением, или *изъявлением себя*. То есть роль эта как минимум троякая. Здесь заслуживает специальной разработки проблема специфики «историй жизни» в каждой из названных ипостасей.

6. <...> В заключение отметим, что «эстафета памяти», каковой может стать всякое автобиографическое повествование, есть социокультурный феномен фундаментального значения. Как замечал Д. С. Лихачев, «одна из величайших основ, на которых держится культура, — память».

Другие работы А. Н. Алексеева на эти темы:

— *Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007, № 4.*⁴

— *Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъяснение себя (заметки об «эстафете памяти») / Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. СПб.: НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург); ЕУ в СПб, 2008.*

7.2. Корни и ветви. Семейные хроники

7.2.1. «Коротка моя память...»⁵

<...> Родители (пока не впали в детство) обычно мудрее своих детей. Это заметно, поскольку сравнивают их в одной «хронологической точке» (в определенный, общий для тех и других момент исторического времени).

Родители, на данный момент, прожили дольше, пережили больше... Это — их естественное «преимущество» перед детьми. Но дети часто мудрее своих родителей, если сравнивать их с родителями, когда те были в их (детей) нынешнем возрасте. Ибо они (родители) тогда еще не прожили того отрезка исторического времени, который суждено было, к настоящему моменту, пережить и им, и детям (пусть одним — в зрелом возрасте, а другим — еще в детском).

Мне, может быть, и есть чему поучить мою дочь *сегодня*, в июле 1997 г. (мне — 63, а ей — 36). Но, полагаю, в мои 36 (в году 1970-м, как нетрудно подсчитать), мне можно было бы и «поучиться» у нее сегодняшней.

Детям порой бывает отмерен больший срок жизни, чем родителям. Срок жизни может зависеть от эпохи. Например, многие люди моего поколения (поколение предвоенных детей) помнят (если помнят!) только молодых родителей, рано ушедших из жизни. Но меня судьба раннего сиротства миновала. Я больше помню своих родителей уже немолодыми людьми. (Позднейшие впечатления, возможно, способствуют стиранию или искажению ранних). Я вообще более или менее отчетливо помню, в частности, свою мать не раньше ее 40-летнего возраста. Тут дело еще и в том, что я был относительно поздним, хоть и единственным ее ребенком.

Мать умерла в 1963 г., в 63-летнем возрасте (когда мне было 29). Отец умер в 1974 г., в 70-летнем возрасте (когда мне было 40). Ушли из жизни и все остальные родственники старшего поколения. Давно уж нет маминых сестер (моих теток). А родственников отца я практически никогда не знал.

⁴ Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content_122071303773076file.pdf. Эту же работу см. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_letters.html.

⁵ Фрагмент семейной хроники «Коротка моя память... (О моих родителях — для моей дочери) (1997-2001)», впервые опубликованной (в составе работы: Алексеев А. Н. Корни и ветви (XIX — XXI век). Из рукописи первого варианта книги «Драматическая социология и драматическая ауторефлексия» 2001) на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>.

Нижеприводимый текст представлен в Сети также на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/korni-i-vetvi/>.

На эту же тему см. также выше: раздел 6.2.9.

И вот сегодня, в свои собственные 63 года, я оказываюсь едва ли не старшим из рода Пузановых (фамилия моей матери) [*на самом деле, старшим является И. Д. Пивен; см. ниже. — А. А.*], а из рода Алексеевых (фамилия моего отца) — так даже и не знаю...

Ныне дочь моя, в свои 36 (а вообще-то и раньше!) спрашивает меня, как старшего: *Откуда ты? Откуда я сама?* Бабушку (мою мать) Варвару Петровну Пузанову она помнить с 2-летнего возраста не может. Не знаю, помнит ли деда (моего отца) Николая Николаевича Алексеева (после смерти матери у него была новая семья, и мы с ним последнее десятилетие его жизни общались мало).

В общем, спросить моей дочери больше некого! И спрашивает она **вовремя** (пока есть кого...). А вот я вовремя не спросил, ни в свои 26 лет, ни в свои 36. Ни пока мать была жива, ни пока отец. И это — предмет укоров моей совести. Что-то, может быть, и помню... Точнее помнил (то, что само в уши текло, да само и вытекало; ведь не запоминал!). Забыл больше, чем помню сейчас.

Так кто же мудрее из нас: я — в своем, тогда уже вполне зрелом, возрасте, или моя дочь Ольга Андреевна Новиковская (в девичестве — Алексеева), сама теперь уже мама двоих детей (моих внуков), Ивана и Егора? Могу, конечно, ее поучить теперь, но скорее собственным отрицательным опытом. *Покаянная — эта моя записка!*

Должен был бы знать, а не знаю... Должен был бы помнить, а не помню. Благодарю мою дочь за то, что не повторяет этой моей ошибки. (А какие-то другие ошибки, возможно, повторяет; а иные жизненные ошибки есть на ее счету и свои, «оригинальные»).

Итак, короткая у меня память! Своей короткой памятью буду сейчас с дочерью делиться.

***

Есть одно утешение, может быть, и не такое уж слабое. Кроме «короткой» памяти, есть еще какие-то мамины вещи, книги, документы и, как во всякой семье, фотографии. Когда мама умерла (а мне, напомним, было тогда «всего» 29 лет), я все это забрал из родительского дома, поскольку отцу они были не очень нужны. И, при всех своих сменах места жительства, сохранил. Что-то и разбазарилось за 30 истекших лет. Но — не фотографии, и не документы!

Кое-какие «семейные реликвии» — сейчас уже у дочери. Большая часть — пока у меня. Иногда я их беру в руки, с некоторых документов даже сделал ксерокопии. Увы, как и в почти любом семейном альбоме, есть фотографии, на обороте которых нет даты. Есть лица, забытые мною, сегодняшним, и даже такие, которых никогда не знал.

Если когда-нибудь соберусь (а надо!) как следует разобрать этот семейный архив, то я буду по отношению к нему скорее в роли «изыскателя», чем «воспоминателя». Но в таком случае, это не самое срочное дело... А вот *записать, что помню*, надо именно сейчас, не откладывая. Этим и займусь.

***

Прочитал написанное выше моей жене, Зинаиде Глебовне Вахарловской. Ей понравился этот зачин. Зина удачно резюмировала мое предыдущее рассуждение афористической репликой: *«Дети старше нас, потому что они младше нас...»* («Младше» или «моложе»? Грамматически правильное последнее. Но «младше» тут звучит лучше, а главное — точнее). <...>

7.2.2. «Я хочу рассказать о своих семейных корнях...»

Ниже — пример семейной хроники. Сост. — Иван Александрович Новиковский (1983 г. рожд.), внук автора этих строк. Текст датирован маем 1999 г.⁶ (А. Алексеев)

Моя семейная история

Я хочу рассказать о своих семейных корнях. Один из них известен мне далеко вглубь, со второй половины 18-го века. Другие известны не так глубоко. Об этих корнях мне рассказывали моя бабушка Елена Ивановна Алексеева и моя мама Ольга Андреевна Новиковская. Мама составила генеалогическое дерево. А мой дедушка Андрей Николаевич Алексеев недавно написал свою семейную хронику, из которой я почерпнул много информации. Кроме того, в нашей семье сохранились всякие документы, фотографии, некоторые фамильные реликвии. Иногда я буду на них ссылаться. Все то, что я уже знаю, в этой семейной истории не уместится. Я расскажу только о том, что мне кажется самым важным и интересным. В генеалогической схеме, составленной моей мамой, картина гораздо полнее. Эту схему, а также ксерокопии некоторых материалов я приложу к своему сочинению.

Во второй половине 18-го века жил мой предок по материнской линии Лев Федорович Сабакин (1743-1813), родом из г. Старица, Тверской области. Он приходится мне пра-пра-пра-пра-пра-прадедом. После окончания сельской школы Л. Ф. Сабакин поступил на службу в Тверскую уголовную палату, работал копиистом, потом канцеляристом, а в свободное время увлекался созданием астрономических часов. Был вызван ко двору Екатерины II. Изобретенные им часы были приняты лично императрицей, а изобретатель награжден 1000 рублями. Первые упоминания о нем в литературе встречаются с 1776 года, когда он служил механиком в Тверской губернии. Л. Ф. Сабакин дважды побывал в Англии. Сконструированная им паровая машина имела ряд преимуществ перед машиной Дж. Уатта. В 1787 году Л. Ф. Сабакин перевел на русский язык книгу английского механика Дж. Фергюсона «Лекции о разных предметах, касающихся до механики, гидравлики и гидростатики». Этот перевод с английского он дополнил своим оригинальным трудом — «Лекцией об огненных машинах», где впервые на русском языке было дано описание паровой машины. Им было сделано еще свыше десяти изобретений в области механики (сверлильные, гуртильные, печатающие по металлу машины, весы оригинальной конструкции). Л. Ф. Сабакин уходил в отставку в чине надворного советника. Дочь Л. Ф. Сабакина — А. Львовна Сабакина — вышла замуж за Петра Васильевича Аносова (1764-1809). Тот был родом из Тверской губернии. В конце века он служил секретарем Берг-коллегии в Петербурге, имел чин коллежского ассессора. В 1806 г. П. В. Аносов с семьей переехал в Пермь, где был назначен советником Пермского горного управления.

У Петра Васильевича и А. Львовны Аносовых родилось четверо детей: Василий, Павел, Мария и Александра. Вскоре после переезда в город Пермь отец,

⁶ Строго говоря, автором этого текста является мать Вани — Ольга Андреевна Новиковская. Авторство же было приписано и «лавыры» достались... 16-летнему Ивану Новиковскому, получившему за это сочинение приз на конкурсе семейных хроник в колледже, в котором тогда учился.

Настоящий текст представлен в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/semejnjaja-istorija-ivana/>.

а затем мать умирают, и дедушка Л. Ф. Сабакин берет на воспитание 4-х малолетних детей. Мальчики Василий и Павел Аносовы были определены им в только что созданный в Санкт-Петербурге Горный кадетский корпус. Василий умер в отроческом возрасте, а Павел Аносов окончил Корпус в 1817 году, с золотой медалью. Ему было суждено прославить Россию открытием секрета булата.

О Павле Петровиче Аносове написано несколько книг, например:

Богачев И. Н. П. П. Аносов и секрет булата. М.: Машгиз, 1952.

Пешкин И. Павел Петрович Аносов. М.: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей), 1954.

Федоров А. С. Творцы науки о металле. М.: Наука, 1980.

Во всех современных энциклопедиях есть статьи о великом русском металлурге. А в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона 1910-х годов во втором томе напечатана статья «Аносовская сталь», и рядом другая статья – «Аносовы», которую в советских энциклопедиях уже не встретишь: «Аносовы – русский дворянский род, восходящий к началу 17-го века и записанный в 6 ч. род. кн. Костромской губернии».

Расскажу немного о своем прапрапрадеде. Павел Петрович Аносов родился в 1799 году. После окончания Горного корпуса, с 1817 года служил на Златоустовских заводах. Главным его достижением стала разработка процесса получения высококачественной стали. Он открыл способ ее получения непосредственной цементацией железа в плавильных тиглях, а также способ передела чугуна в сталь путем плавки. Это был человек прогрессивных взглядов, с пытливым умом и желанием познать неизвестное. В 1831 году он впервые применил микроскоп для исследования строения стали. П. П. Аносов раскрыл древний секрет булатной стали, утерянный в средневековье. Первым отлил высококачественную булатную сталь для клинков, не имевшую равных в мире по своим качествам. П. П. Аносов написал научные труды, статьи и книгу «О булатах», опубликованную в 1841 году. Прожил Павел Петрович 54 года. Скончался он 13 мая 1851 года в чине генерал-майора, в должности главного начальника Алтайских заводов и Томского губернатора. Похоронили его в городе Омске.

Из вещей, о которых было бы достоверно известно, что они принадлежали П. П. Аносову, у нас в семье нет, пожалуй, ничего. Есть гравюра, изображающая золотодобывающий прииск второй половины XIX века на реке Силиндже, с указанием на ее принадлежность П. П. Аносову, но не Павлу Петровичу, а его сыну Павлу Павловичу, тоже горному инженеру. Была серебряная чайная ложечка с затейливым вензелем «А» (Аносов). В 1990 г. мой дедушка А. Н. Алексеев, будучи в г. Златоусте, передал ее в музей. На 21-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге находится Горный институт (бывший Горный корпус), а в нем музей имени П. П. Аносова. Года два назад моя мама посетила этот музей, откуда принесла информационную справку, включающую краткие биографические сведения о Павле Петровиче Аносове и об одном из его сыновей, видном деятеле золотопромышленности 19-го века Николае Павловиче Аносове. В 1999 году исполняется 200 лет со дня рождения П. П. Аносова. Это событие особенно отмечают в городе Златоусте, где 30 лет жил и работал знаменитый русский металлург. Недавно мой дедушка (праправнук П. П. Аносова) Андрей Николаевич Алексеев получил отсюда в подарок «Златоустовскую энциклопедию», от ее редактора-составителя и краеведа А. В. Козлова. В этой книге, изданной в 1994 году, есть много интересной информации, связанной с именем Аносова.

Из Златоуста дедушке прислали также рукопись брошюры «Родственные связи и родословная П. П. Аносова». Там указаны даты рождения всех детей

П. П. Аносова. Моя мама сопоставила их с известной нам датой рождения внука П. П. Аносова, моего прапрадеда Петра Михайловича Пузанова (на Красненьком кладбище, в Санкт-Петербурге, в одной ограде — три могилы: Петра Михайловича, моей прапрабабушки Ольги Николаевны Пузановой и моей прабабушки Варвары Петровны Пузановой; эти могилы мы каждый год посещаем, с мамой и бабушкой). Сопоставление дат позволило моей маме установить, от какой из дочерей П. П. Аносова мы приходим (раньше мы не знали).

Интересно, что златоустовские краеведы полагали, что мой дедушка Андрей Николаевич Алексеев является праправнуком П. П. Аносова по отцовской линии. На самом деле правнучкой П. П. Аносова была его мать (моя прабабушка) Варвара Петровна Пузанова. Дедушка написал в Златоуст письмо, чтобы они исправили эту ошибку.

Известно, что у Павла Петровича Аносова было девять детей: пятеро сыновей — Александр, Николай, Петр, Павел, Алексей, и четыре дочери: Мария, Лариса, Анна и Наталья. Трое сыновей Аносовых — Александр, Николай и Павел — продолжили дело отца, став горными инженерами. Старшая дочь Павла Петровича Аносова — Мария Павловна (1832-190?) училась в одном из женских институтов ведомства императрицы Марии в Петербурге. Там она вышла замуж за Михаила Пузанова. В нашей семье хранится старинная стеклянная дворянская печать Пузановых, с чуточку отбитым краешком. Эту реликвию несколько лет назад передал моей маме мой дедушка А. Н. Алексеев.

У Михаила и Марии Пузановых было четверо детей: Павел, Петр, Сергей и Мария. Их сын Петр Михайлович Пузанов (1862-1935) является моим прапрадедом. Это тоже был незаурядный человек — талантливый инженер. Он работал на железной дороге, а потом долгое время возглавлял КБ паровозостроения на Путиловском заводе. Есть в семейном архиве фотография 1901 года. Там представлена группа людей: Петр Михайлович, его жена Ольга Николаевна с младенцем на руках (это моя прабабушка Варвара Петровна) и пожилая женщина. Это либо мать Петра Михайловича (дочь П. П. Аносова), либо мать его жены. Все сидят в трехколесном автомобиле, очень старинной конструкции, на фоне Путиловского завода. Автомобиль построил сам Петр Михайлович — это был один из первых автомобилей в Санкт-Петербурге. После него Петр Михайлович собственноручно собрал еще четырехколесный автомобиль, это было его хобби. Последний просуществовал до Великой Отечественной войны. Мой дедушка пишет в своей семейной хронике, что П.М.Пузанов был инженером милостью Божьей, с золотыми руками.

Женой Петра Михайловича стала Ольга Николаевна (1864-1930). Сохранились в семейном архиве ее гимназические фотографии. Моя мама, кстати, тоже Ольга, внешне очень похожа на свою прабабушку. У семьи Пузановых был двухэтажный деревянный дом оригинальной архитектуры в Дачном. В войну дом сгорел, а вместе с ним и автомобили. У Петра Михайловича и Ольги Николаевны родилось трое дочерей: Варвара (1899-1963), Елизавета (1903-1970) и Мария (1905-1973). Старшая из них Варвара Петровна — моя прабабушка. В семейном альбоме есть фотография Варвары и Елизаветы, с няней. Есть фотография и совсем маленькой Вари, в возрасте около 1 года. На этой фотографии девочка одета в кружевную сорочку. Эта сорочка сохранилась. Когда я был маленький, моя мама хотела сфотографировать меня в ней, но даже в два месяца эта миниатюрная рубашечка была мне мала. Когда родился мой брат Егор, то и он оказался слишком крупным ребенком. Так маме и не удалось иметь две похвие фотографии с разницей в 80 лет.

Хранится в семейном архиве проездной билет по железной дороге от Петрограда до станции Дачное за ноябрь-месяц 1916 года, выданный моей прабабушке Варваре Петровне Пузановой. Тогда она училась в Екатерининской женской гимназии.

Недавно я перелистывал учебники русской литературы, по которым училась моя прабабушка. На форзаце одного из них старательным детским почерком выписаны предметы, которые изучали тогда гимназистки. А у дедушки хранятся ведомости об успеваемости и поведении его матери Варвары Петровны. Вот одна из них — за второй класс (учебный год 1915-1916): все оценки высшие — 12 баллов, только по рукоделию 11 баллов.

Закончила гимназию Варвара Петровна в 1918 году. Мы бережем еще один интереснейший фамильный и историко-культурный документ той поры — гимназический альбом Варвары Пузановой, заполненный надписями и пожеланиями одноклассниц и педагогов. Есть и другие альбомы, с рисунками самой Вари — у нее были способности к рисованию.

После окончания гимназии Варвара Петровна поступила в Петроградский технологический институт. Она продолжила дело своего отца, став инженером-технологом. В. П. Пузанова работала на заводе «Красный путиловец» (бывший Путиловский завод), участвовала в освоении массового производства тракторов и специализировалась по допускам. Как пишет мой дедушка А. Н. Алексеев, накопленный ею практический опыт получил теоретическое осмысление, и в 1933, потом в 1939 г. выходят книги инженера Пузановой «Допуски в тракторостроении», «Допуски и посадки». Уже в 50-х гг. Варвара Петровна защитила кандидатскую диссертацию. Она много преподавала, писала книги по теории машиностроения. После войны одну из книг написала в соавторстве с мужем, тоже инженером. Она — как теоретик, он — как практик, удачно дополняли друг друга. Мужем Варвары Петровны стал Николай Николаевич Алексеев (1904-1974). Его корни крестьянские. Сам он родом из города Рыльского Курской губернии. Его мать звали Наталья Николаевна. У него был брат Иван и сестра Анна. Мой прадедушка Николай Николаевич Алексеев учился в Ленинграде, в Политехническом институте, где приобрел специальность инженера-технолога. Всю жизнь он проработал на заводе имени Ворошилова (ныне — завод «Звезда»), а с середины 50-х годов стал главным технологом этого предприятия.

В 1934 году в семье Алексеевых-Пузановых родился единственный сын Андрей. Его детство пришлось на военные годы. Как печальная память этого времени, хранятся у нас рисунки маленького Андрюши — это дымящиеся самолеты, падающие бомбы, взрывы...

Оборонный завод имени Ворошилова, на котором работал мой прадедушка Николай Николаевич, в начале войны был эвакуирован в Челябинск, потом — в Омск. Следом переезжала и семья Алексеевых-Пузановых. Варвара Петровна в ту пору всецело посвятила себя воспитанию сына. Она учила его иностранным языкам. Уже в 9-10 лет Андрей стал даже «сочинять» по-французски. А позже, в зрелые годы, мой дедушка Андрей Николаевич всех французских авторов 19-го века читал только в подлиннике, и даже без словаря.

В 1943 году Варвара Петровна отвела 9-летнего сына в школу, и сразу в 3-й класс, но оказалось, что там ему делать нечего, и в середине учебного года его перевели в 4-й класс, который он закончил с похвальной грамотой, в городе Омске. Осенью 1944 года семья вернулась из эвакуации в родной Ленинград, и Андрей пошел в 5-й класс 181-й средней школы. Закончил школу дедушка А. Н. Алексеев

с золотой медалью. И в его аттестате была уникальная по тем временам запись о том, что он отлично сдал экзамены по трем иностранным языкам: английскому, немецкому и французскому. Когда после школы молодой человек подал документы в Университет, на филологический факультет, то пришлось предъявлять свидетельство о рождении, а не паспорт; ведь он был моложе своих одноклассников на 2 года. Учился в ЛГУ Андрей Николаевич исключительно на отлично, был сталинским стипендиатом.

В начале 50-х годов семья приобрела автомобиль «Москвич» — самая ранняя модель. Это было событие, существенно определившее уклад жизни семьи. Инициатором приобретения была Варвара Петровна. Она же в 50-летнем возрасте получила водительские права. И если Петр Михайлович Пузанов был одним из первых в Петербурге автомобилистов, то его дочь Варвара Петровна, наверное, одной из первых в послевоенном Ленинграде женщин-автомобилисток. В 18 лет права получил и сын Андрей. Каждое лето семья совершала дальние автопутешествия, сначала на «Москвиче», потом — на автомобиле «Победа». За месяц отпуска «накручивали» на спидометре по 10 тысяч километров и больше. Николай Николаевич, который не водил машину, называл жену и сына «пожирателями километров». (Это все сведения из семейной хроники моего дедушки Андрея Николаевича). Второй же летний месяц студент Андрей Алексеев проводил на студенческих стройках, где и познакомился со своей будущей женой, тоже студенткой филологического факультета Еленой Ивановной Ларионовой, моей бабушкой.

После окончания ЛГУ Андрей Николаевич получил распределение в город Куйбышев, где работал журналистом в газете. Продолжил он свою журналистскую работу в Ленинграде, став сотрудником газеты «Смена». И вдруг мой дедушка резко изменил свою жизнь — он поступил рабочим на завод по обработке цветных металлов. Как написано о нем в книге А. Ежелева «Лучший из грехов», он хотел лучше познать ту самую жизнь, о которой журналисту надлежит рассказывать. Несколько лет мой дедушка Андрей Николаевич работал вальцовщиком, потом электролизником (на Волховском алюминиевом заводе). А когда вернулся в газету, редактор «Ленинградской Правды» предложил ему заведовать промышленным отделом. Но уже через год Андрей Николаевич принимает решение заняться социологией и поступает в аспирантуру ЛГУ. После ее окончания он уезжает работать в Новосибирский академгородок.

Вернулся в Ленинград Андрей Николаевич кандидатом философских наук и стал работать в Ленинградских секторах сначала Института философии, потом — Института социологии Академии наук, старшим научным сотрудником. В 1975 году на базе ряда академических учреждений в Ленинграде создается Институт социально-экономических проблем, где А. Н. Алексеев продолжает свою работу социологом. В 1979 году Андрей Николаевич обращается к руководству института с предложением провести экспериментальное социологическое исследование по разработанной им оригинальной методике «наблюдающего участия». И в январе 1980 года он приходит на свое новое рабочее место слесаря-наладчика в цех Ленинградского завода «Полиграфмаш». Вот как Андрей Николаевич отвечает на вопрос, зачем он это сделал, в уже упоминавшейся книге А. Ежелева «Лучший из грехов»:

«Основной моей целью было показать изнутри, «глазами рабочего», ту производственную жизнь, которая для меня и моих коллег была предметом, как я полагал, недостаточно реалистических и эффективных исследований. Мне этот шаг казался делом моей научной ответственности в разрешении наболевших проблем производства».

Будучи рабочим, а по совместительству научным сотрудником, Андрей Николаевич регулярно представлял отчеты в институт, писал статьи, объективно отражая явления и тенденции зстойного периода. Так, например, он вывел «формулу разгильдяйства», элементами которой являются: незаинтересованность, некомпетентность, безответственность. Одновременно на заводе рабочий Алексеев реально боролся с этими самыми явлениями. Еще до поступления на завод Андрей Николаевич предпринял другое не совсем обычное научное исследование. В 1978 году в порядке личной инициативы он разработал социологическое интервью под названием «Ожидаете ли Вы перемен?» и провел небольшой «не санкционированный» опрос. Это и другие исследования явились поводом для обвинения А. Н. Алексеева в политической неблагонадежности, в «написании и распространении клеветнических материалов на советскую действительность». В 1983 году дома у Андрея Николаевича был произведен обыск. Были изъяты статьи, дневники и письма. Началось преследование. Последовало исключение из партии, из Союза журналистов, из Советской социологической ассоциации. Но Андрей Николаевич продолжал работать на заводе и вести свои исследования.

Неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, но пришли те самые перемены, которые предвосхищал ученый-социолог Алексеев. Началась перестройка. Андрея Николаевича восстановили в партии (из которой он вскоре сам вышел), о социологе-рабочем начали писать в газетах и журналах, приглашать на радио и телевидение. Московские документалисты сняли о нем фильм «Не могу иначе».

Кстати, в этом фильме принимала участие и моя мама Ольга Андреевна, и даже мы с братом. Мама рассказывала о моем дедушке, а годовалый Егорка сидел у нее на коленях, я же тем временем проявлял живой интерес к киноаппаратуре. Было это в 1987 году.

Сейчас дедушка Андрей Николаевич Алексеев работает в Институте социологии Академии наук. На его счету более 150 научных публикаций, он организовал общественный архив, название которого «Россия на изломе». Недавно (в 1997 году) вышла его большая книга «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)». Колледж, в котором я учусь, находится рядом с институтом, где работает мой дедушка, а до недавнего времени работала и моя бабушка Елена Ивановна Алексеева, и я часто захожу туда.

Род Аносовых-Пузановых получил продолжение не только в лице моего дедушки Андрея Николаевича Алексеева и его потомков. Его двоюродный брат, сын Марии Петровны Пузановой (сестры его матери) Владимир Владимирович Абрашкевич (1939 г. рожд.) имеет сына Андрея Владимировича, а у того двое дочерей Евгения и Ирина. Все они сейчас живут в Сочи. А у Павла Петровича Пузанова (брата моего прапрадеда) была дочь Вера Павловна (двоюродная сестра моей прабабушки Варвары Петровны Пузановой), сын которой Игорь Данилович Пивен (1924 г. рожд.) живет в Петербурге.

Как отмечает мой дедушка А. Н. Алексеев, все известные ему потомки-мужчины в роду Пузановых, кроме него самого, — инженеры, люди высоко технически одаренные. Например, И. Д. Пивен — известный кораблестроитель, доктор технических наук, заслуженный изобретатель РСФСР.

Теперь я расскажу о своих предках по линии бабушки Елены Ивановны Алексеевой (в детстве Румянцевой, а затем Ларионовой). Моя бабушка родилась в 1933 году в Ленинграде. В годы блокады она жила вместе с родителями в осажденном городе. Маленькая Елена осталась единственным членом семьи Румянцевых, пережившим блокаду. Все ее близкие умерли от голода. Десятилетнюю девочку удочери-

ли соседи по квартире. А это значит, что у нашей бабушки Елены Ивановны было две семьи, две мамы. Сначала обращаюсь к семейной истории родных матери и отца моей бабушки. Моя прабабушка Людмила Николаевна Румянцева (в девичестве Дорошевская) (1894-1943) была дочерью генерального военного прокурора города Санкт-Петербурга, генерала от инфантерии Николая Федотовича Дорошевского. Кроме нее в семье было еще трое детей: Георгий, Мария и Ксения. Все девочки учились в Смольном институте благородных девиц (в Николаевской половине), о чем свидетельствуют сохранившиеся в нашем семейном архиве поздравительные открытки, полученные ими от родных и подруг в 1910-1912 гг. Брат Георгий учился в Варшаве в Кадетском училище. Больше о нем нам ничего не известно.

Младшая сестра Ксения погибла во время революции. Ее застрелили на улице красные, когда она распространяла листовки. Ксении Николаевне в то время было 19 лет. Другая сестра Мария пережила две войны — гражданскую и Великую Отечественную. В дальнейшем отношения с ней были прерваны. Но вернемся в дореволюционные годы. В это время семья генерала Н. Ф. Дорошевского снимала квартиру на третьем этаже четырехэтажного дома по Поварскому переулку, дом 13, квартира 4. В квартире было 5 больших комнат: гостиная, столовая, детская, спальня и кабинет, который украшал двухметровый портрет хозяйина, облаченного в военный мундир, при всех наградах. (В 30-е годы портрет был сожжен — опасно было не только хранить такие вещи, но и говорить вслух о своем дворянском происхождении).

Хочется рассказать об этом старом петербургском доме. Здесь, по данным петербургского музея-квартиры Ф. М. Достоевского, в разные годы 19-го века жили Тургенев и Чернышевский. Сюда в гости к Тургеневу в 1845 году приходил читать главы своей первой повести «Бедные люди» молодой Достоевский. Дом этот имеет богатую литературную историю и помнит многих великих русских людей.

Обратимся вновь к семье Дорошевских. С какого года они поселились в этой квартире, неизвестно, но в справочнике «Весь Петербург» за 1910 год они указаны по этому адресу. То же свидетельствуют почтовые карточки на имя «Ея Превосходительства Людмилы Николаевны Дорошевской, город Петроград, Поварской, дом 13».

После революции 1917 года квартира стала коммунальной, а наши предки Дорошевские занимали в ней лишь две комнаты — бывшую спальню и кабинет. (Моя бабушка Елена Ивановна с моей мамой жили в этих комнатах до 1975 года).

Людмила Николаевна Дорошевская, моя прабабушка, вышла замуж за Константина Васильевича Румянцева, экономиста по специальности. Константин Васильевич и его брат Николай Васильевич учились в Санкт-Петербурге в Лесном политехническом институте. Родом Румянцевы из города Курска, из учительской семьи. Сохранились дореволюционные фотографии обоих братьев-студентов, их мамы Раисы Николаевны и их бабушки. Есть старинный альбом, в котором молодой Константин каллиграфическим почерком записывал «выдержки наиболее важных мест» из произведений передовых писателей начала 20-го века. Вот одна из страничек этого альбома: М. Горький, «Дети солнца», и первая фраза: «Там, где пролита кровь, никогда не вырастут цветы». А на другой странице строки ныне неизвестных поэтов: Мельшина, Барыкова, Василия Чужого — о бедных и угнетенных, и дата — 24 мая 1906 года. Здесь же изящные рисунки самого Константина. Тройка коней и ямщик по колено в снегу, выполненные простым карандашом; цветы и голуби, а рядом, в окружении фиалок, буква «Л» — нам остается догады-

ваться, возможно, это первая буква имени Людмила.

У супругов Константина Васильевича и Людмилы Николаевны Румянцевых родилось трое детей: Георгий (1925–1942) (дома его звали Юра), Дмитрий (умерший в 3-летнем возрасте) и младшая Елена (род. в 1933 г.) — моя бабушка.

В 20–30-е годы семья бедствовала. Как рассказывает моя бабушка, Константин Васильевич был очень принципиальным и прямолинейным человеком и из-за этого часто лишался работы, а поступить на новое место удавалось не сразу. К тому же Людмила Николаевна, закончившая Смольный институт и знавшая несколько иностранных языков, не была приспособлена к «новой жизни» — не умела рационально вести хозяйство, поэтому нуждалась в помощи прислуги.

Чтобы свести концы с концами, Людмила Николаевна начала работать. В период НЭПа она ходила в зажиточные семьи обучать детей французскому языку. Позднее ей удалось найти работу счетного работника. Годы шли, дети росли. Старшему, Юре перед войной исполнилось 15 лет. Из-за болезни позвоночника мальчик не мог много двигаться. Юра очень любил читать, коллекционировал марки.

Началась Великая отечественная война. В начале войны вместе с детским садом Елену пытались на поезде вывезти из Ленинграда. Но город уже был окружен, и детей вернули назад. Пришла первая блокадная зима. У моей бабушки Елены Ивановны остались о том времени горькие воспоминания. В 1941 г. ей исполнилось 8 лет. Она рано научилась читать и много времени проводила за этим занятием. Но скоро детских книг в доме не осталось, потому что они были тоньше и лучше горели в печке. Людмила Николаевна показала дочери немецкие буквы и Елена стала пробовать читать по-немецки. Сейчас бабушка вспоминает что в 42-ом году читала единственную оставшуюся детскую книгу с картинками — учебник немецкого языка для 5-го класса школы.

Зима была суровая. Все страдали от голода и холода. Съели все, что можно было съесть. У Юры в аквариуме жил аксолотль — личинка амбистомы (североамериканского земноводного). Пришлось сварить и его. Дров для большой изразцовой печи не хватало. Топили, книгами и мебелью, буржуйку, стоявшую посреди 30-метровой комнаты. Но все равно было холодно. На стене, отмеряя время, били старинные часы с орлом, огромное зеркало в позолоченной раме отражало страшный быт блокадной квартиры. Когда у ослабшей Людмилы Николаевны в очереди за хлебом выхватили из рук сумочку с продовольственными карточками, стало ясно, что это конец.

Сначала умер отец бабушки Константин Васильевич, потом бабушкин брат Юра. Мама — Людмила Николаевна — умерла в 1943 году. Перед смертью она сказала своей подруге (и соседке по квартире) Ольге Тимофеевне Ларионовой про дочку Лену: «Возьмите ее себе, не отдавайте в детский дом».

Умерли все близкие Елены. Умерли от голода, променяв на продукты все, что можно было обменивать. А ведь в доме хранился чемоданчик с драгоценностями институтской подруги Людмилы Николаевны, успевшей эвакуироваться. Этот чемоданчик так никто и не открыл. (После войны хозяйка пришла за ним — все сохранилось в целости).

Тогда, в 1944 году, моей бабушке было 10 лет. Ее удочерили супруги Ларионовы, Ольга Тимофеевна и Иван Иванович (своих детей у них не было). Так из Румянцевой Елены Константиновны она стала Ларионовой Еленой Ивановной.

Новый отец Иван Иванович страдал язвой желудка, поэтому не был призван в армию. Он работал столяром на военном заводе. Жили трудно. Бабушка вспоминает, что ели все, что только можно: варили сыромятные ремни, столярный клей.

Кроме школы Елена ходила в хор Дворца пионеров. Там голодным детям давали дуранду — это такие маленькие шарики, приготовленные из жмыха, похожие скорее на опилки, чем на хлеб. Однажды, когда Елена шла по улице, ее подкараулили какие-то люди и обманом повели в чужую квартиру. Спаса случайность, увидел дворник, а ведь девочку хотели убить и съесть...

Теперь, когда мы приходим на Пискаревское мемориальное кладбище к братским могилам ленинградцев, погибших в блокаду, мы думаем о том, что здесь лежат и наши родные.

Кончилась война. Бабушка Елена Ивановна закончила школу с серебряной медалью и поступила в Университет, на филологический факультет. Там она познакомилась с моим дедушкой — Андреем Николаевичем Алексеевым, вышла за него замуж.

Елена Ивановна, так же как и Андрей Николаевич, после окончания ЛГУ, работала в журналистике. Еще будучи студенткой отделения русского языка и литературы, она заинтересовалась журналистикой и в студенческие каникулы пошла работать в редакцию газеты «Сталинское слово», которая находилась в поселке Сосново, Ленинградской области. Жить ей там было негде, поэтому ночевать приходилось в редакции и спать на подшивках старых газет.

Мне хочется привести один эпизод, который мне рассказала бабушка. Получив задание от редактора, Елена Ивановна, тогда студентка 4-го курса, поехала на место, чтобы написать о ходе сельскохозяйственных работ в одном из совхозов района. Руководитель хозяйства оказался опытным специалистом, болеющим за производство. Он откровенно рассказывал о проблемах и, в частности, резко негативно отзывался об обязательном, повсеместном внедрении кукурузы. Партийные органы жестко следили за выполнением этих требований. Доводы директора были так убедительны, что бабушка написала большую статью, содержащую критику хрущевской «кукурузной кампании». Редактор газеты пришел в ужас. Статью, конечно, не опубликовали, а в характеристике, которую бабушка получила при увольнении, было написано: «...студентка Ларионова, при условии повышения политической грамотности, может быть ценным работником нашей советской печати».

После окончания ЛГУ бабушка уехала в Куйбышев (ныне Самара) по месту распределения своего мужа — моего дедушки Андрея Николаевича. Найти работу в Куйбышеве не удалось, и через год она вернулась в Ленинград, устроилась корреспондентом в тосненскую районную газету «Ленинское знамя». Но через полтора года оттуда пришлось уйти, потому что ее, активную журналистку, внештатного секретаря Тосненского райкома комсомола, вызвали в обком комсомола и предложили стать штатным комсомольским работником — первым секретарем райкома. Бабушка отказалась от этого предложения, она не хотела уходить из журналистики. Кроме того, она понимала, что тогда у нее было бы еще меньше возможностей оставаться самой собой и говорить то, что на самом деле думаешь.

Потом была работа в местном радиовещании на Металлическом заводе и Государственном оптико-механическом заводе. Оттуда, по инициативе Ленинградского радиокомитета, она была отправлена на учебу в Ленинградскую Высшую партийную школу, на отделение журналистики, и после ее окончания некоторое время работала на Ленинградском телевидении. 1968 год стал поворотным в жизни моей бабушки. Елена Ивановна оставила журналистику и перешла на научную работу. В течение более чем тридцати лет она проработала в учреждениях Академии наук: на Ленинградской кафедре философии, в Ленинградских секторах Института философии, в Институте социально-экономических

проблем и в Институте социологии. 21 сентября 1960 года в семье Алексеевых Андрея Николаевича и Елены Ивановны родилась дочь Ольга — моя мама. Елена Ивановна год не работала, занималась ребенком. В то время, как уже говорилось, Андрей Николаевич оставил работу в газете «Смена» и поступил на завод рабочим. В период ученичества его зарплата уменьшилась чуть ли не вдвое. Как рассказывает бабушка, он поставил этим в довольно трудное положение свою семью. Чем могли, помогали приемные родители Елены Ивановны, а также родители Андрея Николаевича.

Жили вначале впятером, в том самом доме на Поварском переулке: приемные родители моей бабушки, бабушка Елена Ивановна и дедушка Андрей Николаевич и моя мама (ребенок). Но вскоре Иван Иванович и Ольга Тимофеевна Ларионовы переехали на постоянное жительство на свою родину, в деревню Стрелка, в Новгородскую область.

Не просто складывалась семейная жизнь родителей моей мамы. По словам моей бабушки, дедушка Андрей Николаевич, весь погруженный в свою работу, был плохим помощником в быту. И как шутила бабушка, «в домашних делах он был даже не ноль, а скорее отрицательная величина». (Как пошутил дедушка, прочитав эти строки, «если считать бабушку положительной величиной, то в итоге в домашних делах получался ноль»). Но, по мнению их обоих, не это было основной причиной их разрыва, в середине 60-х гг.

Когда семья родителей моей мамы распалась, Андрей Николаевич уехал на несколько лет работать в Новосибирский академгородок. Их дочери Ольге (моей маме) было тогда семь лет. Между родителями моей мамы, несмотря на развод, на всю жизнь сохранились самые теплые и добрые отношения. Андрей Николаевич называет их в своей семейной хронике «братско-сестринскими».

Когда Андрей Николаевич Алексеев вернулся из Сибири в родной город, он стал работать в том же научном институте, где работала Елена Ивановна. Более двадцати лет бабушка и дедушка работали в одном учреждении. Последние десять — в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН.

Когда в начале 80-х годов Андрея Николаевича Алексеева (социолога — рабочего) начали преследовать, то в опалу попала и Елена Ивановна. Несмотря ни на что, она продолжала свою научную деятельность. За годы работы в академических учреждениях ею написано несколько десятков статей, а в 1997 году вышел подготовленный ею 1-й том научной библиографии по общественным движениям. Запросы на эту книгу приходят даже из других стран.

В 1998 г. Елена Ивановна вышла на пенсию. Когда коллеги провожали ее на заслуженный отдых, я был у бабушки в институте и слышал много добрых и уважительных слов, сказанных в ее адрес.

Теперь я расскажу о своей маме Ольге Андреевне Новиковской, единственной дочери Елены Ивановны и Андрея Николаевича Алексеевых. Как уже говорилось, бабушка Елена Ивановна растила мою маму одна, вкладывая много сил и времени в ее воспитание. Жили они все в той же квартире на Поварском переулке. Рассказы бабушки о предках и, может быть, сами стены этого старого петербургского дома оказали на мою маму большое влияние, запали в душу. С тех пор она стала интересоваться историей своей семьи, ее корнями.

Начинала учиться моя мама в той же 216-й школе г. Ленинграда, в которой училась бабушка Елена Ивановна. Ходила во Дворец пионеров в кружки (мягкой игрушки, кинологов). По словам бабушки, мама была очень ответственной и дисциплинированной девочкой. С 12-ти лет мама стала серьезно интересоваться

зоологией, участвовала в городских олимпиадах по биологии. Пошла в кружок юных зоологов при Ленинградском зоопарке. Каждое лето она ездила в деревню Стрелку, к своим дедушке и бабушке, и вела там наблюдения за живой природой, много ходила по лесу. В девятом классе написала реферат «Лесохозяйственное значение лося в Боровичском районе, Новгородской области», который получил диплом первой степени на конкурсе научных работ старшеклассников во Дворце пионеров.

После школы мама поступила в Ленинградский государственный университет, на вечернее отделение биолого-почвенного факультета, и одновременно работала лаборантом в Зоологическом институте АН СССР. Выезжая на полевые практики, она продолжала собирать материал по питанию и распространению лосей. Эти многолетние наблюдения потом легли в основу ее дипломной работы, получившей высокую оценку. Мама окончила университет в 1985 г.

В свободное время мама с удовольствием читала стихи поэтов серебряного века и говорит, что выросла на стихах Ахматовой, Цветаевой, Пастернака... В юности мама и сама писала стихи. Я попросил у нее разрешения поместить здесь те из них, которые мне больше всего нравятся.

Кони

Кони скачут по булыжной мостовой.
Город встал над величавою Невой.
Кони скачут по проспектам, вдоль Невы,
Не мигая смотрят каменные львы.

Кони скачут. Пролетают купола...
Но Фонтанка им преградою легла.
Кони скачут, кони рвут свою узду.
Кони встали на Аничковом мосту.

Путь

Неведомо откуда,
Неведомо куда,
Шел странник одинокий,
Куда тропа вела.
Шел он через пустыни,
Шел он через года,
К земле его клонили
Жестокие ветра.
Он попадал в обвалы,
Моря переплывал,
А на пути вставали
Граниты мрачных скал.
Так путь наш в этом мире
Петляет чрез года -
Неведомо откуда,
Неведомо куда.

Начиная с 16 лет, мама ведет записи о каждом прожитом дне, это что-то вроде делового ежедневника с элементами дневниковых записей. Мама говорит, что потом очень интересно будет знать, как мы жили, о чем думали 20 лет назад. И если бы у нас были дневники наших прапрабабушек, как много нового можно было бы узнать о них и о той эпохе. Еще у мамы всегда под рукой стоит гитара и большая стопка тетрадей и книг с песнями бардов, потому что

в трудные минуты жизни, как она говорит, музыка и поэзия способны спасти, залечить душевные раны.

Мама рано, в 19 лет, вышла замуж за моего отца Александра Юрьевича Новиковского (род. 28.11.1956). Его родители – Юрий Петрович Новиковский (1930-1959) и Зинаида Дмитриевна Бегеба (Лысова, Новиковская) (род. в 1935 г.). Александр Юрьевич воспитывался в семье отчима – Владимира Максимовича Бегебы. У моего отца есть сводная сестра Тамара Максимовна, моложе его на 12 лет. Про них я знаю очень мало. В 80-х гг. мой отец Александр Юрьевич работал в Институте северной морской геологии и большую часть времени проводил в командировках на Севере (острова Диксон, Косистый). В его работу входила геологоразведка, сбор метеорологических данных. Александр Юрьевич каждый день писал домой письма, но так как почта там работала лишь один раз в неделю, то в Ленинграде мама иногда вынимала из почтового ящика сразу по 7 писем. Все эти письма моя мама хранит как добрую память о тех годах. С 1980 года отец стал постоянным участником Советской антарктической экспедиции. Он и его товарищи работали в Антарктиде на береговой полярной базе Дружная, проводя в экспедициях по 6-8 месяцев в году. У нас дома сохранилась большая карта мира с нарисованными от руки маршрутами, по которым через весь земной шар плавал и летал мой отец. Александр Юрьевич побывал на всех континентах, плавал на знаменитом дизельэлектроходе «Михаил Сомов», был на нескольких советских и зарубежных антарктических станциях.

Основным местом работы моего отца Александра Юрьевича стала сезонная база «Дружная». Теперь она не существует. В 1985 году огромный кусок льда, на котором она располагалась, откололся от берегов Антарктиды и затерялся в бескрайних просторах океана. Полярникам удалось ее найти, снять ценное оборудование. Дома у нас хранится флаг, который был снят в день ее закрытия. На флаге, выцветшем от солнца, изорванном антарктическими ветрами, написано: «Флаг спущен 25.02.1986», и стоят подписи полярников 32-й Советской антарктической экспедиции. 30 мая 1983 года родился я – Новиковский Иван, а три года спустя – мой брат Егор (11 августа 1986 года). Маме было нелегко растить одной двоих маленьких детей, ведь отец большую часть времени проводил в экспедициях. Ей пришлось оставить работу в Зоологическом институте и на 10 лет стать домохозяйкой. Моя мама, привыкла ко всему подходить добросовестно, поэтому как домохозяйка она взяла себе в обязанность шить и вязать на семью, ну а самым главным для себя считала – хорошо воспитывать детей. Мама стала выписывать журнал «Дошкольное воспитание», читать книги по педагогике, медицине, логопедии.

Мы с братом не ходили в детский сад, зато ходили в музыкальную школу, на спортивные занятия, в кружки. А каждое лето на 4-5 месяцев уезжали с мамой в деревню Стрелку, где стоит дом, построенный еще в 1917 г. прадедушкой Иваном Ивановичем Ларионовым. Мы и сейчас туда ездим летом, но на более короткий срок.

Когда мне было 9 лет, а Егору – 6, наш отец, Александр Юрьевич, ушел из семьи. В это время он уже оставил работу в геологии и стал заниматься предпринимательской деятельностью (но, как говорит мама, она ему, похоже, не очень удалась). Теперь я и мой брат Егор видимся с отцом редко. Знаем, что в его новой семье у нас с братом есть трехлетняя сестра, но как ее зовут – отец почему-то не говорит.

Теперь, когда мы с братом Егором стали старше, мама пошла на работу. Она получила вторую специальность, окончив ТОО «Союз педагогов». Сейчас моя мама Ольга Андреевна уже третий год работает логопедом-дефектологом в психоневрологическом детском саду. Вначале ей было очень трудно, но сейчас она приобрела умение и опыт в своей новой специальности. Как и ко всякому делу, она подходит к своей работе творчески. Так, она сама придумывает оригинальные методики для обучения детей, страдающих дефектами речи. Недавно ей была объявлена благодарность с занесением в личное дело. Ее уважают на работе. Сейчас мы живем вдвоем в двухкомнатной квартире в доме на пр. Ветеранов: мама Ольга Андреевна Новиковская, я и мой брат Егор. Бабушка Елена Ивановна живет в доме на ул. Хрустичского и часто у нас бывает, всячески помогает маме.

Теперь напишу немного о себе и о своем младшем брате Егоре. Я закончил в 1998 году девятый класс школы № 395 Красносельского района города Санкт-Петербурга. Кроме школы занимался в разных кружках: авиамodelьном, резьбы по дереву, флористики, плетения из лозы, хожу до сих пор в кружок информатики. Несколько лет учился играть на флейте, пел в хоре. Но больше всего мне понравился кружок радиоэлектроники, в котором я занимался, начиная с 5-го класса, в Доме детского и юношеского творчества у преподавателя Валентина Васильевича Мануйлова. В результате, в 1996 году я получил специальность монтажника радиоэлектронных устройств. Принимал участие в ежегодных выставках работ школьников в ДДЮТ Красносельского района, имею 4 диплома за представленные экспонаты («Светомузыка» в 1996 г., «Компьютерный телефон» в 1997 г., «Говорящая машина» в 1998 г. и «Микропроцессорное устройство» в 1999 г.) Два года назад Валентин Васильевич посоветовал мне пойти в технический отдел Дворца творчества юных, где я занимаюсь и по сей день, в кружке программируемой логики. Недавно получил там сертификат о дополнительном образовании в области радиоэлектроники и микропроцессорной техники.

Сейчас я учусь на первом курсе в Колледже медицинской электроники и оптики, на отделении электроники.

Моя мама, бабушка и дедушка недовольны мною, считают, что я ленюсь учиться. Однако они одобряют мое увлечение электронной техникой. Благодаря материальной помощи бабушки мне удалось приобрести необходимые блоки и собрать компьютер. Правда, пока никак не удается наладить принтер. Так что распечатывать этот текст придется у бабушки на работе.

Моему брату Егору скоро исполнится 13 лет. Он продолжает учиться в той же 395-й школе, где раньше учились мы оба, заканчивает 7-й класс. Еще мой брат занимается в 6-м классе музыкальной школы № 44 Красносельского района, по классу домры. В составе школьного оркестра русских народных инструментов он несколько раз в году выступает на концертах.

А еще Егор — юный железнодорожник. Уже два года он обучается железнодорожному делу, а летом проходит практику на Малой октябрьской железной дороге, освоил специальности: дежурный стрелочного поста, контролер, экскурсовод, осмотрщик путей и подвижного состава, дежурный по станции. В прошлом году Детская железная дорога отмечала свое 50-летие. В газете «Смена» была статья, посвященная этому событию. Среди ребят, хорошо зарекомендовавших себя на практике, был отмечен и мой брат Егор.

Хочу сказать про своего брата, что он добрый и отзывчивый человек. Егор очень любит животных. У нас дома есть кошка, собака, черепаха, и еще он очень просит купить ему белую крысу, но мама на крысу пока не соглашается.

Я рассказал историю нашей семьи. Но есть еще один ее корень. Это не родные нам по крови, но очень близкие и дорогие всей нашей семье люди. Это Ларионовы Ольга Тимофеевна (1899-1983) и Иван Иванович (1898-1979), которые в страшные годы Ленинградской блокады удочерили осиротевшую девочку Елену – мою бабушку. О них много рассказывали мне моя бабушка и моя мама.

Приемная мама моей бабушки Ольга Тимофеевна в девичестве была Смирнова. Родилась она в деревне Стрелка, Боровичского уезда, Новгородской губернии. Ее отец – Тимофей Смирнов – был одним из немногих грамотных крестьян в деревне. Играл на гуслях. Будучи вдовцом с тремя детьми (дочь Иринья и двое сыновей), он женился на прапрабабушке Ефросинии Яковлевне. (Внуком одного из сыновей Тимофея Смирнова, насколько нам известно, является артист Кирилл Лавров.)

От новой жены у Тимофея Смирнова родилось 15 детей, но многие умерли в детском возрасте. Был среди них очень способный мальчик Оська. Он сам собрал на ручейке игрушечную мельницу, которая могла молотить зернышки. Умер Оська в 8 лет от скарлатины.

Начиная с семи лет отец давал детям маленькие грабли и они вместе со взрослыми начинали работать на сенокосе. Маленькая Оля тоже помогала. Ольга Тимофеевна рассказывала моей маме, а мама рассказала мне, как один раз, с сенокоса, десятилетнюю девочку послали домой за чаем. Деревня была в двух километрах от покоса. Оля быстро добежала до дома, собрала в большую корзину посуду и провизию, взяла самовар. Но как его нести? И тогда девочка придумала – она связала полотенцем ручки самовара и повесила его на коромысло, а на другую сторону прицепила корзину. Но тут Оле пришла в голову еще одна мысль: а что если разжечь самовар, ведь пока идешь самовар и закипит. Так и вышло. Отец похвалил девочку за догадливость и сноровку.

Теперь на месте того сенокоса стоит лес, выросли ели в обхват толщиной, и мы каждое лето ходим туда за грибами и вспоминаем о большой семье Смирновых. Нет теперь этих людей, но память о них жива. Есть около деревни Стрелка Фросина гора, названная именем моей прапрабабушки Ефросинии Яковлевны.

Другой рассказ. Старший брат Ольги Тимофеевны – Иван – служил у барина, он был лакеем, носил красивый ливрею. Маленькая Оля часто приходила к брату в барский дом. Там она познакомилась с единственной дочерью барина Танечкой Герасимовой, девочкой такого же возраста. Когда барин узнал об этой дружбе, то пригласил Олю почаще бывать у них. Эта дружба продолжалась несколько лет. И даже в старости прабабушка Ольга Тимофеевна помнила те детские песенки на французском языке, которые они пели вместе с Таней.

Кстати, сам барин был прогрессивных взглядов: хороший хозяин и добрый человек. Зимой вместе с семьей он жил в Петербурге, а на лето приезжал в свое имение в Новгородской губернии. Герасимов заботился о своих крестьянах, помогал вдовам, солдаткам, в праздники угощал всю деревню, выставлял на улице корзину с игрушками для ребятишек. Народ любил своего барина, а тот старался облегчить тяжелую жизнь простых мужиков. Для крестьянских детей он выстроил двухэтажную школу, возле святого ключа поставил часовню, построил церковь. В деревне Стрелка Ольга Тимофеевна закончила 3 класса церковно-приходской школы. Из всех пятнадцати детей Ефросинии и Тимофея Смирновых выжили и выросли лишь четыре сестры: Васса, Антонина, Ольга, Евдокия, и брат Иван.

Молодежь, лет в шестнадцать, ездила тогда в Петербург на заработки. Девушки работали там горничными, а парни устраивались на заводы. Бывали до революции в городе и наша прабабушка Ольга Тимофеевна, и прадедушка Иван Иванович. У

его отца не было денег на железнодорожный билет для сына, он отвез его на лошади до дальней деревни, а дальше велел идти пешком 250 километров. Шел Иван Ларионов месяц, зарабатывая по дороге себе на хлеб. И дошел до Петербурга.

Мой прадедущка Иван Иванович Ларионов родом из деревни Новинка (это в 5 км от деревни Стрелка (откуда родом моя прабабушка Ольга Тимофеевна). Его отца звали Иваном Васильевичем, а мать — Василисой. У Ивана Ивановича Ларионова было два брата: старший — Василий Иванович, и младший — Андрей Иванович.

Мой прадедущка Иван Иванович и прабабушка Ольга Тимофеевна поженились незадолго до революции. Молодые только успели построить свой дом, как Ивана Ивановича призвали на солдатскую службу — шла Первая мировая война. И. И. Ларионов служил солдатом в царской армии, когда началась революция. Не сразу понял, что происходит, а когда разобрался — перешел на сторону красных. Позже прадедущка рассказывал моей бабушке о митингах, на которых он слушал речи Ленина и Троцкого. Он мало что понял в них, но Троцкий ему понравился больше, потому что «говорил лучше».

Когда служил в Красной армии, Иван Иванович попал в плен к махновцам. Он бежал из плена, а поскольку у него отобрали верхнюю одежду и обувь, ему пришлось одеть на ноги рукавицы, которые ему дала сердобольная казачка. За службу в Красной армии мой прадедущка Иван Иванович был награжден именным оружием.

Иван Иванович всю жизнь работал столяром. Сохранился его фотопортрет, который висел когда-то на «Доске почета». Ольга Тимофеевна сменила несколько видов работы: была архивариусом, вахтером. Своих детей у Ивана Ивановича и Ольги Тимофеевны не было. В 1944 году семья Ларионовых удочерила Елену Румянцеву — мою бабушку. В Ленинграде жили и две сестры моей прабабушки — Антонина Тимофеевна Антоновская и Евдокия Тимофеевна Соколова. С потомками Смирновых Татьяной Антоновной Терентьевой (Соколовой) (дочерью Евдокии Тимофеевны), Валентиной Ивановной Пацевич (Фроловой) (внучка сводной сестры Ольги Тимофеевны — Иринии) и Зинаидой Андреевной Тишиной (Васильевой) (дочь младшего брата Ивана Ивановича) моя бабушка Елена Ивановна поддерживает связь.

Недавно (в 1997 году) умер сын Антонины Тимофеевны Сергей Анатольевич Антоновский. Моя бабушка Елена Ивановна ездила в г. Осташков на похороны. С. А. Антоновский был человек интересной и горькой судьбы. Бабушка рассказывала, что он, только что закончив Танко-техническое училище, сразу же попал в военное пекло под Киевом. Был взят в плен. Потом Сергей Анатольевич провел свыше 10 лет в сталинских лагерях. Когда же ему предложили хлопотать насчет реабилитации, он отказался, сказав что не может об этом даже вспоминать.

Каждый раз, когда мы с братом Егором, мамой и бабушкой приезжаем в деревню Стрелку, мы посещаем могилы прабабушки Ольги Тимофеевны и прадедущки Ивана Ивановича Ларионовых. Там же похоронены моя прапрабабушка Ефросинья Яковлевна Смирнова и сестра Ольги Тимофеевны Антонина Тимофеевна Антоновская.

На этом заканчиваю свою семейную историю. Хочу поблагодарить всех моих близких, которые оказали мне помощь в этой работе: бабушку Елену Ивановну, дедушку Андрея Николаевича, и особенно мою маму. А также сотрудников Краеведческого музея города Златоуста и музея Горного института города Санкт-Петербурга за предоставленные материалы о Павле Петровиче Аносове.

В этом тексте семейной хроники есть мелкие фактические неточности и пробелы, многое из генеалогической информации стало достоверно известно позже, а биографическое повествование, как таковое, обрывается 1999 годом, т. е. 10 лет назад. Рассказывать о последующих событиях жизни героев этой хроники – не станем: настоящий текст приведен здесь лишь как некий пример, иллюстрация опыта передачи «эстафеты памяти» (см. выше: раздел 7.1).

Нельзя не сказать лишь о том, что из упомянутых здесь, в ту пору здравствовавших, не стало Елены Ивановны Алексеевой (1933–2002), бабушки Ивана Новиковского, его отца Александра Юрьевича Новиковского (1956–2009) и его троюродного брата – Андрея Владимировича Абрашкевича (1963–2001). Светлая им память! (А. Алексеев. Июнь–декабрь 2009).

***

Ряд генеалогических и биографических сюжетов, представленных в вышеприведенной семейной хронике, более подробно освещен в нашей работе: А. Н. Алексеев. Корни и ветви. XVIII – XXI вв. (Из рукописи первого варианта книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». 2001).⁷

История разных поколений двух родов – Аносовых и Пузановых, породнившихся во второй половине XIX века, впоследствии получила освещение (с привлечением большого массива новой информации) в очерке Ирины Михайловны Яковлевой «О моих родных – потомках знаменитого русского металлурга Павла Петровича Аносова»⁸

Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность, свою и моих близких, историку и краеведу из Златоуста Александру Вениаминовичу Козлову, чьи исследования родственных связей нашего с И. Новиковским предка П. П. Аносова

⁷ Названный материал представлен на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. Точечный адрес – <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>.

⁸ См. названный очерк И. М. Яковлевой на ее персональном сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/> (точечные адреса: <http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija/puzanovi>; <http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija/Anosovi/>). Его же см. на сайте «Всероссийское генеалогическое древо» (ВГД) – <http://baza.vgd.ru/> (точечный адрес: <http://baza.vgd.ru/18/71320/>; <http://baza.vgd.ru/18/71177/>).

На обоих названных сайтах можно найти и другие очерки и заметки И. М. Яковлевой из цикла «Моя генеалогия», посвященные ее собственным и ее близких родственникам предкам. (См.: <http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija>; <http://baza.vgd.ru/18/>).

См. также: Кирилл С. и Яковлева И. Там, за Нарвской заставой... Петр Михайлович Пузанов. (1862 – 1935), на сайте Царскосельского автомобильно-спортивного клуба: <http://www.tsar-auto-club.spb.ru/> (точечный адрес: <http://www.tsar-auto-club.spb.ru/publishing/kiriletz/pusanoff.html>). Этот же очерк см.: на сайте ВГД: <http://baza.vgd.ru/18/74597/>; на сайте Союза возрождения родословных традиций (СВРТ): <http://www.svrt.ru/> (точечный адрес: <http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=1533>); на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/avtomobilnye-istorii/za-narvskoj/>; в интернет-журнале «Проблемы местного самоуправления»: <http://www.samoupravlenie.ru/> (точечный адрес – <http://www.samoupravlenie.ru/31-15.php>).

Все названные генеалого-биографические тексты богато оснащены фамильными фотографиями и документами.

На этом же сайте («ИМЯ. Капризы памяти») можно найти некоторые работы историков Е. М. Заблочкого и А. В. Козлова, посвященные П. П. Аносову, его родословной и потомкам. (См. ниже).

являются классикой генеалого-биографических штудий.⁹

Другим замечательным примером этого жанра исследований может служить очерк историка **Евгения Михайловича Заблочкого** «Горная династия Аносовых: генеалогический контекст». ¹⁰ Ему же автор этих строк и его родственники весьма признательны за архивные изыскания относительно родословной Пузановых. ¹¹ (А. Алексеев. Январь-июнь 2009).

7.2.а. «Самая большая беда России сегодня – что она родства не помнит...»

Ниже – образец семейной хроники, представленной в жанре личного письма. Автор – Георгий Иванович Трубников.

Мы знакомы с ним 20 лет, начиная с совместного участия в демократическом движении Ленинграда конца 1980-х – начала 1990-х гг. Г. Т. – физик, кандидат технических наук. Был депутатом Петросвета (1990-1993). Публицист, автор книги «Мой сад – гражданское общество» (СПб.: Росток, 2009) и

⁹ См.: Эпоха Аносова: Материалы к Аносовской энциклопедии / Автор-составитель А. В. Козлов – Златоуст: ООО «ФотоМир», 2008, 250 с.; Козлов А.В. Девять поколений Аносовых. – В кн.: От Урала до Невы. Челябинск, 2001; Козлов А. В. Два века Аносова / А. В. Козлов, Н. А. Косиков // Златоустовский . рабочий. 1999. – 13, 15, 17, 21, 22, 24, 27 – 29 июля; Козлов А. Девять поколений Аносовых: родственные связи и родословная великого русского металлурга // Златоустовский рабочий. 1999. – 8 сент. (электронная версия – на сайте «Челябинская пресса»: <http://www.chelpress.ru/> . Точечный адрес – <http://www.chelpress.ru/newspapers/ZR/archive/08-09-1999/2/ZR03.DOC.shtml>); А. В. Козлов. Аносов Павел Петрович. Из энциклопедического доосье (на сайте Художественной мастерской «Клинковое Холодное Оружие»: <http://www.kxo.ru/content/articles/index.php?article=2450>; этот же очерк см. на сайте «ИМЯ. Капризы памяти» – <http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija/Anosovi/pavel-petrovich-anosov/>).

См. также: Козлов А. В.. Две судьбы: Пушкин и Аносов. Заметки на полях биографий // Златоустовский рабочий. 1999. – 1, 2, 3 июня (электронная версия – <http://www.chelpress.ru/newspapers/ZR/archive/01-06-1999/3/ZR09.DOC.shtml>;

<http://www.chelpress.ru/newspapers/ZR/archive/02-06-1999/3/ZR12.DOC.shtml>;

<http://www.chelpress.ru/newspapers/ZR/archive/03-06-1999/3/ZR10.DOC.shtml>).

См. также: Генерал от металлургии Павел Аносов / Под ред. проф. М. Е. Глазачкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. (А. В. Козлов – среди авторов-составителей этого сборника); А. В. Козлов. Аносов Павел Петрович. Металлург. 210 лет со дня рождения 1796-1851 (на сайте Челябинской областной научной библиотеки: <http://unilib.chel.su/>; точечный адрес – http://unilib.chel.su:81/el_izdan/kalend2006/anosov.htm).

Нашу переписку с А. В. Козловым рубежа 1990-2000-х гг. см. в упомянутой выше работе: Алексеев А. Н. Корни и ветви...: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>.

¹⁰ Опубликовано в: Генеалогический вестник. Вып. 22, СПб., 2005. См. названную и ряд других работ Е. М. Заблочкого на авторском сайте «Горное профессиональное сообщество дореволюционной России»: <http://russmin.narod.ru/>. (Точечный адрес очерка «Горная династия Аносовых...» – <http://russmin.narod.ru/anosov01.html>). Этот же очерк см. на сайте «ИМЯ. Капризы памяти» – <http://sundry.wmsite.ru/moja-genealogija/Anosovi/gornaja-dinastija/>).

¹¹ Эти генеалогические изыскания нашли отражение в уже упоминавшейся работе И. М. Яковлевой «О моих родных – потомках знаменитого русского металлурга Павла Петровича Аносова».

большого количества статей на политические и этические темы.¹² (А. А. Сентябрь 2009).

Моя семья, моя родословная

Это письмо я написал нашедшейся троюродной сестре Tatiana Mitrow, в девичестве Зоргенфрей, живущей в Канаде. Я так подробно все расписал, что это письмо может послужить семейной хроникой.

Дорогая Татьяна!

Итак, я – Юра (Георгий), сын Елены Куртовны Зоргенфрей. Поскольку ты приезжала в Россию и искала родственников, то я постараюсь все рассказать.

Чтобы понять все обстоятельства жизни моей мамы, нужно постоянно помнить, что мы жили в условиях коммунистического режима, а начиная с 1951 года – в закрытых (секретных) городах на Урале и в Сибири, где одно упоминание про родственников за границей стоило бы свободы или даже жизни.

Война застала нас в Ростове-на-Дону, где я родился в январе 1940 года. Брат Дима (Владимир) родился в феврале 1936 года.

Брак мамы с нашим отцом, Александром Степановичем Николаевым, был к этому времени уже непрочным, а может быть фактически и прекратился (не мне судить). Отца призвали в армию, мама с нами была эвакуирована в Казахстан. После снятия блокады к нам из Ленинграда приехала бабушка Людмила, Людмила Эдуардовна, вторая жена деда Курта. А дед умер от голода в блокадном Ленинграде в феврале 1942 года.

В конце 1943 года мама вышла замуж за инженера-металлурга Ивана Федоровича Трубникова. Вскоре его перевели в Мончегорск Мурманской области, мы все поехали туда. Бабушка Людмила довольно долго жила с нами, потом вернулась в Ленинград. Умерла она в 1958 году.

В ноябре 1944 года родился брат Виктор. В 1949 году отчима перевели на Урал, в город Верхний Уфалей Челябинской области, где он стал директором никелевого завода.

(Я не хочу находить благопристойный синоним слову «перевели». Это было обычное, всем понятное слово. Человека вызывали к начальству – не непосредственному, а на несколько ступенек выше – и сообщали, что через неделю он должен выехать туда-то. В среде военных это было обычное дело, но и штатские люди, начиная с некоего уровня, тоже подчинялись приказу. Армейская дисциплина –

¹² Нижеследующий текст воспроизводится с сайта «Мой сад – гражданское общество»: <http://gtrubnik.narod.ru/>. Точечный адрес – <http://gtrubnik.narod.ru/hronica.htm>.

В предисловии к сайту Г. Трубников пишет:

«...Оглянувшись на свою жизнь из седьмого десятка ее течения, я понял, что, оказывается, я всю жизнь помимо профессиональной, оплачиваемой работы старался делать что-то общественно значимое, осуществлял разного рода гражданские инициативы, не дожидаясь указаний и поддержки от государства, чаще вопреки установкам государства. Пахал, сеял, выращивал. Создавал институты гражданского общества. Отсюда и название сайта...»

См. также ЖЖ «Георгий Трубников»: <http://sadvnik40.livejournal.com>.

образ жизни России в течение 70 лет.)

А в 1951 году — новое назначение: в город, окруженный колючей проволокой и наводненный кагэбешниками, в той же Челябинской области. Город этот (в те годы он назывался Челябинск-40, теперь — Озерск или комбинат «Маяк») до сих пор закрыт, но теперь о нем пишут в печати. (*Уникальное описание жизни в Сороковке см. на сайте Николая Работнова* ¹³). Это — атомная промышленность, именно там в 1957 году произошла авария: атомный взрыв наподобие Чернобыля — через несколько месяцев после нашего отъезда.

В 1957 году, окончив школу, я уехал в Москву, поступил в инженерно-физический институт, где к этому времени уже учился Дима. А мама с отчимом и Виктором переехали в такой же закрытый город под Красноярском, потом в еще один — под Томском.

(В 1951 году мама предложила, чтобы я был официально усыновлен отчимом. Я согласился по малости лет и стал Георгием Ивановичем Трубниковым. А Дима остался Владимиром Александровичем Николаевым).

Дима после окончания института получил направление в Ленинград, где жил у отца. И я после окончания института тоже оказался в Ленинграде, но благодаря тому, что к этому времени женился на ленинградке.

(Нужно пояснять, что в СССР было понятие «прописка»?)

К концу 60-х годов и мама с отчимом с большими сложностями тоже переехали в Ленинград, а потом и Виктор (но не в сам Ленинград, а на атомную станцию в Сосновом Бору, примерно 100 км от Ленинграда).

Отчим умер в 1972 году, отец 1 марта 1983 года.

Мама последние годы жизни жила со мной, болела, ломала ноги, был сильный склероз. Умерла она 4 мая 1990 года.

Еще о Зоргенфреях. Лидия Юлиевна Виндт, дочь Эммы, после возвращения из ссылки одиноко жила в Ленинграде, они с мамой были дружны. Умерла она сразу после мамы. Сын и внук Норы, дочери Отто, жили в Оренбурге, связь с ними утеряна.

Моя жена, Валентина, инженер, работает сейчас в кораблестроении. Единственная дочь Маша работает в мэрии Санкт-Петербурга, в комитете по городскому имуществу (это — новая в нашей стране профессия). Внучка Анна через полтора года закончит школу, ей 16 лет, учится в гуманитарной гимназии, изучает английский и французский. Муж Маши Андрей — менеджер. Все мы живем в пригороде Санкт-Петербурга, на берегу Невы. Есть у нас маленький дом в деревне под Лугой. Это та самая деревня Вяжище, где еще недавно кое-кто *помнил деда Курта*, который летом жил там перед войной.

У Димы тоже одна дочка, Ольга, и внучка Полина. У Виктора две дочки — Лена и Ира, внук Артем.

О себе. Я просто вставлю в письмо документ, который есть в моем компьютере. (биографическая справка). ¹⁴

С детства тянулся к театру, к литературе. Мама после войны не работала в театре: в тех городах, где мы жили, театров просто не было, тем более детских. Но была «художественная самодеятельность». И мама работала в клубах, домах

¹³ См. <http://gtrubnik.narod.ru/rabotnov/rabotnov.htm>.

¹⁴ См. <http://gtrubnik.narod.ru/biografy.htm>.

культуры — руководила детскими драматическими кружками. (Понятна ли тебе эта терминология?) И я в ее кружках до некоторого времени участвовал. Без религии, без свободы — и вдруг — *художественное творчество в собственных попытках*. Сколько детей прошло через это! Это было подвижничество. Никогда не забывая, чем я обязан маме.

Она хотела, чтобы я стал режиссером, позже поощряла мои поэтические опыты. Но я под влиянием мужской части семьи избрал надежную и престижную в те времена профессию. Не жалею об этом: меня миновала тяжкая необходимость продавать талант тоталитарной системе. Все-таки создавать лазеры можно, не наступая на собственное горло. А по вечерам занимался со старшеклассниками — как мама — той же самой самостоятельностью. И все объяснял этим взрослым детям.

Ненависть к режиму пришла постепенно, вначале я только Сталина ненавидел. Когда понял все — уже была семья, если бы бросился в борьбу с режимом — никто бы не успел этого заметить. Жил двойной жизнью: 8 часов — физике, остальное — ненавистчивым проповедям.

Но в 1985 году рванул как с низкого старта. В этом документе многое осталось за кадром, когда-нибудь расскажу.

Мама не рассказывала нам о вас, о семье своего двоюродного брата, по простой причине. При поступлении на учебу и на работу каждый советский человек был *обязан* в письменном виде в обязательной анкете ответить на вопрос: «*Имеете ли родственников за границей?*». Мама не хотела искушать своих правдивых мальчиков. Скрывала правду и рисковала только она сама, а не мы. Ведь вся семья, сколько я себя помню, была в особых «режимных» условиях. И я, и братья всю жизнь работали на «секретных» предприятиях. Каждый из нас за это время много раз заполнял эту проклятую анкету. К счастью, термин «родственники» был не вполне определен. Советские люди «имели право» ничего не знать о троюродных сестрах.

(Я помню, как однажды в Челябинске-40 мы, соседи, были потрясены самобытностью отличного молодого мужика. Шепотом мне рассказали, что «особый отдел» (КГБ) выяснил, что этот человек в возрасте подростка жил какое-то время на оккупированной территории. И не сообщил об этом в анкете. А КГБ об этом дозналось. И он предпочел не подвергать себя дальнейшему расследованию.)

О существовании ее двоюродного брата Алексея и его дочерей, о возможных родственниках за границей я узнал от мамы, будучи уже взрослым человеком. Сейчас уже не представляю, откуда она сама все-таки что-то узнала. Говорила, что, вроде бы, вы все оказались на оккупированной территории, что Алексей работал переводчиком. Считалось, что вы в Германии. Примерно в то же время я узнал, что ее мама, Елена Михайловна, расстреляна чекистами в 1919 году. О том, что Вильгельм Александрович Зоргенфрей расстрелян в 1937 году, я узнал несколько раньше.

Сколько тебе сейчас лет? Я предполагаю, что восьмидесяти еще нет? Что ты помнишь о предвоенных годах? Где вы жили тогда, были ли близки с мамой? Каким помнишь деда Курта?

Густав Густавович был старшим сыном в семье. В связи с этим — наверное, ты больше знаешь о Зоргенфреях в России. Сохранились ли фотографии и документы? Посылаю свою попытку составить генеалогию — по маминым словам, но когда она уже страдала склерозом.

Очень хочу все, во всех подробностях, знать об Алексее Густавовиче. О его характере, о профессии. О взаимоотношениях Зоргенфреев в предвоенные годы. О событиях 41-го года.

И, конечно, *все о тебе и о Ксенье*. О войне, о вашей жизни в послевоенные годы. Как вы выходили замуж, как уезжали из Германии. Когда умер и где похоронен Алексей Густавович?

И о ваших семьях. Кто где живет, чем занимаются муж, дети и внуки.

Нет, нет, никогда не поздно этим заниматься. Мне это нужно хотя бы для того, чтобы рассказать внучке, как судьба проехала по нашей семье. Как мы лишились дедовского дома, как пытались его восстановить. Как теряли родственные связи, и только с возрастом понимаешь, что это ничем не компенсировать. Как умеют держаться немцы в драматических обстоятельствах.

Самая большая беда России сегодня — что она родства не помнит.

Попробую объяснить, где живу я. До войны здесь было село Усть-Ижора, оно осталось, но рядом вырос пригород Металлострой. Здесь институт, в котором я проработал тридцать лет, завод и 30 000 населения.

Если плыть на пароходе из Петербурга вверх по Неве, то справа будет Обуховский завод, потом село Рыбацкое, а потом уже мы.

Г. Т., 17.03.1999

7.3. «Все мы родственники...» (народная генеалогия)

Следует заметить, что в последние лет 10 все большую популярность и едва ли не характер культурного движения приобретает у нас генеалогическая и автобиографическая самодетельность. Особенно активизировалась она в связи с развитием Интернета.

Здесь стоит указать на некоторые интернет-проекты.

«Всероссийское генеалогическое древо» (ВГД)

<...> Мы работаем с мая 1999 г. Сайт обновляется каждый день (без исключений). За это время происходило множество знаменательных и замечательных событий, но главное — не это... Здесь есть советы для начинающих генеалогов, масса полезных сведений, форум, где можно общаться с единомышленниками и помещать объявления о поиске, но и не это главное...

ВГД — это постоянно растущая коллекция сведений, сейчас в значительной степени в форме базы данных, люди могут добавлять сведения сами. Постепенно будут добавляться ссылки на генеалогические древа, адреса домашних страниц и электронную почту, перекрестные ссылки между семьями супругов и, в конце концов, все сплетется в единую сеть. Основными авторами должны стать посетители. По своей сути — это народный проект.

Все знают, что не так уж и давно в семьях — и дворянских и крестьянских — было по десять детей. Как вы думаете, сколько людей проживало в Московском государстве в пятнадцатом веке? Все мы родственники... Тем не менее, на нашем сайте никогда не будет сведений обо ВСЕХ людях. Хотя бы потому, что некоторые и не хотят, чтобы о них писали. Если предположить, что идеальное «Всероссийское генеалогическое древо» это мозаика, состоящая из многих фрагментов, тесно и

однозначно друг к другу примыкающих, то наш сайт — это коллекция недостающих фрагментов. Тут обязательно есть ваши родственники и вы можете использовать сведения о них, составляя собственное генеалогическое древо, и связываться с ними, если присутствует их контактная информация. И те сведения, которые разместите вы, кому-то тоже очень нужны, может, он их уже полжизни разыскивает. В конечном счете в ВГД войдут фрагменты сведений о большинстве семей, но пока база только формируется.

С помощью ВГД можно найти потерянных родственников, друзей и знакомых, создавать клубы однофамильцев. Инюрколлегия найдет в ней потерянных наследников, эмигранты — друзей детства, а журналисты — родственников знаменитостей. Возможностей масса.

<...> ВГД является интернет-проектом, который много лет занимает лидирующее положение в поисковых системах, каталогах и рейтингах по тематике генеалогия. В первую очередь это обусловлено тем, что данные на сайте постоянно обновляются. Ведется работа по структуризации информации и улучшению сервисов, помогающих людям находить своих родственников, однофамильцев и единомышленников. Во многом этому способствует и то, что сформировавшееся вокруг сайта комьюнити людей, искренне увлеченных генеалогией, активно помогает новичкам в их изысканиях и первых шагах направленных на изучение истории своего рода.

<...> Помимо интернет-деятельности мы занимаемся научной деятельностью, пишем статьи и т. д. Специфика генеалогических исследований такова, что часть людей, обращающихся к нам за помощью, не хочет, чтобы результаты были выставлены на всеобщее обозрение. Разумеется, мы уважаем их мнение и тщательно соблюдаем их права. За годы существования проекта было выполнено более 300 исследований. <...>

ВГД старается развивать народную генеалогию, в настоящее время запущен проект по сбору материалов для книги с биографиями пользователей сайта.

verba volant – scripta manent

Сказанное исчезает — написанное остается — девиз, написанный на гербе интернет-проекта ВГД». ¹⁵

¹⁵ См. сайт ВГД: <http://www.vgd.ru/>. Точечный адрес — <http://www.vgd.ru/about.htm>. Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника: <http://baza.vgd.ru/>. По состоянию на июль, 2009 г. в этой базе около 70 тыс. тем, около 220 тыс. сообщений, около 47 тыс. пользователей. Форум ВГД: <http://forum.vgd.ru/>.

Из объявлений на Форуме:

«...Началось издание книги «Россия XX век. История 100 семей», созданной участниками нашего форума. В книге прослеживаются очень разные судьбы обычных семей, живших в самых разных уголках Российской империи, Советского Союза, России с 1900 по 2000 год. Ценность книги в зачастую почти невероятно-детективных перипетиях жизненных историй. Практически каждая глава дополнена фотографиями. <...>

Вышла из печати книга «Операция «Кулаки». Книги судеб: 80 лет спустя...», написанная при информационной поддержке нашего сайта. В книге рассказывается о двенадцати семьях, судьбы которых 80 лет назад круто изменила политика «ликвидации кулачества как класса». Издание богато иллюстрировано документами и фотоснимками из семейных архивов».

См. также: Древо признания (Интервью с владельцем сайта ВГД С. Котельниковым) / Коммерсантъ-Деньги, 2003, № 47 (452). Электронная версия — <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=432284>.

Другой интернет-проект, а точнее – некоммерческая организация, активно использующая сетевые ресурсы:

Союз Возрождения Родословных Традиций

<...> СВРТ является некоммерческим партнерством, организацией людей, объединенных желанием узнать историю своей семьи, найти свои корни. Однако объединяет их не только этот интерес, но также стремление приобщить других к уважительному отношению к жизни своего народа и к его истории через изучение родословия. Именно этими идеями руководствовались люди, учредившие СВРТ.

Родина, у каждого человека это понятие включает что-то личное, связанное с его жизнью и жизнью его семьи. Зачастую, изучая историю нашей огромной страны, мы прекрасно помним даты и события, происходившие в ней на протяжении многих веков, совершенно не задумываясь о том, что все эти события были непосредственно связаны с судьбой наших предков. Историю страны, общества составляют истории и судьбы множества отдельных людей.

Начиная заниматься генеалогическими исследованиями, каждый человек преследует свои собственные цели, кто-то возвышенные, кто-то более земные, но независимо от этого изучение истории своей семьи, своего рода делает человека богаче, позволяет ощутить единство с прошлыми поколениями, приобщиться к их духовным богатствам.

Основными целями СВРТ являются:

- возрождение исторической памяти народа на примере истории рода;
- возрождение и развитие традиций историко-родословных исследований;
- развитие профессиональной и любительской генеалогии;
- пропаганда генеалогии как исторической составляющей культурного наследия народов России.

Одной из важнейших задач СВРТ является координация генеалогических поисков и исследований, а также установление и поддержание связей между людьми, занимающимися генеалогией, при этом неважно, специалисты они или любители. Другой немаловажной задачей является накопление генеалогической информации и создание информационного банка по генеалогии и смежным дисциплинам.

Деятельность СВРТ направлена на содействие развитию генеалогии как научной дисциплины и как отрасли практического знания. Для этого Союз собирает, обрабатывает и издает материалы по истории, родословию, геральдике и связанным с ними дисциплинам; проводит публичные заседания и лекции, организует тематические выставки, семинары, мастер-классы и другие мероприятия.

Важным аспектом деятельности СВРТ является взаимодействие с архивами, музеями, библиотеками и другими учреждениями и организациями по вопросам, связанным с генеалогическими исследованиями. СВРТ обеспечивает своим членам возможность занятий в архивах, библиотеках

и музеях страны».¹⁶

К настоящему времени сложилась широкая сеть коллективных и персональных генеалогических сайтов. Для общего представления о характере и тематической направленности этих интернет-ресурсов предложим читательскому вниманию случайную (механическую) выборку только 22 из 220 наименований, входящих в «Кольцо генеалогических сайтов», представленное на сайте «Всероссийское генеалогическое древо»:

Выборка из «Кольца генеалогических сайтов»

<...>

- Петербургский генеалогический портал¹⁷
- Путешествие во времени и пространстве, или большая украинская семья¹⁸
- Род Доценко¹⁹
- Гюльмисаряны²⁰
- Род Богатовых²¹
- Сайт Кривошаповых²²
- История семьи Гинзбурге²³
- Семейный альбом. Генеалогия Ежиковых²⁴
- История семьи Капишиных²⁵
- Европейское общество генеалогии и геральдики в Эстонии²⁶
- Древо семейства Кандинских²⁷
- Города и остроги земли Сибирской²⁸
- Генеалогия и семейная история Высоцких²⁹
- Клуб знаменитых Шевченко³⁰
- Николай Голицын³¹
- Программа построения генеалогических деревьев «HECTOR»³²

¹⁶ См. сайт СВРТ: <http://www.svrt.ru/index.html>. Точечный адрес – <http://www.svrt.ru/npsvrt.htm>. Информация о Всероссийских генеалогических выставках, регулярно проводимых СВРТ в разных регионах, начиная с 2005 г.: <http://www.svrt.ru/events.htm>. On-line проекты СВРТ, связанные с поиском, хранением и обменом генеалогической информацией: <http://www.svrt.ru/events.htm>. Форум СВРТ (Региональная и национальная генеалогия, краеведение, история): <http://forum.svrt.ru/>.

¹⁷ См. <http://www.petergen.com/about.shtml>.

¹⁸ См. <http://www.genealogy.iatp.org.ua/>.

¹⁹ См. <http://www.gen-dotsenko.narod.ru/>.

²⁰ См. <http://giulmisarian.narod.ru/index.html>.

²¹ См. <http://www.bogatov.info/>.

²² См. <http://www.krivo2008.ucoz.ru/>.

²³ См. <http://www.ginzburgi.ru/hist.htm>.

²⁴ См. <http://ezhikov.ucoz.ru/>.

²⁵ См. <http://kapishnikov.narod.ru/>.

²⁶ См. <http://www.genealogia.ee/society.htm>.

²⁷ См. <http://www.kandinsky.ru/>.

²⁸ См. <http://www.ostrog.ucoz.ru/>.

²⁹ См. <http://wysocki.nsknet.ru/>.

³⁰ См. <http://sheva.name/>.

³¹ См. <http://golitzin.narod.ru/>.

³² <http://drevo0000.narod.ru/>.

- Программа «Семейная летопись»³³
- Barabin³⁴
- Отечественная генеалогия (И. Ю. Юсков)³⁵
- Мое генеалогическое древо (А. А. Горшков)³⁶
- Предыстория³⁷
- Шишко – наша родословная³⁸
- <...>

В этом тематическом пространстве виртуальных ресурсов находится и персональный сайт петербурженки (ныне проживающей в Абхазии, г. Сухум) Ирины Михайловны Яковлевой, под названием «ИМЯ. Капризы памяти»³⁹. Этот сайт, на который мы не раз ссылались, – тот самый, где представлена богатая генеалогическая и биографическая информация о собственном родословии И. Я. и о семейных корнях ее близких родственников, в том числе – одного их соавторов настоящей книги (А. А.)⁴⁰.

Мироощущение и настрой многих изыскателей генеалогической информации, хранителей семейной памяти и передатчиков «эстафеты памяти» (в изложенном выше смысле) – хорошо выражены в стихотворении И. Яковлевой, который открываются ее «Капризы памяти»:

Открыли сайт? Я рада Вам!
 Быть может, хоть моим словам
 Удастся пережить меня...
 Спасти от тлена, от огня
 Судьбу моих родных и близких...
 Нам не поставят обелиски...
 Нас тысячи, таких, как я...
 А здесь... А здесь судьба моя.
 Она растет от корня предков...
 Я – веточка на ДРЕВЕ. Ветка,
 Которой уж не зацвести...
 Прости, читатель мой, Прости!
 Я познакомлю Вас с друзьями,
 И, может быть, Вы вместе с нами
 Генеалогией займетесь
 И в море Черном окунетесь...
 И будем вместе мы летать
 И, может быть, стихи писать...
 А если не стихи, так прозу

³³ См. <http://www.the-family-chronicle.com/>.

³⁴ См. <http://barabin.h16.ru/index.shtml>.

³⁵ См. <http://www.yskov2007.narod.ru/>.

³⁶ <http://www.gorshkov.fromru.com/rod.htm>.

³⁷ См. <http://www.predistoria.org/index.php>.

³⁸ См. <http://shishko.ru/>.

³⁹ См. <http://sundry.wmsite.ru/>.

⁴⁰ Значительная часть генеалого-биографических очерков и заметок И. Яковлевой размещена также на сайте ВГД: <http://baza.vgd.ru/18/> (около 50 статей).

О моих родственниках – супругах Владимире Владимировиче Абрашкевиче и Ирине Михайловне Яковлевой см. также: Титов Е. Край вечно зеленых мандаринов // Новая газета, 2.12.2009, № 134. (Электронная версия – <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/134/18.html>).

Про горы, лес, или мимозу...
Названия ж моих статей
Так позволяет отвлекаться...
Я расскажу Вам без затей
Про маму, папу и про братца...
Про деда – гордость всей семьи...
«Капризы памяти» мои
Дают возможность говорить
О чем угодно... так и быть,
Читайте, раз открыли сайт,
Вперед, друзья мои! All right!

7.4. Личная переписка как документ биографии и истории ⁴¹

Личные письма широко используются как источник для биографических, меньше — исторических изысканий, однако природа, особенности и значение этого источника недостаточно отрефлексированы. Всякое частное письмо являет собой некое единство сообщения, отображения и самовыражения (изъявления себя). Таким образом, это есть источник информации как о самих коммуникантах, так и о реальности, являющейся предметом коммуникации.

Использование личной переписки в биографических исследованиях имеет ряд ценных, не восполнимых другими информационными ресурсами качеств, среди которых: а) непосредственность; б) информативность; в) достоверность (разумеется, все — относительно).

Личная переписка, как правило, диалогична. Тем самым она позволяет судить о некоторых событиях жизни, о ментальности, о круге общения пишущего — *в контексте* как его адаптации к восприятию адресата (об одном и том же можно сообщить разным лицам по-разному), так и самого этого восприятия и встречной реакции эпистолярного партнера.

Существует понятие «эпистолярная литература». Под этим понимаются: 1) изданные письма частного характера; 2) совокупность произведений, использующих форму письменного обращения к другому лицу. Без соответствующего «тома писем» не обходится ни одно академическое собрание сочинений. Истоки эпистолярной литературной формы восходят к античности.

Переписка исторических личностей ныне занимает значительное место в документальной литературе («литературе факта»). К сожалению, переписка «рядовых» людей (обычно плохо сохраняемая...) пока мало используется как ресурс биографических, культурологических и исторических исследований. Недооценивается и значимость рассмотрения эпистолярного диалога как такового (в отличие от совокупности писем исторического лица к менее известному адресату).

⁴¹ Тезисы одноименного доклада А. Н. Алексеева на Шестых международных чтениях памяти В. В. Иофе (СПб, апрель 2008).

Переписку двух и более лиц, представленную как некая целостность, с ее естественной драматургией, можно назвать *эпистолярной хроникой*. Это пока не термин, однако удачное название книги И. Кузьмичева «А. А. Ухтомский и В. А. Платонова. Эпистолярная хроника» (СПб., 2000), возможно, будет способствовать его укоренению в биографике.

Современный Интернет является неисчерпаемым кладезем и архивом эпистолярных хроник (диалогов).

Апрель 2008

Постскриптум

Примером, а точнее — уникальным собранием эпистолярных хроник (переписка одного лица с несколькими сотнями корреспондентов) является цикл Р. Г. Баранцева «Люди в письмах», в 7 томах, о котором пойдет речь ниже.

Вообще же, потенциальным составителем таких диалогов в письмах является каждый человек, сохранивший адресованные ему послания другого лица и копии собственных, отправленных тому же лицу, либо, так или иначе, собравший эти две «связки писем» воедино.

7.5. «Дар следующим...» (Р. Баранцев)⁴²

7.5.1. Несколько слов о Рэме Баранцеве и его «мемуарах»⁴³

Моему другу, профессору матмеха Санкт-Петербургского университета Рэму Георгиевичу Баранцеву принадлежит замечательная шутка: «*Впадать в мемуаризм надо раньше, чем в маразм, с упреждением*». Он высказался так, уже написав и издав автобиографический цикл, который, строго говоря, мемуарами не является. Потому и пишу «мемуары» — в кавычках.

Рассказывать о жизненном пути и многостороннем вкладе Р. Г. Баранцева в отечественную естественную и гуманитарную науку здесь не стану. Адресую только к двум сетевым ресурсам — персональным страницам Р. Б.:

а) на сайте «Академии тринитаризма» <...>⁴⁴ и

б) на сайте математико-механического факультета Санкт-Петербургского гос. университета <...>.⁴⁵

⁴² Настоящий раздел представлен в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/dar-sledujuschim-rem-barancev/>.

⁴³ Воспроизводится с сайта «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/barantsev_alekseev.html.

⁴⁴ См.: <http://www.trinitas.ru/>. Точечный адрес — <http://www.trinitas.ru/rus/doc/avtr/00/0032-00.htm>.

⁴⁵ См.: <http://gamma.math.spbu.ru/>. Точечный адрес — http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/index_r.html.

На первом – в основном философские труды, среди которых обобщающим является «Становление тринитарного мышления» (2005) <...>. ⁴⁶ На втором – мемуарные сочинения. О них скажу подробнее.

Первая книга – *«История семиодинамики: документы, беседы, комментарии»* – вышла в 2006 г. ⁴⁷ По жанру – это композиция личных, деловых и научных документов, посвященная истории становления семиодинамики, которую можно определить как ближайшую предтечу синергетики в нашем, отечественном, научном контексте. История – драматическая, поскольку организованный в свое время Р. Баранцевым семинар по семиодинамике в Ленинградском университете был разгромлен в первой половине 1980-х, сам Р. Б. стал объектом идеологических обвинений и преследования, а трудам семинара пришлось подождать издания свыше 10 лет.

Кратко эта история описана в очерке Я. А. Гордина *«Дело» Баранцева. Психологический этюд эпохи позднего большевизма*, опубликованном в журнале «Звезда», 2000, № 4. <...>. ⁴⁸

Вторая книга – *«Крупицы памяти» (2007)* ⁴⁹ – тоже неординарный мемуар. Р. Б. так его аннотирует:

«Воспоминания – единственная настоящая ценность, которая остается с нами, пока жива память. И надо успеть передать это наследие в фонд ноосферы, питая не архив исторических истин, а нескончаемый поток мыслей, проходящий через каждого человека. Жизнь продолжается как эстафета смысла. А истина (алетейя) есть отсутствие забвения... И тогда вечность – в каждом мгновении.

Книга воспоминаний – дар следующим».

Рэм Баранцев структурирует свои воспоминания и документальные свидетельства прошлых лет.

Сначала речь об ушедших – коллегах, друзьях, родных («Они – были»; яркие зарисовки, емкие характеристики, бережная память...). Потом – «пробежкой о себе» (это – название раздела; тематически структурированная автобиография). Далее – обзор публикаций (свыше 400), подразделенный на периоды: предметный, методический, семантический. До начала 1980-х гг. – только математика и физика (Р. Б. – доктор физ.-мат. наук, лауреат Государственной премии за работы в области газо- и аэродинамики), после чего специально-научные труды все более и более перемежаются философскими: Р. Б. ныне признанный лидер в области тринитарной методологии и триадного синтеза, один из ведущих российских синергетиков. ⁵⁰ Затем – тексты интервью и выступлений, как на научные, так и общественные темы. И, наконец, фрагменты дневников турпоходов (далеко не любительский туризм!) и поездок в «дальние страны».

⁴⁶ Электронная версия – <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0226/002a/02261086.htm>.

⁴⁷ Электронная версия – <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/semiodynamics.pdf>.

⁴⁸ Электронная версия – <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/gordin.html>.

⁴⁹ Электронная версия – <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/memory.pdf>.

⁵⁰ В «Краткой научной биографии» Р. Баранцев отмечает в ряду своих основных научных достижений: семантический архетип системной триады, принцип неопределенности-дополнительности-совместности, системную триаду синергетики. См.: http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/index_r.html.

Не могу не отметить, что столь строгой и прозрачной организации материала в мемуарах мне встречать до сих пор не приходилось. Информативность и оригинальность сочетаются с глубиной ненавязчивой ауторефлексии.

Как уже отмечалось, «Крупницы памяти» вышли в 2007 г. И в этом же году — еще две книжки:

- Люди в письмах. 1. Деловые и дружеские ⁵¹ и
- Люди в письмах. 2. Вокруг Любичева ⁵².

Здесь — переписка с очень известными и не очень известными людьми, друзьями и коллегами, как правило, на научные (но и не только...) темы. А — «Вокруг Любичева»... Дело в том, что Р. Б. — один из младших друзей выдающегося (я бы предпочел сказать — великого...) российского биолога, историка науки, философа А. А. Любичева (широкой публике известного в основном по документальной повести Д. Гранина «Эта странная жизнь...»).

Будучи одним из «душеприказчиков» и хранителей архива Любичева (ныне депонированного в Архив РАН), Р. Б. является редактором и составителем изданий основных трудов Любичева, увидевших свет десятилетия спустя после их написания. Он же — постоянный участник и организатор продолжающихся уже не первое десятилетие ежегодных «Любичевских чтений» (Ульяновск).

Предисловие ко второму тому «Людей в письмах» («Любичев в моей судьбе») размещено также и на сайте «Международная биографическая инициатива» <...>. ⁵³

(К настоящему времени вышли уже семь томов «Людей в письмах», из семи, запланированных Р. Баранцевым несколько лет назад. См. об этом ниже. — Ред.).

Я мог бы еще долго рассказывать о своем друге и побратиме, человеке, которого считаю одним из своих учителей, Рэме Баранцеве. Но, может, проще отослать заинтересованного читателя к соответствующим страницам моей собственной книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (СПб.: Норма, 2003–2005). ⁵⁴ Как минимум — к главе 8 тома 2 этой книги. Где рассказывается, среди прочего, и о событиях, о которых ныне, в аутентичном авторском освещении, можно прочесть в упомянутой выше книге Р. Г. Баранцева «История семиодинамики».

Еще — стоит указать, что все четыре упомянутые автобиографические и мемуарные книги Р. Б. вышли в издательстве НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика» (Москва-Ижевск).

Июнь 2007 — сентябрь 2008

⁵¹ Электронная версия — <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/letter1.pdf>.

⁵² Электронная версия — <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/letter2.pdf>.

⁵³ См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/barantsev_liubishchev.html.

⁵⁴ См. <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>.

А. Алексеев – Р. Баранцеву

<...> Твое внимание к обстоятельствам окружающей и собственной жизни, сбережение скриптов (до которого мне далеко!) сделало Тебя истинным Наблюдающим участником собственной жизни (с большой буквы). Когда-то я провозгласил это как кредо. Ты обошелся без манифестов. Правда, Ты, как господин Журден, долго не знал, что говоришь прозой. Теперь оказывается, что эта проза дороже всяких стихов. <...> 26.08.2009.

7.5.2. Из «Автографии» Р. Баранцева⁵⁵

Биография – слово стареющее, поскольку, согласно В. И. Вернадскому, из биосферы нам положено подниматься в ноосферу. Однако переход этот не гарантирован, так что пусть пока будет автография.

Родился я 2 октября 1931 г. в г. Кирове (Вятке). Родители – из бедных крестьянских семей. Стараясь учиться, они сумели получить высшее образование. Мать стала учителем истории, отец – агрономом. Всю войну он прошел в пехоте и демобилизовался в звании капитана. Но последствия контузии помешали ему перестроиться на мирную жизнь. Отказавшись выполнять партийное поручение по взиманию налогов с обедневших колхозников, он покончил с собой в ноябре 1946 года. Мать умерла в 1998 г., немного не дожив до 94 лет. Из семерых детей пятеро умерли рано, младший сын (брат Владимир) дожил до 2002 г. Третий сын, в моем лице, остался один и собирается дожить до 82 лет.

<...> Приоритет науки определил для меня стиль всей жизни. Полки с книгами вырастали в стеллажи, заполнявшие жилище. Рядом с рабочим столом появилась картотека книг и журнальных статей. Определился список изданий, регулярно просматриваемых на выставках новых поступлений в библиотеках университета и академии наук. Выписки, конспекты, переводы заполняли канцелярские тетради по разным разделам науки. Широкий фронт интересов постепенно фокусировался в тех направлениях, по которым шла работа на кафедре, читались лекции, выполнялись госбюджетные и договорные темы. <...>

Трансзвуковая газодинамика вывела на краевые задачи математической физики с вырождением или сингулярностью на границах. Им был посвящен мой первый значительный цикл публикаций. Следующий составили работы по аэродинамике разреженных газов. Затем Сергей Васильевич (Валландер. – *Ред.*) предложил мне заняться проблемой взаимодействия разреженных газов с поверхностями космических аппаратов. Пришлось изучать физику поверхностей, теорию рассеяния, теорию случайных функций, ставить и решать задачи, различая молекулярный, кинетический и газодинамический уровни описания. Результаты этой работы составили предмет докторской

⁵⁵ «Автография» Р. Баранцева написана для собрания биографических и мемуарных материалов «Разные судьбы», собираемых инициативной группой выпускников математикомеханического факультета Ленинградского университета 1954 г. Фрагменты из нее, с согласия автора, публикуются здесь впервые.

диссертации и очередной монографии. Прикладные исследования велись по хозяйственным с рядом серьезных организаций, так что довелось встречаться и с Сергеем Павловичем Королевым, которого в открытой печати тогда называли не иначе как Главным Конструктором космонавтики. За эти работы в 1973 году С. В. Валландеру, мне и еще несколькими сотрудниками из смежных организаций была присуждена Государственная премия.

Неожиданный кризис произошел в 1983 году, когда партийные органы признали идеологически вредной работу методологического семинара по семиодинамике и меня отстранили от научного руководства тремя хозяйственными работами по важнейшим темам. Распалась и группа моих сотрудников.

Увлечение методологией было не случайным. Еще в 1967 году я увидел, что в пространстве науки моя деятельность лучше проектируется не на плоскость задач, а на плоскость методов, где отчетливо определяются три группы: методы точные, асимптотические и эвристические. Осознание самоценности методов привело к инверсии приоритетов: не метод для задачи, а задача для метода. Тогда же был определен общий характер интересов: не численные процедуры, не теоремы существования и единственности, а вопросы аналитической формы и структуры. Предметное и методическое измерения научного пространства нуждались в дополнении семантической компонентой, выход на которую через динамику знаковых систем и был осужден как идеологическая диверсия. Но эти же идеи вскоре пробились к жизни через синергетику, судьба которой оказалась более удачливой.

Мои работы по тринитарной структуре целостности, выходя за рамки традиционной научной парадигмы, ищут сейчас осмысления в более широком, философском контексте.

За 50 лет научной работы количество карточек в моей библиографии выросло до 40 тысяч <...>, список публикаций насчитывает более 400 названий, включая 10 монографий и 5 учебных пособий. Кроме того, написано 14 отзывов на диссертации, 35 — на авторефераты, 18 — на книги, 75 — на статьи; 13 раз я был официальным оппонентом по докторским диссертациям, 42 — по кандидатским. В 70-е годы трижды выдвигался в члены-корреспонденты Академии наук СССР, однако агитационной работы среди избирателей не вел, а по гамбургскому счету, стало быть, не потянул.

<...> Эпистолярный жанр совершенно уникален. Сочетая в себе документальность *рацио*, задушевность *эмоцио* и зоркость *интуицио*, он не сводится ни к научным трактатам, ни к интимным дневникам, ни к эзотерическим таинствам. В нем всегда находил прибежище тот личностный эликсир, который не допускался в серьезной литературе, претендующей на публикацию. Я насчитал более 500 человек, с которыми вел переписку. Почти как у А. А. Любищева. Правда, не оставляя ни одного письма без ответа, я, в отличие от Любищева, писал коротко, сжато, излагая не свободный полет мысли, а лишь выжимки размышлений. Самая мощная волна существования общения пришла ко мне от А. А. Любищева. Другой сильный толчок дала драматическая история семиодинамики. Третья волна идет от синергетики. Время меняет акценты ценности. Ветхие листочки могут стать важными документами истории.

<...> После долгих и трудных размышлений я решил опубликовать значительную часть своего эпистолярного архива.

Цикл «Люди в письмах» состоит из семи томов: 1. *Деловые и дружеские*. 2. *Вокруг А. А. Любищева*. 3. *Граждане науки*. 4. *Философия и синергетика*. 5. *Антропосфера*. 6. *Фрактальный социум*. 7. *Целостность и стиль*.⁵⁶

Восстановление переписки возвращает автора к прежним временам и проблемам, заставляя вновь переживать волнения тех дней, вспоминая забытые детали, переоценивая свои поступки, отмечая досадные промахи и радуясь удачным находкам (своим и встречным). Фехтовальность диалогического текста поддерживает напряжение интриги, возбуждает интерес и делает эпистолярный жанр притягательным для читателя. Чтение писем известных тебе людей интригует открытием тонких сторон их души, вселяет радость и удивление богатством человеческой натуры.

Но каждый раз возникает опасение, не снизится ли их облик под бременем суеты бытовых деталей. Ведь, как признавал Александр Сергеевич, «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботах суетного света он малодушно погружен». Поэтому публикатор постоянно ощущает себя в напряжении этического контроля.

Однако обитатели Олимпа, ответственные (возможно по совместительству) за эпистолярную сферу, оказываются достаточно требовательными, чтобы достойные люди сохраняли свой уровень в письмах через магию стиля. Честный стиль – чуткий и надежный навигатор. Безопасно, безобидно, безвредно ведет он эпистолярный диалог сквозь рифы низких истин и мифы ложных домыслов и дарит читателю реалии современной жизни, характеры незаурядных личностей, размышления о высших ценностях, не допуская при этом ни секретных сведений, ни интимных признаний, ни опасных заявлений.

Содержание писем, интрига, значимость – неоднородны. Одних читателей заинтересует предмет переписки, других привлекут характеры людей – авторов писем, третьи найдут свежие краски в срезе социальной истории, отраженной в этих письмах. В любом случае читатель видится разнообразным, а чтение – избирательным. «Нам не дано предугадать...».

Кроме эпистолярного цикла, за последние годы изданы «Становление тринитарного мышления» – 2005, «История семиодинамики» – 2006, «Крупицы памяти» – 2007. Задуманы «Знаки внимания» и «Вешки интереса», на которые есть еще почти пять лет.

<...> В чем смысл бытия? Вряд ли найдется человек, который никогда не задавал этого вопроса, себе или другим, хотя бы мысленно. И, вероятно, правы те, кто полагает, что понимание смысла чего-либо невозможно изнутри; требуется увидеть это извне, выйдя туда хотя бы частично. Значит ли это, что пока мы живы, смысл жизни для нас сокрыт? И кто хочет быстрее дойти до смысла, должен поторопиться умереть?

Однако люди – не только живые существа, но и существа мыслящие.

⁵⁶ Это – названия соответствующих томов. Электронные версии всех семи томов «Людей в письмах» см. на сайте матмеха СПбГУ: <http://gamma.math.spbu.ru/>. Точечный адрес – http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/index_r.html.

Кроме биосферы, им доступна ноосфера. Судить о жизни человек может извне, не умерев, а поднявшись в пространство разума и духа, в ноосферу. Там, надо полагать, будет шанс обнаружить искомый смысл. Не умея пока достаточно уверенно ориентироваться в ноосфере, я удовлетворяюсь ответом: «Смысл жизни — в осуществлении». Правда, такой ответ сразу же требует уточнения: «В осуществлении чего?». Ожидаемое «Себя» вряд ли нас устроит. Лучше сказать: «Того, что заложено в тебе природой».

В понимание природы я включаю здесь и сознательную компоненту, которую называют по-разному: Бог, Демиург, Создатель, Творец, Вселенский Разум, Самоорганизующаяся Вселенная и т. п. Как же определить свое предназначение, допуская направляющую роль провидения вместе со свободой нашей воли?

Говорят, кому много дано, с того много и спрашивается. Это кажется справедливым. Но интереснее обратная теорема: Много спрашивается — значит много дано. Действительно, загружают того, кто везет, а с пустого и беспомощного — какой спрос?! Отвечая на вызовы судьбы, мы активизируем свой потенциал, раскрывая его глубины и тайны, осознавая тем самым свое призвание.

Мне довелось пережить несколько критических моментов, которые синергетики называют точками бифуркации. В них прежняя траектория теряет устойчивость, а попадание на одну из новых зависит от внутренней асимптотики, не зная которой, говорят о хаосе случайных влияний. Оглядываясь сейчас на эти узловые события, я вижу три фактора, взаимодействие которых определяло выбор дальнейшего пути. Во-первых, генетическая основа, под которой я подразумеваю не только родительские гены, но и все ментальное наследие Малой Родины. Во-вторых, индивидуальная склонность к непонятому, неизвестному, неосвоенному, любопытство на грани авантюризма. В-третьих, заботливая рука судьбы, ангел-хранитель, благо провидения. Были моменты, когда эта невидимая рука отводила меня от слишком благополучного пути или же спасала от гибели в чрезвычайной ситуации.

<...> Склонность к неизведанному доставила мне немало проблем в жизни, а в работе она проявилась в том, что, освоив какую-то область, я не задерживался в ней надолго, не закреплялся, не выращивал научной школы. Вряд ли это положительное качество. Но освоенное и понятное переставало увлекать, интерес устремлялся к новым проблемам. Кстати, в турпоходах мы тоже предпочитали маршруты по бездорожью.

Руку судьбы признают далеко не все. Я тоже, пока не ощущал ее, будучи рационалистом, полагал, что делаю себя в социуме сам. Но мир устроен значительно сложнее, чем наше представление о нем. Судьбоносные события, видимо, все-таки существуют. Реализовал ли я свой потенциал? Осуществился ли? Программа, конечно, не исчерпана, да и к незапланированному я открыт. Но главное, пожалуй, свершилось.

Когда-то в зимнем походе по Хибинам после преодоления основного перевала я сказал ребятам: «Поход еще не закончен, но уже состоялся». Так можно сказать и о жизни, которая осуществлялась эти 77 лет.

Из заметки Р. Баранцева «Сахалин и Курилы»

...Путешествуя в пространстве, используют средства перемещения. Движение во времени — невольное развитие, со шлейфом памяти и взором мечты. Третий вид путешествий — в масштабе — преображение. Не заглядывание в микро— и макромиры с помощью приборов, а отважный риск Гулливера. И скорее в живом сознании, чем в косной материи... (1990)⁵⁷

Приложение

Еще о мемуарном и эпистолярном жанрах

Рэм Баранцев замечает в письме к коллеге:

«... Мемуарный жанр требует целостного подхода, включающего, как Вы знаете, и рацио, и эмоцио, и интуицию. Выставлять оценки — прерогатива аксиологии, которая осуществляя эмоцио, не должна отрывать от рацио (гносеологии) и интуицию (онтологию). Сочетания субъективности с объективностью можно достичь на основе фрактальности, сохраняя масштабную инвариантность (и чудные мандальности). Еще любопытная закономерность: в картинах любого масштаба отражается внутренний мир автора, который невольно «выдает» свои слабости. В переписке с А. Н. Алексеевым (Люди в письмах — 5) мы касаемся скандальной книги Г. Т., в которой автор облил грязью всех, с кем встречался «по жизни». Некоторые философы, абстрагируясь от этики, высоко оценили эстетическую сторону этого сочинения. В одном из писем, полученных мною от друзей, были такие слова: «Мерилом достоинства является уважение и доброжелательность по отношению к людям».

Обратите внимание, как достойно полемизирует со своими оппонентами А. А. Любимцев. Даже критику Т. Д. Лысенко он начинал с анализа его достижений. Что касается Л. Д. Ландау, то <...> известные мне мемуарные произведения о нем вызывают у меня сожаление. Книгу С. Э. Шноля⁵⁸ читать было интересно, но различие гениев и злодеев у меня происходит по-прежнему где-то вне рацио. Граница между добром и злом — внутри.

...Решаясь публиковать переписку с живущими людьми, я шел на риск, опираясь на достаточность критерия доброжелательности, хотя, конечно, он отнюдь не бесспорный. Но тут решающую роль сыграла интуиция...». (Апрель 2009).

Три цитаты:

«...Письма обнажают сущность человека» (Б. С. Кузин)

«Письма... являются наиболее непосредственным и достоверным свидетельством прошлого» (В. Янцен)

«Письма — зеркало века» (А. А. Корольков)

Все три разысканы Р. Баранцевым и использованы им в качестве эпиграфов к соответствующим томам «Людей в письмах».

***

А. Алексеев — НН

<...> Твое намерение обратиться к своим «зарубкам памяти» (записным книжкам, дневникам факта. — Ред.) за четверть века — меня очень радует. С возрастом

⁵⁷ См. Баранцев Р. Г. Крупницы памяти. М. —Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2007, с. 271. (Электронная версия — <http://gamma.math.spbu.ru/user/brem/RUS/memory.pdf>).

⁵⁸ Шноль С. Герои и злодеи российской науки. М.: Аргон-пресс, 1997.

область творческого внимания должна понемногу перемещаться извне вовнутрь. От постижения себя через общество — к постижению общества через себя. Про <...> в принципе и другой написать может. А вот интерпретация собственного жизненного опыта — незаменима. Итак, делай (преимущественно) то, чего НИКТО за тебя не сделает. Где-то эта максима затерялась в книге, сейчас уж и не вспомню...

Образцом «хозяйского» отношения к личному архиву и превращения собственной жизни в «безотходное» производство для меня, из близких друзей, является Рэм Баранцев. Рэм начал с «реперных» историко-биографических работ («История семиодинамики», «Крупницы памяти»), а дальше, с присущей ему замечательной систематичностью, обратился к личной переписке («Люди в письмах»), отзываю на работы коллег («Знаки внимания»), конспектам читанного («Вешки интереса»)...

Все идет «в дело»! И не для самоувековечения вовсе, а ради сбережения и передачи «следующим» — персонифицированных документов времени, ценность которых не убывает, а приращивается с каждым годом. Это — акт ответственности перед будущим.

Знаешь, мне иногда кажется, что если вдруг среди социо— и землетрясений, ничего не останется, кроме этих вот «твоих» документов, то вдумчивый социальный интерпретатор по ним, как палеонтолог по одной косточке ископаемого животного, сможет реконструировать и социальное устройство, и исторический ход, и даже психологию человеческую. Так ведь надо же оставить ему эту «косточку»!

Этой «камеральной» работой (если воспользоваться термином геологов) стоит заняться — не слишком рано, но и не слишком поздно. <...> 25.10.2009.

НН — А. Алексееву

<...> Спасибо за поддержку сюжета по «зарубкам»... Безусловно, внимание переключается внутрь. С другой стороны, не было бы <...> («внешних» тем. — Ред.), то и внутри было бы много меньше и в собственно профессиональном отношении, и в личностном. Поживем— увидим... <...> (25.10.2009).

К теме мемуарного и эпистолярного жанров еще вернемся. См. ниже: раздел 10.1. (А. А. Апрель-июнь 2009).

7.6. Тезисы о биографии и со-бытии человека

(1)

*Биография в социологии как «исследование случая»*⁵⁹

Исследование случаев (case-study) — один из самых распространенных методов (подходов) в рамках качественной парадигмы социологических исследований. Оно предполагает углубленное изучение некоторого участка (фрагмента) социальной реальности с его контекстом, для вскрытия некоторых общих закономерностей, воплощаемых в данном, избранном для ана-

⁵⁹ Тезисы к Седьмым чтениям памяти В. В. Иофе (СПб., 20-22.04.2009). Опубликовано на Полит.ру, вместе с другими тезисами Седьмых чтений памяти В. В. Иофе: <http://www.polit.ru/science/2009/04/17/tez.html>.

лиза *случае*. Как замечал Гете, «хорошо увиденное частное может всегда считаться общим». Напомним также афоризм Я. Кавабаты: «Один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка».

Случай есть событие, совокупность и / или последовательность событий, ставших предметом исследовательского внимания. Случай есть, с одной стороны, нечто уникальное, а с другой — нечто характерное, типическое, по крайней мере, черты общего, универсального в частном, конкретном составляют особый интерес исследователя. Принципиально важным является также исследование события в контексте, т. е. в совокупности его социальных связей и опосредований. Без контекста нет события, равно как и контекст есть не что иное, как своего рода иерархия событий, обуславливающих совершение всякого данного события.

При такой широкой трактовке понятий *событие* и *контекст*, являющихся ключевыми в методологии исследования случаев, обнаруживается глубинная, сущностная связь между известной практикой исследования случаев и биографическим методом в социологии. Человек — это, в сущности, тоже «случай», причем случай, как никакой другой, уникальный — Событие этой именно Личности. Биография есть последовательность событий, связанных единством субъекта, места и времени, «линией жизни», событий — совершающихся в определенном историческом, культурном, социальном контексте.

Такой эпистемологический подход расширяет горизонт, позволяет лучше понять общее и особенное в практике социологических (и не только!) исследований разного типа, жанра, направленности. Биографическое изыскание есть *исследование случая*. А исследование случаев не сводится к анализу только состояний, но и относится к процессам, в том числе — «длинною в жизнь».

А. Н. Алексеев

8.04.2009

(2)

А. Н. Алексеев

*Тезисы о биографии и со-бытии человека*⁶⁰

1

— Биография — один из генетически исходных и универсальных способов отображения мира. «Одиссея» — это, кстати сказать, биография Одиссея.

— Кто пишет биографии? Ученые, художники (литераторы), «простые» люди. Предмет науки, искусства, самой жизни.

— Ученые (историки, социологи, психологи...) постигают устройство мира и человеческую природу через жизнь человека.

⁶⁰ Сокращенный текст доклада на седьмых биографических чтениях памяти В. В. Иофе (апрель 2009).

Впервые опубликовано на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-i-ego-trudy/tezisy-o-biografii-i-so/> (апрель 2009). См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioevent.html.

— Художники посредством биографии открывают людям их самих, «человеческий мир».

— «Просто» люди — рассказывают свою жизнь для общения с другими и для понимания самих себя.

— Грани между наукой, искусством и «просто» рассказом о жизни вовсе не отчетливы. Например, документальный фильм «Подстрочник» — это художественное исследование, но также и жизненная ретроспектива, и богатейшее поле для научного анализа (в частности, исторического, но и не только).

2

— В социологии есть понятие «исследование случаев». Случай — это некая развивающаяся конкретная ситуация, ставшая предметом углубленного исследования.

— Исследователя интересуют всевозможные подробности и нюансы динамической ситуации, но не ради них самих, а для постижения ее (ситуации) целостности.

— Целостная конкретная ситуация нужна исследователю для выявления общего и типичного в ней, для постижения, на ее основе и примере, неких общих социальных закономерностей.

— Ситуация есть воплощение закономерностей, но не прямое, а путем взаимоналожения, «сюрдетерминации» разных закономерностей. Даже исключительная ситуация обнаруживает некоторые общие правила.

— Например, «в истории исключение из правил есть правило правил» (Альюссер⁶¹).

— Ситуация есть частное относительно общего, т. е. закономерности. «Хорошо увиденное частное может всегда считаться общим» (Гёте).

— Исследование конкретных ситуаций имеет свои (не безусловные...) преимущества перед массовым, репрезентативным исследованием. «Один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка» (Кавабата).

3

— Жизнь человека есть некое уникальное событие в рамках универсума. Но это также и СО-бытие, поскольку нет человека, который бы не взаимодействовал с другими в процессе жизни.

— Исследование жизни человека (= биографическое исследование) — это не просто обозрение повседневности, событий и процесса — истории его жизни. Это рассмотрение того, и другого, и третьего — в контекстах: биологическом, личностном, семейном, общественном, культурном, историческом...

— Для социолога или историка общественный и исторический контексты равнозначны с биографией как таковой. Постигание мира происходит «в точке пересечения биографии и истории» (Миллс).

⁶¹ Луи Пьер Альюссер (1918-1990) — французский философ, один из теоретиков структурлистского марксизма. См. о нем, например: <http://politizdat.ru/fragment/45/>.

- Для исследователя биографий эти последние не самоцель, а средство познания социального мира, исторических процессов и т. д.
- В частности, этим ученый отличается от художника, для которого человек как таковой является приоритетным предметом познания.
- Для человека же «рассказывающего жизнь» (свою ли, другого ли человека...) существен именно **данный** человек, в его уникальности.

4

– Все эти положения, в их совокупности, могут рассматриваться как некий ключ к пониманию того, чем занимаемся, в частности, мы — социологи, применяющие биографический метод, историки, работающие с конкретным биографическим материалом, а также — психологи, литературоведы, архивисты и т. д., своего рода археологи человеческих жизней, пытающиеся таким образом приобрести новое знание о человеке и мире.

– Ни один из способов постижения мира — научный, художественный, «житейский» не является предпочтительным перед остальными. Мало того, без двух других каждый является ограниченным и недостаточным.

– Однако пусть каждый, имеющий дело с биографией или даже сотворяющий ее, делает «свое дело», при этом постоянно «оглядываясь» на других.

– Иногда происходит намеренное или нечаянное вторжение на «чужую» территорию. Так, человек, «просто» рассказывающий свою жизнь, может стать источником мощнейшего художественного воздействия (вспомним опять же «Подстрочник»). В нем может проявиться и высокая аналитическая способность, ставящая его в ряд с исследователями социума или истории.

– Ученый может «преобразиться» (хотя бы отчасти) в художника. Реже (но вовсе не исключено) — наоборот. И если у того или другого не будет интереса к данной конкретной личности, в ее неповторимости, своего рода трепета перед ней, то ущербными могут оказаться и наука, и искусство.

– Мир целостен. Человеческая жизнь — тоже целостна. Ее отображение — научное, художественное или «житейское» — всегда более или менее фрагментарно. Однако и оно должно стремиться к целостности, как к «далекому желаний краю» (Ухтомский).

22.04.2009

Приложение 1

О документальном фильме «Подстрочник»

ЖЖ Vitum
31.01.2009 ⁶²

Подстрочник

Так называется фильм Олега Дормана. Фильм многосерийный, состоит из 15

⁶² См. <http://vitum.livejournal.com/17497.html>.

коротких серий, каждая чуть меньше получаса. Явно предназначен для телепоказа, только вот увидеть его по телевидению пока нельзя. Друзья дали мне посмотреть несколько серий. Мы с женой сели — и не могли оторваться.

На экране пожилая женщина рассказывает о своей жизни. На дворе 1997 год. Ей осталось жить менее года. Собственно, фильм и начинается с похорон, предвещающих 15 серий рассказа. На экране гроб, люди вокруг него, а звучит какая-то разногласица на чужих языках, из которой слух вдруг выхватывает знакомое имя Карлсон. Женщина эта — переводчица Лилианна Лунгина. Она много чего переводила: Белля, Фриша, Стриндберга, но наиболее известна тем, что открыла советскому читателю Астрид Линдгрен. А те, кто читал автобиографическую прозу и дневники Давида Самойлова, помнят Лильку — Лилу Маркович, одноклассницу, сокурсницу по ИФЛИ, дружба с которой продолжалась всю жизнь.

Итак, 15 серий рассказа о своей жизни. (К сожалению, я пока видел только 4, но чтобы оценить фильм, этого хватило. Надеюсь посмотреть и остальные). Рассказа о людях, с которыми довелось встретиться, о своих ощущениях событий и времени. Прекрасный язык, великолепная память. Одновременно и попытка выбрать те эпизоды, которые наиболее точно характеризуют время, и взгляд из сегодня на себя в прошлом.

Приведу лишь один пример.

1937-й. Подруга, у которой арестованы родители, живущая в коммуналке вдвоем с младшей сестрой, зовет Лилу (еще школьницу) погулять. Во время прогулки, посреди Арбата, подружку арестовывают и увозят. Потрясенная Лилия не знает, что делать, в конце концов приходит к общему другу, и они вдвоем идут к младшей сестре. Дверь им открывает хохочущая подружка, которая устроила инсценировку, чтобы узнать, придет ли Лилия к ним домой. После описания соответствующих эмоций рассказчица добавляет, что впоследствии подружка все-таки была арестована и выжить среди урок ей помогло умение пересказывать сюжеты классических романов, которое там высоко ценилось.

Рассказчица на экране время от времени сменяется видами мест, о которых идет речь, старыми фотографиями, соответствующими сюжету отрывками из фильмов. Сделано это все абсолютно к месту, не ради смены изображения, а в дополнение к рассказу. В общем, замечательный фильм.

Настоятельно рекомендую посмотреть.

Но...

Друзья сказали, что все телеканалы отказались от этого фильма.. А «Культура»? — спросил я. Ответ воспроизводить не буду.⁶³

Искал в Интернете информацию об этом фильме. Нашел рецензии на демонстрацию двух с половиной серий фильма 4 декабря в ЦДЛ на вечере памяти Лунгиной <...>⁶⁴, и заметку в газете «1 сентября» аж от 2001 года⁶⁵ со словами «своего часа дожидается уже смонтированный документальный фильм «Подстрочник» на основе многочасового рассказа Лилианны Лунгиной обо всем, начиная с раннего детства. Живое лицо,

⁶³ В июле 2009 г. состоялась-таки демонстрация фильма «Подстрочник» на телеканале «Россия». Это стало поистине событием культурной жизни страны. См., например: Богомолов Ю. Подстрочник к «Подстрочнику» // Российская газета, 14.07.2009, № 4951 (127). (Электронная версия — <http://www.rg.ru/2009/07/14/tv.html>).

⁶⁴ См. http://www.kultura-portal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=808&rubric_id=208&crubric_id=100443&pub_id=1000807.

⁶⁵ См. <http://ps.1september.ru/articlef.php?ID=200107623>

живой голос обращены к нам. Фильм ждет финансирования. Но путь от камеры до экрана недешев, и режиссеру Олегу Дорману не преодолеть его в одиночку».

На то, чтобы закончить фильм, деньги нашлись.

***

Культура

18-24.12.2008. № 49 ⁶⁶

Пресловутый неформат
«Подстрочник» Олега Дормана

В Малом зале ЦДЛ состоялся показ документального фильма Олега Дормана «Подстрочник». Героиня — Лилианна Лунгина, переводчик «Карлсона», а еще Белля, Стриндберга, Фриша. Это не традиционный фильм-биография, где об ушедшем из жизни человеке рассказывают близкие, ученики, читатели, это — киномонолог. На протяжении всего фильма (а он многосерийный) на экране — Лиля (так ее называли), она вспоминает, рассказывает, размышляет вслух. И это необыкновенно увлекает, чарует.

Олег Дорман — ученик Семена Лунгина и Людмилы Голубкиной — работал над картиной 10 лет, фильм дался режиссеру очень нелегко: сказались пресловутый «неформат» и материальные трудности. Но необыкновенный интерес автора фильма к героине помог преодолеть все преграды. По-видимому, такой жанр, как «киномонолог», требует особой чуткости, такта. Режиссер является одновременно и проводником, посредником (медиумом?), ведь именно к нему обращены слова Лили, а доходят они до зрителя. Выходит так, что рассказ умного, порядочного, абсолютно свободного человека обращен лично к каждому, выходит так, что именно «я» получаю в дар общение со столь незаурядным человеком.

Лиля рассказывает о своем детстве (тогда она жила во Франции), о счастливом «легком, веселом» браке с Лунгиным, о друзьях: Викторе Некрасове, Илье Нусинове. Очень интересна история о Твардовском. Он пришел к Лунгиным с тетрадкой и всю ночь читал им «Один день Ивана Денисовича», загорелся напечатать рассказ Солженицына, что ему и удалось. Лиля размышляет о судьбах Солженицына и Шаламова, несколько раз возвращается к тому, что Солженицын показал «счастливый» день заключенного, и это сыграло роль, когда ставился вопрос о публикации. О Шаламове она говорит с болью, сочувствием.

Слушать Лунгину необыкновенно интересно, как и разглядывать красивое лицо, запоминаая взгляд, поворот головы. Олег Дорман, вводя фотографии, документальные кадры, фрагменты фильмов Лунгина и Нусинова, делает это настолько тонко, что «швов» совсем не видно, это не иллюстрация. Складывается впечатление, что все увиденное нами прошло перед внутренним взором героини и удивительным образом передалось нам.

Режиссер познакомил нас только с двумя полными сериями (каждая по 26 минут) — рассказ о детстве и начале переводческой деятельности и с фрагментом последней серии, где Лиля говорит о своей жизни уже после смерти Семена Лунгина. Рождается особое тонкое чувство сопричастности к судьбе героини фильма, нежности, сострадания. <...>

Все выступавшие на вечере — хорошо знавшие Лунгиных режиссеры Адольф

⁶⁶ Электронная версия — http://www.kultura-portal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=808&rubric_id=208&crubric_id=100443&pub_id=1000807.

Шапиро, Андрей Эшпай, переводчики, Людмила Голубкина — были взволнованы, не раз прозвучало слово «подвиг». Близко к сердцу принял фильм и режиссер Павел Лунгин. Впрочем, зал был единодушен — такой фильм очень нужен, но пока судьба его непонятна.<...>

Наталья Стеркина

В июле 2009 г. фильм «Подстрочник» был показан по ТВ на канале «Россия». А недавно он стал доступен и в Интернете, на «Яндекс. Видео». ⁶⁷ (5.09.2009).

Приложение 2

Из переписки со-умышленников

(1)

А. Алексеев — Б. Докторову

<...> В твоём эссе много для меня нового. И Ты хорошо выразил это настроение. Я как-то никогда ни с кем из почитаемых мною людей не сближался настолько, чтобы знать об их личной жизни. <...> Теперь вот узнаю — из их мемуаров, отчасти — из твоих интервью.⁶⁸ Много интимное остается за кадром, и даже не знаю, надо ли так уж вникать. Впрочем, у Тебя это очень тактично получается. Однако это уже не социологическая, а психологическая, что ли, рефлексия. На грани художественного исследования (есть ведь и такой жанр). Вообще, во всякой биографии есть свои затененные, не для публики сюжеты. Об этом хорошо писал Голофаст. <...> 25.07.2009.

Б. Докторов — А. Алексееву

<...> Понимаешь, мне это все хочется держать в памяти, не для того, чтобы писать об этом, но чтобы я мог понять лучше их творчество... их деятельность... я никогда не напишу многого, что знаю... но, может быть, мое знание поможет мне четче описать жизненные траектории моих друзей-коллег. <...> 25.07.2009.

А. Алексеев — Б. Докторову

<...> Согласен. А вообще-то, всякий человек — загадка, и сам для себя и для других. Здесь решающими для интерпретации жизни оказываются не слова (тем более — персональные ауторетроспективы), а поступки, как они отложились в памяти других. Разве что из конфигурации зеркал (других сознаний и документальных свидетельств) можно что-то уразуметь. <...> 26.07.2009.

⁶⁷ См. <http://video.yandex.ru/users/mxavier/>. Точечные адреса: Подстрочник. Серии 1 и 2 — <http://video.yandex.ru/users/mxavier/view/32/>; серии 3 и 4 — <http://video.yandex.ru/users/mxavier/view/31/>; серии 5 и 6 — <http://video.yandex.ru/users/mxavier/view/30/>; серии 7 и 8 — <http://video.yandex.ru/users/mxavier/view/29/>; серии 9 и 10 — <http://video.yandex.ru/users/mxavier/view/27/>; серии 11 и 12 — <http://video.yandex.ru/users/mxavier/view/26/>; серия 13 — <http://video.yandex.ru/users/mxavier/view/24/>.

⁶⁸ Имеются в виду основатели и первопроходцы современной отечественной социологии. См. выше, в главе 6: разделы 6.1-2 и др.

Б. Докторов – А. Алексееву

<...> Да, я согласен с тобою... но если – это все старая музыка – брать только поступки, то многое теряется... ты и сам понимаешь... есть разница в том, что делается добровольно или под давлением среды... а ведь историку это важно различать... <...> 26.07.2009

А. Алексеев – Б. Докторову

<...> Конечно, свободный и вынужденный поступок – принципиально разные вещи. Но авторское (акторское) истолкование поступка – не более достоверно, чем любое другое. Поступком могут быть и слова, но произнесенные тогда, а не ретроспективные. Последнее – тоже лишь одна из версий. Историку же (биографу) важно все – и прошлые и нынешние, и слова, и поступки. Ведь он интерпретирует Личность и Жизнь в контексте Других и Времени. <...> 26.07.2009.

(2)

Б. Докторов – А. Алексееву

<...> Тема «КГБ и социология» еще не раскрыта. Пример В. Долгого-Рапопорта, с безжалостной откровенностью рассказавшего в беседе с Л. Бо-русак на Полит.ру о своем взаимодействии с «органами» на рубеже 1940-50-х гг.⁶⁹ – уникальный случай. Существенно, что доносы тогда писали по собственной инициативе, без всякой личной выгоды...

А вот <...> (*имя рек.* – *Ред.*) – так и вообще считает что КГБ с самого начала становления развития социологии в стране контролировало все: что-то закрывало, что-то поощряло, ибо наши опросы и рассуждения давали им информацию и толчки к их размышлениям... <...> 9.12.2009.

А. Алексеев – Б. Докторову

<...> Мне кажется, однако, что не стоит в дальнейшем (по крайней мере применительно к конкретным персоналиям) акцентировать тему «сотрудничества» с политической полицией. В частности, В. Д. искупал этот грех всю жизнь, и, может быть, не было б такой яркой и бескомпромиссной жизни кабы не это обстоятельство. Тут и апостола Павла вспомнишь, и Понтера Грасса (нобелевского лауреата «признавшегося», что некогда служил в СС).

По счастью, я был моложе В. Д. и имел беспартийных (не номенклатурных) родителей, так что, при всей своей тогдашней дурости (см. «Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник»⁷⁰) – ни меня не вербовали, ни тем более сам не искал себе кураторов (все же не хватило «идейности»).

Ну, а уж следующему (за мной) поколению и вообще повезло в этом от-

⁶⁹ См. <http://www.polit.ru/analytics/2009/11/11/philo.html>. См. также выше: раздел 6.1.

⁷⁰ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия... Том 4, с. 85-91. (Электронная версия – http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_10-120.pdf). См. также: <http://www.pchela.ru/podshiv/11/rightcom.htm>.

ношении. Чем моложе биологически, тем старше исторически, в смысле опыта не только своего, но и предыдущих поколений. Не случайно сегодня власть так старается инфантилизировать тех, кем управляет и кого пасет, особенно молодежь.

Ты же и иже с Тобой всячески препятствуете такому истиранию памяти. За что нехай идущие вослед говорят Тебе, Л. Б. и В. Д. спасибо. <...> 9.12.2009.

И. Кон – А. Алексееву

<...> Уже через несколько лет, когда людей моего поколения не будет в живых, об этом можно будет писать открыто. От истории ничего утаить нельзя. Но, если речь идет о достойном человеке, это нужно не для того, чтобы показать, что и на солнце есть пятна, а ради понимания эпохи. <...>

Мы вообще лучше помним причиненные нам обиды, чем те, которые мы причинили другим. Это беда многих мемуаров.

Очень многое зависит от микросреды. Студенты института им. Герцена были не лучше университетских, но среди моих однокурсников никто ни на кого не доносил, потому что среда была менее идеологичной. <...> Кроме того, я кончил в 1947, а самые страшные кампании происходили позже.

После смерти Сталина и позже главной проблемой были не доносы, которых стало меньше, а молчание и отсутствие поддержки в критический момент. Но в таких случаях оценить мотивы еще труднее. <...> 14.12.2009.

...А для истории как раз важно, что так поступали не только продажные карьеристы. Но и люди, которые потом доказали свою порядочность. А что ими двигало – страх, стадность, непонимание последствий – пусть разбирается биограф. Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект. <...> 16.12.2009.

***

А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову

<...> Насчет «спорного» пассажа в мемуаре <...>. Я не к тому, чтобы такого рода предположения (*речь идет о предположении мемуариста о сотрудничестве коллеги с органами ГБ. – Ред.*) были вообще запрещены (хотя я лично их себе запрещаю). Но, по крайней мере, был бы уместен какой-то мораторий на такие умозаключения и оценки, до истечения некоего неопределенного «срока давности», когда вопрос этот приобретет чисто исторический интерес. <...> 2.07.2010.

Д. Шалин - А. Алексееву и Б. Докторову

<...> Есть и другой взгляд на вещи. Из исторической песни слова не выкинешь, разные припевы имеют в ней право на существование, и если образ усопшего не вписывается в определенные рамки, так это естественно, поскольку история не линейна, противоречива и загадочна. <...> 3.07.2010.

А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову

<...> И все же я безусловно и категорично отдаю здесь предпочтение соображениям этическим перед «историческими». Тем более, что при отсутствии прямых доказательств, последние становятся не более чем скандальными. «Будущим поколениям» это надо? Не говоря уж о нынешних. <...> 4.07.2010.

Б. Докторов – А. Алексееву и Д. Шалину

<...> Я тоже за приоритет этического, тем более, что в этом высказывании о коллеге нет собственно исторического. <...> 4.07.2010.

Д. Шалин – А. Алексееву и Б. Докторову

<...> Сама дихотомия этически-морального и познавательно-исторического вызывает сомнения. Обе позиции имеют этическую составляющую, обе существенно влияют на познавательную стратегию, обе имеют право на существование и могут быть взяты на вооружение порядочными людьми. <...>

Вводя факты и догадки в оборот сегодня, мы даем возможность ответить <...> если не самому объекту мемуарного повествования, то тем, кто его знал и в состоянии пролить свет на существо дела. Откладывая дискуссию на будущее, мы можем лишиться важных свидетельств. Конечно, тут встают свои проблемы - непроверенность фактов, предвзятость мемуариста <...>, разжигание страстей и междоусобиц. Но биографии позволяют судить не только об их предмете, а и о самих биографах. <...>

Общественная реакция на нескрупулезные догадки и заявления может сдерживать кого-то из борзописцев. <...> 5.07.2010.

А. Алексеев – Б. Докторову и Д. Шалину

<...> Не то чтобы Дима меня переубедил, но подтолкнул к следующему размышлению. А не является ли и впрямь некое такое субъективное заявление о другом характеристикой не только, и не столько героя, сколько автора? Я вдруг подумал, что с интересом прочитал бы такое предположение о себе самом и «утешился» бы мыслью, что почему-то заявителя этот сюжет волнует.

Мой личный автозапрет на такого рода «гипотезы» я не распространяю на всех и не требую такого же точно порога моральной чувствительности. Может, и в самом деле не убудет у оскорбленного (по делу или напрасно)? Ведь каждый воспримет это в контексте своих представлений, «поверит» или нет. Про некоторых своих коллег я такое мог бы мысленно допустить, а про иных - нет.

<...> Приводимые Тобой примеры лишний раз свидетельствует в пользу разнообразия степеней и форм «взаимодействия» советского человека и политической полиции, равно как и о многообразии ретроспектив и самооценок таких контактов. <...> 5.07.2010.

7.7. «Далеко-близко...»

Как видно из всего сказанного... мы можем говорить о памяти раздробленной, фрагментарной, уходящей, вытесненной на периферию массового сознания. Носители памяти о сталинизме в том смысле, который мы вкладываем в эти слова, сегодня в очевидном меньшинстве. Остается ли еще у этой памяти шанс стать общенациональной, какие знания и какие ценности должны быть для этого усвоены массовым сознанием, что здесь надо делать — это предмет отдельного разговора. Ясно, что необходимы совместные усилия и общества, и государства. Ясно также, что историкам в этом процессе принадлежит особая роль, на них же падает и особая ответственность.

Арсений Рогинский. Память о сталинизме (2008)⁷¹

*7.7.1. Память индивидуальная и коллективная, семейная и историческая (актуальная проблема соотношения)*⁷²

1

Современные исследования массового сознания все чаще сталкиваются с чрезвычайной дезинформированностью представителей младших поколений относительно действительной истории нашей страны, а не той, что предъявляется в учебниках. Осведомленности личностно-биографической, понятно, здесь быть не может. Это было... «давно», и, скажем, политические репрессии сталинизма предстают немногим «ближе», чем казнь и ссылки декабристов. Что касается старших поколений, то здесь сплошь и рядом имеем дело с вытеснением из сознания неприятных воспоминаний, а остатки «книжного» знания вполне мифологичны. Средним же поколениям — вроде бы не до исторической памяти. Жизнь — сегодняшним днем, для кого — выживание, для кого — завоевание нового жизненного пространства.

⁷¹ Полит.ру. 11 декабря 2008 г. — <http://www.polit.ru/institutes/2008/12/11/memory.html>. См. также: Историческая память. «Нейтральная территория» с Арсением Рогинским / Полит.ру. 21 января 2009 г. — http://www.polit.ru/analytics/2009/01/21/finam_roginisky.html.

⁷² Авт. — А. Н. Алексеев. Текст доклада на Международной конференции «Между памятью и амнезией: Следы и образы ГУЛАГа» (СПб., ноябрь 2007).

См. также: Алексеев А. Н. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2008, № 5. . (Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2008&id=590).

Этот же текст см.. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_family.html.

Его же см.: на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/pamjat-semejnjaja-i-istoricheskaja/>; на форуме СВРТ: запись И. Яковлевой от 12.09.2008 (<http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=2330&st=0&gopid=35035&#entry35035>).

Опубликовано также в: Право на имя. Биографика 20 века. Шестые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 16-18 апреля 2008. СПб.: НИЦ «Мемориал», Европейский университет в СПб. 2009, с. 72-89.

Из всех источников знания о прошлом решающим для большинства оказывается не жизненный опыт, и даже не учебник истории, а — массовая коммуникация, причем, как правило, не в лучших ее образцах. Мы не столько помним, сколько знаем то, что следует «помнить», что отмерено рынком или идеологией (последняя все более претендует на приоритет).

Обратимся к таким, пока не имеющим строго терминологического статуса, понятиям, как *семейная* и *историческая* память. Носителем исторической памяти может быть общество в целом, социальный институт (наука, искусство, школа, СМИ...), социальная группа, в определенном смысле и индивид — в меру своей осведомленности о прошлом мира, страны, края, «малой родины». Носителем семейной памяти могут быть только семья и индивид. И эта память локальна, относится к близким, в лучшем случае — к дальним родственникам, к более или менее широкому семейному кругу, а также к предкам.

Семейная память в значительной мере непосредственна, в отличие от исторической памяти, которая многократно опосредована — как всей совокупностью исторических источников и наслаивающихся друг на друга интерпретаций, так и, в особенности, актуальными общественными представлениями («господствующими мыслями эпохи», пользуясь выражением К. Маркса). Историческая память человека может включать в себя и семейную, как существенное олицетворение первой. Семейная память всегда пересекается, как-то переплетается с исторической, поскольку не существует истории семьи вне истории общества.

Несколько общих постановок вопроса о коллективной (групповой) и исторической памяти:

«Мы еще не привыкли говорить (даже метафорически) о групповой памяти. Кажется, что такое свойство, как память, может существовать и сохраняться только в той мере, в какой оно привязано к индивидуальному телу или сознанию. Однако допустим, что воспоминания могут выстраиваться двумя разными способами: они или выстраиваются вокруг определенного человека, рассматривающего их со своей собственной точки зрения, или распределяются по большому или малому сообществу, становясь его частичными отображениями. Другими словами, индивиду доступны два типа памяти. Но в зависимости от того, соотносится ли он с той или другой из них, он занимает две совершенно разные и даже противоположные позиции. С одной стороны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или его личной жизни, и даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других. С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу. Эти две памяти часто проникают друг в друга; в частности, индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в нее, на короткое время слиться с ней. И тем не менее она идет по собственному пути, и весь этот внешний вклад постепенно усваивается и встраивается в нее. Коллективная память же оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является

сознанием личности» (Морис Хальбвакс. Память коллективная и историческая // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3).⁷³

«...Общепринятой является точка зрения, согласно которой память больше связана с настоящим, чем с прошлым. Проблема тут не столько в «точности» воспоминаний, соответствии «реальным» фактам, сколько в интерпретации прошлых событий, использовании тех или иных интерпретаций для легитимации / делегитимации настоящего.

В изучении социальной памяти важно рассматривать не только собственно воспоминания (что и как вспоминается), но и забвение (что именно, полностью или частично, какими социальными группами забывается). Эта проблема не тождественна проблеме «адекватности / неадекватности» памяти «историческим фактам». Изучение конструирования прошлого – специальная исследовательская задача. Необходимо учитывать связь памяти о прошлом с потребностями настоящего времени: как воспоминание, так и забывание не являются конечными» (М. Г. Мацкевич. К исследованию коллективной памяти (социологический подход). Рукопись. 25.10.2008).

Эти общие соображения могут служить теоретической рамкой для нашего обсуждения взаимоотношения индивидуальной, семейной и исторической памяти.

Добавим, что семейная память как бы соединяет в себе черты *индивидуальной* и *коллективной*. Она является групповой по субъекту, однако персонализирована по предмету.

2

Каким видится механизм взаимопроникновения, в частности, исторической и семейной памяти, и от чего это взаимопроникновение зависит?

Чем больше масштаб исторического события или процесса, тем больше шансов, что это окажется отражено и в семейной памяти, и не только как «фон», но и как непосредственный биографический фактор. Могут быть события всеобщие, затрагивающие практически каждую семью, и не только в качестве условия социализации или жизненного пути того или иного ее члена, но и как фактор жизни и смерти, можно сказать – судьбы. К таким историческим событиям (периодам) безусловно относится Отечественная война 1941–1945 гг., без которой не может обойтись ни одна семейная хроника, и ни один мемуар человека старшего поколения.

Есть события ключевые для того или иного поколения, иногда – не всего, а для определенной его части. Например, для большинства современников смерти Сталина (1953) и XX съезда (1956) эти два события входят не только в историческую, но и в семейную память. А вот, скажем, вторжение советских войск в Чехословакию (1968) входит в память не всех, а по преимуществу тех, кого сегодня принято называть шестидесятниками (для многих из них именно это событие явилось началом настоящего «идейного прозрения»).

Из сказанного выше ясно, что как историческая, так и семейная память требуют рассмотрения в связи с индивидуальной *биографической* памятью (в общем совпадающей с персональным жизненным опытом). Но она нас сейчас интересует меньше, как наиболее краткосрочная (ограниченная от-

⁷³ См. на сайте «Журнальный зал»: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. См. также: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

носителем узкими хронологическими и возрастными рамками) и заведомо непосредственная (в отличие от памяти семейной и исторической).

3

Попробуем применить высказанные, тоже общие соображения к памяти о массовых репрессиях 1930-40-х гг. Какое отображение это наше трагическое прошлое находит в семейной и исторической памяти разных поколений? На этот вопрос могла бы ответить социология. Но увы...

За всю историю новейшей российской социологии я не могу указать ни одного массового обследования (опроса), в котором среди прочих «объективных» характеристик, относящихся к условиям социализации личности, выяснялось: есть ли среди близких родственников респондента репрессированные, с учетом возраста опрашиваемого — в поколениях отцов, дедов, а для младших — в поколениях прадедов или даже прапрадедов. Разумеется, с дифференциацией по степени (близости) родства.

Замечу, что в принципе такое обследование могло бы проводиться и заочно, по документальным источникам, будь то биографические справки или мемуары.

Известный нам (хоть все еще и не до конца, лишь в приблизительном исчислении массовости) исторический масштаб процесса таков, что можно достаточно уверенно предположить, что с 1917 по 1953 г. *практически не было такого семейного клана (рода), который не был бы так или иначе затронут государственным террором* (как, думается, немного было и таких, которые не потеряли кого-либо из своих членов на фронтах Великой отечественной).

Но есть различия в мере причастности и в мере актуальности. Скажем, для тех, кто родился в 1930-40-е гг.: а) потерявшие родителей (родителя), т. е. дети «врагов народа»; б) потерявшие близких родственников из поколения родителей (дядя, тетка); в) потерявшие близких родственников из поколения дедов; г) потерявшие относительно дальних родственников (двоюродное родство); и т. д.

Сам характер репрессии, естественно, подлежит различению — от расстрела до ГУЛАГа, и от официального поражения в избирательных правах до не афишируемых ущемлений и ограничений (например, «проживавшие на оккупированной территории», «пятый пункт» в паспорте и т. д.). Можно было бы вырисовывать целые генеалогические деревья с обрубленными или покалеченными ветвями.

Следующий вопрос: в какой мере, в частности, государственный террор 1930-40-х гг. находит отображение в семейной памяти? Для многих ровесников автора этих строк (1934 г. рожд.) репрессия в отношении кого-либо из родителей стала существеннейшим жизненным событием и обстоятельством жизненного пути. Потеря отца или матери, брата, сестры не могла пройти «мимо», она не только ощущалась, но и как-то осмыслялась — если не в отроческом, то в юношеском возрасте.

Но даже и здесь существенные различия — в информированности. Родители обычно предпочитали как можно меньше сообщать детям о судьбе родственников, не говоря уж о происходивших порой обрывах семейных связей. Молодой человек, когда приходила ему пора впервые заполнять какую-

нибудь анкету, мог «с чистой совестью» отвечать отрицательно на соответствующие вопросы. Информация о репрессиях, так или иначе затронувших семью, могла достигнуть человека уже много лет спустя, если сам он не был их непосредственным свидетелем.

Таким образом, семейная память (передающаяся от поколения к поколению) часто оказывалась ущербной, выхоленной, искажающей реальную картину. Историческая же память, формируемая институционально, оказывалась полностью оторванной от семейной.

Если до середины 50-х указанный *разрыв* семейной и исторической памяти был обусловлен во многом коллективным страхом, то позже восстановление этой связи, несмотря на возврат репрессированных родственников, на волны индивидуальных и массовых реабилитаций, не прекращавшиеся до начала 90-х гг., оказывалось затруднено уже просто неосведомленностью. Старшие, считавшие, что их детям «лишнего» знать не надо, дальше молчали иногда уже просто «по инерции». А с их уходом и вообще ничотка семейной памяти обрывалась, эстафета памяти оставалась не переданной.

Историческая же память продолжала формироваться и видоизменяться, под влиянием текущих общественных событий, политической конъюнктуры и т. п. А урезанная семейная память как-то под нее, историческую, подстраивалась.

Не следует, однако, преувеличивать и полагать всеобщим истирание семейной памяти. Не имея возможности соперничать с личными жизненными впечатлениями и опытом, она в принципе остается важным фактором мировосприятия и идентификации. И в конкуренции с насаждаемой исторической памятью, семейная, если она все же есть, имеет шансы одержать верх.

И вот тогда возникает феномен существенной неоднородности исторической памяти (включающей в себя также и семейную, если не как часть, то как камертон). В зависимости от истории своей семьи, по крайней мере, в ближайших поколениях, человек формирует свое сознание и самосознание. И даже по прошествии многих лет отзвуки семейных травм (если говорить, в частности, о жертвах государственного террора) становятся фактором современной информированности и рефлексии об истории общества.

С учетом сказанного, хотелось бы поставить вопрос о включении проблематики соотношения семейной и исторической памяти в практику современных эмпирических социологических исследований. При изучении структуры и факторов формирования социального сознания и поведения (не исключая, кстати, политических пристрастий и электорального поведения) может оказаться значимым как блок собственно биографических переменных, так и блок характеристик истории семьи.

Во всяком случае, этот последний должен обладать определенной дифференцирующей, а может быть — и объяснительной силой при анализе современного состояния сознания в различных возрастных когортах. И там, где семейная память сохранена (сбережена...), она может оказаться ценностным ядром личностной интерпретации памяти исторической.

Можно выдвинуть, в частности, следующую гипотезу: *мера адекватности личностных представлений об истории страны, в частности, о трагиче-*

ских ее страницах, существенно зависит от меры непосредственной причастности, от того, насколько репрессии коснулись членов семьи (рода), хотя бы и не в ближайшем поколении. Проверка этой гипотезы вполне доступна для средств эмпирической социологии.

4

Автор этих строк имел случай ознакомиться с недавно вышедшим сборником работ победителей Всероссийского конкурса исторических исследований работ старшекласников, под названием: «Как наших делов забирали...» (М.: РОССПЭН, Международный Мемориал. 2007, 607 с.). Как указано в послесловии, за восемь лет существования конкурса в архиве Международного Мемориала собрано более 21 тысячи исторических работ; лучшие работы прошедших конкурсов опубликованы в девяти сборниках. Это масштабная и благороднейшая историко-культурная и воспитательно-просветительская работа.

Здесь не место для приветственной рецензии, которой этот труд несомненно заслуживает. Но мне хочется солидаризироваться с точкой зрения составителя и редактора этого сборника И. Щербаковой: «Память эффективнее всего передается через историю семьи и человеческую историю» (Указ соч., с. 598).

Генеалогическая, историко-биографическая, семейно-хроникальная деятельность оказывается эффективным инструментом «само-просвещения» и «само-воспитания» народа. Это особенно важно в свете современных исторических и общественных вызовов, в частности, угрозы возврата в тоталитарное прошлое, нарастающей тенденции подчинения исторических взглядов сиюминутным политическим и квази-политическим интересам, едва ли не насаждения социальной амнезии, в частности, в младших поколениях (вспомним нынешнюю кампанию переписывания школьных учебников истории).

***

Наш исторический и современный опыт показывает, что историческую память можно исказить, переписать, подменить. Труднее это сделать с семейной памятью.

Ноябрь 2007

*Актуальной проблематике исторической памяти была посвящена одна из секций состоявшейся 5–7 декабря 2008 г. в Москве Международной конференции «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения».*⁷⁴

⁷⁴ См. на портале Полит.ру: а) Программа названной конференции – <http://www.polit.ru/dossie/2008/11/20/stalinism.html>; б) Резолюция, принятая членами Оргкомитета и руководителями секционных заседаний по поручению российских участников конференции – <http://www.polit.ru/dossie/2008/12/12/resolution.html>.

См. также: Соколов Н. Культличностные впечатления / Грани.ру. 15 декабря 2008 г. (<http://grani.ru/Society/History/m.145389.html>); Le Temps: у российских историков вызывает тревогу «модернизация» сталинизма в школьных учебниках / Полит.ру. 22 декабря 2008 г. – http://www.polit.ru/news/2008/12/22/history_stalinizma.popup.html

Работа секции «Память о сталинизме» была сосредоточена вокруг обсуждения трех важнейших проблем: вопросы формирования культурной памяти; проблемы «политики памяти»; биографический аспект памяти о сталинизме.⁷⁵

...Есть такое понятие – расширение территории историка. Так вот: без знания того, как жили, как чувствовали, как сопротивлялись правящему режиму в своей повседневной жизни наши отцы и деды, территория историка не может считаться ни полной, ни подлинной. Без соотнесения исторических событий с человеческой судьбой сама история становится отчужденным продуктом, не затрагивающим личностные смыслы...

Э. Горюхина. Как раскрестьянили крестьян⁷⁶

7.7.2. А. Кетегат. «Матрешка» социальной памяти

Ниже – заметка, присланная мне социологом и литератором Анри Кетегатом, как отклик на вышеприведенный текст о семейной и исторической памяти. А. К. ныне живет в Вильнюсе (А. А.)⁷⁷.

...Вдруг вспомнилось из военного детства.

43-й год. Мне 7 лет, сестре 12. Живем вдвоем на теткину хлебную карточку (нам с сестрой карточек не дают). В теткиных ответах на мои вопросы о родителях какая-то тягостная недосказанность, за которой я чувствую что-то опасное (раз нельзя сказать).

Каждый раз, засыпая, я вижу одну и ту же картину, предметность которой размыта, неотчетлива. Что-то тускло-коричневое, огромное, бесконечно тяжелое (пожалуй, валунообразное) накатывается на меня, и я не волен увернуться. В этом движении валуна (назову так) нет никакой адресной агрессии. Он вообще меня не замечает, просто я оказался на его пути. Медленно перекачиваясь, он уже навис надо мной и сейчас расплющит. Интересно, что со временем в этом видении появилась реалистическая грань: я стал воспринимать его как границу яви и сна. Пришел валун – значит, засыпаю. Вроде бы эффект адаптации? В какой-то мере, видимо, так. Поскольку видение вос-

---

См. также: История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Секция 1: Политика. Институты и методы сталинской диктатуры. Видеозапись / Полит.ру. 31 декабря 2008 г. – http://www.polit.ru/culture/2008/12/31/videoon_stalinism_2_1.html.

⁷⁵ См., особенно, доклад А. Рогинского на указанной конференции – на портале Полит.ру: «Память о сталинизме» – <http://www.polit.ru/institutes/2008/12/11/memory.html>.

⁷⁶ Новая газета, спецвыпуск «Правда ГУЛАГа», 19.08.2009, № 7. Электронная версия – <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/gulag07/01.html>.

⁷⁷ Опубликовано в: Право на имя. Биографика 20 века. Шестые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб. 16-18 апреля 2008. СПб.: НИЦ «Мемориал», Европейский университет в СПб, 2009, с. 79-81.

Настоящий текст представлен в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/pamjat-semejnjaja-i-istoricheskaja/>.

принималось теперь как некая регулярность, из травматического эффекта от встречи с ним вычиталась внезапность. Однако сопряжение со сном не нейтрализовало валун. Он оставался знаком моей ничтожности — перед безликой и равнодушной силой, давящей меня без намерения и без сожаления, т. е. с уходом внезапности не ушла обреченность. Видимо, валун не всегда пропадал и после засыпания. Тетя рассказывала, что часто я вдруг вскакивал в ночи и, не просыпаясь, трясся и плакал, а в ответ на ее расспросы и воркования лишь обнимал ее и бормотал: «Тетя Любочка, тетя Любочка!», наутро же ничего не помнил.

Это я вот к чему. Вспомнив детскую невротическую страшилку, подумал о твоём различии исторической, семейной и биографической памяти. В ней, в страшилке, они выстроились, мне кажется, по принципу матрешки. Биографический факт (особенность засыпания), памятный только мне, проясняется через упрятанные в него семейные обстоятельства, памятные не только мне, но непременно людям поименованным, а семейные обстоятельства проявляются через обстоятельства исторические, памятные многоликому анониму — поколению, да не одному. Приобретенное повзрослевшим невротиком знание о валунной эпохе выполнило перевод с биографического на исторический, и валун оказался историческим сталинизмом.

Почему, однако, в биографической памяти моей сестры нет своего валуна? Первое, что приходит в голову, — разница в возрасте. Когда взяли отца, ей было семь, мне два, когда отняли мать — ей одиннадцать, мне шесть. Потеря матери, да еще отягощенная обстоятельствами военного времени (воздушные тревоги, голод, жестокости эвакуационного кочевья) была большей травмой, чем потеря отца, но сестру это испытание настигло в более защищенном (внутренними ресурсами) возрасте, меня же — в предельно незащищенном (уже потому, что именно в эту пору приходит страшная догадка о своей смертности). Соответственно соотношение знания и переживания в памяти о военном детстве у нас с сестрой разное. У меня оно смещено в сторону переживания, и валун, возникший из страха и ставший символом, в моем мемориале расположен на господствующей высоте. Возможно, наряду с возрастом сказались и различия в организации нервной системы (кажется, у сестры она покрепче, хотя без профессиональной экспертизы здесь нельзя быть уверенным).

Получается, что семейная память — набор событий, слипшихся в некий родовой ком. Переходя в биографическую память, этот ком расщепляется, индивидуализируется, интимизируется. Возникают и различия фактуального свойства, но для «биографизации» важнее, что содержание семейной памяти переживается членами семьи с разной интенсивностью. Знание о прошлом как таковое выстраивает события во временной ряд у людей, не склонных к ретроспективному анализу, удовлетворяясь простой их последовательностью. Но в любом случае, если это знание эмоционально заряжено, в последовательности так или иначе актуализируются (для вспоминающего) отношения порождения, образующие генетическое тождество. Вот почему я в большей степени родом из детства, чем, по моим наблюдениям, сестра. Таким образом, отмеченные тобой «различия в мере причастности и в мере актуальности» прошлого задаются не только степенью родства с

жертвами репрессий, но и факторами психологического свойства. Но это, очевидно, предмет уже другого, не социологического анализа.

Возвращаясь к матрешке. У героя рассказа Борхеса «Фунес, чудо памяти»⁷⁸ после падения с лошади память по степени детальности и яркости сравнялась с восприятием. «В загроможденном предметами мире Фунеса были только подробности, к тому же лишь непосредственно данные». Никакого абстрагирования и обобщения, сплошной «гнет реальности». Сам он назвал свою память «сточной канавой».

У Борхеса ситуация заострена до мысленного эксперимента. Если из лаборатории вернуться в жизнь, уместно вспомнить о «рамке памяти» у Хальббакса⁷⁹. Рамка памяти ребенка — «дом»: мир равен месту и времени, на которые приходится те самые «непосредственно данные» (во всяком случае так было до эпохи телевидения). У взрослого «дом» образует «малую рамку внутри большой», включается во внешний контекст. Поскольку, однако, взрослый взрослому рознь, невелика, думаю, новация усмотреть подобное различие и среди взрослых — обремененных и не слишком обремененных историческими контекстами частной жизни.

Историзация памяти — условие социального взросления. Без выраженной исторической памяти ее «загроможденные подробностями» сестры, семейная и биографическая, «угнетены» локальной реальностью и инфантильны. Они беззащитны перед насильниками (пропагандой, модой), оплодотворяющими их клишированными «обобщениями» на потребу дня, и сон исторической памяти рождает чудовищ вроде тех, что бороздят ныне сточные каналы российского патриотизма. С прискорбием наблюдаю этот процесс на некоторых своих родственниках, с которыми у меня общая семейная память и душевная (не духовная) близость.

Ты, разумеется, прав, когда пишешь, что «в конкуренции с насаждаемой исторической памятью семейная, ... имеет шансы одержать верх». Да, шансы. Мера использования которых пропорциональна мере оснащенности семейной памяти исторической — альтернативной той, что насаждается.

1.10.2008⁸⁰

7.7.3. А. Сарно. Памятники

Ниже — рассказ-воспоминание-эссе, присланный мне социологом Альфредом Сарно (см. о нем выше: раздел 1.12). А. С. ныне живет и работает в Тампере (Финляндия)⁸¹. (А.А.)

⁷⁸ См. http://lib.ru/BORHES/r_funes.txt,

⁷⁹ См. Хальббакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

⁸⁰ См. также: Кетегат А. В полях предках. Семейные хроники. Опубликовано, в частности, на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/ketegat.html>.

⁸¹ Опубликовано в: Право на имя. Биографика 20 века. Шестые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб. 16-18 апреля 2008. СПб.: НИЦ «Мемориал», Европейский университет в СПб, 2009, с. 82-89.

Когда были подростками, наверное, у многих такое бывало. Смотришь на кого-то в комнате, не отводя глаз несколько минут, и картинка начинает «дышать» туда-сюда: вот человек близко, потом — йок — он вдали, и тут же — йок — опять близко. Хотя сам он, понятно, с места не двигается, так... говорит что-то. Мелькает мысль, что-то с глазами? Косят что ли? Ну-ка, а от меня-то эти «далеко-близко» зависят? А, давай, «попробуем» отдалить его, йок — он вдали, а теперь «приблизим», йо... й-й... — не вышло, а еще разок — йок — ага, — он прямо перед лицом... получилось-таки. Правда, если человек вам нейтральный, не получится, как ни старайся.

Лето под Лугой, жарко, каникулы, пятый класс, как мираж, мигнул позади, домик моей тети Нюры у озера, за окном сочная зелень в солнечных зайчиках. Домучиваю миску малины с молоком, уже под завязку, но не пропадать же объеденью. Моя тетя с какой-то непривычной мне проникновенностью разговаривает с женщиной, чуть постарше. Никогда раньше ее не видел, да, пожалуй, и позже таких не встречал. Сколько в ней торжественной, знойно величавой любви к себе, даже тетя моя чуть разомлела от такого жара, от нее тоже повеяло каким-то душноватым самоуважением. И у меня лунатически странное ощущение, что я лишний в этом всегда родном для меня доме... явилась тут, вся в духах и шелках, меня — всеобщего любимца, не замечает, даже представиться не собирается... йок — они обе вдали... ой, не слишком ли я их... йок — ну вот, они опять рядом — через стол от меня.

Оказывается незнакомку зовут Лиза, и она... ушам своим поверить не могу... она — дочь помещика, который владел здешними деревнями... йок — собеседницы так далеко, что голоса, как из-под воды. И мать моей тети, получается, была в прислугах у этих, вот, помещиков. Уж не снится ли мне все это? Я привык гордиться своей тетей Нюрой. Она — завуч в моей школе, в молодости со своими сестрами была партизанкой в здешних лужских лесах. Я сам, присмирив, разглядывал ее ордена, грамоты. Когда на ее юбилей съехались бойцы тогдашнего отряда, от застольных песен всю ночь широкое озеро ухало эхом... йок — тетя с гостьей — рядом, прямо перед моим носом. Они вздыхают, как в здешних прудах к царскому двору выращивали карпов, перевозили в бочках в Питер, как расширяли липовые, вязовые, березовые аллеи. Ну да, мы с пацанами охотились с луками по зарастающим этим старинным аллеям, скакали по осевшим бортикам бетонных шлюзов затянутых рыской прудов. Так вот откуда они взялись. Ну и что ж, теперь кланяться за это господам? Кровососам? А госпожа, вот она — тут... йок — они опять далеко, в прохладном зазеркалье.

Теперь разговаривают о временах войны. Пока моя тетя мыкалась по окопам да сырым партизанским землянкам, эта гостья наливалась статью в изнемогающей от трофеев Германии. Да и не Лиза она. Если окажешься в беседе с господином, не сомневайся, он тебе непременно вдует органный пафос своей родословной. Она — Эльза Паль — германских рыцарских кровей. А с какой женственной пылкостью она там ожидала победы фашистов. Ведь тогда она вновь получила бы свои имения... йок — они далеко-далеко, голоса

просто сквозь морские пучины... буль...буль... По словам Эльзы получалось, что она вернулась бы хозяйкой всех этих земель, да и владелицей всех моих здешних родных в придачу. Ого, — доходит до меня — и самого меня ведь тоже.

Я стиснут каким-то бессмысленным холодом пустоты. Кому снится этот бред? Почему моя тетя не вытолкает это привидение из дома? А что я-то тут делаю? Верно, средневековая Эльза перепутала время; как вообще она в «сегодня» оказалась? А может быть это я не в своем времени? Ведь этого не может быть. Это, ну никак... никак-никак не может происходить со мной. Ведь я — вот он, загорелый, расту в светлое завтра... в руках миска с малиной... и сегодня озеро было, как голубое поднебесье, я же помню. Или место не то? Ах да, я и вправду не в том месте. Вот почему я не могу треснуть привидение ложкой по гордо выставленной маковке: ведь я в гостях у тети, и не могу хозяйничать. А она, гляди-ка, — прямо образцовое гостеприимство, вот смеется на пару с госпожой, тактично так... йок — они почти упираются в кончик моего носа, но как-то совсем уж не похожи на себя, потусторонние маски, да и только.

О чем это они? Ах, вот почему она здесь. Убитых партизанами фашистов оккупанты с мстительной мрачностью хоронили прямо в центре нашей большой деревни. Намеревались после своей победы перезахоронить в Германии. Не получилось. А было уложено в эту землю больше полутора сотен карателей. Так вот, нельзя ли сегодня или в обозримом будущем начать раскопки в центре вашей деревни, чтобы все-таки останки увезти на родину? Ого, — мелькнуло у меня, — так у них, что ли, родина есть? И тут же Эльза привела аргумент «с пониманием», мол, и в деревне почище будет... й...йо..к — собеседницы стали подальше, но как-то вяло, будто бы где-то в глазах иссякала энергия отталкивания и притяжения. Голос тети раздумчивый, почти с сочувствием: никто здесь не даст раскапывать деревню, беречь раны. После снятия оккупации наши трактора все кресты и памятники снесли, разровняли. Да, до сих пор, когда экскаваторы роют канавы или ямы для фундаментов, много костей выбрасывают. Но тут люди из-за войны к такому привыкли, что их трудно смутить, эх, да ведь и оккупантов мало что смущало.

Я и не заметил, как «йоки» прекратились. Все обрело свою натуральную величину. Эльза снова стала превращаться в Лизу. И у нее остался последний, но все еще из диковинных, вопрос: нельзя ли памятник, пусть скромный, поставить... ну, конечно, за счет германских фондов... если не в центре деревни, то, хотя бы, на окраине, тут, мол, покоятся такие-то, с такими-то фамилиями. Тогда германские родственники смогли бы иной раз приезжать небольшими группами, деликатно так... отдавать долг памяти, оглядеться тут, цветы оставить, жителям кое-какие подарки. Ответ тети: ни при нашей жизни, и даже ни при жизни этих, тут она кивнула на меня. Я впервые за этот битый час перестал быть для них декорацией и появился в собственном поле зрения: замерший с ложкой в руках, с недоеденной малиной, загорелая кожа вся гусиная от холода.

Хотя я много бы дал, чтобы остаться за кадром. Зачем на меня кивать, зачем ждать от меня: «да» или «нет»? Ну как я могу выбрать себя в этом умопомрачительном, ни для кого непосильном раскладе? Где мое место и какие

мои слова в таких переговорах? Готов ли я — нормальный пацан лично сосуществовать с памятником захватчикам, установленным в моей любимой деревне, пусть даже на окраине? Да меня мои же приятели, ох как, не поймут. Как получилось, что проблемы Последних дней мироздания норовят улечься на мои плечи? Да еще и Эльза уже не просто Лиза, а уже всюю тянет на евангельскую Елизавету, она ведь, как теперь оказывается, предполагала увидеть в моей тете и во мне-недотепе — людей, способных на сияние всепрощенья, на пронзительно высокую человечность. Ну, к тете эти вопросы — по адресу. А я-то тут — кто? Уж точно, не мое это место, и дернула ж меня нелегкая — застрять тут с отвисшей челюстью. Да, я бы и простил, только мое прощение ничего не весит. Кто наделил бы меня правом голоса, когда не для меня были приготовлены людоедно-голодные виселицы карателей, а вот для нее — для тети, ее соседей по землянкам. В общем, остался я с разинутым ртом, дурачок, мол, «а кого вы спрашиваете; а я есть, что ли?» Ну, они с пониманием приняли это мое дезертирство, что возьмешь с такой младенчески миловидной гусеницы, ей бы еще малинки.

И вот нынче мне — уже за полвека, а вопрос Лизы и тети Нюры, похоже, все так же без ответа. И нет в той моей деревне памятника погибшим в войне немецким солдатам. Даже появившийся лет через двадцать бетонный памятник партизанам, много раз подкрашенный бронзовой краской, тоже наполовину в развалинах. Казалось бы, некому повторить тот вопрос. Но я убедился в пугающей правильности когда-то услышанных мной слов: вопросы и ответы куда более полны смысла и более вечны, чем дома, города, страны; недаром ведь «в начале было Слово... и все через него начало быть... и ничего без него...». Поэтому, хоть и через конкретных людей, но тебя спрашивает сама судьба, или изначальная суть вещей; и если ты в первый раз ответа не найдешь, то она громаду этого вопроса бухнет перед тобой позднее, как бы с другой стороны. И ты удивишься тому, насколько это — тот же самый вопрос. А если ты и тогда не ответишь, то проблема более грозным испытанием ляжет на плечи детей, внуков...

Вообще-то, я не ленился, силился в этом разобраться и даже понял кое-какие истины. Например. Чтобы занять свое место, нужно взять на себя — на пределе твоих сил — долю общего человеческого груза, от всего сердца принять участие в событиях, которые как будто бы персонально прошли без тебя. Нужно как-то расти, вращаться в дела и жизненные коллизии отцов и праотцев, переживать их как свои, всеми нервами переживать и их, и вырастающие из них в сегодня и в завтра все новые и новые рождения. Это без особых разъяснений внятно многим, и сразу узнается нами в словах Экзюпери: быть человеком — это быть за все в ответе. Именно за все, а не только за свое кровное. А уж как дорастать до этого, какие родовые муки претерпеть — об этом вся мудрость тысячелетий. «И сказал Господь Авраму: пойди из земли твоей... из дома отца твоего в иную землю...» (Бытие 12:1). И ведь он пошел и был скитальцем бесконечные двадцать четыре года, сколько раз в безвыходности задыхался, сколько раз жизнь с волоска срывалась. И вот, в конце этих испытаний — из гусеницы рождается светоносная бабочка — «... и не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя

отцом множества народов и благословятся в тебе все народы земли» (Бытие 17:5). А если бы не отважился на скитания да унижения, оставался бы довольным собой обывателем Харрана, не было бы ему дела до народов земли и до звезд на небе.

Ведь и нас — переселенцев что-то потянуло в дорогу, какое-то щемящее: что там — за горизонтом? Что там за люди, что за обычаи, как мы встретимся? Кого мы ожидаем встретить? Нас почему-то не устраивает скучная рутинность наших прежних встречных? Или мы предчувствуем утреннюю новизну, нарождающуюся в нас самих? Я сам могу стать... могу стать... стать... другим, вдыхающим целебные ветры необъятных высей... воссиять алыми обморочными зорями... Да, я не только в мечте, я и в реальности хочу попробовать быть другим, встречаться по-другому. Открываться встречам по-другому.

Каждому из нас дано было увидеть: когда бабочка мечты одного встречается с мечтой другого — вспыхивает и полыхает неописуемыми красотами во все небо северное сияние любви. Увы, когда гусеница встречается с гусеницей, возникает ноющая тревога, не слишком ли много он берет себе, не мое ли место занимает. А сколько мгновений нам самим дано полыхать? Ответ ясен — сколько твоей бабочке твоя гусеница позволит, раз уж ты в реальности все еще скорее гусеница, чем бабочка. Увы, о многих из нас можно сказать: уже пере-гусеница, но еще недо-бабочка. Родовые муки посередине, нам больно туда, еще больнее — обратно. Часто говорят: эти переселенцы — все больные. А как иначе? Ведь это плата как плата за приближение к предошущаемой нами — высотной привилегии, пока не привыкнем дышать озоном...

Спору нет, исконным жителям комфортнее, чем нам. Им есть куда отступать, да можно и не начинать, ведь они ж еще не заразились летальными притязаниями. Хочешь остаться Авраомом? — Вот и молодец! Ты же настоящий, добротный обыватель! И вообще, метаморфоз сильно смахивает на измену отечеству, а гусеница — эталон благонадежности, приверженности месту. Послушай, как подозрительно звучат слова про Духа Святого: «...не знаешь, откуда приходит и куда уходит». Это, явно, не наш, не местный. Когда финская бабочка встречается с российской, как описать это кружение небес. А если гусеница и с одной, и с другой стороны? Разверзаются хляби взаимного разочарования, крошечного обоюдного иступления: где верх — где низ, где куши — где Геенна огненная? И эта вулканическая лава застывает в итоге неприступными глыбами: «Все они такие!»

В общем, трудности переселенческие удалось отчасти пережить и отчасти понять. Что такое искать свое место и свое время — тоже, вроде бы, — не в новинку. Понял я и почему так дружелюбно разговаривала тетя Нюра с Лизой. Это был для них час истины, когда и той и другой удалось увидеть друг в друге высоко летящую, свободную от своей плотоядной брэнности, бабочку, когда «нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни господина». Ну а, раз понял кое-что, судьба опять поставила меня перед Сфинксом с его «той же самой» загадкой.

Утром 9 мая ждем автобуса до Лянгельмяки. Там с 41 по 42 годы похоронено более полутора ста военнопленных из Советской армии, или, как нас поправляет современное финское руководство, — из сталинской армии, ок-

купировавшей восточные земли Финляндии в ходе Зимней войны. Женщина из здешней церкви предложила участвовать в поминальном молебне о погибших. Ирина, моя супруга, и я согласились, не мешкая: погибшие должны быть помянуты, хотя какая-то заноза кольнула: помянуть погибших наступающих, не помяная погибших обороняющихся, что-то в этом не так. Опять вспомнилась тетя Нюра и Лиза. Кому я тут прошаю: тем или этим, или я сам должен у кого-то просить прощения: у тех или этих? Ведь мы приехали сюда, не спрашивая ни у тех, ни у других, так сказать, контрабандой. Вроде как, пока спят, мы прошмыгнули сюда, чтобы избежать их расспросов. Не хочется с ними объясняться, а уж как не хочется объясняться с самими собой. Хотя понимаю, что у приличных людей принято держать ответ. Но тут «кстати» пришла «спасительная» мысль: оборонявшихся наверняка поминают и без меня, а вот наступавших помянуть почти некому, значит я сейчас пойду и помяну тех, кто больше страдает в итоге. Правда, кто я такой, чтобы решать — кто больше? Ну ладно, даю себе слово: потом обязательно помяну и тех, кто оборонялся, они-то свою землю защищали.

Стоим небольшой группкой у Старой библиотеки. Солнышко такое узнаваемое по таким же поездкам 9 мая на Пискаревское кладбище, сдержанно приветливое, чуть недоуменное. Приедем, речи будут, цветы положим, молебен, петь будем. Как в настоящей жизни. «Смотри-ка, ветеран идет, весь значками увешанный». Оборачиваюсь, действительно, по краю площади движется ветеран, почти вся грудь в знаках отличия, синих крестах. Ветер прохладный подул. «Не из тех ли, которые военнопленных-то не уберегли?» Тоска резанула под ложечкой. Вон, лицо-то какое сосредоточенное, гранитное. Наверное, до сих пор на наших силуэтах так и маячит для него тень от мушки прицела. Приближается еще и еще, сворачивает к нам. «Ба, да это же наш! Ты чего там плутаешь, иди сюда!» Уфф, камень с души. Весь облик мягкий, приветливый, добрейшей души человек, на груди советские ордена, звезды. Вот это да! Как же это на месте звезд кресты-то померещились? А солнышко-ведрышко, уже почти летнее. Хорошо бы позагорать как-нибудь...

Женщина в зрелом возрасте разговаривает с другой. Ну, и у меня такое было. Соседка на меня просто волком смотрела, все выискивала, к чему бы прицепиться. <.> Но я каждый день, невзирая на любые происки, как встречу — говорю, »huvää räivää» и дружелюбно улыбаюсь. Почти месяц она от меня шарахалась. А теперь она первая здоровается, то творога из магазина принесет, то рыбы, если бывает подешевле. Теперь праздник, но душе, о-го-го, пришлось потрудиться. Ее знакомая не сдается: своих все равно легче понять, почувствовать. Ну нет, это нам со страху и от душевной лени так кажется — настояла женщина. У меня в Нарве уж сколько подруг было, а такой родной, как теперь эта, «бывшая волком», пожалуй, и не было.

Меня по сердцу горячей волной обдало, да и в голову хмелем вдарило. Никогда я не был так горд, что я из России, как в эту минуту. Вот именно! Мы здесь не именем «пустите нас, пожалуйста», а именем красоты и щедрости наших сердец! Этой нашей отвагой мы и финнам добавим полноты жизни. Вот зачем мы здесь! Украдкой поглядываю на говорившую. Лицо — спокойное

благородство, красивое светом, волосы выющиеся с проседью, невозможно не влюбиться. Такая везде дома, не она у кого-нибудь в гостях, а это все, кто есть на свете, — у нее в гостях. Ах да, я же сам слышал, что одна из наших женщин работала мастером на Кренгольмской мануфактуре в Нарве. Так вот она какая... Подъезжает автобус, наполняется почти до отказа. Трогаемся. Смешинки солнечных зайчат носятся по салону, но каждый из нас погружен в свои мысли, мы уже привыкли не подпускать других близко, даже, так сказать, своего брата. Почти через час на месте. Автобус после резкого поворота как-то вдруг вниз пошел. И еще это угадывается по какой-то печали, по отдаленности этого «места» от жилья, как будто люди избегают прикосновений висящих в этом воздухе, пропитавших эту землю, — боли и тоски.

Собираемся подле выразительного памятника: высятся три темно-серого гранита плиты в два с лишним человеческих роста, соединенные вершинами. Колокол свисает от этого средостения вершин. На плитах фамилии с инициалами и горькие даты. Зажигаем свечи, часть держим в руках, часть — на лежащую плашмя гранитную плиту. Финский священник начинает молебен, грустно и светло звучат голоса женщин нашего маленького хора. Подпеваю в терцию альтам, пока еще не умею вести самостоятельную басовую партию. Свечи горят поминальным строем. После молебна священник старательно, почти чисто по-русски выговаривает короткую речь. Врезалось в память — «В войнах не бывает победителей и побежденных. Там есть только жертвы».

Слышу торопливый женский голос слева. Ну, правильно... а мы, вишь, тут 9 мая, как победа... а лучше в другой день... вот одиннадцатого сентября — православный день... воинов поминают... еще не холодно... автобус нанять... приехать. Другой женский голос возразил с грустью. Вряд ли получится... тут на привычное 9-е мая трудно людей поднять... хотя закуска, то-се... а на мало-знакомый сентябрь, уж точно, никто не поедет. Тут отозвался мужской голос. А если победы, то кого и над кем? ...в 45-м социализм оттяпал земель у капитализма... победа... теперь мы сами тот социализм тяпнули, да и тех «победителей» тяпнули в придачу, сколько их в Германии теперь живет на пособии... так, кто ж — кого? Тут первая женщина охнула. Слушайте, а надо бы нам на этом же автобусе съездить... и поминальный молебен по финским солдатам... что мы христиане... вот это люди бы поняли... а то мы в глазах финнов — шизофреники какие-то... нашли тут на них обвинение... а сами, и тогда были — святые... и сегодня, живя на их пособие, опять мы — их святее...

Вдруг по нашим рядам пронеслось: официальное лицо приехало... лицо приехало... речь будет. Из черной машины вышел средних лет мужчина, серьезный, приветливый. Речь ровная, похоже, раньше слышал я его на Пискаревском кладбище. Павшие не забыты... это наш долг. Все правильно. И тут внезапным порывом ветра задуло свечи, все до единой. «Если бы их не было, то и нас бы тут не было». Ого, похоже, он место перепутал. Или, мелькнула и, ойкнув, улетучилась догадка, — это я его своими воспоминаниями запутал. Там бы эти слова — в точку. А здесь они — эхом в таких пустотах недоумения. По нашим рядам смущение прокатилось. Кто-то глаза прячет, у кого-то улыбка выпрыгнула, какая-то судорожная. Мы же понимаем: эти солдаты не сами сюда пришли. Их сталинская машина гнала

впереди себя, как живой щит, как заложников. Свечи не зажигаем, ждем пока речь закончится, уважение, дескать, так хорошо говоришь, что мы в глубокой задумчивости.

Невольно взглядываюсь в лицо... нормальное, человеческое... он хотел как лучше. Мол, вот приехали люди помянуть, видно, встали пораньше, руки в свечных слезах, наверное, ждут от меня — официального каких-то слов запоминающихся, печальных, но, все же, и ободряющих. А что здесь сказать? Здесь так все сложно, все шиворот-навыворот. Здесь что ни скажи, все имеет какой-то второй и третий смысл, либо перед теми, либо перед другими неправ будешь. Ладно, скажу привычно-крылатое для собравшихся, чьи лица вижу, ведь — вот они — ждут, дам им глоток самоуважения, мол, свои... когда-то были.

Ну, а те, чьи лица ему были не видны — ему свечки-то и задули, ему, да и всем нам тут. Эти — невидимые яснее нас понимают, что он хотел, как лучше, но дали понять, что не нужно им актерства, которое пока еще сущие во плоти устраивают друг для друга. И вообще, если вы пришли помянуть, то помяните не свои, привычные вам предрассудки и иллюзии на свой счет, а потом уж, и на наш, погибших, счет. Постарайтесь помянуть нас такими, какими мы действительно были, нечеловечески и во многом слепо, пострадавшими «за дядю». Если вы готовы иногда встать пораньше, то разберитесь с этими «дядями». Пусть каждому воздастся по делам его. И не о мести речь. Постарайтесь яснее понять, кто и как дергал ниточки тогда и сейчас. Ведь какие-то ниточки невольно дергали и вы сами, и все еще дергаете. Если вы не удосужитесь протереть себе глаза, так и будете заблудившимся хоромом управляемых сверху кукловодов. Приподнимите веки — тогда вы поймете, кто и какими ниточками нас, погибших, запутал. А уж если вы сумеете распутать нас из этих ниток, да и самих себя в итоге, вот будет — настоящее Поминовение! Вот тогда-то в подлинном смысле Слова — все вместе окажемся любимыми и — по-настоящему живыми. Ведь у Творца живы все.

А продолжая актерствовать, вы продолжаете сами себя запутывать, да и нас, как кукол, впутываете все дальше, как будто война никак не может закончиться. Вы сами, того не замечая, ее и подогреваете. Слепой слепого ведет, кукла куклой управляет, ввергая в одиночество, в муки и, как видите, часто — в смерть. А ведь под кукольной оболочкой живой комочек орет: хоть кто-то меня собирается понять?! Когда же хоть кто-то меня живого разглядит и заговорит со мной по-живому?! Да ведь и каждый из вас — переселенцев нередко по ночам так и кричит: я же живой, там внутри, ну хоть кто-то это сможет разглядеть? Или только куклы вокруг?

Наконец, речь закончена; осторожно оглядываюсь, где же эта женщина из Нарвы, ее, наверное, тоже смутили неловкие слова про «нас бы тут не было»? Похоже, нисколько. Глаза — глубоко внутрь, губы молитвы шепчут, и она дружески тепло, по-свойски разговаривает с теми, которых мы, «уж как умеем», пытаемся помянуть. Свеча в руках ее, как горела, так и горит ровным пламенем.

7.8. «Право на имя». Чтения памяти В. В. Иофе (2003–2009)⁸²

(1)

*Вениамин Викторович Иофе*⁸³

...Родился 29 июня 1938 года в Уфе. В 1955 окончил среднюю школу в Ленинграде, в 1962 окончил Ленинградский химико-технологический институт (инженер-технолог, химик). Аспирант ВНИИСКА (Институт синтетического каучука)...

...с 1964 года сотрудник нелегального общественно-политического журнала «Колокол», автор статей о перспективах политической и производственной демократии в СССР. Арестован 12 июня 1965 года по делу «Колокола», приговорен 26 ноября 1965 года Ленгорсудом по статьям 70 ч.1 и 72 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация в составе группы) к 3 годам лагеря строгого режима. Срок отбывал в Мордовских лагерях (Дубровлаг)...

...после освобождения работал инженером, старшим технологом линейного цеха завода «Полимерстройматериалы» (1969–1976), затем инженером-наладчиком очистных сооружений Ленинградского управления пусконаладочных работ треста Ленсельхозмонтаж (1976–1982); после увольнения, связанного с «профилактированием» органами КГБ, — инженер-наладчик специализированного управления наладочных работ треста Ленинжстрой (1982–1990)...

...в 1970–1980-е годы активно участвовал в общественно-политической жизни города, занимался историей политической оппозиции в СССР. С 1976 постоянный участник исторических сборников «Память» (Москва–Париж, 1976–1982) — автор публикаций по истории политического подполья в СССР под псевдонимами С. Песков и С. Д. Рождественский. Участвовал в издании реферативного журнала самиздата «Сумма» (1979–1982). В 1982 году официально предупрежден органами КГБ в связи с участием в работе Российского общественного фонда (Фонд помощи семьям политзаключенных), уволен с работы...

...с 1988 года председатель историко-архивной комиссии, с 1989 сопредседатель Санкт-Петербургского общества «Мемориал». В 1992 создал Научно-информационный центр «Мемориал» (архив, библиотека, издательство), директор НИЦ «Мемориал» и главный редактор Издательства НИЦ «Мемориал», научный руководитель серии «Исторические сборники» и альманаха «Вестник «Мемориала»... Автор книги статей, выступлений, исторических, культурологических и философских эссе «Границы смысла» (2002) и др.

⁸² Настоящий раздел книги составлен в основном из материалов сайта Научно-информационного центра «Мемориал» (СПб) — <http://www.memorial-nic.org/>.

Использован также материал, размещенный в 2007 г. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/ioffe_biographics.html.

⁸³ См. <http://www.memorial-nic.org/iofe.html>.

...в 2000 создал Просветительный центр (читальный зал, музей, дискуссионный клуб, киноцентр)...

...умер 20 апреля 2002 на эскалаторе станции метро...

...с 2002 года Просветительный центр (ул. Рубинштейна, 23) носит его имя...

***

О Научно-информационном центре «Мемориал» (СПб)⁸⁴

Региональное общественное учреждение Научно-информационный центр «Мемориал» создан в 1990 политзаключенным 1960-х годов Вениамином Викторовичем Иофе как центр для научного обеспечения работы историко-архивной комиссии общества «Мемориал». НИЦ «Мемориал» официально зарегистрирован в 1991. Собранные В. В. Иофе в 1970-1980-е годы материалы и коллекции (архив, библиотека, картотека политзаключенных), а также разработанные им методика и подходы, альтернативные советской официальной истории и историографии, легли в основу НИЦ «Мемориал».

...*Миссия:* Осмысление и преодоление опыта тоталитарного наследия и тоталитарных стереотипов общественного сознания с целью оздоровления моральной атмосферы в современном обществе, разрушенной десятилетиями государственного политического произвола, предотвращения возможности реставрации авторитарных институтов власти и полицейского государства. Развитие традиций защиты человека от притязаний полицейского государства, выработка гражданского самосознания, формирование культуры памяти и чувства ответственности за настоящее и будущее страны у молодого поколения, укрепление общественных и гражданских позиций.

...*Основные направления работы:* Ресурсный центр (архив и музей, библиотека, Центр устной истории, научные исследования и поиски); Просветительный центр (открытый читальный зал, киноvideоцентр, лекционный и дискуссионный клуб); Молодежный клуб (консультации молодых исследователей, лекции, экскурсии, летние школы и экспедиции); Правозащитный центр (приемная, гражданские акции); Издательство; Пресс-центр (проведение пресс-конференций, правозащитное радио, сайт). <...>⁸⁵

***

Чтения памяти В. В. Иофе⁸⁶

Чтения памяти *Вениамина Викторовича Иофе* (1938-2002), петербургского историка и философа, создателя и руководителя Научно-информационного центра «Мемориал»; политзаключенного 1960-х годов, автора самиздата, участника и историка движения сопротивления в СССР, с 2003 года еже-

⁸⁴ См. <http://www.memorial-nic.org/index.html>.

⁸⁵ См. также: Что такое «Мемориал», на сайте Международного Мемориала: <http://www.memo.ru/about/news.htm>.

⁸⁶ По материалам публикации на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/ioffe_biographics.html.

годно, в апреле, проходят в Белом зале Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Проблема биографики 20-го века — это не сугубо научная проблема. Масовый политический террор сопровождал всю советскую историю. Политика неизбирательного насилия была в первую очередь направлена на уничтожение человека как личности. В результате коммунистического террора были расстреляны, отправлены в лагеря миллионы людей. Их биографии стерты, имена потеряны. Право на биографию остается недоказанным и тема биографики 20-го века представляется крайне актуальной.

Биографические чтения «Право на имя» памяти В. В. Иофе традиционно посвящены актуальным проблемам биографики 20-го века (2003 год — «*Биографический метод в социальных и исторических науках*», 2004 — «*Биография как парадигма исторического процесса*», 2005 — «*Биография вне шаблона*», 2006 — «*Методология составления и изучения биографии*», 2007 — «*Биографика 20-го века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания*», 2008 — «*Биографика 20-го века*»). На них обсуждаются вопросы методологии и практики составления и использования биографии, биографического метода и его применения в различных дисциплинах.

Среди основных тем дискуссий: достоверность источников в интерпретации событий жизни; игнорирование и вычерки в биографических словарях и справочниках как отражение исторической реальности; принудительные исчезновения и право на могилу; некрополистика 20-го века; редактирование и интерпретация, нормирование маргинальной биографии. На Чтениях обсуждаются биографические модели (биографическая справка, автобиография, жизнеописание), сочетание факта и события (частное и общественное в биографии, поступок), проблемы доступа к информации, язык биографии и формат записи, биографические базы данных, источники составления биографии (источники и мифологизация, искажение и фальсификация, виды игнорирования), постбиография (смерть в биографии, посмертная биография, увековечивание памяти). Особое внимание уделяется влиянию государства на жизненный путь в биографии людей (подавление и противостояние, «редактура» жизни).

Материалы Чтений выходят отдельным изданием, их презентация традиционно проходит на открытии очередных Чтений.

Среди организаторов Чтений памяти В. В. Иофе — в разные годы — кроме Научно-информационного центра «Мемориал» (СПб):

— Европейский университет в СПб; Центр независимых социологических исследований; Международное общество «Мемориал»; московский Научно-просветительский центр «Мемориал»; Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева; Международный благотворительный фонд Спасения Петербурга—Ленинграда, Фонд Генриха Белля; благотворительный фонд Конрада Аденауэра; Генеральное консульство Республики Польша в Санкт-Петербурге...

Чтения памяти В. В. Иофе собирают ежегодно до 50 участников из разных регионов России и из-за рубежа. *За шесть лет Чтения* памяти В. В. Иофе стали известны и востребованы в научном мире в качестве международного междисциплинарного научного семинара. К ним проявляют интерес науч-

ные сотрудники, работники библиотек, музеев, историки, социологи, этнографы, психологи, искусствоведы, библиографы, преподаватели вузов и учителя средних школ, студенты и старшеклассники.

О круге тем и участников Чтений можно судить из прилагаемых списков докладов Пятых и Шестых чтений памяти В. В. Иофе⁸⁷.

Приложение

Из программ Чтений памяти Иофе

(1)

Список докладов Пятых чтений (2007)⁸⁸

Елена Агеева, Музей истории МГУ, Москва

Биографические исследования старообрядчества XX века

Вера Аксареева, Удмуртский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии и истории первобытного общества, Ижевск

Биография как источник гендерного изучения истории археологии

Андрей Алексеев, Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

Эстафета памяти-2. Мотивы, формы и роль автобиографических повествований *

Елена Бабакова, Киевский Национальный университет им. Т. Шевченко, Киев

Инвентари имущества шляхты Речи Посполитой XVI – XVII веков как «миниатюрные биографии» Раннего Нового времени

Наиля Бекжанова, Анна Жабрева, Наиле Сидоренко, Библиотека Российской академии наук (БАН), Санкт-Петербург

К проблеме библиографирования биографий *

Борис Беленкин, НИПЦ «Мемориал», Москва

Духовные заместители (самозванцы, плуты, мистификаторы) *

⁸⁷ Публикуются впервые.

Здесь у соавторов-составителей были разногласия: помещать ли в книге эти перечни докладов. По мнению одного из нас, это избыточная для читателя информация, поскольку не есть библиографическая запись (ссылка). С точки зрения другого, ценность списков – в презентации широкого круга исследовательских центров и авторов, занимающихся этой проблематикой, а также разнообразия круга исторических, социологических, культурологических и т. д. тем. Эти круги заведомо шире тех, что представлены в соответствующих сборниках материалов Чтений памяти В. Иофе (см. ниже), выходящих уже *post factum*.

Не всем заявившимся удастся лично участвовать в Чтениях, не все представляют впоследствии свои развернутые тексты для печати. Между тем, сокращенные тезисы докладов указанных авторов сохраняются в архиве НИЦ «Мемориал» (СПб). И интересующийся может с ними, при желании, ознакомиться.

Первый в этом споре соавтор пошел во многом навстречу второму, хоть и остался при своем мнении.

⁸⁸ Звездочкой (*) отмечены доклады, вошедшие в качестве статей в сборник: Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. Пятые чтения памяти Вениамина Иофе, 16-18 апреля 2007. Сборник докладов. – СПб., 2008.

Юлия Белозерова, СПбГУ, Санкт-Петербург

Биография личности или Личность в биографии в советской истории

Олег Божков, Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

Советское и постсоветское в сознании сельских руководителей *

Наталья Воробьева, Омский государственный университет, Омск

Патриарх Никон: от жития к научной биографии (к вопросу о моделировании историографического образа)

Татьяна Воронина, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Центр устной истории

Быть героем своей страны: советский героический дискурс в контексте биографических интервью *

Петр Гришанин. Пятигорский государственный лингвистический университет

Некоторые методологические аспекты при работе с биографическими источниками

Севиля Гусейнова, Институт философии и политико-правовых исследований АН Азербайджана, Баку

История жизни лидера в контексте коллективной биографии сельской общины *

Станислав Дудкин, ННГУ им. Ломоносова, Музей НИИ измерительных систем им. Ю. Е. Седакова, Нижний Новгород

Специфика биографии физика-атомщика: уход от мира и возвращение в мир *

Ирина Клюева, Мордовский государственный университет, кафедра культуры, Саранск

Биография Степана Эрзи как научная проблема

Борис Колоницкий, Институт истории РАН, Санкт-Петербург

Шпиономания как потребность: Дело Мясоедова в общественном сознании *

Александр Коновалов, Кемеровский государственный университет, кафедра политических наук, Кемерово

Региональная номенклатурная биографика: проблемы и перспективы изучения

Екатерина Косякова, Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск

Об источниках изучения биографий пригородных крестьян 1920-х годов *

Андрей Кручинин, Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Москва

Обаяние мифа: Достоверное и фантастическое в очерке генерала П.И. Аверьянова о генерале Я. А. Слащове-Крымском

Никита Кузнецов, Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Москва

Колчаковские офицеры — видные деятели советской науки и техники

Мария Мацкевич, Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

Галина Старовойтова: социальная память (на примере репрезентативных опросов в Санкт-Петербурге и Самаре) *

Петр Митцнер, Университет Кардинала Ст. Вышиньского; журнал «Новая Польша», Варшава

Автобиография в экстремальной ситуации: Дневник Януша Корчака *

Александр Окунь, Самарский государственный университет, кафедра зарубежной истории, Самара

А. Невинс и искусство биографии (Биографический жанр в американской историографии XX века) *

Сергей Панов, Сергей Ивашкин, Российский институт культурологии, Москва

Телеспектрография запаха в автобиографической прозе А.Ахматовой

Анджей Пачковский, Институт политических исследований ПАН; Коллегиум цивитас, Варшава

Три лица Юзефа Святло: К истории еврейских коммунистов в Польше *

Анастасия Петрина, Омский государственный университет, Омск

Зарождение новой научно-биографической модели в контексте интеллектуальной истории

Наталья Петрова, Высшие литературные курсы; журнал «Генеральный директор», Москва

Улыбка в наследство. Биография предка и его автобиографический роман: ревизия связи с прошлым и источник собственных жизненных стратегий сегодня

Ирина Реброва, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар

Конструирование авто/биографии в ходе устного интервью ветеранов Великой Отечественной войны

Абрам Рейтблат, «Новое литературное обозрение», Москва

Что не попадает в биографию? *

Ольга Розенблюм, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра истории русской литературы, Москва

Эмоциональный спектр, каналы опыта и структура переживания в «нормативной биографии» (на материале «Зои» М. Алигер) *

Сергей Румянцев, Институт философии и политико-правовых исследований АН Азербайджана, Баку

До и после эмиграции: идеология непрерывности биографии, как личного проекта *

Дмитрий Смирнов, Ивановский государственный университет, Иваново

Гладить против шерсти: сомнение как факт биографии Вальтера Беньямина *

Нина Цветаева, Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

Биографические нарративы советской эпохи: модели дистанцирования от идеологических норм *

Ольга Шабаршина, Научная библиотека Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, Нижний Тагил

Личная библиотека как отражение биографии *

Список докладов Шестых чтений (2008)

Андрей Алексеев (СИ РАН, СПб.)

Личная переписка как документ биографии и истории

Наталья Баженова (Библиотека РАН, СПб.)

Труды ученых Академии наук СССР блокадного периода: проблема анонимности

Петр Базанов (СПбГУКИ, СПб.)

Братья Солоневичи: документы и легенды (На основе коллекции В. В. Иофе, НИЦ «Мемориал»)

Владислав Бачинин (СИ РАН, СПб.)

Социально-виктимологический дискурс А. И. Солженицына: Методы создания коллективной биографии «человека лагерного»

Наиля. Бекжанова, Анна Жабрева, Наиле Сидоренко (Библиотека РАН, СПб.)

Профессия как объект биографирования: на примере отечественных биографических и биобиблиографических словарей (1956–2000 гг.)

Борис Беленкин (Международное общество «Мемориал», Москва)

Смерть в окружении: к вопросу об «изменении» биографии московским ополченцем (варианты судьбы)

Олег Божков (СИ РАН, СПб.)

О проблемах Биографического фонда

Ольга Бредникова (ЦНСИ, СПб.)

Жизнь до жизни? (субъективизация эмбриона и расширение пространства биографизации)

Наталья Демина («Полит.ру», Москва)

Этос науки: контент-анализ некрологов и юбилейных статей в научных журналах

Константин Дивисенко (СИ РАН, СПб.)

Биографии молодых в собрании Биографического фонда

Анна Желнина (ЕУСПб, СПб.)

«Большое событие» в маленьком коллективе: закрытие Европейского Университета в биографии слушателей

Алена Козлова (Международное общество «Мемориал», Москва)

Любовь под знаком ЧСИР (Влияние травматического опыта семейной истории на женскую судьбу второго поколения)

Анна Колдушко (ПГТУ, Пермь)

Биография репрессированного партийца

Борис Комиссаров (Смольный коллегиум, СПб.)

Вперед... в прошлое: О. Н. Кен о социальной архаике в СССР и постсоветской России

Юлия Крашенинникова (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар)

Семейный архив: специфика составления биографии

Андрей Кручинин (Библиотека-фонд «Русское зарубежье», Москва)

Кульминация биографии: атака генерала Я. А. Слащова на Чангарской гати 2/15 апреля 1920 года в контексте легенд о «психических атаках»

Мария Левченко (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.)

Раскопки памяти» Ильи Садофьева: конструирование советского поэта

Борис Максимов (СИ РАН, СПб.)

Трудовые пути: место в биографиях

Мартин Малек (Национальная Академия Обороны, Вена, Австрия)

Военная биография Понтера Грасса или: (не)преодоление собственного прошлого

Мария Мацкевич (СИ РАН, СПб.)

90-е в оценках граждан: «спрос» на аберрации памяти?

Екатерина Махотина (Университет Мюнхен, Германия)

«Палач – Жертва – Герой»: Биография доктора Ганса Гейнце как камень преткновения в исследовании истории и музейной концепции Музея «Спецлагерь 7/1» в Мемориальном Комплексе Заксенхаузен

Петр Митцнер (Университет Кардинала Ст. Вышиньского, Варшава)

Русские писатели в довоенной Польше: Проблема источников

Елена Некрасова (Академия театрального искусства, СПб.)

Историческое и художественное в рамках реалистического дискурса

Александр Окунь (Самарский университет, Самара)

Для чего пишут автобиографии (Случай Генри Адамса)

Галина Орлова (Южный университет, Ростов-на-Дону)

Биография (при) смерти: дискурсивное устройство советского политического некролога

Ирина Островская (Международное общество «Мемориал», Москва)

Героизация неизвестного: образ репрессированных родителей в устных воспоминаниях детей

Нина Пономарева (Библиотека РАН, СПбГУКИ, СПб.)

Николай Васильевич Здобнов (1888–1942): право на имя

Максим Скороходов (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Москва)

Научная биография как исследовательский жанр

Дмитрий Смирнов (Ивановский университет, Иваново)

«Осознание видений» под натиском лишений: Вальтер Беньямин в работе над «Пассажами» в 1934 – 1940 гг.

Ольга Филиппова (Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил)

Роль биографических методов в историографическом исследовании

Олег Хархордин (ЕУСПб, СПб.)

«Обличать и лицемерить» 10 лет спустя: сталинское общество как зеркало для понимания специфики современных практик

Наталья Хосуева (Колесник) (СИ РАН, СПб.)

Социальный портрет региональной элиты: гендерное измерение

Нина Цветаева (СИ РАН, СПб.)

О чем говорят «человеческие документы»: ориентиры социологической интерпретации

Надежда Чередниченко (Кубанский университет, Краснодар)

Типология социально-значимых качеств на примере образа горца-просветителя в кавказоведческой литературе

Анна Шор-Чудновская (Гессенский Фонд по изучению мира и конфликтов, Германия; Частный Университет Зигмунда Фрейда, Австрия)

До мельчайших подробностей. Автобиографический роман-документ как пример сопротивления. А.Д. Сахаров и Е.Г. Боннэр между 1977 и Перестройкой

(2)

Библиография Чтений памяти В. В. Иофе (2004-2009)

— Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе, 18-19 апреля 2003. — СПб., 2004.

— Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса. Вторые чтения памяти Вениамина Иофе, 16-18 апреля 2004. — СПб., 2005.

— Право на имя, Биография вне шаблона. Третьи чтения памяти Вениамина Иофе, 22-24 апреля 2005. Сборник докладов. — СПб., 2006.

— Право на имя. Биографика 20 века. Методология составления и изучения биографии. Четвертые чтения памяти Вениамина Иофе, 17-18 апреля 2006. Сборник докладов. — СПб., 2007.

— Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. Пятые чтения памяти Вениамина Иофе, 16-18 апреля 2007. Сборник докладов. — СПб., 2008.

— Право на имя. Биографика 20 века. Шестые чтения памяти Вениамина Иофе. 16-18 апреля 2008. Сборник докладов. СПб., 2009.

(3)

20-22 апреля 2009 г. состоялись очередные, Седьмые чтения памяти В. В. Иофе.

Из информационного письма о Седьмых биографических чтениях памяти В. Иофе

<...> Чтения проводят Санкт-Петербургский Научно-информационный центр «Мемориал» совместно с Европейским университетом в Санкт-Петербурге, при участии Международного общества «Мемориал», Центра независимых социологических исследований, Генерального Консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге.

<...>

Основные темы Седьмых чтений:

— Современные биографические исследования: новые подходы и возможности, новые способы описания и презентации биографий;

— Проблема источников: достоверность источников в интерпретации событий жизни;

— Биография и миф, умолчания в биографии, что не попадает в биографию;

— Посмертная биография: смерть в биографии, биография и память; исчезновение как факт биографии, принудительные исчезновения;

— Исследования автобиографий

и другие темы. <...>

Руководитель Чтений: Ирина Флиге, директор НИЦ «Мемориал» (СПб.)

Соучредитель Чтений: Борис Беленкин, директор НИПЦ «Мемориал» (Москва)

Координатор чтений: Татьяна Косинова, научный сотрудник НИЦ «Мемориал»

Программу и пакет тезисов к Седьмым чтениям памяти В. В. Иофе см. на Полит.ру (апрель 2009)⁸⁹.

7.9. «Алексеевский архив»⁹⁰

Санкт-Петербургский архив-коллекция нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений (СПбАК, в дальнейшем – «Алексеевский архив») является самодеятельным (не коммерческим и не государственным) собранием информационных и аналитических материалов, отражающих историю и современное состояние общественных движений, в целом – политические процессы и социальные изменения в бывшем СССР и Российской Федерации за период с 1986 г. по настоящее время.

Заложенный в 1989 году Андреем Николаевичем Алексеевым, при участии коллег – сотрудников Ленинградского филиала Института социологии РАН, «Алексеевский архив» интенсивно пополнялся за счет архивов различных общественных объединений и личных архивов активистов общественных движений, так что уже к середине 1990-х гг. стал одним из самых крупных и представительных среди подобных собраний, существующих в рамках исследовательских, информационных и учебных центров, как в России, так и за рубежом.

На протяжении десяти лет (1990-е гг.). «Алексеевский архив», располагавшийся в помещении Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН (ныне – Социологический институт РАН), активно функционировал как общественный научно-информационный центр. В конце 1999 г. по техническим причинам его деятельность была свернута, а фонды законсервированы. Начиная с 2007 г., по завершении перемещения фондов в специальное помещение, приобретенное для этой цели НИЦ «Мемориал», по адресу: СПб., ул. Рубинштейна, 23, архив-коллекция вновь становится доступным для заинтересованных пользователей.

«Алексеевский архив» имеет значительную историческую ценность и обладает большой потенциальной востребованностью, поскольку ныне среди специалистов (научных сотрудников, аспирантов, студентов) резко возрос интерес к этому периоду российской истории. Особенно ценными в составе архива-коллекции являются материалы самиздата и малотиражные региональные периодические издания.

⁸⁹ См.: <http://www.polit.ru/science/2009/04/17/progr.html>; <http://www.polit.ru/science/2009/04/17/tez.html>).

⁹⁰ См. на сайте НИЦ «Мемориал»: <http://www.memorial-nic.org/>. Точечный адрес – <http://www.memorial-nic.org/alekseev.html>.

Нижеприводимый материал представлен в Сети также на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/alekseevskij-arhiv/>.

На сегодняшний день «Алексеевский архив» включает в себя:

- коллекцию новой прессы России и других республик бывшего СССР (свыше 10 тыс. наименований разного рода периодических изданий, в том числе свыше 1 тыс. наименований «периодического самиздата»);
- коллекцию документов, относящихся к последнему 20-летию истории России и стран ближнего зарубежья, в частности, документов общественных объединений и массовых движений различной политической и социокультурной направленности;
- коллекцию книг по социологии, политологии, истории, научно-справочной литературы и публицистики о современных общественных процессах (на русском и иностранных языках).

Всего в «Алексеевском архиве» — около 500.000 ед. хранения (отдельные выпуски периодических изданий, документы, книги, газетные вырезки).

Преобладающая часть собранных в «Алексеевском архиве» информационных и аналитических материалов систематизирована; газеты, журналы, книги, группы документов — отражены в алфавитном или предметном ручных каталогах (картотеках). Несколько слов об электронном каталоге (ЭК) периодических изданий, представленных в «Алексеевском архиве». ЭК насчитывает 9400 записей, относящихся к отдельным периодическим изданиям⁹¹. В настоящее время в электронном каталоге отражены не все имеющиеся в архиве периодические издания (всего их, по приблизительным подсчетам, до 15 тыс. наименований), пока не отражены в ЭК книги и документы.

Данные электронного каталога «Алексеевского архива» на сегодня охватывают: газетные издания — российские и ближнего зарубежья, периода второй половины 1980-х — 1990-х гг. (свыше 8000 наименований) и «периодический самиздат» указанного периода (свыше 1000 наименований).

Около 90% всего электронного каталога занимают периодические издания, возникшие после 1986 г. Около 85% из них — издания, выходившие (многие выходят до сих пор) на территории России, и около 15% — территориально относящиеся к странам ближнего зарубежья (республикам бывшего СССР).

Доля региональной прессы высока: из общего количества российских изданий, представленных в каталоге, лишь 23% приходится на Москву и 17% на Санкт-Петербург.

Электронный каталог дублирует имеющуюся «бумажную» картотеку. Как всякая база данных, он дает возможности для оперативного информационного поиска и статистических наблюдений.

Научно-информационный центр «Мемориал» и «Алексеевский Архив» в апреле 2006 года произвели слияние фондов. Коллекция А. Н. Алексеева находится на хранении в НИЦ «Мемориал» в отдельном помещении. Эта работа осуществлена при поддержке Фонда Форда.

(А. Алексеев. 2007)

⁹¹ См. <http://www.memorial-nic.org/catalog.html>. С этого сетевого адреса — по гиперссылке — переход в базу данных электронного каталога в формате MS Excel. Там представлена следующая информация о 9400 периодических изданиях: наименование периодического издания; подзаголовок; год основания; место издания; базовые признаки (коды); ключевые слова; тип периодического издания (рубрикация); алгоритм поиска в архиве; годы выхода издания, представленные в архиве; наличие номеров издания (по сост. на 2006 г.).

Комментарий

История «Алексеевского архива» в последние 10 лет была драматичной, правда, со счастливым исходом. Вынужденные приостановить свою работу в помещении СИ РАН, по требованию пожарного надзора, активисты общественно-информационного центра СПБАК несколько лет искали новое место для размещения объемного архива (надеясь избежать печальной судьбы многих других подобных собраний материалов, имеющих историческую ценность).

В 2001 г. была образована некоммерческая организация «Алексеевский архив» (НКО АА), получившая грант Фонда Форда на приобретение необходимого помещения. Не сумев найти в течение трех лет подходящего варианта, мы обратились за организационной помощью к Научно-информационному центру «Мемориал», которому, при материальной поддержке того же Фонда Форда, в 2006 г. удалось приобрести и обустроить соответствующее помещение-хранилище, рядом с собственным офисом: ул. Рубинштейна, 23 (А. А. Январь-июнь 2009).

Об истории создания и развития «Алексеевского архива» см. также следующие работы А. Н. Алексеева:

– *Об архиве-коллекции нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений СССР периода перестройки // Социологические исследования, 1991, № 11;*

– *Социальные субъекты — организаторы новой прессы / Вольная русская печать. Справочное издание независимой общественной библиотеки. СПб.: 1992.*

– *Об архиве-коллекции нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений СССР периода перестройки / Социология общественных движений: Эмпирические наблюдения и исследования. М.-СПб: СПбФ ИС РАН, 1993.*

– *Новые понятия для определения новой прессы / Там же.*

– *Перечень неофициальных изданий («периодический самиздат» бывшего СССР периода 1986-1992 гг.), представленных в СПБАК десятью разными номерами и более, по состоянию на 1 октября 1992 года) / Лысакова С. Пресса перестройки. СПб.: Астра-Люкс, 1993;*

– *Новая пресса как продукт и фактор общественных движений / Образ мыслей и образ жизни. М.: СПбФ ИС РАН, 1996.;*

– *Газетный мир постсоветской России: подход к построению типологии // Вестник МГУ, Серия 10. Журналистика, № 11;*

– *Новая российская газетная пресса: типологическая структура и ее изменения (1988-1997 гг.) / Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 1999, № 1⁹²;*

– *О Санкт-Петербургском архиве-коллекции нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений «Россия на изломе» / Самиздат и новая политическая пресса (по материалам коллекций Москвы и Санкт-Петербурга). Сост.: Е. Струкова, М. Паскалова, С. Соловьева. М. — СПб: 1993⁹³.*

⁹² Электронная версия — http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202497597234485file.pdf.

⁹³ Электронная версия сборника — <http://www.shpl.ru/project/sam/>; точечный адрес — http://www.shpl.ru/project/sam/sam_p2.htm. Электронная версия включает авторский постскриптум 2003-2004 гг.).

Постскриптум

В настоящей главе представлены лишь два из множества проектов Научно-информационного центра «Мемориал» (СПб): Чтения памяти В. В. Юфе «Право на имя» и «Алексеевский архив». Также и о других проектах см. на сайте: <http://www.memorial-nic.org/>.⁹⁴

...Чрезвычайные обстоятельства дали повод продолжить рассказ о НИЦ «Мемориал» (СПб) и его проектах. См. ниже: глава 9. (Декабрь 2008).

Приложение

«Альт-Софт»: информатизация культуры

Из рассылки от 26.07.2009⁹⁵

Уважаемые коллеги!

Хочу поделиться личным впечатлением от знакомства с проектами одной питерской компании, работающей в области **информатизации культуры**.

Это — открытое акционерное общество «Альт-Софт» (информационные и коммуникационные технологии). Основанное в СПб в 1991 году, оно достигло, на мой взгляд, замечательных успехов в разработке, внедрении, сопровождении и развитии программно-информационных систем в учреждениях культуры.

«На сегодняшний день ОАО «Альт-Софт» является одним из лидеров по разработке информационных систем для архивов, музеев, библиотек, организаций по охране памятников истории и культуры», — указывается в его автопрезентации на сайте «Альт-софт»: <...>⁹⁶. И это, действительно, так.

Относительно новым направлением деятельности компании является создание региональных энциклопедий и энциклопедических справочников исторических предприятий.

Сайты, создаваемые и поддерживаемые компанией «Альт-Софт» — это интернет-представления **живых баз данных**, постоянно пополняемых учреждениями-ресурсодержателями в процессе их основной деятельности. Единая

⁹⁴ Здесь упомянем еще только один из последних и самых масштабных проектов НИЦ «Мемориал» - «Виртуальный музей ГУЛАГа». Первую версию сайта этого проекта см.: <http://www.gulagmuseum.org/>; вторую версию см.: <http://www.memorial.socspb.ru/>. Совместный проект НИЦ «Мемориал» СПб с Львовским обществом «Пошук» см.: <http://www.gulag-museum.org.ua/>.

См. об этом проекте, например: Беловранин А. Сосланные в Гиперборею. «Виртуальный музей ГУЛАГа» выдержал свое второе издание // Новая газета в СПб, 2.11.2009, № 82. (Электронная версия - <http://www.novayagazeta.spb.ru/2009/82/5>).

В настоящее время НИЦ «Мемориал», совместно с ОАО «Альт-Софт» (<http://www.altsoft.spb.ru/>), ведет работу по созданию базы данных «Виртуального музея ГУЛАГа».

⁹⁵ Опубликовано 26.05.2009 на новостной ленте сайта «АльтСофт СПб»: <http://www.altsoft.spb.ru/>. Точечный адрес — http://www.altsoft.spb.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=5&Itemid=51.

⁹⁶ См. <http://www.altsoft.spb.ru/>.

интранет-интернет технология позволяет представлять информационный срез актуальной базы данных и пользоваться всеми ее поисковыми возможностями (многоаспектный поиск с использованием аппарата указателей).

Основные интернет-проекты, реализованные на базе интегральной интранет-интернет технологии КАИСА:

- Сайт Российского Государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, Москва) (при поддержке Фонда Форда)⁹⁷.
- Сайт Центрального Государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (при поддержке Фонда Форда, на двух языках – русском и английском)⁹⁸.
- Электронный фотокаталог Российского Государственного архива кинофото-документов (РГАКФД, Красногорск) (при поддержке Фонда Форда)⁹⁹.
- Электронная энциклопедия Санкт-Петербурга – (на двух языках – русском и английском)¹⁰⁰.
- Электронная энциклопедия «Культура Ленинградской области»¹⁰¹.
- Электронная энциклопедия Пермского края¹⁰².
- Энциклопедия благотворительности в Санкт-Петербурге¹⁰³.
- Энциклопедический справочник «Город и вода»¹⁰⁴.
- Интернет-представление базы данных памятников архитектуры, истории и культуры Пскова и Псковского края¹⁰⁵.
- Афиша культурных событий Санкт-Петербурга¹⁰⁶.

В зависимости, от ваших интересов загляните на тот или иной из этих сайтов. И систематизация материала, и качество текстовых и изобразительных материалов, и удобная технология поиска, как правило, на высоте, а в некоторых из этих баз данных — выше всяких похвал.

Все эти информационные продукты возникли из сотрудничества держателей «контента» (историков, архивистов, искусствоведов, краеведов и т. д.) и создателей компьютерной «оболочки» под названием «КАИСА», эффективно адаптируемой к соответствующим архивам и коллекциям..

В сферу такого сотрудничества попал и я, будучи приглашен 25.05.2009 в качестве эксперта на рабочий семинар участников проекта «Виртуальный музей ГУЛАГа», вот уже несколько лет осуществляемого Научно-информационным центром «Мемориал» (СПб).

Об этом научно-просветительском предприятии следовало бы рассказать отдельно, а сейчас ограничусь ссылкой на интернет-представление этого проекта, собравшего в своих «виртуальных залах» экспонаты из множества (сотен) музеев и центров аккумуляции памяти о ГУЛАГе, а также некрополей и «следов»

⁹⁷ См. www.rgali.ru.

⁹⁸ См. www.photoarchive.spb.ru.

⁹⁹ См. <http://altsoft.rosbi.net/rgakfd>.

¹⁰⁰ См. www.encspb.ru.

¹⁰¹ См. www.enclo.lenobl.ru.

¹⁰² См. enc.permkultura.ru.

¹⁰³ См. <http://encblago.lfond.spb.ru/>.

¹⁰⁴ См. <http://vodokanal.altsoft.spb.ru/>.

¹⁰⁵ См. www.opskove.ru.

¹⁰⁶ См. <http://www.billboard.spb.ru>.

ГУЛАГа — знаков прошлого в окружающей нас ландшафтной и антропогенной среде <...>¹⁰⁷.

Замечательны в этом сотрудничестве гуманитариев и «технологов» — коммуниканщиков их абсолютная открытость диалогу, взаимное понимание запросов и проблем (содержательных и технологических), деловитость и дружелюбность, т. е. поистине ТАНДЕМ. Мне такого адекватного взаимодействия наблюдать еще не приходилось. Чем и делюсь с вами. (А. А.).

7.9.а. История, совершавшаяся нами самими

Новая газета в СПб
26.10.2009, № 80¹⁰⁸

Перестраивая Ленинград

Собрание материалов о перестройке вышло под эгидой «Мемориала»

Чем была горбачевская перестройка для нашего мира, для канувшей в прошлое страны, для ее граждан? Все ли было сделано правильно? Какие ошибки мы совершили и можно ли было их избежать? Книга «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки: 1985—1991»¹⁰⁹ была создана, безусловно, в поиске ответов на эти вопросы. Однако ответов она не дает — зато дает достаточное фактического материала для тех, кто возьмет на себя труд их искать.

Хроники периода надежд

Книга писалась два года — «всего два года», как говорит об этом ее составитель и ответственный редактор Александр Марголис. При этом почти полгода отнял обыск, незаконно проведенный прокуратурой в НИЦ «Мемориал» в декабре 2008-го — были изъяты жесткие диски организации, в том числе содержавшие все материалы по книге о перестройке, и работа остановилась. Из-за того, что сроки сдачи были изначально установлены жесткие, многое авторы сделать не успели.

Несмотря на это, получилось почти 800 страниц — самое полное собрание материалов о перестройке, что до сих пор видело свет! Здесь есть практически «все, что вы хотели знать о перестройке, но не знали, у кого спросить»: справочник, содержащий расположенные в алфавитном порядке статьи об организациях и деятелях эпохи перестройки в Ленинграде; полный список всех общественных движений описываемого периода в городе, а также указатель имен. Последний особенно порадовал автора рецензии: в длинном списке фамилий очень интересно находить своих знакомых или знакомых знакомых — и выяснять, что о них помнят и думают другие люди: практически все лица, указанные здесь, — наши современники, люди в городе известные.

¹⁰⁷ См. <http://www.gulagmuseum.org/>. См. также сайты: НИЦ «Мемориал» (<http://www.memorial-nic.org/index.html>); ОАО «Альтсофт» (<http://www.altsoft.spb.ru/>).

¹⁰⁸ Электронная версия — <http://www.novayagazeta.spb.ru/2009/80/6>.

¹⁰⁹ «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985-1991: сб. материалов. Сост. О. Н. Ансберг, А. Д. Марголис. СПб.: Серебряный век, 2009 (784 с.).

Однако основной корпус книги построен все же не по справочному принципу. Первая часть — хронология событий перестройки в Ленинграде с вкраплением важнейших событий других регионов СССР и всего мира, начиная со смерти К. У. Черненко 10 марта 1985 года и заканчивая 25 декабря 1991-го: «В 19 часов 38 минут над московским Кремлем спущен Государственный флаг СССР и поднят трехцветный флаг России». Помимо собственно перечисления событий, хронология содержит также важнейшие исторические документы эпохи: постановления органов власти, манифесты и заявления общественных организаций, которые появлялись в перестройку, как грибы после дождя, знаковые статьи, опубликованные в советской прессе, предвыборные листовки и т. п. Особенный интерес у вашего покорного слуги вызвал полный текст статьи Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» — всегда было интересно, какими же принципами руководствуются подобные ей люди. <...>

Вторая часть — извлечения из мемуаров и интервью с деятелями эпохи, всего 89 текстов.

— Для интервью мы старались отобрать в качестве респондентов представителей всех политических сил того времени, — рассказывает Александр Марголис. Действительно, здесь и партийные, комсомольские функционеры, и представители реформистского движения: как либерал-демократы, так и национал-патриоты. — Мы записывали интервью на диктофон, после расшифровывали запись и согласовывали ее с респондентом.

Интервью с председателем Ленсовета демократом Александром Беляевым соседствует с воспоминаниями ультранационалиста Юрия Беляева. Юрий Риверов рассказывает, как организовывал митинги одиозной «Памяти» в Румянцевском сквере, а Валентина Узунова — как пыталась с ними бороться. Нынешний депутат Законодательного собрания Алексей Ковалев рассказывает о Группе спасения памятников; бывший советник президента Андрей Илларионов — о подготовке экономических реформ; Петр Кожевников — о группе «Дельта», боровшейся против дамбы, а Константин Севенард, руководивший ее строительством, о том, как пытался защищать свое детище. Атмосферу перестройки пытается передать руководитель проекта и автор идеи книги Елена Зелинская (ее же организация «Медиасоюз» наряду с РАО «ЕЭС России» и Общественной палатой предоставила деньги на издание)...

Огромную работу проделала составитель Ольга Ансберг: она отобрала для книги из архива «Мемориала» и нескольких частных собраний 110 фотографий, воспроизводящих значительные события эпохи.

На презентации «Общественной жизни...» в Музее политической истории сами деятели перестройки, принимавшие участие в создании книги, не могли сойтись во мнениях относительно области ее применения.

— Вообще-то такую книгу надо выпускать не двухтысячным тиражом, а сотнями тысяч и продавать по символической цене, отправлять во все библиотеки и школы, — считает Яков Гордин, ныне главный редактор журнала «Звезда». — Хотя, с другой стороны, если молодой человек, интересующийся тем временем, начнет читать — он будет в растерянности. В чем истина? Кто прав? Такая книга должна сопровождаться аналитическими работами или хотя бы подробным аналитическим комментарием.

— 20 лет — слишком короткий срок, чтобы делать исторические выводы, — оппониро-

вал ему Александр Марголис. — Все это еще слишком близко, слишком живо. Бесспорно, аналитика должна появиться, но заниматься этим должны уже другие поколения; наша же задача — оставить им материал, который можно было бы использовать для анализа.

А пока следующие поколения еще не возмужали достаточно для аналитических изысканий, каждый читатель сможет делать выводы сам для себя.

Анджей Беловранин

См. об этом также:

— *Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985-1991 / Озон.ру*¹¹⁰.

— *Санкт-Петербург. Встреча в политклубе «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки» / Росбалт. 15 октября 2009 г*¹¹¹.

— *Книжная кухня. 10.10.2009 / Эхо Москвы в СПб*¹¹².

Приложение

Рационализм — нравственность — прозорливость

А. Алексеев — В. Белякову¹¹³

<...> Мне интересен и близок Ваш «самый общий вывод... что «мы (*Ленсовет-Петросовет начала 1990-х. — А. А.*) шли к победам и побеждали тогда, когда интуитивно принимали решения, отличающиеся, с одной стороны, нравственностью, и с другой стороны, рационализмом. Когда в наших решениях не хватало одного или другого, мы двигались к поражениям». И примеры Ваши убедительны.

Между прочим, А. Сахаров в своих «Воспоминаниях» замечал: «...Мне кажется, что жизнь по своим причинным связям так сложна, что прагматические критерии часто бесполезны, и остаются — моральные...»

Будучи приверженцем тринитарной методологии, разрабатываемой, в частности, математиком и философом Рэмом Баранцевым, я задумался: чего же не хватает Вашей паре: нравственность + рационализм? И сообразил, что не хватает прозорливости, способности предвидения.

Решение, поступок может быть и нравственным, и рациональным (в определенных рамках, в ближней перспективе и т. п.), но при отсутствии указанной способности предусмотреть — часто интуитивно — его возможные последствия (более или менее отдаленные), есть большая вероятность получить, в конечном итоге, результаты, обратные желаемому.

¹¹⁰ См. <http://www.ozon.ru/context/detail/id/4737004/>.

¹¹¹ См. <http://www.rosbalt.ru/2009/10/15/678865.html>.

¹¹² См. <http://www.echomsk.spb.ru/content/prog/default.asp?shmode=3&idprog=855&ida=91403>.

¹¹³ В. Г. Беляков, в прошлом депутат Ленсовета-Петросвета 1990-1993 гг., в последние годы занимается активным сбором материалов по истории демократического движения в Ленинграде и первого в истории нашего города демократического органа управления. Провел десятки интервью (видеозаписи), разработал структуру книги «Неизвестная история 90-х глазами депутатов Ленсовета и близких к нему людей», является координатором подготовки этого коллективного труда (который может явиться продолжением обсуждавшейся выше книги «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985-1991»)

Ценные материалы на эти темы см. также в: Автобиография Петербургского горсовета (Ленсовета XXI созыва). СПб. Изд-во Александра Сазанова; РИФ «Роза мира», 2005.

Те же П. Филиппов или М. Салье, два конкурирующих общественных лидера, могли действовать вполне нравственно и рационально, но вот прозорливости не хватило. Например, предугадания, что итогом их противостояния станет довольно противоречивая миссия А. Собчака. И т. д. Эту же формулу можно отнести и к деятельности наших младореформаторов, по крайней мере, на раннем этапе российской экономической реформы.

Архетипом системной триады по Баранцеву являются: *рацио + эмоцио + интуицио*. Это своего рода *формула целостности*. Убери одно и все остальное рассыплется¹¹⁴. <...> 29.11.2009.

7.10. О принципе свободы личного национального самоопределения (Документальная хроника ч. 1 ст. 26 Конституции России)¹¹⁵

...И ноют, мучительно ноют сердца соколовых, тяжело ворочается вермишель чиновных мозгов – а нет ли такой системы неравенства, которая была бы не преходящей, а вечной, не зависела бы от звания и чинов, от того, кто сегодня на самом вершине, от времени и обстоятельств и с лихвой искупала бы собственную дурость?! Оказывается, что такое неравенство – есть!

Простейший канцеляризм, невинный «пятый пункт», ответ на вопрос анкеты о национальности – а вот, поди ж ты, каким могучим смыслом и содержанием наполнила его чиновная догадливость!

Ведь вот же он, не дававший в руки средневековым алхимикам философский камень мудрости, – неравенство прекрасное и вечное, неравенство неизменное навсегда...

А. Галич. Генеральная репетиция /
Галич А. Стихи, песни, воспоминания. Л.:
Музыка, 1990, с. 280-281

При написании настоящих заметок мною использованы: а) документы, которые были присланы, по моей просьбе, Р. Ленчовским и сопровождены его пунктирным рассказом; б) ряд историко-правовых источников; в) свидетельство В. Л. Шейниса в его книге «*Взлет и падение парламента*»; г) некоторые собственные воспоминания, проверенные по источникам (а), (б) и (в). Возьму на себя инициативу пересказа здесь – по минимуму – только документированных фактов *к истории ликвидации «5-го пункта» в России*.

Речь идет о советском порядке обязательного указания национальности в паспорте. Этот порядок противоречил некоторым фундаментальным пра-

¹¹⁴ О Р. Г. Баранцеве и его тринитарной методологии см. выше: раздел 7.5.

¹¹⁵ Автор настоящего текста – А. Алексеев, при участии Р. Ленчовского.

вам человека, и был категорически отменен Конституцией РФ 1993 г., где ч. 1 ст. 26 гласит:

«Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».

...Мне уже приходилось цитировать В. Л. Шейниса, одного из авторов ныне действующей российской Конституции¹¹⁶. В книге «Взлет и падение парламента»¹¹⁷ Виктор Леонидович рассказывает, как происходило «продвижение к новой Конституции», и, в частности, включение в нее новых статей, относящихся к правам и свободам граждан:

«...Приведению Конституции в соответствие с кардинально изменившейся ситуацией много часов посвятил Верховный Совет. Никогда прежде правка Основного закона не была столь обширной. (*Речь идет о событиях начала 1992 г. – VI Съезд народных депутатов России. – Ред.*). Старый конституционный текст ВС подверг правке на шести главных направлениях: название государства, возникшего на руинах СССР; прекращение существования Советского Союза; права и свободы человека и гражданина; правоотношения по земле; новый федерализм; организация государственной власти в центре, в республиках, в краях и областях и местное самоуправление. Подготовленный законопроект Верховный Совет предложил рассмотреть Съезду, поскольку внесение дополнений и изменений к Конституции относилось к его исключительным полномочиям.

<...> Сравнительно спокойно был утвержден большой блок поправок, инкорпориовавших в Конституцию Декларацию прав и свобод человека и гражданина, которая была принята Верховным Советом еще в ноябре 1991 г. и опиралась на международные пакты о правах, и тексты, подготовленные рабочей группой Конституционной комиссии. Не могу не упомянуть здесь одну важную новеллу, впервые появившуюся в российской Конституции. Еще в 1990 г. киевский социолог Роман Ленчовский предложил <...> устранить из официальных документов пресловутый «5-й пункт» – важный ориентир для анкетного отбора и контроля, привлекавший пристальное внимание кадровых служб и доставивший немало горя многим советским людям. Для этого требовалось ввести в Конституцию норму, согласно которой национальная (этническая) принадлежность гражданина – его частное дело, каждый может свободно определять свою национальность, и никто не может быть принужден к тому, чтобы ее указывать. Я попросил Ленчовского прислать его предложение на конкурс, который объявила тогда Конституционная комиссия. Идея моим товарищам по рабочей группе КК понравилась, ее автору присудили премию, а формулировку, чуть отредактировав, включили в проект. Оттуда она и перешла в поправки к действовавшей Конституции, утвержденные на VI СНД, а впоследствии – в Конституцию 1993 г. Это был выход на цивилизованное понимание этничности, утвердившееся в демократических странах. На Съезде, как ни странно, статья эта прошла довольно легко...»¹¹⁸

¹¹⁶ Виктор Леонидович Шейнис – общественный деятель, экономист, политолог. Доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных работ по экономическим, политическим и правовым вопросам. В 1990 г. избран народным депутатом России, в 1991 г. – членом Верховного совета РФ. В 1994–1999 – депутат Государственной думы РФ, член Комитета по законодательству. В настоящее время – главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

¹¹⁷ Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). Тома 1–2. М.: Моск. Центр Карнеги; Фонд ИНДЕМ, 2005.

¹¹⁸ Шейнис В. Взлет и падение парламента... Т. 2, с 31–32.

История эта, насколько знаю (кстати, и сам к ней косвенно причастен) такова.

В августе 1990 г. в Вильнюсе-Ленинграде проходила *Вторая международная конференция по правам человека*, в которой принимали участие правозащитники, политики, юристы, социологи из ряда европейских стран и почти всех республик СССР. Посчастливилось быть ее участниками и мне с Романом Ленчовским. В одной из секций этой конференции Р. И. Ленчовский выступил с докладом «О принципе личного национального самоопределения», на базе которого им же был разработан проект одной из резолюций Конференции. Этот проект почти единогласно был одобрен секцией и с подписями участников, его поддержавших, включая автора этих строк, передан для рассмотрения на пленарном заседании Конференции. Резолюция была принята без изменений и поправок и впоследствии вошла в сборник материалов указанной конференции. Приведу ее здесь полностью — по польской публикации в версии на русском языке:

«О принципе свободы личного национального самоопределения

Уважая право человека определять свою принадлежность к любой общности, включая этническую,

Принимая во внимание сложность соотношения коллективных прав народа на самоопределение и личного права национальной идентификации,

Учитывая особую сложность национальной идентификации в смешанных семьях, Будучи озабоченными высоким уровнем конфликтности в межнациональных отношениях, в которых прежде всего попирается достоинство личности и, более того, право на жизнь,

Конференция считает, что в международном праве и национальном законодательстве должен быть сформулирован принцип свободы личного национального самоопределения, который состоит в следующем:

1. Определение национальной принадлежности — личное дело человека.

2. Личность может определять свою национальную принадлежность в той форме, которая адекватна ее самосознанию, используя традиционные самоназвания наций или их сочетания при двузначном или многозначном национальном самосознании (дети от смешанных браков, воспитание в многонациональной среде и проч.).

3. Никто не вправе принуждать человека к определению своей национальности в форме, которая не соответствует его самосознанию.

4. Никто, будь то частное или должностное лицо, государственный или общественный орган, не вправе принуждать человека к тому, чтобы сообщать или не сообщать о своей национальности. Любая запись о национальности человека делается только с его согласия»¹¹⁹.

Здесь следует оговорить одно важное обстоятельство. Сама по себе такая постановка вопроса вытекает из духа Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹²⁰ Однако ни в самой Декларации, ни в развивающих ее положениях Международном пакте о гражданских и политических правах¹²¹ и Международном пакте

¹¹⁹ См.: Вторая международная конференция по правам человека (Вильнюс-Ленинград-1990) : Материалы. — Варшава, 1990. — С. 16-17.

¹²⁰ См. на портале ООН (русскоязычная версия): <http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm>.

¹²¹ См. на этом портале: <http://www.un.org/russian/document/convents/pactpol.htm>.

об экономических, социальных и культурных правах¹²², принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г (вступили в силу в 1976 г.) такой позиции нет.

Принципиальную новизну и ценность указанной политико-правовой разработки Р. Ленчовского оценил В. Л. Шейнис, также участвовавший во Второй международной конференции по правам человека 1990 г. Он предложил Р. Л. сформулировать это как законодательную инициативу — дополнение к ст. 52 тогдашней (еще «брежневской», 1977 г.) советской Конституции¹²³.

Р. Л. написал проект дополнения к статье 52 Конституции СССР, а оформлено это было как «законодательная инициатива Советской социологической ассоциации» (в 1990 г., на гребне «перестроечной волны», такое было уже / еще возможно).

В архиве Р. Ленчовского сохранился следующий документ (черновой набросок):

«О Конституционном праве гражданина СССР
на свободное национальное самоопределение

(Проект законодательной инициативы Советской социологической ассоциации —
поправка к Конституции СССР, ст. 52.1)

Национальное самоопределение — личное дело гражданина. Гражданам СССР гарантируется свобода национального самоопределения, то есть право определять свою национальную принадлежность, исходя из своего этнического самосознания и чувств и используя традиционные самоназвания наций и их сочетания, а также право официально сообщать о своем национальном самоопределении или воздерживаться от такого сообщения.

Никто не вправе принуждать гражданина СССР к определению своей национальной принадлежности в формах, которые не соответствуют его самосознанию и самоощущению, или к тому, чтобы сообщать или не сообщать о своей национальности.

Р. И. Ленчовский, член Советской социологической ассоциации, Киев».

Что было дальше — кратко описано Виктором Леонидовичем в его книге «Взлет и падение парламента» (см. выше). Предложение Романа Ленчовского было учтено в работе Конституционной комиссии¹²⁴.

У Р. Ленчовского сохранился один из промежуточных вариантов формулировки соответствующей статьи в проекте Конституции Российской Федерации:

«1. Гражданину Российской Федерации гарантируется свобода национального самоопределения — право определять свою национальную принадлежность, исходя из своего этнического самосознания и чувств, а также право сообщать о своей на-

¹²² См. на этом же портале: <http://www.un.org/russian/documen/convents/pactecon.htm>

¹²³ Принцип свободы личного национального самоопределения в Конституции СССР отсутствовал. А статья 52, к которой предполагалось дополнение, звучала так:

«Статья 52. Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается.

Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви». (См., например, на сайте Истфака МГУ: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#7>).

¹²⁴ Об истории становления современной Конституции РФ (1990-1993 гг.) см., например, на официальном сайте О. Г. Румянцева: <http://www.rumiantsev.ru/>.

циональной принадлежности, используя традиционные самоназвания наций или воздерживаться от такого сообщения.

2. Никто не вправе принуждать гражданина к определению и указанию своей национальной принадлежности»¹²⁵.

В итоге всех дальнейших обсуждений и переработок в Конституционной комиссии ВС России проект статьи редуцировался до следующей формулировки:

«Статья 28. Каждый вправе свободно определять свою национальную принадлежность. Никто не должен быть принужден к определению и указанию его национальной принадлежности»¹²⁶.

22 ноября 1991 г. состоялось принятие Верховным Советом РСФСР «Декларации прав и свобод человека и гражданина»¹²⁷. В этой Декларации принцип свободы личного национального самоопределения формулировался дословно так же, как и в проекте Конституционной комиссии (и в одной статье с родственными правами):

Статья 16.

(1) Каждый вправе свободно определять свою национальную принадлежность. Никто не должен быть принужден к определению и указанию его национальной принадлежности.

(2) Каждый имеет право на пользование родным языком, включая обучение и воспитание на родном языке.

(3) Оскорбление национального достоинства человека преследуется по закону¹²⁸.

Здесь (п. 1) имеем в общем исчерпывающую формулу *принципа свободы личного национального самоопределения*. (В предыдущем варианте, 1990 года, этот принцип как бы растолковывался — в смысле исходных посылок и формы применения).

По сравнению со статьей 16 «Декларации прав и свобод человека и гражданина», принятой ВС РФ в ноябре 1991 г., в Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., отсутствует лишь одно слово: «...свободно определять...». Как можно предположить — в интересах «лаконичности». В итоге:

«Статья 26

1. Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.

¹²⁵ Этот текст был получен Р. Ленчовским от секретаря Конституционной комиссии О. Г. Румянцева в октябре 1990 г.

¹²⁶ См. Конституционный вестник. Бюллетень Конституционной комиссии РСФСР. — № 8. — Октябрь 1991. — М. — С. 94.

¹²⁷ Постановление ВС РФ от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина». Сама эта Декларация открывается словами:

«Утверждая права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность общества и государства, отмечая необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека, Верховный Совет РСФСР принимает настоящую Декларацию...».

(См. на портале <lawmix.ru>: <http://zkrf.lawmix.ru/index.php?id=58212>).

¹²⁸ См. <http://www.mnogozakonov.ru/catalog/date/1991/11/22/2755/>.

2. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»¹²⁹.

Здесь не станем дальше углубляться в исторические предпосылки, обстоятельства принятия и формы применения указанной конституционной нормы. Во всяком случае, Конституция РФ исключает применение графы *национальность* в паспорте и необходимость указывать национальную принадлежность в любых других идентифицирующих личность документах.

Вообще же, принцип свободы личного национального самоопределения имеет фундаментальное значение провозглашения *приоритета самосознания* при идентификации личности по признаку национальной или этнокультурной принадлежности¹³⁰.

Особое значение этот принцип приобретает в случаях *би- или полиэтничности*, когда человек не может или не хочет однозначно отнести себя к какому-либо одному этносу, национальности, культуре.

Январь-февраль 2009 г.

Комментарий

Принципиальный момент: Конституция Российской Федерации запрещает лишь принуждать, обязывать граждан определять свою национальную принадлежность и указывать ее, но возможность сообщения о личном национальном выборе при персонально выраженном желании — не отнимается, сохраняется.

Практика переписей, формулировки в переписных бланках, инструкциях, равно как и «паспортчики» в бланках социологических опросов — все это заслуживает отдельного рассмотрения. Во всех этих и подобных случаях свобода самовыражения — закон. Но как записывать персональные комбинации этнонимов или «неузаконенные» этнонимы? А как поступать при выборе респондентом субэтнической или суперэтнической идентификации вместо привычной этнической? Насколько вообще «легитимно» индивидуальное социальное конструирование в сфере «воображаемых наций» и других «коллективных прав»? Тут, конечно, есть еще о чем думать и что обсуждать.

Надо бы еще заметить, что советские паспорта в Украине стали заменяться на новые раньше, чем в России, с 93-го года, и они также не содержали злополучной старой «5-й графы». Однако закрепить эту норму на конституционном уровне у нас не удалось, несмотря на аналогичные инициативы. Но это — уже другая история... (Р. Ленчовский. Февраль 2009).

Постскриптум

Следует еще добавить, что Р. Ленчовский предложил в 1994 г., в Киевском международном институте социологии (КМИС), где он тогда занимался обуче-

¹²⁹ См., например, на сайте «Конституция Российской Федерации»: <http://www.constitution.ru/index.htm>.

¹³⁰ Это можно сравнить с «языковой принадлежностью». Ведь никто кроме самого человека не может определить, какой язык для него является родным.

нием интервьюеров и претестами массовых опросов, измерять полиэтническую самоидентификацию респондентов. По процедуре, разработанной Р. И. Ленчовским совместно с В. И. Паниотто, КМИС – свыше 15 лет – измеряет русско-украинскую биэтничность.

После ответа на стандартный вопрос о национальной принадлежности (респонденту не подсказывают, но и здесь он вправе указывать более чем один этноним или вообще «уйти от вопроса») всех, кто назвался украинцем (украинкой) или / и русским (русской), далее приглашают также выразить свою причастность к той или иной национальности более дифференцированно, а именно:

«Я считаю себя... только украинцем; и украинцем, и русским, но больше украинцем; в одинаковой степени и украинцем, и русским; и украинцем, и русским, но больше русским; только русским».

С учетом фактора биэтничности, как показывают многолетние репрезентативные всеукраинские опросы, этническая структура общества предстает существенно иначе, чем в повседневном сознании и в официальной статистике.

Последние данные и тщательную разработку этой темы см. в докладе В. Е. Хмелько и С. Н. Оксамитной «Русско-украинская биэтническая идентичность и лингво-этническая гетерогенность в Украине» на Третьем всероссийском социологическом конгрессе (октябрь 2008)¹³¹. (А. А. Февраль 2009).

Приложение 1 к главе 7

Из автобиографического очерка Витольда Залесского¹³² «Воспоминания и размышления» (1994-2007)

Привожу этот отрывок из очерка моего коллеги и друга как пример четкого формулирования мотивации и цели автобиографического повествования¹³³.

Сегодня (24.09.94), сидя в трамвае, прочел в газете «Невское Время» сообщение о конкурсе «Моя биография», которое заинтересовало меня. Поскольку родился я в 1929 г., мне есть что вспомнить. Более того, мысль о том, чтобы запечатлевшиеся в памяти картины и раздумья из прожитой жизни, предать бумаге, уже посещала меня. Конечно, я понимал, что человеческая память и бумага с текстом – принципиально разные вместилища информации и полной адекватности при этом не добиться. Но зато при изложении на бумаге смутные контуры прошлого становятся, во-первых, более четкими и определенными и, во-вторых, доступными для других людей. Опасность не-

¹³¹ См. http://www.isras.ru/publications_bank/1225745240.pdf.

¹³² Витольд Юльевич Залесский – физик-экспериментатор, доктор физико-математических наук, социальный мыслитель, активист «Мемориала». Автор работ «Эгоистичный ген», «Благосостояние страны и нравственность власти», «Перестройка безопасности» и др.

¹³³ Здесь цитируем по «Живому журналу» Витольда Залесского – «Моя жизнь»: <http://vitold-zalessky.livejournal.com/>. Точечный адрес названной работы - <http://vitold-zalessky.livejournal.com/15954.html>.

которой потери достоверности или объективности при этом неизбежна. Но ее можно свести к минимуму, если не слишком заботиться о том, чтобы выглядеть лучше.

Я по профессии физик-экспериментатор. Почти всю жизнь ставил опыты, пытаюсь выяснить не зависящие от воли людей свойства каких-то объектов материального мира и происходящие в них процессы. На мой взгляд, только такой объективный подход стоит затраченного труда и при выяснении свойств человеческого общества и процессов в нем происходящих. Именно такой подход мне хотелось применить к осмыслению событий моей жизни. Другое дело — удалось ли это. Но судить об этом не мне. Все же лишь себя надеждой, что, по крайней мере, для моих близких и, может быть, потомков этот труд представит некоторый интерес. Им я и намерен адресовать его в первую очередь.

Ну а известие о конкурсе побудило меня просто не откладывать задуманное. (1994)

***

Прошло вот уже 13 лет с тех пор, как я, достигнув почтенного возраста (65 лет), в первый раз решил потратить время на осмысление и описание своей жизни. Поводом послужила попавшая мне на глаза заметка в одном из сентябрьских номеров газеты «Невское Время» за 1994 г., в которой сообщалось о предстоящем конкурсе «Моя биография». В какой-то мере осмыслив и описав наиболее яркие события моей жизни и став дипломантом этого конкурса, я с чувством выполненного долга перед своими потомками на некоторое время успокоился, не ожидая, что моя жизнь затянется еще на долгие годы. Однако, в последнее время стало появляться желание продолжить это дело. Мне думается, его появление отчасти связано с происшедшими в стране переменами, потребовавшими соответствующего осмысления. И вот я снова решил взяться за перо. В итоге получился опус, состоящий из двух частей. Первая (1929 — 1994) — это с небольшими изменениями и дополнениями текст, написанный в 1994 г. и представленный на упомянутый конкурс. Вторая (1994 — 2007) охватывает последние 13 лет и содержит помимо событий личной жизни попытку осмысления происходящих в стране перемен. (2007).

В. Залесский

Приложение 2 к главе 7

Делай то, что никто за тебя не сделает

А. Алексеев — А. Бородину

<...> Интересные вещи Ты рассказываешь из своей генеалогии. Насчет «родовых корней», «семейной хроники» и т. д. скажу так: в принципе, человек *обязан* рассказать и записать то, что знает о своих предках для передачи потомкам. Поскольку тем потом взять эту информацию будет неоткуда. И не только давнюю историю, но и ближнюю — что знаешь, помнишь про своих

родителей, в особенности сблечь. Ибо незафиксированная память уйдет с тобой. Я это называю «эстафетой памяти».

Ну, уж а собственно про тебя, если сам не собрался написать мемуары, нехай дети и внуки потом вспоминают. Благодаря моей «Драматической социологии», писавшейся, впрочем — для современников, и у правнуков, пожалуй, недостатка в информации на мой счет не будет. Но сие как раз не является обязательным. <...> 7.06.2010.

Приложение 3 к главе 7

Памяти Валерия Ронкина

Когита.ру
31.05.2010¹³⁴

Сегодня ночью умер Валерий Ронкин

Сегодня в ночь на 31 мая 2010 г. после тяжелой и продолжительной болезни умер Валерий Ефимович Ронкин.

Валерий Ефимович Ронкин — известный советский политзаключенный и диссидент, автор книги воспоминаний («На смену декаблям приходят январь...». М.: «Звенья», 2003¹³⁵) и нескольких десятков статей, публицист. Член петербургского «Мемориала».

Как он сам пишет на главной странице своего персонального сайта¹³⁶,

«Ронкин Валерий Ефимович родился в 1936 году. В 1954 году окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. Был активистом комсомольского патруля. Проблемы преступности, то, что мы видели на комсомольских стройках и на целине, привлекли наше внимание к политике. За написание книги-программы «От диктатуре бюрократии — к диктатуре пролетариата» (в соавторстве с Сергеем Дмитриевичем Хахаевым), издание журнала «Колокол», распространение листовок наша компания в составе 9 человек (В. Е. Ронкин, С. Д. Хахаев, В. Н. Гаенко, В. В. Иофе, В. М. Смолкин, С. Н. Мошков, Б. М. Зеликсон, В. И. Чикатуева, Л. В. Климанова) была арестована 12 июня 1965 года. Мы получили разные сроки по статьям 70 (Антисоветская агитация и пропаганда) и 72 (Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации) УК РСФСР (1960 года).

Я и Сергей получили по 7 лет лишения свободы и 3 года ссылки. Поскольку проживание в Ленинграде нам было запрещено, после возвращения мы поселились в Луге. В 1981 году в журнале «Поиски» была опубликована наша статья «Прошлое и будущее социализма». Во время Перестройки я начал печататься, иногда в соавторстве с Хахаевым, в легальной советской, а потом и российской прессе. Однако многое из написанного приходилось писать для узкого круга своих знакомых».

¹³⁴ См. <http://www.cogita.ru/news/hronika/segodnya-nochyu-umer-valerii-ronkin..>

¹³⁵ Электронную версию см. на сайте Центра им. А. Д. Сахарова: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_book3971.html?id=85756&aid=1030. См. также: <http://narod.yandex.ru/100.xhtml?kiratata2007.narod.ru/sohranenie/RonkinWospominaniJaknigaifoto.rar>.

¹³⁶ См. <http://ronkin.da.ru/>; <http://www.ronkinv.narod.ru/>.

Светлая память Валерию Ефимовичу!

Ирине Тимофеевне, его жене и неизменной спутнице, наша поддержка и участие. Его дочери Марине и сыну Володе, его внукам — наши соболезнования.

Его друзьям и поделщикам, соратникам — держитесь! Мы с вами!

***

Из рассылки от 2.06.2010 «Ронкин Валерий. Прощание»

Дорогие друзья!

Жизненный мир многих из нас существенно оскудел. Будем однако благодарны судьбе, что она подарила нам Встречу и даже Дружбу с этим удивительным человеком.

Прощание состоится в четверг, 3 июня 2010 г. Сначала — в 11 час., в помещении НИЦ «Мемориал» <...>.

А. А.

***

«...Фантастический человек. Фонтанирующий интеллект. Удивительное совершенно ощущение того, что ты находишься рядом с эталоном человеческой порядочности..»

А. Даниэль. Эхо Москвы в СПб.
31.06.2010¹³⁷

Дело
27.11.2006¹³⁸

*Шестидесятники. Валерий Ронкин.
«Коммунар» против «коммунизма»*

Гэбисты замели всех 12 июня 1965 г. Кроме 28-летнего инженера Валерия Ронкина, арестовали С. Хахаева, В. Гаенко, В. Смолкина, С. Мошкова, В. Шнитке — всю ленинградскую группу, издававшую доморощенным способом оппозиционный журнал «Колокол» — орган «Союза Коммунаров».

На самом деле никакого Союза, естественно, не существовало. Имелась лишь группа молодых людей, чей образ жизни и представления о должном сильно расходились с тем, как был устроен советский мир эпохи позднего Хрущева — раннего Брежнева. Тем не менее, подпольной издательской деятельности хватило «коммунарам» на серьезные сроки. В частности, Ронкин получил семь лет заключения и три года ссылки.

¹³⁷ См. <http://www.echomsk.spb.ru/content/store/default.asp?shmode=2&ids=438&ida=99297&idt=news>. См. также: <http://narod.yandex.ru/100.xhtml?kiratata2007.narod.ru/sohranenie/RonkinWospominanijaknigaifoto.rar>.

¹³⁸ См. <http://www.idelo.ru/443/19.html>.

Сегодня дата их ареста стала праздником. Мы отмечаем его как День России. Это, естественно, шутка. Впрочем, в каждой шутке есть доля... шутки. А остальное все серьезно. Если уж отмечать странный день 12 июня в качестве праздника, то в честь тех людей, которые мечтали сделать СССР свободной страной еще тогда, когда мы были детьми. В своих мечтаниях они не сильно преуспели. Но зато, если мне теперь придется выпить в День России, я буду хоть знать, за что пью.

За пропаганду импрессионизма

Парадокс деятельности Ронкина со товарищи состоял в том, что если кто и боролся за настоящее коммунистическое общество, то именно они, а не те, кто их арестовывал. Гэбисты вообще защищали не столько социальный строй, сколько систему власти. Все, не вписывающееся в ритуал, предусмотренный нормами партноменклатуры, объявлялось заслуживающим наказания.

Вскоре после первых арестов задержали и людей, не связанных с подпольщиками ничем, кроме обычной дружбы. Когда Ронкин поинтересовался, за что им-то досталось, гэбисты ответили: за пропаганду импрессионизма. По всей видимости, в КГБ знали, что надо бороться с сионизмом, а тут ведь был не просто -сионизм, а еще и импрес-.

Этот случай тянул бы на анекдот, если бы не был правдой. Но все, что касается становления самого Валерия Ефимовича как диссидента, выглядит не менее странно. «Антисоветская группа» сформировалась не в подполье, не в сталинском ГУЛАГе и не в диверсионном лагере ЦРУ. Будущих диссидентов и отсидентов объединило участие в комсомольском патруле — добровольном органе содействия милиции по наведению порядка.

Вырос Ронкин в провинции, вдали от столичных интеллектуальных «штучек». Был правильным мальчиком. Держал на стене портрет Сталина, а Ленин оставался для него главным моральным авторитетом. Склонность к стихотворчеству выражалась у Валерия примерно в таких виршах:

Но если залпы пушек / Нарушат мирный труд, / То новые «Катюши» / Отпор врагу дадут. / Врагов сумеет в логове / Их собственным найти, / И не одна столица / Нам ляжет на пути.

Став студентом ленинградской Техноложки, юный провинциал остался верен принципам. В рейды с патрулем ходил по нескольку раз за неделю. Ронкин был не из тех, про кого говорили: «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Скорее, наоборот. Стиляг и фарцовщиков рейдовики не терпели. Это был тот вирус, который разлагал студенческое братство, столь ярко проявившееся в комсомольском патруле.

Затянувшийся турпоход

Скреплялось братство на комсомольских стройках и в турпоходах, где в минуты отдыха обсуждались проблемы мироздания, читались стихи, пелись песни Визбора, Окуджавы, Городницкого. И чем четче проявлялась гармония братства, тем нагляднее становилась дисгармония окружающего мира с его ложью — идеологической, статистической да и просто человеческой.

«Наш протест был, скорее, эстетическим, нежели этическим», — заметил как-то Ронкин в ответ на мой вопрос о причинах его ухода в оппозицию системе. Через размышления и ощущения пришли к отрицанию сталинизма, к пониманию того, что отец народов заботился лишь об укреплении своей власти. А ведь требовалось распространять студенческое братство на всю страну!

Нельзя сказать, что имеющегося коммунизма Ронкину было много. Наоборот, его было мало. Началась борьба. Борьба проходила в двух формах — теоретической и практической.

Теоретически было определено, что в СССР нет социализма, а есть правление бюрократии. Позднее, на следствии, обнаружились удивительные совпадения с концепцией Милована Джиласа, которого Ронкин успел лишь бегло просмотреть незадолго до ареста, когда собственный труд был им уже написан. В практическом плане начали распространять листовки, а к 1965 г. дело дошло до «Колокола». Герцен «разбудил» Ронкина. Тут-то как раз его и повязали.

<...> В лагере среди политических вновь возникала атмосфера «коммунарского братства», и это помогало выдержать то, что выдержать, казалось бы, невозможно.

Пребывание в зоне решено было рассматривать в качестве затянувшегося турпохода. По всей видимости, настоящий шестидесятник любое событие своей жизни мог обернуть «турпоходом», т. е. формой испытания воли и физической выносливости. Суровость жизни романтизировалась и даже поэтизировалась. Убогий быт подкрашивался песнями, шутками и откровенным стебом. Причем, как ни странно, действительность к этому располагала.

Юлий Даниэль, с которым Ронкин познакомился в зоне, определил этот мир как край непуганых идиотов. Во всяком случае, наличие в лагере агитационного плаката с цитатой из Горького: «Нет ничего прекраснее, чем свободный труд свободно собравшихся людей!», заставляло серьезно усомниться в интеллектуальных способностях местного начальства. Но даже этот не к месту прищипанодоренный лозунг явно проигрывал в идиотизме простому и ясному: «Ленин с нами!». Такого не придумаешь и в анекдоте.

Как стоишь перед политзаключенным!

Культурный разрыв между теми, кто охранял, и теми, кого охраняли, бросался в глаза. Как-то раз надзиратель обратился к Валерию Ефимовичу на «ты». Тот его поправил. Надзиратель снова стал тыкать и снова был остановлен. Так продолжалось довольно долго. Наконец, Ронкин взорвался: «Хам! Как стоишь перед политзаключенным!» От неожиданности тот вытянулся по стойке смирно. Зеки разразились громким хохотом.

Естественно, за это оскорбление «надзорсостава» Ронкина стремились наказать. <...>

Как-то раз «политические» беседовали о крито-микенской цивилизации. Один из них чертил на бумаге знаки нерасшифрованного древнего письма. И тут в бараке начался «шмон». Даниэль схватил исписанную бумажку и, разорвав на мелкие кусочки, бросил под кровать. «Теперь-то критское письмо будет, наконец, расшифровано», — сказал он, глядя, как надзиратели тщательно собирают с пола обрывки «шифровки».

Вообще надо сказать, что советскую интеллигенцию 60–70-х гг. ужасала даже не жестокость власти (сталинские времена остались позади), сколько ее убогость. К началу 80-х, когда состарившееся политбюро совершенно впало в маразм, эта убогость достигла апогея. Реальность могла перешеголять самые издевательские анекдоты про Брежнева. При этом молодыми семидесятниками, не знавшими иных правителей, интеллектуальный разрыв с властью в какой-то мере воспринимался как норма. Но для стремившихся к идеальному общественному строю шестидесятников даже эпоха «молодого Брежнева» казалась совершенно дикой. Один баптист, сидевший с Ронкиным, говаривал соседям-социалистам: «Хорошие вы ребята, а вот неверующие, в ад попадете. А в аду никаких сковородок — только газета «Правда» и телевизор, по которому все время Брежнев выступает, — ни кофе, ни чаю».

Когда читаешь мемуары Ронкина или беседуешь с ним о прошлом, то за легкостью рассказа и ироничностью оценок забываешь про специфику его «турпохода». И лишь строки написанных им во владимирской тюрьме стихов возвращают к действительности:

Здесь каждый день берут, как перевал, / Натянут нерв, как альпинистский шнур, /
Здесь каждое свидание — привал / И каждая открытка — перекур.

Время «фарцы»

Как-то раз, вспоминая в прежней компании старое, Ронкин с друзьями констатировали, что в итоге реформ 90-х гг. победили стилиаги и фарцовщики, с которыми рейдовики боролись еще в 50-х. Именно эти люди сегодня правят Россией. В общем-то, сей итог не столь уж плох. Правление аскетов и фанатиков не в пример хуже. Валерий Ефимович, кстати, поддерживал Егора Тимуровича с его реформами <...>.

Дело, впрочем, не в восприятии шестидесятниками сути событий 90-х. Как эксперты по реформам, они вряд ли могут нас заинтересовать. Дело в другом: в том, как жить, когда образ власти тебе противен и когда «фарца» вместо того, чтобы скромно развивать рыночные отношения, становится вдруг для толпы нравственным идеалом?

Шестидесятники проиграли свой бой, но выиграли жизнь, презрев соблазны с достоинством древних стоиков. А где нам взять сегодня Веру и Мужество, чтобы оставить «фарцу» на том месте, которого она достойна? В «сфере обслуживания», т. е. во власти и бизнесе. Но не в душе.

Д. Травин

***

ЖЖ kiratata
2.08.2009¹³⁹

Вслед дню рождения Валерия Ронкина

Валерий Ронкин — человек во всех отношениях незаурядный. Ему при-
суща какая-то необыкновенная живость ума, «детскость» в самом лучшем
смысле этого слова — радостная открытость к новому, неистребимая готов-

¹³⁹ См. <http://kiratata.livejournal.com/77987.html>.

ность «поиграть» со всем, что встретится на жизненном пути — наверное, именно поэтому мы, младшее поколение, всегда отличали Валеру (как мы его звали, не чинясь), всегда «липли» к нему, когда он появлялся в пределах досягаемости — а потом и сами ездили к нему в гости в Лугу, проводя там иной раз по несколько дней в круглосуточных разговорах «за жизнь», как бывает в хорошей хиппанской коммуне.

Особенность состояла в том, что радушный хозяин отнюдь не был «освобожденным философом» — он работал технологом на абразивном заводе, и после волнующих бесед, заканчивавшихся глубоко за полночь, он иной раз едва-едва успевал прилечь перед своим обычным «пролетарским» подъемом. Нам, конечно, всегда бывало по этому поводу немного стыдно — мы-то могли выпастись хоть чуть-чуть, пребывая в фазе или студенческих каникул, или просто бессовестного «проматывания» учебы — однако пересилить себя и не задавать Валере новых и новых вопросов, не высказывать новых и новых идей мы были просто не в состоянии.

Характерно, что многие их этих разговоров были отнюдь не идилличны — наши отношения с родителями в ту пору переживали серьезный кризис, и на Валере, как на их близком друге и «естественном стороннике», лежала особая ответственность — поэтому тем более важно, что именно с ним мы всегда могли говорить открыто и свободно, делиться наболевшим, вербализовать всевозможные щекотливые вопросы и т. д. и т. п.

Эта «школа отношений со взрослыми» сыграла для нас огромную роль не только в практическом аспекте, но и «по жизни вообще»: мы в полной мере уяснили для себя, что не существует никаких неразрешимых проблем, никаких безнадежных конфликтов — важно лишь, чтобы участники конфликта на самом деле, неформально, приложили бы к его разрешению хотя бы минимум доброй воли.

Прежде всего — к тому, чтобы понять (и принять) элементарную истину: другой человек — не таков, как ты, и вовсе не должен и не обязан быть таковым. Благо — не в том, чтобы быть одинаковыми, а в том, чтобы принимать друг друга разными.

Перу Валерия Ронкина принадлежит немало работ на самые разные темы — его интересы простираются от вопросов жизни общества до литературоведения и мифологии — и можно не соглашаться с теми или иными концепциями, которые автор предлагает читателю, но невозможно не поразиться широте эрудиции и смелости сопоставлений, побуждающих увидеть привычные вещи в непривычном ракурсе.

А что касается неистребимого ронкинского юмора, являющегося даже в веселой компании наших старших своего рода «притчей во языцех» — то юмором его произведения приправлены весьма обильно, и вместе с тем зачашую этот юмор очень ненавязчиво и невозмутимо просвечивает между строк того или иного научно-философического рассуждения.

Большую часть работ Валерия Ронкина можно видеть на его личном сайте (*см. выше. — Ред.*). Однако самое значительное его произведение — автобиографическая книга «На смену декабрям приходят январии...». Мы от всей души

рекомендуем вам, дорогие друзья, скачать себе эту книгу¹⁴⁰ и прочитать ее – ведь это не только увлекательнейшая история жизни человека, родившегося в СССР в 1936 году, а также история его семьи со времен Октябрьской революции и Гражданской войны – это галерея красочных иллюстраций к реальной истории нашей Родины, чего всем нам так не хватает сейчас, в завале торжествующего официоза, страшашегося любого проявления живой реальности.

Кира Румянцева и Татьяна Гаенко¹⁴¹

***

На смену декаблям приходят январь...

(из предисловия А. Даниэля к книге В. Ронкина)¹⁴²

<...> Воспоминания Валерия Ронкина построены, в сущности, как цепочка эпизодов, каждый из которых представляет собой коллизию между «чертежным» здравым смыслом идеалиста и реальностью советского (а в последней части книги – и постсоветского) абсурда. И чаще всего это столкновение происходит в производственной сфере; контекст, достаточно редкий для мемуарного жанра, – но именно этот контекст определяет внутреннюю драматургию личности автора, его становление и развитие. Подобно новому Кандиду, бродит Ронкин по экономическим джунглям «реального социализма», задавая себе и другим наивные и неудобные вопросы и сам же на них отвечая. Каждый эпизод анекдотичен; и единицей повествования естественно становится анекдот.

Как известно, Владимир Войнович определил жанр своего «Чонкина», как «роман-анекдот». Возможно, воспоминания Валерия Ронкина следовало бы назвать «мемуаром-анекдотом» или, точнее, мемуаром, состоящим из анекдотов, не только в изначальном, пушкинском, но и в бытовом понимании этого слова.

В чем суть анекдотического восприятия действительности у Ронкина?

Пожалуй, ключевое понятие для описания авторского мироощущения – это «неувязочка». Абсурдистские ситуации преследуют Ронкина всюду: в школе, в институте, на производстве, в следственном изоляторе КГБ (одно опереточное появление майора Сыщикова чего стоит: «я пробормотал: «Не может быть, так только в книгах бывает»»), в мордовских лагерях и во Владимирской тюрьме, в ссылке, вновь на производстве. А на ронкинские педантизм и идеализм жизнь реагирует всегда одинаково: цитатой из анекдота же, впрочем, довольно известного, – «а вот неувязочка нам по фигу».

Разумеется, жанровые пристрастия характеризуют в первую голову самого мемуариста. Ронкин и в самом деле прежде всего ироничен: он постоянно посмеивается над собой (над собой – в первую очередь), над друзьями, над врагами, но главным образом – над ситуацией.

...Гораздо важнее идеологии была стилистика компании. (Познакомившись с мемуарами Валерия Ронкина, читатель, надо полагать, согласится, что

¹⁴⁰ См. <http://narod.yandex.ru/100.xhtml?kiratata2007.narod.ru/sokhranenie/RonkinWospominanijaknigaifoto.rar>.

¹⁴¹ См также: <http://kiratata2007.narod.ru/>; <http://kiratata.livejournal.com/>; <http://alterristika.livejournal.com/>.

¹⁴² См. на сайте «Права человека в России»: <http://www.hro.org/node/8357>.

слово «компания» здесь много уместнее, чем слово «группа», — да это верно и для почти любой независимой коллективной общественной инициативы последних советских десятилетий.) А стилистика — это уже не только личная собственность Валерия Ефимовича Ронкина, но и достояние всей компании «колокольчиков». <...>

Про «колокольчиков» не рассказывали мрачных и патетических историй. Про них ходили разные байки. Собственно, они и сами о себе рассказывали в основном байки, причем делали это с огромным и нескрываемым удовольствием. Показательно, что первый исторический очерк, посвященный их делу и написанный одним из участников группы, Вениамином Иофе, наполовину состоит из таких баек. Воспоминания Ронкина, в сущности, состоят из них на три четверти.

Стилистика все и решила. История выпускников Технологического института и бывших бригадмилыцев, угодивших в политические лагеря не только ради идеи, но отчасти из озорства, как-то удивительно пришлась ко двору в той среде, которая и сама-то слегка стеснялась собственных внезапно пробудившихся гражданских эмоций, и предпочитала скорее подсмеиваться над собой, нежели говорить о себе с пафосом (впоследствии пафос, конечно, пришел, куда ж без него! — но это случилось много позже). И, кроме того, была в этих весельчаках, экспериментировавших над собственными судьбами, какая-то необыкновенная чистота, точность звука, свежесть и честность. Не гражданская честность, — этого добра хватало и без них, — а простая, человеческая. <...>

***

«...Не мысль, не идея, но поразительное ощущение всечеловеческого братства — вот что делает воспоминания Ронкина такой счастливой книгой. При всем своем донкихотстве, доподлинном, мучительном, он — весел. Мужественно весел. В отличие от Дон Кихота, на которого он очень и очень похож, он — Рыцарь не Печального, но Веселого Образа»

Никита Елисеев¹⁴³

Рыцарь Веселого образа (из стихов Валерия Ронкина)

Когда-то (уже в 2000-х гг.) Валерий подарил мне файл с отобранными им самими стихами. Эти стихи ныне включены в составленную мною памятную подборку материалов «Ронкин Валерий. Прощание», размещенную в Сети по нескольким адресам¹⁴⁴. Здесь — некоторые из этих стихотворений. (А. Алексеев. 5.06.2010).

¹⁴³ См. на сайте журнала «Эксперт»: <http://www.expert.ru/printissues/northwest/2003/26/26no-scultur/>.

¹⁴⁴ См. на сайте «Эха Москвы в СПб»: <http://www.echomsk.spb.ru/content/interview/default.asp?shmode=3&ida=99397>; на сайте «Когита.ру»: <http://www.cogita.ru/news/hronika/pamyati-valeriya-ronkina>; на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/pravozaschita/valerij-ronkin/>.

Марш рейдбригад

Прекрасны сады Ленинграда
И белые ночи весной.
Вперед, комсомольцы,
    Вперед, рейдбригады,
Очистим наш город родной!
Здесь нет хулиганам пощады,
Суров разговор со шпаной.
Вперед, комсомольцы,
    Вперед, рейдбригады,
Очистим наш город родной!

Нам дружба дороже награды.
Мы связаны волей одной.
Вперед, комсомольцы,
    Вперед, рейдбригады,
Очистим наш город родной!

Мы сломим любые преграды.
Пусть песня летит над Невой.
Вперед, комсомольцы,
    Вперед, рейдбригады,
Очистим наш город родной.

1956 г.

***

(Напомним: период пребывания В. Е. Ронкина в заключении: июнь 1965 г. – март 1972 г. – Ред.)

Дон Кихот

Вскоре после свадьбы я подарил Ирине статуэтку Дон Кихота

Всегда вперед,
Всегда в поход!
Он вечно рвался в бой.
Таким остался Дон Кихот
На памяти людской.
Он был костист,
Он был высок,
Он был упрям и смел.
Он много сделал... Если б смог.
Да жаль, что не сумел.

Не испугавшись ничего,
Он в наши дни шагнул,
У изголовья твоего
Он встал на караул.
Среди забот,
Среди хлопот
Он даст тебе совет.
Литой чугунный Дон Кихот –
Мой маленький полпред.

Октябрь 1965

***

Песенка Ланцелота

Не хмурь, родная, глазки,
Печально не гляди,
Поведаю я сказку,
А сказка впереди.

По сказочным законам
От стародавних лет
Положено драконам
Поганить белый свет.

По сказочным законам
Глубокой старины
Отважным и влюбленным
Дороги суждены.

Придумано не нами
Однажды на пути
На камень с письменами
Случайно набрести.

«Когда пойдешь по левой,
Тебя невядалеке
Ждут ласковые девы
И деньги в кошельке.

На правом повороте
Ждут путника труды,
А после – жизнь в почете
До белой бороды».

По сказочным законам
От стародавних лет
Широкой и мощеной
Прямой дороги нет.

По сказочным законам
Тот край суров и дик,–
Не жалуют драконы
Идущих напрямик.

Не хмурь, родная, глазки,
Пугаться погоди,–
И это все не сказка,
А сказка впереди.
А впереди удача
И пир три дня подряд.
«Не может быть иначе!»–
Нам сказки говорят.

К домашнему покою,
Дай срок, вернусь и я
С драконьей головою
На острие копя.

За сказкою иная
Ждет сказка впереди.
Не хмурь бровей, родная,
До встречи подожди.

Декабрь. 1965 г.

***

*Написано в ПКТ (помещение камерного типа. – Ред.) на 17-а п/о (лагерное отделение.
– Ред.) в 1967 г. и адресуется Дочке.*

На полу
В углу
Дыра.
В ней – мышиная нора
Приглашаю
Мышку в гости,
Предлагаю
Рыбы кости.
Возле норки на виду
Корки хлебные кладу.
А потом нельзя скрипеть,
Разговаривать и петь,
И по камере* шагать
Чтобы гостя не пугать.
Если тихо до поры,
Мышка выйдет из норы.
Понюхает немножко
Не прячется ли кошка,
А потом сухую корку
На обед потащит в норку.
Рад я гостю моему –
Очень скучно одному.
Я хочу с ней поиграть,
А она спешит удрать.

Примеч.: вариант для цензуры: «комнате»

***

Люсе Климановой

Не грусти. Промчатся злые годы.
Срок судьбой отмеренный пройдет.
Снова будут песни и походы
над лесом звезд ночной полет.
Через реки, через перевалы
Нас сведут когда-нибудь пути.
И поднимем тост мы, как бывало:
«Чтобы смерть нас не могла найти!»

Декабрь 1965 г.

(Написано в изоляторе на Шпалерной. – Ред.)

***

Прожектора, колючка, вышки,
Собачий лай издалека.
И мы, вчерашние мальчишки –
Политзека, политзека.

Когда в ночи темно и душно
И не дает уснуть тоска
Оружье наше – наша дружба,
Политзека, политзека

Наш быт совсем не из приятных
И доля наша нелегка,
Но мы не повернем обратно,
Политзека, политзека.

Пускай о нас никто не знает
И маловато нас пока,
Сегодня на переднем крае
Политзека, политзека.

11 л/о. Явас. 1966 г.

***

Из лагерного

Юбилей! О юбилее
Рассужденья, разговоры...
За «Амнистию» болеют
И политики, и воры.
Рассуждают инвалиды,
Предрекая судьбы наши,
Как ракеты на орбиты
Запускаются парашы
Говорят, что всю Европу
Мы волнуем чрезвычайно –
Быть Указу! – только б стропы
Не запутались случайно.
Не запутались бы стропы,
Не задрались бы евреи,
Не попал бы репей в жопу
Режиссерам юбилея.
Юбилей! О юбилее
Рассужденья, разговоры...
Свежей известью белеют
Подновленные заборы.

1967 г.

К этому стиху надо дать некоторые объяснения: «парашы» - 1) бачки для оправки естественных надобностей, устанавливаемые в камерах. 2) слухи; «запутавшиеся стропы» – официальное объяснение гибели экипажа космического корабля, запущенного в преддверии юбилея; «задравшиеся евреи» – намек на шестидневную войну (летом 1967).

***

Ю. Даниэлю

Громады глыб лежат веками
И ждут, вцепившись в складки скал,
Когда сорвется первый камень,
Чтобы начать Большой Обвал.
Еще ничем не знаменитый,
Лежит он где-то, мал и тих
Кусок обычного гранита,
Неотличимый от других.
Но дрогнет твердь под небесами,
Когда, назначенный судьбой,
Рванется в бездну первый камень,
Лавину, двинув за собой.

17 л/о, Озерный. 1967

***

Мы проходим зоной по пятеркам
Каждый день в один и тот же час,
Старшина в защитной гимнастике,
Как рабочий скот, считает нас.

Мы идем, как будто так и надо,
Подчиняясь правилам игры,
Только прячем в рукава бушлатов
Контрабанду тлеющей махры.

Счет окончен. Можно расходиться.
Но, однако, странная игра –
Над запреткой, словно над границей,
Не уснут солдаты до утра.

Нас шмонают истово и часто,
В каждую бумажку сунут нос.
В кабинетах важное начальство
Нами занимается всерьез

Может это вовсе не по праву,
Может мы совсем не так сильны,
Но и мы всерьез приемлем славу
И удел враждебной стороны.

1968

***

Марш стукачей

И академики, и плотники,
Но кроме службы основной,
Еще внештатные работники
..Организации одной..
Мы не украшены мундирами,
Не щеголяем мы в строю,
Но регулярно информируем

Организацию сию.
Мы чтим свою организацию,
И это сущее вранье,
Что при удобной ситуации
Продать готовы и ее.
Мы патриоты, ясно каждому,
С крамолой мы ведем борьбу!
А несознательные граждане
Желают видеть нас в гробу.

Владимир (Владимирская тюрьма. – Ред). 1971 г.

***

«Последнее слово» написано задним числом для моего соседа по камере, осужденного по ст. 64 УК РСФСР, которая включала положение «бегство за границу или отказ возвратиться в СССР» и предполагала наказание вплоть до смертной казни.

Я осознал свою вину –
Я виноват всерьез:
Хотел покинуть я страну,
Где родился и рос.
Где материнским молоком
Поил меня народ.
А я хотел бежать тайком
От эдаких щедрот.
Но, если б я сумел бежать,
Но, если б он сумел бежать,
Но, если б все могли бежать,
Не ведая преград,
То кто же стал бы содержать
Партийный аппарат?
Кто возводил бы им дворцы
И дрался на войне?
Погибли б с голода «отцы»
Одни в пустой стране.
Поступка своего позор
Я осознал вполне.
Скорее требуй прокурор
Суровой кары мне!

Владимир. 1972 г.

***

Булату Окуджаве

А ваше дело свято –
Рассветы впереди
Не вечно время холоду и мраку.
А вместо автомата –
Гитара на груди,
И все-таки вы с нею как в атаку.

Проносит ветер тучи.
Храпят перед зарей
Атаку чуя, боевые кони.
А струны не колючка,

Но все-таки порой
От них кровоточат у вас ладони.

Не дедам и не внукам –
Самим держать ответ.
Кружит магнитофонная кассета...
Кружит слепая выюга.
Но есть тепло и свет.
И все-таки вращается планета.

Луга, 1984.

***

Размышления о смысле жизни

Как-то по дороге бежала собака,
Весело при этом махая хвостом.
(Присказка все это, а сказка, однако,
Как и полагается, будет потом.)

Так она бежала без цели и смысла.
Хвост ее, когда-то пушистый, облез,
Морда поседела и ухо обвисло,
К сексуальной жизни пропал интерес.

Если бы, однако, училась собака
Охранять границу, гонять соболей,
В цирке выступать для всеобщего блага,
Жизнь ее была бы куда веселей.

Если б, да кабы... Но, конечно, прекрасно,
Задирая ногу у всяких преград,
Знать, что это делаешь ты не напрасно,
Оставляя правнукам свой аромат.

Как-то по дороге бежала собака...
.....

Луга. 28.12.1992.

***

ЖЖ vdohnovitel
7.06.2010¹⁴⁵

Набросок – о наследии Ронкина В. Е.

31 мая 2010 года ушел из жизни мой дед, инженер-технолог по профессии, но известный как диссидент, а впоследствии – публицист и правозащитник, Ронкин Валерий Ефимович.

<...> Я надеюсь, что про деда и было, и еще будет, сказано предостаточно. Есть много прекрасных людей, которые все скажут лучше меня. Я же попробую, пока в форме набросков, обратить внимание на то, на те стороны насле-

¹⁴⁵ См. <http://vdohnovitel.livejournal.com/18716.html>.

дия Валерия Ронкина, которые другие могут не заметить или не выделить.

Если вы ничего не знаете о Валерии Ронкине (или о «колокольчиках») — послушайте радиопередачу¹⁴⁶, посмотрите персональный сайт Ронкина В. Е. (см. выше. — Ред.). Еще пара ссылок: одна и другая¹⁴⁷.

Я позволю себе называть моего дедушку по имени (Валерий, Валерий Ронкин, Ронкин В. Е.), чтобы читателям было удобнее читать...

Почитайте вот эту стенограмму: <...>¹⁴⁸. Там процитирована развернутая реплика Валерия Ронкина, которая говорит так много о нем и о его взглядах. Привожу цитату целиком (2 февраля 2010 года, дискуссия «Стали ли мы сегодня ближе к европейским ценностям?». Помещение Генерального консульства Литовской республики в Санкт-Петербурге. Докладчик: политик, общественный деятель Наталия Леонидовна Евдокимова).

В. Е. Ронкин: «Я немножко вернусь к тому, о чем уже говорили междусобойчиком, так скажем. Не докладчик!

На одну машину в России приходится в 15 раз больше ДТП, чем в Европе. Я видел картинку. На красный свет бежит женщина, тащит за руку восьмилетнюю девочку. Потом меняется свет, я перехожу. Ну, опаздывает на самолет! А она с подругой стоит, треплется и девочка рядом. Вот зачем ее тянуло на этот красный свет?! И я думаю, отличительной стороной Востока от Запада, о чем говорили и Аристотель, и Маркс, является то, что мы действуем под влиянием сиюминутной эмоции, вовсе не рассчитывая на то, какие последствия будут у наших действий, и чем нам придется за это платить. Эта женщина вовсе не хотела, чтобы ее дочка погибла. И она не подумала о том, что она бежит с девочкой, когда машин близко нет, а завтра эта девочка побежит сама на красный свет. И в этом проблема Востока вообще.

Действительно, мы кое-чего достигли. И достигли мы, на мой взгляд, просто потому, что власть, каждый человек во власти, понимает, что ему придется когда-нибудь от своих дружков удирать на Запад. И поэтому они не хотят уж совсем по-свински себя вести. Им достаточно того, что они безнаказанны, что они делают все, что хотят. Но они оставляют открытыми двери. И поэтому, если бы нас хотел поддержать Запад, то самое лучшее было бы закрывать евровизы для особо отличившихся... Так, начальник ОМОНа разогнал палками демонстрацию. Вот его и лишит европейской визы. И все! Больше ничего не надо! От страха перед своими дружками другой никогда этого не сделает. Это одна сторона вопроса.

Вторая сторона вопроса — раз мы не можем подумать о завтрашнем моменте, мы не можем сговориться. Сегодня у нас огромное количество партий: левых, правых, зеленых, синих, красных и так далее. Как только исчерпывается состав ЦК одной партии, образуется следующая партия. Это потому, что рядовым членом никто быть не хочет. И я с удивлением узнал, что в фашистском Берлине было восемь эмигрантских фашистских партий российской эмиграции. Вот они тоже — восемь партий. Сколько в Берлине жило русской эмиграции?! И они не могут договориться.

Рыжков не может договориться с кем-то еще. Чубайс не мог договориться с Явлинским. Уступить?! Никак! Ну, и поэтому у нас демократии и нет! Потому, что когда вроде близкие по взглядам люди начинают ссориться по пустякам, граждане говорят: «А на фиг это нам нужно. Они сами договориться не могут. Зачем мы за них голосовать-то будем!»

¹⁴⁶ См. Радио «Свобода», 5.06.2010: <http://www.svobodanews.ru/audio/feature/274504.html>; <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/2063819.html>.

¹⁴⁷ См. <http://kiratata.livejournal.com/132346.html>; <http://www.cogita.ru/news/hronika/ssegodnya-nochyu-umer-valerii-ronkin>.

¹⁴⁸ См. http://www.megaregion.narod.ru/stenogr_27.htm..

И поэтому, как я в 1936 году в стране дураков родился, так я, наверно, в этой стране и помру. У меня нет особых иллюзий!

Но, если мы хотим двигать общество к европейским ценностям, нам нужно хотя бы самим их принимать. И не тыкать локтем соседа, когда он чуть-чуть отличен от нас, хотя, в общем, он наш союзник, не говорить глупостей, не обещать невозможного. И надо работать с молодежью!

Вот я сейчас подключен к рассылке УУ (Уличного университета). Там у них обсуждается очень важный вопрос. Надо собрать старые вещи, книжки, которые одному не нужны, а другому может быть пригодятся, нужны, и обменяться. Этот обмен будет большим шагом в развале рыночной экономики и построении коммунизма.

Дальше начинаются выяснения, кто марксист, а кто меньшевик?! Я им присылаю ссылку на статью о том, как организуются фашисты. И говорю: «Ребята, вот, может быть, вы этой проблемой займетесь?!» Причем, присылаю одному из лидеров, их преподавателю. И получаю ответ: «Чем хотим, тем и занимаемся!». И это от преподавателя, от человека, который со мной знаком и знает, что я просто старше его. И если не в дедушки, то в отцы ему точно гожусь.

Ребята, ну какая может быть демократия в таком детском саду?! Работать надо! Все!»

Рационализм

Еще раз из вышеприведенной стенограммы: <...> (*повтор фрагмента, выделенного выше. — Ред.*)

Кроме моего деда, мне кажется, я никогда ничего подобного не слышал. Женщина в этом примере поступает иррационально. С этим согласятся все. Наблюдение же в том, что этот ее иррационализм есть некоторая системная проблема? Зачем она бежит на красный свет? Аморально ли бежать на красный свет? Более ли аморально бежать на красный свет, когда опаздываешь на самолет, чем когда никуда не спешишь? Во втором случае шансы девочки на смерть в ближайшие несколько лет значительно возрастают, так что действия матери, видимо, являются аморальными.

В «Размышлениях о морали» (ссылка; 04.11.2008¹⁴⁹) Валерий пишет:

«В рациональных культурах, в которых люди умеют строить многоходовые стратегии, уровень морали выше, чем там, где довлеет сиюминутная эмоция».

Вы понимаете? Это вывод логический, настолько логический, что на ум приходит сравнение с Декартом. Чтобы понять в чем дело, посмотрим на «определение» морали в том же тексте:

«Грехом» объявляются те действия (средства), которые непременно своим результатом имеют зло и никогда не ведут к хорошим последствиям (целям)».

Вывод совершенно логичный: в рациональных культурах, в которых люди умеют строить многоходовые стратегии, эти люди чаще совершают поступки, которые обычно ведут к хорошим результатам, нежели поступки, которые непременно своим результатом имеют зло. Иными словами, там, где люди стратегически пытаются достичь хороших (в некотором смысле) результатов, они скорее совершают поступки, которые (как мы знаем из истории) часто ведут к таким, в некотором смысле хорошим результатам.

¹⁴⁹ См. <http://ronkinv.narod.ru/moral.htm>. См. также выше: раздел ....

Компромисс

В «Конфликт (Как приручить Лиса?)» (ссылка; 1980-1987 гг.¹⁵⁰) Ронкин пишет:

«...Игры с нулевой суммой (термин теории игр), когда одна из сторон выигрывает ровно столько, сколько проигрывает другая, на практике встречаются достаточно редко. Гораздо чаще общий проигрыш в конфронтации превышает выигрыш — проигрывают обе стороны. В сотрудничестве, напротив, общий выигрыш больше уступок каждой из сторон. Перед тем, как что-то кому-то доказывать, полезно подумать: а стоит ли? Бывает, что конфронтация необходима, чтобы защитить честь, проучить негодяя и т. д. Но в России это случается уж очень часто, в таких мелочах, когда ни о какой чести и речи идти не может. Однако, все равно возникает конфликт на пустом месте — «из принципа»...»

Чтобы лучше понять, о чем идет речь, можно вспомнить о партии «Яблоко». Десять-пятнадцать лет назад я был маленький и глупый, и думал, что когда дедушка с бабушкой (Ронкин В. Е. и Ронкина И. Т.) голосуют за партию «Яблоко», в этом проявляется некоторый стереотип: «Яблоко» — будто бы «либеральное», «за свободу», «за демократию», «за права человека», и т. д. (*Мои кавычки, чтобы подчеркнуть относительность всех этих понятий — С. О.*). Я был неправ дважды.

Во-первых, в текстах Валеры Ронкина предостаточно критики в адрес партии «Яблоко» и лично Григория Явлинского. Например, Ронкин пишет («Размышления о политике. Мачехи демократии» Ссылка; 24.12.03¹⁵¹). В лице своего лидера Явлинского «Яблоко» время от времени вступало в переговоры о едином демократическом союзе, но всякий раз имело в виду, что такой союз должен возглавляться именно им. <...>

Здесь не слышно дифирамбов в адрес Григория Алексеевича. Почему же тогда Валера Ронкин голосовал за столь нелюбимого им лидера? Все дело в рационализме. Можно не любить партию «Яблоко» или Явлинского, и все же рационально голосовать за них, рационально рассудив, что большее количество депутатов от «Яблока» (это все в прошлом, конечно, но пример хороший) приведет (привело бы) к большему количеству хорошего в жизни лично моей и страны и мира в целом, чем меньшее количество депутатов от «Яблока». Личные эмоции отходят на второй план. Незачем «наказывать» партию или политика за неэтичность. При данном рациональном подходе, который, как я понимаю, исповедовал и распространял мой дед Валерий Ронкин, этика может быть функционально рассмотрена как долговременная стратегия. <...>

Здесь мы вплотную подходим к следующему наблюдению Ронкина: лозунг **цель оправдывает средства** неверен, причем неверен логически.

Ронкин В. Е. («Путь России». Ссылка. 28.09.2006¹⁵²): «Иезуитский лозунг «цель оправдывает средства» абсолютно не верен. В причинно детерминированном мире средства определяют результат. И результатом оказывается вовсе не то, чего ожидали люди, действовавшие под этим аморальным лозунгом. Не

¹⁵⁰ См. <http://ronkinv.narod.ru/kon.htm>.

¹⁵¹ См. <http://ronkinv.narod.ru/sps.htm>

¹⁵² См. <http://ronkinv.narod.ru/razmish.htm>,

боги, а люди, за плечами которых уже была длительная история человечества, определили моральными те средства, которые приводят к хорошим результатам, а аморальными те, которые приводят к результатам вовсе не желаемым...».

В вышеприведенной цитате «определили моральными» означает, как мне кажется, «называли моральными».

Какую мысль Валерий хочет до нас донести? Тех, кто кричит о какой-то цели для достижения которой все средства хороши, можно условно разделить на фанатиков (дураков) и циников (умных). Вторые, в отличие от первых, понимают, что если средства не соответствуют цели, то и результат будет (не) соответствующий декларируемой.

Моральный императив и рационализм

В «Размышлениях о морали» Ронкин описывает общество с точки зрения теории игр, указывая, что конкретному человеку может быть невыгодно поступать морально, но если много людей ведут себя морально, то в выигрыше оказываются все, и наоборот. Более парадоксальное наблюдение, однако в том, что и человек, и общество оказываются в выигрыше, когда человек поступает рационально. Я не могу найти соответствующей цитаты, и, возможно, здесь я допускаю несколько вольную трактовку мнения Валерия Ронкина по этому вопросу, но я продолжу. Если человек активно действует в каком-то направлении, но не имеет рациональных оснований для этих активных действий, возможно, этого человека кто-то использует. Если вы боретесь за что-то, что вам не нужно, может быть, это что-то нужно кому-то другому. Может быть, вы, дорогой читатель, есть фанатик, помогающий циникам. Для вас цель оправдывает средства, для них же цель — совсем другая, и средства ведут именно туда... Первый вывод (в моей интерпретации): если вы не будете думать, то другие будут думать за вас. Второй вывод: некоторая рациональность есть необходимая основа морали.

Ронкин В. Е. («Ленин и Сталин». Ссылка; 23.4.1999¹⁵³): «...Большевики всерьез мечтали о полном отмирании государства, были искренними интернационалистами, надеялись в полной мере и немедленно осуществить девиз Великой Французской Революции: «Свобода, Равенство и Братство!» и поэтому были крайне левыми.

Сегодня модно говорить о несовместимости положений этой триады. Но демократические страны, потому и демократические, что умеют находить некий подвижный баланс между ними. Сегодня мы на опыте знаем, что эти идеалы нельзя осуществить немедленно и в полной мере. Мы должны понять, что фанатики в случае успеха неминуемо превращаются в палачей и сами становятся жертвами палачей-циников, коим прокладывают дорогу».

Личное и общее

Попробуйте понять: в философии Валерия Ронкина, личная этика неразрывно связана и перетекает в обществоведение, в публицистику, включая нормативную сторону. Рекомендации по построению гражданского общества в России связаны с личной этикой. Не стоит громких слов! Речь не о том, что республика есть личное дело каждого гражданина (хотя и об этом тоже). Нач-

¹⁵³ См. <http://ronkinv.narod.ru/len.htm>.

ните мораль с прагматизма. На личном уровне: говорите хорошие вещи людям, и они вам не испортят настроение в будущем. Помогайте людям, и завтра они помогут вам. Поступайте порядочно, и вам воздастся в этой жизни. Это плохой пример. Все равно, есть много случаев, когда выгодно быть порядочным. Ну так для начала ведите себя порядочно хотя бы в этих случаях...

Это все — моя трактовка. Дед (Ронкин) бы так не сказал. Как минимум, не та стилистика. Скорее, это что-то, чему я научился. Если бы все подряд начали поступать рационально и порядочно хотя бы когда это выгодно, было бы лучше жить. Женщина бы не бежала с девочкой под трамвай на красный свет. <...>

Я не хотел бы утверждать, что всегда следует поступать исходя из рациональной выгоды. Я так не считаю, и мой дед, Валерий Ронкин, никогда так не считал. В двух словах этого не объяснить. Пока я всего лишь хотел подчеркнуть, что (а) рационализм, и (б) этика и этическая философия были важными аспектами его мировоззрения и являются важными аспектами его творческого наследия. Все его рассуждения о государстве и праве, как теоретические, так и практические, основаны на рациональном восприятии мира, и также основаны на определенной личной этике — теоретической (философской) и практической. <...>

Я не сомневаюсь, что эта этика в значительной степени основана на знаменитой работе Макса Вебера (*Die protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus*, 1905). Сам я так и не нашел время на первоисточник (хотя он не очень длинный, и есть в Интернете), так что от дальнейших комментариев воздержусь).

Мифологичность сознания

Валерий Ронкин много думал о том, как в СССР получилось то, что получилось. (Надеялись на рай на земле, а получилось во многих аспектах едва ли не наоборот. Оценка Валерия достаточно жесткая и однозначная: он всего лишь допускал, что потомки могут в будущем найти и много хорошего в 70-х годах Советской власти, и, возможно, заключить, что страна, в общем-то, много что получила и приобрела за эти годы.).

В частности, он пытался смотреть на проблему, размышляя о мифологичности человеческого сознания. При этом, методы анализа, как правило, полностью рациональны. Для начала почитайте «Размышления о символах» (Ссылка¹⁵⁴).

Ясность

О бардовской песне, столь важной для их поколения, а отчасти и для меня, — статья «Магнитофонный самиздат» (Ссылка; 12.1.2000¹⁵⁵). Цитата оттуда:

«Главным содержанием бардовского творчества было — воспевание человеческого достоинства, противостоящего злу.

¹⁵⁴ См. <http://ronkinv.narod.ru/aur.htm>.

¹⁵⁵ См. <http://ronkinv.narod.ru/brd.htm>.

Новых, социально значимых песен, созвучных сегодняшнему дню, я не слышу. Если они не появятся, бардовская песня, потеряв свою злободневность, либо превратится в архаизм, наподобие античной драмы, либо сблизится с поп-эстрадой под маркой «Любовь и дружба в одном флаконе», либо станет чем-то совсем иным».

Может быть, это не то, что вы ожидали? Я вот, например, ожидал бы увидеть восхваление бардовских песен и плохие слова в адрес песен более новых..

Или посмотрите на эту скромную оговорку Валерия после его сочинения «Лиса – Кума» (Ссылка; 1986–96 гг.).

«Мои заметки не претендуют ни на полноту, ни на строгую профессиональность. Их цель — обратить внимание специалистов на еще один аспект символики русских сказок».

Что поразительно — это, во-первых, не ложная скромность, а, во-вторых, не скромность вообще. Читатель просто информируется, Ронкин — не профессионал в области анализа сказок. Вы можете, однако, почитать «Гуси-Лебеди» (Ссылка¹⁵⁶), работу Ронкина по русскому фольклору, чтобы понять, что мой дед серьезно интересовался фольклором. Если я правильно помню, он показывал свои работы по крайней мере одному специалисту, и тот ответил, что профессионалам эти работы не особенно интересны, отсюда видимо и комментариев про то, что заметки не претендуют на строгую профессиональность. Зачем я это все объясняю? Как комментарий к портрету Валерия Ефимовича Ронкина.

Кроме того, очень интересно, что он интересовался сказками и мифологией. Ту же мифологичность он усматривал и в советской действительности. В частности, посмотрите длинную статью «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». (См. на сайте В. Ронкина. Рубрика «Эссе». — Ред.). В этой статье формальные методы анализа сказки применены к типичной советской пропаганде. <...>

Уже много было сказано о том, как своеобразна была компания Валерия Ронкина и его друзей-«колокольчиков», но задумайтесь. Особенно сам Валерий Ронкин, истинно верящий в идеалы марксизма, верящий в коммунизм, но постепенно разочаровывающийся при встрече с окружающей действительностью. (Читайте мемуары «На смену декаблям приходят январь...»). Представьте, что окружающий мир — это миф, сказка, как в СССР, так и сегодня. Прибавьте к этому рационализм Ронкина, о котором я писал выше. Это должно как-то объяснять интерес Ронкина к сказкам и к мифологии.

На самом деле, ничего здесь ничего не объясняет. Это все наброски.

Сергей Оршанский

***

¹⁵⁶ Cв/ <http://ronkinv.narod.ru/gaga.htm>

*Соавторы- составители: обмен мнениями
(Из переписки. Июнь 2010)*

Р. Л.:

<...> Всякий выбор гражданской позиции (и поступков, из нее следующих) мотивируется *интуитивным*, по большей части, представлением о целостном явлении. <...> Надежной, проверенной информации, как правило, не хватает, тем паче что «процедуры верификации» так или иначе на том же доверии и основываются.

Интуиция — акт проявления личностной *целостности*. Речь о том, чтоб духовно (морально) *отважиться* на выбор определенного варианта общественного поведения — в условиях неизбежного дефицита рационально контролируемых условий (информации и проч.).

<...> Для ситуаций, в которых все «просчитано», все «очевидно», достаточно *автоматизма*. Но там, где нет (и не может быть) полной «ясности», там требуется *личностность*. <...> 17.06.2010.

А. А.:

<...> В основном я согласен с Тобой. В этом пункте мы, пожалуй, расходимся с *апологией рационального*, в смысле Валерия Ронкина. (См., в частности, размышление его внука, да и одна из главных теоретических работ В. Р. так и называется¹⁵⁷).

Для меня, например, *рацио*, *эмоцио* и *интуицию* (баранцевская триада) принципиально равноправны и взаимодополнительны. Но, в таком случае, и твое отождествление интуиции с целостностью личности — это, может быть, слишком сильное утверждение. Хотя во всяком сугубо интуитивном решении личностная целостность проявляется непосредственно. <...> 17.06.2010.

Р. Л.:

<...> Если и можно говорить об «апологии рационального», то только в смысле неприятия «иррациональности», как всяческого недомыслия, недодуманности, импульсивности.

«Сиюминутная эмоциональность» — может, не очень удачно выразился В. Р., лучше — избыточная (в том примере игнорирования «красного света» светофора). (См. выше. — Ред.). Но я не помню у Ронкина противопоставления *разума* и *интуиции*. <...> Апофеоз *ценности рационального* (в цитированных внуком Сергеем отрывках) я разделяю. С тем, конечно, что необходимо четко фиксировать *границы* инструментального, или калькулирующего «разума», а равно не исключать из разума — интуицию. И не противопоставлять разумному поведению эмоционально насыщенное. <...>. (Сколько помнится, сам Валерий Ефимович был вполне эмоциональной и увлекающейся личностью — при полной «трезвости ума»!).

¹⁵⁷ См. Ронкин В. Р. Апология рационального. Рукопись. (Электронная версия — <http://ronkinv.narod.ru/ap.htm>).

Так что я не расхожусь здесь с его «апологией рационального». Мне почему-то кажется, что и Ты в этом не так уж с ним «расходишься», не так ли? <...> 17.06.2010.

А. А.:

...Вспомнилась мне наша с Тобой переписка начала 80-х, посвященная Ухтомскому, Швейцеру, Любичеву. Причем сегодня — именно в связи с теоретическим кредо и жизненной практикой Валерия. В «Драматической социологии...» я попытался сформулировать эту проблему следующим образом:

«Не стоит так уж абсолютизировать мировоззренческие *заявления* мыслителей (иногда заостренные полемически).

И Любичев был вовсе «не только» рационалистом... Иначе вряд ли мог бы состояться необыкновенный «феномен Любичева», во всем разнообразии, богатстве и величии его творческого жизнеосуществления... И Ухтомский, конечно же, делал свои выдающиеся открытия в области физиологии нервной системы и т. п. — вовсе не (только...) на «иррациональной» основе. И так далее...

Отмеченные «рассогласования» (противоречия...) лишь подтверждают ту всеобщую, как мне кажется, закономерность, что целостная Личность... человеческий «Гений» — неизбежно «шире», «глубже», «богаче» любой декларации или «символа веры»...»¹⁵⁸.

В частности, Валерий Ронкин, думаю, не столько рационалист сам по себе, сколько «апологет рационального» (ср. с Любичевым). Иначе не действовал бы он в соответствии с этическими императивами или же повинаясь «велению души», вопреки, сплошь и рядом, «разуму», не говоря уж о рассудке. И слава Богу!

«Делай что должно и будь что будет!» — это что, такой уж рационализм?

Для Валеры «иррационализм» едва ли не ругательство... С другой стороны, «человек играющий» в нем мне как-то милее «человека рассуждающего», при всем его рационализме и т. д.

...Представляю, с какой страстью он бы мне сейчас возразил! <...> 18.06.2010

***

Немного о названиях («Колокольчики »)

Факт — «Союз Коммунаров» действительно не существовал. КГБ это красивое название понравилось тоже, но и они сомневались. Были среди нас основательно думающие ребята, работавшие над структурой подпольной группы, но были и шалопаи, и их взяла.

А что же было? Была группа добрых давних друзей, расходящихся во взглядах по принципу: два еврея — три партии, каковой принцип национальной окраски лишен начисто. Это их мало волновало. А волновало их, что в державе-то все прогнило и что они не готовы добровольно задохнуться в этом смраде. А значит надо что-то делать. Как? Ну, прежде всего — «возьмемся за

¹⁵⁸ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 4, с. 234-235. Электронная версия — http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_121-293.pdf.

руки, друзья». И еще — пепел миллионов убиенных стучал в наши уленшпигелевы сердца.

Чистота, простота и — простите — детская наивность наших устремлений и создали в нас и вокруг нас ту удивительную атмосферу теплоты и терпимости. Даже КГБ нам удалось преподнести пару-тройку уроков человечности. Один — извините, что личный — пример: наша с Наташей свадьба в бывшей церкви в Большом Доме, где свидетелем был заключенный Мошков, а гостями были наши друзья — вольняшки и родные. Потом этот беспрецедент стал прецедентом в некоторых подобных случаях. Говорят и говорят, и удивляются, как это мы не рассорились ни в лагерях, ни после. Да это же и ежу ясно. Мы же семья. Всякое в семье бывает, и споры, и раздоры, но желание сохранить ее, эту нашу Большую Семью — которую зовут «Колокольчики» — оно всегда было превыше всего. Кстати, и это название понимается, на мой взгляд, слишком узко. Колокольчики — это не только те, кого выбрало КГБ посадить. Это и те, кто благодаря личной мудрости и помощи друзей избежал тюрьмы. Это наши жены и подруги, наши дети и внуки. Можно сказать, что сегодня по всему миру рассеяны Колокольчики. Для того, чтобы быть и сохраниться семьей, кланом, племенем, нужен патриарх. Я сравниваю Валеру Ронкина с тем, что нам известно из Библии о праотце Аврааме и нахожу, что все преимущества на стороне Валерки. Авраам был напичкан страхами. И был готов на ужасные вещи, чтобы выйти из стресса. Он был готов закрыть глаза на очевидный обман, когда полагал, что так спокойнее. А главное — суров и хмур ликом был старик и, похоже, начисто лишен чувства юмора. То ли дело наш Валерка. Светлый, мудрый, теплый, веселый, стоящий на своем, но не настаивающий. Семья Колокольчиков родилась благодаря ему и Сереженьке Хахаеву, и пока мы дышим, мы всегда будем вместе.

Валерий Смолкин. Июнь 2010.

*Приложение к главам 1-7***Dramatic Sociology and Observer Participation****(1)**¹⁵⁹

Misha Levine

721 Veneto Irvine CA 926

USA 949 502 1851 c.

levinemb@yahoo.com

18 February 2009

Dmitri Medvedev

President of the Russian Federation

Mr. President:

I am writing to you about a public issue which I happen to take very personally. At the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, several researchers have been terminated. One of them is Andrey Nikolaevich Alekseev whom I know very well. This is an act of gross injustice to a man whose work and public service can only inspire admiration and gratitude. Unemployed Alekseev is the kind of luxury Russian sociology cannot afford. The Academy is covering itself with shame.

I first met Alekseev in the early 1980s in Leningrad. I was at the time in charge of the social science rubric of the monthly journal Molodoy Kommunist; I got in touch with Alekseev, Yadov and Shcherbakov to work on a publication on labor relations. To get a better feel of the subject, Alekseev did what no researcher ever had anywhere done, namely, became a full-time blue collar worker for many years. He collected singularly valuable data. It helped, of course, that he was in a position to experience the life first-hand, but no less important was the fact that he knew exactly what he was doing. Quality raw material, however, does not by itself turn into a masterpiece. Alekseev did that. I will never forget the rush of excitement surging through me as I was deciphering that research report. Alekseev is more than professional; he is larger than that. His work combines the pointed thoroughness of the researcher with the elegance of the artist.

The continuation of that journalistic undertaking merits a few lines. My superiors in the journal subjected the essay to a choreographed discussion and turned it down as ideologically unsound. It was, however, published in EKO, the best by far socio-economic journal of the time. It was soon reprinted by the widely read Yunost'; years later I found out it was also reprinted in an American journal¹⁶⁰. A twist like that not only is good for any author's self-esteem but is one of the most reliable signs that the work he does is anything but trivial. That is how Alekseev has always worked and continues to.

¹⁵⁹ Англоязычная версия текста, представленного выше, в томе I настоящей книги (раздел 2.F.17).

¹⁶⁰ See «ЭКО», 1983, № 8; «Юность», 1985, № 11; The Current Digest of the Soviet Press XXXVI (1984) no.9:24-25.

Andrey is an exceptionally gifted, creative and brave individual. In all my life, rich in human experience, rarely have I met people so special. They are not just few but very nearly non-existent. In Soviet sociology, a discipline bordering on underground, there were astonishingly many extraordinary, truly impressive people who pioneered research in their respective areas. Yet, even against a background so bright, the star of Andrey Alekseev has always shed its very own light. It is no accident that such people as Zaslavskaa, Yadov or Shlapentokh, as well as many others, are now raising their voices in his defense.

Alekseev's contribution to sociology is very noticeable. It is well known that the method of observer participation is his own invention. It already belongs to the history of Russian sociology and has every chance to become a part of future sociology — as a recognized method of sociological research in its own right. It should not be mistaken for a minor variation of participant observation. As someone who has used both in his own work, I can testify that though the two share a common ground they differ in research objectives, tools, and, consequently, results. More to the point, the Alekseev method represents a distinctly proactive research approach sharply at odds with the dogma inherited from the 19th century that deemed it impermissible to interfere with the state of a subject under study. He assesses the subject's characteristics as revealed by its response to some stimuli. That is usual for science, but not for the social science. His favorite subjects are persons and organizations that have power and make decisions, from a small-time supervisor to, let say, a cabinet of ministers. Alekseev does not just take part in an established social routine to observe how it works (which would be a participant observation study); he acts as a main character to construct situations and force developments that break the regular course of events. He manages to draw a well documented fluid picture of how, in a struggle of clashing claims and forces, the decisions, rules and policies take shape that impact the lives of people, groups and societies. Alekseev's work gives a new meaning to the notion of experimental sociology. Whatever the orthodox academics might have to say, his approach enables the researcher to study what otherwise would be out of his reach. It is quite unreasonable to question a method that has for decades been successfully employed (chiefly by Alekseev himself) and brought valuable new insights. These, let me repeat, could not have been obtained by other methods. I wish I could tell you the Alekseev method has become the darling of American sociology textbooks. Not yet; I cannot tell you a lie. Does not mean the method will never be used outside of Russia. It's just that there are things they are slow to get.

The scientist, of course, searches for the truth. But, of course, it is not too common for a scientist to stand and battle for what is right. For Andrey Alekseev, the two coincide. On the scale of one to ten, I, among others, would give him full ten. As for Alekseev the citizen, he would get 11. He is a great experimenter who stubbornly tests his inventions on himself; he is, if you will, the conscience of our sociology. His further research, which took on broader and more sensitive issues, had the unintended consequence of making him a subject of research for and overt attention of the KGB. This is a very special form of public recognition. Only chosen few, fortunately, received it in the post-Stalin time. And among those

few, Andrey Alekseev may very well be the only one not of the dissident circle or involved in dissident type activities but deserved that rare honor solely by his work in his field. In my view, Andrey should be proud of it, even though I doubt that he enjoys remembering how they tried to destroy him.

Two decades have since passed and changed the country in some respects beyond recognition. Yet, Alekseev is once again being kicked out. A great man has been dishonorably discharged as inadequate for the position held. What? The very idea of Andrey's adequacy or inadequacy for some position is ludicrous. Smacks of kindergarten. Or Soviet idiocy. It is not any honor for him to hold the position of Leading Researcher. Indeed, to have him must be a great honor for the Institute, as it would be for any assembly, no matter how distinguished. Unbelievable! Learned masses of every shape and caliber are all adequate but this one is not. He must be hopeless; he is assigned to the rank of the very worst and utterly useless. He's so bad — it's impossible to be any worse. Such a bad egg is unworthy of a place on the glorious research team. So, he is expelled like a schoolboy with failing grades and disciplinary problems.

What could it mean, to be inadequate for the job of Leading Researcher? Technicalities aside, I can think of only three scenarios. It could be somebody who has not yet worked long enough to show his worth. Or somebody whose ability to do research is limited. Or someone who hardly works. It occasionally does happen that a researcher has both a good head and a great record but has quit working. Such a case, though, has just as little to do with Alekseev as the other two. He is not capable of staying away from work. His work is his life. For him, free time is the time free for work. It's another matter that his work can cause a good deal of inconvenience for his bosses. Which, no doubt, is the only credible, if sadly primitive, explanation of the whole rotten affair.

I am at a loss for words to express just how bitter, hurt and incensed I feel. Where is it, Mr. President, the new Russia? What they are doing to Alekseev is so painfully familiar it can make you cry. The only aspect lacking from the picture is that of expulsion from the Party, interrogation by the KGB, repeated searches and confiscations.

I am not about to ask you to directly interfere, for I do not believe that sort of interference is good for science, or for the state, for that matter. But I urge you to take a closer look at what transpires in Russian science. If in other disciplines something even remotely comparable is going on, our science is at risk of losing its last brains. Do not overlook the fact that these days a world-class state is not possible without a world-class science.

Nevertheless, I have two suggestions of general nature that could turn out to be of help for Alekseev in particular. Firstly, establish a limited fund for the support of remarkable scholars. By Presidential decree. With no public discussion or popular vote or any other fake democracy rites. For example, call on Tatiana Zaslavskaa or Vladimir Yadov to name two or three sociologists. Include at once whoever they suggest, without ever asking why, and fix them up for life with a decent fellowship.

Second, establish an alternative academy of sciences. The present one has proved it is incapable of self-reform. This is a remnant of the stagnation time. It is easier to replace it than change. Researchers of the new academy should be paid

as much as is necessary to make everybody else wish they worked there too. That, in particular, would greatly increase the number of young people applying to the universities and colleges that educate future researchers. It would not cost a fortune. In science, there is no strength in numbers. Its advance is carried on by relatively few people. You cannot say: Alekseev alone is worth a hundred of mediocre people. You have to say: A hundred mediocre people will never do what Alekseev can do alone. The contribution of the in-name-only researchers to science amounts to nil at best. Even in the order of millions, they will never get anything done, nor are they worth anything in science, although in about any other occupation they could be productive. They could help research too, if they worked as support staff. As things stand now, some of them, of course, in effect do just that. Only they do it neither full-time nor well. And for the most part, they are a negative presence. Sometimes they use indecent tricks on decent researchers to get ahead in their careers. At other times, they conspire to ruin careers of others. At all times, their very presence is a burden; they use up financial and other resources, and their uninspired service makes for a sleepy atmosphere void of fun. The scientific community must not breathe out the vapors of a bog. That by no means helps to attract young talent.

The new academy would need a relatively small number of researchers able to obtain meaningful results, as opposed to eyewash. Additionally, it would need a sufficient number of project assistants, lab techs, equipment operators and other professional, properly trained helping hands.

The old academy should stop hiring. In every other respect, things should stay as they are now. Let her peacefully and unhurriedly die out.

Do not trust some renowned scholars to make it happen. Instead, put in charge an outstanding manager and ruthless reformer, such as Mr. Chubais.

With regards and sincere wishes of accomplishments for the good of Russia and the world,

Misha Levine,
PhD in Sociology, McMaster University,
citizen of the Russian Federation

(2)¹⁶¹

Dramatic Sociology

A social study strategy that is dominant today separates object and subject in an inquiry and proceeds on it as its premise. We suppose to equate to a certain extent subject and object is possible and promising. Thus, a subject's social behaviour serves as a certain 'instrument' and is perceived as a controlled variable in the research. A sociologist, involved in a certain social environment, observes and analyzes consequences of his/her actions in that environment. A brief formula of such research is: cognition through action.

Within the strategy limits, we developed and applied a sociological method, named 'observer participation', as distinct from participant observation. This method

¹⁶¹ Англоязычная версия текста, представленного выше, в томе 1 настоящей книги (раздел 3.N.a.2).

is also different from that of traditional social experiment. It supposes new variables are introduced not from outside or from above, but from inside and from below. Besides, the investigator's intervention into a 'natural' course of events depends on a situation, is sometimes improvising, and does not seek a strict procedure.

The construction of the so-called 'modelling situations' is the distinguishing characteristic of the method. An ordinary situation acquires the value of a social model when the investigator creates a 'thickening' of the research variables.

It needs to be mentioned that not only a social environment but also the investigator's behaviour are the objects to study here. The definition of the limits of an individual behaviour freedom in various situations is of special interest. What is studying is rather how the subject adapts an environment to him/herself («What a person can do with circumstances ?») than how the subject adapts to an environment («What circumstances can do with a person ?»). There is a synthesis of a practice with reflection and a kind of a play («a play» with a social object), within the stated research strategy. The above research method we name dramatic sociology.

This method of observer participation was tried and tested in the 1980s at a Lenin-grad industrial plant in the course of the multi-year research project «Through the eyes of a worker». The experience has been presented in a number of this writer's works, above all in: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая аутореклексия (Alekseev, Andrey N. Dramatic Sociology and the Sociological Self-Reflection), v.1-4, St. Petersburg: Norma, 2003-2005. At a later stage, the method was employed by the author in his studies of the professional scientific community.

It is worth mentioning that this method may have «amateurish» applications as well. These occur in the everyday practice of those whose social behavior incorporates cognitive motivation which is combined with value and pragmatic motivation. Such a «mode of life» helps people to handle challenging situations and be at peace with themselves, to see «how the world works» and contemplate their niche within it.

2000; 2009

(3)

Моего английского заведомо не хватало, чтобы сделать корректную англо-язычную версию аннотации и оглавления к настоящей книге. Помогли друзья. Но все же основные термины я попробовал перевести сам. И неудачно: наблюдающее участие переводится не observing participation, как я предположил, а иначе.

Социолог Михаил Левин, почти 20 лет живущий на Западе, обратил мое внимание на это обстоятельство. По его мнению, следовало перевести: observant или observer participation. Потом он провел специальные консультации. И вот его письмо:

<...> Название твоего метода: observer participation. Это означает ТОЧНО то, что Ты делаешь. Я спросил у американского социолога, с хорошим чувством языка, и он растолковал все нюансы:

«Dear Misha: Oh. I would choose *observer participation*. Why? Observing participation is ambiguous – it could well mean the investigator is watching how others participate. Observant participation imply something fairly informal: that you are keeping something of an eye out while you are participating (observant is not nearly as strong as observer,

where the primary assignment or task is to watch and take note). Observer participation clearly links to the established method of participant observation, but implies a difference, that the observer intends to play a role in the process he or she is observing».

Так что *observant participation* – еще куда ни шло, а *observing* – так просто вводит в заблуждение. <...> 8.12.2009¹⁶².

Разумеется, я всюду исправил: observer participation. (А. Алексеев).

Конец тома 2

Содержание тома 3

«Профессия — социолог»: открывая том 3

Часть 2. Контексты (окончание)

Глава 8. По горячим следам

Папка 1. Из жизни социологического сообщества

Папка 2. Проблемы общественной жизни

Глава 9. Хроника текущих событий (обыск в «Мемориале» и не только)

Папка 1. Атака на «Мемориал» (2008–2009)

Папка 2. Из ленты новостей — 2009

Глава 10. ...не последняя?

Приложение к частям 1 и 2. «Профессия — социолог» глазами коллег и друзей, в процессе написания книги

Послесловие

---

¹⁶² «...Я бы остановился на *observer participation*. Почему? *Observing participation* не отличается определенностью — вполне может означать, что исследователь наблюдает, как другие участвуют. *Observant participation* может подразумевать нечто довольно неформальное: что ты как бы посматриваешь в то время как участвуешь (*observant* несет далеко не такую сильную нагрузку, как *observer*, где подчеркивается задача наблюдать и делать заметки). *Observer participation* недвусмысленно указывает на связь с известным методом *participant observation*, но подразумевает и различие — в том, что наблюдатель намерен играть роль в процессе, который наблюдает». (Перевод М. Левина).

Я спросил и М. Л. ответил:

«...Полное имя «консультанта» — Charles Leinenweber, Sociology Professor at the University of California, Irvine. Он еще и драматург, его пьесы идут или шли в театрах...». (9.12.2009). (Примечание А. Алексеева).

Научно-публицистическое издание

А. Н. Алексеев
Р. И. Ленчовский

ПРОФЕССИЯ – СОЦИОЛОГ

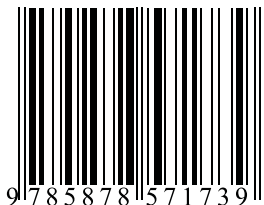
(Из опыта драматической социологии:
события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только)

Документы, наблюдения, рефлексии

Том 2

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Технический редактор – Фофанова Н.М.
Корректор – Калинина Н.Н.
Художник – Куршева Ю.Н.
Компьютерная верстка – Павлова А.Ю.

ISBN 978-5-87857-173-9

Сдано в набор 09.09.2009. Подписано в печать 10.10.2010.
Формат 60X90/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonC. Усл.п.л. 35,5. Тираж 400 экз. Заказ №

Издательство «Норма»
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 14/25, оф. 430
E-mail: nor@peterlink.ru
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательство и типография ордена Красного Знамени
газеты ЛенВО «На страже Родины».
191055, Санкт-Петербург, Дворцовая пл., д. 10.